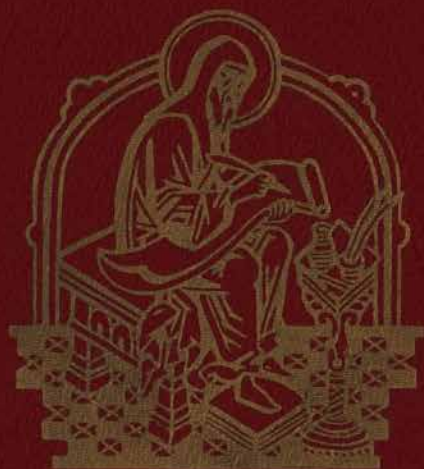

Записки
отдела
рукописей

50

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

*Записки
отдела
рукописей*

Выпуск 50

Москва
Издательство Российской Государственной Библиотека
1995

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Филиппов И. С. (председатель), Бородин О. Р. (зам. председателя),
Лосев В. И. (ответственный секретарь), Левочкин И. В., Медовиче-
ва Т. А., Молчанов В. Ф., Щапов Я. Н.

Ответственные редакторы выпуска:
Лосев В. И., Волков В. А.

1-й выпуск «Записок отдела рукописей» вышел из печати в 1938 г. Составители видели задачу этого издания в том (как они указали в предисловии на с. 4), «чтобы «Записки» могли стать необходимым пособием в творческой и исследовательской работе в интересах расцветающей социалистической культуры» писателей, историков, литературоведов. В раскрытии богатейшего рукописного фонда библиотеки составители видели ее престиж: «Ее значение в культурной жизни страны далеко выходит за пределы только библиотечного учреждения».

В основном эти задачи не изменились и поныне. Относительно регулярно «Записки» выходят 50 лет (только в связи с военным временем в их выходе был значительный перерыв с 1942 по 1949 г.).

50 выпусков «Записок» вместили огромную информацию о составе такого уникального собрания памятников отечественной и мировой культуры как рукописный фонд Российской государственной библиотеки, складывавшийся на протяжении 135 лет.

В результате впервые опубликованные редкие древние тексты, а также рукописи писателей-классиков, декабристов, революционных демократов, ученых и др. стали ценными источниками для изучения отечественной истории всех времен, общественно-политической жизни, науки и культуры. Публикации были подготовлены как сотрудниками отдела, так и крупными специалистами страны.

Принятая в 1-ом выпуске структура почти не претерпела изменений за 55 лет: это и публикации неизвестных документов, и обзоры целых архивов или тематических комплексов документов, краткие заметки и сообщения как о целых фондах, так и об отдельных рукописях. Непременной с первых выпусков стала информация о новых приобретениях в рукописный фонд.

Следует отметить, что первые десять выпусков в рамках принятой структуры были тематическими, и раздел «Из неопубликованных материалов» посвящался целиком, например, классикам русской литературы А. С. Пушкину, Л. Н. Толстому, Н. В. Гоголю, А. П. Чехову (вып. 1), Д. А. Милютину (вып. 2), декабристам (вып. 3), Л. Н. Толстому (вып. 4), Т. Г. Шевченко (вып. 5), Н. А. Некрасову, Н. Г. Чернышевскому, М. Е. Салтыкову-Щедрину (вып. 6), Французской революции 1789—1794 гг. (вып. 7), А. П. Чехову (вып. 8), Н. А. Некрасову и Д. И. Писареву (вып. 9), Крестьянской реформе 1861 г. (вып. 10).

В последующих «Записках» только один выпуск 22 (1960) был посвящен полностью одной теме: художественному оформлению рукописей (миниатюрам, орнаменту, гравюрам и переплету) в собраниях Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии.

Если в довоенных «Записках» каждый выпуск открывался публикациями неизвестных документов, то, начиная с выпуска 11 (1950) по настоящее время на первом месте помещаются статьи и обзоры, посвященные как рукописным книгам, так и архивным документам. Надо отметить, что в первых десяти выпусках приоритет в информации был отдан архивным документам, и рукописная книга заняла прочное место только начиная с выпуска № 11. Следует выделить и такую специфику в исследованиях рукописной книги, как методологически новое изучение древнерусских сборников в целом (см. вып. 25, 33).

С 1960—1970 гг. произошло расширение традиционной структуры за счет публикации в «Записках» Каталога русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв (вып. 25, 27, 30), нескольких ра-

бот по филигранологии (вып. 20, 26), методики работы над «Иллюстрированным каталогом иллюминированных рукописей в собраниях ГБЛ» (вып. 37). В последних вышедших выпусках (45, 46) введена в структуру новая рубрика «Заметки археографа».

Настоящий, 50-й выпуск «Записок отдела рукописей» открывается работой Т. М. Макагоновой «Дни и труды М. О. Гершензона» — хронологическим повествованием о жизни известного общественного деятеля, поэта и публициста, редактора и переводчика, архивиста и источниковеда, собирателя рукописей. Повествование построено на основе материалов его личного архива. Оно представляет тематический обзор рукописей М. О. Гершензона.

В статье В. В. Калугина «Отношение к книге в древней Руси» проанализировано псковское рукописное наследие XIV в., достаточно полно отразившее богатейшую народную культуру того времени.

Весьма насыщенным оказался раздел публикаций. Открывается он публикацией редкого списка знаменитого пушкинского стихотворения «Послание к цензору», датируемого 1831 годом. Список восходит к недошедшему до нас автографу и имеет другое заглавие — «К цензору». Содержит более 50 разночтений с опубликованным вариантом.

Не менее редким является публикуемый список поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». Список восходит к последним, наиболее авторитетным редакциям «Демона» и имеет десятки существенных разночтений с опубликованными вариантами.

Большой интерес вызовут у исследователей русской истории и литературы XIX века письма Константина Сергеевича Аксакова к князю В. А. Черкасскому по вопросу об освобождении крестьян от крепостного права, воспоминания военного министра России Д. А. Милютина о секретном совещании 1873 г., рассмотревшем вопрос о военных реформах в стране. Немаловажное значение для изучения взглядов И. А. Гончарова на издание его трудов за рубежом имеет публикуемое его письмо к издателю А. Гинцбургу (от 12 янв. 1887 г.).

Публикуется (в двух выпусках «Записок») обширный корпус писем А. А. Фета к графу А. В. Олсуфьеву, проливающих свет на их титаническую работу по переводу на русский язык латинских классиков.

О горькой странице в русской литературе поведает стихотворение Веры Звягинцевой «На смерть Есенина», написанное под свежим впечатлением трагической гибели С. А. Есенина.

Весьма важной работой, включенной в данный выпуск, является аннотированный указатель документов из истории русско-болгарских культурных связей в 1830—1870-х гг., подготовленный Т. П. Быковой и Т. А. Медовичевой. В указатель включено 368 описаний, отражающих содержание свыше 500 документов различной тематической направленности на русском, болгарском, сербском и греческом языках.

Небольшая археографическая заметка Т. М. Макагоновой содержит попытку контекстуального постижения бунинских читательских помет. Глубина этих лаконичных, но психологически выразительных помет И. А. Бунина на полях и в тексте берлинского издания сочинений А. С. Пушкина, поражает органической спаянностью раздумий двух художников о судьбах России.

Оригинальная информация о месяцесловах Остромирова Евангелия и Охридского Апостола содержится в сообщении О. В. Лосевой.

Сведения о рукописных материалах, поступивших в отдел в 1986 году, содержится в разделе «Новые поступления». Сведения о рукописях, принятых в отдел в 1987—1994 гг., будут опубликованы в ближайших выпусках «Записок отдела рукописей».

Т. М. Макагонова

Дни и труды М. О. Гершензона. (По материалам архива)

История — слово греческое, обозначает деяние; она учит добро творить и зла остерегаться.

Из записной книжки М. О. Гершензона

«В биографии современного деятеля часто нечего сказать о его семье», — удивленно заключил М. О. Гершензон, приступая к изложению биографий славянофилов и видя спаянность их судеб с глубинами русской жизни. Достаточно скудны и поверхностны и сведения о семье самого М. О. Гершензона. Его отец русский подданный Осип (Пинхас) Львович Гершензон был мещанином Литтинского у. местечка Яновы Подольской губ. Как сказано в свидетельстве об окончании Винницкого казенного еврейского училища 1-го разряда, за годы учебы Гершензон-отец «оказал успехи в русском чтении и правописании очень хорошие» (ф. 746, 13.37)¹. Женившись не по любви, а по давним обязательствам родителей на Гитле Яковлевне (Янкелевне) Цыснгой, он не смог создать счастливой семьи (брачное обязательство О. Л. Гершензона помечено датой рождения невесты; 13.38).

Михаил Осипович Гершензон родился 1 июля 1869 г. в Кишиневе Бессарабской губ. Он был младше своего брата Абрама на один год (метрические копии свидетельства о рождении заверены печатью и подписями раввина и городского 1896 г., 20 дек. и 1899 г., 12 июля; 13.43). Воспитанием детей полностью занималась мать. На нее со временем было переложено и бремя забот главы семьи. В их собственном доме по Никольской улице О. Л. Гершензон держал на комиссии земледельческие орудия. Уже в 1872 г. он был причислен в купцы 2-й гильдии Кишиневского у. (Дело № 1211 от 1872 г., писарское; 13.39). Вскоре семья обзавелась магазином с бакалейными и другими товарами. Но правом заведования им О. Л. Гершензон постоянно тяготился, передоверяя его своей жене (в архиве сохранились 5 нотариально заверенных доверенностей за 1886—1890-е гг.; 13.40).

Полная напряженного драматизма обстановка в семье должна была определить симпатии детей. Гершензон видел отца постоянно раздраженным и замкнутым, неизменно замечал в нем черты желчности. Идеалом Михаила и его старшего брата была мать. Тихая, рассудительная, безропотная, созданная для семейного уюта, она вся была в интересах сыновей. Гитля Яковлевна прожила долгою, в сравнении со своим мужем, и нелегкую жизнь, о которой можно узнать из дошедших до нас ее писем к Михаилу Осиповичу. Написанные простым разговорным языком, письма матери, окрашенные сочувствием или антипатией, многое объясняют и в характере ее сына. Становится ясным и то, что внешняя жизнь этой мужественной женщины была сведена к минимуму, а внутренняя — полна глубоких переживаний.

¹ Далее номер фонда М. О. Гершензона указываться не будет.

О несомненно благотворном влиянии матери на становление характера Михаила Осиповича признавался он сам в письме к брату от 7 янв. 1907 г.: «Такой честности натуры, в смысле полного неумения притворяться, быть неискренней, такого нечувствования чужого глаза на себе и, наконец, такого бескорыстия (самой ничего не надо) не встретишь каждый день. Я думаю, что нашей честной натурой мы обязаны ее честности, той строгой атмосфере непритворства, которую она, сама того не зная, создала вокруг нас» (20. 5, л. 4 об.).

Та уединенная жизнь, на которую была обречена эта гордая женщина, пытавшаяся скрыть от других свои страдания, причиняемые постоянным мрачным молчанием мужа, глубоко запала в сердца детей. Именно так пришла их любовь к матери, может быть, невольно заслонившая от них душевный мир отца. Неспособный к торговым делам, он рвался уйти от жалкого прозябания в лавке и торговли сельскохозяйственным инвентарем. Не имея специального образования, он тем не менее хотел заняться службой, пытался взять на себя обязанности помощника присяжного поверенного. Известны его такие взаимоотношения в Кишиневе с европейски образованным адвокатом Б. С. Гольденвейзером, отцом Марии Борисовны Гольденвейзер, ставшей впоследствии женой Михаила Осиповича. В архиве сохранились материалы дела о взыскании с графа В. П. Лубенского долговых сумм для предъявления иска частному поверенному Я. А. Эппельбауму (1889, 1891; 4 документа; 13.42), которые были подготовлены к производству О. Л. Гершензоном совместно с К. О. Крашевским. Однако ходатайства по частным делам носили эпизодический характер и не могли заглушить страстную тоску по идеалу, который он так упорно тайл от близких.

Захваченный волной еврейской колонизации, О. Л. Гершензон в 1894 г. втайне от семьи отправился на поиски земли обетованной. Тщетно разыскивали его жена и дети. Лишь спустя время пришло его покаянное письмо из Буэнос-Айреса. Там он купил клочок земли и, подобно библейскому домовитому человеку, попытался насадить на ней виноградник. Но предприятие это уже через год обнаружило свою несостоятельность и вынудило его за бесценок продать землю, тая от других горечь неудачи. К тому же ностальгия по родным местам оказалась столь острой, что он решил возвратиться, но в дороге неожиданно заболел и скончался сразу по прибытии в Геную. Об этом семья была уведомлена русским консулом в Генуе. В архиве сохранилось письмо М. О. Гершензона генуэзскому адвокату Жерому де Феррари: «5 апреля 1896 года,— сказано в нем — скончался в Генуе наш отец, русский подданный Пинхас-Иосиф Гершензон (прописанный в испанской форме — Higenson), как явствует из Вашего извещения за № 193 от 11/23 сентября 1896 года. Наследниками его являемся мы, сыновья покойного. Ни итальянское консульство в Одессе, ни здешний агент нашего Министерства иностранных дел, к которым мы обращались за справками, не могли дать нам никаких точных указаний относительно способа, которым мы могли бы получить оставшееся после отца имущество» (26.44). Гершензон надеялся на то, что в бумагах отца сохранился заграничный паспорт, полученный в Одессе и удостоверяющий принадлежность его к русским подданным. Однако ни переписка, ни поездка М. О. Гершензона в Геную не помогли ему обнаружить «следов» отца.

Утрата отца потрясла своей неожиданностью. И только тогда пришло к Михаилу Осиповичу понимание ищущей романтической натуры отца, которую унаследовали его сыновья.

Семейная обстановка во многом способствовала пробуждению ума и совести Гершензона. А между тем о первых впечатлениях, первых проявлениях личности, первых симпатиях и антипатиях, имевших решительное влияние на его характер, не счит нужным сообщить ни один из многочисленных биографов его². К сожалению, ничего не известно и о рано начавшихся внесемейных общениях Гершензона. Пятилетний ребенок сразу столкнулся с суровостью воспитательной системы в хедере, частном еврейском заведении, куда его отдали родители. В 1877 г. мальчик поступил в 1-й подготовительный класс Кишиневской прогимназии. В архиве сохранились похвальные листы преуспевающему гимназисту, выданные М. О. Гершензону Кишиневской прогимназией в 1878, 1879 и 1881 гг. (3 документа; 13.41). По окончании прогимназии Гершензон в 1883 г. перешел в 5-й класс гимназии и закончил ее в 1887 г. с медалью. Пребывание в ней стало для Михаила временем усиленного чтения и страстного увлечения литературой, которое подогревалось рассказами его слепого деда по материнской линии, делившегося с внуком воспоминаниями своих отроческих лет. Из них особенно запомнились мальчику рассказы о ссыльном поэте Пушкине.

В течение 1887—1888 г. Гершензон учился на отделении строительного-инженерного искусства в Берлинской Королевской высшей технической школе (Koniglichen Technischen Hochschule zu Berlin). В архиве имеется матрикул, заверенный Российским консулом в Берлине 26 нояб. 1887 г. (13.46). Ближайшим человеком становится для Михаила Осиповича его брат, обучающийся в это время медицине в Вене. 7 сент. 1889 г. Гершензон обращается к нему: «Ты теперь — окно, через которое я смотрю на людей и слушаю... Ты да книга» (17.22). Но не только чтение входит в мир Гершензона. Как видно из этого же письма, он живо интересуется живописью, театром, давая нелицеприятные оценки игре Гаазе в постановке «Венецианского купца» Шекспира и восторгаясь недюжинностью таланта знаменитого американского трагика Ирвинга. В строгой степенности лица Ирвинга чудится Гершензону «пергаментность выражения», та непроницаемость во внутренний мир, которую замечал он и в лицах историка Рима Моммзена, философа Целлера, историка Трейчке и других ученых, чьи лекции он посещал в Берлине. Под влиянием берлинских ученых определяется интерес Михаила к истории и зреет решение попытаться счастье поступить на историко-филологический факультет Московского университета.

Летом 1889 г., уезжая на каникулы домой, Гершензон забирает свои документы из Берлинской технической школы и отправляет их в Москву. Несмотря на то, что надежды на зачисление в университет у него были очень шаткие, несмотря на осуждение со стороны отца, противившегося выбору сына, Гершензон в обстановке острых семей-

² Горнфельд А. М. О. Гершензон // Евр. энцикл. Спб., 1908. Т. 6; Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 15; Владиславлев И. Русские писатели: Опыт библиогр. пособия по рус. лит. XIX—XX ст. 4-е изд. М., 1924; Пиксанов Н. К. Два века русской литературы. М., 1924; Гроссман Л. П. М. О. Гершензон // Искусство трудящимся. 1925. № 14; Белый А. М. О. Гершензон // Россия. 1925. № 5; Лидин Вл. М. О. Гершензон // Россия. 1925. № 5 (14); Бюллетени ГАХН. 1926. № 415; Берман Я. З. М. О. Гершензон: Биб-

лиогр. Одесса, 1928; Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Л., 1939. Т. 14; Коротков Ю. Н. М. О. Гершензон // БСЭ. М., 1971. Т. 6; Карякин Ю. Философская энциклопедия. М., 1960. Т. 1; Историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4; Герцык Е. К. Воспоминания. Париж, 1973; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энцикл. М., 1987; Котрелев Н. В., Пашевский Е. Б. Русские писатели. 1900—1917: Библиогр. слов. М., 1989.

ных неурядиц ожидал решения своей судьбы. Из тягостных ощущений этих дней складывались полные полусвета его строки:

Холодно, и пасмурно, и скучно...

Серой тучей небо облегло...

9 сент. 1889 г. (13.1).

Из этого состояния Гершензона вывело полученное из канцелярии Московского университета уведомление о зачислении в студенты, датированное 21 сент. 1889 г. В нем кратко сообщалось: «Вследствие разрешения г. министра народного просвещения принять Вас сверх установленной для евреев нормы в число студентов Московского университета» (42.34).

Москва открывалась перед Гершензоном своими трудностями и проблемами, первыми из которых были поиски углов за доступную студенту плату, снимаемых, как правило, лишь на учебный семестр. Калейдоскоп адресов, мелькающих на конвертах и почтовых открытках Гершензона, раскрывает места его обитания студенческих лет. Постоянные заботы о хлебе насущном вводят его в загородные и московские дома Минстера, А. И. Гучкова, Умова, где он вынужден репетиторствовать, ибо за послушание отец отказал ему в материальной поддержке. Но помехи обыденного не сломили студента. Его стремления соответствовали ритму интенсивной духовной жизни лучшей части русской интеллигенции. Интеллектуальная Москва, заседающая в университетских собраниях и ученых обществах, Москва, хранящая историко-культурные ценности, вела его от библиотеки университета в Румянцевский музей, из Синаодальной библиотеки в дома, еще полные обаяния прошлых времен, дома Щепкиных, Сперанских, Маклаковых...

В состоянии, близком к эйфории, Гершензон принимает то, что дает ему университет. 7 окт. 1889 г. он пишет: «По истории у нас читают самые знаменитые профессора, какие только имеются в России. Иные лекции для меня настоящие праздники...» (17.22, л. 4). Проникая в суть их, Михаил ищет и находит в Москве яркие и красноречивые архитектурные памятники — церкви, дворцы и другие строения, памятью народа одушевленные. Желание познать историю ведет его в Третьяковскую галерею, где возникают естественные сравнения и аналогии с виденным в галереях Германии. И предпочтение невольно отдается «этим» картинам, «как взятым из русской жизни» и имеющим для него «несравненно большую прелесть» (17.22, л. 13 об.). Привлекают Гершензона и картины, написанные на библейские сюжеты, в частности, полотна одного из лучших русских художников Н. Ге, последователя и близкого друга Л. Н. Толстого. Заинтересовал Михаила Осиповича и рассказ художника «Майорка», опубликованный в фельетонах «Русских ведомостей» (17.24, л. 34).

На 1-м курсе Михаил был увлечен студиями проф. В. И. Герье. В рамках семинара по римской истории он представил реферат «Каких земель касались аграрные законы в Риме», написанный в развитие идей Азаревича из работы «Патриции и плебеи». Изменение аграрного законодательства в Риме Гершензон рассматривает в связи с историей взаимных отношений патрициев и плебеев (2.4). Вслед за этим он приступил к изучению взглядов М. М. Стасюлевича о св. Бернарде, изложенным им в журнале «Москвитянин» еще в 1853 г. Работа с письмами Бернарда Клервельского, писанными средневековой латынью, была напряженной. Обличительная деятельность его

освещается Гершензоном в сравнении с деятельностью ветхозаветных пророков (17.25, л. 35 об.). В архиве сохранились и конспекты лекций и тезисы статей В. И. Герье, и учебные записи по латыни и итальянскому языку, предметам, занимавшим Гершензона еще в гимназическую пору (11.41; 45).

В студенческие годы Гершензона интересовали вопросы, связанные с историей Англии. Об этом свидетельствуют конспекты по истории Англии (11.43), «Истории завоевания Англии норманнами» О. Тьерри (12.19), «Очерки истории Великой революции в Англии» В. И. Герье (12.13). Проникновение в глубь истории поглощает Гершензона. Кроме рекомендованных исследований Гизо, он изучает «Историю Англии» Маколея, «Историю Англии в XVII веке» Ранке, «Историю реформации» Гейссера. Всеобщая история раскрывается перед ним в изложении Токвиля, Вебера, Тьерри, Маколея, Карлейля и других представителей высших достижений буржуазной исторической науки XIX в. О желании Михаила понять ход английской революции говорят учебные записи по английскому языку и литературе (11.44), фрагменты предисловий к рефератам «Борьба Долгого парламента с армией» (2.2), «Борьба Карла I с парламентом» (2.3), план-конспект сочинения «Личность Карла I и его отношение к главному вопросу о его времени» (11.22), где излагалась преимущественно концепция Ранке и Гизо на причины столкновения королевской власти с парламентом (2, 3, л. 1 об.).

Главным в студенческих рукописях Гершензона представляется не столько глубина и разносторонность знаний, которыми обладали воспитанники университета, сколько привносимое им в историческое сочинение ощущение современной жизни. «Я не умею сказать <...> какое впечатление произвела Декларация прав на своих первых читателей, на французское общество [18] 89-го года. Тогда все были проникнуты сознанием близкой перемены в судьбах не только Франции, но и всей Европы, всего человечества», — пишет он в сочинении о «Декларации прав человека и гражданина» по Архиву парламента (2.1; В архиве сохранились и конспекты Декларации прав человека и гражданина; 12.28). Спустя 100 лет после Французской революции Гершензон размышляет о тех далеких днях, когда ее достижения воспринимались как манифест о свободе и равенстве для всех людей и наполняли их сердца восторгом и гордостью за свое Отечество. Исследует Гершензон Декларацию и как исторический документ: подвергает анализу и стремится определить ее внутренние достоинства. И горькое чувство неудовлетворенности и разочарования охватывает его от оскорбляющего слух «сухого языка закона», излагающего права человека о свободах, равенстве и братстве. Прекрасно понимая, что обезличенность Декларации обусловлена нормативностью юридического документа, ставшего итогом коллективного труда, Гершензон протестует против выхолащивания сути жесткой регламентацией в изложении. По его мнению, авторы Декларации, усвоив теорию Руссо о том, что закон есть выражение общей воли, принесли личную волю в жертву общей, не смогли согласовать вопрос о личной свободе с долгом повиновения закону, не устранили противоречие в своей системе, а заменили его софизмом.

Излагаемые здесь положения студенческих сочинений Гершензона — необходимый элемент его духовного становления, поисков путей самосовершенствования и совершенствования общественного устройства. Не случайно в сочинении, которое создается в период активизации сту-

денческого движения Москвы, он замечает о несовершенстве Декларации, которая «ничего не говорит о праве сходок» (2.1, л. 6). В то же время, по мнению Гершензона, Мирабо и другие деятели французской революции, осуждая низвергаемые ими институты, обязаны были предусмотреть и исключить превращение Декларации в «воззвание к разрушению всего существующего порядка, в призыв к анархии» (2.1, л. 6 об.). Гершензон ставит в сочинении вопрос об ответственности законодателей, чьи действия должны согласовываться с «направлением века, в котором они жили», и духом декларируемых установлений. Интересно наблюдение Гершензона о том, что на пути к правовому государству Франция своей Декларацией по сути лишь законодательно закрепила многие идеи, высказанные в произведениях великих мыслителей первой половины XVIII в., перенеся их во французское общество последних десятилетий.

Независимости суждений, умению «снимать с ходу все отвлеченные понятия» Гершензон учился на лекциях и по монографиям известного психолога и логика проф. М. М. Троицкого. Он любовался работой мысли этого старика, который был подобен опытному каменщику умением «прочно, быстро и чисто» строить свою аргументацию. Над его «Наукой о духе» Михаил просиживал днями в Румянцевском музее. Лекции этого профессора-«реалиста» не были обязательны для студента-историка. Но, прослушав несколько лекций профессора-«метафизика» Н. Я. Грота, Гершензон останавливает свой выбор на первом, и работает над предложенной им темой сочинения: «Смысл современного отрицания метафизики у многих европейских ученых». Лекции Н. И. Стороженко, А. Н. Веселовского Гершензон посещает неуказательно. А лекции молодого блистательного П. Н. Милюкова о реформах Петра I привлекают его новизной, живостью изложения и источниковедческой основательностью (в архиве сохранилась лишь программа курса по истории России с петровских времен; 11.35). Увлекает Гершензона и лекционный курс М. С. Карелина, «блещущий жизнью, движением, остроумием» (конспекты курса «Восток», 11.33; программа курса истории средних веков, 11.34).

С января 1891 г. Гершензон приступает к изучению трудов В. О. Ключевского. «Читаю, вернее, учу „Боярскую думу“ В. О. Ключевского. Каждую главу читаю 2, даже 3 раза и делаю обширные выписки <...> работа — наслаждение» (11.39, л. 5). Записки по русской историографии, составленные по лекциям проф. В. О. Ключевского (12.8; 14) — не простое свидетельство студенческих штудий Гершензона, а целая школа постижения мудрого обращения с источником. Рассказывая о подъеме Посольского Приказа Григория Карповиче Котошихине, Ключевский описывал историю обнаружения в Швеции его сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича» профессором Гельсингфорского университета Соловьевым. Оригинал сочинения Котошихина — одного из основных источников по истории внутреннего быта московского государства XVII в. — был найден в Упсальском университете. Значение, или «центр тяжести его», говоря словами Ключевского, заключался в «описании центральной московской администрации. Здесь он незаменим. Его главы <...> о служилых людях <...> о царских дворах и приказах, останутся навсегда драгоценными документами в истории нашего государственного строя» (12.8). В картинах московской жизни и описаниях приказного управления, выпукло и отчетливо запечатленных в сочинении Котошихина, проф. В. О. Ключев-

ский обращал внимание на идею автора о ходе дел в государстве, зависимость от того, «что порядок существовал не для людей, а люди для порядка, и цена личности была очень низка. Не видно, кто как живет, а кто как служит» (12.8, л. 34 об.).

В архиве сохранился фрагмент сочинения М. О. Гершензона «Как великие князья московские собирали Русскую землю» (2.13) и сочинение, выполненное им под началом В. О. Ключевского «О России в царствование Алексея Михайловича» (2.10), в котором зависимость положений ученика от учителя обнаруживается без труда, и предстает как дань уважения к нему, не исключающая развитие его идей и дальнейший розыск материалов о бытовании рукописи. «Эту рукопись,— пишет М. О. Гершензон,— <...> имел в руках Ал. Ив. Тургенев. Сочинение Котошихина было впервые издано Археографической комиссией в 1840 г. под заглавием „О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина“. Оно было издано потом еще два раза: в 1859 и 1884 гг.» (2.10). Гершензон обнаруживает в тоне автора его предвзятость, соответствующую цели — осуждению господствующего порядка. Котошихин-сочинитель противостоит в сочинении Гершензона Котошихину-чиновнику. «Должно быть очень прост был порядок управления, если его мог понять такой невыдающийся чиновник; и очень строг был он, если его знал так отчетливо чиновник, ворочавший самый ничтожный рычажок в этом управлении» (2.10, л. 15 об.).

На лекциях Ключевского Гершензон впервые услышал об основателе новой школы исторической критики Михаэлисе, который читал еврейские древности в Геттингенском университете, о его знаменитом ученике, Шлецере, не способном выйти из-под влияния авторитета (12.14), о методологических изъянах школы Михаэлиса, сказавшихся на работе Шлецера над списками «Повести временных лет». По мысли Ключевского, Шлецер не уяснил своеобразия летописного свода Нестора, если судить по результатам издания летописи Археографической Комиссией. Чтобы обнаружить древнейший «начальный свод», Ключевский рекомендовал «выбрать надежный, то есть самый древний список, а из остальных выбирать только варианты» (12.15, л. 61). Сводное издание предполагало сравнение текстов, восстановление пропусков, устранение искажений. Именно эта работа по очищению свода Нестора и должна быть предшествовать «высшей критике».

Школа критики источников, которую проходил Гершензон в Московском университете, дает ключ к пониманию и оценке его судьбы, к тому, что определило его решение посвятить себя истории. Была ли эта работа о греческих биографиях Плутарха, подготовленная на соискание медали в 1893 г.? Или работа об источниках Политии Аристотеля, сохранившаяся в архиве? А может быть, сочинение «Гипотеза Нибура о римском народном эпосе» (относительно источников для древнейшей истории Рима по Нибуру, Шwegлеру и др.)? Кто знает. Но уроки этих ученых в подходе к историческим данным и постижении их в сопоставлении с другими данными не прошли бесследно. Так, навсегда было воспринято нибуровское сравнение деятельности историка и художника-реставратора: «...художник реставрирует пострадавшую от времени картину... историк должен по одному оставшемуся отрывку восстановить полную картину» (12.18).

Величественная галерея русских ученых, чьи труды освещали ход русской истории, раскрывалась перед М. О. Гершензоном на лекцион-

ных курсах и в углубленных самостоятельных штудиях. Здесь наряду с кн. М. М. Щербатовым, Н. И. Новиковым, И. Н. Болтиным, Н. Н. Поповским, А. А. Барсовым, Т. Н. Грановским, Н. И. Костомаровым, Н. В. Станкевичем, Б. Н. Чичериным, Н. И. Кареевым вырисовывался перед ним и неординарный облик А. И. Мусина-Пушкина, церемониймейстера при дворе Екатерины II, затем обер-прокурора Синода и президента Академии художеств. К этому собирателю письменных памятников отечественной старины, чьи усилия «антиквария-публициста» по выявлению «почтенных обычаев и нравов» России носили нравственно-патриотический характер, и обращается Гершензон вслед за патетическим словом В. О. Ключевского. Образ легендарного мужа Отечества, мастерски очерченный Ключевским 20 февр. 1892 г., имел для Гершензона огромную назидательную силу. В его память врезался неутомимый Мусин-Пушкин, благодаря страданиям которого императрица издала в августе 1791 г. Указ об извлечении из монастырских архивов старинных документов. Многие из русских памятников были изданы, а Лаврентьевская летопись, восходящая к концу XIII в., была преподнесена Мусиным-Пушкиным государю. Государев урок — передача рукописи в Императорскую публичную библиотеку, где она должна была храниться и исследоваться, — обрел для Гершензона какой-то высший смысл и в дальнейшем определил его почтительное отношение к рукописному источнику.

С образцами детального восстановления средневековой истории знакомился Гершензон на лекциях проф. М. С. Карелина по курсу «Истории семиотического Востока», которые блистали жизнью, движением, остроумием. Метод исторического реконструирования, с которым Гершензон сталкивался на лекциях лучших профессоров университета, невольно экстраполировался и на его восприятие. Это подтверждает запись от 10 окт. 1889 г. о посещении Третьяковской галереи, сделанная под впечатлением репинского Ивана Грозного: «Ужас, который вызывает вид этой крови, бьющей между пальцев, невозможно передать. Грозный как будто в одну минуту опустился, сгорбил; взор его бесцветных глаз бессмыслен. Мгновение потрясающее, молчание глубокое, от обеих фигур веет безмолвием. А за минуту этот старик был страшен, яростно стучал он по полу костью, и глаза его метали молнии. Художник как будто хотел нам дать понятие об этой предшествующей минуте» (16.29). В воссоздании психологической напряженности событий, предшествующих запечатленному на полотне, и содержится потребность историка в полноте картины.

В университетские годы Гершензон встречается со своим гимназическим товарищем А. И. Леви, чья искренность и разносторонняя помощь способствовали вхождению Михаила Осиповича в новый мир. Здесь происходит сближение его с двоюродными братьями, А. В. и В. В. Громбахами, даровитым филологом и известным психиатром. Среди сокурсников Гершензона — общительный, яркий, впечатлительный, органично связанный с современной культурной жизнью Москвы и щедрый в рассказах о новостях этой жизни В. А. Маклаков, впоследствии известный общественный деятель, член II, III, IV Государственной Думы. Одержимость Гершензона и Маклакова наукой по заслугам была оценена кафедрой П. Г. Виноградова, признавшей их студенческие сочинения лучшими и достойными публикации в издательстве университета.

Дружба с сокурсником и земляком Н. Б. Гольденвейзером раскры-

вадет перед Михаилом Осиповичем двери в дом преуспевающего при- сяжного поверенного и публициста, коллежского секретаря Б. С. Гольденвейзера и его жены В. П. Гольденвейзер (урожд. Щекотихиной). Совместно с Н. Б. Гольденвейзером Гершензон составляет программу раннего гуманизма для Комиссии по организации домашнего чтения, которая была расценена как образцовая и открыла перед Гершензо- ном путь к избранию в члены Комиссии. Дружба с человеком, к кото- рому обращены многие стихотворные послания Гершензона, дает ему знания о быте, интересах, занятиях семьи Гольденвейзеров. Глава се- мейства и его дочери — Татьяна и Мария — становятся в эту пору ак- тивными сотрудниками «Московского листка». Сын Александр, буду- щая известность, только начинает заявлять о себе исполнительскими концертами у Льва Толстого, куда рекомендовала его певица Климен- това. В домашней обстановке Гольденвейзеров, нередко под звуки чу- десной игры Александра Борисовича, Гершензон размышляет о гармо- нии и цельности человеческого существования. На этом фоне многие другие знакомые Гершензона воспринимаются им как «мещане интел- лигенции», в чьей жизни нет изящества и тонкости, а в мыслях — ори- гинальности и эксцентричности. Ощущая себя писателем, и не просто писателем, а «честным писателем», не знающим компромиссов, Гершен- зон тяготится будничностью существования. Но его мечты об «идеале в науке или жизни» носят столь неопределенное очертание, что он с рав- ной отдачей переводит Ю. Белоха, Бентама, Юма. Уверенность в соб- ственных силах, растущая от первых похвал и дружеских замечаний, расширяет ареол его действия. Он пишет статьи для нового энциклопе- дического словаря братьев Гранат, помещает исследовательские статьи в «Филологическом обозрении», статьи и рецензии в «Русской мысли», пишет об истории ислама, излагает автобиографию Тамерла- на, переводит книги еврейских авторов, которые издает Общество рас- пространения просвещения между евреями. В желании подчинить свою жизнь чему-то неподверженному случайному разрушению, Гершензон сходится с Н. В. Сперанским и братьями М. В. и С. В. Сабашниковыми. С ними он обсуждает прочитанное, с ними делится театральными впе- чатлениями.

6 окт. 1894 г. он был взволнован пьесой о судьбе бойкой парижской прачки, ставшей герцогиней при дворе Наполеона. На постановке ист- орической комедии французского драматурга В. Сарду «Мадам Сан- Жен» в театре «Водевиль» присутствовала и семья Л. Толстого. Но зри- тельские ожидания Гершензона не были удовлетворены: движение пьесы, по его выражению, «не шло, а хромало». Память уносила его к годам собственной бедности и неизвестности, а воображение — в годы революционных событий 1792 г., время художественного течения пьесы. В прихотливом смещении хронологических условностей рождается его запись по поводу спектакля: «В последние годы много пишут и говорят о Наполеоне — не потому ли, что дряблые, не имеющие цели люди этого поколения охотно читают и слушают о последнем герое, цельном, обла- давшем гигантской энергией, поставившем себе определенную и вели- кую цель — какова бы она ни была. Наполеон был последний герой Европы — не удивительно, что память о нем свежее, и когда есть по- требность в героическом, — вспоминают именно о нем» (18.7, л. 40).

Потребность в героическом у Гершензона столь велика, что, пере- читав записанное, он оставляет на полях дневника другое значительное имя: Гарибальди! Своеобразие характера Гарибальди занимает Гершен-

зона и с точки зрения теоретической политики, и с точки зрения изменений, наступивших после смерти Александра III и вступления на престол последнего русского императора Николая II. Беседуя с П. Г. Виноградовым о монархии 30 окт. 1894 г., по следам хвалебной лекции В. О. Ключевского об умершем царе, Гершензон извлекает из беседы уверенность в том, что русской монархии обеспечено вековое существование, что коренные изменения должны коснуться лишь бюрократической централизации российского государства. Радикальная часть общества, особенно молодежь, особо радужных надежд на новое царствование не возлагала. И Гершензон фиксирует в дневнике острые слова поэта Б. А. Садовского, который на панихиде так обратился к собравшимся: «Да, помолимся, чтобы Николай II не был вторым Николаем» (13.7, л. 3).

Облик идеального современника, способного собственными руками творить свое счастье, вырастает у Гершензона из представлений о древних греках, которые и были такими творцами. Гершензон намерен был развить в форме письма к другу свои тезисы, озаглавленные «Записки сумасшедшего»: «Смысл и значение жизни отдельного человека состоит в том участии, которое он принимает в общественном движении — в прогрессе» (13.7, л. 10). Собственное участие в прогрессе осознается им в 1895 г. как потребность «писать о всем, что есть высокого и прекрасного в жизни, о всем печальном и трогательном» (13.7, л. 15).

На подступах к заветной цели Гершензон занят совершенствованием разума и души. В библиотеке Синода он читает Аристотеля 1512 г. и Одиссею XIII в., знакомится с превосходными описаниями хранящихся там рукописей. Так, труд ризничего Библиотеки, архимандрита Владимира, изданный на уровне академических требований, становится для Михаила Осиповича настоящим путеводителем. Здесь же замечательные московские ученые доносят до него премудрости палеографии. Он преодолевает трудности при чтении скорописи благодаря внутренней организованности и вере. Гершензон внушает себе: «Два года назад я не поверил бы, что когда-нибудь буду в состоянии писать сочинение по одним греческим источникам, — а написал же» (16.43, л. 30). Огромные внутренние резервы мобилизует он на все новые дела. Но в то время как нравственная требовательность к себе самому растет, рождается в душе резкая неудовлетворенность, связанная с зависимостью его суждений от суждений учителей. «Рабской компиляцией» называет он свою работу по истории Франции до XVIII в. (которую готовит для Комиссии по организации домашнего чтения), несмотря на продуманность плана, отбор материала и организующую идею. Эта неудовлетворенность тем примечательней, что возникает одновременно с признанием яркой индивидуальности Гершензона в среде профессиональных историков и интересом к нему со стороны интеллигенции.

Задуманное им исследование об экономическом развитии Греции до времени персидских войн требовало работы в библиотеке Гейдельберга. И Гершензон готов был к научной поездке в Европу, которая к тому же, позволила бы ему попытаться разыскать отца. Но накануне на заседании Юридического общества он познакомился с его членом по содействию развитию русской мануфактуры и промышленности, популярным публицистом «Восхода» и «Русской мысли» Беркенгеймом, и тот, собираясь за рубеж, обещал Гершензону посодествовать в этом деле. Экономисты и политики, редакторы «Русских ведомостей»

А. А. Мануйлов и М. Е. Ландау помогли Гершензону занять вакансию корреспондента газеты в Италии. В апреле 1896 г. Гершензон, полный ожидания встречи с Римом, пересекает Воложск, Подволожск (Галиция), Вену, Венецию, Флоренцию. Но средневековый облик вечного города, мрачное католическое духовенство, нищенствующие монахи произвели на Гершензона гнетущее впечатление: «При взгляде на развалины Древнего Рима, поднимающиеся среди современных построек, прямо становится жутко» (18.13, л. 43).

Рекомендательное письмо от секретаря Русского посольства в Риме В. Баговунта помогло Гершензону стать читателем библиотеки имени Виктора-Эммануила II и проводить там многие часы. Особый смысл, позволяющий постичь настоящее, нашел Гершензон при посещении Пантеона, единственного античного здания, сохранившегося целиком и превращенного итальянцами в национальный некрополь. Невольно останавливается он у могилы Виктора-Эммануила II. Гершензон посетил Пантеон в день памяти Гарибальди как корреспондент «Русских ведомостей». Дневниковая запись от 2 июня 1896 г. содержит его рассказ о столкновениях между социалистами и полицией. Решительным и дерзким в схватке с полицейским инспектором запечатлен Гершензоном блестящий оратор, основатель и руководитель революционной социалистической партии Романьи, тогда еще молодой вождь социалистов Андреа Коста. Прологом к этой встрече стало для Гершензона посещение храма Петра. Храмовая музыка оказывается полной предощущениями увиденного на улице в день памяти Гарибальди. Сквозь длинные, чистые, прозрачные ноты церковного пения прорывается в его сознание «протяжный стон человечества, положенный на музыку небес; потому что на земле стон человеческой скорби не так благороден и мелодичен» (13.12, л. 1).

Впечатления от Капитолия, Форума, Пантеона отражаются в материалах Гершензона для «Русских ведомостей». Однако львиная доля времени и душевных сил его затрачивалась напрасно. «Всякое маломальское слово в корреспонденции о Гарибальди», — свидетельствовал Гершензон, — выпускалось, несмотря на толки русской либеральной печати об оживлении литературной и общественной обстановки. Читая собственные статьи в очередном номере газеты, Гершензон начинал сомневаться в том, что следующие его статьи об итальянском социализме смогут пройти в печать. Нередко изъятия из корреспонденций были невелики по объему, но автора поражало то, как опытной рукой рушился весь смысл повествования. Так, между речью Бовио и завершающей частью статьи, непосредственно связанных авторской логикой, в результате выпущенных строк: «А в то самое время, когда Бовио говорил на Яникуле, в маленьком городке Романьи Мант-Арканджело, карабинеры саблями разгоняли толпу женщин и детей, собравшуюся перед зданием магистрата с криками: „Хлеба! мы есть хотим!“» (18.12), — естественность повествования об одномоментно происходящем превращалась в размышления «по поводу». Не случайно В. А. Маклаков упрекает Гершензона в банальном изложении событий. Словом, корреспондентская работа в Риме не принесла удовлетворения Гершензону. Он отказывается от продления договора, обрекающего его на обыденное существование, оставляя здесь прекрасные воспоминания о художнике Реймоне, копирующем в городских катакомбах картины и иконы. Прощается он на время и с немецким историком Греции Ю. Беллохом, труд которого перевел здесь на русский язык, и который будет

готовиться к изданию там, в Москве. Он прощается с журналистами «Нового времени», аккредитованными в Италии, П. Д. Дитерихсом и Белкиным, и устремляется на родину, только что пережившую Ходыньскую катастрофу и петербургские беспорядки, о которых сообщали итальянские газеты.

Осеннее возвращение в Москву 1896 г. памятно Гершензону таможенной проверкой. Исключительный интерес жандармского офицера к книгам, препровождаемым им в цензуру, вызывает протест Гершензона. Он возражает против отправки на досмотр книг, изданных в России и уже имеющих цензурное дозволение, в том числе словарей и справочной литературы. Но, несмотря на его объяснения, туда уходят биография Линкольна, издания Сартра, Резертуса, Карлейля, исследования по истории Греции, и в том числе Ю. Белоха. Обычная таможенная процедура во многом объяснила Гершензону незавидность положения русской печати. Приват-доцент Московского университета, специалист по русской литературе А. А. Александров сумел превратить редактируемые им «Русское слово» и «Русское обозрение» в «самые скверные ретроградные издания». Один из образцов редакторского невежества историки журналистики, по совету Гершензона, найдут в номере «Русского слова» от 15 окт. 1896 г., где «ученый» редактор поместил как «ненапечатанную» эпиграмму Кольцова на самого себя. «... В редакциях других газет был получен этот самый номер «Русского слова», и первые буквы стихотворения были отделены чертой; оказалось, что это акrostих; читая первые буквы сверху вниз, получается: „Александров-дурак“. Теперь вся Москва говорит об этом» (18.12). Попытки редактора изъять номер из обращения не могли избавить его от прессинга общественного мнения, которое в те годы еще многое значило. Правительство поспешило реформировать деятельность прессы, скомпрометировавшей себя откровенным невежеством и консерватизмом. В октябре 1896 г. цензурный комитет возглавил С. В. Соловьев, и по его инициативе правительство приступило к раздаче редакторских портфелей. Редактором «Русского листка» был назначен некий А. Д. Цветков, лицо неизвестное в литературном мире, но получившее жалованье в 7 тыс. р., под тяжестью которого газета так и не смогла выправиться. Портфели редакторов «Московского листка» и «Новостей дня» разделили соответственно И. Н. Потапенко и И. Л. Щеглов (Леонтьев). Соловьев предложил редактирование «Русской мысли» А. П. Чехову. В обстановке оживления общественного движения, когда требования распространять книги в народе и содействовать воскресному чтению для многих завершались Бутыркой, предложение цензора великому русскому писателю было оскорбительным, и оно не могло быть принято. «Каково Чехову попасть в число очевидно сугубо благонадежных!» — сочувственно восклицает Гершензон. В эти дни он завершал публикацию писем Т. Н. Грановского для журнала «Русская мысль», и, по-видимому, эта информация была получена из самой редакции.

В январе 1897 г. был создан Союз взаимопомощи русских писателей, устав которого предусматривал меры по защите их правовых интересов. Олицетворением бюрократического зла был для Гершензона министр внутренних дел И. Л. Горемыкин. Полон иллюзий рассказ Гершензона об Э. Э. Ухтомском, издателя газеты «С.-Петербургские ведомости», чей смелый голос, по его мнению, вносил диссонанс в общее звучание правительственной прессы: «Недавно Горемыкин призвал его и поставил ему на вид, что его газета систематически становится

в оппозицию взглядам правительства. Ухтомский ответил, что не знает, кого надо разуместь под правительством, и если, как он думает, — прежде всего государя, то ему известно, что государь вполне разделяет его взгляды» (23.32, л. 10). Когда Ухтомский затем рассказал в своей газете о шавельской истории (поляков-гимназистов, вопреки указу, заставляли ходить на православную молитву), то это еще более возстало против независимого издателя министра внутренних дел, поспешившего разослать циркуляр, запрещающий упоминать в прессе о ней. После свидания издателя с императором в редакции был разослан циркуляр, отменявший горемыкинский. И царь, таким образом, в записи Гершензона предстает лицом, солидарным с голосом независимой газеты.

С марта 1897 г. Гершензон стал публиковаться в журнале «Новое слово», когда из рук ортодоксального народничества он перешел под начало «легальных марксистов»: П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского, В. А. Поссе, С. Н. Булгакова, а его издательские права оказались у М. Н. Семенова. Накануне своего отъезда в Германию Гершензон получил с благодарностью за пожертвования в пользу Хмелевской народной библиотеки Ливенского уезда и сообщение об открытии ее 2-го отделения.

Лето 1897 г. Гершензон проводит в научных изысканиях в библиотеке Гейдельберга, в окружении своих друзей — Сперанского, Булгаковых, Гольденвейзера. Сюда Московский купеческий банк по поручению и за счет М. П. Щепкина переводит на его имя деньги для сбора материалов о Пушкине для Московского публичного и Румянцевского музея.

Ноябрь 1897 г. памятен для Гершензона юбилеем Н. Н. Златовратского, на котором споры между народниками и «легальными марксистами» достигли определенной остроты. С 1897 г. Гершензон становится членом-корреспондентом Юридического общества, состоящего при Московском университете. И уже в феврале 1898 г. он выступает на заседании Общества с докладом «Происхождение поэзии и лирики». Слово Гершензона, окрашенное легкой иронией и добротой его ума, воспринимается аудиторией с большой благодарностью.

Весной 1898 г. нужда определяет Гершензону, который уже много путешествовал по Европе, новый маршрут: из Москвы в глухомань Уфимской губернии, на Симский горный завод, где он должен давать частные уроки греческого языка. Вслед за его отъездом в столице замолкают «Русские ведомости», настойчиво твердившие о голоде, вопреки уверениям официальных ведомств. Несмотря на неурожай в стране и голод, недорода правительственных циркуляров не наблюдалось. Так, циркуляром Главного управления по делам печати были запрещены сообщения о предстоящем юбилее Л. Н. Толстого, мужественного защитника духоборов, отказавшегося выдать в распоряжение властей списки жертвователей. Правительство не оставляло без внимания и Вольное экономическое общество, заседания которого с дерзостным обсуждением крамольного вопроса о голоде, были в поле внимания Михаила Осиповича. Он понимал, что для успешного проведения экономических реформ в жизнь необходима была открытая полемика. Но вести, получаемые им от В. А. Маклакова, о высылке П. Н. Милюкова и Д. В. Безобразова за чтение лекций по актуальным общественным проблемам, лишали его иллюзий.

Правда, письмо бывшего студенческого товарища А. Э. Вормса

(30.48), развивающее легенду о встрече в Крыму земского статистика Х. Х. Клопова с Николаем II, было воспринято Гершензоном как некая и вполне реальная надежда: «[Х.Х.] Клопов стал рассказывать о голоде и проч.; Николай II выражал большое удивление — [И. Л.] Горемыкин говорил ему, что кое-где есть недород, но что в общем все обстоит благополучно. В заключение государь несколько раз пожал руку Клопову, искренно благодарил его и предложил ему вот что: он, Клопов, получит деньги и открытый лист для входа повсюду; пусть он поедет по России, собирает справки и обо всем, что сочтет достойным, сообщает непосредственно ему, государю; «только пишите не на мое имя — так не дойдет, а пишите на имя [П. П.] Гессе (это генерал, состоящий при особе государя), — он мне будет передавать». — Клопов согласился и теперь уже ездит. Говорят, что из Ливадии он поехал прямо в Ясную Поляну посоветоваться с Толстым. — Все это рассказал сам Гессе кузену Муромцева, а [Н. Н.] Муромцев — Вормсу» (18.23, л. 54), — завершает Гершензон изложение легенды. Немного отрезвило его лишь исследование П. Б. Струве об аграрном строе России 1-й пол. XIX в.

В эту пору усилился интерес Гершензона к художественной критике. Но зависимость от произвола редактора и указующего перста цензуры были для него рычагами психологического сдерживания. «Я могу написать о Горьком в 20 раз дельнее и лучше, чем пишут; но где поместить статью?» (18.22), — вопрошает он, вынужденный зарабатывать на жизнь литературным трудом и потому лишенный возможности «работать на авось».

Зимой 1898/99 г. в библиотеках Германии Гершензон расширяет и круг своих российских знакомств. Здесь ему представилась возможность в непосредственной близости оценить философа права, преемника Н. А. Зверева, П. И. Новгородцева. В своей иронической афористичности характеристика Новгородцева тем убийственней, что в ней присутствует гершензоновская попытка ее смягчения: «... директор департамента благоприличия и такта, и бездарности; а, впрочем, человек честный» (18.27). Отношение же к другому диссертанту, С. Н. Булгакову, полно уважения, восторженного изумления пред ростом ученого. В Германии Гершензон возвращается к оценке В. И. Герье как историографа и политического теоретика, чтобы вкупе с биографической справкой и общей характеристикой, изложенными П. Г. Виноградовым, сведения эти появились на страницах «Русских ведомостей». После газетной публикации Н. И. Кареев прислал Гершензону приглашение принять участие в сборнике к юбилею В. И. Герье, но тот по неизвестным нам причинам от этого уклонился. Может быть, такой сборник противоречил гершензоновским размышлениям об облике воспитателя и задачах воспитания: радость жизни, поэтическое восприятие ее — вот то, что должно определять педагогическое кредо такого человека. Приступая к статье о Лихтварке для «Вестника воспитания», Гершензон в это время пишет следующее: «... воспитать поколение, которое любило и умело бы наслаждаться. Радость жизни одержала бы верх над аскетизмом» (19.2). Система подготовки учителей в России, ориентированная распоряжениями министра народного просвещения М. И. Боголепова на рутину и благонамеренность, была удивительно похожа на систему мер министра народного просвещения Пруссии Боссе. Результаты германского незнания российской жизни Гершензон отнесил на счет политики министерства просвещения: даже большие бер-

линские газеты не имели специальных корреспондентов в Москве, довольствуясь информацией, получаемой от биржевых корреспондентов.

В феврале 1899 г. Д. Е. Жуковский приглашает Гершензона сотрудничать в еженедельном журнале «Жизнь». В январской книжке 1900 г. этого издания, которое не обладало, по мнению Гершензона, особыми достоинствами, он с восторженным удивлением отмечает повесть А. П. Чехова «В овраге», говорящую о печальной жизни фабричных рабочих. «Каждая строка — золото, и сквозь все звучит такое глубокое сострадание, что кончаешь растроганный до дна души» (19.5, л. 20), — замечает Гершензон. Ожидает он появления в этом журнале и очерка М. Горького «Мужик».

Накануне выборов в академики Гершензон встречается на январской московской улице Л. Н. Толстого, в облике которого нет и следов того всеобщего ликования, каким было окружено его избрание в почетные академики. «Он был в шубе с меховым воротником, который был полуотложен, так что грязно седая борода частью была захвачена воротником, частью ключьями торчала наружу. Был изрядный мороз; он шел, тяжело опираясь на палку и с некоторым усилием переставлял ее, напряжившись от холода, который был ему, очевидно, очень неприятен. Серые маленькие глубокие глаза скользнули по моему лицу» (13.13, л. 1). Под сугубо внешним впечатлением рождается запись Гершензона и об артистке Художественного театра О. Л. Книппер, на которой в ноябре 1900 г. собирался жениться А. П. Чехов: «Уже не очень молодая (я думаю, лет 30), умная, недобрая, холодная-прехолодная, не красивая» (19.7, л. 7). За этим внешним неприятием Книппер сокрыта бесконечная любовь Гершензона к Чехову, делающая его предвзятым. В калейдоскопе гершензоновских записей есть несколько слов о «писателе не без дарования» Н. Г. Гарине-Михайловском, анонимно пожертвовавшем для благотворительного сборника рассказ «Старый еврей», доход от которого предназначался в помощь еврейскому населению южных губерний России, пострадавших от неурожая 1899 и 1900 гг. Запись от 21 нояб. 1900 г. содержит впечатления Гершензона и о рассказе М. Горького «Погром», рисующем картины нижегородского погрома (19.7).

Войдя по рекомендации Н. В. Сперанского в общение с кругом лиц, издающих журнал «Мир божий», Гершензон становится постоянным участником библиографического отдела журнала и много переводит с немецкого языка. Благодаря А. С. и П. Н. Милюковым он знакомится и с А. И. Богдановичем, редактором журнала. Бывший участник нелегальной организации «Народное право», тяготеющий к «легальным марксистам», Богданович мечтал о собственном издании, подобном герцензовскому «Колоколу». Для него отстаивание права на публикацию статьи Гершензона о Герцене в журнале было делом его нравственной позиции. Личность редактора в значительной степени стала причиной успеха его журнала, собравшего 15 тыс. подписчиков и оставившего далеко позади по популярности «Русское богатство» и «Русскую мысль». Но успех журнала «Мир божий» не был долгим.

В 1900 г. Гершензон продолжает сотрудничество с журналом «Вестник воспитания», для которого к этому времени были написаны статьи «Художественная литература и воспитание» и «Народные библиотеки». Редактора журнала Н. Ф. Михайлова, врача по образованию, унаследовавшего от отца миллионную фабрику, «добрейшего и благороднейшего человека», и его секретаря Ю. А. Бунина, «умно-

го и трусливого человека», Гершензон лаконично и выразительно называет «сурками».

Летом 1900 г. с младшим сыном М. П. Щепкина, Ф. М. Щепкиным Гершензон побывал в Авдотьино, где жил и умер Н. И. Новиков, видел там каменные избы, которые построил он для крестьян; заезжали и в имение Ланских, где жил внук А. С. Пушкина со своей семьей, любовались великолепной усадьбой, с чудесным парком и яблоневым садом. Вскоре в дневнике Гершензона появляется волновавший его вопрос: «Почему Пушкин указывает на ценность своей поэзии только утилитарную («И долго буду тем любезен я народу...») и не выше ли перифраз В. А. Жуковского «И прелестью живой стихов я был полезен...?»» (13.13, л. 1).

С 1901 г. в биографии Гершензона особое место занимает Румянцевский музей. Он не простой его посетитель, а избранник его. Перед ним открыт не только читальный, но и огромный выставочный зал, уставленный книгами и витринами. Он является сюда задолго до начала работы Музея для читателей, просматривает всю необходимую литературу, делает выписки. В этой обители он неотъемлем от окружающих его предметов. Он часто подходит и подолгу всматривается в белую маску пушкинского лица, что хранилась под горизонтальной витриной. Неподалеку от нее был поставлен специально для Гершензона слишком высокий для него стол. Здесь, с утра, по асфальтовому полу бесшумно бродит лишь старый сторож. «Все в этой зале огромно и неуклюже-монументально, кончая стоящей на столе чернильницей, бездонной, квадратной во всех трех измерениях, и доверху полной плохих чернил. Стол громадный, пудов в двадцать, старый, неуклюжий; сверху положен кусок глянцевитого картона, который от тепла изогнулся» (19.10, л. 35). Зарисовки Гершензона-летописца Румянцевского музея ценны своей осязаемостью внешнего, подробностями работы читального зала, открывающегося для посетителей только с трех часов, когда он лишается уединенности и привилегий своего утреннего рабочего состояния. Но это не мешает ему сидеть над рукописями и книгами до самого закрытия Музея.

Вместе с сотрудником Музея В. Н. Щепкиным он ищет ответа на вопрос о происхождении слова «образование». Прямых указаний на то, что слово это — карамзинское детище — они не находят ни в статье Н. Я. Грота о Н. М. Карамзине, ни в академических словарях. Их интересуют не столько заслуги Карамзина в развитии русского литературного языка, сколько практические соображения, диктуемые работой в Комиссии по организации домашнего чтения. Гершензон принимал непосредственное участие в обсуждении Программы по философии, предложенной Гротом в начале 1901 г. И изложил свои соображения о выработке плана сношений с читателем. Но программа домашнего чтения, над которой Гершензон трудился совместно с П. В. Беневоленским, А. А. Волковым, А. Э. Вормсом, А. А. Кизеветтером, О. П. Моравской, П. И. Новгородцевым, Е. Н. Орловой, М. Н. Покровским, В. Д. Соколовым, А. Н. Чеботаревской и другими, оказывалась в прямой зависимости и подневольности от Цензурного комитета.

Запрещение печатать сведения о поездках Л. Н. Толстого и приветствиях в его адрес, следовавшее 9 авг. 1901 г., только повысило интерес к имени художника. 13 нояб. 1901 г. М. В. Сабашников сообщил Гершензону о приступе ревматизма у Толстого (41.3), а потом и о его выздоровлении. Е. Н. Орлова, говоря о напечатанных во

французском «La Revue» письмах Л. Н. Толстого к двум священникам, православному и протестантскому, полагала, что они должны быть немедленно перепечатаны и в России (39,7, л. 47). Толстой — человек, художник и мыслитель притягивал Гершензона. Он необходим был ему для определения собственного пути к совершенствованию. Гершензон стремился «узнавать истину на всех путях жизни» и неустанно исследовать существующее. Познав истину, был уверен Гершензон, необходимо приложить «все возможные личные усилия для того, чтобы исполнять ее отныне и всегда в своей жизни. Опыт показывает, что последнее много труднее первого. Оно и нужнее: ибо уже велик запас сознанных человечеством истин, донныне лежащих втуне и вопиющих о воплощении» (13.14, л. 5).

На пути к воплощению человеческих идеалов нередко оказывалось множество препятствий, глубоко возмущавших Гершензона. Когда, например, вслед за выходом апрельского номера журнала «Жизнь» с горьковской повестью «Трое» правительство приостановило его выпуск, приступив к аресту сотрудников, Гершензон с горечью, почти граничащей с бессилием, записал: «Наша цензура вредна даже не столько тем, что закрывает путь великому живому и своему слову, сколько тем, что поит и кормит бледную немочь либерализма. Вот закрыли «Жизнь», и средний читатель, осужденный читать «Русские ведомости» и «Русскую мысль», отравляется. Лучше бы уж и их не было» (13.14, л. 3). Возобновленный номер журнала, где завершалась публикация повести, Гершензон читал 8 дек. 1901 г., испытывая одно чувство — «хорошо».

Расширению гершензоновских представлений о национальной литературе, как это ни парадоксально, способствовал энтузиазм М. Горького в ознакомлении русской читательской публики с еврейской литературой. 11 авг. 1901 г. Горький рассказал В. П. Потемкину, редактору сборника «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая», о принимаемой им публикации новелл Перетца, Аша, Наумберга на страницах «Нижегородского листка». Эти публикации должны были составить основу издания «Еврейские беллетристы». Потемкин, как человек, знакомый с еврейской литературой, мог разобраться и в достоинстве переводов, и в выборе рассказов для сборника, а также обеспечить их редактирование. Издать сборник должно было товарищество «Знание», М. Горький готовил к нему предисловие. Потемкин ознакомил с содержанием горьковского письма Гершензона, и он рекомендовал в сборник стихи Х. Бялика, а в качестве переводчика — А. Л. Бинштока. Присылаемые Гершензону рассказы представляли собой, по его словам, «произведения первоклассные — особенные у Перетца, и у менее известных. Перетц — большой талант, но еще больше мне понравился Кобрин» (19.11, л. 38).

Важной вехой в творческой биографии Гершензона стало знакомство с Е. Н. Орловой, внучкой декабристов М. Ф. Орлова и П. И. Кривцова, и правнучкой генерала А. Н. Раевского, с семьей которого связаны счастливые мгновения пушкинской молодости. Обаяние личности М. Ф. Орлова, в доме которого происходили первые встречи его с Хомяковым, Грановским, Герценом, Чаадаевым, Тургеневым, было столь живо хранимо его потомками, что не могло не сказаться и на восприятии самого Гершензона. Знакомство с Е. Н. Орловой, состоявшееся 7 дек. 1901 г., выросло в подлинную дружбу. Оно было целительно для Елизаветы Николаевны, словно вырванной Гершензоном из ледяного

мира скандинавских сказок, в который, по ее собственным словам, она была заключена. Благодарная за то, что он подвинул в ней «сильное стремление к лучшему», сделал ее жизнеспособность направленной и цельной, она не только доверила Гершензону архивы своих предков, но и деятельно заботилась о том, чтобы и ближайшее к ней окружение открыло перед ним семейные архивы. Деликатность и тонкость Гершензона к прошлому позволили Орловой распахнуть перед ним и двери многих московских домов, где все еще дышало стариной. Побывал он и в имении Орловых Отрадино, Саратовской губ., где сошелся с младшим братом Елизаветы Николаевны, Михаилом Николаевичем, предводителем дворянства Балашовского у., и их матерью, Ольгой Павловной Орловой (урожд. Кривцовой), вдовой Н. М. Орлова, сына декабриста Михаила Федоровича. Здесь, в Отрадино, возник перед ним «целый склад старых писем». Сюда пришло и приглашение от Н. А. Огаревой-Тучковой посетить имение Сатиных в Саранском у. Пензенской губ., где Гершензон побывал впервые в 1900 г. Соблазн побывать у Огаревой, находящейся в четырех часах езды от Отрадино, был велик. Накануне встречи с ней Гершензон выступал в провинциальных аудиториях с лекцией «Поэзия Н. П. Огарева», подвигнутый к этому общественными волнениями весны 1902 г. В апреле 1902 г. о своей Одиссее в Пензенскую губ., в имение Старое Акшено Гершензон поведал Е. Н. Орловой: «Два с лишним дня, которые провел там, были бы прекрасны, если бы не жар, боль во всем теле, бронхит...» (26.24, л. 31). В письме можно найти и впечатление его от «чудесной старушки» Н. А. Тучковой-Огаревой, неутомимой и увлекательной рассказчицы, а также о радушной и ставшей близкой ему обстановке огаревского дома. Во время этой поездки Гершензон разыскал многочисленные неопубликованные стихотворения Н. П. Огарева. Заехал по пути и в усадьбу Н. Н. Златовратского.

Под влиянием всех этих встреч углубляется и все больше осмысливается отношение к жизни Гершензона. Он сближается с И. И. Горбуновым-Посадовым, П. А. Буланже и с учетом просветительских задач издательства «Посредник» приступает к переводу для широкого читателя произведений венесуэльского писателя, публициста и политического деятеля Ф. Торо.

Весной 1902 г., когда исключение революционного студенчества из университета, приобрело массовый характер, Гершензон с большой симпатией отнесся к действиям проф. А. А. Кизеветтера, В. И. и Н. И. Романовых, выступивших против этой расправы. Поведение же В. И. Герье, директора высших женских курсов, он не считал возможным оправдать. И хотя о палачах и казнях, об арестах и обысках писать в периодической печати было запрещено, Гершензону удалось узнать из других достоверных источников и об арестах издатель С. А. Скирмунта и В. М. Шулятикова, и о последственном М. Горьком, и об угрозах и намеках на высылку поэту, журналисту и беллетристу П. А. Матвееву (псевд. Ачкасов), которым он подвергался за публикацию «Песен о воле».

Летом того же года Гершензон отправляется в Швейцарию, чтобы встретиться там с наследниками великого русского революционера и мыслителя А. И. Герцена. Здесь оказалось множество «знатных иностранцев, везущих проветривать свои гнилые души в горном воздухе Швейцарии» (26.24, л. 31). Праздность и мелкость этих людей представлялись ему оскорбительными на фоне величественных и вечных

гор. А нетленное для него наследие великого соотечественника, оставшееся в Лозанне, усиливало это впечатление.

Ко времени возвращения Гершензона в Москву ситуация там осталась по-прежнему напряженной. Многие журналы становились жертвами цензурных внушений, в квартирах журналистов «вежливые люди» проводили повальные обыски. «Единодержавию» зубатовских методов не было предела.

В ноябре 1902 г. в глубинах идеалистического течения возникла полемика между А. Л. Волынским, П. И. Новгородцевым, С. Н. Булгаковым и Н. А. Бердяевым о позитивизме. Процесс, начавшийся в 1860-е гг. и завершившийся экономическим материализмом 1890-х гг., Гершензон стал рассматривать как порабощение «живой души общества». Он отвергает заявления позитивистов, сулящих безболезненное решение сложнейших жизненных вопросов, признает историко-воспитательное значение идей позитивизма, но полагает, что время обозначило предел и его «единодержавию». Взаимосвязь должного с законно сущим Гершензон воспринимает как веление времени. Правда, и идеализму, «смутному» и «исключительному», отводит Гершензон недолгую жизнь.

В декабре 1902 г., обсуждая с Ю. И. Айхенвальдом мхатовскую постановку пьесы М. Горького «На дне», Гершензон расширяет метафорический смысл ее заглавия до осознания истинности схваченного драматургом не только на глубинах «дна», но и на вполне обозримой поверхности жизни.

В «смутное» время, накануне празднования 200-летнего юбилея русской периодической печати, Гершензон узнает не только о запрете петиций по поводу предстоящего юбилея, но и об открытии в Москве журнала «Научное слово». Е. Н. Орлова рекомендует Гершензона как возможного автора гостившему у нее В. С. Миролубову, редактору журнала. Издателя журнала, Г. К. Рахманова, приват-доцента и «обладателя полутора миллионов», Гершензон знает лично, знаком он и с редактором юридического отдела П. И. Новгородцевым, и секретарем журнала Ю. И. Айхенвальдом. Именно по их просьбе готовит он исследование о В. С. Печерине и Н. П. Огареве для нового издания. В этот период, характерный житейской неустойчивостью, Гершензон чувствует дружескую заботу редакции журнала.

В феврале 1903 г. Гершензон получил предложение заведовать редакцией «Владимирской газеты». Но в надежде получить ответ государя на право жительства в Москве он от этого предложения отказался. Мотивируя свою просьбу, Гершензон исходит из специфики научной работы историка, для которого пользование богатыми книгохранилищами страны является жизненной необходимостью. Он ищет протекции и у В. О. Ключевского, и у Е. Н. Трубецкого, и у В. И. Герье. Перед видными государственными чиновниками хлопочет о нем Е. Н. Орлова. Двоюродный брат Елизаветы Николаевны граф А. А. Мусин-Пушкин, входивший в Придворный штат императора, не оставляет без внимания просьбы своей сестры.

Весной 1903 г. Гершензон помогает Е. Н. Орловой в организации колонии для детей, нуждающихся в общественном попечении, участвует в покупке дачи Карлуса Таврея в Куоккале.

Дружба — одно из ценнейших «земных благ» — достойна, по Гершензону, памяти потомков. Апрельская поездка в Петербург и личное знакомство с А. Л. Волынским, человеком, посвятившим свою

жизнь духовным исканиям, занимают значительное место в записях М. О. Гершензона. На фоне ежедневных журнальных сплетен в редакции «Северного вестника» Волынский поражает Гершензона способностью наслаждаться умственной работой, аскетизмом и подвижничеством. Фигура автора монографии «Русские критики» (Спб., 1896), «исключительно критика», важна для Гершензона-критика, начинающего осознавать в критике, этой отрасли человеческого знания, один из важнейших рычагов культуры. А вот цензор и поэт Н. М. Соколов (псевд. Софист) поразил Гершензона какой-то внутренней пошлостью. Не исключено, что это произошло после разговора о «Жизни Василия Фивейского» Л. Андреева, поскольку Соколов работал в это время над рецензией о повести. Цельным и увлеченным запечатлела память Гершензона известного пушкиниста и библиографа В. И. Сантова.

В Петербурге, беседуя с публицистом и политическим деятелем М. Л. Коган-Бернштейном, Гершензон узнал о кишиневских погромах, которые сильно его взволновали. К невыразимым страданиям, горю и нужде десятков тысяч людей, среди которых была и его мать, Гершензон не мог быть глух. Он деятельно участвовал в сборе денег для пострадавших, организованном Московским Комитетом помощи. Но зоркий взгляд Гершензона различал фальшь еврейских буржуа, далеких от истинного понимания вещей, которые, по его словам, «изображают, конечно, отчаяние и скорбь». Об этом он и пишет родным, находящимся в районе бедствия. Позиция «сытых людей», занятых в Комитете организацией эмиграции пострадавших, неприемлема для Гершензона: они «хотят выселить других, а не себя» (19.20), — пишет он родным, уверяя, что порядок не может не быть установлен, а душевные раны со временем зарубцуются.

Глубокая вера в политическое освобождение России определяет и тональность письма Гершензона, посланного в эти дни в Штутгарт редактору журнала «Освобождение» П. Б. Струве. В этом письме с поразительной обнаженностью излагает он свое видение пути к свободе: ничего иного, кроме «низвержения абсолютизма с его церковным и светским чиновничеством», он и предложить не может. Карательная система и произвол во всех сферах общественной жизни России осознаются Гершензоном как противоречивые и преступные, выгодные лишь меньшинству. Понимая влияние средств массовой информации, Гершензон вместе с тем не приемлет исключительной направленности их сил против господствующей политической власти, тенденциозного искажения нравственной перспективы, свойственного вообще оппозиционной печати. По его мнению, печать должна учить «жить по правде», «жить по совести» (41.56, л. 40). Далекий от мысли отвергать политическую агитацию, Гершензон считает важным революционизировать «сознание отдельных людей» — это «кратчайший путь к общественным революциям». Гершензон далек и от консервативно-монархических идеалов, но его возмущает показная «вражда к самодержавию», ставшая атрибутом, «как бы галстуком, без которого нельзя показаться в обществе; и у нас позволяют человеку разгуливать в нижнем белье, раз этот галстук в исправности» (41.67, л. 56). Социальный альтруизм Гершензона исходил из толстовской идеи перевоспитания общества, где известная роль отводилась им индивидуальной проповеди и деяниям. Но деяния «органа боевого позитивизма» — журнала искусства, литературы и общественности «Правда» — по-видимому, не соответствовали социальным ориентациям Гершензона. Именно этим

определяется настойчивость, с которой он требовал от редактора-издателя В. Кожевникова убрать свое имя из анонсируемых журнальных объявлений, распространенных в провинции и столицах.

Свои надежды Гершензон возлагал на возобновляющееся «Русское обозрение», только что приобретенное М. Горьким, Л. Андреевым и другими литераторами. С их участием издание видится Гершензону «лучшим из русских журналов». При этом он исходит из оценки не только публицистических, но и организаторских способностей лиц, ставших во главе издания. Однако, когда группа литераторов, во главе с управляющим делами Товарищества «Знание» К. П. Пятницким заключила договор о монопольном праве с мюнхенским книгопродавцем об издании в оригинале своих новых произведений, в том числе пьесы М. Горького «На дне», в феврале 1903 г. запрещенной к постановке на сцене Александринского театра, Гершензон расценил обход литературной конвенции как «литературный скандал». Он ратовал за литературную конвенцию, которая бы приостановила «бездонный — беспошлинный перевод» русской литературы на другие языки, дала бы правовой статус русским литераторам.

Законодательное закрепление вопросов авторского права понимал Гершензон как насущную проблему, без которой невозможно нормальное развитие издательского дела в стране. Но осознавал он и необходимость реформ внутри того или иного, казалось бы установившегося, со своими традициями, органа печати. Так, в мае 1903 г. он ставил перед В. А. Гольцевым вопрос о проведении реформ в отделе литературы «Русской мысли», в тот момент, когда фактический редактор предложил ему вступить в компанию пайщиков для приобретения журнала, имевшего восемь тысяч подписчиков. Гершензон был в высшей степени удовлетворен, когда редактировать отдел беллетристики журнала согласился А. П. Чехов.

Будучи театральным хроникером «Научного слова», Гершензон высказал на его страницах свое отношение к драматургии А. П. Чехова. В его архиве сохранилась оценка новой постановки «Трех сестер» в Московском художественном театре: «Постановка и исполнение сверхестественно хороши; нечто небывалое в мире; пьеса очень талантлива, но так мрачна, что на другой день я ничего не мог делать; какое-то беспросветное отчаяние без анализа, страшное и бессмысленное, как ночной кошмар» (13.5, л. 3).

Подобно персонажам «Трех сестер», Гершензон размышляет о будущем. Он ищет ответа в драмах Г. Ибсена в философии Ф. Ницше, в художественных опытах и теоретических манифестах декадентов: «Сами декаденты — ничтожество, но они уродливый симптом великого духовного движения, которому, я думаю, — пишет Гершензон, — принадлежит будущее» (13.15, л. 10).

1903 г. стал для Гершензона годом обретения себя в трудах, которым отданы были и силы души, и время. Вступление в новый 1904 г. было элегическим. 9 янв. 1904 г. он запишет в своем дневнике: «... в феноменальном мире нет ничего такого, чему мудрый мог бы радоваться или огорчаться. Но с тем вместе замирает и жизнь; остается фаталистически-равнодушное принятие горя-радости. Исчезает также стимул к достижению отдельных радостей» (13.5, л. 14). Жизнь, не дающая ощущения полноты жизни, не удовлетворяет Гершензона. «День, полный до краев, что ты дал мне? Нет, чего ты мне не дал?» (там же) — эти вопросы мучительно встают перед ним 11 янв. 1904 г.

Через несколько дней в качестве театрального обозревателя «Научного слова» Гершензон будет на премьере драмы А. П. Чехова «Вишневый сад» в Московском художественном театре, где состоится и чествование писателя по поводу 25-летия его литературной деятельности. Сценическая интерпретация «Вишневого сада», как многое из того, что и писалось о Чехове до тех пор, была противоречива. И Гершензон постарался выразить свое отношение к спорам о драматургии. Он отверг оценку Чехова Н. К. Михайловским как «даром пропадающего таланта», а также решительные утверждения А. Л. Волюнского и А. М. Скабичевского о том, что восприятие писателем жизни и художественная ее интерпретация шли с высоты эстетического идеала. Спор критиков полярных направлений казался Гершензону лишеным смысла, ибо он не исходил из примата внесознательного, интуитивного в творчестве любого художника. Для него большое значение имела «та инстинктивная тоска по гармонии, по красоте и справедливости», какая, по его глубокому убеждению, живет в душе каждого человека. Но только в творениях великого художника — А. П. Чехова — она приняла ту форму «стройного, лучезарного идеала», которая способна была за собой увлечь. Одно из отвергнутых заглавий к театральному обозрению драмы — «Вишневый омут» — точно передает характер художественного своеобразия произведения, странное «чувство серого однообразия», возникающее у читателя и зрителя наряду с наслаждением «удивительной выпуклостью и отчетливостью» ее действующих лиц.

Судьба чеховского Иванова и вся драматическая коллизия одноименной пьесы волнуют и удивляют Гершензона своей новизной. 2 нояб. 1904 г. он устремляется из Подольска в Москву на новую мхатовскую постановку, но попадает на спектакль лишь спустя несколько дней. В разговоре об «Иванове» с близкими ему людьми Гершензон найдет природу ошибок «героя» в нехватке доброго, человеческого отношения к другим. Ведь эта нехватка добра — тот недуг, которым страдаема значительная часть интеллигенции, — требовала за установлением диагноза — определение средств и способов борьбы с ней. В течение года Гершензон ищет в истории примеры выхода к духовной свободе личности. И находит такие примеры. Он публикует статьи и рецензии о Н. В. Станкевиче и его кружке, о В. С. Печерине, А. И. Герцене, П. Я. Чаадаеве. Он рассматривает не только литературные судьбы, но и эпизоды из них, пытаясь осмыслить их взаимосвязь и взаимозависимость. Он говорит о важности того, как относится каждый человек к окружающему его миру, пытаясь придать своим высказываниям степень философского знания. Его сотрудничество с обновленным журналом «идеалистов» «Новый путь» весьма показательно в плане философских исканий. Сотрудничество с «Русской мыслью», «Вестником Европы», «Научным словом» определяется теми же запросами души, или тем, что возмущает человеческое и гражданское чувство Михаила Осиповича, как это случилось, когда узнал он о сожжении книги В. Я. Богучарского «Из прошлого русского общества», где была опубликована и статья о П. Я. Чаадаеве. В августовском номере «Научного слова» он поместил рецензию на эту книгу, выразив тем самым свое отношение к собрату по науке. Гершензоновскую философию истории питало и творчество Н. П. Огарева. Литературным событием года стал выпуск 1-го т. стихотворений революционного поэта, изданный Гершензоном в издательстве М. и С. Сабашниковых. 1904 г. — год избрания его в члены Общества любителей российской словесности — важная веха жизни.

Публикации Гершензона привлекают к нему внимание читателей. Его приглашают для чтения публичных лекций не только в столицах, но и в провинции. В интенсивной духовной жизни Гершензона находится время и для посещения мероприятий и заседаний Педагогического общества, Пушкинской комиссии. Нередко ожидания его оказываются тщетными, как то случилось на лекции акад. Ф. А. Корша о русской народной песне. Единственным утешением Гершензону там были выступления народных певцов и чтения отрывков из былин, иллюстрирующие повествование академика.

Потребность гармонии в дисгармоничном обществе чрезвычайно велика, и Гершензон с благодарностью к судьбе наслаждается умом, добром и красотой, которые излучает М. Б. Гольденвейзер. Отношение к той, которую в течение многих лет он встречал то в московском доме Гольденвейзеров, то на даче в Кунцеве, то на даче А. Б. Гольденвейзера, неподалеку от Ясной Поляны, переросло в глубокое чувство любви и привязанности. Но на пути сближения с Марией Борисовной, родители которой были православного исповедания, как об этом свидетельствуют записи метрическая и о крещении, возникли непреодолимые сложности. Для Михаила Осиповича отказ от веры отцов был равен измене. А компромиссы во имя каких-либо практических целей были чужды его натуре. Их отношениям, приобретающим мучительный характер, грозил разрыв. И только на основании Высочайшего указа от 14 апр. 1905 г., разрешающего «отпадение» от православия и присоединение к другой церкви, Марии Борисовне удалось распутать гордые узел и, присоединившись к евангельско-лютеранской вере, вступить в брак с Михаилом Осиповичем. Их бракосочетание состоялось в Лютеранском приходе св. Михаила в Москве. В лоно той церкви, к которой Мария Борисовна принадлежала по рождению, она возвратится 25 марта 1911 г., о чем в ее паспорте есть запись священника, сделанная 27 июня 1919 г. Забегая вперед, скажем, что брак с Марией Борисовной положил конец скитаниям Михаила Осиповича и поставил перед ним ряд бытовых проблем, связанных с обоснованием и обустройством в Москве. В августе 1906 г. у них родился сын Сергей, а в сентябре 1907 г. — дсчь Наталья.

В июле 1904 г. Гершензон гостил на даче А. Б. Гольденвейзера, где ему выпало счастье встречаться с Л. Н. Толстым и беседовать с ним. 8 июля он увидел Толстого за чашкой чая и житейскими разговорами. «Главное впечатление — какой-то тревоги или беспокойства в бегающих глазах, но движения и манеры уверенные» (13.15, л. 3), — фиксирует Гершензон. Толстой, чья мудрость давно восхищает Гершензона, оказывается рядом. И, мечтая исповедоваться перед ним, он продливает свое пребывание в Засеке. Однажды в сумерки Гершензон слышал горький рассказ сына Льва Николаевича, Льва Львовича об умирающей в Ялте от чахотки жене, о невыносимо тяжелой обстановке в Ясной Поляне, об удручающем однообразии и скуке. «А главное — эта барская жизнь. Эта грешная жизнь, так нельзя. И сестру Сашу это мучит. Мучит меня, говорит, эта жизнь в Ясной Поляне, где мужики работают на нас, — а что делать? Разве я могу изменить форму моей жизни?» (3.15, л. 5). Запись слышанного Гершензоном в Засеке, поражает чувством беспокойства, тревоги, даже катастрофы, охватившим сознание русской интеллигенции в год начавшейся войны с Японией. Потребности оздоровления жизни, выхода из фальши и лжи всех институтов современного общественного устройства остро и неотступно

стоят и перед самим Гершензоном. Почвой для высказывания своего отношения к происходящему он избирает рассказ Л. Андреева «Жизнь Василия Фавейского», опубликованный в сборнике «Знание». Время осмысления произведения Гершензоном совпало со словами Л. Н. Толстого о нем: «... отдельные места обнаруживают талант, но в целом вещь придуманная. А[ндреев] взялся за предмет, о котором не думал как следует: о вере может писать лишь тот, для кого она — вопрос жизни» (13.16, л. 3). И Толстой, и Андреев, и Гершензон обращены к современной жизни в поисках общей философской идеи ее, и их разномыслие лишь свидетельствует о том, что из сложившихся обстоятельств путем предвзятых решений выйти уже невозможно. Это подтвердят петербургские события 9 янв. 1905 г. Они застанут Гершензона в Подольске, куда донесутся достоверные и недостоверные слухи о прошениях рабочих царю, о трех прокламациях Гапона, в которых будто бы содержался упрек ему в том, что он «не захотел даже выслушать свой народ», и потому он «ему больше не царь»; проклятие солдатам, «стрелявшим в своих братьев, жен и детей»; а также требование освободить солдат от присяги. О миссии писательской делегации к министру внутренних дел С. Мирскому и к С. Ю. Витте, которая закончилась арестами депутатов, об обысках в редакциях «Нашей жизни», «Наших дней» и «Русских ведомостей», о закрытии учебных заведений и публичных библиотек, о московской стачке Гершензон узнавал из писем знакомых. «Разумно-консервативного свойства» информация в печати о происходящих в стране событиях никак не удовлетворяла его. «Много разговоров об аграрных волнениях, разливающихся пожаром по всей России, несравненно шире, чем видно из газет» (13.16, л. 12), — сетует Гершензон. От очевидцев он узнает о рабочей и студенческой демонстрациях на Девичьем Поле, о помощи, организованной князем Д. Шаховским пострадавшим.

В эти дни Гершензон работает над литературным обзором, посвященным проблемам свободы печати, собирает рукописи П. Я. Чаадаева, получая многое от кн. Шаховского. Даже в его статью, посвященную памяти А. Н. Пыпина проникает определение «ученый-гражданин», выражающее суть его представлений о гражданственности позиции русской интеллигенции в период подъема русской революции. В эти дни рождается и замысел издать сборник материалов и назвать его «Русские Пропилеи». О силе духа русского народа, позволившей достичь ему необычайных высот, должны были напомнить главы о Тучкове, Раевских, Якушкине, Чаадаеве, Римском-Корсакове, Бакуnine и др. Оптимистические ноты доминируют в его ощущениях света: как «нечто и почти гениальное» звучит для него заглавие сборника рассказов О. Дымова «Солнцеворот». В статьях об этом сборнике и других явлениях новейшей литературы Гершензон останавливался на задачах художественной критики, которые позитивистами назывались «пустым времяпрепровождением». В качестве союзника он выбирает Н. В. Гоголя: «Благозвучие не такое пустое дело, как думают те, которые незнакомы с поэзией». Выхваченное из «Выбранных мест из переписки с друзьями», это гоголевское высказывание о русской рифме и стихе вспоминается в декабрьские дни 1905 г. с тайной надеждой на то, что «сами собой стихают и умиряются его [народа. — Т. М.] дикие страсти» (13.16, л. 2).

Мысль об «умирении» народных страстей рождается на фоне размышлений о возникшем в обществе «влечении судить и карать всяко-

го» и ощущается как благо. Эта же мысль получает дальнейшее развитие после знакомства с 1-м т. «Круга чтения», вышедшим в январе 1906 г. в издательстве «Посредник» с рассказами Л. Н. Толстого «Молитва», «Корней Васильев», «Ягода», со статьей «Будда» и послесловием к рассказу А. П. Чехова «Душечка». Но Толстой не насытил Гершензона, жаждущего ответов на многие вопросы. Как один из неприемлемых вариантов отмечен в записях Гершензона ренегатско-обывательский способ жизни. «... Я вижу ясно, — пишет он, — что для того, чтобы прожить сносно, надо жить не по этим правдам, а как все — с ложью, с приличным обманом и легкомыслием...» (13.16, л. 14). Но он не найдет в себе сил жить «как все», потому что вопросы о несправедливости, неравенстве, горе, нищете, болезнях, уродстве окружающих терзают его. Единственным путем к совершенству представляется ему деятельность, лишенная эгоистических и корыстных соображений. В это время он испытывает влияние эзотерического учения брахманизма, религиозной философии Индии.

Среди кажущегося безмолвия «Философических писем» П. Я. Чадаева, рукописных материалов декабриста М. Ф. Орлова, книг и рукописей А. И. Герцена, в часы долгих размышлений над их судьбами и трудами, Гершензон ощущает в себе «потребность лично участвовать в передвижении и создании и перестройке конкретных вещей», хочет «двигаться, быть среди людей, строить и ломать...» (13.16, л. 3). В январе 1906 г. возможность такого «строительства» открылась перед Михаилом Осиповичем. Кн. Е. Н. Трубецкой, отошедший от кадетско-демократической партии, предложил ему вести литературный отдел в «Московском еженедельнике». Но после знакомства с программой издания, заявленной на одном из редакционных собраний, Гершензон от участия в нем уклонился, и только по соображениям нравственного неудобства не стал настаивать на снятии своей фамилии из списка участников.

С апреля 1906 г. Гершензон начал сотрудничать в органе религиозного социализма, газете «Народ», выходившей в Киеве под началом С. Н. Булгакова. Булгаковскому детищу не суждена была долгая жизнь: газета прекратилась на 7-м номере по распоряжению властей. Но тот напряженный интерес, с каким Гершензон буквально исследовал каждый ее выпуск, позволил ему определить «фатальную» мешанину в следующих программных понятиях издания: «1) религиозность вообще, т. е. мистическое отношение к миру (чувство теперь общее тысячам и очень острое в них), 2) христианство, т. е. вера в богочеловечество Христа и его воскресение, 3) этика здравого смысла и любви. То, что они называют «христианской собственностью», есть общество, организованное на этой этике» (13.16, л. 14). Для создания такого общества было достаточно лишь умственного, но не духовного развития. Не доказывая органическую слитность первого и второго положений, сотрудники газеты «Народ» оперировали только третьим, этическим постулатом и постоянными ссылками на Христа.

Непосредственно за появившимися во 2-м т. «Круга чтения» рассказом Л. Н. Толстого «За что?» и статьями «Паскаль» и «Петр Хельщичский» Гершензон заметил: «Толстой со своей критикой нынешнего строя жизни похож на человека, который стал доказывать неудобства железных дорог и пароходов и усиленно призывать людей к новому, несравненно более удобному способу передвижения — воздухоплаванию. Этот человек был бы совершенно прав, но свободное передвижение по

воздуху не изобретено...» (13.16, л. 10). К этим горьким открытиям приходит Гершензон, сотрудничая в историко-революционном журнале «Былое», где была помещена его статья, приуроченная к 50-летию со дня смерти П. Я. Чаадаева.

Редакторская практика и публицистическая деятельность П. Е. Щеголева, напомиавшего читателю о былых революционных традициях России и ее лучших сынах, стала поводом для его заключения в С.-Петербургской тюрьме и следующими за ним административными ссылками, когда находил он приют то в доме наследников Г. И. Успенского в Чудове, то в Любани, где неизменно его догоняли теплые и заботливые письма Гершензона. В эти дни Михаил Осипович становится членом Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, и его представления о «существо, назначении, отпадении и божественном воссыновлении человека» (говоря словами Вяч. Иванова из доклада «Человек», на котором Гершензон присутствовал) представляются органичными. Не случайно, к его научному авторитету апеллируют студенты Московской духовной академии, избирающие темой своих изысканий религиозные и общественно-исторические взгляды П. Я. Чаадаева.

В поле зрения Гершензона оказывается открытие I Государственной Думы, начавшееся 27 апреля. Анализируя газетную информацию, а также сведения, получаемые от членов Думы С. А. Котляревского и В. А. Маклакова, Гершензон предвидит раскол. Ибо часть кадетов, во главе с Маклаковым, выступает за «мирные попытки и умеренные подачки крестьянству и рабочим». В другую ее часть, так называемую «революционную группу», входили «левые кадеты и все крестьянче». Гершензон опасался, что перевес этой группы в Думе может повлечь за собой «открытую революцию (и тогда-то начнутся ужасы)». Ужасы пророчили и Е. Н. Трубецкой и Д. И. Шипов. По словам Гершензона, депутат от крестьян А. Ф. Аладьин — с виду смышленный мастеровой, с голубыми, чуть насмешливыми глазами, «бестия», сын мелкого удельного чиновника, выходца из крестьян и пройдохи. Он был одним из первых учеников Симбирской гимназии, пострадавшим при ее директоре Свешникове, известном искоренением неблагонадежности. «Трудовая группа» организованная в Думе, состояла из депутатов, избранных «не без его [Аладьина. — Т. М.] согласия». В июле 1906 г. он уехал за границу.

17—18 июля 1906 г. в Свеаборге вспыхнуло восстание солдат и матросов. Весть об этом важнейшем событии нашла Гершензона буквально на следующий день в Териоках, где он отдыхал. Чудовищная расправа над мятежниками вызвала смятение в его душе и не оставила места никаким надеждам.

Вопреки исторической логике, Гершензон замечал все усиливающийся радикальный мотив, определяющий тональность выступлений и провинциальной прессы. Так, газета «Южный край», «раньше <... > крайне правая <... > очень полевела». В столь неожиданной переориентации газеты Гершензон откровенно усомнился, о чем иронически писал спустя год, в момент ее цензурной приостановки: «Газета „искупила“ презренные грехи значительным штрафом, наложенным губернатором, и даже приостановкой на некоторое время за „вредное направление“». Большого снисхождения заслуживала газета «Народный путь», издаваемая кадетами под редакцией В. Е. Якушкина. Она имела собственное, «сказочно-скудное и пресное» лицо. В ней иностранные известия излагали читателям А. Н. Чеботаревская и М. Б. Гершензон.

В пору ожесточившейся реакции, когда прекращает свое издание «Полярная Звезда», а журналу «Современник», слившемуся с газетой «Путь», грозит обезличенность, литературно-критические статьи Гершензона продолжают взывать к современникам. Читателям «Вестника Европы» они рассказывают об историческом очерке М. Колчина «Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв.». Рассказ о подлинных исторических документах, хранившихся в секретном монастырском архиве, переплетается в повествовании Гершензона с судьбой автора книги, студента Медико-хирургической академии, сосланного в Архангельскую губернию в 70-е гг. XIX в., и с историей Соловецкой тюрьмы, существовавшей более трех столетий и упраздненной лишь в 1883 г. Исследование М. Колчина названо Гершензоном «памятной доской борцам и мученикам за веру», которых выпустили на свободу лишь в 1904—1905 гг. О смерти А. А. Бакунина, участника русско-турецкой войны, Гершензон рассказывал как об одном из эпизодов русской общественной жизни, напоминая одновременно и о его брате, М. А. Бакунине, известном и за пределами России. Материалом к уяснению биографии А. С. Пушкина и его духовного развития стало для Гершензона академическое издание его переписки, осуществленное под редакцией В. И. Саитова. О сочинениях И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Ш. Аша, Э. Бернштейна, Г. Василевского, П. Соколовского Гершензон рассказывал читателю, выделяя из хаотической мозаики книг важные и ценные сведения для понимания современной историко-культурной жизни. Об итогах деятельности самого Гершензона в этой области напоминает заметка «Вестника Европы». Инвентарная опись коллекции Московского Публичного и Румянцевского музея позволяет говорить о том, что и заслуги Гершензона в собирании материалов для биографии А. И. Герцена становились зримыми. Литературным событием России 1908 г. стал труд М. О. Гершензона «Жизнь и мышление Чаадаева», привлечший к себе и внимание Г. В. Плеханова. «Бранит и хвалит, — писал Гершензон брату. — Бранит за мистицизм, хвалит за талант» (20,9, л. 10).

Июнь 1908 г. Гершензон провел в Гунгербурге. Однажды он присутствовал на журфиксе у М. М. Стасюлевича. Гротескное описание «журфикса раритетов», сохранившееся в его архиве, — важный показатель восприятия окружающего мира, человеческих и социальных симпатий и антипатий Гершензона. «Видел я теперь царя иудейского — барона [Г. О.] Гинцбурга (вот — рожа)» (20,9, гл. 18), — пишет он. Острый взгляд Гершензона фиксирует далее: «Он стар, заплыл жиром, большие мешки под глазами, сидит — весь апатия, — и маленькие умные глазки» (там же). За этой портретной характеристикой встает не единичная фигура, а целый мир установок, неприемлемых в своей отдаленности от более дня и положения бедствующей кругом интеллигенции. «Пошлые, суетные люди», «вожди литературы», с которыми Гершензон сталкивается на заседании Толстовской комиссии, избранной Всероссийским съездом печати «По вопросу о чествовании Л. Н. Толстого», вызывают в душе Гершензона те же чувства. Ответственность за грядущее и стыд перед потомками не позволяют ему отстраниться от происходящего в стране. «Я думаю, — пишет он, — потомки горячо посмеются над тем, как мы чествовали юбилей Толстого» (9,62, л. 1). Юбилей писателя не был поводом для провозглашения о всеобщем следовании его идеям, но он действительно рождал вопрос, сформулированный Гершензоном: «Куда мы идем?». Интеллигенция, признавшая вели-

чие художника, успокоила «свою совесть, как богатый человек покупкою билета на концерт в пользу голодающих». Эта мысль Гершензона о снижении нравственного и культурного уровня интеллигенции соседствует с верой в неподкупность совести, в силу истины учения Толстого. Не случайно он просит С. Л. Франка написать для «Критического обозрения» статью «Л. Толстой и русская интеллигенция», публикует подготовленные к печати Л. Ю. Бердяевой письма Л. Н. Толстого. Внутреннее, культурно-нравственное и религиозное перевоспитание интеллигенции — одна из признанных задач публицистической деятельности Гершензона.

В это же время он вступает в творческое общение с кругом лиц, занятых созданием ежемесячника «Критическое обозрение», и оказывается в составе редакционного комитета, возглавляемого Е. Н. Орловой. В конторе журнала и издательства «Критическое обозрение», расположенной на Садовой-Кудринской в Москве в доме Найденова, Гершензон проводит большую часть своего рабочего времени. Он становится редактором отдела литературы в тот момент, когда естественный отдел возглавляет Н. И. Кольцов, исторический — Д. М. Петрушевский, экономический — И. М. Гольдштейн, философский — Н. Д. Виноградов. Однако полномочия Гершензона в журнале не ограничиваются рамками отдела. Он фактический соиздатель Е. Н. Орловой, установившиеся отношения дружбы и доверия с которой обретают теперь характер естественного течения.

С осени 1908 г. Гершензон с семьей занимает флигель дома, только что приобретенного Е. Н. Орловой в тихом арбатском переулке. Этот дом становится одним из очагов московской культурной жизни. Воспоминания о нем будут волновать многих когда-либо побывавших здесь. Описан он в воспоминаниях Е. К. Герцык, В. Ф. Ходасевича, А. Белого. «Квартира Никольского переулка — символ яркой культурной работы» (45.87, л. 1), — так лаконично определил ее жизненный тонус А. Белый.

В дни, когда отношение к символистам и символизму в обществе носило характер неприятия, Гершензон поддержал их и платформу журнала «Весы». Более того, он смог воспротивиться даже В. Я. Брюсову, слившемуся, как образно определил А. Белый, «заледенить романтический пыл символистов» (45.87, л. 2). В Брюсове Гершензону виделись «искусственная простота» и «умное самообладание», но последнее казалось ему ценным, поскольку открывало возможность сотрудничества.

Вечером 24 сент. 1908 г. под крышей орловского дома Гершензон впервые встретился с Ф. Сологубом. «Он странен, но интересен, умен очень» (20.9, л. 40), — таково было его первое впечатление от художника, определившее весь дальнейший неизменный и истинный интерес к его творчеству. Благодаря «Критическому обозрению», не только «Истлевающие личины» Ф. Сологуба, но и «Посолонь» А. М. Ремизова, и «Трагический зверинец» Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, и «Снежная маска» А. А. Блока, и многие другие произведения символистов получают свое истолкование.

Однако в орбиту гершензоновского внимания попадают не только сами произведения, но и их творцы, люди дерзкого, самобытного мировосприятия, а также и те, кто излишне заботился о стеснении печатного слова. Об одном из популярных литераторов, участвовавшем в совещании правительственной Комиссии по выработке проекта закона о печати, но ничего не предпринявшем для его демократизации, об

А. А. Голенищеве-Кутузове, Гершензон выскажется «совершенно вежливо, но резко отрицательно» в марте 1909 г. со страниц «Критического обозрения».

Обозревать литературу по избирательному праву Гершензон предлагает В. М. Устинову. Он планирует поместить в журнале обзор литературы по вопросам о неприкосновенности личности в тот момент, когда социал-демократическая фракция I Государственной Думы была арестована, и появившийся указ от 3 июня ознаменовал по сути контрреволюционный государственный переворот. Свои надежды Гершензон связывает с авторитетным словом Н. Н. Полянского. Приглашаются в журнал и известный юрист, автор работ по методологии социальных наук и общественной теории права и общегосударственного права Б. А. Кистяковский, и историк искусства А. Н. Бенуа, в качестве рецензентов сборников стихотворений приглашаются В. Я. Брюсов, Н. А. Бердяев, С. А. Поляков. Сам Гершензон обозревает историю русской литературы П. А. Кропоткина, произведения Н. Е. Пояркова (Яркова Н.), А. И. Куприна, С. С. Юшкевича, С. Д. Боброва и др. То эйфорическое чувство, которое владело им в ожидании первого номера «Критического обозрения» («Блестящая будет книжка, в России еще такого не было»), он сохранил до самого выхода издания в свет. Однако обязанности редактора этого издания он вынужден был совмещать с аналогичными обязательствами перед журналом «Вестник Европы». О напряженности ритма обозревательской работы Гершензона можно судить по желанию представить в одном номере информацию о Полном собрании писем М. И. Глинки, под редакцией Н. Я. Финдейзена, о «Сети веры» П. Хельчицкого, о книге «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке», о серии М. К. Лемке «Галерея шлиссельбургских узников». Для этой серии Гершензон параллельно готовил очерк о В. И. Соколовском, получив от Лемке дело о заключении поэта, хранившееся в Архиве департамента полиции. Такого ритма работы Гершензон порою не выдерживал. Досадные в его публикаторской практике ошибки о том безжалостно свидетельствуют. Так, на страницах «Вестника Европы» как новинки публикует он письмо П. Я. Чаадаева, изданное этим же журналом в июле 1874 г., и письмо И. С. Тургенева К. К. Случевскому об «Отцах и детях», уже известное читателям по первому собранию писем И. С. Тургенева. И, хотя случаи эти единичны, но они представляют собой факт его творческой биографии, такой же реальный, как и его сотрудничество в специальных исторических журналах «Былое» и «Русская старина», где его словом дорожили. Так, в 1908 г. в Никольский переулок пришел с просьбой о сотрудничестве сам генерал А. П. Воронов, редактор «Русской старины».

Продолжает печататься Гершензон и на страницах «Русских ведомостей». Здесь появляется его статья о записках сенатора К. И. Фишера. Статья, посвященная памяти М. И. Щепкина, возвращает Гершензона к незаурядной личности человека, связанного дружбой с Н. В. Гоголем и Л. Н. Толстым, с кругом русских шестидесятников. Гершензон вспоминает о днях личного знакомства с М. П. Щепкиным, сыном профессора математики Московского университета Павла Степановича и Клавдии Николаевны Тимирязевых, учеником Т. Н. Грановского. «Бодрый, умный и отлично образованный старичок» раскрыл перед Гершензоном двери своего московского дома, познакомил с женой, Калерией Петровной Щепкиной (урожд. Воскресенской) и

детьми — Митрофаном, Дмитрием, Калерией. В этом доме, либеральном центре московской жизни 1890-х гг., студент Михаил Гершензон многое понял. С тех пор прошло немало лет.

Ныне же он сам становится центром. И его активное участие в Обществе содействия внешкольному образованию с 1908 г. — не вежа, но лишь черта в его биографии. В составе лекторской комиссии Общества, которая должна была устраивать научно-популярные лекции по различным отраслям знаний, Гершензон читал и краткие систематические курсы, и лекции эпизодического характера. Они становились общественным достоянием, усиливая интерес к его личности.

В конце ноября 1907 г. — начале 1908 г. надежда Гершензона на издание писем А. П. Чехова в издательстве И. Д. Сытина внезапно для него угасла. После достаточно откровенного, но нелюбезного разговора с «доброжелательным» издателем, проявившим к его планам поразительную забывчивость, Гершензон и не предполагал, что судьбе будет угодно вновь столкнуть его с Иваном Дмитриевичем: книга писем А. И. Эртеля выйдет в свет именно в его издательстве. Работа над ними позволила Гершензону оценить оригинальную систему идей Эртеля, относящихся к области практического разума. Нашупав жизненный нерв учения его и рельефно обозначив полнокровность натуры писателя на фоне контрастирующей с ним «худосочной и вялой русской интеллигенции 80-х годов», Гершензон первым заговорил о мировоззрении Эртеля. В инстинктивном стремлении Эртеля на путь писательства Гершензон видел потребность в непрерывной смене явлений и действий. Эртеля, полного «энергии на дело», Гершензон считает одним из народников, но отмечает в нем категорическое неприятие «всяких насильственных приемов в борьбе с неправдою», тех нравственных оснований, которые он сам чтит. Приобретение «временного блага ценою абсолютного зла» было недопустимым для Гершензона, и он не без удовлетворения подчеркивал это и в учении Эртеля.

Появление книги «Письма А. И. Эртеля» вызвало резкие упреки в адрес Гершензона, будто бы намеренно заслонившего фигуру писателя собственной милостью, «варварским» сокрытием части эпистолярного его наследия, будто бы подверставшего публикуемый материал к своему предисловию и во многих других грехах. «Память Эртеля, его интимная жизнь потревожены во имя каких-то совершенно посторонних соображений» (15.64), — настаивал Кранихфельд. Гневные филиппики Кранихфельда не имели ничего общего с гершензонским исследованием пути духовного развития Эртеля. Но в общем тоне оценок Кранихфельда ощущалось разочарование М. В. Эртель (урожд. Федотовой) от общения с Гершензоном, прежде казавшимся ей глубоким и тонким психологом. В процессе подготовки издания, когда значительную часть писем А. И. Эртеля Гершензон решил не публиковать, поскольку в книге необходимо было место для двух десятков писем его корреспондентов — В. Г. Черткова, П. А. Бакунина, Н. Н. Ге, Г. А. Мачтета, — Мария Васильевна восприняла решение редактора как недостойное. Тревога о памяти мужа не была лишь следствием болезненной мнительности М. В. Эртель. Она давно хлопотала об издании. Еще в феврале 1908 г., сразу после смерти Александра Ивановича, Мария Васильевна просила В. Г. Короленко написать предисловие к изданию сочинений Эртеля. Но сославшись на то, что он не читал самый значительный роман Эртеля «Гарденины» (1889), где художественно исследовались итоги пореформенного развития

страны, Короленко от предложения отказался. Он опасался, что его статья может быть воспринята как знак солидарности с народниками. Однако, несколько не сомневаясь в том, что личность Эртеля заслуживает внимания, Короленко переадресовал в августе просьбу вдовы Ф. Д. Батюшкову и тот, в свою очередь, согласился написать статью «Последний народник». Но такое название вызвало возражения Короленко, не воспринимающего народническое движение как исторически завершившийся процесс: «Что это значит? — недоумевал он по поводу предполагаемого заглавия статьи. — Это значит, что после Эртеля, который перестал писать в начале 90-х годов, народничества уже не было?». Острые наблюдения Короленко о расколе внутри народнического движения, происшедшем задолго до «легального марксизма», которыми он делился с Батюшковым в письме от 8 сент. 1908 г., несомненно, стали известны Гершензону: ведь именно Батюшков и Короленко указали М. В. Эртель на Гершензона как на возможного редактора книги, косвенно повлияв и на хронологические ограничения публикуемых (вплоть до создания «Гардениных») писем и на его интерпретацию творчества Эртеля. Структурной организацией материала Гершензон невольно провоцировал столкновение мнений, и это казалось непозволительным Марии Васильевне. Но, припомнив о столкновении А. И. Эртеля, «человека дела», неиссякаемой жизнеспособности, с В. Г. Чертковым, одним из пропагандистов учения Л. Н. Толстого, она поняла, что в поисках нового идеала «народничество» Эртеля 1880-х гг. и «толстовство» Черткова были исторически необходимы.

Знакомство с обитателями дома Черткова, «толстовцами» и «нетолстовцами», расширяло кругозор Гершензона, оставляло в душе теплые чувства. Накануне личной встречи с Чертковым Гершензон получил от него письмо, содержащее одобрительные отзывы о его рецензии на книгу В. Анучина «Казнь Якова Стеблянского»: «С замечаниями Вашими о рассказе Анучина я от глубины души согласен: они очень верны по существу и прекрасно выражены. Того же мнения и Л. Н. Толстой, которому я давал читать Вашу рецензию и который в восторге от самого рассказа Анучина, недавно им прочитанного по поводу Вашей рецензии» (43.31, л. 5). Но в эти же дни произошло и резкое расхождение «толстовца» с Гершензоном по вопросу о насилии. «Вы заповедь о непротивлении злу злом принимаете как голословный догмат, в чем я никак не могу следовать за Вами» (43.31, л. 10), — писал Чертков. За две версты от имения Черткова, в Ясной Поляне состоялся тогда же между Л. Н. Толстым и М. О. Гершензоном сбивчивый и раздражительный спор о Боге как Творце мира.

Для реформирования миросозерцания интеллигенции, о котором мечтал Гершензон, необходимо было внутреннее культурно-нравственное и религиозное перевоспитание ее. «Творческое миросозерцание» — не только предмет его размышлений, но и заглавие статьи, вошедшей в сборник «Вехи» и появившейся в печати в марте 1909 г. Замысел о сборнике статей, посвященных критике интеллигенции России, возник у Гершензона в октябре 1908 г. Он обсуждал его с известным трезвостью своих идей мыслителем С. Л. Франком. По глубокому убеждению Франка, необходимо было предостеречь авторов сборника от глубоко критического уклона материалов, допустимого лишь в том случае, если бы авторы были способны указать единственно верный путь. Сомнения в приемлемости марксизма для русской почвы у авторов сборника были. Но они были далеки от простой подмены имен Марк-

са — Христом, социализма — царством Божиим, и от желания подводить новый фундамент под старое здание. Христианство интересовало их как способ «открывания свободы в духе». Но Гершензон ощущал «неполноту опыта Христа», «человека второго рождения», рождения не во плоти, а в духе.

Б. А. Кистяковский, автор книг по конституционному праву, в статье для сборника «Вехи», посвященной вопросам правосознания интеллигенции, признавался Гершензону: «Я слишком много гоняюсь за фактами и внешними выражениями и чересчур мало смотрю вглубь интеллигентской души» (34.43). Возлагая на интеллигенцию нравственную ответственность и вину за разгул реакции в стране, Кистяковский полагал, что она способна повлиять и на правосознание народа и на правотворческую деятельность судей, которые в условиях отсутствия правовой нормы выступают в роли законодателей. Авторы «Вех» приступили к оценке ценностей русской интеллигенции, не имея определенной программы. «Эти вехи, — писал Гершензону известный историк-славист Д. Н. Егоров, — показывают лишь пройденный путь, а предстоящий намечен куда слабее» (33.53). «Неисправимый общественик» С. А. Венгеров, не разделяя критики в адрес русской интеллигенции, заявлял Гершензону: «... буду с Вами драться персонально» (30.8, л. 10). Правда, позже «тоскливое недовольство „Вех“» будет оценено им с объективностью историка. Л. Толстой поддержал идею внутреннего усовершенствования, изложенную Гершензоном в предисловии к сборнику. В бурном потоке критической литературы, с амплитудой оценок чрезвычайно великой — от брани до одобрения — слышны голоса Д. С. Мережковского, П. Б. Струве, В. А. Мякотина, А. В. Пешехонова, В. Мейера. Панегириком авторам сборника стало открытое письмо архимандрита Антония Волынского. По оценке В. Короленко, «Вехи» «попали в точку». Позицию «Вех» поддержали А. Белый, В. В. Розанов. К. И. Чуковский, отмечая «худосочное самоедство авторов сборника», в статье «Современные ювеналы» вместе с тем подчеркнул: «В личности только и заключается живая творческая энергия»³.

О фактах окончательного преодоления декаденства новым русским искусством Гершензон сообщает в эти дни со страниц «Критического обозрения». Голос народной жизни слышит он в «Серебряном Голубе» А. Белого, в книге стихов Вяч. Иванова «По звездам» видятся ему пути восхождения человеческого духа.

В пылу газетной полемики по поводу 100-летнего юбилея со дня рождения Н. В. Гоголя Гершензон с удивительной смелостью заявляет: гоголевский постулат нравственного совершенствования не ограничен этическими и религиозными идеями, а подчинен общественно-утилитарным целям. Он восстает против установившихся предвзвешений о Гоголе, искажений его творчества. В гершензоновских оценках Гоголь — художник, одержимый «мечтою о прекрасной, светлой, гармонической жизни на земле». Гершензон отмечает то «лучезарное видение», которым обладал этот величайший писатель, то, что «жгло его душу», а жгли ее тьма и неустроенность русской действительности, и весь он отдался делу земного благоустройства». Рационалистическое сознание Гершензона возрождало гоголевское утверждение: «Ум мой был всегда наклонен к существенности и к пользе» (10.4, л. 2).

Гершензон далек был от историко-литературной тяжбы по поводу

³ ОР РГБ. Ф. 620. 44.21.

«Выбранных мест из переписки с друзьями» с В. Г. Белинским или А. Н. Пыпиным, не прельщала его и возможность нового освещения известных фактов. Его интересовала лишь историческая перспектива — движение общества к прогрессу. Спор между Белинским и Гоголем обозначал для него две системы идей, по-разному определявших пути и средства развития общества. Потребность выслушать и другую спорящую сторону открыла перед ним книгу Гоголя. «Вся эта книга» предстала перед ним как «сплошной и страстный призыв к личности — отдать все силы на служение общему благу».

И та «существенность» и та утилитарность, какие он отмечает в гоголевских устремлениях, и та «полнота энергии на дело», какая видится им в Эртеле, чрезвычайно важны для понимания того, как неуклонно, своими путями развивается творческая мысль самого Гершензона. От полемики с позитивизмом 1901 г. она логически переходит к 1909 г., к мучительным осмыслениям различных общественных течений русской мысли, начиная с Гоголя и кончая Эртелем.

Гоголевским призывом, обращенным к согражданам, встать на защиту родины, Гершензон завершил свою юбилейную статью «Завещание Гоголя», опубликованную в № 5 журнала «Русская мысль». Гоголевские слова: «В душе ключ всего» — стали эпиграфом к новой книге Гершензона «Исторические записки (о русском обществе)». Она была составлена в сентябре 1909 г. из статей, опубликованных в журналах «Вестник Европы» (1908), «Русская мысль» (1909) и в сборнике «Вехи». Статьи были дополнены и, по мысли автора, являясь продолжением «Вех», могли противостоять собранию газетных и журнальных статей, направленных против этого сборника и изданных в мае 1909 г. под заглавием «В защиту интеллигенции». «Исторические записки (о русском обществе)» из историко-литературной работы перерастали в смелое и нужное общественное дело. Ведь излагая воззрения Н. В. Гоголя, Ю. Ф. Самарина, П. В. Киреевского, Гершензон не упускает из виду идею целостности духа и внутреннего устройства личности, которая определяет его собственное кредо. Статьи Гершензона ставили под сомнение многие литературные предрассудки и бытующие суждения. Но они определяли его отношение к тем критическим замечаниям, которые были вызваны его веховской статьей «Творческое самосознание». В «Исторических записках» она опубликована со следующей авторской купюрой: «... каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуше всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ограждает нас от ярости народной» (104). В «Исторических записках» Гершензон, по-видимому, счел недостаточным и те меры, которыми он ограничился в подстрочнике ко 2-му изданию «Вех». Там слово «должны» толковалось как синоним «обречены», но это не исключило превратного читательского восприятия. Гершензон вынужден был убрать из статьи фразы об эгоизме как великой силе самоутверждения.

Книга, фактически вышедшая в свет в конце 1909 г., вызвала обвинения П. Б. Струве, упрекавшего ее автора в воскрешении философской доктрины славянофильства. От особого интереса к славянофильству Гершензон никогда не отрекся, но в освещении этого вопроса у него присутствует односторонность, определяемая тем, что его занимает славянофильское учение о личности, о природе сознания, о жизненном деле. Реферативное изложение этих идей в «Истории Мо-

лодой России» и «Исторических записках» выросло в глубокую нравственно-философскую систему.

Удивительная способность Гершензона воспринимать и воскрешать исторические факты и биографии не ограничивалась лишь славянофилами. Его жизнеописания В. Ф. Печерина и П. Я. Чаадаева были уничтожающей критикой для всякой церковной религиозности. Религиозность и мистицизм их никакого отношения к церковной религиозности не имели, они были и освещены религиозностью культуры, гуманизма, теми чувствами, которые определяли душевные порывы самого Гершензона.

Когда в феврале 1910 г. он узнает о нужде и постоянных болезнях А. М. Ремизова, выбивающих писателя из рабочей колеи, то, посоветовавшись с друзьями, оказывает тому материальную помощь «от анонимной группы литераторов», чтобы никак не стеснить свободы человека. Совместно с Вяч. Ивановым и А. Н. Чеботаревской он хлопочет о публикации реалистической повести Ремизова «Неуемный бубен», о страшной судьбе чиновника Стратилатова. Повесть, которую в журнале «Аполлон» отказался поместить С. К. Маковский, была опубликована в кн. I «Альманаха для всех» (издание «Нового журнала для всех») тиражом в 7 тыс. экз. О душевной отзывчивости Гершензона свидетельствует его запись от 3 нояб. 1910 г., сделанная под впечатлением ухода Л. Н. Толстого и его болезни: «... ни на минуту не забываю Толстого. Даже не в его поступке дело, а, точно родной, старый человек, брошен куда-то в пространство без приюта» (13.27, л. 22).

Сердечно относился Гершензон к людям, оказавшимся в трудном или беспомощном положении, как это случилось с О. [В.] Малышевой. Вопрос о выдаче ей заграничного паспорта был, по указанию П. А. Столыпина, передан «на усмотрение Пензенского жандармского управления». Реальной помощи от депутата М. И. Волконского не было. Благодаря вмешательству Гершензона, препятствия к выезду Малышевой за границу были устранены, а дознание по ее делу прекращено.

В самой природе Гершензона было много такого, что сближало его в чувстве сострадания и братства с лучшими представителями русской интеллигенции. Совместно с акад. А. А. Шахматовым и присяжным поверенным П. Н. Переверзевым Гершензон стремится облегчить участь заключенного в С.-Петербургскую тюрьму известного пушкиниста П. Е. Щеголева. Оттуда, 2 марта 1910 г. он написал Гершензону о том впечатлении, какое произвела на него «Жизнь В. С. Печерина»: «На мой взгляд, это лучшая Ваша работа. Страницы новые печеринские замечательны...» (44.29, л. 19).

В 1911 г. в связи с 50-летним юбилеем И. С. Никитина вышла в свет в издательстве А. С. Панафидиной другая работа Гершензона — собрание сочинений поэта, отличающееся высокой текстологической культурой издания. Почти одновременно в типографии Московского университета завершилась подготовка двухтомного полного собрания сочинений И. В. Киреевского. «Сочинения Киреевского, — писал М. О. Гершензон в статье к изданию, датированной 16 нояб. 1910 г., — для новейшей русской истории — первоисточник и русской правды, и русской неправды. Поэтому я считал полезным их переиздание; надо привести общество к первоисточнику тех идей, которые в нем борются...» (8.24, л. 2). Гершензоновское уважение к источнику было бес-

предельно: знакомя читателя с сочинениями И. В. Киреевского, он стремился рассеять ложные основания и бездоказательные ссылки на него тех критиков, которые эксплуатировали его учение для оправдания своих действий.

О недопустимости таких явлений Гершензон совершенно определенно высказался в связи с решением третейского суда по поводу действий Г. В. Белицкого, заменившего заглавие вып. 7 серии «Москва в ее прошлом и настоящем» на заглавие «Бытовая Россия». Гершензон признавал противоправным единоличное решение Белицкого по отношению к редактору издания В. В. Каллашу и авторам статей.

Размышления Гершензона о нравственном аспекте облика издателя, публикатора опираются на вереницу фактов. Фельетоны В. Г. Черткова о последних днях Л. Н. Толстого занимают здесь не последнее место. «Исповедует любовь, — замечает Гершензон по поводу публикации фельетонов газетой „Русские ведомости“, — а пока больно делает жене Толстого; это бы можно печатать только после ее смерти».

Авторитет Гершензона-архивиста в 1911 г. был велик. И Нижегородская архивная комиссия избрала его в свои члены. В начале 1911 г. Гершензон жил в ожидании решения П. А. Столыпина о доступе к материалам Архива Комитета Министров, чтобы получить копии дел о братьях Кривцовых и продолжить свое исследование о «семье декабристов».

Но интересы Гершензона не замыкаются только сферой исторической. В январе 1911 г. его гостями стали А. М. Ремизов и А. Н. Толстой, чьи произведения только что были опубликованы в вып. 13 альманаха издательства «Шиповник». В молодом беллетристе А. М. Ремизове, «симпатичном и интересном» человеке, он почувствовал огромный талант. «Ему, я думаю, предстоит большая известность», — таков прогноз Гершензона, сделанный на основании «Крестовых сестер». Об А. Н. Толстом Гершензон запишет: «Его действительно зовут гр. Алексей Толстой. 28 лет, только что женился, живет в Петербурге, породист и барствец, нечто среднее между Львом Толстым в 28 лет и Писемским в 30, впрочем, по характеру, дарование ближе к последнему: свежий, сочный, яркий реалист» (17.17, л. 29). Ощущение жизни, которым было пронизано «Сватовство» А. Н. Толстого, было тут же схвачено Гершензоном, предвосхитившем многие оценки других критиков о художнике. Спустя год Михаил Осипович всячески содействовал изданию книги о Л. Н. Толстом, написанной преподавателем русского языка 7-й Петербургской гимназии Н. В. Заботкиным. В условиях осознаваемого им обеднения литературы он считал необходимым появление книги об А. Н. Толстом, в чьем творчестве видел «красоту Тургенева, смех Гоголя, стон больной души Достоевского». С поэтическим словом В. Я. Брюсова, сжатым, резко очерченным, максимально насыщенным. Гершензон связывал надежды на развитие русской поэзии вообще, определившей свой интерес к внутреннему миру человека.

Сближению Гершензона с Вяч. Ивановым способствовали их встречи летом 1911 и 1912 гг. в Силламягах. «Он очень замечательный человек, по глубине мысли — мудрец, и великий художник для немногих», — так представлял в письме к брату прекрасного русского поэта Михаил Осипович. Мысль об элитарности его точно отражала место Иванова в ряду литературных течений и нисколько не умоляла его гениальности.

Радостная весть о допуске к занятиям в Архиве департамента полиции, полученном благодаря стараниям С. Ф. Ольденбурга, застигает Гершензона в Силламягах летом 1912 г. В это же время устанавливаются у него творческие контакты с сотрудником «Исторического журнала» А. Г. Фоминим, редактирующим стихотворения И. С. Никитина для издательства «Просвещение». Располагая новыми источниками, переданными Библиотеке Академии наук наследниками поэта, Фомин смог на их основании установить ошибки в гершензоновском издании И. С. Никитина и свои замечания изложил Гершензону, который тем не менее дал наивысший отзыв на работу Фомина. По его признанию: «Ни одна рецензия не дала мне столько приятного, не поддержала меня в такой степени морально, как Ваша заметка. Она — буквально хронологическая дата в моей биографии» (42.57, л. 55). Отзыв Гершензона, столь важный для исследователя, был продиктован сугубо научными соображениями и истинным уважением к труду собрата. За ходом его редактирования библиографии А. С. Пушкина за 1900—1910-е гг., составленной слушательницами С. А. Венгерова на Высших женских курсах, Гершензон будет следить с надеждой и доброжелательством, какие в ту пору вообще царили среди участвующих в пушкинском томе Библиотеки великих писателей. Под впечатлением от встреч и бесед рождались его размышления о великом поэте.

«Образы прошлого» — книга, выпущенная в свет издательством «Окто» в 1912 г., выдвинула имя ее автора на авансцену литературных споров. О приемах и манере гершензоновского письма заговорили. В страстных спорах об авторе слышен был и голос М. С. Шагинян. Драгоценным свойством Гершензона она считала талант в «оживлении старины»; в особом восприятии «семейственности, рода». Веховскую фазу Гершензона о штыках, сделавшую его имя притчей во языцех, Шагинян готова была рассматривать как обмолвку, достойную прощения и во что бы то ни стало стремилась доказать, что современные процессы не интересуют Гершензона. Да и кто знал, что Гершензон, хорошо знакомый с работами Маркса и Энгельса, выражал той фразой в «Вехах» свою солидарность с мыслью Энгельса: «Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие»⁴.

Мысли Энгельса об авторитарности революции, исторические споры «левых» и «правых», «славянофилов» и «западников», современные философов постоянно находятся в поле зрения Гершензона. Не случайно он принимает участие в непериодическом издании «Новые идеи в философии», организованном петербургским издательством «Образование», где публикует цикл статей о славянофилах и Чаадаеве. Образы прошлого, само прошлое преобразуются в его сознании в «новые идеи философии». Своё отношение к историческим спорам он фиксирует в дневнике 1912 г.: «Левые не читают Киреевского, Самарина, а правые никогда не читали Белинского, Добролюбова, Герцена и пр. Посте-

⁴ Энгельс Ф. Об авторитете // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 18. С. 305.

пенно в правых совсем заглохло сострадание к народу. И их съело доктринерство. У народа нет друзей, которые его любили бы и которым он верил бы: левых он не любит, правые стоят против него» (13.24, л. 33).

Размышления Гершензона о русском народе, спасшем Отечество от французского нашествия ровно сто лет назад, совпали с заседаниями Общества истории и древностей Российских, посвященными Отечественной войне 1812 г. 21 окт. 1912 г. Гершензон слушает выступления В. И. Герье «Александр I», «Наполеон», С. В. Бахрушина «Москва в 1812 г.», М. К. Любавского «Московский университет в 1812 г.», К. В. Покровского «1812 г. в русской повести и романе». Мысль его стремительно движется к будущим исследованиям о декабристах и Пушкине, грибоедовской Москве и Чаадаеве, Герцене, Огареве, Печерине...

В современной ему России Гершензон находит тех, кто еще хранит документы, связанные с дорогами для него «образами прошлого». Так, адвокат Стасюлевич, брат покойного М. М. Стасюлевича, ознакомил Гершензона с собранными редактором материалами для полного собрания сочинений П. Я. Чаадаева. Выпускник юридического факультета Петербургского университета Ю. Астромов, живущий в Риме, рассказал ему о своем знакомстве с В. С. Печериным, которое состоялось в июне 1846 г. в доме министра народного просвещения С. С. Уварова. Современники помогают Гершензону восстанавливать трагические эпизоды жизни русской интеллигенции последекабрьской поры.

Книга Гершензона «Эпоха Николая I», вышедшая вторым изданием в издательстве «Образование», вольно или невольно возвращала автора к судьбе «русского юноши» Н. И. Тургенева, «русской женщины 30-х годов» писательницы Е. А. Ган, к судьбам русских эмигрантов тех лет.

Работа над подготовкой и изданием документов Герцена, Огарева, Чаадаева... Номер журнала «Современник», где Гершензон опубликовал начало статьи о декабристе С. И. Кривцове, был конфискован. Несмотря на это, фактический редактор журнала Е. А. Ляцкий анонсировал участие Гершензона в нем. Это было чрезвычайно важно для Гершензона, ибо после закрытия «Критического обозрения» и он лишился научной трибуны. Гершензон остро переживал нежизнеспособность научных изданий в стране со 150-миллионным населением, с десятками тысяч ежегодных выпускников высших учебных заведений. Но он верно почувствовал, что под влиянием общественных событий усилился интерес к газетам, и через С. Л. Франка вступил в переговоры с М. П. Федоровым, редактором петербургской газеты «Слово», о сотрудничестве и получил приглашение писать о литературе и литературной критике. С № 17 газеты «Русская молва», № 1 которой вышел в свет 25 дек. 1912 г., под рубрикой «На разные темы» стали публиковаться статьи Гершензона. Критике отвлеченного и безответственного идеализма большинства русских интеллигентов, проблемам «власти и страдания», «драгоценным силам» русской интеллигенции посвящал Гершензон свои статьи, которые продолжали публиковаться на страницах «Русской молвы» и в 1913 г.

1913 г. — год активного сотрудничества Гершензона с журналом «Голос минувшего». Многие творческие проблемы он обсуждает в процессе работы с В. П. Бузескулом, другом С. В. Соловьева. В поле зре-

ния его оказываются и общеправовые вопросы. Исследования М. Н. Гернета, В. В. Корсакова, В. В. Мировича, рассказы В. И. Герье приближают Гершензона к выступлению об адвокате А. Я. Пассовере. Встреча Герье с Пассовером произошла в 1863 г. в русской читальне в книжном магазине Гейдельберга. Гейдельбергский университет, где они оба слушали лекции по государственному праву, был хорошей школой духовного развития русского юношества. Это же можно сказать и о Лейпцигском университете и его выпускнике А. Ф. Селивачеве, которому Гершензон помогал в публикации статьи о Даумере.

В конце 1913 г., когда обособлялись различные эстетические школы и направления, Гершензону довелось попасть на постановку «Сорочинской ярмарки» Мусоргского в Свободном театре. Присутствуя на авторском чтении стихов из книги К. Д. Бальмонта «Белый зодчий», состоявшемся в Литературно-художественном кружке Общества Свободной эстетики, Гершензон оценивает новаторство поэта. А вот атмосфера прений, возникающих на рефератах кубистов и футуристов, представляется Гершензону невыносимой. «Присутствовавшие, — пишет он, — вовсе мирные люди, ходят с синяками на лицах от случайных пощечин, летавших по воздуху ламп, стульев и пр.» (21.22, л. 38). В футуристическом неприятии «буржуазной пошлости», декадентства, лежавшем в основе их эпатажирующих заявлений и действий, Гершензон не находил разрешения принципиальных эстетических разногласий. Он опирается на поэтический опыт А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, публикуя на страницах журнала «София» статьи «Вдохновение и безумие», «Умиление», где разрабатывает наиболее ценные достижения пушкинской и лермонтовской эстетики, к которым и восходит современная ему новаторская поэтическая мысль. Завершение издания сочинений и писем П. Я. Чаадаева и публикация «Грибоедовской Москвы» отдельной книгой вызвали широкий читательский интерес и доставили истинное творческое удовлетворение Гершензону, исследующему русское общество 20—30-х г. XIX в. и с точки зрения философского развития.

В феврале 1914 г., после смерти Н. А. Тучковой-Огаревой, Гершензон вновь отправился в Старое Акшено, откуда привез «целый ящик бумаг и много вещей: последнюю шляпу Герцена, шляпу Огарева» и много другого, что передал потом в Румянцевский музей. Письма А. И. Герцена Гершензон вручил М. К. Лемке для издания сочинений мыслителя. Часть рукописей оставалась в распоряжении Гершензона в связи с его текущими работами и была передана в Музей спустя время.

В условиях военного времени Гершензон вошел в Комитет для устройства публичных чтений в столицах и в провинции, существующий при Обществе истории русской литературы. Известно о его пожертвованиях на содержание лазарета Учительского дома при Обществе взаимного кредита в Москве, председателем которого был М. Н. Сперанский. Гершензон принимал участие и в издательской деятельности Общества русских писателей для помощи жертвам войны. Его издания отправлялись со спецпоездами, доставлявшими раненых из действующей армии. Он выступал против пассивного отношения к жизни. Будучи горячим поклонником эпиграмматического дара Ю. Н. Верховского, Гершензон открыто заявляет признанному мастеру: «Кто страдает поневоле, а Вы — по безволию» (30.15).

Поневоле страдали многие, сражающиеся на фронтах. Был призван на воинскую службу и брат М. О. Гершензона, А. О. Гершензон, из-

вестный одесский врач. Близко к сердцу принимает Михаил Осипович и судьбу А. Г. Фомина. Впечатления от горя и страданий солдатчины, выпавшие на долю его, обращают Гершензона к тем великим тяготам и страданиям, которые выпали на долю миллионов людей. Ведь лишь незначительная часть из них вступила в войну по своему убеждению, для многих же война оставалась принуждением, толкающим их к гибели. Способна ли война принести улучшение общественно-политического строя? Ведется ли она во имя национального благополучия? Что такое нынешняя война с точки зрения нравственной? Эти и многие другие вопросы неотступно и мучительно терзают Гершензона, не дают ему успокоения ни на минуту.

Постановку «Бесов» Ф. М. Достоевского на сцене Московского Художественного театра Гершензон воспринял как «тяжелое зрелище». Определенным философским знаком стала для него инсценированная Б. А. Садовским по стихам И. П. Мятлева сентиментальная пьеска «Фонарики-сударики»: картины перекрестков 40-х гг. XIX в. освещали в ней поиск путей, столь необходимых России 1914 г. С издательством «Путь» связывает Гершензон издание сочинений автора «Философического письма» П. Я. Чаадаева. «Два пути» называется статья Гершензона, публикуемая им на страницах «Биржевых ведомостей».

В рукописном шуточном журнале «Бульвар и Переулок» Гершензон выступает под литературной маской хирурга, специализирующегося в «выпрямлении искривлений характеров». В нем наряду с Гершензоном свои «мысли и недомысли» о том, как выбраться человечеству из лабиринтов, пытались высказать Вяч. Иванов, В. К. Шварсалон, Л. Ю. Бердяева (псевд. Бобчинский), Н. А. Бердяев (псевд. Фаддей Любомудров), В. Ф. Эрн, Н. С. и Е. С. Кругликовы.

Замысел Гершензона напечатать материалы гениального русского композитора и глубокого мыслителя А. Н. Скрябина рождается в 1915 г.: «Мне казалось ценным собрать и представить во всеобщее сведение записи его духовно-умственного творчества. Помимо служебной роли по отношению к музыке Скрябина эти записи представляют и самостоятельный интерес» (8.5), — писал он получив согласие на публикацию материалов вдовы композитора Т. Ф. Шлецер-Скрябиной. «Биография мысли» Скрябина занимала Гершензона и позже. 14 апр. 1916 г. он участвовал в заседании Общества имени А. Н. Скрябина, где слушал выступления Вяч. Иванова «Скрябин как национальный композитор», С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, Ю. К. Балтрушайтиса, В. Ф. Шлецера, В. В. Богородского, В. Я. Брюсова. Там произведения композитора исполняли Л. Л. Сабанев и А. Б. Гольденвейзер.

На следующий день после этого заседания В. Я. Брюсов напишет Гершензону: «Ваше участие, Ваше имя для „Эстетики“ [имеется в виду участие Гершензона в составе жюри V Конкурса одноактных драм, организованного обществом „Свободная эстетика“ — Т. М.] очень важно. Я со своей стороны присоединяю самые усердные просьбы не отказать Обществу в этой услуге и в этой чести» (29.14). В состав жюри, помимо Гершензона, входили: К. С. Станиславский, А. И. Южин-Сумбатов, Вяч. Иванов и сам В. Я. Брюсов, возглавлявший в ту пору издательство «Скорпион».

Внимание общественности к имени Гершензона привлекли и материалы по истории русской мысли и литературы, издаваемые как продолжающееся издание, озаглавленное «Русские Пропилеи». Т. I этого издания вышел в свет в 1915 г. Он обладал невероятной внутренней

цельностью опубликованных материалов. Том открывали письма из Сибири кн. М. Н. Волконской, дополняющие ее дневники. Здесь же помещалась статья другой замечательной русской женщины Е. П. Фроловой (урожд. Галаховой) и рассказывалось о ее салоне в Берлине, который посещали А. Гумбольдт, Варнгаген фон Энзе, Беттина фон Арним и др. Здесь же были опубликованы живейшие материалы о судьбе декабристов. Записка Н. М. Орлова, сына декабриста, участника студенческого кружка 1840-х гг., позволила Гершензону поведать и о другом участнике его — Я. П. Полонском и напечатать забытые стихотворения поэта из архива Н. А. Тучковой-Огаревой. Списки стихотворений Я. П. Полонского из семейного архива Малиновских Гершензон получил от внука И. В. Малиновского, близкого товарища А. С. Пушкина. И. П. Малиновский среди прочих стихотворений прислал посвящения Полонского матери, В. П. Малиновской (урожд. Эйслер), теткам Е. А. Штакеншнейдер и С. И. Штакеншнейдер (урожд. Малиновской). Он раскрыл перед Гершензоном дневники своего деда, бывшего одним из выборных членов Комитета об улучшении быта крестьян от Харьковской губ., и достоинства его библиотеки, состоящей из русских и французских изданий XVIII—XIX ст. (37.10).

К Гершензону как к человеку, способному своим талантом освободить из-под спуда забвения то, что хранилось в семейных архивах, обращаются очень многие. Е. Н. Орлова надеется «воскресить образ бабушки», Е. Н. Репниной, предлагая Гершензону рукописи из «бисерного портфельчика». Е. П. Свешникова поведала ему о своей петербургской встрече с Фреем в конце 1880-х гг. и о переписке его с Л. Толстым. Из ее слов Гершензон узнал не только об удивительно сильной вере Фрея в «религию человечества», но и об отзыве Л. Толстого о нем как о человеке в тот момент, когда она доставила письмо Фрея писателю: «Люблю Фрея! Контрист он, буддист он или христианин он — мне все равно, человек он хороший!» (41.13, л. 6). По совету Елизаветы Павловны Гершензон через хранителя рукописного отделения Библиотеки Академии наук В. И. Срезневского получил на время работы материалы в Румянцевский музей. В 1916 г. эти материалы вошли в том «Русские Пропилеи».

После выхода в свет 1-го т. «Русские Пропилеи» редактор «Биржевых ведомостей» А. А. Измайлов обратился к Гершензону с просьбой приспособить изложение материалов тома для читателей газеты. И Гершензон активно включился в газетную работу. Он оглашал исторические сведения о Г. С. Батенькове, И. С. Тургеневе, Н. А. Некрасове, Л. Н. Толстом. И при этом был далек от объективистской беспристрастности. В библиографических отзывах, литературных фельетонах и статьях Гершензон в связи с войной рассматривал закон Фехнера, вопросы сознательного и бессознательного патриотизма, критерии прогресса. «Турнир и война», «Второй год войны», «Жесткость немцев», «Амнистия» — так красноречиво названы им отдельные статьи и заметки. Молчание казалось ему преступным, личное и общее стали для него единими. В декабре 1915 г. в салоне барона Дризена на вечере, посвященном памяти Врангеля, в присутствии сотрудников «Биржевых ведомостей» А. Ф. Кони воздал должное публицистическому таланту Гершензона.

Эстетическому и человеческому чувству Гершензона была чужда «развязная болтовня» газетчиков «Биржевых ведомостей». По мнению Р. И. Иванова-Разумника, голоса многих из них сливались в общем

энергичном хоре требований «войны до победы». Идеологи различных мировых государств воспевали войны, пытаясь найти им оправдание и ничего не говоря о «националистических и торговых идеалах» столкнувшихся сторон. «Что отдали, кроме чернил в подписях к воззванию, воинственные либералы и радикалы, призывающие „вырвать оружие у врагов“, „освободить народы“?» — вопрошал Иванов-Разумник в своей статье «Испытание огнем», адресованной 29 апр. 1916 г. Михаилу Осиповичу с весьма определенной дарственной надписью: «Мих. Ос. Гершензону в знак полного духовного расхождения. С приветом Р. Иванов» (34.2, л. 37). В оценке Иванова-Разумника не было преувеличения. В статье Гершензона «Народ, испытываемый огнем», опубликованной в № 1 «Еврейской недели» за 3 янв. 1916 г., Иванов-Разумник нашел основания для разговора о том, как Гершензон выдержал «испытание огнем». Ему казалось, что голоса Г. В. Плеханова, М. О. Меншикова и М. О. Гершензона сливаются в лозунге «войны до победы». Но в гершензоновских суждениях о войне, как и в разговорах В. Г. Короленко, слышалось нежелание мириться с настроениями о войне, похожими на настроения социал-демократической фракции Государственной Думы.

Гершензон задумывается над тем, возможно ли изменить исторический ход событий. Его размышления о «душе человека», о человеке вообще совпадают с философским исследованием проблемы «Человек» Л. Шестова, книгой стихов Вяч. Иванова под тем же названием, опытом введения в философскую психологию С. Л. Франка «Душа человека». Гершензон в письме Е. Н. Орловой (№ 245) писал: «Человек очень запугался и мучается; мы думаем, что понимаем, в чем он запугался, и хотим объяснить, но мы и сами человеки» (26.34, л. 21).

Не только в литературе, но и в жизни Гершензон руководствовался желанием понять, если объяснение было невозможным, психологические пружины тех или иных мотивов поведения. Несмотря на полемику между Д. В. Философовым и В. В. Розановым о нем и И. И. Левитане на страницах журнала «Русский библиофил», Гершензон по просьбе В. А. Верещагина, известного эстета, библиографа и библиофила, подготовил к печати рукописи Д. В. Давыдова, стихотворения Б. М. Федорова, письма А. И. Тургенева В. А. Жуковскому, Н. Ф. Щербины В. Н. Репниной, А. Я. Булгакова В. А. Жуковскому и другие, и доказал свое благожелательное отношение к изданию вообще. Когда в октябре 1916 г. В. А. Верещагин передал свои обязанности бывшей балерине В. А. Трефиловой, вдове Н. В. Соловьева, Гершензон также получил приглашение сотрудничать в журнале. Но изменившееся направление его, о котором заявляла будущая руководительница, по-видимому, оказалось для Гершензона неприемлемым. Может быть, тому невольно, препятствовали и сложности с изданием 2-го т. «Русских Пропилеев», содержащего письма Г. С. Батенькова и дневник А. Б. Гольденвейзера, задержанного царским правительством. Кроме того, в процессе производства находился и т. 3 сборника «Русские Пропилеи», посвященный И. С. Тургеневу. По просьбе известного специалиста в области изучения творчества писателя Н. Л. Бродского Гершензон должен был прочитать в 1916/17 уч. г. курс истории русской литературы в Литературном кружке Нижнего Новгорода.

26 янв. 1917 г. Гершензон выступил в концертном зале Тенишевского училища, расположенном на Моховой улице в д. № 33, с лекцией «Мудрость Пушкина». Пушкинское отношение к разуму и культуре со-

ставляло смысл проповеди Гершензона. Оригинальность мышления и врожденное чувство гармонии его были высоко оценены современниками. И до февральских событий 1917 г. Общество свободной эстетики, объявляя конкурс драматических этюдов, включало Гершензона в состав жюри наряду с тончайшими ценителями искусства сцены.

В дни Февральской революции Гершензон участвовал в составлении резолюции и выработке плана Союза писателей, посещая собрания, на которых узнавал и о ходе революции. Он был непосредственным слушателем рассказа И. П. Демидова, члена Государственной Думы, о течении событий в Москве и Петербурге с 26 февраля по 11 марта. В этом рассказе, опубликованном 15 марта в «Русских ведомостях», Гершензон обнаружил лишь очень небольшую часть из слышанного. Дни всеобщего общественного оживления совпали для Гершензона с сообщением о «свободе» т. 2 «Русских Пропилеев», накануне приговоренного судом к значительному изъятию страниц. «Тут помог случай, — писал Гершензон, — приговор суда состоялся еще в ноябре, но до сих пор не удавалось получить бумагу из-за волокиты. Приди бумага, книга была бы исковеркана» (20.28, л. 29).

Опасности быть исковерканной подвергались не только книги. Свои размышления о «Кризисе современной культуры» Гершензон излагал в лекциях, в которых настаивал на необходимости упорядочения человеческой воли в ее конкретных проявлениях. Одна из таких лекций состоялась 29 марта 1917 г. в Киеве. Утверждая необходимость регламентации духа, Гершензон говорил о целостном преобразении его в соответствии с моральными и гражданскими законами. Мечта увидеть «божественное лицо человека» требовала ответа на вопрос об истоках войн. . . . Планомерное истребление сотен тысяч людей, опустошение цветущих стран, разнузданность всех инстинктов, жестокость безмерная — ведь откуда же?» (20.28, л. 17). Гершензон предостерегал от превращения могучей стихии духа в стихию беззакония и своеволия, от истребления людей в раздуваемом революционным пожаром. Анализируя газетные сводки, он понял неминуемость разорения и родных ему бессарабских земель. «Верю, что все это вернется, — писал он, — но какие страдания жителей, какое разорение края, и какой ущерб для России!» (20.28, л. 20). Происходящее было результатом действий Временного правительства. «В новое министерство я несколько не верю; это люди чужие друг другу, они не сплутаются» (21.2, л. 7), признается Гершензон брату 29 июля 1917 г.

Вопросы духовного состояния русского общества приобрели особую остроту после Февральской революции. Нравственные проблемы, связанные с «мучительными и нечистоплотными родами русской свободы», Гершензон обсуждает совместно с Б. Л. Модзалевским. Пение гимна «свободе» и ее попрание на каждом шагу, вносило в жизнь элемент анархической одичалости, ставило в прямую зависимость понятия культуры и свободы. И весьма симптоматично, что Гершензон становится членом общества, в названии которого — «Культура и свобода» — эти два понятия непосредственно связывались. Предполагавшееся возобновление журнала «Былое» воспринималось Гершензоном как удивительная возможность на основе публикации документов из архива Департамента полиции и Управления по делам печати раскрывать истину. Она необходима была для дальнейшего развития общества, как необходимо было взаимопонимание между людьми в стране и за ее предела-

ми. И потому Гершензон вступает в Союз духовного общения между интеллигенцией России, Франции и Италии.

Но к удивлению Гершензона мысль его не находит в реальной жизни той конкретности, которая позволила бы ему ощутить крепость почвы. И еще одной возможностью выхода из этого неустойчивого состояния становятся для него Курсы свободно-религиозных знаний, учрежденные при Обществе истинной свободы в память Л. Н. Толстого. Всестороннее изучение мировоззрения и жизни Толстого, определяющее задачу курсов, давало возможность найти ответы на многие вопросы современности. В обстановке полудоичалого духовного состояния 1906 г. Гершензон также пытался обрести истину в толстовстве. Вникая в 1-й т. «Круга чтения» Л. Н. Толстого, он с досадой заметил: «Нет, и Толстой не насыщает: у него нет ответа на вопросы существа; он или не ставит их вовсе, или отделяется словесным Богом» (13.16, л. 10). А в июне 1917 г. он попросил С. А. Венгерова написать философскую статью о «Детстве» и «Отрочестве» Толстого как переломном моменте в духовной жизни писателя.

«Перелом» для Гершензона — ретроспекция духовного состояния и одновременно проекция перспективы общественного движения. Чрезвычайные закрытия газет «Русские ведомости» и «Русское слово» были первыми известиями, связанными для него с событиями в Зимнем Дворце. Ломалась привычная ему информационная связь: он вынужден был довольствоваться единственным источником — слухами. И о победе октябрьского вооруженного восстания Гершензон узнал не из газет. 27 окт. 1917 г. он писал брату: «Временное правительство свергнуто и арестовано, но вся провинция — против большевиков, говорят, армия — тоже, так что они, вероятно, не смогут удержать власти» (20.27, л. 40). Политические прогнозы Гершензона опирались не только на слухи, но и на знание межпартийного антагонизма. 20 нояб. 1917 г. он запишет: «... мало верю в продолжительность Учредительного собрания, скорее всего, не то, что разгонят его, а просто оно внутренне разорвется, потому что в нем будут преобладать кадеты и большевики, у которых нет общего языка» (20.27, л. 43).

В первые месяцы революции быт привилегированной прослойки русского общества казался незыблемым. Вместе с А. Н. Толстым, у которого был широкий круг знакомых, Гершензон посетил роскошный особняк одной молодой меценатки, чтобы добыть средства и помочь бедствующему с семьей А. М. Ремизову. Еще в период первой русской революции Гершензон оказывал анонимную помощь писателю. И горькому восклицанию суждено было вырваться из души Гершензона: «Вот тебе и социальная революция!» (21.3, л. 18), — когда и после Октябрьской революции благотворительность осталась единственным средством такой помощи.

Необходимость коренных преобразований в стране для Гершензона очевидна. И потому в оценке деятельности большевиков он не однозначен: «Я хоть и вижу, что большевики действуют глупо, а иногда и преступно, но в душе не могу отказать им в сочувствии, да и многие их меры мне кажутся превосходными, — только слишком поспешными. Они, по-моему, правильно переделывают, но такую большую махину надо переделывать на ходу, а не останавливая ход, как они делают сплошь и рядом. И суд, и адвокатура, и банки — все это ведь они задумали совершенно правильно, не говоря уже о мире, земле и рабочих» (21.4, л. 14). Закрытие большевиками печатных органов других партий

представляется Гершензону откровенно ошибочным. К тому же минимальная информационная насыщенность советских газет лишала читателей представления о реальных масштабах царящего в стране хаоса, нищеты и голода. Возникновение в мае 1918 г. внепартийной газеты «Возрождение» Гершензон приветствует, публикуя в ней две статьи. В одной из них, посвященной вопросам новой орфографии, он выступил открытым сторонником орфографии традиционной. В другой, написанной по следам тургеневской «Песни торжествующей любви», постарался поддержать платформу веры в возрождение России, выдвигаемую газетой.

Свои надежды на выход из отчаянного положения страны Гершензон возлагал на общеевропейский мир. Россия, оцепленная «все суживающимся кольцом» англичан, продвигающихся по северным дорогам южнее Петрозаводска, чехословаков — на Волге, казаков — на Урале, была в опасности. И не было сомнения в том, что враги действуют по совместному и единому плану.

С самого начала 1918 г. Гершензон стремится превратить Союз писателей в авторитетный литературный центр, который должен был высоко держать знамя великой русской литературы, а также отстаивать профессиональные интересы литераторов. Благодаря его усилиям, в Союз писателей было привлечено много видных литераторов, и в их числе Шестов, Зайцев, Булгаков, Кропоткин. К сожалению, мы не располагаем ответами Гершензона на предложенную ему в апреле 1918 г. М. А. Ильиным (псевд. Осоргин) анкету о том, что должна делать интеллигенция в целях национального возрождения России. Но отсутствие ответов вполне может быть компенсировано его активным участием в литературно-критическом отделе «Литературного ежемесячника», политической, общественной и литературной газете «Свобода» и издаваемой ею серии «Революция и культура». С мая 1918 г. Гершензон со страниц «Биржевых ведомостей» излагал важные для становления новой культуры идеи. В связи с интересом к литературам народов, населяющих Россию, Гершензон участвует в издании сборника молодой еврейской поэзии. «Еврейская антология», подготовленная совместно с Л. Б. Яффе и В. Ф. Ходасевичем, вышла в свет в московском издательстве «Сафрут» в 1918 г. Включается Гершензон и в работу по подготовке серии изданий «Пушкинской библиотеки», задуманной издательством Сабашниковых. По просьбе Ф. А. Степпуна Гершензон как историк и библиограф в июле 1918 г. консультирует скульптора, который собирался работать над памятниками Бакунину и Герцену.

Бесперывно пытаюсь понять происходящее и нередко сомневаясь, Гершензон оберегает себя от духовной косности. Он пытается встать и на место простого русского труженика, для которого самодержавная власть была петлей. Один из источников все усугубляющейся дестабилизации в стране Гершензон видит в желании некогда привилегированной части общества сохранить свои привычные, исконные преимущества во что бы то ни стало. Жажда прежнего порядка, «то есть прочности вещей, хотя бы и дурных» (21.2, л. 24), овладевшая многими его бывшими знакомыми, противоречит неопределенным гершензоновским ожиданиям «новой жизни, какой еще не было на земле» (там же). В обстановке общественной поляризации сил мечты Гершензона воспринимались как крайне радикальные, а самого его нередко стали называть большевиком. В это время общение с ним прекратил проф. Д. М. Жуковский, крупный помещик, в присутствии которого Гершензон

одобрил конфискацию земли у землевладельцев. В своем публичном выступлении «Исторические судьбы еврейства» Гершензон с тяжелым чувством говорил о вздорности идей сионизма, этой «чечевичной похлебке территориально-государственного национализма» (10.56, л. 18), которой потчуют народ, и о собственной философии еврейской истории. «Я обвиняю сионизм в том, что своим признанием он усиливает в мире злое, проклятое начало национализма, стоившее столько слез человечеству» (10.56, л. 20), — заявлял Гершензон. Он во всем стремился занять активную нравственную позицию. Стороннее наблюдательство было не в его натуре. Во взгляде на поставленные историей вопросы он расходился и с Н. А. Бердяевым. Однако погромы, жестокости и насилия, которыми сопровождалось установление новой власти, были столь же нетерпимы для Гершензона, как и для всех здравомыслящих людей.

В эти дни с особенной страстностью Гершензон устремляется в сферу человеческого духа, его закалки. Книга «Тройственный образ совершенства» — призыв Гершензона к гармонии из мира зла и жестокости. Этим призывом проникнуто и выступление «Дух и слово», обращенное к молодым студийцам-поэтам в мае 1918 г. Как предостережение от повседневной жестокости воспринимается гершензоновская рекомендация брату прочитать сборник «Криница», где излагалась история некогда знаменитой толстовской земледельческой колонии, сохранившей идейную чистоту, столь необходимую человеку в кризисный момент. Особым философским смыслом была наполнена для Гершензона строка из стихотворения Вяч. Иванова «Криница» — «Чисты воды ключевые». Гершензон считал, что сохранению душевного равновесия должно способствовать занятие земледелием, которое он и рекомендовал настоятельно брату. К чистоте первозданной природы, к ее родникам уходит в эти дни Сергеев-Ценский, находя покой на небольшой ферме в Крыму.

Среди «мертвящего одичания дней» появляется очередной том Гершензона «Русские Пропилеи». Промелькнувшие в нем тени и образы людей, которые на всем протяжении истории России способствовали духовному развитию ее народа, были истинной поддержкой и утешением современному читателю. Ирреальные картины первых дней новой власти, запретившей издание многих газет и тем лишившей куска хлеба тысячи журналистов, болью отзывались в сердце Гершензона. Когда в мае 1918 г. в связи с разорением «Нового времени» остался без средств к существованию В. В. Розанов, Гершензон, несмотря на скудость собственного пайка, которого едва хватало ему и жене (нужда вынудила отправить детей в колонию Собеза), взял на себя заботу о товарище по ремеслу. А «нищенский хвост на паперти Коммуны», говоря словами А. М. Ремизова, все рос. Согбенную фигуру Гершензона, везущего на санках писательский паек — муку — Розанову, описал в своих воспоминаниях В. Ф. Ходасевич. Арбатские переулки тех горьких дней помнят Гершензона, идущим на помощь А. Белому и его матери. Сыновья и дочери России, люди различных социальных кругов, социального положения и политических убеждений покидали родину. Гершензон получал известия о новых эмигрантах: об А. Толстом, издававшем журнал «Грядущая Россия» в Париже, о С. В. Лурье, бывшем сотруднике «Русских ведомостей», нашедшем приют там же, о Мережковских, добравшихся в апреле 1920 г. до Варшавы. Пересекались пути и судьбы бегущих из России в Женеве, Берлине, Риме, Константинополе. От Стокгольма до Шанхая создавались русские издательства.

И, хотя материальное положение пишущей русской эмиграции не было плачевным, Гершензон, читая их письма и слушая рассказы о них, явственно ощущал их тоску.

От приглашения большевиков принять участие в редактировании классиков Гершензон отказался, поскольку не считал монополизацию классики партией большевиков законной, а в обосновании их требований не усматривал достаточной компетентности. Личные планы по изданию русской классики Гершензон теснейшим образом сопрягает с сериями Ломоносовской и Пушкинской библиотек издательства М. В. Сабашникова. Здесь планируется издание сочинений Ф. И. Тютчева, К. Д. Батюшкова, А. Дружинина.

По просьбе одной из учредительниц чествования В. Г. Короленко Е. П. Пешковой, Гершензон принял участие в вечере, организованном просветительским обществом «Культура и свобода» 5 авг. 1918 г. В знак признания его заслуг в деле издания и пропаганды русской классической литературы 25 окт. 1918 г. на заседании Общества любителей российской словесности, посвященном 100-летию со дня рождения И. С. Тургенева, Гершензон был торжественно избран почетным членом Общества.

В первый день 1919 г. Гершензон, думая над образом совершенного мира, делает в дневнике следующую запись: «Хорошо бы под старость написать длинный роман, светлый и неспешный, добрый и мудрый, страниц в 500 — главное, весь светлый, всем понятный, как на склоне летнего дня. Одно из главных очарований „Дон-Кихота“ (как и „Робинзона“), без сомнения, то, что действие его все время происходит под открытым небом, а не между четырех стен под крышей» (13.25, л. 1). Ощущение сложных бытовых и творческих тисков, метафорических «стен» и «крыш», не было свойством индивидуального восприятия Гершензона. Свои «стены», «крыши», своя «эпопея» были у М. Горького, В. Ходасевича, А. Белого. Живя в Берлине, Белый испытывал постоянную потребность исповедаться, «выложить душу» Гершензону. «Мое письмо к Вам, — писал он 24 февр. 1923 г., — это те нежные и хорошие слова, которые выговариваю Вам каждый день почти, беседуя с Вами лично; если бы хоть часть бесед закрепить в письме, вышло бы не письмо, а послание» (28.25, л. 49). Не только А. Белый, которому еще суждено было вернуться на родину и заслужить несправедливые и полные злобы оценки Л. Троцкого, но и многие другие деятели культуры, находящиеся в изгнании, или добровольно покинувшие отчизну, внутренне были обращены к Гершензону.

Из камеры 38 корпуса 16 Бутырской тюрьмы было отправлено Гершензону письмо арестованного по недоразумению русско-литовского поэта Ю. К. Балтрушайтиса. Весть об аресте его, точно молния, поразила Гершензона. Он немедленно принес в тюрьму книги из личной библиотеки и, собрав Правление Союза писателей и проинформировав о случившемся О. Б. Каменеву и А. В. Луначарского, сделал все для освобождения поэта. Уже в июне 1921 г. Балтрушайтис будет назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром Литвы в России.

В марте 1919 г. Гершензон хлопочет о передаче надежному человеку квартиры С. Н. Булгакова, чтобы предотвратить гибель его библиотеки и имущества. Когда в Книгоиздательстве писателей в Москве А. Е. Грузинский «затерял» предисловие к роману «Петербург», а его автор, А. Белый, полуголодный и разутый читал лекции в Пролеткуль-

те, Гершензон через Литературный комитет Киевского отдела искусств Наркомпроса выхлопотал для поэта приглашения в академическое бюро на условиях выгодного вознаграждения. Еще прежде Гершензон заботится о спасении московской библиотеки Б. А. Кистяковского. В январе 1923 г. Гершензон примет как личную беду известие о разоренном дотла петроградском доме Раевских, о рассеявшейся по миру их семье и гибели значительной части семейного архива.

Живейшее участие принял Гершензон и в судьбе кооперативного издательства «Полярная звезда» в связи с его слиянием с издательством «Гесперид». Не остался он безразличен и к просьбе «Издательского дела (бывшее — Брокгауз-Ефрон)» о редактировании набранного еще до первой мировой войны грибоедовского текста, подготовка которого была начата в серии классиков В. В. Каллашем. Когда в мае 1919 г. в результате слияния ЛИТО Наркомпроса с рядом советских и кооперативных издательств был создан Госиздат РСФСР, находящийся в подчинении Наркомпроса, Гершензон по просьбе А. Б. Халатова участвовал в обсуждении плана этой организации. Гершензон был одним из редакторов Книгоиздательства писателей в Москве.

Служба Гершензона в Наркомпросе — важный этап становления его гражданской зрелости и человеческой мудрости. В 1920 г. он не без гордости сообщил: «Служу в Литературном отделе Наркомпроса, в академической секции» (21.4, л. 14). В ту пору молодой еще Н. Ф. Бельчиков рассказал ему о судьбе архива Катковых, к расфондированию которого причастен был «университет Свердлова, вывезший оттуда 20 ящиков книг» (21.4, л. 10). Активно участвовал Гершензон в работе секций, подсекций и комиссий по разработке вопросов поэтики, истории литературы, народной поэзии, критики и специального изучения отдельных авторов.

Гершензон становится одним из активных участников и коллективных работ по изучению всеобщей истории и литературы Запада. Результаты его трудов заслушивались в докладах. Но усугубляющиеся сложности с изданием сочинений приобретали особую остроту как нравственного, так и материального свойства. 17 апр. 1920 г. Гершензон обратился в Коллегию Наркомпроса с просьбой о заграничной командировке в связи с обострением туберкулеза. Но Коллегия постановила от командирования его за рубеж воздержаться, и одному из заместителей наркома просвещения, М. Н. Покровскому, поручила принять меры к улучшению материального положения Гершензона. В мае 1920 г. ему удалось заключить договор с акционерным обществом «Издательского дела (бывшее — Брокгауз-Ефрон)» об издании книги «Философия славянофильства» (34.8).

Помощь М. Н. Покровского была «весьма» ощутимой. Гершензон уже с 17 июня мог получать обеды в санатории ЦЕКУБУ, который располагался в небольшом доме по Неопалимовскому переулку в Москве. В эти дни на тесном пространстве квадратной комнатки санатория Гершензон встретился с Вяч. Ивановым. И эти два мечтателя начали переписываться. Так, из шести пар писем, возникла «Переписка из двух углов» (11.3). Произведение огромного философского значения, оно затрагивало вопросы вечные и актуальнейшие, касающиеся культуры и человека. По предложению С. М. Алянского эта переписка была издана в петербургском издательстве «Алконост». После этого она неоднократно переиздавалась и была переведена на многие языки за рубежом.

Гершензон продолжал работу по редактированию т. 6 «Русских Пропилеев», начатую еще в 1915 г. Тогда вдова А. Н. Скрябина просила К. Д. Бальмонта передать через Гершензона рукописи мужа в Румянцевский музей. Из хаотических записей Скрябина Гершензон извлекал наиболее драгоценное, чтобы показать в нем не только композитора, но и глубокого мыслителя. «Мне казалось ценным собрать и представить во всеобщее сведение записи его духовно-умственного творчества не только потому, что, совершившись в недрах того же духа, оно, несомненно, питало и направляло его музыкальное творчество, и в этом смысле может до известной меры служить комментарием к последнему, — но и потому, что оно представляется мне в высшей степени замечательным само по себе, независимо от своей служебной роли по отношению к музыке Скрябина». Тексту скрябинского «Предварительного действия» Гершензон предпослал статью Б. Ф. Шлецера, написанную специально для тома «Русских Пропилеев». В философии и музыке Скрябина он разглядел то, что должно было быть унаследованным русской общественной мыслью и русской культурой, говоря словами Вяч. Иванова, узрел в «солнечном костре слепых от блеска дней священную череду идущих в шаг теней».

В этой «священной череде» теней заинтересовала Гершензона и фигура кн. П. А. Вяземского. Правда вопрос о праве печатания его сочинений для Гершензона так и остался открытым. Но переписка с правнуком поэта, П. С. Шереметевым, живущим в Остафьево, и занятым подготовкой к печати избранных стихотворений и прозы П. А. Вяземского, должна была внести ясность в реальное положение дел. Еще при жизни поэта издание его сочинений было предпринято С. Шереметевым, женатым на его внучке и скончавшемся в 1918 г. Авторское же право оставалось за сыном поэта, а затем за его внуком, П. П. Вяземским, который в 1920 г. жил за границей, и связаться с которым было совсем не просто.

Как член Педагогического общества при Московском университете Гершензон в сентябре 1920 г. был приглашен Петроградским губотделом народного образования на съезд преподавателей русского языка и литературы. К Гершензону-пушкинисту обращается в эти дни приват-доцент Московского университета Н. Н. Фатов, который читал спецкурс «Введение в изучение Пушкина». Издательство «Всемирная литература» в декабре 1920 г. просит Гершензона о редактировании перевода книги Карлейля «Прежде и теперь».

В начале 1921 г. Гершензон выступил с изложением концептов созданной им на основании Ветхого завета книги «Ключ веры». Смысл его выступления — религия и истоки ее зарождения — оказался непонятен категорически нетерпимой аудитории. «Уже минут через 15, — вспоминал Гершензон, — поднялся некий субъект из публики в одежде красноармейца и задал вопрос: «Скажите, товарищ лектор, мы пришли сюда слушать о происхождении религии, а Вы нам рассказываете о Библии. Вы так и будете до конца говорить о Библии?» На предложение Гершензона послушать дальше, он, обратившись к слушателям, предложил им голосовать. Императивная тональность: «Есть ли Бог?» (21.31, л. 20) — слышалась не только в вопросе красноармейца. Ею была накалена вся атмосфера аудитории, взволнованной не предметом разговора, а возможностью решения любых проблем поднятием руки. К духовному обогащению через сверхзнание, сверхфилософию, сверх-

университет древнейших памятников культуры призывал Гершензон. И не всегда его призывы были тщетными.

В стихотворном посвящении Гершензону «В старом храме» поэта Э. Диксон нарисовала образ священнослужителя, страстного и вдохновенного в своей любви к истории:

Есть люди, которые любят
Молиться лишь в храмах старинных
Пред выцветшей, пыльной иконой,
Когда литургию им служит
Седой, вдохновенный священник
В истлевших от времени ризах. (15.42).

Служение Гершензона не исчерпывается лишь служением старинным храмам, каким был для него Историко-литературный архив (он заведовал им накануне реорганизации всей системы архивного дела). Но он активно сотрудничал и в Наркомпросе, РАХНе, ГАХНе, Институте художественного воспитания и Всероссийском союзе писателей, в IV историко-культурной секции Единого государственного архивного фонда Наркомпроса РСФСР. Гершензон не остался равнодушен и к робким попыткам отдела реформ школы Наркомпроса издавать литературу, необходимую учителю. Здесь планировалось издание гершензоновского перевода книги Олара «Великая французская революция». Несмотря на царящий в стране книжный голод, тяжелое положение на издательском фронте, Гершензон не лишился главного желания — творить, надеясь на издание книги «Гольфстрем» в издательстве «Шиповник». По предложению бывшего корреспондента «Русских ведомостей» И. Н. Игнатова, автора блестящих статей об А. Белом, Гершензон приступил к редактированию тома о театральных критиках. В мае 1922 г. он принял участие в издании однодневной газеты Комитета академических театров помощи голодающим «Дух человеческий». Прошлому и будущему русского поэтического творчества посвятил Гершензон свое публичное выступление в ГАХНе.

Дни публикации афоризмов Гершензона в петербургском журнале «Записки мечтателей» совпали с горестным известием о смерти А. А. Блока. Личное знакомство их было поверхностным, лишь однажды, вспоминал Гершензон, он «провел с ним вечер в Петербурге у знакомых, и долго шел потом, белой ночью» (21.31, л. 5). Но осознание вины пред этой трагической смертью было чрезвычайно острым. Гершензон был уверен, что беду можно было предотвратить: «Его надо было три месяца назад отпустить за границу» (21.31, л. 6). Губительность принудительных мер в отношении к интеллигенции была для Гершензона очевидна: с высылкой ее намечалось разрушение связей, грозившее крахом надежд. Из окружения Гершензона стали исчезать Ю. И. Айхенвальд, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Г. Виноградов, А. К. и Е. К. Герцык, А. В. Громбах, Д. Е. Жуковский, Б. К. Зайцев, А. С. Изгоев (Ланде), А. А. Кизеветтер, Г. Л. Ловкий, В. А. Маклаков, Д. С. Мережковский, П. Н. Милюков, А. М. Ремизов, П. Б. Струве, С. Л. и Г. Л. Франки, В. Ф. Ходасевич, Л. И. Шестов (Шварцман) и др. Удалился в Сергиев Посад В. В. Розанов, а Ф. К. Сологуб так и не нашел своего Посада, оставаясь в Петрограде. М. А. Волошин уединился в своем коктебельском доме. Вяч. Иванов переехал в Баку и углубился в занятия классической филологией. Издав книгу «Дионис и праднионисийские культы древнего мира», он за-

щитил по ней докторскую диссертацию. Но ни любовь горожан, ни доброе расположение в университетском кругу, где были сосредоточены серьезные научные силы, не смогли предотвратить его эмиграции в Италию. Гершензон тяжело переживал расставание с Вяч. Ивановым. А адресованным ему Римским элегиям не суждено будет застать Гершензона в живых.

Работая над предисловием к «Охоте на Кавказе» Н. Н. Толстого, Гершензон обнаруживает утраты и следы разорения и в московском доме его брата. Посещение дома Льва Николаевича, где остался нетронутым лишь его кабинет «с бумагами и письмами на столе», наполнило Гершензона чувством опустошения. Тень неприютности пала в эти дни и на тяжело больного поэта Б. А. Садовского, чьи сборники стихов и литературно-критические эссе Гершензон высоко ценил. Он хлопочет о назначении пенсии поэту вместе с его отцом — А. Я. Садовским — председателем Нижегородской археолого-этнологической комиссии.

Осенью 1922 г. в связи с обострением прогрессирующей болезни Гершензона, на него было обращено внимание ЛИТО Наркомпроса. Он получил командировку в Германию, где издавались и переиздавались его книги «Грибоедовская Москва», «Декабрист Кривцов», «Ключ веры», «Исторические судьбы еврейского народа», «Гольфстрем», «Переписка из двух углов» и др. Выход в свет работы Гершензона «Гольфстрем» сделал очевидным его разновидение с Л. И. Шестовым, намеченное еще событиями Февральской буржуазной революции. Свидетельство Л. А. Бах (урожд. Рабинович), которая видела портреты Гершензона и Х. Н. Бялика в берлинской квартире Л. О. Пастернака, может явиться косвенным подтверждением разных мировоззрений Гершензона и Шестова: запечатленный художником в минуты глубинных и горестных переживаний, образ Шестова диссонировал по настроению с внутренним миром Гершензона.

И, хотя жизнь Гершензона на чужбине, «очень грустная, пустынная жизнь», отягощенная обострениями болезни, была продлена помимо его воли, он тешил себя встречами в Берлине с дорогими ему А. Белым, А. М. Ремизовым, В. Ф. Ходасевичем и другими людьми. Совершенно необходимым для соотечественников считал Гершензон независимый журнал «Беседа», редакторы которого — М. Горький, В. Ходасевич, А. Белый — проводили в нем антиэмигрантскую политику.

Осенью 1923 г. сын Михаила Осиповича Сергей поступил на физико-математический факультет Московского университета. Это событие подняло дух Гершензона, но уже не в силах было поддержать его здоровье. С конца 1923 г. он практически уже не выходил из дому. Сборник документов по истории русской общественной мысли «Новые Пропилеи», вышедший в Госиздате в 1923 г., был итогом его прежних усилий. А договорам с берлинскими издательствами Е. А. Белицкого и З. И. Гржебина не суждено было осуществиться. Научная жизнь в Москве и Петербурге едва теплилась, разные общества почти не функционировали. В конце 1923 г., во время особенного упадка культурной жизни, вышел первый номер историко-литературного временника «Атены» со статьей Гершензона «Пушкин и Батюшков». Потребность вырваться из удручающей атмосферы культурного варварства потребовала от ученого огромного напряжения сил. Чтобы встретиться с народовольцами, прошедшими испытания в Шлиссельбургской кре-

пости и сохранившими в себе человеческое достоинство, Гершензон в начале 1924 г. отправляется на встречу с легендарными людьми — Верой Фигнер, Фроленко и др. «Их заметишь во всякой толпе, — пишет он, — Лев Дейч — сухой, суетливый старичок, и я вспомнил, что много лет назад, идя большой аллеей бульвара в гимназию, видел внутри „ворот” рамку и под стеклом его портрет, когда полиция искала его по всей России. Фроленко меня так тронул, что я послал ему свой именной билет. Всем по 70 лет, и все бодрые, хорошего вида. Конечно, это „естественный отбор”» (13.31, л. 5).

События последних двух годов жизни как бы возвращали Гершензона к годам прошедшим и размышлениям о них. Осень 1924 г. он провел в санатории ЦЕКУБУ в Гаспре, расположенном в бывшем доме графини Паниной, где в 1902 г. лежал больной Л. Н. Толстой. В конце 1924 г. у Гершензона наступил внутренний кризис, «томление жизнью», отягощаемый болезнью: «Черные страхи одолевают душу, все безнадежные, как жизнь; и страшнее всех их — тщета и бессмысленность всего существующего, всех чувств, затей и предприятий, всех прошлых и возможных удач. Душа наглухо заперта в себе, как могила, и в ней омертвелая воля, как труп» (13.31, л. 4). Потекли дни изнеможения и тревожного сна, наполняемого таким страхом, какой не в силах одолеть мысль. В такие минуты существования между надеждою и страхом Гершензон продолжает размышлять о рычагах, способных в любых ситуациях направлять человеческую деятельность. Гершензон настаивает на вере человека в длительность жизни, или на «предусмотрение срока смерти», как на важнейших условиях культуры, и общая линия его поведения не знает уклонов, по-прежнему устремляясь к творчеству и истине. В декабре 1924 г. Гершензон отстаивает книгу В. Ф. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина», вопреки критике ее, звучавшей в реферате Н. К. Гудзия и голосах М. А. Цявловского и В. В. Вересаева. Коллективная линия их поведения не смогла пошатнуть его веры, принципиальности и дружеской памяти.

«Уверенности в том, что я завтра буду жив, у меня нет, — писал Гершензон, — поэтому я неизбежно стараюсь уже сегодня пережить завтра; я переживаю его в мечтах». Будущее было единственным спасением для него от трагического настоящего: «„Сегодня” без „завтра” есть тюремный каземат, закрытая тесная клетка, в которой я еще до полудня сошел бы с ума» (13.31, л. 3).

Гершензон узнавал много о жизни русской эмиграции за рубежом, пытался восстановить сложную жизнь оторвавшихся от родной почвы людей. Из письма В. Ф. Ходасевича от 6 авг. 1924 г., писанного из Ирландии, узнал он о «русских профессорах и писателях неолитического периода» (среди которых выделялась фигура восьмидесятилетнего, «младшего» из них, Вас. Ив. Немировича-Данченко, пытавшегося сохранить хотя бы внешнее в своем быту). Осознание уродливости жизни вне родины, с которым Ходасевич обращается к Гершензону, не может оставить его равнодушным: «Не по-нашему дышим — и от этого умрем, конечно», «Я здесь не равен себе, я здесь — „я” минус что-то, оставленное в России» (43.5, л. 23). Подобно Ходасевичу, Гершензон представлял себя растением, пересаженным с открытого воздуха в комнату.

М. О. Гершензон умер 25 февр. 1925 г. Он похоронен в Москве, на Ваганьковском кладбище родными, близкими, поклонниками его таланта и друзьями. Многие из прощальных речей, звучавшие на клад-

бище, повторялись на вечерах памяти, заседаниях литературных комиссий и обществ, были опубликованы.

28 февр. 1925 г. под председательством П. Н. Сакулина было организовано заседание Литкружка, посвященное памяти Гершензона, в котором принимал участие и А. Белый. 20 марта 1925 г. состоялось 208 заседание Русского общества друзей книги, на нем выступил председатель Общества В. Я. Адарюков. Слова памяти о М. О. Гершензоне произнесли М. М. Пришвин, Н. И. Пожарский, М. А. Цявловский. На вечере, состоявшемся 6 марта 1925 г. в ГАХН, выступил Л. П. Гроссман. Он не ограничился обычными предикатами Гершензона — «ученый, историк, мыслитель, критик, исследователь, редактор», а ввел новый: «создатель нового литературного жанра художественной биографии».

Архив М. О. Гершензона — поэта, переводчика, источниковеда, историка, публициста, историка литературы, литературоведа и писателя, зарекомендовавшего себя в жанре исторических биографий, имел всегда особую притягательную силу для историков и литературоведов, издателей, архивистов, лиц, занимающихся вопросами генеалогии русских дворянских фамилий и истории их семей. Методы исследования Гершензона были предметом особых обсуждений в академических учреждениях уже в первые годы Советской власти, о чем красноречиво свидетельствуют тезисы выступления В. С. Нечаевой на одном из заседаний РАХН под председательством Н. К. Пиксанова. За советами, консультациями и поддержкой обращались к авторитету Гершензона-архивиста и Н. Ф. Бельчиков, и А. С. Долинин.

На протяжении 1900—1920-х гг. благодаря подвижническим заботам Гершензона шло перманентное пополнение фондов МПРМ, что зафиксировано в ежегодных Отчетах Музея. За «просвещенные труды по собиранию» и приобретению в Берлине на средства К. Т. Солдатенкова и М. П. Щепкина переводов произведений А. С. Пушкина на немецкий язык, пожертвованных Музею, где в ту пору еще хранились рукописи поэта, Гершензон был удостоен глубокой признательности директора Музея М. Веневитинова, а позже стал почетным членом Музея⁵. С именем Гершензона связано и пополнение коллекции «комнаты людей 40-х годов» материалами А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Сатиных. В архиве его сохранилась расписка сотрудника Музея В. А. Черепнина от 26 мая 1915 г. о получении «для комнаты людей 40-х годов» 23-х писем Н. А. Герцен к Н. А. Тучковой-Огаревой и рукописи Н. Сатина «Ножка». От Гершензона поступили в МПРМ материалы, составившие основу семейного архива Елагиных-Киреевских и многие-многие др.

Внимание исследователей к Гершензону и его архиву не могло быть приостановлено и его смертью. Тщательная и кропотливая работа над материалами архива ощущается и в библиографическом описании трудов ученого⁶. Попытка осмысления заслуг Гершензона-пушкиниста была предпринята Л. П. Гроссманом. В его речи, произнесенной на вечере в память Гершензона в ГАХН 6 марта 1925 г., высокая оценка деятельности Гершензона была обусловлена и его стараниями пушкиниста⁷. Публикацией фрагмента неизданной статьи ученого о Л. Н. Тол-

⁵ О Гершензоне как почетном члене Московского публичного и Румянцевского музея см.: Тезисы докладов и сообщений конференции по итогам научно-исследовательской работы ГБЛ за 1989 г. М., 1990.

⁶ См.: Берман Я. З. [М. О. Гершензон.] Библиография. Одесса, 1928.

⁷ См.: Гроссман Л. П. Гершензон — писатель // Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. М.: ГАХН, 1926.

стом, подготовленной на основании разысканий рукописных материалов в Ленинградском отделении Музея Л. Н. Толстого, И. С. Зильберштейн напомнил о Гершензоне, в жизни которого значительно было влияние философских идей великого художника. В обстановке жесточайшего книжного кризиса и падения спроса на книгу М. В. Сабашников «первый заговорил» о необходимости издания «избранных мест из переписки покойного с братом». Он принял все меры к подготовке издания писем Гершензона — чрезвычайно важных документов, вводящих в мир его художественного восприятия и во многом объясняющих стилистику его трудов⁸. К сожалению, работа над этой книгой оказалась прерванной в связи с трагической гибелью сына М. А. Цявловского. По-видимому, это обстоятельство определило и ограничение объема отобранной для публикации корреспонденции (из 4-х тыс. писем были отделены лишь 119), и некоторые неточности в их комментировании, и нарушения в организации их в пределах издания⁹.

В. П. Полонский, главный редактор журнала «Новый мир», взял на себя редакцию собранного и приготовленного к печати гершензонского труда¹⁰, значительно обогатившего советское источниковедение. К хранившимся в архиве Гершензона рукописям интерес между тем не ослабевал. В январе 1931 г. М. Б. Гершензон сверяет по просьбе А. Б. Дермана копии публикуемых им материалов о В. С. Печерине. Не располагая временем для выявления новых материалов в архиве, она пишет А. Дерману: «Бумаг никаких не посылаю, потому что той, о которой Вы говорили, нет, а других, относящихся к Печерину, много, но они, я думаю, все в большей или меньшей степени использованы Михаилом Осиповичем для книги о Печерине»¹¹.

Из архива Гершензона она возвращает владельцам материалы их семейных хроник, работу над которыми ученому не удалось завершить. В архиве сохранились расписки Мекк и Давыдовой о получении принадлежавших им рукописей от вдовы Гершензона.

С начала 1930-х гг. М. Б. Гершензон начала переговоры с дирекцией нового, учрежденного в Москве, Центрального Литературного музея о судьбе архива своего мужа. Она предложила его фондовой Комиссии Музея. И вскоре получила от В. Д. Бонч-Бруевича, директора Музея, письмо, датированное 17 февр. 1933 г. «Мне, конечно, хорошо известно достоинство этого прекрасного архива, — писал Бонч-Бруевич, — и знайте, что у нас собрались уже огромнейшие богатства, и когда Ваш архив будет нами приобретен, он вольется в прекрасное окружение»¹². Он просил владелицу с особой тщательностью приступить к сбору всех материалов архива и в очень корректной форме предостерегал ее от возможного разрушения сохранившегося их комплекса. Бонч-Бруевич полагал, что и материалы пианиста и композитора А. Б. Гольденвейзера, брата Марии Борисовны, сохранившиеся в ее семье, не могут быть отъединены от архива. «Буду очень благодарен, — взывал он, — если Вы примете все меры, чтобы собрать весь архив, который остался от Вашего брата, так как Вы понимаете, что каждая строка, от него отколовшаяся, будет нарушать целостность этого архива.

⁸ Резюме из выступления Н. К. Пиксанова «О неизданных письмах Гершензона» (см.: Бюллетень ГАХН. 1926. № 415).

⁹ См.: Гершензон М. О. Письма к брату. Избранные места. М., 1927. (Зап. прошлого).

¹⁰ См.: Архив Н. А. и Н. П. Огаревых / Собр.

и пригот. к печ. М. Гершензон; Ред. и предисл. В. П. Полонского; Примеч. Н. М. Мендельсона и Я. З. Черняка. М.; Л., 1930.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 356. 1.11.

¹² ОР РГБ. Ф. 369. 139, 62. Л. 1.

Говорю это потому, что по моему большому опыту вижу, как иногда бывает, что забывается та или другая пачка писем, лежащая в столе, в сундуке или в какой-нибудь шкатулке. Вот почему каждому из нас, когда мы архив приводим в порядок, совершенно необходимо самым тщательным образом осмотреть все уголки нашего собственного жилища, и очень часто эти поиски дают блестящие результаты. Вы уже наверно знаете, что один из таких поисков, произведенный внуком Пушкина на своем собственном чердаке, увенчался успехом отыскания громаднейшего архива Пушкина...»¹³.

После просмотра, систематизации и подсчета материалов архива Мария Борисовна составила его рабочую опись¹⁴ и через М. А. Цявловского вместе с письмом к В. Д. Бонч-Бруевичу передала в фондую Комиссию Музея. Она планировала передать туда свыше трех тысяч документов, четко выделяя следующие тематические группы:

«I. Бумаги Огарева, составляющие большую часть архива, в них включены архивы Сатиных и Тучковых.

Это сотни писем, переписки, дневники, отрывки воспоминаний, документы, альбомы, стихи и т. п. (Огарева, Герцена, Эл. Реклю, Маццини, Тхоржевского, Анненкова, Летурно, Сатина, Тучковых, Кетчера, Грановского, Бакунина, Галахова, Некрасова, Панаева, Пассек, Благовсвелова, Мейзенбург и др.).

II. Архив Римских-Корсаковых.

III. Архив Печерина.

IV. Бумаги Чаадаева.

V. Два дневника Киреевских (Ив. Вас. и Мар. Вас.).

Я очень хочу, чтобы все эти материалы не лежали без употребления, а были разобраны и представлены в пользование людей, изучающих старину...»¹⁵.

Бонч-Бруевич принял письмо М. Б. Гершензон как определенный этап ее работы по сбору архива и написал ей о том, что на ближайшем заседании фондовой Комиссии 26 марта 1933 г. вопрос о его приобретении будет поставлен на обсуждение. При этом Бонч-Бруевич не сомневался в том, что архив весь будет приобретен Музеем¹⁶. Но группе материалов, приобретенной Литературным музеем, суждено было в дальнейшем (в 1941 г.) оказаться в ЦГАЛИ СССР, где они были рассредоточены по разным его фондам¹⁷. Часть архива попала в ИМЛИ¹⁸.

В течение долгих лет значительная доля архива Гершензона оставалась в его семье. После смерти М. Б. Гершензон их дочь, Н. М. Гершензон-Чегодаева, жена известного советского искусствоведа А. Д. Чегодаева, историк искусства, автор трудов по русской и западноевропейской живописи, пыталась восстановить целостность архива, распыление которого началось давно. Ей не только удалось получить фотоконии писем отца, адресованных Селивачеву, но и собрать воспоминания о Гершензоне, появившиеся о нем за рубежом в разное время. Незадолго до смерти Н. М. Гершензон-Чегодаева обратилась в Комиссию по комплектованию отдела рукописей Государственной библиотеки

¹³ ОР РГБ. Ф. 369. 139, 62. Л. 1.

¹⁴ Черновой автограф описи сохранился в архиве М. О. Гершензона.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 369. 257, 38. Л. 1—2. (Письмо М. Б. Гершензон В. Д. Бонч-Бруевичу от

13 марта 1933 г.).

¹⁶ Об этом см.: ОР РГБ. Ф. 639. 139, 62. Л. 2.

¹⁷ РГАЛИ РФ. Ф. 130.

¹⁸ ИМЛИ. Ф. 201.

СССР имени В. И. Ленина, с которым была сопряжена вся деятельность ее отца, с вопросом о приобретении его архива. Заключение комиссии, составленное С. В. Житомирской, было убедительным: «Архив Гершензона представляет собой один из крайне немногих уже теперь литературных архивов кон. XIX — нач. XX в., не вошедших до сих пор в число известных». Непосредственно за экспертизой материалов последовало их атрибутирование и описание, которое неожиданно было прервано вплоть до 1988 г. Работа по описанию, атрибутированию, выявлению опубликованных материалов, сравнению вариантов статей и установлению их окончательных редакций, по организации материалов архива была завершена только в начале 1989 г.

Объем архива Гершензона, образовавшего самостоятельный фонд (№ 746), составляет 55 картонов. Хронологический охват материалов архива — 1808—1930-е гг. В структуре архива творческие рукописи Гершензона занимают наиважнейшее место, несмотря на их достаточно скромный объем (15 картонов, 1907 ед. хр.). Группу творческих рукописей открывают его стихотворения (к. 1, ед. хр. 1—55), во многом объясняющие метафорическую емкость его мышления, естественную и в его исследованиях по истории русской общественной мысли. В пределах архива четко обозначены тематические «гнезда», которые формировались исследователем в разные годы. Нередко разработка одной темы шла параллельно с другой. равно как и процесс переводческой деятельности соседствовал с его публицистическими и философскими размышлениями о будничном и вечном. Среди творческих рукописей Гершензона, связанных с осмыслением хода общественной мысли и русской литературы, роли отдельных представителей ее и определенных групп, особое место занимают статьи, исследования, библиографические заметки, списки с документов, касающиеся «семьи декабристов». Это исследование о декабристах М. Ф. Орлове, С. И. Кривцове, В. Л. Давыдове, написанное по семейным архивам декабристов и материалам государственных архивов страны и частных лиц. К ним примыкает и эссе Гершензона «Грибоедовская Москва», написанное на основе архива Римских-Корсаковых.

Особую группу образуют опубликованные и неопубликованные статьи Гершензона об А. С. Пушкине. Рядом с ними оказываются статьи о М. Ю. Лермонтове и Н. В. Гоголе, публикации материалов по истории России 1830—1840-х гг., времени общественно-политической реакции, последовавшей за разгромом декабристского движения. Две группы творческих материалов Гершензона — его исследования о славянофильстве и славянофилах Киреевских и Самарине, с одной стороны, о западниках Печерине, Герцене, Огареве, Грановском, Бакуinine, Тургенеve, с другой, — важны для понимания роли его в общественном движении своего времени. Самостоятельный интерес представляет группа материалов, объединенных именем Л. Н. Толстого. Исключительное значение имеют разнотипные документы, выявляющие тесные связи Гершензона с огромным кругом деятелей науки, литературы и органами печати.

Публикуемое в данном выпуске обозрение группы творческих рукописей М. О. Гершензона охватывает лишь три массива источников, позволяющих судить о Гершензоне-поэте, переводчике и публицисте, чтобы в дальнейшем обратиться к Гершензону-источниковеду, архивисту, текстологу, исследователю творчества отечественных поэтов, переводчиков, публицистов.

Обзор творческих рукописей Гершензона мы начинаем с группы материалов небольшого объема — это 55 единиц хранения, занимающих пространство картона № 1, а также стихотворения, рассеянные в письмах, записных книжках и дневниках его.

Стихотворения Гершензона — важный этап его творческой деятельности, свидетельствующий не о плодovitости, а о способе осмысления первоначальных жизненных впечатлений и наблюдений и осознания философских задач. Стихотворчество его, берущее начало в 1880-х гг. и обретающее завершенность в 1890—1900-х гг., в период поэтического затишья, неожиданно обрывается в тот момент, когда литературная жизнь России оживляется голосами поэтов-символистов. Специфически художническое, метафорически емкое мышление Гершензона является ключом для постижения системы образов и стиля его историко-литературоведческих исследований. Стихотворчество его объясняет также психологические мотивы тяготения к редактированию поэтических текстов А. С. Пушкина, Н. П. Огарева, И. С. Никитина, Я. П. Полонского.

В своих ранних стихотворениях Гершензон предстает художником, чья словесная палитра передает авторское императивное желание «движенья жизни, бури», вырастающее из объявшей мир неподвижности «раскаленного шара» солнца, безмолвного леса, уснувшего ветра. Подобно лермонтовскому романтическому герою, Гершензон тяготеет к «мертвой синева лазури», «ленивыми песнями сияющих вод»:

Прочь, покой Во мне живые силы,
Кровь кипит, и сердце просит бури...

(1.1, л. 2; список этого стихотворения — 1.2, л. 1—2; на л. 2 об. дата и место написания: «ноябрь 1888 г. Берлин»).

Это стихотворение по сути являет полемику Гершензона с самим собой, но тем, каким он был один-два года тому назад. Тогда в стихотворении, написанном белым стихом, Гершензон взывал к «сильным людям», вымаливая у них «покоя и отдыха». Повествование о некогда вольном сыне природы, превращенном людьми в безответного раба, дано на фоне многовековой притчи о ветре, загнанном в трубу. Холодная, полная плача и стона, эта песня ветра оказалась недосочиненной поэтом (1.1, л. 11). Преобладающим в тональности стихотворений 1885—1886 гг. является мотив одиночества:

Среди людей и в радости, и в горе
Я одинок. (1.1, л. 10 об.);
Я чувствую, что нет мне в свете брата,
Что я один.
(Там же).

Поэтически полнокровным был для Гершензона 1889 г. «Летний полдень на море» — это апрельская греза, возникающая при созерцании мерного дыхания волн, и обращающая художника к философским проблемам движения и покоя, сна и пробуждения (1.4, л. 18; 1.5, л. 2). Гимн в честь возрождающейся земли написан 1 сент. 1889 г. в Кишиневе. Судя по его заглавию — «Из пророков» — он слагался как песнь, провозглашающая неременную победу христианских идеалов, был рассчитан на то, чтобы дойти до слуха «ходящих во мгле» (1.1, л. 11 об.).

В стихотворении «Слабеет ум в борьбе бесплодной», написанном

20 сент. 1889 г. (1.1, л. 3; 1.2, л. 2; 1.4, л. 3), отразились размышления поэта о будущем. В нем передано состояние внутренней борьбы, «боренья дум» лирического героя Гершензона, в котором упорность надежд на светлое будущее находится в противоборстве со стоголовой гидрой черного сомнения. Особое место в развитии идей противоборства занимает стихотворение «Он скован был. Металл его цепей//Давно истлел...», созданное в Москве 9 окт. 1889 г. (1.1, л. 3; 1.2, л. 3; 1.5, л. 5). В постскриптуме к стихотворению, посланному брату 23 октября, Гершензон заметил: «...меня... поразил образ человека, скованного истлевшими цепями и привыкшего считать их крепкими» (л. 20 об.). В стихотворении звучит тоска по людям действенного, инициативного начала, от усилий и дерзновения которых зависит освобождение от пут, сковавших человечество.

Свои стихотворные опыты в ноябре 1889 г. Гершензон отправляет на суд бывшему ординарному профессору юридического факультета Московского университета, ставшему редактором «Русской мысли», В. А. Гольцеву и получает доброжелательный отзыв. Воодушевленный этим отзывом, Гершензон задумывается над предметом поэзии. То состояние «инкубационного» периода, в котором он находился, может быть точно выражено словами любимого им поэта А. Фета:

Не знаю сам, что буду петь,
Но только песня зреет.

Поэтический слух Гершензона не улавливает в недвижимом воздухе признаков борьбы, и вожаемое освобождение и крах тиранства для него — не более, как мир отрадных грез. Но как только воображение рождает в его сознании зрительные, сенсорные образы стройных передвижений полков, в его душе возникает панический ужас, зачаровывающий его, и он «не в силах отвести от зрелища свой взгляд». Однако движение жизни неизбежно, оно независимо от минутных поэтических созданий Автора, которые могут исчезнуть бесследно, а могут и оказаться провидческими, — таковы московские рассуждения Гершензона, датированные 16 февр. 1890 г. и запечатленные в стихотворении «Когда работами дневными утомлен» (1.1, л. 3 об.; 1.6, л. 3 об.; 1.55).

Тема труда разрабатывается Гершензоном в стихотворении «Глубокая, предвечная загадка!» в соответствии с ее осмыслением в революционно-демократической поэзии Н. А. Некрасова и трактовкой революционного народничества 1870-х гг. Но вопросу о бессмысленности избавления от голода и нищеты, придано в стихотворении обличие философской загадки жизни, «предвечной загадки» (1.1, л. 12).

Жажда истины, мучительные поиски ответов на вопросы о социальной несправедливости выводят Гершензона из камерной сферы к местам реальных современных драм. Он устремляется на площадь,

Туда, где кровь, пролитая невинно,
Дымясь, о мщеньи к небу вопиет. (1.1, л. 13).

Но происходящее воспринимается только как извечный литературный сюжет, в оценке которого автор вооружен русской романтической традицией прогрессивного крыла 1830-х гг. Его лирический герой не смиряется перед роковыми превратностями, а жаждет мщенья и зовет «небесный гром на головы виновных» (1.1, л. 13). Стихотворение «И ис-

тина встает передо мной» точно датировано: «1-го янв. 1890», а местом его создания была Москва.

Под впечатлением от студенческого волнения и расправы над его участниками весной 1890 г. возникло стихотворение «Взошла заря в торжественном покое» (1.1, л. 7 об. — 8). Стихия ветра в нем препятствует ожидаемому пробуждению природы, сокрыв и «сияние небес», и солнце. Картина приунывшего леса, забившихся в листву молчаливых птиц верно передает отчаянье поэта от стихийных явлений природы, уподобляемых им расправе над студенчеством:

Где свет играл, там тени воцарились,
Где тень была, там серый полумрак.

Заключительные строки стихотворения, уходящие в самые глубины русского фольклора, трогают и обнадеживают читателя своей призывностью:

Взойди опять, великое светило!
Одень опять одеждой света землю!

В предзнаменовании перемен поэт уверен как в некоем «вечном символе». И потому в одной из редакций стихотворение именно так и озаглавлено (1.32). Пред «вечным символом» света рассеятся и мрак души и тень небес, и земле будет возвращено свойственное ей буйство красок.

Реальности суровой жизни обретают удивительную зримость в стихотворении «Предвечных тайн расторглася завеса» (1.1, л. 5—5 об.; 1.6, л. 2,4). Стихотворение написано 25 июня 1890 г. в Кишиневе. Разум поэта бессилен понять причину злодеяний владыки над своим рабом. В ответ на полный мольбы шепот истерзанного: «За что?» — безмолвствует и земля. Но в душе поэта, жаждущей очищения и полной мечтаний о живых и счастливых людях, рождается надежда при явлении сходящего по незримой лестнице Бога: «В душе раба он ставит свой престол».

Поэтическое сердце Гершензона отзывалось на плач, на боль и на тоску других страдальцев. Оно утверждало принципы братского отношения к людям, чутко различая «каждый вопль страдания» (1.1, л. 12) и рождая чувство ответственности «за каждую слезинку» (1.21). Тем, кто «дар живого слова» употреблял во вред людям, адресует Гершензон гнев осуждения:

Но трижды проклят будь, кто словом
Недружелюбным и суровым
Без нужды брата оскорбил... (1.1, л. 14 об.).

В стихотворении «О, вот она, богиня вдохновений», написанном 27 июня 1890 г. в Кишиневе, предстает Муза, благодаря которой рождались, взращивались и лелеялись поэтические идеалы Гершензона. Но нежданная встреча с ней ставит перед поэтом вопросы о нравственной ответственности художника за декларируемые им идеалы. Внутренний голос обязывает: «Воспрянь, певец!» (1.5, л. 4; 1.6, л. 4). Свое поэтическое возмущение Гершензон осмысливает в незавершенном наброске стихотворения «Праздник ведьм в рождественскую ночь» (1.22), где отчетлива его обращенность к гуманистическим идеалам и верованиям, берущим начало в «едином хоре» античной философии и поэзии.

К спору о сути героического в обществе: «Что твердый дух и му-

жество героя?» — Гершензон приблизил своей трактовкой легенды о перстне Соломона. Спор Царя с Ювелиром, чье искусство огранки лаконично и выразительно, как начертанные им на кольце слова: «Пройдет и это!» — заканчивается победой Ювелира. Тщета мира, как и земные суеты, — утверждает автор, — преходящи, и только ум и воля человеческая всеильны (1.6, л. 1 об.). Стихотворение «Нет, не могу я прозой говорить» (1.1, л. 6 об.) написано 17 авг. 1890 г. в Москве. Одна из сохранившихся его редакций датируется сентябрем (1.6, л. 1). Озаглавленное в 1-й редакции — «Брату», во 2-й — «Другу», это дружеское послание перерастает рамки конкретной адресованности. Оно обращено к единомышленнику. В состоянии духовного подъема, охваченный «отвагой молодой», автор призывает Друга к «забвению тяжелых дум и дел». Но «забвение» это — не бегство из печальных дней юности, не игнорирование земных забот, а следование за своей мечтой в надзвездный мир. «Не кинул я оружия средь битвы», — заверяет лирический герой: он лишь готовит себя с «отвагой возрожденной» к приятию меча.

14 апр. 1891 г. Гершензон становится обладателем одного из 500 билетов, которые «брались с боя», на публичное заседание ОЛРС в актовом зале Московского университета, посвященное памяти М. Ю. Лермонтова. Жажда воли, любви и морского простора роднит беспокойную натуру Гершензона с Лермонтовым. Именно такой стихией одушевлено стихотворение «С волной и ветром смело споря» (1.5, л. 12, 47):

Грохочет гром, бушуют волны,
А я стою, отваги полный,
И песни вольные пою.

Поэт борется и с самим собой, с тем неверием, которое порой охватывает его, когда надежды кажутся напрасными, а выход из тупика потерянным. «И, как слепец, вожатаем забытый», предстает Гершензон в октябрьском стихотворении 1891 г. (л. 7 об.). Из тревог жизни, из «бездны бытия» пролагает себе путь свободолобивая песнь Гершензона, в ней мелодия лермонтовской бури сохраняется благодаря тяготениям Гершензона к системе образных средств великого предшественника.

Поэтическое вдохновение Гершензона не лишено и будничной окраски. Такова тональность стихотворения «Цепному псу во всем подобен», затерявшегося в записной книжке под датой «8 марта 1894 г.». Ирония автора обращена на самого себя, дикого, угрюмого, злобного, одинокого, мучительно тоскующего и забытого людьми, но живущего надеждой:

Четыре дня к столу прикован,
Сижу, простудой арестован
В моей незапертой тюрьме,
Клянью судьбу и жду свободы... (13.7, л. 1).

В отличие от надрывных надсоновских звучаний, осознание одиночества «среди торжища людского», среди «толпы себялюбивой», ведет Гершензона не к отчаянью, а к поиску друга. Таким единственным другом оказывается для него «заветная страница» дневника. В одном из них сохранилось стихотворение Гершензона «Как грустно мне! Один в ночной тиши...» (13.6, л. 14—15). К этой «безмолвной и

верной подруге», доверенной его душевных тайн, Гершензон обращается часто. «Если бы мне удалось изобразить в прозе или стихах всю прелесть, всю женственность прекрасной девушки — в наружности, в речах, в неожиданных выходках, в движениях, — тогда я был бы доволен. . . я мог бы видеть воплощение моего образа» (13.6, л. 6). Последующие записи свидетельствуют о том, что образ этот, все более вырисовываясь, становится тем чарующим пленом, из которого Гершензон уже не мог совершить бегство. «Я положительно начинаю думать, что люблю Марию Борисовну. . . У нее дивные глаза» (13.6, л. 11), «она нравится мне давно» (13.6, л. 12). Сохранившиеся в архиве романсы «Начало» («Как сладкий сон, как миг свиданья. . .») «Случайны были наши встречи» (1.41; 1.48) несут следы его томлений, невысказанных слов, как и стихотворения «К чему слова? Рассудку непослушный. . .» (1.5, л. 13; 1.11, л. 1; 13.6, л. 29), «Кто любя, не ждал награды» (1.4, л. 7; 1.5, л. 14), «Сладость любви — только в горечи слабого яда» (1.5, л. 15), «Полны эти звуки» (1.5, л. 16; 1.10, л. 2), «Нет, над беспечностью притворной» (1.5, л. 17), «Любить — и женщине любимой» (1.5, л. 18; 1.10, л. 2; 13.6, л. 30), «Как вы могли так верно угадать» (13.6, л. 28), «Не только вы — я сам, поверьте» (13.6, л. 26 об.). Воспоминания о чарующих быстротекущих мгновениях кунцевских дней становятся потребностью души и «в плену тюрьмы столичной»:

Услышу вновь ноктюрн Шопена,
Тоскою Гретхен вновь упьюсь, —
Мечтою вольною из плена
Под небо Кунцева умчусь. (1.41).

В гершензоновской вокальной лирике душевная чистота и благородство устремлений высочайшего самоотречения.

Молился б я мольбой всечасной,
Чтоб тот, чьей стали вы женой,
Нежнейших струн души прекрасной
Не рвал безжалостной рукой. (1.48, л. 4).

По принципу взаимной исключенности представлений Гершензона и его, обладающего зооморфическими чертами, соперника строится стихотворение из цикла «Метаморфозы»: «На свете дивные бывают превращения» (1.17).

Тонкий дар мелодиста родит вскоре послание поэта к возлюбленной (1.45). Некоторым поэтическим анахронизмом могло показаться его обращение: «С Вами, Мария Борисовна, эллинским ныне размером. . . Речь вести я хочу». Однако величественный и неторопливый, торжественно-плавный и строгий гекзаметр, в котором Гершензон различал звучание «гармонии древней Эллады», представлялся естественным в обращении к цельной и гармоничной натуре М. Б. Гольденвейзер. Занятый размышлениями о способах передачи своих чувств, Гершензон в этом стихотворении лапидарно выразил и свое несогласие с судорожными, «нервными и быстрыми размерами певцов» своего поколения, и с умиротворенностью и успокоенностью изваяния Фидия, одного из крупнейших мастеров древнегреческой классики.

Четко и определенно мысль об огромной гражданской и чело-веческой ответственности поэта за результаты воздействия его слова сформулирована Гершензоном в стихотворении «От века смертному в

удел». Первая редакция его может быть датирована на основании дневниковой записи от 2 авг. 1891 г. (1.8, л. 1—2). Позднейшие датировки стихотворения — «27 марта 1897 г.» и «1897/98» и заглавие к нему — «Слово» — относятся к редакциям, которые создавались автором в Симском заводе Уфимской губ., где в перерывах от частных уроков он вновь возвращался к поэзии (1.5, л. 27—28; 1.24). Отношение к слову как к средству единения людей было для Гершензона нравственной нормой. К тем, чье слово разделяет людей и «в миг оледеняет» и сеет братоубийственную вражду, Гершензон относился как к осквернителям. И поэтому его «Слово» деформировано несомненным непротитвенческим взглядом на происходящее. Его благословения достойны только тот, кто «за слово гневное» «платил лишь кротости словами» (1.5, л. 28).

Заглавие стихотворения «Слово» несомненно ассоциировалось с названием журнала «Новое слово», где наряду со статьями Г. В. Плеханова и П. Б. Струве публиковались оригинальные и переводные стихотворения Гершензона¹⁹. В это время решался вопрос об организации сатирико-юмористического приложения к журналу «Новое слово», прообразом которого служил «Свисток» — приложение к революционно-демократическому журналу Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского «Современник». Гершензон уже вынашивал планы издания, но им не суждено было осуществиться: 10 декабря 1897 года было принято правительственное решение о закрытии самого издания как «гнезда социал-фанатиков».

В творческих поисках Гершензона сама идея преемственности, берущая начало в революционно-демократической журналистике 1860-х гг., представляется важным этапом. Подтверждением реальных тяготений его служит и статья о Н. А. Некрасове, поэтическом трибуне революционной демократии, опубликованная еще в 1893 г. в Энциклопедическом словаре братьев Гранат. Статья эта была высоко оценена Н. Н. Златовратским, который в 1860-е гг. был близок с кругом «Современника». Среди собравшихся 16 нояб. 1897 г. на юбилей литературной деятельности Н. Н. Златовратского Гершензон не был случайным лицом: фигура «чистейшего народника» Златовратского всегда привлекала к себе его внимание. Он верно оценивал доктрину Златовратского, его веру в красоту и силу русского крестьянства, в «устой», т. е. в патриархальный строй русского общинного землевладения, в семейный уклад, в привязанность к земле. Но вместе с тем, изучая творчество лидера народнической беллетристики, Гершензон обнаруживал несогласованность его теоретических взглядов с художественными прозрениями о «колупаевской революции», которая разлагала «устой» и вносила капиталистический элемент в крестьянское хозяйство. В этом прозрении художника и таилась истина реального вступления России на путь капиталистического развития. Ведь это и был тот вопрос, дебаты вокруг которого между народниками и марксистами в 1890-х гг. достигли своего апогея. Накануне юбилея Гершензон узнал о желании народников превратить торжества в демонстрацию против «народившегося марксизма». В стихотворении «Юбилей» действия народников, усугубляющие разброд в среде интеллигенции, получают оценку буквально в первых строфах. Метафорический ряд стихотворения основан на сравнениях, которые достигались в результате противопоставлений

¹⁹ См.: Новое слово. 1897. № 5, 8.

и неожиданных сближений: «Не стая воронов слеталась» — «Толпа народников сбиралась», «На груди тлеющих костей» — «Восславить падшую свободу». Такого рода уподобления снимали ореол героического и с юбиляра, и с «толпы» его единомышленников:

Толпа народников сбиралась,
Дабы торжественно почтить
И сопричислить в лик героев
Певца этических устоев,
Поесть, попить, поговорить... (1.25, л. 1).

Но и действия марксистов, которые собирались использовать юбилей Златовратского для борьбы с народниками, противоречили этическим представлениям Гершензона и казались ему «верхом бестактности». Сведения о П. Б. Струве, авторе адреса марксистов юбиляру, содержатся в письме Гершензона к брату от 22 нояб. 1897 г. В структуре адреса Гершензон усматривает «подвох». Вмонтировав в него «обмолвку» Златовратского о «колупаевской революции», которая «чрезвычайно на руку марксистам, П. Б. Струве ставил в щекотливое положение» С. Н. Булгакова (1.25, л. 16 об.), на которого возлагалось публичное оглашение адреса. Неловкость и бестактность заключались и в том, что Гершензон и Булгаков, ознакомившись с адресом накануне, убедились, что статья Златовратского, где была допущена «оговорочка» о «колупаевской революции», оставлена им за рамками издания избранных сочинений. Этот юбилейный эпизод из истории столкновений марксистов и народников не нашел отражения в стихотворении «Юбилей», мыслимом как «начало поэмы» (там же, л. 24).

В зарисовках картин юбилейного пира очевидна зависимость Гершензона от пушкинской изобразительной манеры:

Горит огнями зал колонный,
Звенят тарелки; пир кипит.
Уже лакеев полк ученый
С четвертой сменой спешит.
Блестят очки, сверкают взоры,
Смех, шутки, крики, разговоры...

Неожиданно прерывающая пиршество речь «одного из светочей» науки (1.25, л. 1) обращена к присутствующим здесь толстовцам, нигилистам, народникам и марксистам. Во 2-й редакции Гершензон заменяет неопределенно звучащее «один из светочей» на «профессор Карышев» (1.25, л. 1, 2). Слово примирения виднейшего представителя русской экономической науки, профессора и общественного деятеля, сотрудника журнала «Русское богатство», автора «Критических заметок к вопросу об экономическом развитии России», чупровца Н. А. Карышева, направлено на сближение разномастных общественных сил и групп. Его недоуменно тихое «почто», раздавшееся «среди молчанья гробового», взывает к совести собравшихся:

Почто вражда, почто раздоры,
Почто словесная война,
Почто пылают злобой взоры,
И кровь течет взамен вина? (1.25, л. 2).

Осуществляя поиск единой «цепи», связующей всех, проф. Карышев говорит о ненужности раздоров и ответственности всей интеллигенции

перед «славным, добрым, честным, высоконравственным» народом. Однако отвращает Гершензона от слов Карышева не его призыв: «Внемлите ж мне!», а елейность речи оратора и мгновенная и умиленная реакция «черни» на него: «Внемлите, братья!», и то магическое пре-краснодушие, которое не есть истинная добродетель.

Стихотворение «Жалоба» («Взгляни, о Феб, как тяжко здесь тер-плю я...») (1.26, л. 1, об.) озарено светом общения Гершензона с вид-нейшими представителями «легального марксизма» С. Н. Булгаковым, П. Б. Струве, Н. А. Бердяевым. В нем ценно самоощущение автора («поэт-марксист») и желание определить собственную творческую мис-сию. Апеллируя с жалобой к покровителю Муз, лишившему его радости петь «про розы, про любовь, про шум дерев, про сладость поцелуя, про взоры дев, волнующие кровь», и тем следовать его же, Фебовым заветам, Гершензон риторически вопрошает: «За что ж лишь я, о Феб, тобой наказан?»

Как тяжкий крест, как наказание воспринимает Гершензон ограни-чение поэтических задач марксистской поэзии, оставляющей за ее пре-делом арсенал вечных тем:

Поэт-марксист, — не ласки юных дев,
А Маркса я и стачки петь обязан,
И пахнет блузой мой напев.

В поэтическом репертуаре Гершензона этих дней появляется стихо-творение-марш «Вперед! Свободно дышет грудь...» (1.5, л. 19; 1.26, л. 2; 1.27, л. 1). Написанное 1 дек. 1897 г., оно уже 3 декабря было послано М. И. Водозовой, свояченице С. Н. Булгакова, в издательстве которой находились в производстве политические сочинения, переве-денные Гершензоном. Мобилизующий клич: «Вперед!» — служит сиг-налом к пробуждению от сна, к выходу из долгой гнетущей ночи и царства тьмы к свету. Движение вперед провозглашается поэтом живо-творящим и исторически обусловленным:

И в недрах времени созрел
Зачатый жизнью плод.

И далее: «Пора! Урочный пробил час.»

Поэт зовет в долгий и трудный путь, несмотря на неизбежность утрат, которые осознаются им во всей своей жестокости («И пусть костями поляжем мы...»). Его слова перекликаются с песней Г. А. Мачтета («Замучен тяжелой неволей»), случайная встреча с кото-рым произошла в 1889 г. в Нормальной столовой Московского универ-ситета. Но в марше Гершензона ясно выражена мысль о том, что путь суждено осилить лишь тем, «кто духом жив».

Как некое утверждение победы нравственно здоровых сил воспри-нимается стихотворение «Есть мир иной — не мир надзвездный», напи-санное в сентябре 1900 г. (1.5, л. 40; 1.30; 1.38, л. 1). Картина общест-венного устройства, нарисованная в нем, откровенно утопична и запре-дельна:

Там дух всевластием свободы
Царит над хаосом земным,
И жизни сумрачные своды
Светлы и радостны над ним... (1.30).

Такая картина необходима поэту как идеальный прообраз будуще-

го, к которому непременно устремятся людские чаяния и помыслы. Свое поэтическое кредо, объясняющее и созданный им мир инобытия, разительно отличающийся от реального мира жестокости и несправедливости, Гершензон выразил в стихотворении «Мой Сад» («В моей душе — цветущий сад. . .»), написанном 13 нояб. 1900 г.:

Иду меж гряд моих цветов
И пыль цветочную собираю
И в соты правильные строф,
Сгущая в мед, ее слагаю. (1.5, л. 42; 1.37).

Поэтические усилия Гершензона не ограничены сгущением «правильных», соответствующих идеалу, сторон сознания. Они направлены не на уход от злободневных проблем, где слух поэта различает и диссонансы, и «звуки песни погребальной» (1.29). Стихотворения «Сон» («Мне снилось — при смерти больной. . .») (1.36; 1.5, л. 37—38) «Ненастье» («Когда же ночь? Мои глаза устали. . .») (1.5, л. 35; 1.35), «Не верь скупым моим речам» (1.5, л. 32), «Ярмом забот поработенный» (1.5, л. 41; 1.30), «Случайны были наши встречи» (1.48), написанные осенью 1900 г., пронизаны настроениями, трагический накал которых сравним лишь с лермонтовским. Его лирический герой томим «тоской и жаждой», он «нем и недвижим, и одиноч» (1.5, л. 37—38; 1.36). От этих ощущений не свободна и любовная лирика Гершензона. Рефлектирующее сознание его лирического героя полно исповедальности драматического звучания:

Не верь скупым моим речам,
Как тучи мрачным и свинцовым,
Не верь упорным и суровым
Грозою дышащим словам. (1.5, л. 32).

Вечному и тленному, жизненному и смертному отданы размышления лирического героя в стихотворении «Я случаю покорствую безвольно» (1.5, л. 45; 1.39). Философский вопрос о смысле и результатах человеческого труда обращается для него болезненным и горестным заключением:

Безумно я трудился для мгновенья,
Вся жизнь моя — лишь смерти торжество;
И мысль, и плод — все смоет вал забвенья;
У смерти я не вырвал ничего.

Стихотворение однако не является апофеозом смерти. Напротив, в соответствии с лучшими романтическими традициями герой осознает необходимость противоборства. И безвольному смирению перед судьбой и покорности внутренний настойчиво звучащий голос героя постоянно твердит: «Не то!». В момент кризиса религиозного сознания в России реальная жизнь обогащается духовно-философскими понятиями. И для многих покорство, смирение, непротивление воспринимаются как философы. Опоздав однажды на храмовое служение, Гершензон предстал пред укоризненными взглядами прихожан, возмущенных его «преступным» непониманием дерзости такого опоздания. По следам этого случая Гершензон написал в 1901 г. эпиграмму «Поверь — я собственным испуган дерзновеньем» (1.40). Художественно обобщенный, он обретает здесь гротесковые черты:

Поверь — я собственным испуган дерзновеньем:
Как! в храм богов? с очками на носу?
Но — шаг вперед! Почтите снисхождением,
О боги, дар, воздвигнутый смиреньем:
Я гекатомбу вам несу!

Поэт не призывал к разрыву человеческих установлений и верований, а противился стихии этих установлений, превращающихся в догмат и порабащующих дух. Стихотворения «Привычка» («Меж человеком и землей. . .») (1.5, л. 46; 1.30; 1.38)²⁰ и «Склони твой слух к велениям рассудка» (1.43, л. 1—1 об.), разрабатывающие тему разума и враждебных ему привычных установлений в обществе, ставят читателя в условия выбора. Ведь не случайно эпиграфом к поэме «Фарисей», завершённой 20 окт. 1901 г., берет Гершензон евангельское: «Если соль потеряет свою силу. . .» (1.27; 1.41; 1.42). Сохранившиеся в архиве автографы поэта позволяют восстановить процесс работы над поэмой, состоящей из пяти глав.

В главе 1-й лирический герой ощущает свою чужеродность, «дикость» в современной ханжеско-лицемерной, но внешне благочестивой среде:

Я вам смешон, бесстыдные лжецы,
Обманщики, лукавые авгуры!
Как дикий скиф в развратно-пышном Риме,
Я вам смешон, и чужд, и неудобен*.

Тревожные мысли героя о несовершенстве современной жизни для фарисеев лишь «наивные заблуждения». Но и герой не приемлет кичливых фарисейских призывов к терпимости, выражая свою неприязнь к сытым. В бунтарстве своем, в максимализме нравственных требований, в неприятии фальши он — наследник революционно-романтических настроений, нашедших отражение в поэзии 1830—1840-х гг. Поэма «Фарисей» соотносится, в частности, с лермонтовскими «думами» в тональности подобного неприятия лжи и маскарадности общества. «Под мишурой блестящего наряда» не могут скрыть тлетворности своего нравственного состояния «витии и наставники народа», на которых возлагается вина в сокрытии правды. Интеллигенция должна была «предшествовать блуждающим в пустыне», но, отказавшись от роли факельщика, она совершила преступление перед своим народом и обнаружила тем самым несостоятельность, «ветошь» своих не значащих слов.

Гл. 2 «О, помню дни, прекрасные, как слава!» датирована 19 окт. 1901 г. В ней голос Автора и лирического героя сливаются в один. Презревшие покой и довольство, поправшие узость эгоистических представлений — «сорные травы родных степей» — они едины в готовности самоотречения:

Я к вам пришел — на вашем алтаре
Хотел зажечь мой факел осмоленный.

В уста романтически настроенного героя поэт вкладывает строки из кишиневского стихотворения 1889 г.:

Мой взор блуждал, уста мои шептали,
Дичася, я искал уединенья.
И сон мой был в те ночи неспокоен. (1.3).

²⁰ Оpubл.: Рус. мысль.

* В одной из редакций: «непонятен».

Герою поэмы доступно чарующее пенье муз, а в душе его, озаренной лучом истины, не исчезнет ненависть к «похитителям огня» у человечества.

Слияние голосов Автора и героя поэмы чрезвычайно важно и для понимания ее 3-й гл. Ее пафос состоит в неприятии меркантилизма, «торгашества» и «ростовщичества», проникающих в искусство, в критику «жрецов, избранников отчизны», изменивших своей пророческой миссии. Характер фрески, на которой запечатлена толпа стеснившаяся вокруг алтаря, носит гл. 4:

На мертвых лицах мертвая улыбка
И мертвый взор открыт и недвижим. (1.27, л. 4).

Безжизненную и неподвижную, эту главу поэмы сменяет гл. 5, полная веры в приход истинных подвижников и жрецов, «с огнем в груди, с живою верой в Бога» (1.27, л. 4—4 об.; 1.41; 1.42). Заключительные строки поэмы пронизаны идеей жертвенности во имя и на благо людей:

И каждый жрец, когда не хватит жертвы,
В субботние одежды облечется,
И сам взойдет на жертвенный костер.

В стихотворениях Гершензона периода первой русской революции четко обозначились мотивы деятельной в добре Весны. В стихотворении «Тогда томит тоской и скукой» (13.27, л. 1—2) весна, запечатлена в момент появления, когда стирает все тревоги и следы метелей, «морозов зимних и ветров, и зимних выюг с чела природы» (13.27, л. 1 об.). Если здесь тайные надежды поэта вызывает обновляющийся лик природы, то в стихотворении «Эти жалкие тревоги» (1.5, л. 20; 1.52) он одержим тем, чтобы его голос в защиту демократических свобод органично слился с гневом и протестом народа. Сохранилось две редакции, отражающие взгляд Гершензона на задачи поэзии в период революции. Одна из них:

Пусть и он во гнев народный
Принесет свою струю. (1.5, л. 20), —

сменяется другой:

Пусть в бездонный гнев народный
Он вольтет свою струю. (1.52).

С гневом народным сливается и гневный приговор поэта общественному строю, «помрачающему умы», вносящему в души жестокость, обрекающему на тьму и невежество.

В пору поэтического оживления 1910-х гг. «питомец юга» Гершензон был еще полон программных изъятий: «Я растопил бы лед сердец», «Я б пламень страсти в вас зажег», восходящих по близости установок к пушкинским декларациям, что, по-видимому, так осознается и поэтом. Но его программа видится ему резко отличающейся от того, что слагают «в стансы и сонеты» современные «юные поэты». В стихотворении «О, вот пора! Теперь поэты» (1.54) была декларирована программа, которая так и не воплотилась в поэтическом творчестве Гершензона. В эти годы устанавливается союз Гершензона с «юными поэтами», который, в продолжение его жизни, все более крепнет и пополняется. В ближайшем окружении его в разные годы были Ю. К. Балтрушайтис, В. Я. Брюсов, А. Белый, Ю. Н. Верховский, Ф. К. Сологуб,

В. Ф. Ходасевич и многие др. Вопросы их творческих сопряжений остаются открытыми для исследователей истории русской поэзии, в частности, и истории русской культуры, вообще.

* * *

Со студенческого сочинения М. О. Гершензона «Афинская Политика Аристотеля и жизнеописание Плутарха» (2.16—18), представленного на Московские медали осенью 1893 г., и по ходатайству и на средства Московского университета изданного в 1895 г.²¹, мы начнем обзор архивных материалов, связанных с его переводческой деятельностью.

Оставляя в стороне вопросы собственно истории Греции, отметим здесь его филологические сочинения, столь существенные в исследовании источников, важнейшей для исторического знания отрасли. В подходе к источникам Гершензон апробирует «слово учителя» — виноградские методы исторического исследования, знакомые ему по лекционному курсу, а также по статьям «Трактат Аристотеля о государстве Афинском», «Первые главы Афинской Политии Аристотеля», «Развитие демократии в Афинской Политии Аристотеля», опубликованным в 1882 г. В сжатости сопоставлений и комментариев, рассчитанной на профессиональный круг, ощущается зависимость Гершензона от авторитета учителя. Но уже и здесь видна попытка систематической разработки гипотез и одновременно отказ от произвольного толкования текстов. Весьма симптоматичен тот факт, что среди конспективных записей Гершензона, условно обозначенных «Древние кодексы», есть заметка его об исследовании своего рецензента — классика В. П. Бузескула — «Афинская Политика Аристотеля как источник для государственного строя Афин до конца V века», изданном в Харькове в 1895 г. (12.22, л. 16—19).

В преамбуле к исследованию Гершензона «Аристотель и Эфор» (М., 1894) проф. П. Г. Виноградов объяснял, что оно «является первым шагом к разбору вопроса о пользовании Эфором в Афинской Политии». Несмотря на приоритетность научной постановки ряда вопросов, Гершензон, по справедливому мнению своего харьковского оппонента, умолчал однако о времени появления труда Эфора²². Вместе с тем работа его входит в библиографический список литературы по Политии Аристотеля, составленный известным историком, исследователем государственного устройства афинян В. А. Шеффером²³.

Наряду с исследовательскими работами Гершензон занимается и зарубежными справочными пособиями по историографии. Только приступающим к изучению истории и археологии античного мира он рекомендует книгу К. Ваксмута «Einleitung in das Studium der alten Ceschichten» (Лейпциг, 1895), отмечая однако в своей рецензии неполноту раздела историографии Востока (12.21)²⁴. Не оставил без внимания он и выпуск 2 сборника статей «История Греции со времен Пелопонесской войны», переведенных Н. Н. Шамониным и Д. М. Петрушевским²⁵. Гершензон знакомит русского читателя и с литературой по истории архаической и классической Греции, о чем свидетельствует его заметка «Хронология тирании Писистрата»²⁶. Занятия переводчес-

²¹ Отклик о студенческом сочинении М. О. Гершензона см.: Филолог. обозрение. 1895. Т. 9. Отд. II. С. 33—38.

²² См. об этом: Филолог. обозрение. 1894. Т. 7. Кн. 1.

²³ См.: Jahresbericht für Altertumswiss 1895. № 10—11.

²⁴ См.: Филолог. обозрение. 1896. Т. 9.

²⁵ См.: Рус. ведомости. 1896. № 235. 26 авг.

²⁶ См.: Филолог. обозрение. Т. 9.

кой деятельностью расширяют историографические знания М. О. Гершензона и определяют его творческие планы. Так, в апреле 1896 г., завершив перевод 1-й части «Истории Греции» Ю. Белоха, «одного из всех историков Греции, который занимался экономической стороной» Гершензон мечтает о новом самостоятельном исследовании. Этот перевод был опубликован издательством К. Т. Солдатенкова в серии переводной литературы, адресованной учащимся, и составлял своими художественными достоинствами приятное исключение, вполне соперничающая с переводами сотрудничавших здесь Н. М. Минского, И. В. Лучицкого и Дрейтона. В архиве сохранилась корректура перевода части 1 истории Греции, доведенная до начала персидских войн (2.24). Работу над «Историей Греции» Гершензон рассматривал как конкретное знакомство «с ролью экономических факторов в истории» (2.24), что определило и своеобразие его предисловия к переводу. Именно к нему и было обращено внимание цензуры. «С Белохом вышла заминка в цензуре: согласно новому циркуляру потребовали мое предисловие, состоящее из двух страниц, в предварительную цензуру (вся книга подлежит карательной). Так как предварительная цензура не знает сроков, то предисловие может пролежать там неделю и больше, во всяком случае, раньше будущей субботы книга не выйдет в свет, — писал М. О. Гершензон брату 9 нояб. 1896 г. — Та же судьба постигла «Сисмонди» в переводе Эфруси («Библиотека экономистов»), и в его предисловии, вероятно, что-нибудь вычеркнут» (18.16). С так называемой «Экономической библиотекой», задуманной М. М. Щепкиным и Вернером, Гершензон сотрудничает с 1894 г. В это время он завершает переводы с английского языка Д. Юма и И. Бентама. Из философских, исторических, экономических, юридических и публицистических произведений этих авторов М. О. Гершензон отбирает для «Руководства по политической экономии» автобиографии Д. Юма, фрагменты из переписки Юма с Тюрго по вопросу о налогах, а также «Принципы законодательства. О влиянии условий времени и места на законодательство» И. Бентама. Щепкинский отзыв к книге переводов Гершензона был краток, но выразителен: «О существе перевода не могу сказать ничего — он прекрасен» (44.34). Столь высокая оценка, данная специалистом в области политической экономии, директором московского банка, лучшим другом К. Т. Солдатенкова, оказала влияние на дальнейшие интересы Гершензона к проблемам труда и политической экономии, которые отразились в его публицистике.

Переводческая деятельность в начале творческого пути Гершензона практически была основной. Интересна самооценка, звучащая в его письме брату из Рима от 1 июля 1896 г. после завершения работы над переводом Белоха: «... чувствую себя как после трудного экзамена — усталым и свободным» (18.14, л. 1). Перевод «Истории Греции» питал тщеславие Гершензона: не без гордости он сообщал брату в апреле 1897 г. о том, что его труду было уже посвящено 8 рецензий. Высокие оценки подвигли Гершензона к работе и над частью 2 «Истории», которая вышла в свет уже в 1899 г.²⁷ Работа над этой книгой чередовалась с переводами Г. фон Штада²⁸, Ф. Лассалья, М. Нордау, перевода-

²⁷ С декабря 1903 г. о переиздании перевода «Истории Греции» хлопотал А. Ф. Маркс. В 1905 г. двухтомная «История Греции» Ю. Белоха в переводе Гершензона вышла 2-м изд. (261.764). В работе над переводом

Ю. Белоха М. О. Гершензону помогал его брат, А. О. Гершензон.

²⁸ Здесь Гершензон выступает как редактор перевода, осуществл. Т. Б. Гольденвейзер.

ми с немецкого и английского языков. Гершензон переводит также статью датского литературного критика Г. Брандеса «Фантазия в XIX веке»²⁹.

В архиве сохранилась корректура рецензии Гершензона «Старое и новое направление в исторической науке» (2.32)³⁰, где, излагая взгляды К. Лампрехта на задачи и методы истории немецкого народа, он объясняет остроту философского диалога вокруг термина «материализм» и для общественной жизни России 1896 г. В критическом взгляде новой историографической школы к марксизму и к преимущественному «анализу экономических явлений в истории» видит Гершензон поиск конценсуса между «старым» и «новым» (2.32).

Свой перевод книги Э. Мейера: «Экономическое развитие древнего мира»³¹ Гершензон впервые опубликовал в издательстве М. И. Водозовой в 1898 г., в тот самый год, когда оно издало труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». О неприятностях, учиненных цензурным ведомством, Гершензон сообщал 2 мая 1897 г., когда и последовало запрещение переводов, превзошедшее все его ожидания: «... не хочется верить, что подобный факт возможен в конце XIX столетия» (18, л. 14). К сожалению, в архиве не сохранилось документов, способных пролить свет на то, ценой каких потерь и усилий работа все же была издана.

Актуализации исторического знания Гершензон учился на лекциях и семинарских занятиях проф. В. И. Герье. В своем сочинении «Гипотеза Нибура о римском народном эпосе» Гершензон определил значение гипотетических доводов немецкого историка античности для историографии. Заслуга Нибура рисовалась как первая попытка «проникнуть в сущность римского предания и извлечь из него положительные результаты» (2.9, л. 15 об.). Над этим «извлечением результата» из гипотез Нибура трудились русские ученые Н. А. Полевой и Т. Н. Грановский и немецкие — А. Шwegлер и Д. Классен. Последнему удалось издать 4-й т. «*Romische Ceschichte*» Б. Г. Нибура, обнимающий время от лициниевских рогаций до конца 1-й Пунической войны. В 1894 г. этот том, к которому прилагались также «Письма Нибура к филологу», был переведен на русский язык старейшим русским переводчиком Л. О. Вейнбергом. Гершензон получил его на рецензирование для журнала «Русская мысль». Однако перевод, по словам Гершензона, был «сделан варварским языком», в нем встречались лексические курьезы, достойные сатирических отделов газет. Художественное несовершенство рецензируемой книги было очевидно, и Гершензон написал П. Г. Виноградову: «Русская публика ничего не потеряла бы, не получив ее перевода» (30.30). Его волновала не столько формальная сторона перевода, сколько неизбежность деформированного восприятия самого Нибура. Критика перевода Л. О. Вейнберга послужила вместе с тем подспудным толчком, который вскоре определил работу самого Гершензона — переводчика. Осенью 1896 г. в библиотеке Щепкиных встретилось ему «*Crechische Heroengeschichten*» великого Нибура —

²⁹ Опул.: Мир божий. 1901. № 2. [Без подписи].

³⁰ Рус. ведомости. 1896. № 261. 21 сент.

³¹ 2-е изд. книги осуществил в 1906 г. купец-миллионер Е. Д. Мягков, основавший летом 1905 г. издательство «Колокол», которому Гершензона рекомендовал М. Н. Покровский,

знающий его по учебе в Московском университете и совместной деятельности в Комиссии по организации домашнего чтения. 3-е изд. книги предприняло товарищество «Мир». Рецензии на книгу см.: Филолог. обозрение. 1898. Т. XV. С. 59; Образование. 1898. № 5. С. 90—92 [рецензент М. М. Хвостов].

его рассказы четырехлетнему сыну, изданные последним после смерти отца: «Поход аргонавтов», «Подвиги Геркулеса» и «Переселение дорян»³². «Написанные удивительным языком — и серьезно, и в то же время совсем по-детски» (18.18, л. 26 об.), они покорили Гершензона настолько, что он перевел их на русский язык, а Щепкин издал их за свой счет. Перевод этот получил признание филологической общественности³³.

Живой отклик Гершензона вызвали «Общественные очерки Испании» М. Х. Ларры, переведенные на русский язык М. В. Ватсон и изданные петербургским издательством Л. Ф. Пантелеева в 1898 г. Гершензон, по-видимому, ознакомился с переводом еще в рукописи, поскольку его признание брату относится к 27 дек. 1897 г.: «... написал большую статью о Ларре для «Русских ведомостей»³⁴ (строк в 200), которую сегодня отнес в редакцию, писал ее на авось, потому, что, несмотря на всю мою осторожность, она для «Русских ведомостей» слишком опасна (такой букет получается из подобранных мною цитат). Но все равно, если она не пойдет здесь, то я расширю ее и пошлю в какой-нибудь журнал» (18.21, л. 51—51 об.). Сохранившаяся в архиве газетная вырезка статьи свидетельствует о сокращениях ее объема в сравнении с обозначенным в письме (2.25). Но цементирующее статью высказывание Ларры: «Сколько можно умолчать...», — позволило Гершензону достаточно робко обозначить исторические параллели между тем, что «происходило в школе Платона» и тем, что наполняло жизнь последекабрьского десятилетия в России (2.25).

Сохранилась в архиве рецензия Гершензона на книги Альберта Шоу «Городское управление в Западной Европе» (перевод А. В. Бяловского, издание К. Т. Солдатенкова, 1899) и Гуго Линдемана «Новейшие течения в английском городском самоуправлении» (перевод под редакцией Д. Протопопова, издание О. Н. Поповой, 1898) (2.26)³⁵, ценная своими публицистическими размышлениями по поводу этих двух книг из репертуара социалистической литературы. В многогранной деятельности западно-европейских городских управлений Гершензон выделяет вопрос об образовании городского населения, и, в частности, о системе бесплатных библиотек и читален. Он обращает внимание читателя на установленный в Западной Европе ежегодный сбор на содержание библиотек в зависимости от дохода горожан (2.26, л. 3).

Непосредственные впечатления от лекций известного немецкого педагога и философа-идеалиста Ф. Паульсена, которые Гершензон слушал в январе 1899 г. в университете Дрездена, определили его желание перевести труды ученого на русский язык. Благодаря пониманию со стороны сотрудников журнала «Вестник воспитания» Ю. А. Бунина и Н. Ф. Анненского, Гершензону удалось выполнить свое желание. Перевод статьи Ф. Паульсена «Bildung»³⁶ был сделан двоюродным братом Гершензона А. В. Громбахом (29.27). Гершензон пытался предпослать статье Паульсена предисловие, но редакция «Вестника воспитания» отказалась поместить его, заменив небольшой, в несколько строк, заметкой от редакции. Оказались безуспешными и попытки Гершензона опуб-

³² См.: Рассказы о греческих героях, составленные Б. Г. Нибуром для его сына / Пер. с нем. М. Гершензона. М., 1897.

³³ См. Любоумров С. Филолог. обозрение. 1897. Т. XII. С. 182—184.

³⁴ См.: Рус. ведомости, 1898, № 32, 1 февр.

³⁵ Рус. ведомости. 1899. № 12. 22 янв. (газ. вырезка, см. Ф. 746, 12.12).

³⁶ Оpubл.: Вестник воспитания. 1900. Кн. II. Тогда же вышло в свет и отдельное издание статьи, под общей редакцией М. Гершензона.

ликовать это предисловие в отдельном издании, предпринятом братьями Сабашниковыми, несмотря на их искреннее желание содействовать распространению книги. «От Сабашниковых за отдельное издание ничего не возьму, чтобы книжка пошла дешево», — пишет он брату 23 янв. 1900 г. (19.2, л. 14 об.). Предисловие к работе Паульсена Гершензон озаглавил «Школа и государство». Оно сохранилось в архиве с пометой издателя на л. 1: «К сожалению, неудобно в цензурном отношении» (12.43). Что же «неудобного» обнаружила русская цензура в предисловии к статье, переведенной с немецкого языка? Ответ на этот вопрос дается самим публикатором: «Наша цель, — пишет он, — возбудить интерес к намеченной здесь теме и представить читателю некоторый материал, на который могло бы опереться его самостоятельное суждение» (12.43, л. 2). И карандашные пометы цензора на полях; «N. VIII», и его внутритекстовые подчеркивания на том же листе: «У нас почти не затрагивается вопрос о том, к чему может привести в дальнейшем господствующая у нас система государственного воспитания и не следует ли признать, что страна давно переросла эту принудительную опеку» (12.43, л. 2), — во многом объясняют мотивы, по которым вступительная заметка Гершензона не была дозволена к выходу в свет. Рассуждения Гершензона о школе в Германии, ставшей «исключительно и зорко оберегаемой монополией государства», вызвали ассоциации с системой образования в России.

Выступая в публичном заседании Московского педагогического общества с изложением идей гамбургского педагога Г. Вольгаста, изложенных в книге «Das Elend unserer Jugendliteratur» (1-е изд. 1896)³⁷, Гершензон поставил в прямую зависимость воспитание детей от степени художественной полноценности литературного произведения. Одно из программных положений доклада его «Художественная литература и воспитание» было сформулировано аналогично: «Поэтическое произведение для детей должно быть прежде всего произведением искусства» (12.30). Читанный 23 окт. 1899 г. доклад был опубликован спустя годы; печатный оттиск его сохранился в архиве (12.30)³⁸.

Накануне Гершензон приступил к переводу «Очерков развития немецкой художественной литературы в XIX веке»³⁹ Р. Мейера. Намерения его, далекие от соблазна представить читателям журнала «Мир божий», «уменьшенную копию или подробный конспект книги» историка немецкой литературы, постепенно трансформировались. И от переводческих задач он переходит к задачам интерпретатора произведения, излагаемого русскому читателю под определенным углом зрения. История немецкой художественной литературы XIX в. преподносится здесь с точки зрения «постепенного раскрытия жизни поэзией». «Мы исходим из той мысли, что художественная литература стремится отразить в себе природу, разумея это слово в широком смысле, т. е. с включением человеческой психики, и что, следовательно, история художественной литературы есть история постепенного завоевания ею этой природы в ширину и в глубину, т. е. в смысле захвата все новых и новых сфер и сторон жизни и все более интенсивного их изучения» (2.37). Анализ жизни через поэзию был столь увлекателен и необычен, что по завершении работы Гершензон смог ощутить психологически «бодрящую

³⁷ См.: Вольгаст Г. Проблемы детского чтения. Спб., 1912.

³⁸ См. Труды Педагогического общества при

Московском университете. Т. 1. М., 1910. С. 91—108.

³⁹ Опубл.: Рус. мысль. 1902. № 1, 3, 7, 9.

картину — картину победоносного шествия человеческого духа» (2.37, л. 11 об.). Этим оптимистическим ощущением были пронизаны «Очерки». И та схематичность и очевидная тенденциозность, которые проявились в переводе, казались Гершензону оправданными его замыслом: «... пусть это будет только изображение основного русла реки, без ее лиманов и притоков. Или лучше так: план здания, а не фотография ее фасада» (2.37).

Эскизные зарисовки картин прогресса человеческого духа увидел Гершензон и в стихах А. Ж. Патена, профессора университета при Гаале, историка французской революции 1789—1799 гг.⁴⁰ и в «Истории французской революции» Минье, переведенной на русский язык К. К. Арсеньевым⁴¹, и в Воспоминаниях Фредерика Февра⁴², и в трудах ученого, писателя, политического деятеля Великой Французской революции А. Н. Кондорсэ⁴³. В 1902 г. на заседании Комиссии по организации домашнего чтения он сделал сообщение: «Мысли двух философов о школе (В. Гумбольдта и А. Кондорсэ)». В серии брошюр «Для народного учителя» эта статья появилась в свет в период первой русской революции⁴⁴. В заседании Педагогического общества при Московском университете Гершензон прочитал 13 окт. 1916 г. доклад «Учебный план Кондорсэ»⁴⁵.

Учебными нуждами Комиссии по организации домашнего чтения продиктована была работа Гершензона по совершенствованию статьи о Ф. Петрарке⁴⁶. Отмеченной в рецензии Ученого комитета Министерства народного просвещения на присуждение премии Петра I, этой работе предстояла к 4-му изданию некоторая доработка (18.27, л. 8). В архиве сохранились подготовительные материалы и корректурные листы публикации ее в хрестоматии (2.27—31)⁴⁷. Интересны оценки труда Гершензона, содержащиеся в письмах Н. В. Сперанского и С. Н. Булгакова, в окружении которых находился переводчик в период подготовки статьи к 4-му изданию. «Петрарку получил и прочел. То, что Вы хотели сказать, сказано хорошо. Но архитектура статьи мне не совсем понятна», — писал Сперанский. С этой оценкой совпадает и мнение Булгакова: «Архитектура статьи мне не нравится» (29.22, л. 1). Внешняя сторона издания заслонила, по мнению критика, «свойства Петрарки, которые представляют главный интерес для историка» (29.22, л. 5 об.). В исследовании личности Петрарки, подлинного знатока античности, ставшего родоначальником поэтического Возрождения, Гершензон избрал путь психологических наблюдений. Могло ли такое направление способствовать выявлению общественной роли художника? Булгаков был уверен, что в синтезе задач, поставленных исследователем Петрарки, и есть причина неудачи: «Вы слили и утопили обе проблемы одна в другой» (там же). К этой слиянности общественного и психологического элементов в постижении личности Петрарки Гершензон стремился вполне сознательно, но сомнения в том, решена ли эта сложнейшая задача, в нем оставались. Его не по-

⁴⁰ Оpubл.: Новое слово. 1897. № 8.

⁴¹ Отклик М. О. Гершензона см.: Рус. ведомости, 1896. № 228. 19 авг., № 230. 21 авг.

⁴² Оpubл.: Рус. ведомости. 1896. № 240. 31 авг.

⁴³ Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 61.

⁴⁴ Гершензон М. О. Мысли двух философов о школе. М., 1905.

⁴⁵ См.: об этом: Рус. ведомости. 1916. № 285. 15 окт.

⁴⁶ Гершензон М. О. Франческо Петрарка: Кн. для чтения по ист. средн. веков. Вып. 1. М., 1894.

⁴⁷ То же / Сост. кружком преподавателей. Под ред. П. Виноградова. Вып. 4. М., 1899.

кидал мучительный вопрос: «... почувствует ли читатель то, что я хотел вложить в эту статью?» (18.28, л. 9 об.). Под влиянием дружеской критики интерес Гершензона к личности Петрарки обретал особую глубину.

В архиве сохранились разрозненные свидетельства Гершензона о публикации им Автобиографии Ф. Петрарки (2.30—31)⁴⁸. В объяснении выбора произведений поэта для серии «Памятники мировой литературы»⁴⁹ слышны отголоски давних споров Гершензона со своими друзьями-оппонентами. Беседы «О презрении к миру», по мнению Гершензона, наилучше освещают душевную жизнь Петрарки и его историческую роль» (2.30, л. 2). Язык Петрарки, являющий квинтэссенцию «романского духа, стилистики Цицерона, осложненной историческим ходом мышления», и преклонение перед утонченной и выразительной изощренностью чувств его, ставили перед Гершензоном-переводчиком задачи неординарные. «Переводчик, — доверительно рассказывает он читателю, — всюду находится между двух опасностей: он рискует по минутно впасть либо в банальную модернизацию, либо в плоскую наивность. Я прилагал все усилия к тому, чтобы сохранить и верность слову, и верность тону подлинника, но знаю, — ибо всякая добродетель ревнива, — что мне не везде удалось совместить то и другое» (2.31, л. 1). «Легко читаемым, изящным и точным» предстал перевод прозы Петрарки перед М. П. Щепкиным (16.23)⁵⁰. В архиве сохранились газетные вырезки рецензий, содержащие высокие оценки издания, которому суждено было занять исключительное место в истории отечественной культуры (15.93)⁵¹. Сотворчество Гершензона, ученика П. Г. Виноградова, сотрудника «Исторического архива Италии» (с 1895 г.), рецензента трудов М. Корелина и А. Н. Веселовского по проблемам раннего итальянского гуманизма и его историографии, с Вяч. Ивановым, крупнейшим знатоком Италии, не было случайным.

Заслуги Гершензона — переводчика «Всеобщей истории с IV столетия до нашего времени» Э. Лависса и А. Рамбо (2.35—36), увидевших свет в издательстве К. Т. Солдатенкова⁵², общепризнаны. Они знаменуют этап становления его и как историографа европейского средневековья, исследователя XVIII в.⁵³, вообще, и Французской революции 1789—1799 гг.⁵⁴. В частности и как исследователя новейшей литературы. Гершензон был рецензентом т. 1 «Всеобщей истории», переведенного В. Неведомским⁵⁵. Среди немногих сохранившихся в архиве материалов Гершензона, связанных с «Всеобщей историей», есть рукопись т. VII, писанная двумя почерками — Гершензона и, по-видимому, В. Неведомского (2.35). Это предположение основано на позднейшем свидетельстве самого Гершензона о том, что первые шесть печатных листов т. VII Лависса и Рамбо «были переведены Неведомским» (17 нояб. 1912 г.). После смерти Неведомского работу над переводом продолжил М. О. Гершензон. Ему же приходилось решать с И. И. Ба-

⁴⁸ См.: Современный мир. 1913. № 9.

⁴⁹ См.: Франческо Петрарка: Автобиография, исповедь, сонеты / Пер. М. Гершензона и Вяч. Иванова, М.: изд. М. и С. Сабашниковых, 1915.

⁵⁰ См.: Правительственный вестник. 1915. № 61. Марта 15.

⁵¹ Опубл.: Голос Москвы. 1915. № 29, Февр. 5; Речь. 1915. № 45. Февр. 16.

⁵² См.: Лависс Э. и Рамбо А. Всеобщая исто-

рия с IV столетия до нашего времени. Т. 2. Феодалная Европа. Крестовые походы. 1095—1270. Пер. М. Гершензона. М.: изд. К. Т. Солдатенкова. 1897.

⁵³ То же. Т. 7. XVIII век. 1715—1789. М., 1901.

⁵⁴ То же. Т. 8. Французская революция 1789—1799. М., 1903. Отзыв о томе см.: Рус. мысль. 1904. № 4.

⁵⁵ Рецензию М. О. Гершензона см.: Рус. ведомости. 1896. № 305. нояб. 4.

рышевым, ведавшим типографскими делами издательства К. Т. Солдатенкова, вопросы набора т. II и VII, а также оплаты труда, возникшие после смерти издателя (28.13). А. Ф. Маркс вслед за выходом в свет в издательстве К. Т. Солдатенкова книги современного французского историка, специалиста в области истории Великой французской революции, возглавлявшего в Сорбонне кафедру истории революции, Ф.-В.-А. Олара, переведенной Гершензоном⁵⁶, предлагал Гершензону 13 дек. 1903 г. издание отдельных томов «Всеобщей истории».

В 1905 г. Гершензон пытается переиздать т. VIII «Всеобщей истории», посвященный и Французской революции. А в 1913 г. он предлагает издательству Сабашниковых перевод «цельного и учебного» тома «Всеобщей истории». Это эпоха крестовых походов; здесь полностью история крестовых походов, весь феодализм, борьба папства с империей, коммунальное движение и зарождение английского парламента, т. е. коренные явления средних веков» (20.20, л. 16 об.). В отделе рукописей сохранилось документальное подтверждение об издании книги М. В. Сабашниковым⁵⁷. О предисловии к этому изданию Гершензон намерен был просить П. Г. Виноградова, но по известным нам причинам уже 20 марта 1913 г. вынужден был обратиться к А. Савину, ведущему в университете курс по эпохе крестовых походов, для того, чтобы определить практическую пригодность тома для учебных целей (20.20, л. 18). Редактура перевода части тома, принадлежавшего Неведомскому, была осуществлена М. М. Хвостовым. Судьба переиздания оказалась в руках тех, о ком оставил в своей тетради 1898 г. Гершензон иронические стихи:

Шамонин, Савин и Хвостов —
 Как мало смысла — много слов,
 Как много скуки в малый срок!
 Когда б хоть я поверить мог,
 Что пыл их речи, их призыв
 Есть искренний порыв—
 Но нет! я знаю их давно.
 Что нет, что да — им все равно... (13.8).

Независимо от их педагогических усилий, направленных на взращивание в студенчестве рутин, равнодушия и благонамеренности, формировались интересы Гершензона к истории Французской революции, культивировалась любовь к историческому знанию и научной истине.

Переводческие намерения его определялись присущим ему даром проникновения в культуру других народов и различных эпох. Но они во многом зависели от образованности и желаний русской интеллигенции способствовать распространению определенных знаний в широких читательских кругах России. Огромное психологическое воздействие на Гершензона оказала Ек. Н. Орлова, переводчица «Маугли», известная своими народническими симпатиями. Под влиянием ее утверждений об

⁵⁶ Переиздание книги было предпринято братьями Гранат, в «Настольном словаре» которых еще в 1894 г. Гершензон публиковал статью «История Франции». См.: Олар Ф.-А. Великая Французская революция. Внутренняя история. М. Пер. М. О. Гершензона. М.: изд-во Т-ва бр. А., И. Гранат и К 1906.

⁵⁷ См.: Лависс Э. и Рамбо А. Всеобщая история... Эпоха крестовых походов / Под ред. М. Гершензона; С предисл. А. Савина. Изд. 2-е (переизд. Солдатенкова, 1897 г.). М.: изд-во М. и С. Сабашниковых, 1914 (договор об изд. книги: ОР РГБ, ф. 261.7.64)

особых трудностях при переводе Р. Киплинга, высказанных 27 апр. 1902 г., возник замысел Гершензона перевести сказку писателя «Кот, идущий своим путем» (2.38, газ. вырезка)⁵⁸.

5 февр. 1905 г. на заседании ОЛРС он излагает свои идеи о независимости художника, способного вести к духовному возрождению. Свой доклад «О Шиллере»⁵⁹ он основывает на внутренних параллелях — отталкиваниях от декадентства, устремляя читателя к проблемам будущего. Гершензонские статьи и заметки о немецкой литературе далеко не равноценны. По его личному признанию, заметка «Новые материалы для биографии Гете»⁶⁰, написанная буквально в полтора часа, «скверная». Гершензон с удивительной оперативностью редактирует перевод книги профессора Гейдельбергского университета Г. Еллинека «Права меньшинства», сделанный Е. Троповским. Между докладом, прочитанным профессором в Венском юридическом обществе в 1906 г., и временем выхода в свет книги в издательстве Сабашниковых практически нет разрыва. Живейший интерес проявляет Гершензон к деятельности отечественных переводчиков. 7 нояб. он присутствовал на вечере, посвященном американскому поэту Уолту Уитмену. Доброе воспоминание об «очень талантливом молодом человеке» Корнее Чуковском, прекрасном переводчике и чтеце», сохранилось в его письме брату от 10 нояб. 1906 г.

В 1907—1908 гг. Гершензон, редактор литературного отдела «Вестника Европы», публикует на страницах журнала рецензии на переводную литературу⁶¹. Он не только информирует своего читателя, но и с максимальной лаконичностью раскрывает художественное, психологическое, историческое или национальное своеобразие того или иного произведения. Представляя русскоязычному читателю поэму из еврейской жизни в Польше Шолома Аша «Городок», Гершензон пишет: «Это поэзия быта, а не индивидуальной души, он написал поэму-эпос, без героев и без событий. Это — тот же род поэзии, к которому принадлежит «Обломовка» или малороссийские повести Гоголя»⁶². Находят отклик у Гершензона и переводы с датского пьесы Я. Бергстрема и сочинений Г. Брандеса, с финского рассказов А. А. Эрнефельда и многие переводы с английского, чешского, французского языков. В оценках этих работ да Гершензона остается неизменной степень точности перевода, сохранение в нем живости подлинного звучания и национального колорита. Именно такова его рецензия о рассказах А. Эрнефельда «Чадо земли», переведенных на русский язык М. Благовещенской. На нее обратил внимание ученик С. М. Соловьева, учитель истории и переводчик с финского языка В. И. Болотов. И при содействии Михаила Осиповича продолжение разговора о финской литературе оказалось реальным: был опубликован перевод рассказа «Мой можжевелевый народ» современного финского писателя Йоганнеса Линнанкоски (настоящая фамилия В. Пелтонен), читаемого уже в Швеции и Дании.

С современным французским литературоведом, профессором Сорбонны и Высшей Нормальной школы Гюставом Лансоном Гершензон решил познакомить русского читателя сразу же по прочтении его статьи в октябрьском номере «Revue du Mois» за 1910 г. Это «лучшее из существующих руководств по методологии историко-литературного знания»

⁵⁸ Опул.: Курьер. 1903. № 130. 8 июля.

⁵⁹ Новое слово. 1905. № 5.

⁶⁰ Рус. ведомости. 1886. № 304. 3 нояб.

⁶¹ Представление об объеме рецензируемого материала дает библиография трудов М. О. Гершензона, составленная Я. Берман.

⁶² Вестник Европы. 1907. № 8. С. 787.

было переведено на русский язык и вскоре увидело свет⁶³. В архиве сохранился начальный фрагмент перевода статьи Г. Лансона («Некоторые критики сделали мне честь...»), автограф переводчика (2.45) и послесловие Гершензона к статье (2.46). Суждения Лансона об истории литературы как отрасли знания, не имеющей непосредственного отношения к науке, но опирающейся на научные основы историко-литературного знания, с точки зрения Михаила Осиповича, не объяснялись только личным опытом. Известный своими трудами по истории французской литературы, исследователь пытался сформулировать обобщающие суждения, необходимые для подступа к историко-литературным проблемам. Важность овладения таким методом была очевидна и для Гершензона. «У нас из десяти человек, пишущих книги или журнальные статьи на историко-литературные темы, едва ли один имеет правильное представление об основных принципах истории литературы, да едва ли имеет и какое-нибудь представление о них»⁶⁴, — констатирует Гершензон положение дел с изучением истории литературы в России. Необходимое отделение историко-литературных задач от задач литературной критики и публицистики вызвано тем, что «история общественной мысли», по его мнению, «фальсифицируется посредством литературы»⁶⁵. Превращение истории литературы в отрасль публицистики оказалось возможным в результате смешения методов и принципов литературной критики. В послесловии Гершензона содержится скрытая полемика с марксистской критикой, в которой публицистический элемент приобрел первенствующее значение. Особой остроты достигает полемика при выявлении понятия «художественный образ».

Гершензон выступает против обеднения образа как категории художественного творчества, отстаивая аксиому о том, что художественный образ не есть величина, равная объективной реальности. При исследовании познавательной природы искусства борьба Гершензона за терминологическую точность была направлена против упрощенного представления о типе и типизации: «Художественный образ никогда не может быть типом, — заявляет Гершензон тем, кто занят оживленной работой по «перегонке поэтических образов в «типы» и «типов» в историю общественной мысли», — то есть свободной фотографией с жизни»⁶⁶. Художественный образ — «акт самораскрытия и самопознания, вольная или невольная повесть художника о самом себе»⁶⁷. Исторический смысл образа не может быть понят, если игнорируется творческая воля автора и результаты его художественного создания. Отличительный признак литературы, утверждал Гершензон, — это художественность. При этом он не смыкался с программой «чистого искусства», а добавлял: «Отличительное свойство художественной интуиции есть то, что ее содержание неотделимо от формы, в которой оно дается»⁶⁸. От этого родового признака — художественности — и должно идти изложение истории литературы. Вершины историко-литературных исследований Гершензон ясно видел в статьях А. Белого о морфологии ритма в русской поэзии. Изложенные в послесловии, многие предложения Гершензона о задачах текстологической науки представляются актуальными и сегодня. Дидактическая сухость гершензоновского после-

⁶³ Лансон Г. Метод в истории литературы / Пер. и послесловие М. Гершензона. М.: Мир, 1911.

⁶⁴ Лансон Г. Указ. соч. С. 50.

⁶⁵ Там же. С. 57.

⁶⁶ Там же. С. 58.

⁶⁷ Там же. С. 58.

⁶⁸ Там же. С. 65.

словия вызывала резкое несогласие с ним: «Кто сверял с подлинниками Тургенева, Гончарова, Некрасова, Достоевского и других. Да ведь и на Западе нет этих, сверенных с подлинниками изданий писателей, умерших так недавно, так ли важна для изучения Достоевского сверка его текстов с подлинниками, едва ли существующими? Не шаблон ли эти требования, перенесенные с огулом с древней литературы на новую?» (2.46, л. 1). Научные эдиционные требования Гершензона, опирающиеся на опыт издания древнейших и древних текстов, конечно же, опережали уровень современной ему текстологической науки.

С именем Гершензона самым непосредственным образом связан расцвет переводческой деятельности в России 1910-х гг. Из сохранившихся в отделе рукописей документов восстанавливается картина систематической и напряженной работы, которую он ведет по поручению М. В. Сабашникова с начала 1911 г. На первом этапе ее составляются списки произведений иностранных авторов, интересных для широкого круга русских читателей, ведутся переговоры с В. Я. Брюсовым, В. П. Бузескулом, Н. М. Виленкиным, Н. М. Горбовым, С. А. Жебелевым, Ф. Ф. Зелинским, А. И. Кирпичниковым, А. В. Кубицким, Н. И. Романовым и другими историками, литераторами, переводчиками. О первых неудачных переговорах Гершензон сообщал уже 31 янв. 1911 г. Это был визит к М. М. Покровскому, с которым он сблизился еще в Риме во время написания работы по греческой истории.⁶⁹ Гершензон ценил его острый ум и эрудицию, переводы с древнегреческого Аристофана и Аристотеля, которые можно было бы издать в сабашниковской серии «Античные писатели». Но никаких указаний насчет заграничных переводов в этой серии Гершензон от Покровского не получил.⁷⁰ Не воспользовался предложением Гершензона написать предисловие к «Bellum Galicum» Д. М. Петрушевский, преемник П. Г. Виноградова по кафедре, поскольку предложение это совпало с событиями в университете, вынудившими профессора в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л. А. Кассо оставить кафедру. Нам пока недостаточно ясна причина незавершенности переговоров с Н. М. Горбовым о переводе 7-ми диалогов Платона.

Плодотворными оказались переговоры Гершензона с ученым-археологом С. А. Жебелевым, который накануне завершил свой многолетний перевод «Политики» Аристотеля. Благодаря стараниям М. Гершензона этот труд был издан⁷¹. Сохранившиеся в архиве письма Жебелева Гершензону и Гершензона М. В. Сабашникову проливают свет на историю перевода и издания «Политики»⁷². Получив на редактирование труд Жебелева и просмотрев его, Гершензон остался недоволен стилистическим несовершенством: «Перевод так себе: по-видимому, вполне точен, но сухие, жесткие фразы Аристотеля превращены в округленные, интеллигентные многословные фразы»⁷³. Присрастность редактора вполне объяснима, ведь античная литература и, в частности, труд Аристотеля были давним предметом исследования и переводов Гершензона.

⁶⁹ В архиве Гершензона сохранились выписки из работ Покровского о Плутархе (12.29).

⁷⁰ ОР РГБ, ф. 261.3.41.

⁷¹ См.: Аристотель. Политика / Пер. с греч. с предисл., примеч. и прил. очерка «Греческая политическая литература» и «Политика» Арис-

тотеля С. А. Жебелева; Исполнен для тр. С.-Петербург. философского общества. М.: изд-во М. и С. Сабашниковых, 1911.

⁷² ОР РГБ, ф. 261.4.6—7.

⁷³ Там же, ф. 26.4.6.

К переводам античных классиков Гершензон приглашает и В. Я. Брюсова. Поскольку переговоры об участии Брюсова в предпринятой издательством Сабашниковых серии были начаты Гершензоном, то именно ему адресует Брюсов письмо от 22 апр. 1911 г., написанное на бланке журнала «Русская мысль». «Я... согласен... написать Вступление к «Энеиде»... Меньше, чем в 1,5 листа, статьи писать мне не хотелось: пришлось бы им повторять общие места, или промолчать о многом, для среднего читателя... А о Вергилии есть что сказать (и, в частности, у меня) не только на 3 листа, но и на целую книгу!»⁷⁴. В письме речь шла не о полном переводе «Энеиды» с латинского⁷⁵, этой давней мечте Брюсова, а о фрагментах из нее, уже завершенных.

В издательстве рассматривались и вопросы переиздания переводных произведений, уже имеющих хождение на книжном рынке России. Для решения вопроса о переиздании Тацита, сделанного братьями Кронебергами, Гершензон от издательства Сабашниковых в качестве консультанта пригласил М. И. Ростовцева. Он провел выборочное сличение переводного текста с подлинником и обнаружил массу неточностей, несмотря на внешние достоинства перевода. Кронеберговский перевод «не передает и тени тацитовского стиля, кроме того, очень далек от текста и содержит много прямых ошибок, частью как результат недостаточного знакомства с языком, частью по причине недостаточных знаний автора в области так называемых реалий», — заключал М. И. Ростовцев⁷⁶. Переиздание кронеберговского перевода было сопряжено с огромной редакторской работой, не только устраняющей множество отмеченных консультантом ошибок, но и предполагающей фронтальное сличение оригинала с переводом. И Ростовцев высказал вполне резонное соображение: «По-моему, Тацита надо перевести заново. Сделать это должен не филолог, а поэт. Очень подходящим я считаю для этой работы самого Вал. Брюсова; в его стиле, тревожном и тяжелом, много общего с Тацитом»⁷⁷. К переводам пьес Эсхила Гершензон привлечет вскоре Вяч. Иванова, Аристофана — М. А. Кузмина⁷⁸.

В феврале 1912 г. Гершензон получил от издателя перевод А. В. Артюшкова «Котуры и маски. Эврипид. — Плавт. — Теренций в художественных переводах»⁷⁹. Артюшкова даровитость переводчика и энциклопедиста в области стиховедения не помешала Гершензону критически отнестись к вопросам соблюдения размеров подлинника в переводах драматических произведений. Имитации и подновления классиков, несмотря на соблюдение свойств внешнего характера, оставались для Гершензона «квазиантичными». Эти упреки ни в коей мере не относились к переводам «Циклопа» Еврипида или «Евнуха» Теренция, которые, по его мнению, «всякий образованный человек прочтет с наслаждением»⁸⁰. Но Гершензону чуждо было звучание стиха, не свойственное течению русской речи. В хорах стих Артюшкова звучал естественно, и Гершензон не скрывал своего намерения просить переводчика уйти от следования размеру подлинника.

В планы переводной литературы вносятся коррективы, и, кроме античной серии, появляется запись об издании народно-эпических памятников: «Песни о Гудруне», немецко-австрийском средневековом

⁷⁴ ОР РГБ, ф. 261.2.99.

⁷⁵ См.: Брюсов В. Я. Вергилий. Энеида. М.; Л., 1933.

⁷⁶ ОР РГБ, ф. 261.6.12, л. 1.

⁷⁷ Там же, л. 2.

⁷⁸ ОР РГБ, ф. 261.2.99.

⁷⁹ См.: Избранные отрывки из Аннал Тацита. Учеб. изд. Моск. высш. жен. курсов. М.: Типолитограф. И. Н. Кушнерев и К^о, 1915.

⁸⁰ ОР РГБ, ф. 226.2.99.

эпосе, «Песни о моем Сиде», испанском средневековом эпосе. Сведения о них Гершензон заимствовал из работы Н. А. Рубакина «Среди книг. Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей» (Т. 1-3. 1911—1915), о чем свидетельствуют его рабочие записи: «Рубак. Гудрун. № 2431а, Рубак. Сид. № 3258». Планируется издание библиографических справочников и, в частности, «библиографии стихотворных переводов с славянских языков». Но этот вопрос был снят после консультаций книговеда и библиографа А. Г. Фомина, с которым Гершензон сблизился во время редактирования И. С. Никитина. Фомин посоветовал Гершензону обратиться к известному лингвисту, библиографу и этнографу, профессору Варшавского университета Я. И. Яцимирскому, который в течение многих лет работал над полной библиографией славяноведения. Для предполагаемой серии произведений славянских авторов В. И. Болотов делает перевод басен Игнатия Красицкого, ценных для истории «независимой Польши».

Неизвестные русскому читателю произведения А. Мицкевича, которые, по определению Ламенне, являются «книгами всего человечества», Гершензону представлял А. К. Виноградов. Выпускник Московского университета, скромный помощник библиотекаря Московского публичного и Румянцевского музея он делился с Гершензоном надеждами: «Мне, конечно, очень хочется видеть это произведение «Книги народа польского и польского пилигримства»... напечатанным. Я не буду сейчас приводить моих соображений, почему я считаю это несовременное произведение очень и очень современным. Оно написано гением классической Польши, вдохновлено подлинным горем утрат, написано в ту благодатную пору творчества Мицкевича, когда он писал «Пана Тадеуша»...» (30.26, л. 1—2). Будущий директор Румянцевского музея, а затем и Библиотеки им. В. И. Ленина заботится о достойном месте для трудов Мицкевича в ряду Памятников всемирной литературы.

Параллельно идет поиск востоковедов. 6 нояб. 1913 г. Гершензон советует Сабашникову: «Насчет людей для восточной серии следовало бы поговорить с А. Е. Крымским и Ф. Е. Коршем: они знают всех прикосновенных к Востоку, по крайней мере, в Москве» (41.2, л. 22). Еще в 1900-е гг. Гершензон вместе с Т. Б. Гольденвейзер переводил еврейского историка Штаде (18.14, л. 30). Как «последнее слово новейшей «*Vibelforschung*» воспринимал он труды современного немецкого ассириолога и археолога, профессора Берлинского университета, основоположника панавилонизма Гуго Винклера. Астральная идея книги панавилониста была близка Гершензону, о чем свидетельствовали его рецензии и размышления о религии, которыми полна его публицистика.

Заслуги Гершензона в пропаганде культурного наследия Европы и Востока к 1916 г. стали столь очевидными, что именно к нему, ученику П. Г. Виноградова, обращает свои письма известный журналист и переводчик Г. В. Вильямс. Он рассказывает о той роли, какую сыграл авторитет П. Г. Виноградова в серьезном изучении России, о том, что почти все британские университеты ввели курс изучения русского языка и культуры. Учебники издавались во множестве и Вильямс мог заключить: «Виноградов приехал, по-видимому, с большими планами» (30.25, л. 14). Деловые мысли Вильямса о введении в российские университетские программы курсов английского языка и литературы пронизаны идеей «взаимного ознакомления народов»: «Настоящая Анг-

лия должна знать настоящую Россию, и, наоборот» (там же). Решить эту задачу не способны случайные переводы, и потому необходима была продуманная программа издания переводных произведений.

Объединенные замыслом Памятников всемирной литературы, писатели, поэты и переводчики вносят в планы издания все новые произведения. По рекомендации Вяч. Иванова петербургский поэт-символист В. А. Пяст переводит испанского драматурга Тирсо де Молина; О. Б. Румер — восхитительную вещь, у нас тогда совершенно неизвестную — «Кентерберийские рассказы», представителя Предвозрождения в Англии Д. Чосера; Н. М. Виленкин (Минский) — древнегреческого поэта и историка Геснода. «Образец перевода» для серии Памятников присылает в мае 1916 г. А. Б. Дерман⁸¹. 4 ноября того же года доставила перевод с французского комедии А. Мюссе Е. К. Герцык. «Я сверил его во многих местах и просто читал — перевод великолепный»⁸². С огромной программой обращается в издательство Сабашниковых А. Н. Чеботаревская (февр. 9, 1917 г.). Автобиографию Бенджамина Франклина и его дневники переводит с английского Е. Бошняк (апрель 1917 г.). Тогда же В. И. Болотов просит об издании в серии перевода острой политической драмы финского писателя Юхана Ахо «Приговор» и его исторического романа «Пану» из времен борьбы христианства с язычеством.

Многие образцы переводов, заказанные в начале 1910-х гг., стали поступать в середине 1916 г. И между Гершензоном и Сабашниковым 13 окт. 1916 г. было заключено соглашение о редактировании серии книг. Гершензон принял на себя редактирование 150 томов серии, а вместе с этим и обязанности по розыску текстов оригиналов. Он выявлял произведения уже переведенные, заботился об обеспечении авторских прав переводчиков, редактировал тексты до их сдачи в печать, прочитывал корректурные полосы, сопровождал публикуемое краткими биографическими заметками и библиографическими справками. В круг обязанностей Гершензона входил и отбор произведений, основной корпус которых составляли отсутствующие на книжном рынке. И при этом фамилия редактора серии в соответствии с пунктом соглашения на обложках и титульных листах не указывалась⁸³. В соответствии с этим соглашением Гершензон получал вознаграждение за свою работу. В архиве сохранились отрезные купоны денежных отправок издательства с 15 окт. 1916 г. по 5(18) февр. 1918 г. Предстоит кропотливая работа по выявлению сведений об участии Гершензона в редактировании Памятников мировой литературы⁸⁴ издательства Сабашниковых.

В 1918 г. с предисловием Гершензона в московском издательстве «Сафрут» вышел «Сборник молодой еврейской поэзии». Редактировали сборник В. Ф. Ходасевич и Л. Б. Яффе. «В этой книге, — писал Гершензон, — собраны лучшие произведения новоеврейской лирики, но стихотворный перевод — печальная вещь. В подлиннике каждое из них переливает радугой, играет бесчисленными цветными лучами, перевод неизбежно гасит большинство тех лучей и многие заменяет иными»⁸⁵. В блестящих переводах Ю. К. Балтрушайтиса, П. Н. Беркова, В. Я. Брюсова, Ю. Н. Верховского, Вл. Жаботинского, Вяч. Иванова,

⁸¹ См.: ОР РГБ, ф. 356.1.12, л. 1.

⁸² См. ОР РГБ, ф. 261.13.41, л. 30.

⁸³ ОР РГБ, ф. 261.7.64, л. 2 об.

⁸⁴ Еврейская антология: Сб. мол. евр. поэзии.

М.: Сафрут, 1918, С. V.

⁸⁵ Еврейская антология. Сб-к мол. евр. поэзии. М.: Сафрут, 1918, С. V.

Ф. Сологуба, В. Ф. Ходасевича и других, чье художественное чутье сохранило силу мысли и дарование создателей, еврейская поэзия пришла к своему читателю.

В советские годы Гершензон, будучи служащим Наркомпроса, помогает переводчице и писательнице, которая некогда занималась переводом «Всеобщей истории» Лависса и Рамбо, получить заказ в Петроградском издательстве «Всемирная литература». Как к руководителю литературной секции РАХН к Гершензону обращается за советом Л. Е. Остроумов (18 дек. 1924 г.).

Переводческая деятельность Гершензона, охватывающая более трех десятилетий⁸⁶, неотъемлемая часть его жизни и творчества, требует серьезного профессионального изучения. Ставшая естественным продолжением его университетских штудий, она вплоть до 1903 г. была предметом его преимущественных занятий. «До сих пор, — пишет Гершензон в своем дневнике 31 дек. 1903 г., — я был только переводчиком». Сотрудничество с редакцией Нового энциклопедического словаря дало ему возможность вносить свою лепту в обогащение отечественной культуры емкими информационными сведениями о китайской династии Минг, о Риме. В арсенале отечественной культуры и его переводы греческих мастеров, ставшие хрестоматийными. Его переводы «Всеобщей истории» Лависса и Рамбо составили веху в русской исторической науке.

Предстоящее освоение огромного переводческого наследия Гершензона несомненно обратит исследователей к его архиву. И, хотя он не даст возможности восстановить весь объем переведенного Гершензоном, но определит пути поисков статей и рецензий в письмах, дневниках и других материалах, упоминаемых, но отсутствующих в наших библиографических банках (как например, статья «Талмуд и Будда», изданная в Париже, рецензия «Рим и Иудея»). Особый смысл видится в выяснении переводческого мастерства Гершензона при сравнении его трудов с подлинниками. Кроме переводов иностранных авторов сюда необходимо включить и гершензоновские переводы произведений, дневников и писем его великих соотечественников — П. Я. Чаадаева и А. И. Герцена. Материалы архива раскроют перед исследователями меняющиеся переводческие установки Гершензона, в которых с самого начала нет места натяжкам, но не гипотезам» (1894 г.), и которые вырастают затем в диктат рассмотрения перевода «под микроскопом» (1915). Богатейший материал о творческих контактах Гершензона с крупнейшими русскими переводчиками, содержащийся в его архиве, позволит ответить и на вопрос о взаимовлиянии и взаимообогащении в процессе содружества.

* *
*

В творческом наследии Гершензона значителен объем публицистических и философских работ. Первые из них относятся к студенческим годам, когда началось сотрудничество его с группой научных работников Москвы во главе с братьями А. Н. и И. Н. Гранат, приобретшими издательские права на Настольный энциклопедический словарь Товарищества А. Гербель и К^о. Здесь он публикует ряд заметок, о которых

---

⁸⁶ Есть в архиве упоминание о переводе Гершензоном в 1890 г. рассказа современного ему французского писателя А. Доде «Последняя книга» (12.41).

сохранились лишь косвенные свидетельства в эпистолярной части архива, а также в библиографии опубликованного за 1894—1896 гг., составленной автором в 1896 г. (12.20; 34). Это библиография восстанавливает основной корпус работ Гершензона, увидевших свет на страницах «Филологического обозрения», журнала «Русская мысль», Энциклопедического словаря братьев Гранат (12.25). Судя по рецензиям, интерес его был сосредоточен на истории древней Греции, хронологии тирании Писистрата, Афинской Политии Аристотеля (12.22), истории ислама, истории Рима. В архиве сохранился печатный оттиск его рецензии на книгу К. Ваксмута «Опыт исторического введения в древнюю историю» (Лейпциг, 1895; 12.21)⁸⁷. Оценивая труд одного из представителей умеренно-консервативной школы в области древней истории, Гершензон видит в нем ценное справочное пособие «для приступающих к детальному изучению древней истории» (12.21, л. 2 об.). Гершензонское сожаление по поводу недостаточного внимания Ваксмута к политическим взглядам писателей важно для понимания его представлений о задачах историографии.

Уже в 1896 г. Гершензон задумал работу об экономическом развитии Греции до персидских войн, которая давала ему возможность для конкретизации вопросов о роли «экономических факторов в истории» (18.13, л. 8). Осуществление задуманной работы Гершензон связывал с историческим факультетом Гейдельбергского университета. Однако в апреле 1896 г., благодаря протекции сотрудников «Русских ведомостей» и университетских друзей, Гершензон получает место корреспондента «Русских ведомостей» в Риме. Уже 4 апреля в газете появляется его первая значительно сокращенная, статья «Настроение умов в Италии»⁸⁸, которая была определенным профессиональным экзаменом. Судя по дате первого письма Гершензона из Рима 6 мая (24 апреля), экзамен этот был сдан успешно. Первую корреспонденцию из Рима о парламентских делах он отправил в газету 20 (8) мая.

Вхождение Гершензона в корреспондентские обязанности не было равным. 6 июня 1896 г. он жаловался брату: «Пишу я корреспонденции трудно» (18.14, л. 5 об.). И было тому много причин. Одна из них определялась соотношениями социально-психологического характера. Гершензон не мог освободиться от осознания подневольности, на которое был обречен корреспондент официальных органов печати, в чем убеждался он и общаясь с римским корреспондентом «Нового времени» Дитерихсом, и, читая корреспонденции итальянских газетчиков, где «о Ходынской катастрофе и петербургских беспорядках» писалось более подробно, чем в отечественной журналистике (18.14, л. 17 об.). Самоограничения оказывались пагубными, и, хорошо знающий Гершензона, В. А. Маклаков, оставленный по окончании учебы в университете, счел своим дружеским долгом указать автору на поджидающие его опасности. В письме к брату от 4 июня 1896 г. Гершензон писал: «Вчера получил письмо от Маклакова, который ругательски-ругает меня за банальную корреспонденцию, и прав» (18.14, л. 4). Обречение на банальность как бы программируется Гершензоном, осознающим непременность цензурных изъятий. Корреспонденция о столетии со дня смерти Гарибальди, опубликованная в газете, существенно восполняется его сообщением о «потасовке», происшедшей у памятника Гарибальди

⁸⁷ Опул.: Филолог. обозрение. 1895. Т. X. Кн. 1. В библиографическом указателе работ

Гершензона эта рецензия отсутствует.
⁸⁸ См.: Рус. ведомости. 1896. № 92.

«между социалистами и полицией»: «Полицейский инспектор во что бы то ни стало хотел вырвать у социалистического знаменосца его знамя пурпурно-красное с черной надписью: «Пролетарии, соединяйтесь!» На поминках был и молодой вождь социалистов, депутат Андрей Коста» (18.14, л. 7—7 об.). В корреспонденции Гершензон не мог сообщить, как демонстранты были окружены полицией и заперты в парке. и о том, что с четверть часа и сам находился в «тюрьме Гарибальди», парке, окруженном полицией (18.14, л. 17 об.). Как эта ситуация, так и созерцание картины П. А. Сведомского, изображающей шествие Христа на Голгофу, дают Гершензону возможность определить собственную мировоззренческую позицию. Христос Сведомского становится для него «человеком чистейшей души». Осужденный на смерть, подавленный, Христос здесь «не спаситель рода человеческого» — «он смотрит не на плачущий вокруг него народ, а сверх его, в пространство» (18.13, л. 38 об.). Подобно Христу Сведомского, Гершензон пытается уйти «в пространство», каким становятся для него переводы «Истории Греции» Ю. Белоха (13.33) и произведения Лассалья, работа над которыми позволяла ему не размениваться на мелочи. Полная библиография опубликованного Гершензоном в «Русских ведомостях» 1896 г. сохранилась в его архиве (13.35).

Но его интересует не только философия христианства (11.31), символы веры по Маймониду (11.32), древние кодексы (11.22), понимание важности догматов для человеческого сознания и нравственности (11.29), философия истории (11.28) и всеобщая история (11.27), но и современные проблемы. Он пишет заметку «Маленькие страдальцы», рассказывающую о деятельности Одесской санитарной станции Общества попечения о больных детях (12.22). Она предваряет ряд его публичных выступлений в Комиссии по организации домашнего чтения, в Педагогическом обществе при Московском университете, на страницах периодической печати. В архиве сохранились тезисы публичных выступлений Гершензона 1900-х гг.: «Художественная литература и воспитание» (12.30), «Школа и сцена» (12.44), в которых рассматривается роль литературы и театра в расширении социального кругозора ребенка.

13 окт. 1901 г. на заседании Педагогического общества, состоящего при Московском университете, Гершензон сделал сообщение о Кондорсе, чья деятельность «ратоборца за благо человека, творца демократической конституции 1793 года», определила систему народного образования Франции⁸⁹. В качестве источника Гершензон использовал мемуары Кондорсе 1790—1791 гг. и его доклад, читанный в законодательном собрании 20 и 21 апр. 1792 г. (в архиве сохранились выписки из произведений Кондорсе, сделанные еще в 1890-е гг.; 11.26). Гершензон остановился, в частности, на таком вопросе: «... школа все еще остается монополией политической власти, делающей ее рассадником желательных ей догматов» (10.9, л. 2). Проблема, затронутая Гершензоном на этом заседании, не была для него случайной, ею проникнуты и многие рассуждения о «закоренелой предвзятости сознания», его нивелировке, духовной искалеченности людей, происходящей в результате догматического школьного воспитания, об издержках которого Гершензон напишет позже в статье «Творческое самосознание» (10.4).

⁸⁹ Излож. докл. опубл.: Рус. ведомости. 1901. № 285. Окт. 15.

В маленьком фельетоне «Детские лагеря»⁹⁰ (10.10), подписанном инициалом «Г», Гершензон рассказал о существовавших с 1898 г. благотворительных летних детских колониях, открываемых на предоставляемые Думой субсидии и пожертвования московского купеческого собрания. Болью пронизаны рассуждения о «маленькой армии маленьких ополченцев», детей из необеспеченных семей, которым так необходима благотворительность. Приводимые статистические данные обостряли поставленную проблему: из 7,5 тыс. детей вырваться на лето из жестокой городской жизни и нищеты могла лишь очень незначительная часть — не более 500 человек.

В архиве сохранились библиографические заметки Гершензона по вопросам, связанным с реформами в области педагогики (12.45), заметки по методике чтения (12.71—77), выписки из работ известных психологов (11.26; 78). В заметке Гершензона «Школа и государство» (12.43), задуманной как предисловие к книге Ф. Паульсена «Образование», обозначена публицистическая заданность труда: «... возбудить интерес к намеченной здесь теме и представить читателю некоторый материал, на который могло опереться его самостоятельное суждение» (12.43, л. 2). Приводя слова Ф. Паульсена: «... какую цель должно иметь в виду государственное устройство и какие границы оно должно ставить своей деятельности» (12.43, л. 1), написанные более 100 лет назад, Гершензон пытался показать их актуальность для русского читателя и к моменту издания книги. Но Московский цензурный комитет в лице цензора Егорова признал их совершенно неудобными к напечатанию.

В 1903 г. Гершензон написал статью о даровитом французском педагоге и популяризаторе Ж. Масэ, основателе французской Лиги образования. Отмечая грандиозность заслуг в создании Лиги, Гершензон вместе с тем остановился и на истории организации Ж. Масэ народных библиотек и Общества библиотек Верхнего Рейна. Поводом к написанию статьи «Жан Масэ»⁹¹ (12.46) послужила книга Г. Компетрэ.

В 1903 г. Гершензон ведет переговоры с Петербургским книгоиздательским Товариществом просветительского направления «Общественная польза». По мнению сотрудника Товарищества А. В. Браудо, заявка Гершензона рассматривалась издательством как «трудное дело» (29.7). По мере сил способствовал Гершензон и деятельности Общества для распространения просвещения между евреями в России, возглавляемого В. О. Гаркави. Сохранилась переписка Гершензона с московским уполномоченным Общества С. В. Брумбергом (29.15).

Публицистика Гершензона этих дней питается философией Л. Н. Толстого. Он последовательно проводит мысль о том, что индивидуальным деянием можно изменить социальные несправедливости современного общества. На страницах только что основанного двухнедельного журнала «Освобождение»⁹² он полемизирует с П. Б. Струве. «Противоестественно заглушать человеческую речь и карать ссылкой и смертью за мнения; противоестественно закрыть людям доступ к знанию; противоестественно обрекать миллионы тружеников голодной смерти; противоестественно грубой и полной произвола централизацией душировать сложную жизнь громадного государства, и более чем противоестественно — до иступления дико — делать все это ради материаль-

⁹⁰ Оpubл.: Курьер. 1903. № 162. авг. 9.

⁹¹ Оpubл.: Рус. мысль. 1903. Кв. X. С. 190—197.

⁹² См.: Освобождение. Штутгарт, 1903. Кн. 1.

С. 225—240.

ной выгоды одного из нескольких человек» (10.64, л. 1 об.). Программа издания вызывает критику Гершензона: в излишней политизации общества он видит «обособление» от нравственности, по его мнению, задача издания — учить читателя «жить по правде».

Прав был его сокурсник М. Н. Покровский, вспоминая те годы, когда идеи исторического обновления пошли «такой бурной волной, что захватили территорию, далеко выходящую за пределы революционных кружков»⁹³. В удивительном синтезе идей толстовских, исторического материализма, Т. Карлейля выкристаллизовывается основная идея Гершензона: он хочет видеть в субъекте активное творческое начало. «Из состояния вопросов» Гершензон переходит «на путь решения»⁹⁴.

В статье «После экзамена»⁹⁵ (13.16) он сосредоточивает внимание на результатах общественно-политического переворота, приведшего русское общество к манифесту 17 окт. 1905 г. Несмотря на торжество реакции, Гершензон заключал, что экзамен борьбы новых сил с реакционным режимом был выдержан. Но, как и в полемике со Струве 1903 г., Гершензон настаивал на том, что концентрация всех сил исключительно на политической борьбе породила душевный разлад у русской интеллигенции.

Обострение интереса Гершензона к революционному прошлому, характерное для русской исторической науки начала XX в., не было спонтанным. Размышления его о роли, сущности и возможностях интеллигенции в истории развития России нашли отражение в его книгах, издаваемых одна за другой с 1906 по 1913 г. Такая творческая активность Гершензона объясняется не одной лишь зрелостью историка. В изменившихся социально-политических условиях в стране, когда применение революционных методов борьбы и общественных реформ невозможно на практике, Гершензон углублял свои идеи, ориентируя каждого индивидуума на «внутреннее устройство». Наилучший способ воспитания он по-прежнему видит в книге⁹⁶. Те способы переустройства мира, о которых писал в своих произведениях Н. В. Гоголь, кажутся Гершензону наиболее приемлемыми. (Завещание Н. В. Гоголя: отг. из журн.: Рус. мысль Кн. V. С. 159—177; 5.43). Но уже в «Исторических записках» Гершензон показывает ошибочность установок писателя на сохранение «неизменными общественных форм»⁹⁷, революционизирование исключительно сферы сознания. В архиве сохранились справочные заметки и другие подготовительные материалы к «Историческим запискам» (10.7, 8) и полемическая заметка «Ответ П. Б. Струве» (10.51) по поводу критических высказываний последнего о книге⁹⁸. Замысел своего исследования Гершензон объяснял так: «Я хотел проследить тот путь, которым русское образованное общество дошло до нынешнего своего состояния» (10.5, л. 1). «Исторические записки» по плану непосредственно примыкают к «Истории Молодой России», где я пытался изобразить начальную стадию движения» (10.5, л. 1 об.).

Публицистические заметки Гершензона, сохранившиеся в его архиве, ставят под сомнение легенду, о том, что вопросы хозяйствования,

⁹³ Покровский М. Н. Избр. произведения. М., 1967. Кн. 4. С. 379.

⁹⁴ Гершензон М. О. Письма к брату. М., 1927. С. 58.

⁹⁵ Рус. ведомости. 1906. № 225. 31 янв.

⁹⁶ Весьма знаменательно, что его брошюра «Социально-политические взгляды А. И. Гер-

цена» набиралась в типографии В. И. Воронова, состоящей под покровительством Общества распространения полезных знаний.

⁹⁷ См.: Гершензон М. О. Исторические записки (о русском обществе). М., 1910. С. 116.

⁹⁸ См.: Рус. мысль. 1909. Кн. XII, 1910, кн. II.

экономической стороны жизни будто бы не занимали его и что он, деятельность которого падает на период развития марксизма в России, будто бы был с этим учением не знаком.

Заметка Гершензона «Душа рабочего» (10.11) была откликом на полемику вокруг романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», возникшую в связи со спорами о причинах упадка в помещичьих хозяйствах и в земледельческом быту. В соответствии со своими философскими установками, Гершензон и в этой статье рассматривает такой феномен, как «настроение рабочего», видя в нем фактор производства. «Это звучит дико для уха современного предпринимателя», — заявляет Гершензон. Ведь интерес к настроениям рабочей массы, если и возникал, то лишь в поисках «причины волнений и забастовок» (10.11, л. 6). Гершензон говорит о громадном общественном уровне «в смысле количества осуществленной рабочей энергии» (10.11, л. 7). Он ставит вопрос о последствиях неправильной организации труда в современном обществе, и в качестве примера подвергает критике теорию американского инженера Тейлора. «При этой системе, — пишет Гершензон, — рабочий превращается в заводную куклу, выполняющую предначертанный ряд чрезвычайно простых, механически заученных движений» (10, 11, л. 12). Система Тейлора рассматривается Гершензоном как угроза безработицы, голода и вымирания рабочих.

Устоявшееся представление о характере публицистической деятельности Гершензона как выразителя либерально-кадетствующего направления связано с изданием в 1909 г. сборника статей о русской интеллигенции «Вехи». В силу авторитетности ленинских оценок имя Гершензона нередко отождествляется с понятием «веховец», рассматривается вне эволюции его мировоззренческой концепции. По сохранившимся в архиве материалам, сборник «Вехи», в издании и распространении которого Гершензону принадлежит не последнее место, проливает свет на многие важные вопросы. Так, черновой автограф «Предисловия» к сборнику статей о русской интеллигенции, выявляет авторство Гершензона (10.3). Функции этого «Предисловия», как в определенной степени объединителя авторского коллектива, Гершензон формулирует так: «Не для того, чтобы с высоты познанной истины доктринерски судить русскую интеллигенцию и не с высокомерным презрением к ее прошлому писаны статьи, из которых составилась настоящий сборник, а с болью за это прошлое и в жгучей тревоге за будущее родной страны. Революционное выступление интеллигенции и последовавшие за ним события явились как бы всенародным испытанием тех ценностей, которые более полувека блюла наша общественная мысль...» (10.3, л. 1).

Однако объективные результаты не вполне совпали с благими замыслами. И здесь известная ленинская оценка этого сборника как «энциклопедии кадетствующего либерализма» нередко совпадала с оценками лиц, близких Гершензону. В качестве примера приведем оценку одного из представителей либеральной интеллигенции С. А. Венгерова⁹⁹. «Вехи», еще не читал серьезно, а так только проглядел... Но в качестве неисправимого «общественника» не радуюсь: к русской интеллигенции у меня только одно отношение — я бесконечно перед нею преклоняюсь и не знаю, за что ее нужно так дьявольски бранить. Не люблю я также ладану, а его в «Вехах», кажется, достаточно» (30.8,

⁹⁹ Свое мнение Венгеров выразил и в статье «Литературные настроения». Опубл.: Рус. ведомости. 1910. № 5 янв. Газ. вырезка (15.28).

л. 15). «Если хватит настроения, буду с Вами драться до крови из-за «Вех» (30.8, л. 17). Сборник «Вехи» создавался не под влиянием личных, мелких побуждений, а был выражением кризисного состояния определенной части русской интеллигенции, пережившей поражение первой русской революции, в связи с чем и стали панически заявлять о «практическом бессилии, неспособности интеллигенции освободить народ» (10.3, л. 2 об.).

1 июля 1909 г. Венгеров не без сарказма обращался к Гершензону: «Напрасно Вы боитесь холеры; мрут от нее только те мужики, от которых «Вехи» спасают «интеллигенцию», и потому что они эфтой самой интеллигенции не слушаются...» (30.8, л. 30). Тем не менее позиция сборника «Вехи», который в поисках базиса для «всякого политического строительства» дошел до отрицания «примата общественных форм» (10.3, л. 2 об.), стало иллюстрацией активизировавшейся в обществе идейной борьбы и поляризации сил.

В статье «Творческое самосознание» (печ. отт. из сб. «Вехи», 10.4)¹⁰⁰ Гершензон пытался разъяснить «смысл кризиса, переживаемого обществом для того, чтобы отдельные сознания по костности или незнанию сами не оставались неподвижными и не задерживали друг друга» (10.4, л. 14 об.). Его проповедь «органического обновления жизни», «космического самоопределения человека» из сферы остро публицистической, казалось бы, устремлялась прочь... к философским проблемам. И в первую очередь к проблеме личности, личной ответственности каждого за свою судьбу и за процессы, происходящие в обществе. «За всю грязь и неурядицу личной и общественной жизни, — писал Гершензон, — вину несло самодержавие, — личность признавалась безответственной. Это была очень удобная вера» (10.4, л. 13). Послереволюционный разброд среди интеллигенции Гершензон рассматривал не как поворот общественного сознания от своих идеалов, а как кризисную реакцию индивидуального сознания. Он отмечал и страх, и чувство самосохранения, и молчание части интеллигенции, сопровождающие торжествующую реакцию и непрекращающиеся жестокости, и утверждал, что такая позиция интеллигенции лишь усугубляет разрыв между нею и народом. Вспоминания «хождения в народ», Гершензон несколько окарικатурил действия «кучки революционеров»: «Полвека толкутся они на площади... Дома грязь, нищета, беспорядок... Он на людях, он спасает народ, — да оно и легче и занятнее, нежели черная работа дома» (10.4, л. 7). Но он исходил из тех итогов «хождения в народ», когда истинное дело заменялось разговорами о нем. Горестные рассуждения свои о нравственности современной интеллигенции он доводил до предела: «Каковы мы есть, нам не только теперь нельзя не мечтать о слиянии с народом — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благославлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» (10.4, л. 11). Эта фраза, как отмечалось выше, берущая начало в статье Ф. Энгельса об авторитарности революции, вызвала резкую критику в адрес Гершензона, будто публично признавшегося «в любви к штыкам и тюрьмам». Реакция была столь активна, что во 2-м издании он вынужден был снабдить это криво толкуемое положение своей статьи следующим примечанием: «Я не люблю штыков и никого не призываю благославлять их; напротив, я вижу в них Немезиду. Смысл моей фразы тот, что всем своим

¹⁰⁰ Оpubл.: Вехи. М., 1909. С. 70—96.

прошлым интеллигенция поставлена в неслыханное, ужасное положение: народ, за который она боролась, ненавидит ее, а власть, против которой она боролась, оказывается ее защитницей, хочет ли она того, или не хочет. «Должны» в моей фразе значит «обречены»: мы собственными руками, сами не сознавая, соткали эту связь между собою и властью, — в этом и заключается ужас, и на это я указываю» (10.4, л. 11). Гершензон разъясняет смысл общественного кризиса и вместе с тем утверждает движение к творческому осознанию личности самой себя. Выреший в атмосфере Писарева и Михайловского, «в единобожии», Гершензон верил: «... когда удачно сложатся внешние обстоятельства, опять и опять будут взрывы освободительной борьбы» (10.4, л. 12 об.).

Каждое издание «Вех» сопровождалось острыми спорами. Нередко они становились поводом для заседаний в религиозно-философских и кадетских клубах, а затем выплескивались на страницы газет и журналов. Так, 14 дек. 1909 г. Историческая комиссия учебного отдела Бюро по организации домашнего чтения, где сосредоточились силы новолутейцев, пригласила авторов сборника принять участие в его обсуждении. Но авторы «Вех» не сочли желательным взаимный обмен мнениями, несмотря на то, что они понимали не только актуальность затрагиваемых в сборнике статей, но и их непроясненность. Подталкиваемые читательским оживлением, авторы в марте 1910 г. стали вынашивать замысел нового сборника, «исключительно теоретического». Тема его очерчивалась так: «Личное совершенствование и общественные реформы», поскольку именно в этом и заключался смысл «Вех».

Идею нового сборника стимулировал выход в свет Библиографии «Вех», алфавитного указателя книг, статей и заметок о сборнике, вышедших с 23 марта 1909 г. по 15 февр. 1910 г. (В архиве сохранился печ. отт. библиографии, напечатанной в типографии Товарищества И. Н. Кушнерев и К^о; 15.15)¹⁰¹. В архиве сохранились и рецензии, не вошедшие в это издание. Среди них статьи И. Г. Айвазова «В недрах интеллигентского мировоззрения» (15.18), И. Афанасьева «Литературные заметки» (15.17), К. М. Милорадович «Души пронзенной муки» (15.77), Ф. Г. Мускаблита «В котле» (15.78), А. С. Ланде «Оздоровление власти и оздоровление интеллигенции» (15.70), Д. Ю. Левина «Наброски» (15.73), И. Н. Игнатова «Литературные отголоски» (15.48), С. Квакина «Непонятая правда «Вех» (15.54).

Опыт исторически успешного издания и переиздания сборника «Вехи» представляет несомненный интерес для лиц, интересующихся вопросами и географией книгораспространения в России. О неоднородной читательской аудитории «Вех», «Исторических записок» и «Критического обозрения» свидетельствуют сохранившиеся в архиве заявки на эти издания от студентов и учителей, библиотекарей и редакторов, инженера химика и горного инженера, присяжного поверенного и судьи, земского начальника и сахарозаводчика, фельдшера-акушера, аптекаря и ветврача, священников, псаломщиков, иеромонахов (карт. 14). Однако эти заявки заполняют лишь немного в мозаичном полотне распространения изданий, имевших столь необычный успех. Распространением их энергично занимались книжные магазины и склады

¹⁰¹ В этой библиографии нет ссылки на статью В. И. Ленина «О «Вехах», но есть упоминающие статьи: Н. Л-н «Еще о сборнике «Вехи»,

опубл. в «Харьковских ведомостях» от 15 мая 1909 г.

Москвы и Петербурга, где проживали авторы сборника (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. А. Кистяковский, М. О. Гершензон. — Москва, А. С. Ланде, П. Б. Струве, С. Л. Франк — Петербург).

Издательство «Критическое обозрение» прибегало к услугам московского книжного магазина и склада «Звено», которые занимались сбытом продукции издательств «Зерно», «Жизнь», «Знание» «Мир божий», «Наша жизнь», «Новое слово», «Сотрудничество», книгоиздательства московского Товарищества и др. Заинтересованной и оперативной была деятельность книжных магазинов Москвы («Гроссман и Кнебель», Д. П. Ефимова, Н. П. Карбасникова, «С. Куркина и К^о», К. Н. Николаева, А. С. Панафидиной — филиал в Петербурге, «Русское слово» Товарищества И. Д. Сытина, «Сотрудник школ», А. К. Залесской, В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова, К. И. Тихомирова, книжного агентства при магазине В. Филимонова) (14.33—39, 41, 44, 50, 55, 59, 61, 62, 79, 95).

Петербургские книжные склады Академии наук, юридического издательства «Право», издательства Г. С. Цукермана, братьев Башмаковых, магазины Н. Я. Оглоблина (бывш. С. И. Литова, с филиалом в Киеве), Товарищества М. О. Вольф, Н. А. Тузова были в числе активных распространителей сборника «Вехи», о чем говорят письма, товарные чеки, заявки, направляемые в контору и на склад «Критического обозрения» (14.30, 63, 65, 71, 72, 74, 91, 101, 104, 105).

Сборник «Вехи» распространялся через редакции газет и журналов, библиотеки, магазины и контрагентства губернских и уездных городов. Жители далеких окраин приобщались к чтению и могли определять собственную позицию, независимую от оценок столичных рецензентов или вполне согласующуюся с общим хором. Если бы пришлось составлять карту читающей России, то по сохранившимся в архиве письмам-заявкам на сборник «Вехи», пришлось бы обозначить на ней 34 губернии, 4 области и множество провинциальных городков, слободок, станций, поместий, церквей и монастырей (14.1, 3—7, 11, 13, 15—17, 23, 27, 29, 31, 32, 34—36, 40, 42, 43, 45—49, 51—58, 60, 64, 66—70, 73, 75, 77, 81—88, 92—94, 96—100, 102, 103, 106, 107, 109, 112—115). По степени читательской интенсивности особую яркость обрели бы Владимирская, Воронежская, Нижегородская, Самарская, Симбирская, Тульская, Херсонская губернии. Южные точки предполагаемой читательской карты — Кутаисская и Черноморская губернии, восточные — Аму-Дарьинская область, северные — Забайкалье, западные — Курляндская губерния. Сборник «Вехи» читали и за пределами Российской империи, хотя по составленному секретарем издательства А. М. Фонаревой отчету общее число первых четырех изданий «Вех» — по нынешним масштабам покажется мизерным — 13 тыс. экз.! (14.80).

Обращение исследователей к материалам картона № 14 архива Гершензона позволит расширить представление о книжной торговле на периферии и о владельцах книжных магазинов Баку (М. А. Сундукьянц), Барнаула (В. К. Сохарев), Витебска («С.-Петербургский книжный склад»), Владивостока (Лыковский и Трусов), Владикавказа (А. Я. Шишков, бывш. Т. А. Губанова), Вологды (губернское земство), Екатеринослава (И. Л. Вайнраха), Киева (Н. В. Бибикина, Л. Идзиковский, Н. Я. Оглоблин, В. Я. Просяниченко, П. Е. Черепановский), Кишинева («Образование»), Николаева (М. О. Шах), Никольск-Уссурийска (Янковский и Трусов), Одессы («Одесские новости», «Труд»), Омска (А. С. Александров), Полтавы (Г. Ю. Маркевич), Ревеля

(И. Д. Гаазе), Рыбинска (М. Егоров), Самары («Волжанин»), Саратова («Новое время» А. С. Суворина), Симбирска («Семья и школа»), Смоленска (М. С. Калинин; «Север»), Ташкента («Знание»), Тифлиса (С. П. Тер-Израилянц), Харькова (Н. А. Носуто), Херсона (М. О. Шах), Царицына («Труд» И. К. Мухина), Чернигова (Н. В. Якубович), Юзовки (Общество потребителей близ завода Новороссийского общества), Юрьева («Постимес»), Ялты (А. Синани).

Одна из причин быстрого распространения сборника «Вехи» и его последующих переизданий (переплетно-брошюровочные работы выполнены в мастерской И. Л. Левинтова, 14.89—90) кроется, несомненно, в налаженной организации рекламных объявлений через ведущие газеты, ставшей делом не только издательства, но и авторского коллектива (14.22, 79). Сохранившиеся в архиве документы об уплате за рекламные объявления (14.22, 25, 79, 108, 110, 111), многочисленные записи о расходах по этой статье в расчетных тетрадях, написанные рукой Гершензона (14.18—21), составленные секретарем издательства А. М. Фонаревой (14.80), рекламные карты и листы издательства, записи о расходах на бумагу, набор, авторские и корректорские усилия (14.8—10, 76, 116—118), отрезные купоны о получении сборника читателями (14.4) и книжными магазинами (14.8—10), — при аналитической оценке их позволят исследователям определить элементы действенного функционирования книги на пути ее продвижения к читателю.

Опыт организации коллективного сборника статей стал для Гершензона стимулом для отдельного издания собрания собственных, опубликованных в разные годы на страницах «Критического обозрения», «Вестника Европы», «Русской мысли». Первым опытом такого объединения статей были «Исторические записки (о русском обществе)» (М., 1910). Собранные в одном сборнике статьи о Самарине, Гоголе, Киреевском выстраивались в систему, отвечающую на вопросы о сущности исторического развития, роли и месте человека, о нравственной природе и самосознании его. Все это придавало проповеднический, публицистический характер «Историческим запискам». В архиве, к сожалению, сохранились лишь незначительные подготовительные материалы к ним, библиографические заметки и рецензии (15.43, 49, 57, 92). Многие историко-литературные этюды, опубликованные в периодической печати, Гершензон объединил под заглавием «Образы прошлого» (М., 1912), обратил к себе внимание научной общественности. Талантливо очерченные портреты Пушкина, П. Киреевского, Тургенева, Герцена, Огарева, Нащокина и многих других замечательных людей, благодаря сборнику стали ныне хрестоматийными. В архиве сохранились отклики на книгу Гершензона, принадлежащие Ю. А. Велесовскому (15.32), В. В. Ермилову (15.47), А. М. Иерусалимскому (псевд. — Южанин) (15.50).

Желанием понять человека, определить степень его автономности от чувственно-волевого ядра объясняется и пафос корреспонденции Гершензона «Редкий ночлежник»¹⁰² (10.12), в которой предпринята попытка синтезировать философские истины и практические деяния, данная как изложение судьбы некоего бывшего профессора Петербургского университета, обитавшего в Обуховском городском ночлежном доме четверть века. Гершензон отмечал, что свое «опрошение» профессор объяснял «привязанностью к голодной братии ночлежки, с которой он сжился и которую полюбил».

¹⁰² Рус. ведомости. 1911. № 102. 27 июля.

С декабря 1912 г. по апрель 1913 г. Гершензон создает и публикует на страницах «Русской молвы» цикл статей «На разные темы». В архиве сохранились газетные вырезки статей 1—7, 9—15¹⁰³ этого цикла (10.13), подписанных инициалами «М», псевдонимом «Junior». Тематика первых двух статей — идеал русской образованной публики с точки зрения общественной психологии, — раскрывается на отрезке 1825—1905 гг., когда вслед за максимальным развитием духовных сил общества, жаждущего самостоятельности, обрушился на него максимальный гнет власти. Государственная Дума представляется Гершензону той ареной политической деятельности, на которой могут реализоваться личные и гражданские идеалы людей¹⁰⁴.

Однако на пути изменения жизни в сторону совершенства Гершензон не приемлет скорых и насильственных методов борьбы, ведущих лишь к «переменам положения», а не коренным изменениям. Авторская жажда «избыть свою тоску» пробивается сквозь элегические рассуждения по поводу рассказа М. Горького «Губин»¹⁰⁵, опубликованного в журнале «Современник».

Программным с этой точки зрения представляется и выступление Гершензона по поводу полемики вокруг воспоминаний видной участницы народнического, а затем социал-демократического движения в России В. И. Засулич «Тогда и теперь»¹⁰⁶. В исповедальности тона этих воспоминаний, в предмете спора об идеологических установках шестидесятников, в вопросе о молодом поколении и крестьянстве как перспективных участниках революционного движения и последующих затем объективно обусловленных переориентациях социал-демократии на стремительно крепнущий рабочий класс России, — многое привлекало публицистов. Гершензоновское выступление по сути своей смыкалось с позицией А. М. Рыкачева, который руководствовался социально-политическими критериями в оценке статьи Засулич. Коренную ошибку мировоззрения Засулич¹⁰⁷ Гершензон и Рыкачев единодушно увидели в «фанатической привязанности к определенной социальной группе». Они призывали интеллигенцию к отказу от отвлеченного идеализма, ригористических установок и ориентировали на признание практического опыта.

В безучастии к настоящему Гершензон видел вреднейший симптом современной общественной жизни. От философских представлений Бергсона о времени и пространстве Гершензон переносил читателей своей 6-й статьи¹⁰⁸ к ритму жизни «среднего» русского интеллигента 1910-х гг., чтобы показать, как «скудно в нем сочтется жизненная сила». «Будущее создается в настоящем», — утверждал Гершензон.

В этой связи знаменателен интерес его к системе организации тру-

¹⁰³ Статьи 8-я «О тоске» и 16-я «Художники и критика» в архиве отсутствуют. Сведения о них содержатся в библиографии Гершензона, составленной Берман.

¹⁰⁴ В. И. Ленин неоднократно полемизировал с выступлениями «Русской молвы». В статье «Возрастающее несоответствие» он называл ее «органом прогрессистов, органом проповеди компромисса между октябристами и кадетами» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 22. С. 389). Отдельные выступления В. И. Ленина были предприняты по следам выступления Гершензона на страницах газе-

ты.

¹⁰⁵ См. ст. 3-ю из цикла «На разные темы»: Рус. молва. 1913. № 25. 5 (18) янв.

¹⁰⁶ См. ст. 5-ю из цикла «На разные темы»: Рус. молва. 1913. № 48. 28 янв. (10 февр.).

¹⁰⁷ Выступление В. Засулич, со статьей «По поводу одного вопроса» (Живая жизнь. 1913. № 8. 19 июня) вызвало отповедь В. И. Ленина. См.: Как В. Засулич убивает ликвидаторство. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 22—44.

¹⁰⁸ Рус. молва. 1913. № 54. 3 (16) февр.

да, предложенной видным американским инженером Тейлором. Гершензон не был первым. До него со страниц «Вестника Европы» еще в 1911 г. заговорил об этой системе американский корреспондент этого журнала П. А. Тверской, а в феврале 1913 г. под инициалами В. В. в том же журнале была опубликована заметка о попытках применить эту систему на европейской почве. Система Тейлора могла стать благодеянием человечеству лишь «в применении к свободному труду»¹⁰⁹.

Истории англо-ирландских отношений в связи с принятием английским правительством билля об ирландском гомруле (самоуправлении или автономии для Ирландии) посвятил Гершензон политическое обозрение¹¹⁰. В этом шаге увидел он торжество справедливости. Обозрение его не замыкалось на круге внешнеполитических проблем, оно было обращено и к вопросам внутренней жизни страны: «Таким праздником человечности могла бы быть и та политическая амнистия, которой ждет теперь все русское общество», — заключал Гершензон свои рассуждения, наивно полагая, что искреннего желанья достаточно для достижения социального мира. О том, как английские либералы препятствовали прохождению закона о гомруле Ирландии через парламент, рассказывает статья В. И. Ленина «Английские либералы и Ирландия»¹¹¹.

О внепартийном митинге «сторонников минимума заработной платы», состоявшемся в конце февраля 1913 г. в Лондоне, Гершензон рассказал в статье, затрагивающей вопрос о материальном положении рабочих в капиталистическом обществе¹¹². Выступления председателяствующего на митинге еп. Оксфордского и других, солидарных с ним лиц, дали Гершензону основание утверждать: «Мимо них бесследно прошли — все развитие гуманной мысли, целый век пропаганды социалистических идей» (10.13). Гершензон останавливается на последствиях такой организации труда, которая игнорирует «душу рабочего». В архиве сохранился автограф и его публицистической статьи по вопросам хозяйствования и прогресса в земледельческом быту — «Душа рабочего», где за основу взял он свою статью из «Русской молвы», но основными посылкам придал особую осязательность за счет щедрого их иллюстрирования (10.11). Приводя слова английского писателя Д. Рескина, Гершензон записал: «Некоторые ученые утверждали, что низкая заработная плата полезна, так как она заставляет рабочих больше трудиться и тем увеличивает производство. Отвечая им, Рескин писал: «Это было бы верно, если бы работник был машиной, которая приводилась бы в движение паром... но так как... двигателем этой машины является душа, то сила этого совершенно особого движения входит как неизвестная величина во все вычисления политико-эконома, помимо ее ведома, и извращает каждый из получаемых им результатов» (10.11, л. 3). Наряду с прямым воздействием главных аномалий, экономическая принудительность, несправедливость, необеспеченность труда подтачивают духовную мощь рабочего. И механические средства системы Тейлора, и «научные» новации еп. Оксфордского, регламенти-

¹⁰⁹ Спустя год в заключительных строках ленинской статьи «Система Тейлора — порабощение человека машиной» (Путь Правды, 1914. № 35. 13 марта) можно будет прочитать: «И рабочие комиссии при помощи рабочих союзов сумеют применить эти принципы разумного распределения общественной работы, когда она избавлена будет от порабощения ее ка-

питалом» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 24. С. 371).

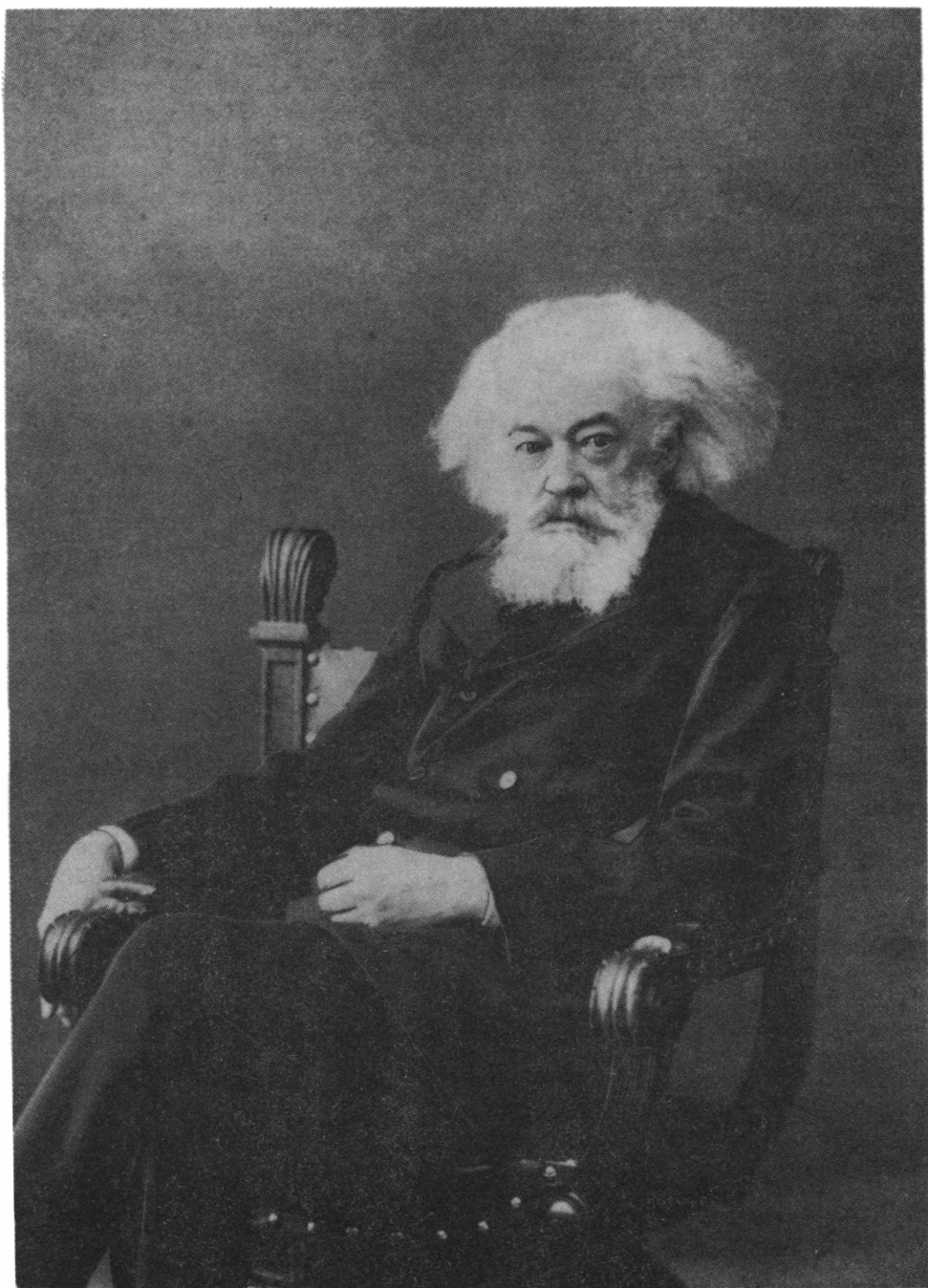
¹¹⁰ Рус. молва. 1913. № 35. 15 (28) янв.

¹¹¹ Опул. впервые в газ.: Путь Правды, 1914. № 34. 12 (25) марта. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 24. С. 365—368.

¹¹² Рус. молва. 1913. № 94. 16 (29) марта.

М. О. Гершензон. 1890-е гг. Ф. 746, к. 54, ед. зр. 17, л. 6

М. М. Щелкин. 1897 г. Ф. 746, к. 59, ед. гр. 29, л. 1

*Гольденвейзеры, Александр Борисович и Анна Алексеевна. 1990-е гг. Ф. 746,
к. 54, ед. гр. 38, л. 1*

Т. Бродовский

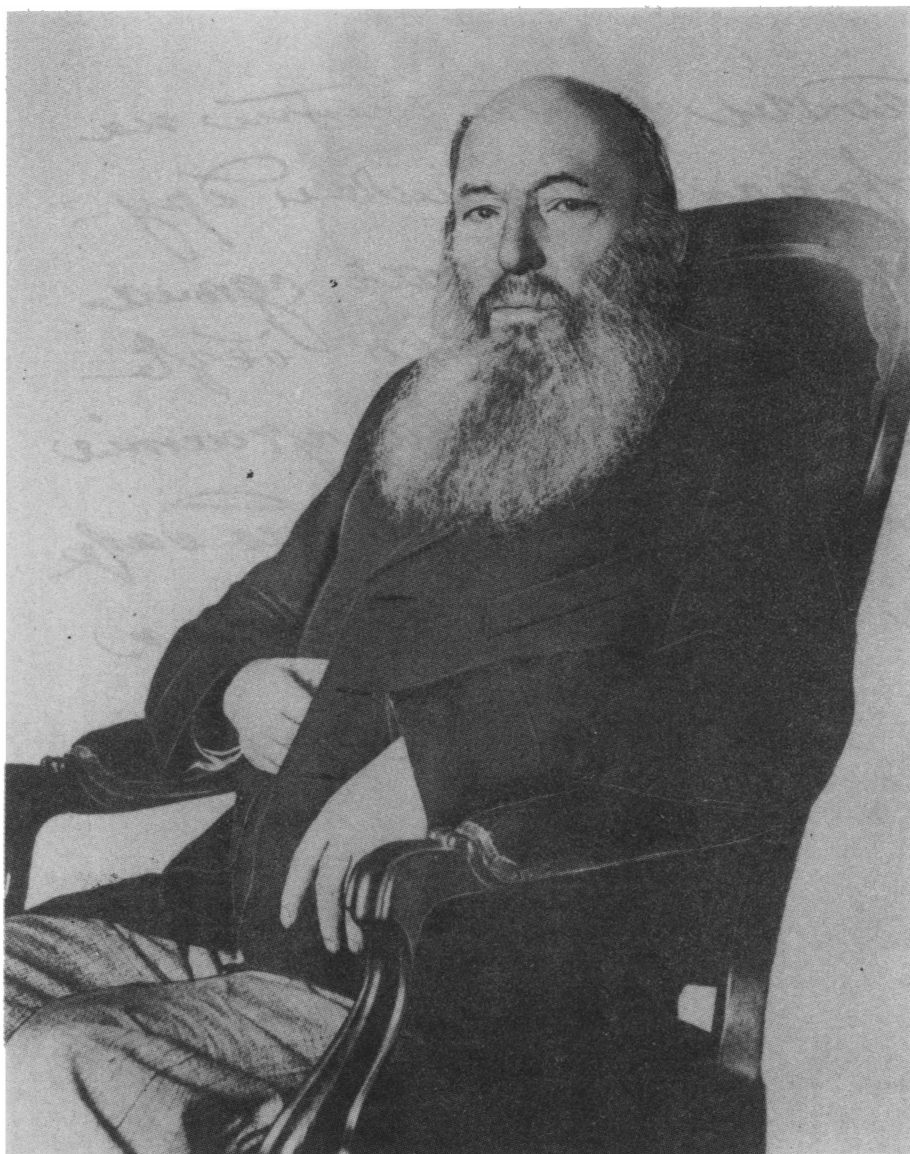
МОСКВА.

Къ Цензору.

Урокъливый сторожь муть, допитель давний мой
Сводни расурдаты задумалъ я съ тобой,
Не бойся, не хожу, прайвильный ильвию логикой
Цензуру поноситъ мной не осторожной,
То нужно Лондону, то равно для Москвы,
У насъ пишатели я знаю кановъ.

Нѣтъ любви не тѣснитъ Цензурная раирава
Нѣтъ иная душа переѣ тобой права
Во первыхъ ипренно я принаюль тебѣ
Неродно о твоей жалитъ и судитъ,
Мудрой безавишнѣ, притѣркой талиоватилъ
Вашилья Пушкина единствениый итатилъ
Тѣ, вѣрно рабиратъ обманъ заурки,
То проку дитицую, то ильвиѣ стили,
Россиисиль авторовъ не легкая тревожитъ
Кто Англиисиль Романы съ французскаго приаитѣ
Кто Оду соититъ потаъ да крестъ;
До шиль насиль дѣла итѣ, а тѣ итаи бѣши,
Знаи сто равъ засни и поитъ подтишилъ,
Тѣилъ Цензуръ-мугениль неродо логетъ онъ
Зиль тѣсвилъ обвоитѣ, Руссо, Вольтеръ, Бюфронъ,
Фертавилъ, Карамилъ, манатъ его лшанѣ

Ваше письмо, поверивши Кудря,
во всётаки на нас, — своимъ благоду-
шиемъ колесуно меня. — Сильно сказать
Вамъ, что и меня превращаютъ ни
вразда, ни даже моря, сами по себе —
но, если нужно выйти на борьбу, то
како же не выйти? Ведь это идетъ
о Дукаемъ народъ. А, по моему убежде-
нию, принимаемая мера убийственна для
него. — Уверенъ, что вы бы слышали ис-
криво по убеждению; но убеждение Ваше

А. А. Фет. Из книги А. Фета: "Ранние годы моей жизни" (М., 1899)

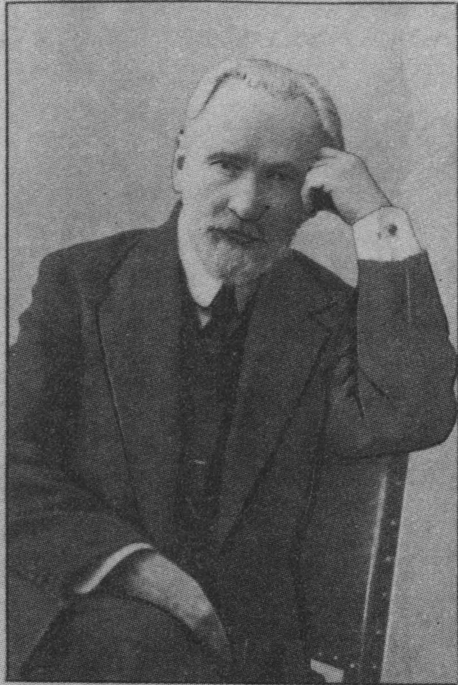
годы въ печати на
французскомъ дру-
гивъ языкахъ, сдѣла-
ны не только безъ
его, Гончарова, участія
и разрѣшенія, но даже
и безъ его вѣдома

Фрагмент письма И. А. Гончарова к А. Г. Гицбургу с подписью-автографом.
12 янв. 1888 г. Ф. 749.

**А. М. Ремизов. Фототипия с дарственной надписью: "М. О. Гершензону".
Ф. 746, к. 55, ед. зр. 15, л. 1**

Мило и сурово
созерни Вери,

на мѣстѣ, нѣд зей,
справе гласно
наша в Уставе В.
Ротарио. Спичъ по сѣри
1918 годъ
15

Н. А. Милютин. 1890-е гг. Ф. 746, к. 55, ед. зр. 6, л. 1

СКАЗАНИЕ МАВАМО

книги сѧ, глѧмыѧ и въ
ликаго зерцала, избранъ
ныѧ повѣсти:

О крѣпости души шестъ сѣтѣвъ шро,
цѣ, како свѣстѣ дѣтѣв и поимѣи,
сѣвѣно до вѣснаго сѣвѣ сѣвѣ
каучи сѣ: Глава: а

О малѣ сѣвѣ дѣтѣв шро до вѣснаго
каучи сѣ: Глава: б

О крѣпости души шестъ сѣтѣвъ шро,
цѣ, како свѣстѣ дѣтѣв и поимѣи,
сѣвѣно до вѣснаго сѣвѣ сѣвѣ
каучи сѣ: Глава: г

О вѣнчѣ сѣвѣ сѣвѣ. и како сѣвѣ шро
каучи сѣ: Глава: д

О сѣвѣ шро: како и вѣснаго сѣвѣ
каучи сѣ: Глава: е

IN NOMINE DOMINI
 INCIPIT
 PHILOSOPHIA NATURALIS
 SEU
 A PHYSICA.

*A*bsoluta jam caliginosa, multoque difficultatibus obruitata Philosophia Rationali, ad membra Philosophia naturalis vitidaria, grebum facimus, non am-
 plius spinas et tribulos, sed flores deliciores de Arcanis Natura colucturi. Hinc
 licet dum Logicalium spinarum aculos ferere et Separare licuit, lapsati sumus
 verum conforlaminari et dicite: Plus ultra, nus capi. Hac enim in parte Philosophia
 absolutissimum Dei Couditiois opificium contemplabimus, consonam cetum omni-
 um audiemus harmoniam, ac delictabilem: at alia laceam Corporum inferiorum
 cum Coelestibus experiemus cohorenham, tandem per ramos ad radicem, per Cor-
 tices ad nucleum, per rivulos ad fontem, per Creaturam ad Creatorem meo exila-
 ta pesamantar invilabitur. ^{in fine epist. 1. ad Cor.} Hac in Parte Aristoteles alii preceles maximo
Senius Naturae appellatus est, quem et nos ducam cum scoto sequi ad laborabimus
ea lamen Cautione, ac si quid verosimilius ad alio excogitatum occurrat non de-
midamus, nam ut quidam cecantior apporite ait: Aristotelem in quidam non
sequi prudenti est, pupim referere impudenti, in Angula quo verba, surace hu-
plia ac Craduli, passim revicere, et Capere, haldi et Invidi. Quare asistentia
Divina, presumpit quibusdam Lvaris, Libros Aristoteles de hac scientia con-
scriptor hoc ordine pertractabimus: Tractatus Lrus, Sacillabilur 8 Libros
Physicorum, quos Aristoteles Approximatio seu Anusultatio nominat, eo quod
majori indigeant auscultatione et Audin

это расскажу более подробно. Самое главное и интересное заключается в том, что в 1932 году Константин Эдуардович разразился гневной филиппикой в адрес Кондратьюка и статью эту дал мне прочесть. К сожалению, до сих пор она не опубликована. Там многое говорилось о В.П.Ветчинкине и не так уж много о самом Ю.В.Кондратьюке.

Чья то рука, а чья мне не известно, продолжает плохую традицию, начавшуюся в Москве в 1929 году /а не в 1927 году, как Вы вслуду пишете/. До сих пор по чьей то воле Ю.В.Кондратьюк значитса как основоположник ракетодинамики и как "Новосибирский Циолковский". Последнюю тенденцию поддерживают обитатели Новосибирска Буткевич, Шаевич и другие "ичи", зарабатывая себе на этом не только не хлеб насущный, но и кандидатские диссертации. Года два тому назад я написал решительное письмо в Новосибирск с категорическим протестом против незаслуженного выдвижения Ю.В.Кондратьюк. Одновременно и независимо от меня такой же протест, может быть еще в более грозной форме, был направлен семьей Фридриха Артуровича Цандера, которая считает, также как и я, книгу Ю.В.Кондратьюка как апокриф. Тем не менее мы еще ниш не довели свое дело до конца. Самое веселое впереди. Поэтому, глубокоуважаемый Владимир Семенович, я не рекомендую Вам пропагандировать это имя, ибо истина рано или поздно будет восстановлена.

Примите мой искренний привет и самые лучшие пожелания.

Сердечно преданный Вам

31 мая 1962 года

Фрагмент письма акад. А. Л. Чижевского к В. С. Зотову. 31 мая 1962 г.
Ф. 749, к. 60, ед. зр. 6, л. 2

*Шереметевы: Борис Сергеевич, Сергей Дмитриевич, Сергей Сергеевич.
Ф. 817, к. 97, ед. гр. 32, л. 1*

теперь, это было в 19-м году 23 ноября.

Вот эту самую пилу, которой я, значит, пилил колчаковских буржуев, милиционеров Миллева и Петрова, отдаю на историческую память Николаевскому музею. Пять рублей за покупку новой пилы от товарища Зазубрина получил, в чем и подписуюсь. Матрос дальнего плавания Балтийского флота Вояков.

Факт распилки колчаковских милиционеров Миллева и Петрова общеизвестен и в особых подтверждениях не нуждается.

Подпись Воякова Ф.А. свидетельствую.

Пред.РИКА Кузнецка ДУДИН.

⁴
Этот ~~человеческий документ~~ и выдержки из статьи писателя Зазубрина целиком подтверждают изображенные на страницах романа кровавые бессмысленные жестокости зиковской банды.

1930г.

Вел. Шшиков

Фрагмент предисловия к роману В. Шшикова "Ватага" с подписью-автографом.
Ф. 555, к. 5, ед. тр. 6, л. 8

рующего потребности рабочих, являются следствием «недоданной рабочей энергии» (10.13, л. 9).

В ст. 15-й¹¹³ газетного цикла «На разные темы» упоминание книги англо-голландского социолога Г. Нибура «Рабство как система хозяйства. Этнологическое исследование» оказывается в одном ряду с авторскими размышлениями о нравственном смысле истории. Гершензон утверждает здесь «право личности» «восстать против истории» (10.3, л. 14). «Страстность мысли есть ее право на мятеж, ее самосознание — условие ее успеха», — с афористической краткостью определяет он человеческое право на перестройку жизни сообразно со своими представлениями о ней. По мысли Гершензона, тяжба его против казарменной дисциплины учебных заведений, бездушия их и вербализма, косности в экономике должна завершиться победой гуманизма.

Чтобы привести в движение все лучшее, что есть в человеческих отзывчивых сердцах, считал Гершензон, необходимо воспитывать в них пиетет перед книгой. Сторонник «медленного чтения», Гершензон перенесил свою идею из статьи 9 о громадной потенциальной энергии, которую современный экономический строй оставлял неиспользованной в рабочем, на «книгу». Аспект взаимоотношения критика и художника — центральный в статье 16-й¹¹⁴ цикла «На разные темы».

Со страниц «Русской молвы» Гершензон делился с читателем своими мыслями о милитаризации в Европе и на Дальнем Востоке¹¹⁵. Вооружение он считал ничем иным, как шагом, «логичным в безумии» (10.13, л. 11). К этой статье примыкает и заметка, где вопросы о смысле жизни русской интеллигенции рассматриваются в связи с русско-японской войной, революцией 1905—1907 гг., смертными казнями и эпидемиями самоубийств (10.13, л. 12). Мировая империалистическая война, начавшаяся 19 июля (1 авг.) 1914 г. из-за передела колоний и сфер влияния между державами, поставила Гершензона-публициста перед необходимостью осмысления истинной сути происходящего. «Урок войны»¹¹⁶ — так называется его заметка, датированная 18 авг. (10.14). Выступая в роли «осторожного наблюдателя», который ограничивает сферу своих наблюдений нравственными аспектами войны, Гершензон тем не менее силой исторических триумфов подвигнул-таки читателей к идее необходимости не только защиты Отечества, но и в качестве урока вильгельмовской Германии. И хотя последними словами его проповеднической речи были: «Но да не станет обуздание местью и торжество мира — кровавым торжищем» (10.14, л. 12), — тем не менее его призыв к отстаиванию нравственных ценностей от посягательств враждебной Германии опирался на исторические уроки, преподанные Россией наполеоновской Франции.

Под тем же заглавием «Урок войны»¹¹⁷ (10.18) опубликует Гершензон статью в иллюстрированной летописи «Отечество». В архиве сохранился и черновой автограф его заметки о войне (10.15) и газетные вырезки статей «Второй год войны»¹¹⁸ (10.17) и «Безумное молчание»¹¹⁹ (10.19). Название последней статьи Гершензон заимствовал из поучительной заметки А. И. Яковлева, опубликованной в «Сборнике статей, посвященных В. О. Ключевскому» (М., 1909). Словами «безумное мол-

¹¹³ Рус. молва. 1913. № 128. 21 апр. (4 мая).

¹¹⁴ Там же. 1913. № 124. 17 (30) апр.

¹¹⁵ Там же. № 102. 24 марта (6) апр.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Отечество. 1915. № 1.

¹¹⁸ Бирж. ведомости. 1915. № 14931. 28 июня (11 мая), утр. вып.

¹¹⁹ Там же. № 15081. 11 (24 сент.).

чание» он хотел предостеречь от политической пассивности: народ сам должен взять в свои руки «дело земли» и отстоять ее. «Безумное молчание» — это и «нравственное недомыслие» (10.19, л. 3). В обращении «К русскому» Гершензон от имени еврейской интеллигенции России сформулировал: «Еврейский вопрос, более всякого другого — вопрос законодательный», от его решения зависит «дело правды и разума» (10.16, л. 3).

Отстаивал Гершензон и «Права разума»¹²⁰ (10.20), когда на многолюдном съезде преподавателей русского языка дебатировался вопрос об упрощении русской орфографии. Гершензон выступил в защиту «несчастливых трех букв», теряющих право на существование. Он рассматривал происходящее не как частный случай, а как посягновение на память, на культуру народа. «Я убежден, что название улицы, где живет человек, чем-то, хотя минимально, окрашивает его психику, и замена старого названия новым — вовсе не простая формальность» — объяснял Гершензон (10.20, л. 2).

Сохранившийся в архиве текст публичного выступления Гершензона «Кризис современной культуры» (10.22) ценен попыткой исследователя не только постичь «связь между всемирно-историческими событиями и переживаниями индивидуальной души» (10.22, л. 19), но и донести это до сознания каждого. Одна из тез публицистики Гершензона сформулирована так: «Все великое рождается в личности свободной» (10.22, л. 20). Она звучит и в его выступлении «Люди — все-таки дети...», опубликованном под рубрикой «Гнет душит свободное слово» и «Свободное слово сбрасывает насильников» в издании 1917 г. Клуба московских писателей «Слово — свобода» (10.21).

Фрагмент «О ценностях»¹²¹ из ч. I подготовленного к изданию труда «Тройственный образ совершенства» был опубликован в апреле 1917 г. В архиве сохранились автографы и подготовительные материалы к исследованию 1910—1920-х гг. (10.23—34, 42—43), а также печатный оттиск ч. I, выпущенный в московском издательстве М. и С. Сабашниковых (10.31), информационная заметка о книге Е. Боричевского (15.21) и статья Н. Б. Гольденвейзера «В поисках бесконечного (На заре новой культуры)», возникшая по следам гершензоновского труда (15.35).

К моменту издания ч. I «Тройственного образа совершенства» Гершензон приступил к работе над ч. II исследования. В архиве сохранились подготовительные материалы и автографы окончательных редакций отдельных глав неопубликованного труда (10.37—41, 44—54). Одна из глав имеет авторский заголовок: «Мир иной» (10.41, 52, 2 ред.). Систематизируя рукописи, М. Б. Гершензон оставила на л. 1 этой главы помету, синим карандашом: «В рукописи не нумеровано, как бы отдельная статья». (10.41, л. 1). Под «миром иным» Гершензон имеет в виду иллюзорные представления людей о творчески преображенной действительности. В его же трактовке, художественный образ — это «свет и перспектива» (10.41, л. 4).

Ч. II «Тройственного образа совершенства» афористично определяет основные философы гершензоновской системы совершенствования. «Правильно улучшать мир может лишь тот, кто улучшает его не из своей статики, а из своей динамики, то есть руководясь одновре-

¹²⁰ Невский альманах. 1915. С. 34—36.

¹²¹ Опул. в сб.: «Ветвь» (1917). Автограф

статья хранится в ЦГАЛИ (ф. 30, оп. 1, ед. хр. 6).

менно и образом своего лучшего «я», ибо только в себе человек познает бесконечность совершенствования» (10.40, л. 11 об.). В книге находят место и историко-философские наблюдения Гершензона: «Мое воспоминание о прошлом и мое представление о будущем равно суть образы, созданные по моему образу и подобию, и контуры их, видимые мною, равно объемлют неисчерпаемые глубины...» (10.40, л. 18 об.). Определяя «меру вещей» состоянием человеческого духа, Гершензон рассматривает «историю культуры» как «эволюцию расстояний между личностями» (10.40, л. 19). Блестящий мастер биографического жанра, Гершензон видит в биографии того или иного лица «лишь перечень внешних средств», благодаря которым могла осуществляться заложенная в человеке идея (10.40, л. 21). Этой четкой и краткой мысли Гершензон дает более полное развитие во фрагменте ч. II, начинающемся словами: «Каждый человек носит в себе план своего назначения» (10.48, черновой автограф, л. 11). Исходной величиной всей философской системы Гершензона становится «отдельная личность», возвращение к которой он считает необходимым (10.40, л. 29).

Один из фрагментов ч. II «Тройственного образа совершенства» начинается словами: «Подобно тому, как изучаемые наукою отношения между вещами существуют в действительности» (10.44). Здесь уточняется философское определение «тройственного образа совершенства»: «... он объемлет самую личность — в образе лучшего «я», мир — в образе совершенного мира, и положение личности в мире — в образе ее полного благополучия или «счастья»» (10.44, л. 10). Гершензоновский образ совершенства учитывает воздействие объективных и субъективных факторов. На знании действующих в обществе законов зиждется и его «предвидение мира» (10.44, л. 12). В указанном фрагменте Гершензон останавливается на принципах относительности, «знаках условности», неотторжимых от кантовских формализованных утверждений о мире. Эти «знаки условности» напоминают, «что в действительности мы ничего не можем знать о мире, каков он есть, и всякое наше утверждение о нем есть лишь утверждение о том образе, каким он выражается в зеркале нашего духа» (10.44, л. 17). Фрагмент рукописи заканчивается словами: «... чистая картина предельного совершенства подменяется картиною рая, где праведники получают награ...» (10.44, л. 32). Его заключает черновой автограф другого фрагмента, находящийся на грани смысловой стыковки: «... ду, и соответствующей картиной ада, где грешников ждет наказание» (10.47). Ниже на листе обозначена очередная главка: «Если изложенная здесь гипотеза верна».

В философских этюдах «Дух и душа» (10.35—36), сохранившихся в архиве и опубликованных с разночтениями в сборнике «Слово о культуре» (М., 1918), Гершензон утверждал о «восшествии слова «дух» на высшую ступень величия в русской речи» (10.35, л. 2). Он убеждал в неподвластности духа судьбе (10.36, л. 9). 13(26) мая 1918 г. в Студии молодых поэтов Гершензон выступил с лекцией «Дух и слово», основанной на конспективных записях, осевших в архиве (21.1).

Явлением историко-культурной жизни России стала «Переписка из двух углов». В архиве сохранился наборный экземпляр книги, состоявший из шести пар писем М. О. Гершензона и Вяч. Иванова (1920 г.) (11.3). Диалоги о ценностях и их критериях, которые поколебали события первой мировой войны и революции, были изданы в

1921 г. С. М. Алянским, возглавлявшим петербургское частное издательство «Алконост»¹²². В основе острого и актуального поныне спора Иванова и Гершензона — императивное желание возврата к свободной личности, ибо только она, инициативная и деятельная, определит выход из кризисного состояния.

В архиве сохранился рукописный фрагмент «Гераклит Темный, из царского рода в Эфес» (11.11), совпадающий с гершензоновскими интерпретациями философии Гераклита и их органической связью с культурой, данными в исследовании «Гольфстрем» (1922). Культурно-философские штудии Гершензона, который не только учил, но и сам учился у мира явлений в заметках и выписках о Гераклите 1910-х гг. Звучат так: «В неисследуемой глубине духа есть вечные течения, незаметные сверху... Я хочу исследовать один из Гольфстремов духа, чтобы в далеких пространствах времени найти самого себя... (12.73, л. 5 об.).

Об интересе Гершензона к проблемам «космогонии» (10.1), вопросам эволюции современной науки (10.2), проблемам этики (12.65), национальности «как единому бытию и единой судьбе» (12.69), природе человека (10.6) свидетельствуют сохранившиеся в архиве документы.

Сохранился в архиве и автограф первоначальной редакции 24-х глав и вступления к книге «Ключ веры»¹²³ (11.1). К субъективному изложению Ветхого завета, к поискам ответов на вопросы «как рождалась религия и что есть религия» Гершензона подвигла книга Ю. Велльгаузена «Введение в историю Израиля», переведенная с немецкого и изданная в Петербурге в 1909 г. Poleмичность ее определена буквально первой фразой: «Пусть Велльгаузен с товарищами доказали, что первоначальные писания Ветхого завета тенденциозно искажены, или даже измышлены для оправдания поздней реформы: пусть верно и то, что вера пророков во многом была отлична от народной религии» (11.1, л. 1). Исходный постулат Гершензона в том, что вероучение Ветхого завета целостно и едино, позволяет ему биографическими фактами еврейского бога иллюстрировать характер всеобщего развития. Даже из доисторической биографии библейского бога Гершензон извлекает для себя следующее: Свободу воли человек равен Богу» (11.1, л. 15). Он далек от идеализации Бога, утверждая, что «ангелы, являющиеся людям, — не весь Бог, а только эманация его» (11.1, л. 15), ипостась и образ Бога. Само представление о космической роли божества — понятие общечеловеческое и Гершензон пытается найти в космогонии Библии отражение опыта и человеческих знаний о природе вещей. Экскурс в идею Бога позволил Гершензону обрести «ключ веры», определить, что сущностью религиозного верования является мысль о космически правильном поведении человека, как «непреложном условии его благоденствия» (11.1, л. 65).

Гершензоновский «ключ веры» открывает заслон на пути к совершенству, выход из круга личных проблем «через человеческий круг во вселенскую жизнь», где «мировая воля» будет направлять в едином движении все человечество.

В начале января 1921 г. Гершензон выступил с публичным изложением основных положений своего «Ключа веры». И тут же 15 янв. с

¹²² Подробнее об этом можно прочитать в нашей публикации «Переписки из двух углов». См.: Наше наследие. 1989. № 3. С. 120—131.

¹²³ Опубл. с изм.: Гершензон М. О. Ключ веры. Пб.; Берлин: Эпоха. 1922.

досадой сообщал брату о неподготовленности аудитории: «... уже минут через 15 встал некий субъект из публики, по одежде красноармеец, и возгласил: «Скажите, товарищ лектор, мы пришли сюда слушать о происхождении религии, а Вы нам рассказываете о Библии. Вы так и будете до конца говорить о Библии?» (21.5, л. 2).

В архиве сохранились материалы Гершензона к исследованию «Исторические судьбы еврейского народа»¹²⁴ (10.55), текст публичного выступления «Исторические судьбы еврейства», с авторской правкой (10.56) и список опечаток, отмеченных автором в издании книги (10.57). Текст публичного выступления, написанного одновременно с неудержимым ростом сионистского движения, позволяет судить о том, что в рационалистической философии истории, а не в сионизме, ищет Гершензон источники подкрепления религиозной веры в народе. Его историко-философская гипотеза о будущем опирается на прошедшее, она отвергает «банальные и общеизвестные» доводы сионистов о «дальнейшем существовании еврейства», противоречащие духу народа (10.56, л. 8).

Своеобразным послесловием к «Ключу веры» и «Гольфстрему» рисовалась Гершензону его работа над сборником статей «Пальмира» (1923). В архиве сохранилась машинописная копия этого сборника, побывавшего в Петробллите и сохранившего «литовские» пометы, номер и дату (11.12). Он состоял из 8 очерков: 1) «Пальмира», 2) «Освобождение труда», 3) «Человек, пожелавший счастья», 4) «Демоны глухонемые», 5) «Дух и душа», 6) «Человек, одержимый Богом», 7) «Солнце над мглой», 8) «Нагорная проповедь». Дата на рукописи очерка «Освобождение труда» (первоначальное заглавие «Белизна и чернь») позволяет определить хронологическое первенство его в структуре сборника (1920). Год, обозначенный на рукописи этого очерка (11.8), может служить началом, от которого ведется отсчет времени по созданию «Пальмиры», Очерк «Освобождение труда» сохранился в архиве и в других редакциях (11.9—10). Серьезного внимания и пристального анализа исследователей заслуживают многочисленные цензурные изъятия из очерка. Они важны для понимания цензурной политики тех лет, политэкономического уровня научных представлений Гершензона о труде при социализме, а также для представления о публицистическом диапазоне его видения. Давний критик системы Тейлора, Гершензон находил в социализме унаследованные им от старой экономической науки представления о труде. По его мнению, социалисты «проглядели труд» в своем исключительном интересе лишь к «последнему звену труда — распределению готового продукта» (11.12, л. 13). В соответствии со своей философией личного начала Гершензон настаивал на приложимости к труду понятия «человеческий». Ведь «обладание средством производства само по себе не представляет никакой ценности» (11.12, л. 14). Люди становятся лишь орудиями и «материалом внедрения»: «Корень рабочего рабства, — настаивал Гершензон, — не в разрыве между орудиями труда и трудом, — как утверждает современная экономическая наука, а в разрыве между трудом и волей трудящегося... он все же останется рабом, пока цель его труду будет ставить чужая воля — хотя бы общества или государства» (11.12, л. 15). Гершензон ратовал за раскрепощение воли человека,

¹²⁴ См.: Гершензон М. О. Исторические судьбы еврейского народа. Пг.: Берлин: Эпоха. 1922.

выступал против системы государственного принуждения. Но рука советского цензора тщательно перечеркивала абзац за абзацем в этом очерке (см. Л. 12—17). На л. 17 Гершензон пытался предостеречь от ошибочного влечения «глашатаев социализма» «к власти над природой». «Современный труд болен» — таков диагноз Гершензона. Его предупреждающее утверждение о том, что социализм «закрепит порабощение труда» (11.12, л. 17), цензорская императивная помета лишила возможности быть услышанным.

Очерк «Пальмира», давший заглавие всему сборнику статей и, по идее автора, открывающий этот сборник, был написан в 1921 г. В архиве сохранился фрагмент очерка «Пальмира» (11.6). Впервые он был опубликован в парижском издании «Современные записки» (1923, кн. IX, с. 125—132). Переноса читателя на развалины Пальмиры, Гершензон пытался навести его на размышления о смене государств и народов, задуматься над вопросами философии истории, истории религии и политической экономии. «Нарушен самый незыблемый закон мироздания, мир сошел со своей орбиты — как теперь жить?»¹²⁵.

В том же томе «Современных записок» Гершензон публикует очерки «Человек, пожелавший счастья» и «Человек, одержимый Богом», занимавшие в сборнике третье и шестое места. В архиве сохранились печатный оттиск очерка № 3 (11.4) и черновой автограф фрагмента очерка № 6 (11.5), запрещенного к печати Петробллитом 30 июня 1923 г. (11.12). В примечаниях к журнальным публикациям очерков из цикла «Пальмира» есть сообщение: «Войдут в состав сборника «Пальмира», подготавливаемого к печати издательством «Эпоха» (11.4). Человеком, пожелавшим счастья, предстает в очерке № 6 герой трагедии В. Шекспира «Макбет», волновавший Гершензона еще в начале 1910-х гг. В архиве сохранился текст публичного выступления Гершензона об этой трагедии (12.51), перекликающийся с очерком для сборника «Пальмира». История Макбета, по его мнению, должна передаваться из рода в род как «память его преступления и наказания» (11.12, л. 39). Если в поисках счастья, этой «вечной были человеческой жизни», Макбет останавливает «движение в мире и в самом себе», то герой очерка № 6 выступает как антипод Макбета. Точный смысл понятия «желать счастья» раскрывается Гершензоном как улучшение мира и самого себя (11.12, л. 31).

Главу «Демоны глухонемые», сохранившуюся в составе сборника (11.12) и фрагментарно в автографе (11.17, 1921), Гершензон опубликовал в «Записках мечтателей» (1921, № 5). Она также не избежала цензурного запрета. Заглавие этой статьи, несомненно, восходит к сборнику стихотворений М. А. Волошина «Демоны глухонемые» (Харьков, 1919). Как и там, глухонемота рассматривается Гершензоном как некий признак посланничества. Она является для него как бы устами, которыми вещает Святой Дух. Святостью и светоносностью озарен очерк «Солнце над мглой», опубликованный в «Записках мечтателей» (1922, № 5). В архиве сохранился этот очерк в автографе и в списке рукой Е. Н. Орловой (11.7), а также глава в сборнике «Пальмира» (11.12). По сравнению с опубликованным в «Записках мечтателей», «афоризмы» «Солнце над мглой» в составе сборника «Пальмира» содержат незначительные композиционные разночтения.

Неожиданные по яркости выражения и ассоциативности, «афориз-

¹²⁵ Современные записки. Париж. 1923. Кн. IX.

мы» Гершензона озаряют вспышкой надежды. Этому в значительной степени способствует и стилистическая манера повествования. Озорством и лукавством проникнута притча о происхождении человека. «...каждый должен верить, что он — от Адама...» Пусть только каждая обезьяна верит в свое богоподобие! Знать свое происхождение мы все равно не можем за дальностью времен и отсутствием письменных памятников. Пусть верит — в этом все, потому что самосознание человека есть его предносимый образ, которому он старается подражать» (11.12, л. 76).

Размышляя над своей жизнью, Гершензон пытался обнаружить в ней некую последовательность. И роковая предопределенность не пугала его, а только убеждала: «Так жить нельзя» (11.12, л. 82).

Один из философских набросков Гершензона 1920-х гг. назывался «Жизнь и душа как соответствие» (10.37). К сожалению, такого соответствия не было в жизни Гершензона. Но его «дух, как червь из земли, пробуравливал безмерный слой тьмы вверх — на свободу, к солнцу!» (10.12, л. 82). В алкании солнца все устремления Гершензона и его преклонение перед талантом Рембрандта, художником, познавшим «тьму во всех направлениях». В рембрандтовской «пожирающей тоске по солнцу» (11.2, л. 83) увидел он сродство с гениальными прозрениями Ф. М. Достоевского.

Очерк «Дух и душа», в котором Гершензон пытался разработать «биографии» этих двух слов, был запрещен цензором сборника «Пальмира» 30 июня 1923 г. (11.12). В очерке ощутимо влияние крупнейшего русского ученого М. М. Троицкого, с трудами и речами которого по логике и психологии Гершензон знакомился в студенческие годы (см. гершензоновские конспекты его трудов и лекций 11.19—21).

Последняя глава сборника «Пальмира» — «Нагорная проповедь» (11.12) — сохранилась и в черновых и в беловом автографах (11.13—15). Одноименный очерк, датированный 1921 г., Гершензон сопроводил примечанием, благодаря которому становится понятным программное значение этого очерка. «Нагорная проповедь» утверждала верховенство закона, отступление от которого не может быть безнаказанным. И, хотя определение правильности пути, добра и зла, дело чрезвычайно трудное, особенно в моменты «великих потрясений», Гершензон — публицист говорил о неизбежности следования «от хаотического движения» к «гармоническому движению» (11.18, л. 13). «Нагорная проповедь» смыкается с главой «Пальмира», где дано вольное переложение сочинения К. Ф. Вольнея — «Руины, или Размышления о революциях империй» (1791). Суть исканий Вольнея-Гершензона, сопоставляющих историю минувших времен с современностью, состоит в поисках ответа на вопрос: «Почему плоды стольких трудов обратились в ничто?» (11.12, л. 4).

Сборник статей «Пальмира», прошедший цензуру в июне 1923 г., должен был набираться в типографии Промбюро тиражом 3 тыс. экз., но до возвращения Гершензона из Германии работа была приостановлена.

Творческие рукописи М. О. Гершензона 1890—1920-х гг., вначале непосредственно связанные с его корреспондентской работой, а затем приобретшие философско-публицистическую окраску, — благодатное поле действия для современной исследовательской мысли.

Отношение к книге в Древней Руси

(По материалам псковских записей XIV в.)

В старорусской письменности особое место занимает псковская книжность XIV в. Своеобразие ее положения обусловлено не только значительным количеством сохранившихся источников и их филологической и историко-культурной ценностью, но также и отношением псковичей к книге, о котором можно судить по многочисленным записям самого разнообразного содержания. Их авторы — прежде всего писцы и в ряде случаев читатели — на полях листов сообщают, наряду с благочестивыми рассуждениями, о своих житейских делах, здоровье, еде, «хмельном питии», нарушении поста, подсмеиваются над чернецами и вставляют другие, казалось бы, вовсе неуместные в церковной рукописи замечания. Разумеется, записи типичны для всей средневековой культуры и нередко представляли собой один из элементов кодекса. Такими были послесловия переписчиков, сведения об истории книги, проклятия за ее кражу или порчу и т. п. В качестве примера можно назвать послесловие греческой «Порфирьевской псалтири» (862 г.), в котором содержится обращение к Богу, указаны название памятника, имена заказчика и исполнителя, время работы, описано смирение мастера и в заключение приведена просьба о молитве за книгописца и о снисхождении к нему¹. Все эти классические формулы рано были усвоены древнерусами и получили широкое распространение. Поэтому найдено много общего между записями, появившимися в разных великорусских и других славянских землях.

Однако именно псковское рукописное наследие резко выделяется на общем фоне тематическим разнообразием, непосредственностью отражения мира и непредсказуемостью содержания, светским характером и тесной связью с фольклором. Псковские записи XIV в. — это мозаика, отразившая всевозможные неофициальные стороны народной жизни и творчества. Средоточием, фокусом этих записей стала личность пишущего человека с его обыденными житейскими проблемами, привычной работой, будничными переживаниями и маленькими радостями, несущественными для постороннего наблюдателя, но такими важными и серьезными для самого писца. Разумеется, не все сообщения следует понимать буквально: литературное начало и фольклорные мотивы в ряде случаев несомненны. И все-таки псковские записи XIV в. многое говорят о характере и складе ума сделавших их людей. В этом отношении они напоминают граффити на стенах древнерусских зданий и берестяные грамоты. К записям на средневековых книгах с полным основанием можно применить слова В. Л. Янина о находках на бересте: они замечательны «тем, что неожиданно воскресят какую-то живую деталь, которая, вероятно, не имеет существенного научного значения, но обладает бесценным свойством начисто уничтожить многовековую разницу во времени и сделать нас чуть ли не очевидцами событий, происшедших сотни лет тому назад»².

Часто записи встречаются уже в псковских кодексах нач. XIV в., что свидетельствует об унаследованной традиции. Естественно, многое

¹ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. [2-е изд.]. М.: Наука, 1979. С. 276.

² Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 143.

зависело от личности переписчика, его темперамента и типа воспроизводившегося текста. Отличавшийся особой словоохотливостью дьяк Козьма Попович сделал четырнадцать записей в Паремейнике 1312—1313 гг.³ и пятнадцать записей в Прологе, сентябрь — февраль, 1313 г. (Син-239). Между тем для книгописной практики работавшего вместе с Козьмой его отца Андрея, «попа Микулинского», записи вообще не были характерны⁴. В Прологе, март — август, перв. пол. XIV в. (Тип-174) имеется семнадцать записей и помет, в Октоихе изборном 1374 г. (Тип-67) — девятнадцать⁵. Причем эти подсчеты в определенной степени условны, так как они констатируют лишь минимальное число сохранившихся, пусть даже затертых или полусмытых, записей: необходимо иметь в виду, что данные памятники письменности, впрочем как и многие другие кодексы, имеют утраты отдельных листов и целых тетрадей, на которых также могли находиться записи. Несомненно одно: псковичи любили обмениваться впечатлениями и порассуждать на самые различные темы на полях книг. Важно отметить, что в зависимости от личности автора, его характера и манеры пользоваться языком одна и та же тема могла получить разное лингвистическое выражение. «О святых Андрею, поспеш[и]!» — сдержанно просил помочь святого в работе Андрей Микулинский (Пролог, март — август, нач. XIV в. Тип-177, л. 61). «О святая безмездника Козма и Дамияне, поспешита бързо к кончю!» — в экспрессивно-эмоциональной форме передал то же содержание его сын дьяк Козьма (Син-239, л. 64).

Заслуживает внимания вкладная запись, сделанная в конце Апостола апракос 1309—1312 гг. В ней Тарасий Антониевич (мирское имя Станимиров сын), староста церкви Воскресения Господня, обстоятельно сообщил о своем входе книги в этот храм, об истории ее создания, о случившемся лунном знамении. Затем он с очевидным сожалением был вынужден закончить, огорченно заметив уже после слова «аминь»: «Писал бых еще, нъ вѣсмеють ми ся» (Син-15, л. 128). Следовательно, только боязнь выглядеть смешным остановила многословие разговорчивого Тарасия Антониевича. Это тем более примечательно, что даже в Новгороде, духовном брате Пскова, у определенного круга лиц существовал прямо противоположный взгляд на данный предмет. «О горе тому, кто черькает у къниг по полем: на оном свете те письма испьцеркають беси по лицу жагалом железным!» — возмущался и проклинал нерадивых книжников, по-видимому, сам же переписчик Минеи служебной (январь, XII в. Син-163, л. 255 об.), входящей в комплект Минеи Новгородского Софийского собора. Похожая запись, однако XV в., дефектная, имеется и в Минее служебной (ноябрь, XII в. Син-161, л. 260 об.) из того же комплекта: «... пише у къниг по полем, беси на том свете та письма по лицу испи[шут]!». В отличие от таких серьез-

³ Собр. 6-ки моск. Синод. тип. РГАДА. Ф. 381. № 61. Последние пять листов Паремейника ошибочно приплетены к Минее служебной, март—апрель, кон. XIV в. (Собр. Синод. ГИМ № 172, Л. 198а—202г). Ссылки на источники, находящиеся в фонде Синодальной типографии и Синодальном собрании, сокращенно даются в тексте: соответственно «Тип» или «Син»+номер единицы хранения. Список условных обозначений рукописей приложен в конце статьи.

⁴ Подробнее об этом см.: Калугин В. В. Андрей Микулинский и Козьма Попович — псков-

ские писцы XIV в. // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв.— Л., 1991, с. 46—61.

⁵ По мнению Н. М. Каринского, эту книгу переписывали три или, может быть, четыре человека. (Каринский Н. М. Очерки из истории псковской письменности и языка. 1. Исследование языка псковского Шестоднева 1374 года. Пг.: Сенат. тип., 1916. С. 4). Записи на л. 77—79, 81—84 об., 87, 89, 90, 96, 97, 110, 110 об. сделаны почерком, близким почерку третьего писца, «но гораздо более мелким и тонким» (там же. С. 7).

ных новгородцев псковичи не боялись железного *жагала* (жала)⁶ на том свете и охотно «черкали» на полях книг, превратя эту привычку в своеобразное искусство.

Степень свободы изложения в записях в известной мере была обусловлена жанром памятника письменности. С одной стороны, в ряде случаев удивляет бесцеремонность писцов в обращении с церковными текстами (чего стоит хотя бы такое заявление Козьмы Поповича, сделанное им в Паремейнике: «У побъзди боля Лука, навониле мъ⁷ издбу». Тип-61, л. 43), с другой стороны, оказывается, что наиболее вольные известия имеют или четырь сборники (Пролог), или литургические книги (Ирмологий, Минея служебная, Октоих изборный, Параклитик, Паремейник). Вместе с тем в дошедших до нашего времени псковских списках Евангелия, Апостола и Псалтири за немногими исключениями представлены записи традиционного типа, устойчивой структуры. Это извинения за ошибки, сообщения об изготовлении рукописи, ее вкладе, покупке и т. п. Думается, что при работе над этими текстами, особо почитаемыми в Древней Руси, излишнюю словоохотливость писца, непосредственность его высказываний останавливал внутренний самоконтроль.

Заказчиками и стяжателями кодексов, имеющих много записей мирского, фольклорного содержания, были крупные книжные центры древнего Пскова: Пантелеймонов монастырь (в частности, Тип-61) и Климентовский монастырь на Завеличье — городской район на правом берегу р. Великой (например, Син-239). Следовательно, и сами мастера, и владельцы книг рассматривали посторонние тексты в конфессиональных рукописях как нечто естественное, традиционное и неспособное помешать благочестивому чтению или богослужению.

В средневековье «книжное сторение» было исключительно трудоемким процессом. Не случайно даже высококвалифицированный профессионал Козьма Попович со вздохом отметил в Шестодневе служебном ок. 1312 г.: «Ох мне лихого сего писания и еще — ох!» (Тип-76, л. 32). И, надо сказать, подобные жалобы писались не только ради красного словца, а часто имели реальное основание. Приведем лишь один пример из числа многих фактов. Все тот же Козьма Попович, как видно из его записей, начал работу над Паремейником 17 дек. 1312 г. (Тип-61, л. 2) и закончил 17 мая 1313 г. (Син-172, л. 202в). На переписывание 161 л. с половиной⁸ форматом в 1⁰ (26,5×21 см) у него ушло 152 дня. Работая фактически в одиночку (нами установлено, что только на л. 144в Тип-61 первые десять строк и одиннадцатая строка до союза *и* воспроизведены его отцом Андреем Микулинским), дьяк Козьма списывал чуть меньше одного листа в день.

Занимаясь этим тяжелым, однообразным, но вместе с тем богоугодным трудом, писец нередко отвлекался от него и делал посторонние записи на полях кодекса, по предположению А. И. Соболевского, «для развлечения во время скучной работы»⁹. Что же, кроме скуки и других внешних факторов, могло побуждать мастера помещать не относившуюся

⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1978. Вып. 5. С. 69. Ср.: *жегало* — «орудие для прожигания отверстий; орудие пыток» (там же. С. 79).

⁷ Это место допускает несколько прочтений. Возможно, дьяк Козьма не дописал местоимение *мъне*.

⁸ 150 л. с половиной с текстом Тип-61 (л. 1в—151г)+6 л., утраченных в Тип-61 между л. 52—53+5 л. из Син-172 (л. 198а—202г) и составляют 161 л. с половиной.

⁹ Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. С 20 палеогр. табл. 2-е изд. Спб.: Синод. тип., 1908. С. 35.

ся к делу информацию в чужой книге? Однозначно ответить на этот вопрос трудно, потому что он затрагивает такие малоизученные проблемы, как психология творчества и восприятие текста в Древней Руси. Здесь очень важно выяснить, насколько спонтанна запись, интересно проследить, как она соотносится с содержанием памятника письменности. И тогда обнаруживается, что в ряде случаев наличие и характер записей обусловлены ассоциативным мышлением писца. Так, знаменитый Домид в Апостоле апракос 1307 г. под чтением о чудесном освобождении Петра из темницы (зач. 29) отметил: «Агиос Петр, поспеши!» (Син-722, л. 31)¹⁰. Читая и воспроизводя хорошо знакомый текст (Деян. XII. 3—11), Домид как бы сам становится участником новозаветных событий. Он внимательно следит за сложными перипетиями борьбы, переживает за апостола, оказавшегося в критической ситуации, и искренне стремится оказать ему посильную помощь своим восклицанием: «Святой Петр, поторопись!».

Для сравнения возьмем более позднюю рукопись. В Параклитике рубежа XIV—XV вв. (Тип-81) имеется следующая сентенция, помещенная на нижнем поле л. 39: «Люте тебе душа оканьяна: почто съгрешаеси, а съгрешивси не каешися?». Появление именно такого нравоучительного изречения на данном листе полностью объясняется предшествующим содержанием: в 5-й песне канона апостолам в четверг (глас 2) на л. 38 об. сформулирована подобная мысль: «Оканьяна душа преж конца потщися покаятися, к Господу вопиючи: съгреших ти, Владыко, отдажь ми апостол си деля и спаси, яко милостив!». Внешнее и внутреннее сходство приведенных примеров очевидно. Причем далее в каноне на л. 38 об. — 39 также идет речь о грехах, покаянии и спасении души, что по ассоциации и вызвало у переписчика соответствующую реакцию. Надо отметить, что и другие варианты этой записи (л. 1 об., 158, 202) прямо могут быть сопоставлены с содержанием Параклитика.

Следствием ошибки в этой же рукописи (на л. 165 в слове «наставление» пропущены и дописаны другими чернилами над строкой буквы «ние») стало замечание: «О оканье, не мешай!», написанное на внешнем поле, на одну строку ниже исправленного места, тем же почерком, что и корректура.

Многие псковские записи XIV в. имеют ярко выраженную экспрессивно-эмоциональную окраску, обусловленную, во-первых, отбором и употреблением стилистически маркированных слов, в частности междометий *ох*, *о*, *горе*, *люте*, и, во-вторых, особой, «разговорной» организацией языковых единиц в единое композиционное целое. Разумеется, в ряде случаев оханье и восклицания писцов имели реальную подоплеку. «О святых Пантелеимоне, поспеши! Ох мни убогу, поже[так!] грешну!» — в очередной раз просил святого помочь в работе уставший Козьма Попович (Тип-61, л. 20). «О горе учеником у диякона: хочется спа[ти], ох, тошно у», — придя в совершенное уныние, записывал, по всей вероятности, молодой пскович, отданный в обучение книжное (Пролог, сентябрь — февраль, перв. пол. XIV в. Тип-157, л. 1). «О горе, свербить!», «ох, свербить!» — жаловался на непрекращавшуюся чесотку больной коростой писец (Тип-67, л. 84, 90). «О горе, мруть попи!» — мрачно отметил этот печальный факт переписчик (Тип-174, л. 93 об.), очевидно

¹⁰ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей московской Синодальной

библиотеки. Отд. 1. Священное Писание. М.: Синод. тип., 1855. С. 293.

принадлежавший к духовному сословию. Это видно из других его записей, в которых упоминаются некий поп и ушедшая в гости попадья — видимо, он сам и его жена (см. ниже: Тип-174, л. 24, 83 об.). Словом, при случае псковские книгописцы любили поохать и посетовать на разные обстоятельства.

Вместе с тем выражающие чувства междометия, прежде всего *ох*, могли использоваться как специальный композиционный «прием вступления в присловье»¹¹. Этот своеобразный зачин, подготавливающий читателя или слушателя к дальнейшему повествованию, встречается в некоторых текстах Козьмы Поповича, представляющих образцы древней поэзии и фольклора. Трудно однозначно решить, сам ли сочинил ученый дьяк, или же только записал полюбившиеся произведения народного творчества. Однако очевидно, что следующая миниатюра (Син-239, л. 39) возникла в среде профессиональных писцов, к которой он принадлежал:

Ох, ох!
Голова мя болить —
Не мочи псати.
А уже ночь —
Лязмы спати.

Несмотря на то что дважды повторяющееся междометие *ох* семантически тесно связано с дальнейшим повествованием, в тексте оно выполняет только функцию зачина, выделяемого при декламации паузой. Ее отсутствие разрушает строгую ритмическую организацию первой строки и всего стихотворения. Обращает на себя внимание полная рифма *псати — спати*¹². Примечательно, что из двух возможных вариантов — *писати* и *псати* — был выбран именно последний, который и позволил достигнуть абсолютной идентичности звукового состава глаголов. Это уже говорит не только о простом стремлении зарифмовать отдельные слова, но и о возникающем интересе к версификационной технике, о качественно новом уровне писательского мастерства.

В этом же кодексе имеется запись (Син-239, л. 166 об.), ритмическое построение которой свидетельствует о том, что организация языковых единиц в единое композиционное целое здесь возникла в результате сознательного литературного творчества, возможно, самого Козьмы Поповича. По крайней мере, не подлежит сомнению, что данная миниатюра также относится к фольклору писцов-профессионалов:

Не тычь же в бок,
Не лазь же в грех,
Что ть се пакъ
Написах.

Первые два предложения, имеющие одинаковую синтаксическую структуру, написаны ямбом, а в заключительной части представлен анапест. По всей вероятности, стремление к трехсложной ритмической организации концовки вызвало употребление в дательном падеже единственного числа не местоимения *ти* (тебе), а его варианта *ть* (фонетически [т'] с исчезнувшим гласным звуком). Использование энклитичес-

¹¹ Седельников А. Д. Литературно-фольклорные этюды. 1. Псковские писцы XIV века и фольклор // *Slavia Praha*, 1927—1928. Ročník 6, Sešit. 1. с. 69.

¹² Седельников А. Д. Литературно-фольклорные этюды. С. 67.

кой формы *ти* разрушило бы трехдольную стопу (ср.: «Что ти се пак»). Отнюдь не случайно в тексте и чередование конечных заднеязычных согласных форм. Очевидно, что слова *бок* — *пак* и *грех* — *написах* представляют собой неполные, приблизительные рифмы, а для созвучия этих лексем был выбран вариант *пак* вместо наречия *паки* (*пакы*), которое оканчивается на гласный звук¹³.

Обе записи Козьмы Поповича важны прежде всего как образцы древней поэзии и фольклора, возникшие и распространившиеся в определенной социальной прослойке — в среде мастеров-книгописцев. Здесь необходимо отметить, что частое употребление записей, на наш взгляд, было свойственно профессиональным писцам, а не случайным переписчикам книг.

Одно стихотворение, которое, видимо, принадлежало к числу наиболее любимых Козьмой, было переписано дьяком дважды — в Паремейнике (Тип-61, л. 131) и в Прологе (Син-239, л. 20 об.). Текст цитируется по Паремейнику:

Бог даи съдоровие к сему богатю:
 Что кун — то все в калите,
 Что пърт — то все на себе,
 Удавися, убожие, смотря на мене!

Интересна организация этой миниатюры. Первое предложение — молитвенное обращение — это экспозиция, в которой скрыто выражена основная мысль, получающая далее неожиданное развитие. При описании героя использован композиционный прием синтаксического и ритмического параллелизма. Во второй и третьей строках предложения построены по одинаковой структурной схеме, и в каждой из них соединены ритмически восходящие размеры — два ямба и анапест. Концовка стихотворения написана четырехстопным анапестом с трибрахией («... убожие, смотря...»). Впрочем, облегченной трехсложной стопы, не имеющей ударения, могло и не быть если слово *убожие* произносилось с редуцированным *и*: *убо|ж|е*. Согласно правилу старославянской поэзии конечный слог строки не мог быть ударным, поэтому в старославянском стихотворении местоимение «*мене* должно читаться с ударением на первом слоге (ср. соврем. болг. *мене*)»¹⁴. Однако в данной записи Козьмы Поповича ударение в слове *мене*, на наш взгляд, стоит на последнем слоге. Такое произношение обусловлено приблизительной, повторяющей только конечные гласные звуки рифмой: *калите — собе — мене*.

Последнее предложение, в структурном плане отличное от предыдущих, вводит новый образ — *убожие* (то есть бедность, нужду), которое автор призывает удавиться, видимо, от зависти к герою, имеющему все, кроме здоровья. Символ «убожия» имеет давние литературную и фольклорную традиции в мировой культуре. Он использован в славянском переводе «Притчей Соломоновых», входящих в состав Геннадиевской 1499 г. (Син-915) и Острожской 1580—1581 гг. Библий. Текст цитируется по острожскому изданию Ивана Федорова: «Доколе, о ленистиве, възлежиши? Когда же от сна въстанеши? Мало убо спиши, мало же седиши, мало дремлеши, мало же обиемлеши рукама своима пръси [сложив руки]. Потом же найдет тебе, аки зол спутник,

¹³ См. также: Седельников А. Д. Литературно-фольклорные этюды. С. 67.

¹⁴ Трубецкой Н. С. Одно церковнославянское

стихотворение // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 351.

убожество [в Геннадиевской Библии — *убожие*] и нищета, аки благ [лихой] ходец [гуляющий человек, разбойник], теча» (VI. 9—11). Примечательно, что в ветхозаветном тексте *убожие* и *нищета* не являются абсолютными синонимами, а обозначают разные понятия. В греческом оригинале слову *убожие* соответствует существительное 'η λειψία (бедность, нужда, скудость), а слову *нищета* — 'η ληξεία (нищета; нищенствование). Сравнения *убожия* с приносящим зло спутником, а *нищеты* со свирепым разбойником хорошо известны древнерусской литературе и фольклору. Наиболее яркое художественное воплощение эти образы получили в «Повести о Горе-Злочастии», народных песнях о Горе и повестях о Хмеле. Кстати, темы бражничества и «убожия» вообще тесно связаны друг с другом. Согласно «Притчам Соломоновым», именно «хмельное питье» помогает немощным и скорбящим людям забыть на время свою трагическую участь: «Даите сладкое питье немощным и вино пити сущим в печалех, да забудут убожие и страсти не вспомнят ктому» (XXXI. 6—7). Таким образом, емкое, выразительное содержание и его искусное словесное оформление делают рассмотренное стихотворение нач. XIV в. одним из ярких образцов древней народной поэзии.

Фольклор оказал заметное влияние на записи псковских писцов. Все тот же Козьма Попович в обширном послесловии к Паремейнику (Син-172, л. 202г) в таких красочных выражениях сообщил о своем участии в работе: «А псал Козма-дьяк Поповиць грабящими руками, клеветливымь языкомь, обидливымь очима.» Еще Н. М. Каринский и А. А. Покровский¹⁵ указали на то, что эта уничижительная самохарактеристика близка былинной характеристике богатыря Алешы Поповича. Действительно, между этими текстами есть определенное сходство. Отправляясь в длительную и полную опасностей поездку, Добрыня Никитич великодушно договорился со своей молодой женой о том, что, если он не вернется к условленному сроку, она может выйти замуж за другого, но только не за «девичьего обманщика» Алешу Поповича, у которого, оказывается, завидущие глаза и загребушие руки. Ничего удивительного нет в том, что впоследствии именно за Алешу и захотелось пойти жене Добрыни:

Алешенька рода поповского:
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие.

О «клеветливом» языке там же говорится:

Не ходи за Олешу за Поповича,
За бабьяго пересемшничка,
За судейского перелестничка.

В других вариантах былины это место выглядит так:

Он ведь бабий был да несмешничек,
А девочий был да обманщикек,
Он над бабами да насмехается,
Он ведь девками да пофалается¹⁶.

¹⁵ Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV веке. Спб.: Тип. М. А. Александрова, 1909. С. 145; Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с во-

просом о времени образования этих книгохранилищ. М.: Синод. тип., 1916. С. 64.

¹⁶ Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М.: Наука, 1974. С. 295. Ср.: Там же. С. 237, 242, 297.

Надо полагать, что живший во Пскове дьяк Козьма слышал былины о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, которые даже сравнительно недавно еще были широко распространены на Русском Севере, и по ассоциации со своим прозвищем применил к себе запомнившиеся образы. Может быть, Козьма Попович тоже был «девочий обманщик» и любил «пофалаться» своими победами перед псковичами.

Иногда в церковных книгах встречаются малые фольклорные жанры — пословицы, поговорки, прибаутки, которые богатством мыслей, подходящихся на сверхкраткий текст, особенно близки творчеству писцов. Ведь и сами средневековые грамотеи, помещая на полях листов рассуждений и описаний, стремились к предельной точности и лаконизму. Поэтому иногда бывает непросто установить, что именно написал книжник: крылатое выражение или свое собственное сочинение. В качестве примера приведем «скоморошью молитву» Козьмы Поповича: «О Господи, даи ми живу быти хотя 80 лет. Поже, даи ми, Господи, пива сего напитися!» (Тип-61, л. 17). С одной стороны, здесь представлен известный в средневековье мотив — просьба беззаботного пьяницы. Но с другой — дьяк Козьма, весельчак и балагур, который, очевидно, был не прочь выпить и хорошо поесть, вполне мог сочинить такой текст сам. Кстати, тема «хмельного питья» в псковских записях представлена достаточно разнообразно. «Чрес тын пьютъ, а нас не зовут», — счел нужным сообщить об этом в Октоихе один из его переписчиков и вслед за тем нравоучительно добавил: «[В]олов[и] не летети, а отместзкы¹⁷ ту будут»¹⁸ (Тип-67, л. 87). Приведенная рифмованная пословица интересна тем, что напоминает описание мстительного пьяницы из «Повести о Хмеле» (список XVII в.), стоящего у чужих ворот и тщетно просящего выпить: «... а в котором дворе пьют и ему не дадут, и отойдет от двора того и зломыслит на господина дому того, бранит неподобною лаею и никого не боитца...»¹⁹.

Широко распространенный в мировой литературе сюжет о бесе, заключенном крестным знаменем или крестом, иллюстрируют две записи XIV в. Первая из них представляет собой пробу пера, сделанную сразу после текста Минеи: «Дивья съту [хорошо сыту] обеда здати²⁰, а праведнку смерти. О горе тебе, бесе, во студене воде бес кожу!.. [одна (?) буква затерта] а покусяю пера и чер» (Минея служебная, июль, перв. пол. XIV в. Тип-123, л. 132 об. и частично на внутренней стороне переплетной крышки). По сути, данная запись состоит из трех самостоятельных высказываний — пословицы, обращения к бесу и пробы пера. В Параклитике запись с упоминанием беса сделана другой рукой, чем сама рукопись. По сравнению с приведенным текстом в ней имеются некоторые сокращения, изменения и вместе с тем антитеза: «Люте тебе, бесе, в студене воде — аз ныне, мод испивая с люд[ьми] добрыми до похмелнее,.. [несколько букв затерто] велми

¹⁷ В русских народных говорах существительное *отместка* имеет значение «месть на деле, отдача злом за зло и самое зло, этим причиненное». (См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. [7-е изд.]. М.: Рус. яз., 1979. Т. 2. С. 738).

¹⁸ Текст записи пострадал. (См.: Каринский Н. М. Очерки из истории псковской

письменности и языка. С. 7).

¹⁹ Повесть о Горе-Злочастии / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. Л.: Наука, 1984. С. 82.

²⁰ *Здати* — *ждати*: неразличение шипящих *ж, ш* и свистящих *з, с* согласных фонем было характерной чертой древнепсковских говоров.

вчера (?) не едь» (Тип-81, л. 158 об.). Ниже, на 187 л., этим же подчерком отмечено: «Люте тебе, бесе, — не блазни!».

Переданный здесь в афористичной форме мотив значительно подробнее изложен в византийской «Повести об Авве Лонгине», «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим» (вероятно, записанной в перв. пол. XV в.) и «Житии Авраамия Ростовского» (видимо, не ранее XV в.). В этих произведениях черт, желая искутить святого, забирается в рукомойник, но праведник, уразумев дьявольское наваждение, заключает его крестным знамением или крестом²¹. В «Повести о путешествии Иоанна Новгородского» этот сюжет передан так: «Имеяше же святыи [архиепископ Иоанн] сосуд с водою стоящъ, из него же умывашеся. И слыша в сосуде оного некоего пропущюша [плескающагося] в воде, и прииде скоро святыи, и уразуме бесовское мечтание. И, сотвори молитву, и огради сосуд крестом и запрети бесу. . . И не на долгый час не могый терпети бес, нача вопити: „О, люте нужди сея! Се бо огнем палим есмь, не могу терпети, скоро испусти мя, святе Божий! . . горе мне, окаянному! . . Испусти мя, рабе Божий, се бо люте стражду!“»²². Важно подчеркнуть, что рассмотренные записи представляют самые ранние письменные свидетельства бытования этого предания в Древней Руси.

Как нам кажется, упоминание беса в Параклитике (Тип-81) именно на л. 158 об. было вызвано влиянием основного текста рукописи. В 8-й песне канона Иоанну Предтече во вторник (глас 7) на л. 158 об. — 159 читаем: «Пещным отроком уподобльшися, приемши хлад духовныи, верно вопием: «Благословите! Леностию изнунив даное ми добре богатство, похотми блудными и гладом, гиблю, оканьныи, зле. . . // Водами святыми мученици, Спаса наводняеми, присно всю напоете землю». Можно сразу провести параллель между «хладом духовным», спасшим трех отроков в огненной печи, и страданиями беса в студеной воде. Затем обращает на себя внимание единство имен Иоанна Предтечи, крестившего людей в Иордане, и Иоанна Новгородского, заточившего беса в рукомойнике (до письменной фиксации предание об этом жило в устной форме). Далее, в каноне прямо говорится о том, что христианство и святые мученики, как вода, наполняют собой всю землю и, соответственно, прогоняют бесов. Таким образом, очевидна общая тема — спасительная, чудотворная сила воды. На наш взгляд, эти ассоциации и предопределили появление именно на данном листе записи, согласно которой благочестивый христианин (в отличие от изображенного в Параклитике гибнущего грешника) свысока наблюдает за мучениями беса в холодной воде, одновременно испивая мед с добрыми людьми. Так псковский книжник XIV в. образно выразил свое отношение к содержанию канона Иоанну Предтече.

Восприятие текста и его структуры в Древней Руси относится к числу наименее изученных проблем. В этом аспекте интересно проследить, как реагировали читатели на посторонние записи в кодексах: казавшиеся неуместными сообщения они иногда подвергали своеобраз-

²¹ Дурново Н. Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // Древности: Тр. слав. комис. Моск. археол. о-ва. М., 1907. Т. 4, вып. 1. С. 54—152; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—

XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука, 1973. С. 152—160.

²² Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века. М.: Худож. лит., 1981. С. 454, 456. Ср.: Там же. С. 584.

ной цензуре — уничтожали целиком или частично (наиболее нежелательные выражения и обороты). В Паремейнике в записи Козьмы Поповича: «Подобаеть черньчю [чернецу], продавшe манотью, и купити себе...» (Тип-61, л. 133) — обрезано самое интересное — окончание, содержащее всю соль пословицы. Ниже, на этом же листе, во втором варианте афоризма пергамен вырезан уже после слов: «Подобаеть чернь...». Здесь уместно будет напомнить, что рукопись создавалась Козьмой для Пантелеймонова Дальнего монастыря, черноризцам которого после прочтения записи оставалось только размышлять, как следует поступить с данным им дружеским советом и своими мантиями. По мнению В. П. Адриановой-Перетц, это народное изречение «напоминает структурой пословицу, записанную в XVII в.: «Поп пьяной книги продал, да карты купил»²³. Также обрезано и сильно смыто эмоциональное восклицание дьяка Козьмы: «О горе мне богатства того, оже бы ми баба ж...». Согласно А. Д. Седельникову, последние буквы читаются как «жися»²⁴ (Син-239, л. 76).

Однако значительно чаще читатели и владельцы книг не уничтожали старые записи, а наоборот, добавляли к ним новые, продолжая начатое писцами прихотливое «обрамление» основного текста. Тематический диапазон этих сообщений очень широк: от делового документа, составленного по всем формальным и юридическим правилам, до фольклора и экспрессивно-эмоциональных высказываний. В качестве примера можно привести записи, сделанные в Прологе, одну из которых (возможно, XIV в.) имеет смысл процитировать, чтобы показать общие приемы в манере выражения писцов и читателей: «Отчи и братие! Не дивитесь: умом есмь млад, хожду на женитве [в женихах], мьного умов на сердци» (Тип-179, л. 75).

Отдельно следует остановиться на ценной в культурно-историческом аспекте информации о работе писцов. Прежде всего она важна как свидетельство самих мастеров о бытовой стороне «книжного строения». Псковские переписчики упоминали о материале и орудиях письма, выражали свое отношение к тексту, жаловались на тяжелый труд, недомогания, просили святых помочь в работе: «О святче Божии Климянте, поспеши к кончю рабу своему Козме!» (Син-239, л. 140 об.) и т. д. Из источников видно, что нередко книгописцам приходилось трудиться в сложных условиях, например во время сильной жары, а часто — поздними вечерами и по ночам. В Апостоле писец Домид лаконично отметил: «Вечер уже» и спустя некоторое время: — «Тьмно» (Син-722, л. 5 об., 89 об.). Один из переписчиков Пролога также упомянул, что «уже поздно...», далее затерто (Тип-157, л. 24). Дьяк Козьма Попович заявил о том, что «уже ночь, велми тьмно» (Син-239, л. 21), что он устал и ему хочется спать: «О святыхи Пантелеимоне, поспеши! Уже глази спать хотячь» (Тип-61, л. 99 об.) и т. д.

Работая допоздна, уставший мастер начинал допускать описки и погрешности в рукописи. Для изучения отношения к книге в Древней Руси особенно интересны, во-первых, указания самих писцов на конкретные ошибки и их причины, а не традиционные извинения и признания исполнителей «в младоумии своем» (Син-15, л. 128 об.) или «в своей грубости» (Син-239, л. 210б), и, во-вторых, важна реакция

²³ Адрианова-Перетц В. П. Литература Пскова XIII—XIV вв. // История русской литературы: Лит. 1220-х—1580-х гг. М.; Л., 1946.

Т. 2, ч. 1. С. 131.

²⁴ Седельников А. Д. Литературно-фольклорные этюды. С. 69.

средневековых грамотеев на содержание воспроизводимого текста. Филипп Михалев «сын Морозовица» пожаловался на то, что, будучи в полусонном состоянии, ошибся в Ирмологии 1344 г.: «О Господи, помози, о Господи, посмеши! Дремота неприменная [непроходящая], и в семь рядке помешахся» (Син-932, л. 5). Примечательно, что никто из читателей не счел нужным исправить явно ошибочную, странную запись засыпающего Филиппа «...о Господи, посмеши!..» на единственно возможный вариант «поспеши» (то есть помоги)²⁵. Выспавшись и переписав еще шесть листов, Филипп Михалев, очевидно пораженный открывшейся перед ним бездной премудрости, с восторгом заключил: «Велика грамота в татради сеи!» (Син-932, л. 11 об.). Средневековому книжнику приходилось заниматься и текстологическими изысканиями: сравнивать разные списки, выбирать лучший из них для оригинала, с которого предстояло делать копию, и т. д. Например, под тропарем св. Лазарю в субботу 6-й недели Великого Поста Домид заметил: «Не было в тех книгах сего трепаря нь...», далее обрезано (Син-722, л. 109 об.). Сейчас эту запись, залитую зеленым химическим раствором, нельзя разобрать, но в середине прошлого столетия она была прочитана и опубликована²⁶.

Примечательно, что писцы выражали свое отношение не только к тексту, но и к технической стороне производства книги. Тот же Филипп Михалев упоминает о поломке орудия письма: «Погибель перья сего» (Син-932, л. 39 об.). Домид, видимо, с иронией отзывается о качестве пергамента, на котором написан Апостол: «[Се]и кожи с 30 лет» (Син-722, л. 97). Как известно, существительное *кожа* могло употребляться в древне- и старорусском языках в значении «пергамен». Лучшие сорта пергамента выделялись из кож новорожденных или даже находившихся в зачаточном состоянии животных (например, ягнят)²⁷. Грубый и толстый пергамен Апостола имеет разные дефекты (порезы, дыры и др.), вероятно, поэтому Домид гиперболически заявил о том, что плохой материал письма изготовлен из шкуры древнего, тридцатилетнего животного, — ведь такого даже нельзя представить.

Уничижительные самохарактеристики «книжных писателей» общеизвестны. Поэтому пристального внимания заслуживают тексты, в которых видны симптомы проявления профессиональной гордости. Один из псковских мастеров сумел микроскопическим уставом сделать в овале диаметром приблизительно 0,6—0,7 см запись: «Ох мне грешному, х[? — неразборчиво]юмся, не умею писати» (Тип-81, л. 123 об.). Окончание предложения «ею писати» в овале не поместилось. Рядом, слева, этим же мелким четким почерком в столбик размером около 0,6—0,7×0,6 см выведены 32 буквы кириллического алфавита от «а» до «Ѣ» включительно. Разительный контраст между содержанием и высокой техникой исполнения записи только подчеркивает искусство мастера.

²⁵ Это не единственный случай курьезных ошибок. В Параклитике 1386 г. (Син-838) вместо утраченных пергаменных листов вставлены бумажные (л. 9—31) с текстом кон. XV—нач. XVI в. На л. 14 средневековый реставратор кодекса неожиданно заявил: «... [начало обрезано] помози, Господи, ра[бу] своему Фоме пити!» И опять-таки никто из древнерусских читателей этой странной просьбы не исправил писца, который, очевидно, по невни-

мательности пропустил второй слог в глаголе *писати*

²⁶ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. С. 294.

²⁷ Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. 3-е изд. М.: Книга, 1987. С. 36.

Такое же чувство профессиональной гордости можно усмотреть в знаменитом утверждении Домида о том, что он использовал не как все обыкновенные люди простое гусиное перо, а павлинье: «Псал есмь павьимъ перомъ» (Син-722, л. 37 об.). Надо полагать, что многие псковичи даже не представляли, как в действительности, а не на рисунках (инициалах) тератологического орнамента это «павье перо» выглядит. Поэтому заявление Домида могло произвести на читателя запись, в том числе и на писца-профессионала, сильное впечатление. Странно только, зачем понадобилось именно неискусному мастеру²⁸ писать таким редким и ценным пером в небольшом (22×16,5 см), очень скромном кодексе, на плохом пергамене, о недоброкачественной выделке которого сам же переписчик не преминул заметить. И если этот факт представляет собой всего лишь выдумку Домида, он становится еще более интересным в аспекте изучения психологии средневекового книжника.

Иногда на полях листов рукописи завязывался своеобразный диалог между заказчиком и исполнителем. В этой связи заслуживает внимания Октоих изборный, втор. пол. XIV в. (Тип-75), приводимый в монографии Т. В. Ильиной в списке псковских источников²⁹. Несмотря на то что в XVII в. книга и принадлежала Псковскому Варваринскому женскому монастырю из-за Петровских ворот, необходимо специальное исследование, которое бы помогло точно установить ее происхождение. Этот небольшой кодекс в 4^о написан на 122 л. в один столбец четким, хорошим уставом. На нижнем поле 43 л. другим почерком, одновременным с основным текстом, помещен «приказ» — тип средневекового документа, впервые обнаруженный среди новгородских берестяных грамот. В «приказе» какой-то серьезный Федосей обращается к писцу Гришке, называя его смердом. Федосею очень не понравилось, что Гришка стал переписывать Октоих только в один столбец. По-видимому, заказчик считал, что так рукопись будет выглядеть проще, менее красиво. Желая, чтобы Гришка работал «гораздо» (то есть искусно, как следует), Федосей распорядился сделать в книге два столбца, угрожая в противном случае Гришку наказать: «Приказ от Федосея к Гришке. Прописываи, смерде, гораздо Охтаець. Ты, видиши ли, однорядн [пишешь в одну строку], и ты, слова как ставишь, дешь болван [столбцы]³⁰. Быти ти от мене кажену! Аминь». Несмотря на такой строгий выговор, Гришка все-таки переписал весь текст по-своему — в один «болван». Может быть, Федосей убедился в нецелесообразности перекладывать работу, выполненную уже более чем на одну треть, а мо-

²⁸ Анализ книгописной техники Домида см.: Левочкин И. В. Псковский писец Доמיד и Апостол 1307 года // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. «Слово о полку Игореве». 800 лет. С. 106—116.

²⁹ Ильина Т. В. Декоративное оформление древнерусских книг. Новгород и Псков. XII—XV вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. С. 146. (Вслед за А. А. Покровским рукопись неточно названа «Стихиры» и датирована XIV—XV вв.: Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. С. 40—41, 67).

³⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. [3-е изд.] М.: Книга, 1989. Т. 1, ч. 1.

Стб. 198. Ср.: Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М.: Рус. яз., 1988. Т. 1. С. 328. Здесь запись приведена более чем странно: «Прописываи, смерде, образ двох таець. Ты, видиши ли, одноряднъи, ты, слова как ставишь, дешь болван быти им, оли не кажену! Аминь» (орфография цитаты нами несколько упрощена, пунктуация современная). Эстет Федосей никогда бы не позволил себе так выразиться. Да и Гришка ни за что бы не согласился переписывать загадочный, какой-то еретический «образ двох таець» вместо простого и привычного Октоиха. Не удивительно, что после такого прочтения текста значение вроде бы вполне понятного слова *болван* не было объяснено в «Словаре».

жет быть, Гришке удалось доказать, что в небольшой узкой рукописи, размером 23×14,8 см лучше оставить один столбец. Нам же придется только строить догадки, пострадал из-за этих «болванов» писец или нет. Во всяком случае будем надеяться на то, что Гришка не был «кажнен» взыскательным Федосеем. Этот «приказ» интересен тем, что, с одной стороны, он показывает взаимоотношения между заказчиком и зависимым от него мастером, а с другой — вскрывает их разное восприятие текста и книги. Объединяет же Федосея и Гришку то, что они не видят ничего предосудительного в рабочей переписке на полях литургической рукописи.

По преимуществу псковские записи XIV в. натуралистичны, большинство из них со скрупулезной точностью воспроизводит всевозможные события от бытовых ситуаций, таких как рождение поросят, до сообщений о небесных знамениях и исторических известиях, например о взятии татарами Москвы (Пролог, март — август, 1383 г. Тип-172, л. 98г). Тематическая пестрота текстов была обусловлена тем, что они создавались людьми непохожих интересов и наклонностей, разного возраста и здоровья, занятыми различными мыслями и заботами, находившимися в разном настроении. Поэтому все сохранившиеся псковские записи можно рассматривать как своеобразную летопись народной жизни, запечатленную на полях церковных книг. «Родиша свиния [над строкой — «порошата»] на память Варвары», — с хронографической точностью зафиксировано это важное в хозяйстве событие в Октоихе (Тип-67, л. 83). «Плечи болять, а попадя пошла в гости», — огорчился переписчик, очевидно, духовного звания и позже логично рассудил: «Поити в торг, а кун неть — лучши не иду» (Тип-174, л. 83 об., 123 об.). Бытовизм и личный характер записей проявляются также в отражении на пергамене разных чувств и переживаний, с точки зрения постороннего человека самых незначительных. Это радость и печаль, благодарность и упреки, восторг и жалобы, например, на болезнь. «... Голова мя болить...» — в очередной раз заявил дяк Козьма (Тип-61, л. 22). «Полести мыться. О святые Никола, пожалуи, избави коросты сея!» — обратился за помощью к универсальному целителю Николе страдавший чесоткой пскович (Тип-67, л. 84 об.). К сожалению, мытье в бане не помогло ему, и ниже он снова пожаловался: «Ох, с[ве]рб[я]ть» (л. 89)³¹. «Лихо писати // не могу», — неожиданно признался писец и спустя некоторое время объяснил почему: — «Плечи болять — не могу псати» (Тип-174, л. 111 об., 112 об., 127). Иногда переписчик считал уместным и необходимым упомянуть на полях церковной книги даже о своей еде, порой с точным указанием приготовленных блюд. В Паремейнике Козьма Попович демонстративно объявил о своем желании нарушить Великий Пост перед Пасхой, во время которого дяк работал над рукописью: «Сести позаутрыкати, хотя пост» (Тип-61, л. 115). В Прологе Козьма уже размышлял над тем, «како ли не обьестися: исто[верно, как раз] поставять кисель с молокомъ» (Син-239, л. 77 об.). Проголодавшийся Филипп Михалев, перед тем как съесть какое-то не совсем понятное кушанье — «клюование» с рыбьим салом (может быть, особым способом приготовленное рыбное блюдо), с чувством отметил: «Сести ужинат клюования с саломъ с рыбьим» (Син-932, л. 54). Вечерние трапезы третьего писца Октоиха,

³¹ В настоящее время запись затерта и прочтению не поддается. См.: Каринский Н. М.

Очерки по истории псковской письменности и языка. С. 7.

по-видимому, были менее изысканными, поэтому дважды в нем всего лишь указано: «Шести ужинат» (Тип-67, л. 78, 96). Несмотря на простоту и сверхкраткость этих высказываний, они очень важны для историков русского языка. Ведь в них употреблена редчайшая для втор. пол. XIV в. форма: супин—инфинитив цели с суффиксом *тѣ* — «ужинать» при глаголе движения несовершенного вида «шести». Супин встречается и в других записях этого же псковского грамотея: «Поехати пить...» (там же, л. 79) «Полести мыться...» (там же, л. 84 об.). Вместе с тем известно, что уже в XI в. супин стал активно вытесняться из древнерусского книжного языка собственно инфинитивом с суффиксом *ти*. Однако переписчик Октоиха четыре раза использовал супин, причем в текстах, с наибольшей полнотой отражающих разговорный язык XIV в.

Имеющая глубоко личный характер информация обусловлена повседневной жизнью с ее сиюминутными заботами и проблемами. Поэтому, насколько можно судить по записям, нередко писцы вели себя довольно непоседливо: они размышляли на посторонние темы, отвлекались от работы, собирались что-то сделать, куда-то съездить или сходить. Ограничимся только несколькими примерами: «Поиде попе за реку»; «Поиди у торг верья» (Тип-174, л. 24, 71); «[Н]а завѣтренюю³² да поехати в Мох»; «Поити в гумно³³ к страдником» (Тип-67, л. 110 об., 97). Здесь стоит несколько слов сказать о страдниках, возможно находившихся в какой-то зависимости от переписчика Октоиха. В русских народных говорах так назывался батрак, наемный работник в поле по преимуществу с мая по октябрь³⁴. О том, что Октоих создавался именно в этот период, мы узнаем из восклицания плохо переносившего жару книгописца: «Ох зноино!» (Тип-67, л. 110). Такая сильная жара, заставившая мастера со вздохом упомянуть о ней, скорее всего была летом, однако знойные дни случаются и в мае, и, реже, в сентябре. Отсюда, между прочим, следует еще один вывод: слово *страдник* со средневековья и вплоть до недавнего времени в диалектах не изменило не только своего основного лексического значения, но даже обозначало один и тот же период найма рабочих — преимущественно с мая по октябрь.

Несмотря на существование богатой древнерусской оригинальной и переводной литературы, гневно обличающей пьянство и бражников, записи псковских книжников со всей откровенностью и натурализмом отразили тему «хмельного питья», о чем уже кратко упоминалось выше. Интересно, что изредка удается проследить некую связь между отдельными высказываниями писцов. В Паремейнике (Тип-61, л. 17) Козьма Попович в свойственной ему образной манере просил у Бога дожить хотя бы до 80 лет и «пива сего напитися», а на л. 22 неугомонный дьяк уже жаловался на плохое самочувствие после пира: «Ох мне лихаго сего попирия [похмелья], голова мя болит и рука ся тепет [дрожит]». Разумеется, с трясущимися руками трудно работать даже профессионалу. Однако, невзирая на этот, казалось бы, очевидный факт, в Прологе Козьма с прежним энтузиазмом заявил: «Мне меду сего игумена сего Михаила Горьского зануди...», к сожалению, окончание предложения обрезано (Син-239, л. 76 об.). Впрочем, далеко не

³² Такое прочтение этого места см.: Каринский Н. М. Очерки из истории псковской письменности и языка. С. 7.

³³ Такое прочтение этого места см.: Там же.

³⁴ См.; напр.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. [7-е изд.]. М.: Рус. яз., 1980. Т. 4. С. 335.

все любители «хмельного питья» в таких же красочных выражениях, как Козьма Попович, описывали свое тяжелое физическое и душевное состояние, наступившее после очередного возлияния. «Похмелен есмь», — лаконично сообщил в Прологе, (Тип-174, л. 31) книгописец, и снова на л. 34, еще более скупое: «Похмельн», и опять, правда с несколько большим интервалом, на л. 92: «Похмельн есмь». Лаконизм, конкретность и документальная точность изложения вообще характерны для записей бытового содержания. «Поехати пить в Зряковици», — четко обозначены цель и конечный пункт предстоящей поездки в Октоихе (Тип-67, л. 79). (Кстати, с. Зряковичи в Псковской земле впервые упомянуто в летописях только под 1455 г.³⁵, то есть лишь спустя 81 год после приведенного известия писца.) «Господи, помилуй игумена: напоил братию медомь на сии день» — также предельно ясно сформулирована мысль в Минее служебной (июнь, перв. пол. XIV в. Тип-116, л. 132). По предположению А. А. Покровского, названный здесь настоятель — это известный игумен Зосима («Изосим»), давший вкладом в управляемый им Пантелеймонов монастырь Апостол 1307 г. со знаменитой цитатой Домида³⁶. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что этот кодекс изготовлен в монастыре, ибо его создатель выразил благодарность игумену от лица жившей в нем братии.

Таким образом, следует признать, что, когда средневековый книгописец извинялся перед читателем за ошибки в тексте, допущенные им по причине пьянства, это не было всего лишь простой данью традиционной формуле самоуничижения, напротив, такие заявления могли иметь под собой вполне реальное основание. «А чи буду кде помялся в своей грубости и пьянстве, отци и братья, исправяче чтете и Бога деля, а мене не кленете», — просил прощения все тот же дьяк Козьма Попович, чувствуя за собой конкретную вину (Син-239, л. 2106).

Характеризуя с этой стороны психологию средневекового книжника, А. Д. Седельников справедливо отмечал: «Фольклор питал мысль псковского писца XIV в., а хмельное питье поддерживало охоту к светской песне и прибаутке... Неудивительно, что даже церковный канон в такой атмосфере мог разбавляться мотивами, вовсе на него непохожими. Так, <...> поп Тимофей, автор записи... восклицает: „...красно патък поеть весн[е], гн[у]сному жалък слышати. Поити хоцу ко Царугороду, а песень поя, благословите Господа, пойте, превъзн[еси]те Его...» [ср. Псалтирь LXVII,5, 33 — В. К.]. Символика красно поющей птицы „весне“ (... „весной“) вводит нас в область весеннего фольклора, где этот символ один из самых излюбленных. Противопоставляя себя, поющего, какому-то „гнусному“, с досадой или со скорбью слушающему певчую птичку, поп Тимофей [захотевший отправиться в Константинополь — В. К.] далек, конечно, от аскетизма, от нетерпимости церковного начетчика»³⁷.

Вместе с тем было бы ошибкой представлять псковские записи только как тексты мирского, фольклорного содержания. В большинстве случаев в одной и той же рукописи чередуются светская и конфессио-

³⁵ Псковские летописи/Изд. подгот. А. Н. Насонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 1. С. 52—53; То же. М., 1955. Вып. 2. С. 49, 141.

³⁶ Основанием для такой гипотезы послужила находящаяся в этом же кодексе частично обрзанная запись: «...Спаси, Господи, помил[и] игумена Изоси[му]», сделанная, одна-

ко, другим почерком, мелким полууставом (Тип-116, л. 4). (Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. С. 72, 142—143).

³⁷ Седельников А. Д. Литературно-фольклорные этюды. С. 69—70.

нальная темы. Не касаясь эмоциональных обращений к небесным силам, цитат, реминисценций и аллюзий из церковной литературы, следует отметить сообщения религиозно-бытового характера, продолжающие традицию натуралистического отражения действительности. Наиболее типичные примеры таких известий представлены в Октоихе: «Поити на вечернюю на память святого мученика Климьян[та]»; «Поити на вечернюю»; «Поехати на Гору к свят[е]и Богородици молитис о своем спасении» (Тип-67, л. 77, 82, 81). (Каменная церковь Богородицы на Снетной горе, находящейся близ Пскова, была построена в 1310—1311 г.)³⁸. Такие записи имеются и в тематически разнообразном наследии Козьмы Поповича. Все они, как и приведенные выше, точны, сдержаны и лаконичны: «Поити на заутренюю»; «Поидим собе на Вибуте к святому. . . [далее затерто]» (Син-239, л. 86, 49). (Погост Выбута расположен на берегу р. Великой, вверх от Пскова.)

Профессиональные переписчики книг — монахи, священники, дьяки, миряне и др. — были одними из наиболее образованных и ученых людей своего времени. У нас есть все основания полагать, что Андрей, «поп Микулинский», участвовал в политической жизни своего города. Еще А. А. Покровский указал на то, что в Псковской третьей летописи под 1327 г. среди псковских послов к кн. Московскому Ивану Даниловичу Калите — старейших бояр, возглавляемых посадником Селогой, — назван Андрей, «поп святого Николы»³⁹. Это посольство было организовано в один из критических моментов в истории Пскова: после начала против него военных действий войсками Ивана Калиты, по наущению которого киевский митрополит Феогност проклял и отлучил от церкви бежавшего в Псков тверского кн. Александра Михайловича и всех псковичей. В целом посольство справилось со своей задачей — угроза разорения от Пскова была отведена — в чем немалая заслуга принадлежала, видимо, и священнику Андрею. Враждующие стороны заключили вечный мир «по старине», а митрополит Феогност и новгородский архиепископ Моисей в честь этого события благословили весь Псков и посадника Селогу. Более чем вероятно, что писец Андрей, отец дьяка Козьмы, и посол Андрей, оказавшийся в такой блестящей компании, — одно и то же лицо.

Не удивительно, что среди псковских записей, наряду с известиями сугубо личного и бытового характера, также имеются летописные заметки, иногда содержащие ранее неизвестные сведения или существенно дополняющие другие исторические источники. Однако, как и псковские летописцы, авторы записей по преимуществу интересовались местными, а не общерусскими событиями. Так, Козьма Попович сообщил, что в 1313 г. кн. Борис Псковский «въшьл в Пльсков, а на Горе церковь почаша писати» (Син-172, л. 202г), то есть стали расписывать церковь Рождества Богородицы в Снетогорском монастыре, о которой говорилось выше. Писец Марко Вечерович Демидов сын упомянул о нападении псковичей в 1369 г. на «посад у Кирьяпигя» — ливонский г. Киремпе (Параклитик 1369 г. Син-837, л. 136 об. — 137). Поп Савва рассказал о возведении в 1374 г. церкви «Кюрил святыи» — каменной церкви Кирилла Иерусалимского у Смердья моста «над греблею»⁴⁰, о

³⁸ Псковские летописи. Вып. 1. С. 14; То же. Вып. 2. С. 22, 88.

³⁹ Псковские летописи. Вып. 2. С. 91; Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское

письменное наследие. С. 84.

⁴⁰ Псковские летописи. Вып. 1. С. 23; Там же. Вып. 2. С. 28, 105.

приезде во Псков новгородского архиепископа Алексея, о том, что «псковичи гадают град Пскова прияти на новое Възнесение» (Тип-67, л. 95) — по предположению А. А. Покровского, думают, советуются о строительстве новой церкви Вознесения Господня⁴¹. Дьяк св. Софии Стефан Заскович уведомил о том, что в пожаре 1386 г. «погоре Псковъ горѣдъ всѣ» (Син-838, л. 182 об.), и т. п.

Язык записей исторического содержания имеет много общего с языком псковских летописей. Прежде всего, это наличие диалектизмов, лаконизм, а иногда и образность изложения. Стилистическое сходство между ними хорошо видно на примере двух известий о небесных явлениях. «В лето 6820 [1312], месяца июля в 5, бысть знамение на небе в солнци: третья часть погыбе солнца, яко то обедню отпети», — читаем в Шестодневе запись Козьмы Поповича о взволновавшем его событии (Тип-76, л. 111 об.). Лингвистическая и композиционная организация этой заметки ничем не отличается от следующего свидетельства Псковской первой летописи под 1486 г.: «Того же лета бысть знамение в солнци, погыбло все не на мног час, месяца марта в 6 [в другом списке добавлено: „день”]»⁴². В образно-повествовательной манере, напоминающей поэтические места летописных сводов, сделано знаменитое сообщение Домида о битве между Юрием Даниловичем Московским и Михаилом Ярославичем Тверским «о княжене Новгородское» (Син-722, л. 180б), в состав которого в то время входил Псков. Именно поэтому междоусобная распря князей «на Русьской земли» так взволновала псковского книжника.

Наряду с оригинальными записями, в кодексах XIV в. представлены цитаты из Священного Писания, церковно-учительных произведений, апокрифов, фольклора и даже летописей. Иногда эти цитаты имеют немаловажное значение для изучения истории литературного памятника. Достоинно внимания написанное крупным уставом XIV в. в Прологе (Тип-157, л. 135 об.) известие о смерти Всеволода Мстиславича, псковского князя в 1137—1138 гг., признанного местным святым и защитником Пскова: «В лето 6645 [1137], месяца февраля в 13 день преставися благоверны князь Всеволод Мьстислалци в Пльскове-граде и положен бысть в святеи Троици» (то есть в Троицком соборе в Кремле — патрональной святыне Пскова). Текстологически это сообщение близко псковским летописным сводам, откуда оно и было заимствовано: «Того же лета преставися [в другой редакции добавлено «благоверный»] князь Всеволод во граде Пскове, месяца февраля в 11 день, в четверток сырныне недели; а в неделю положен бысть в церкви святыя Троица, ея же бе сам создал»⁴³.

Таким образом, средневековый книжник предпринял попытку возысать местного святого до общеправославного уровня.

Ранее выявленные и введенные в научный оборот древнейшие цитаты русского извода из «Беседы трех святителей» датированы лишь XV в.⁴⁴ Между тем в Прологе (Тип-179, л. 140) почерком XIV в. написана «зага[д]ка: кая два супостата борьтася?» (ответ: жизнь и смерть). Кстати, это далеко не единственный случай употребления в XIV в.

⁴¹ Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. С. 65—66.

⁴² Псковские летописи. Вып. 1. С. 80.

⁴³ То же. С. 10; То же. Вып. 2. С. 19, 77; Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское

письменное наследие. С. 80.

⁴⁴ Лурье Я. С. Беседа трех святителей//Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. (Вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. А—К. С. 92.

вопросов из данного апокрифа в русских рукописях, созданных в разных языковых ареалах⁴⁵.

Интересны «скрытые» цитаты из литературных произведений. Например, фразу «ночь успе, а день приближися» (Тип-61, л. 57; она же повторена на л. 76) с первого взгляда можно принять за самостоятельное свидетельство дьяка Козьмы о работе в ночное время. В действительности же подобное изречение употреблено в Послании к римлянам апостола Павла (XIII.12) и в проложном «Поучении на Благоушение святой Богородицы», где говорится: «Ночь успе, а [еще одно слово „ношь“ затерто] приближися день» (Тип-177, л. 286).

Закономерен вопрос, почему такое необычное отношение к церковной книге было в Псковской земле? Ответ на него находим в особенностях духовной и социально-экономической жизни Псковской республики. Примеры можно приводить бесконечно, поэтому мы остановимся только на двух наиболее ярких документах. «Послание о попах» митрополита Московского Симона и «Послание» игумена Псковского Елеазаровского монастыря Памфила, хотя и написаны в самом нач. XVI в. — в последние годы независимости Пскова, однако посвящены проблемам, которые своими корнями уходили в далекое прошлое, в том числе и в XIV в. Темой «Послания Симона», включенного в Псковскую первую летопись под 1504 г., стали грубые нарушения норм церковной и монастырской жизни в Псковской епархии, слухи о которых дошли даже до вел. кн. Московского Ивана III и его сына Василия III. Оказалось, что многие овдовевшие священники и дьяконы, взяв себе наложниц, продолжали служить в церквях. Некоторые из вдовцов, скрываясь, уходили в отдаленные области и там, выдав любовниц за своих жен, по-прежнему занимались богослужением. Кроме того, случалось, что «в монастырех в одном месте жили черньцы и черницы, а служили у них игумены»⁴⁶. Вот уже, действительно, как писал Козьма Попович: «Подобаеть чернью, продавше манотью, и купити себе...» В «Послании» обстоятельно рассмотрены эти недопустимые проступки и намечены меры борьбы с ними. В заключении же Симон запретил «упившимся допьяна» женатым священникам и дьяконам на следующий день отправлять церковную службу. Из «Послания» игумена Памфила, помещенного в Псковскую первую летопись под 1505 г.⁴⁷, хорошо видно, насколько даже в нач. XVI в. в Псковской области были сильны языческие обычаи и верования. Согласно свидетельству Памфила, в ночь на древний народный праздник Ивана Купалы с 23 на 24 июня, совпадающий с христианским праздником Рождества Иоанна Предтечи, чуть ли не весь Псков впадал в неистовство и наслаждался всевозможными непотребными, по мнению игумена, игрищами. В таком культурно-историческом контексте отношение псковичей к книге в XIV в. становится более понятным и объяснимым.

В отличие от многих древнерусских оригинальных и переводных произведений о «почитании книжном», излагающих ортодоксальную точку зрения на этот предмет, а потому нередко схоластично и отвле-

⁴⁵ См., в частности, Паремейник 1348 г. (Тип-52, л. 62 об.): «Мертвец поеть, а гроб ходять» (пророк Иона, поющий песнь Богу во чреве китовом); Паремейник XIV в. (ГИМ, собр. Музейское, № 2885, л. 69 об.): «Загодь-ка: заяць пробеже, а ловець уто[нул]» (про-

рок Моисей, вместе со своим народом перешедший Красное море, и утонувшие в нем преследователи — войска фараона).

⁴⁶ Псковские летописи. Вып. 1. С. 89.

⁴⁷ Там же. С. 90—91.

ченно рассуждающих на данную тему, псковское наследие позволяет взглянуть изнутри, как на деле относились к книге «любители душепитательных словес» — заказчик, писец и читатель. В результате получается парадоксальный вывод: главным образом в церковных, освященных божественным авторитетом книгах, возник и развивался, по существу, самостоятельный жанр средневековой письменности, тесно связанный с фольклором. Для этого жанра характерны свои принципы построения текста, особые композиция, архитектоника и даже, как считают исследователи, несколько отличная от основного письма кодекса графическая система.

Итак, насколько можно судить по сохранившимся источникам, в псковской книжности XIV в. появились такие мастера, как дьяк Козьма Попович, под пером которых, казалось бы, обыкновенная, общепринятая манера делать записи превратилась в своеобразное искусство и достигла расцвета. В ряде случаев запись перестала выполнять свою основную функцию — содержать конкретную информацию об истории книги, а стала самоцелью, способом проявления личности автора со всеми ее особенностями восприятия и осмысления мира⁴⁸. Именно поэтому псковское рукописное наследие представляет собой ценный источник, по которому можно судить о духовной культуре и жизни великорусского народа.

Условные обозначения рукописей

Шифры применены только для тех источников, на которые в тексте сделаны ссылки более одного раза.

Син-15 — Апостол апракос 1309—1312 гг. (ГИМ. Собр. Синод, № 15).

Син-172 — Последние пять листов Тип-61, случайно приплетенные к Минее служебной, март—апрель, кон. XIV в. (Там же. № 172. Л. 198а—202г).

Син-239 — Пролог, сентябрь—февраль, 1313 г. (Там же. № 239).

Син-722 — Апостол апракос 1307 г. (Там же. № 722).

Син-838 — Параклитик 1386 г. (Там же. № 838).

Син-932 — Ирмологий 1344 г. (Там же. № 932).

Тип-61 — Паремейник 1312—1313 гг. (ЦГАДА,

Ф. 381. Собр. б-ки моск. Синод. тип, № 61). Тип-67 — Октоих избобрный 1374 г. (Там же. № 67).

Тип-76 — Сборная рукопись, в состав которой входят Шестоднев служебный около 1312 г. (л. 1—132 об.) и Часослов с добавлениями втор. пол. XIV в. (л. 133—248). (Там же. № 76).

Тип-81 — Параклитик XIV—XV вв. (Там же. № 81).

Тип-116 — Минее служебная, июнь, перв. пол. XIV в. (Там же. № 116).

Тип-157 — Пролог, сентябрь—февраль, перв. пол. XIV в. (Там же, № 157).

Тип-174 — Пролог, март—август, перв. пол. XIV в. (Там же. № 174).

Тип-177 — Пролог, март—август, нач. XIV в. (Там же. № 177).

Тип-179 — Пролог, март—август, перв. пол. XIV в. Там же. № 179).

⁴⁸ См. также: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984. С. 93—100.

В настоящем разделе помещены сведения о рукописных материалах, поступивших в фонды отдела рукописей в 1986 г. К ним относятся рукописи, включенные в Собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции (ф. 722); рукописи, присоединенные к ранее поступившим собраниям; рукописи, пополнявшие Коллекцию единичных поступлений архивных материалов (ф. 743); новые архивные фонды и рукописи, присоединенные к ранее поступившим архивам.

Собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции возросло за 1986 г. на 32 ед. хр. Самые древние из них — пергаменный Молитвенник втор. пол. XV в. на немецком языке (№ 482) и пергаменный Часослов кон. XV в. (№ 483). Первая из названных рукописей писана готическим книжным письмом и может служить хорошим образцом немецкой рукописной книги XV в. Анализ состава молитв избранным святым, помещенных в рукописи, позволяет сделать вывод, что она была создана в Нюрнберге, в особенности же — Баварии, а в молитве св. Зебальду, который был патроном Нюрнберга, сказано, что ему «поручен и отдан этот город». Вторая рукопись представляет собой замечательный памятник искусства книги средневековой Европы. Она писана четкой и изящной бастардой — письмом, получившим распространение во французских скрипториях втор. пол. XV в. По количеству миниатюр и разработанности иконографии эта рукопись превосходит все однотипные ей памятники в фондах отдела. Обилие владельческих записей позволяет проследить историю почти трехсотлетнего существования Часослова. Самостоятельное научное значение имеют и помещенные в этой рукописи хроникальные записи перв. пол. XVII в. семьи Жюлио (Juliot), жившей в Труа и Вильморе. Данная рукопись является поистине ценнейшей жемчужиной среди всех поступлений 1986 г. и заслуживает монографического исследования и публикации.

Из славяно-русских рукописных книг самая ранняя рукопись — Апостол, написанный на русском Севере на рубеже XVI—XVII вв. поморцем Гаврилкой Федоровым сыном Томихи и проданный им в августе 1603 г. «Невеже Дементьеву сыну да Ивану Кондратьеву сыну» за 60 алтын с гривною (№ 484).

Из других рукописей заслуживает особого внимания уникальный список популярного литературного памятника средневековой беллетристики — Александрии (сербской) (№ 485). Этот список замечателен прежде всего тем, что по времени своего создания — перв. треть XVII в. — он современен той разновидности текста, которая в нем представлена, и дает исследователям ценный материал для изучения его истории. Интерес у исследователей рукописной книжности должны вызвать списки Великого зеркала (№ 490) и Звезды пресветлой (№ 488). Первая рукопись датирована третьей четв. XVIII в., а вторая кон. XVII (или нач. XVIII) в. Обе они представляют научный интерес для исследователей русской переводной литературы и ее судьбы на русской почве.

Несомненный интерес как сборник чрезвычайно популярных в читательской среде апокрифических текстов представляют лицевые Страсти Христовы, Житие Василия Нового и Видение Григория в списке ок. (не позднее) 1732 г. (№ 487).

Внимание исследователей старообрядческой литературы должен привлечь Сборник старообрядческий в списке посл. четв. XIX в., содержащий большое число старообрядческих сочинений, в том числе XVII в. (№ 505).

Большое место среди новых поступлений рукописных книг занимают певческие рукописи XVIII—XX вв. (№ 493, 494, 497, 499—501, 503, 506, 508—511, 513).

В 1986 г. пополнились и ранее поступившие собрания. Так, собрание егорьевского коллекционера Г. Г. Юдина (ф. 594) пополнилось 10 ед. хр. На 1 ед. хр. увеличилось Рязанское собрание (ф. 735) и Саратовское собрание (ф. 737). Собрание М. И. Чуванова (ф. 775), хранящееся в отделе рукописей ГБЛ с 1980 г., также увеличилось на 1 ед. хр. за счет переданного из НИО истории книги печатного Соборного уложения 1649 г., дополненного рукописными «новоуказными статьями» и грамотами царей Ивана V и Петра I казанским воеводам в списках кон. XVII в. — нач. XVIII в. (ф. 775). Ранее эта книга хранилась в составе коллекции старопечатных книг М. И. Чуванова. Ряд ценных рукописей поступил также из коллекции современного московского собирателя А. И. Шлагина (ф. 818), в том числе отрывок из пергаменного Бревиария втор. пол. XIII в., писанный на латинском языке.

В 1986 г. поступило также несколько арабских рукописей XIX в.; одна из них была подарена отделу армянским католическим священником из Камышлы А. Айвазяном (Сирийская Арабская республика), которому отдел рукописей приносит глубокую благодарность.

Собрание тибетских рукописей (ф. 186) пополнилось замечательной рукописной книгой нач. XVIII в., воспроизводящей текст «Алмазной сутры». Текст рукописи писан золотом на синей бумаге с прокладками между листами, что делалось в особо торжественных случаях. Данная книга представляет собой большую ценность как образец старинного тибетского книжного искусства, поскольку подобных рукописей не было ни в тибетском фонде в Ленинграде, ни в нашем отделе.

Самая ранняя рукопись в Коллекции единичных поступлений архивных материалов (ф. 743) относится ко втор. пол. XVII в. Это Полицейское уложение г. Зонненбурга (земля Франкфурт) (1671 г.?), на немецком языке, представляющее интерес для исследователей истории Германии.

Внимание литературоведов привлекут сборники поэтических, прозаических и драматических сочинений русских и иностранных авторов перв. пол. XIX в. Среди них следует отметить Сборник списков произведений А. С. Пушкина, К. Ф. Рылеева, И. И. Козлова, М. А. Дмитриева 1829—1833 гг.

Материалы архива Якушкиных, потомков декабриста И. Д. Якушкина — фотографии, биографические документы, воспоминания — важны для изучающих историю декабристского движения.

В отдел рукописей поступили богатейшие архивы: рода Шереметевых (втор. пол. XVIII в — 1950-е гг.) (ф. 817), чл.-кор. АН СССР, директора Института русского языка АН СССР, лауреата Ленинской премии Ф. П. Филина (ф. 816). Несомненно интерес исследователей вызовут документы архивов: советского психолога, акад. Б. М. Теплова (ф. 815); чл.-кор. Академии архитектуры Н. И. Брунова (ф. 812).

В 1986 г. пополнились новыми документами 22 фонда, в их числе

архивы А. Белого (ф. 25), Зенгеров (ф. 761), А. С. Зерновой (ф. 799), Елагиных (ф. 99), И. М. Кауфмана (ф. 640), В. И. Невского (ф. 384), В. К. Пискорского (ф. 604), Н. А. Рубакина (ф. 358), Сабуровых (ф. 667), В. Я. Шишкова (ф. 555).

Многие из описанных в настоящем разделе рукописей, архивов получены в дар от Д. Г. Андреева, Ю. И. Бутейко, З. К. Войтинской-Зйхенгольц, С. В. Зотовой, К. М. Ивановской, Т. Н. Каменевой, Л. А. Кузнецова, Е. П. Михайловой, Л. В. Невской, С. П. Парфеновой, В. М. Проскурина, М. В. Солодовниковой, Т. И. Сухомлиной, И. Б. Теплова, М. В. Толмачева, В. В. Трубецкого, О. С. Харченко.

Отдел рукописей выражает глубокую благодарность дарителям, всем оказывавшим содействие в комплектовании фонда рукописей библиотеки.

Рукописи, вошедшие в Собрание единичных поступлений рукописных книг, расположены и зашифрованы в хронологическом порядке и описаны Л. И. АLEXИНОЙ (№ 485, 496, 507), М. В. Байдиной (№ 482, 483, 491), Л. А. Ольшевской (№ 498), Ю. Д. Рыковым (№ 486, 489, 498, 502, 505), Н. Б. Тихомировым (№ 489, 500) и Н. А. Щербачевой (№ 484, 487, 488, 490, 492—495, 497, 499, 501, 503, 504, 506, 508—513).

Описания рукописей, присоединенных к ранее поступившим собраниям, подготовлены Ю. Д. Рыковым (1—10, 12, 13) и Н. А. Щербачевой (11).

Руководитель работы и составитель описания новых поступлений рукописных книг в ф. 722 и другие фонды — Ю. Д. Рыков.

Описание документов, включенных в Коллекцию единичных поступлений архивных материалов (ф. 743), подготовлено Ю. В. Анхимюком (56.1), М. В. Байдиной (56.2), Ю. Н. Лубченковым (59.24, 26), В. Ф. Молчановым, Е. И. Соколовой (56.5; 57.5, 7—8; 58.1; 59. 1—21, 27—28), А. Б. Сидоровой (56. 9,10), Е. И. Соколовой (57. 1—3; 59.22—23), И. Т. Трофимовым, (56.6—8; 57.4), А. Д. Червяковым (56.4; 59.25).

Справки о новых архивах и присоединениях и хранящимся в отделе рукописей фондам составлены: Т. М. Макагоновой (15), В. Ф. Молчановым (5, 8, 20, 24, 26), Е. П. Мстиславской (3, 4, 16), Л. Ф. Рябченко (10), А. Б. Сидоровой (7, 17, 18), Е. И. Соколовой (9, 14, 21, 23, 25); А. Д. Червяковым (2, 6, 11—13, 19, 22), А. Н. Шахановой (1).

Составитель описания новых поступлений архивных документов — Л. Ф. Рябченко.

Рукописи, пополнившие в 1986 г.

Собрание единичных поступлений

рукописных книг древней традиции (ф. 722)

№ 482. Молитвенник. Без нач. и кон., с утратами в середине.

Втор. пол. XV в. [Бавария, Нюрнберг]. Нем. яз. Пергамен. Готическое книжное письмо. 202 л. 8° (8,5×6,5). Переплет отсутствует. Пергамен тонкий, хорошей выработки. Разлиновка чернилами. Чернила темно-коричневые. Заглавные буквы в тексте отмечены красным штрихом. Заголовки, рубрики киноварные. На нижнем поле л. 199 следы смытой записи с датой: 1505 (?). На л. 85 об., 87, 87 об., 90 об. — про-

бы пера, запись алфавита, дата: 1667 (? л. 90 об.). На л. 120 об., 159—160, 166—167 об., 186, 199—201 одной и тою же рукой многочисленные пробы пера, вычисления, обрывочные записи молитв, два раза повторяется дата: 1706 (л. 160, 199 об.), на л. 124 об. — имя: «Iohannis b... Lüdwig».

Орнамент. инициалы (25) на цветном или золотом фоне, часто заключенном в рамку контрастного цвета, по фону — филигранный орнамент золотом или желтой краской (по золотому фону он процарапан); по инициалу нанесен филигранный орнамент более бледного, чем основной цвет, оттенка. Красная, синяя, зеленая, желтая, розовая краски, твореное золото. Малые и средние красные и синие инициалы, часть из них — с орнамент. отростками.

Содерж.: Часы Богородицы Скорбящей («Dise tagzeit vil andechtig von de(n) mitleiden der Hochviridigen Ju(n)chfrawen Marie sein gemacht und besittigt durch den heiligen vater und babst Iohan(n)es den XXII...»); (л. 1—64 об.); гимны на часах Богородицы Скорбящей («Dyse nachuolgend verß solte sprechen zu der vorgeschribnen tagzeiten zu einer yetzlichen tagzeit vier mit den versicheln und der collecten wy hernach vertzeichent ist») (л. 65—70 об.); молитвы разные, без нач., со слов: «...be in der er mitleiden in dienem muterliche(n) Schmerzen...» (л. 71—120 об.); молитвы избранным святым, без нач., со слов молитвы (к 12 апостолам?): «Im wasser und dem Heiligen Geiste newgeporen ist. Среди имен святых: s. Liennart, s. Sebolt, s. Wolfgang, s. Heinrich, s. Kunngundt, s. Otilia. На л. 162 об. — 165 об. молитвы папы Иоанна XXIII. Нач.: «Wer diß nachuolgend gepete sprict allen gelaubigen...» (л. 121—199).

В раздел молитв избранным святым обращает на себя внимание преобладание имен святых Южной Германии, в особенности же — Баварии: св. Леонард, св. Оттилия, св. Вольфганг (патрон Баварии, Регенсбурга, Аберзе), свв. Генрих и Кунигунда (патроны Бамберга, Регенсбурга, Базеля), св. Зебальд (патрон Нюрнберга). Что касается последнего имени, то в молитве св. Зебальду (л. 146 об.) говорится, что ему «поручен и отдан этот город», из чего можно сделать вывод, что рукопись была создана именно в Нюрнберге. Не противоречат этому выводу и особенности языка рукописи, свидетельствующие о ее южногерманском происхождении.

№ 483. Часослов. («Horae [ad usum Romanum]»).

Кон. XV в. Франция. Пергамен. Лат. и франц. яз. Бастарда. 157 л. 4° (16,3×10,5). Переплет — картон, обтянутый белым пергаменом с золотым тиснением в стиле ампир. По корешку вытиснено: «Manuscrit du XV-me siècle chez de miniatures». Рукопись, по-видимому, переплеталась не раз. Пергамен белый, прекрасной выделки. Разлиновка красными чернилами. Чернила темно-коричневые. Заголовки, рубрики киноварные. На л. 1 об. запись: «Ce(s) heur(s) sont est(es) (?) relie(s) A Lion au moys d'aparil (sic) 1595».

На л. 1—5, 151 об. — 153 записи о рождении, крещении, смерти членов семьи Жюлио (Juliot), проживавшей в Труа и Вильморе (Villemor, департамент Об), за 1618—1636 гг. На нижнем поле л. 6 угасшая запись с датой 1730 г. На л. 1 запись на французском языке о количестве миниатюр (56) в рукописи с приблизительной ее датировкой («probablement du 15-e Siècle»); этим же почерком на обороте верхней крышки переплета указаны старые шифры (?): «126», «36». На л. 1 имеется

также дарственная запись на пол. яз. кн. Владислава Любомирского Томашу ЗамоЙскому, сделанная в Варшаве 5 июня 1871 г.

Миниатюры (61) можно разделить на три группы.

1) Композиции (5), занимающие почти весь лист целиком (оставлено лишь 3 строки текста) и состоящие из крупной миниатюры и архитектурной рамки, которая охватывает страницу снизу и справа; в рамку включены также сюжетные сцены и отдельные фигуры, развивающие тему основного изображения: л. 17 — Моление о чаше, в рамке — спящие апостолы, Лобзание Иуды и взятие Христа под стражу, евангелист Иоанн (?); л. 25 — Благовещение, в рамке — Адам и Ева у древа познания, ангелы (в нишах); л. 72 — Сошествие Св. Духа, в рамке — Голубь — символ Св. Духа, коленопреклоненная мужская фигура (заказчик?) и синий гербовый щит без изображения, поддерживаемый двумя «дикарями»; л. 76 — Молящийся царь Давид, в рамке — фигуры играющих на музыкальных инструментах и Битва Давида с Голиафом; л. 86 — Иов на гноище, в рамке — Пляска смерти и изображение умершего. 2) Миниатюры меньшего размера (9 строк текста в высоту), сопровождаемые такой же архитектурной рамкой (14): л. 9 — ап. Иоанн и диктующий ему ангел, в рамке — изображение казни распятием и ап. Иоанн в лодке; л. 36 — Встреча Марии и Елизаветы, в рамке — Явление ангела Иосифу; л. 43 — Мария и Иосиф у яслей, в рамке — Благовествование пастухам; л. 45 об. — Пастухи, над ними — рождественская звезда, в рамке — пастухи и стадо овец на фоне ландшафта; л. 48 — Поклонение волхвов, в рамке — войско, предводительствуемое Иродом и Избиение младенцев; л. 50 об. — Святое семейство, в рамке — Избиение младенцев; л. 53 — Очищение Марии, в рамке — принесение в жертву агнца и изображения двух женских фигур, одна из которых с младенцем на руках, другая держит петуха; л. 57 — Коронование Марии, в рамке — славословящие ангелы; л. 67 — Распятие, в рамке — ангелы с орудиями страстей и Воскресение; л. 116 об. — Христос—Вседержитель, в рамке — славословящие ангелы; л. 118 — Страждущий Христос (*imago pietatis*) в рамке — ангелы с орудиями страстей; л. 118 об. — Благовещение, в рамке — славословящие ангелы; л. 119 — Троица (*thronus gratiae*), в рамке — славословящие ангелы; л. 144 — Встреча Иоакима и Анны, в рамке — Рождество Девы Марии и Введение во храм. 3) Для заключительной части рукописи, содержащей молитвы избранным святым, характерно сочетание миниатюры такого же, как и в предыдущей группе формата с цветочным бордюром, часто с включением дролери, изображений ангелов, птиц, насекомых. В ряде случаев встречаются ленты с надписями (*nomina sacra* и, по-видимому, сокращения молитвенных формул). Поле бордюра часто расчленено геометрическими фигурами (полосами, лентами, овалами, ромбами и др.); они могут быть золотофонными и в таком случае несут тот же орнамент, что и в основной части бордюра; в другом случае по красному и синему их фону нанесен белый орнамент на основе листьев аканфа, а в центре на золотой полосе помещено изображение зеленого древесного ствола с обрубленными ветвями (этот мотив вообще часто встречается в орнаменте данной рукописи). Подобных композиций 42: л. 10 — Ев. Лука; л. 11 — Ев. Матфей; л. 12 — Ев. Марк; л. 12 об. — *Pietà*; л. 15 — Мария с младенцем; л. 120 — Архангел Михаил; л. 120 об. — Иоанн Креститель; л. 121 — Ап. Петр; л. 121 об. — Ап. Павел; л. 122 — Ап. Андрей; л. 122 об. — Ап. Иаков; л. 123 — Ап. Фома; л. 123 об. — Ап. Варфоломей; л. 124 — Собор апостолов;

л. 124 об. — Св. Стефан; л. 125 — Св. Викентий; л. 125 об. — Св. Лаврентий; л. 126 — Св. Христофор; л. 127 — Св. Георгий; л. 127 об. — Св. Дионисий; л. 128 — Св. Себастьян; л. 129 об. — Св. Антоний; л. 130 — Св. Власий; л. 130 об. — Св. Адриан; л. 131—10 000 мучеников; л. 131 об. — Св. Мартин; л. 132 — Св. Григорий; л. 132 — Св. Николай; л. 133 — Св. Клавдий; л. 134 — Св. Франциск; л. 134 об. — Св. Бернардин; л. 135 — Св. Иосиф; л. 136 — Св. Эдмунд; л. 136 об. — Св. Анна; л. 137 — Св. Мария Магдалина; л. 137 об. — Свв. Мария Клеопова и Саломия; л. 138 — 5 свв. дев (Екатерина, Маргарита, Марта, Варвара, Христина); л. 138 об. — Св. Екатерина; л. 139 — Св. Варвара; л. 139 об. — Св. Маргарита; л. 140 — Св. Аполлония; л. 140 об. — Мария с младенцем. Многочисленные мелкие и средние инициалы твореного золота на красном и синем фоне с золотым филигранным орнаментом; такие же завершения строк. Среди стилистических особенностей художественного оформления данной рукописи следует отметить обильное использование золота, в том числе для моделировки объемов и складок одежды. Бросается в глаза пристрастие художника к архитектурным изображениям, которые активно вводятся в пейзажный фон, а также используются как основное средство композиции миниатюры. Стилль архитектурных изображений отмечен явным присутствием итальянизирующих мотивов (кannelизованные колонны и пилястры, ниши с раковинами, имитация мрамора, подобие барельефов). Многие миниатюры рукописи включают пейзажные фоны, написанные умело и тонко. Художника отличает любовь к изображению ландшафтных видов с низким горизонтом, наиболее часто повторяется им мотив холмов и замков, тонущих в синеватой дымке; умелое использование различных оттенков лазури позволяет ему передавать впечатление глубины свето-воздушной перспективы. В целом стилистические особенности иллюминации данной рукописи позволяют соотнести ее с кругом памятников, создаваемых в это время в мастерских долины Луары, в особенности же — Тура и Буржа¹.

Содерж.: Календарь (памяти не на каждый день месяца); среди прочих имен: янв. 22 Vincentii (Киноварью), 27 Iuliani epi(scopi), 30 — Batildis; февр. 13 — Fulcra(nn)i; марта 4 — Aebini m(a)r(tyris), 27 — Ruperti, 29 — Quintini, апр. 30 — Sigismundi; мая 17 — Translatio Bernardi(nardi), 20 Bernardi (sic!), 21 — Helene regine, 25 — Translatio Francisci, июня 8 — Medardi; июля 4 — Translatio S. Martini; 13 — Privati, 22 Marie Magdalene (киноварью); авг. 3 — Inventio Stephani (киноварью), 19 — Ludovici, 21 — Privati; сент. 2 — Antonii, 10 — Salvii, 13 — Bricii epi(scopi), 19 — Elisabeth, 23 — Clementis (киноварью); дек. 1 — Eligii (киноварью), 10 — Eulalie, 18 — Gratiani (sic), 29 — Thome (киноварью) (л. 3—8 об.); отрывки из четырех Евангелий («Inicium S(an)c(t)i evangelii s(e)c(un)d(u)m Iohanne(m)». Ин. I, 1—14, в конце — versus, responsorium и молитва; нач.: «Protector in te sperantium...», Лк. I, 26—38. Мф. II, 1—12. Mk. XVI, 14—20 (л. 9—12 об.); «Or(at)i(o) devota. Obsecro te D(omi)na». (л. 12 об. — 15); «Or-

¹ См., напр.: Стерлигов А. Б. Часовник Людовика Орлеанского из Собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салты-

кова-Щедрина // Музей. М., 1986. Вып. 6. С. 84—115.

(ati)o ad Maria(m). O intemerata... O Iohannes beatissime Xp(ist)i familiaris» (л. 15—16 об.); Страстное евангелие (Ин. XVIII, I—XIX 42; в конце — молитва; нач.: «Deus qui manus tuas...» (л. 17—24); [Officium parvum B. M. V.]; на л. 60 об. — 66 уставные замечания об особенностях этой службы в связи с годовым литургическим циклом (л. 25—66); [Officium de Sancta Cruce] (л. 67—75); [7 psalmi poenitentiales] (л. 76—83); «Leta(nia) s. Marcialis, ... s. Stephane, s. Clemens, ... s. Sebastiane, ... s. Quintine, ... s. Silveste, s. Gregori, s. Nicasi, ... s. Remigi, s. Marcelle, s. Nycolae, s. Eligi, s. Egidi, s. Iuliane, s. Benedicte, s. Maure, s. Leobine, s. Sulpici, s. Leonarde, s. Guillaume, ... s. Magdalena...» (л. 83—85 об.); [Officium defunctorum] (л. 86—113) [7 молитв папы Григория I] («Nous trouons es escriptures que n(ot)re Saulueur Ihesu Crist saporut une fois...» (л. 113 об. — 114 об.); молитва; нач.: «Conditor celi et terre...» (л. 114 об. — 116 об.); «Or(ati)o ad d(omi)n(u)m no(strum) Ie(sum) Xp(istu)m. O bone Ih(es)u, o dulcissi(m)e Iesu fili Marie...» (л. 116 об. — 117 об.); «Or(ati)o deuota ad D(omi)n(u)m nostrum Iesum Christum. O bone Iesu per tuam mi(sericordi)am» (л. 117 об. — 118 об.); «Or(ati)o ad Beata(m) Maria(m). Saluto te Sancta Maria Salutatione...» (л. 118 об. — 119); «Com(m)emoration ad S(an)c(t)am Trinitate(m). Te Deum Patre(m) ingentum...» (л. 119—119 об.); [Suffragia sanctorum et sanctarum], среди имен: свв. Дионисий, Георгий, Христофор, Власий и Эгидий, св. Себастьян (с прозой), св. Франциск, св. Бернардин, св. Иосиф (с прозой), св. Эдмунд, св. Анна, св. Мария Магдалина, свв. Саломия и Мария Клеопова (Maria Iacobi et Maria Salome), св. Лазарь, св. Бонавентура; на л. 140 об. — 141 об. «Septem gaudia beate Marie» (л. 120—143); «Incipiunt hore deuote de Conceptione Beate Marie Virginis» (л. 144—151).

Особенности богородичной и заупокойной служб позволяют определить римский узус данного Часослова. В составе календаря и литаний преобладают французские святые, причем выделяется группа памяти, тяготеющих к северу и северо-западу Франции: s. Nicasius (Руан), s. Firminus (Амьен), ss. Eligius, Medardus (Нойон), ss. Vincentius, Iulianus, Victor (Ле-Ман), s. Albinus, Maurilius (Анже), s. Briccius, Gatianus (Тур), ss. Dyonisius, Marcellus (Париж) и др. Подобной локализации не противоречит и стиль иллюминации рукописи, позволяющий, как уже говорилось, сблизать ее с работами мастеров долины Луары. Следует отметить также наличие в календаре ряда типично францисканских праздников. Terminus post quem данной рукописи содержит упоминание в молитвах избранным святым св. Бонавентуры, канонизированного в 1482 г.

№ 484. Апостол — список с печ. изд. 1597 г.

Кон. XVI — нач. XVII в. (не ранее 1597 г., не позднее 1603 г.; б. зн.: Лихачев, № 3104 — 1568 г.; Briquet, № 12736 — 1597 г.; Heawood, № 3536 — 1596 г.; Лихачев, № 4132 — 1600 г.; Briquet № 12806 — 1600 г.). Полуустав. 270 л. 1° (28,9×18,2). Переплет — доски в коже. В начале рукописи на л. 1—20 по нижнему полю вкладная запись, замаскированная чернилами. Не исключено, что запись датирована 1598 г. В конце, на л. 264—267 запись о продаже: «Се яз, Гаврилко Федоров сын Томиха, продал есми сию Апостол тетр Нежеже Дементьеву сыну да Ивану Кондратьеву сыну, а цены взял шестьдесят алтын з гривною, подписал своею ру[кою] Лета 7111 [1603 г.] августа в 13 день». На л. 270 запись писца Гаврилы Федорова сына Томихи с просьбой

исправлять ошибки. Внутренние стороны обеих крышек переплета оклеены документами XVII в. На обороте верхней крышки переплета плохо читаемая владельческая запись, которая повторяется на внутренней части нижней крышки: «Сия книга Апостол Устьянской Никольской волости деревни Золото...»

Инициалы киноварные с орнамент. отростками. В заголовках — вязь.

№ 485. **Александрия** (сербская). Без нач.

Перв. треть XVII в. (б. зн.-Дианова и Костюхина, № 1218—1626 г. и др.) с восполнениями втор. пол. XVII в. вначале. Скоропись. 246 л. 13,8×10,0. Переплет картонный, поздний. В качестве защитного (л. 246) использован лист с текстом письма (?). На внутренней стороне нижней крышки хозяйственные записи карандашом. На л. 4, 56, 80, 101, 106, 124 об., 153 об., 154 поздние (выцветшие и неразборчивые) записи на полях типа пробы пера, среди них: «Никитин сын Потапо[в]» (л. 61 об.), «Иванов» (л. 70), четверостишие (л. 103 об., 104 об.), запись на англ. яз. (л. 131 об.). В тексте имеется поздняя правка (замена буквенного обозначения чисел цифровым и др.). На л. 239—242 повторная концовка Александрии (повторение имеющегося текста почерком XIX в., с воспроизведением текста, видимо, утраченного последнего листа).

Заголовки, тонкие инициалы, маргиналии, — киноварь.

Список содержит русскую редакцию текста сербской Александрии.

Текст нач. со слов: «...цари, и ранами имат ранити Египет тебе ради. Да совокупи войство свое на брань и поиди противу им». Текст обрывается на словах: «...печал обдержаше велика от народа, и камене стенное».

№ 486. **Канонник**. Без нач., с утратами в середине.

Конволют, состоящий из дефектного печ. Канонника (М., 1636)² и рукоп. дополнений втор. трети XVII в. (л. 401—424; б. зн.: змея, обвиняющая крест над домиком, и буквы MR в гербовом щите под короной с контрмаркой DB; л. 425—441; б. зн.: типа Дианова и Костюхина, № 791 — 1646—1654 гг. и др.). Полуустав старопечатный, полуустав рукописный и полуустав рукописный с элементами скорописи. 447 л. 4° (17,1×13,0). Переплет — доски в тисненой коже. На корешке кожаная наклейка с тиснением: «Канонник 1636 Москва», а также 2 бум. наклейки с печ. номерами. Обрез окрашен голубой краской. На л. 16 об. и л. 359 записи почерком XVII в. с приведением слов отпуста. Тем же почерком на л. 147 об. приписана молитва богородице, а на л. 400 об. — сокращенный текст ектеньи. На л. 390 об. владельческая запись XVII в.: «Сия книга, глаголемая Канунник, церкви великомученика Христова Геор[гия...]» и другие записи. На л. 75, 144 об., 399 об. пробы пера. На бум. обклейке оборотной стороны нижней крышки переплета владельческая запись XIX в.: «№ 52. Андреяна Ерохина», ниже «№ 35-й». На л. 1 рукой [А. Е. Викторова] запись: «Канонник. Москва, 1636 г. Ундол. 406»³ (цифра «3» в дате исправлена карандашом из написанной ранее цифры «4»). Здесь же на верхнем поле старый шифр: «№ 2477». На бум. обклейке оборотной стороны верхней крышки карандашом: «35», «ЦС/5783», помета

² См.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках:

Сводный кат. М., 1958. С. 49. № 129.

³ См.: Там же.

[Н. П. Киселева]: «Москва. 14.IV.1636» и отметка: «7-й экз.». На л. 1 штамп Центрального книгообменного фонда при отделе комплектования ГБЛ. Рукоп. часть Канонника украшена киноварными тонкими инициалами и вязью.

Содерж. рукоп. части: канон Василию Великому, с тропарем (л. 401—407 об.); канон Григорию Богослову, с тропарем (л. 407 об. — 414); канон трем святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту, с тропарем (л. 414—419); «Чин и Устав на трапезе за приливом о здравии» (л. 419 об. — 423), евангельские чтения (л. 423—424 об.); канон великомученику Димитрию Солунскому (26 окт.), с тропарем (л. 425—429 об.); канон великомученику Георгию (23 апр.), с тропарем (л. 429 об. — 435 об.); канон святителю Леонтию Ростовскому (23 мая), с тропарем (л. 435 об. — 441).

№ 487. Страсти Христовы, Житие Василия Нового и Видение Григорию. Лицевые.

Ок. (не позднее) 1732 г. (см. владельческую запись; б. зн.: текст — Клепиков. Книга 1, № 892—1720, 1721, 1732 гг.; миниатюры — б. зн.: Клепиков. Амстердам, № 153 — 1732 г.). Мелкий полуустав. 246 л. 4° (19,8×15,0). Переплет — доски в тисненой коже. На внутренней стороне верхней крышки переплета частично читается владельческая запись: «1732 году. Сея книга, глаголемая [Цв]етник, дворцового се[ла] Даниловского посац[кого. . .] жителя Федора Ив[анова] с[ына] (?) Монзикова (?)». На защитном листе, частично приклеенном к верхней крышке переплета, имеется еще одна владельческая запись и пробы пера.

Миниатюры (80) — иллюстрации к тексту, — перо, чернила, с раскраской в акварельной манере, в нимбах — твореное золото (не совсем обычной иконографии). Заставки-рамки (2), перо, чернила. Инициалы киноварные с орнамент. отростками.

Содерж.: Страсти Христовы (л. 2—100); Житие Василия Нового — апокриф; содержит краткий вариант Видения Григорию, на что имеется указание на л. 171 об., и ссылка на источник — «печатную миною киевскую» (л. 102—111 об.); «Видение Григория чудно зело» (пространный вариант) (л. 173—241 об.).

№ 488. Звезда пресветлая. Без нач. и кон.

Кон XVII в. (нач. XVIII в.?) (б. зн.: Laucevicius, № 111 — 1696 г.; типа Гераклитов, № 1378 — 1680 г.). Полуустав. 180 л. 4° (16,8×14,5). Переплет — доски в тисненой коже.

Инициалы киноварные с орнамент. отростками, некоторые — с пышными.

Нач. со слов: «... от диавола на нас бывшья просвети и клятву нашу разори, ему же всяк должен благое творити». Кон. на словах: «... и венец пресветел на главе ея и изыде от куста некоего, идеже куст той облак. . .». В гл. 15 содержатся русские чудеса, в которых имеются существенные разночтения с известными списками (в частности, в названиях населенных мест).

№ 489. Псалтирь с воследованием.

Печ. изд. 1632 г. (л. 1—3, 5—169, 193—644, 651—692)⁴, дополненное рукоп. вставками посл. четв. XVIII в. (л. 170—192; б. зн.:

⁴ Описание данного изд. см.: Зернова А. С. Указ. соч. С. 40—41. № 93.

типа Участкина, № 482 — 1779 г.) и ок. сер. XVIII в. (л. 645—650; б. зн.: типа Участкина, № 19 и 20 — 1741, 1747 гг.) и кон. XVII — нач. XVIII в. (л. 4; б. зн.: герб Амстердама, близкий по изображению к № 133 в альбоме Т. В. Диановой и Л. М. Костюхиной (1690 г), но без контрмарки, так как в книгу вставлена только правая сторона целого листа). Полуустав. 694 л. 1°, 26,7×18,0. Переплет — доски в тисненой коже. По л. 6—10 помещена вкладная запись раздельной скорописью XVII в., частично заклеенная бумагой при реставрации нижних полей: «[146-г(о)] году [т. е. 1637/38 г. — сост.] положил сию книгу Псалтырь (ь) Иоанну Предотеци и Алексею митрополиту в дом казак сибирской Иоаники[й] Иоаким». На л. 1 писан указ о кафизмах 5 недели Великого поста. На л. 650—650 об. приписан сначала чернилами, а потом карандашом текст псалма 90 («Живые помощи»). На обороте нижней крышки запись молитвы.

В рукоп. части книги имеются заставка (л. 170) — примитив геометрических форм, — перо, чернила, киноварь, а также инициалы тонкие киноварные, часть — с орнамент. отростками.

Содерж. рукоп. части: «Устав святых отец, богом преданный всем хотящим пети Псалтырь в молчании живущим иноком» (л. 170—172); покаянные тропари и молитвы, читаемые после кафизм (л. 172—192 об.); «Канон общий за всех умерших православных христиан; поем его в кельи в пяток вечер или на утренни в субботу» (л. 645—650).

№ 490. Великое зеркало.

Третья четв. XVIII в. (б. зн.: Клепиков, Книга 1, № 18—1756—1766 гг.). Скоропись. 100 л. 8° (16,1×9,9). Переплет — доски в тисненой коже. Обрез позолоченный, тисненый.

В начале оглавление (л. 1—5 об.).

Список содержит 77 глав и относится, по классификации О. А. Державиной, ко второй группе II типа списков Великого зеркала⁵. Текст начинается повестью «О непостижимстве св. Троицы» и кончается повестью об Удоне, епископе Магдебургском.

№ 491. Курс общей физики по Аристотелю (в изложении Иоанна Дунса Скота), составленный преподавателем базилианской школы в 1763 г.

Втор. пол. XVIII в. (1763 г.?) (б. зн.: двуглавый орел со скипетром и державой и литерой М на щите, с контрмаркой «рожок», не имеет точных соответствий в справочниках). Лат. яз. Курсив, автограф составителя (?). 4° (22,0×18,0). 131 л. Переплет — картон, корешок кожаный с примитивным тиснением. В тексте и на полях встречаются пометы и дополнения, сделанные более бегло тою же рукою, на л. 66 и 126 об. — по-славянски.

На л. 68—68 об. — рисунки-схемы (2) с изображ. устройства небесных сфер и движения планет, в 1-ю включен рисунок церкви в стиле украинского барокко, — перо, чернила.

Дата составления курса (написания рукописи?) встречается дважды: на л. 112 об. (27 февр. 1763 г.) и на л. 131 (15 апр. 1763 г.), где она включена в обширную запись-послесловие, в которой автор обращается к своим ученикам-читателям, «возрастающим в саду Ско-

⁵ См.: Державина О. А. Великое зеркало и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 155.

товой философии», а также называет покровителей своего труда: Екатерину Великомученицу, Василия Великого и Фому Аквинского (сочетание этих имен не оставляет сомнения, что перед нами базилианец).

В начале курса предисловие («In nomine Domini. Incipit Philosophia naturalis seu Physica» (л. 1) и введение («Absoluta jam caliginosa multisque difficultatibus obnubiscata Philosophia rationali ad amoenissima Philosophiae naturalis viridaria gressum facimus»...) (л. 1—3).

№ 492. «Вопросы со ответы...» и «Собрание от божественного писания о животворящем кресте...» — старообрядческие сочинения.

Посл. четв. XVIII в. (бум. 1783 г.). Полуустав. 136 л. 8° (16,4×10,8). Переплет — доски в тисненой коже. Обрез окрашен зеленой краской.

Заставка (1) — гравюра, наклеена на л. 1. В заголовках — киноварь.

Содерж.: «Вопросы со ответы, должны ведомы быти всем православным» — компилятивное старообрядческое соч. (л. 1—24 об.); «Собрание от божественного писания. О животворящем кресте Христове и о еже како подобает всякому православному христианину и священному чину слагати персты...» — компилятивное старообрядческое соч. (л. 25—128 об.).

№ 493. Ирмологий на крюковых нотах.

Кон. XVIII в. (6. зн.: Клепиков. Книга 1, № 660—[178.] г. Полуустав. 166 л. 1° (30,7×21,3). Переплет — доски в тисненой коже.

Заставки-рамки, заставки (7), маргинальные украшения в виде цветов на полях (3), инициалы (7), — орнамент старообрядческий среднерусского («гуслицкого») типа — в красках. На верхнем поле л. 1 об. наклеен фрагмент литографии — орнамент эклектического характера.

Нотация знаменная, с пометами и признаками. Фиты без разводов и разводы фит без знака фиты и указания на развод. Текст истинноречный.

В конце — розники.

№ 494. Октоих и Обиход, на крюковых нотах.

1795 г. (бум. 1792, 1794 гг.). Полуустав старообрядческий. 198 л. 1° (27,3×20,5). Переплет — доски в тисненой коже. Обрез окрашен зеленой краской. На л. 198 об. запись писца: «Окончена сия книга Октай в лето 7304 (1795 г.) октября 5. Ф. Я.».

Заставка-рамка, заставка, большие инициалы, — в красках, и киноварные инициалы с орнаментальными отростками. Все — старообрядческого орнамента, старопечатного типа (?). Концовки — перо, чернила, в заголовках — вязь.

Нотация знаменная, с пометами и признаками, демественная (л. 189, 195—196) и демество в знаменной нотации (л. 174, 176, 188 об., 194 об.). Есть указания на путь (л. 170, 170 об., 174 об., 194). Фиты без разводов и разводы фит со знаками фиты, вынесенными на поля, в том числе и в Октоихе.

Текст истинноречный. В песнопениях Обихода есть аненайки (л. 159).

Содерж.: Октоих (л. 1—156); Обиход (л. 157—198 об.).

Среди песнопений цветного и постного Обихода последования литургии — демественные и путевые в знаменной нотации, песнопения «в неделю Пасхи» демественной нотации, а также демественные и путевые в знаменной нотации и др.

№ 495. Отрывок из Устава церковной службе.

XVIII в. (?). Полуулав. 1 л. 8° (15,4×9,7).

Рукопись ранее была вложена в № 488.

№ 496. Чин погребения мирским человеком и «Служба над умершим младенцем», частично на крюковых нотах.

Нач. XIX в. (бум. 1802 г.). Полуулав. 37 л. 4° (24,0×19,8). Обложка — склеенные листы бумаги, с кожаным корешком; на внутренней стороне нижней крышки наклеен лист с хозяйственными записями. На полях карандашные пометы.

На л. 36 об. инициал с пышными орнамент. отростками. Заголовки и тонкие инициалы — «киноварь».

На л. 33—33 об. нотированный текст, раздельноречный и истинноречный. Нотация знаменная, с пометами и признаками.

Вначале (другим почерком) псалом 23-й (л. 1); стихиры «покойны» (л. 2; эти же стихиры в службе на л. 10); Чин «погребения мирским человеком» (л. 2 об. — 31 об.); «Служба над умершим младенцем» (л. 31 об. — 37).

№ 497. Стихира «на господи возвах» в неделю о расслабленном, глас 5, на крюковых нотах.

Перв. четв. XIX в. (бум. 1817 г.). Полуулав. 2 л. 1° (33,2×20,1).

Инициал киноарный с орнамент. отростками.

Нотация знаменная, с пометами и признаками. Разводы фит и лиц без знака фиты и указания на развод. Текст истинноречный.

Рукопись ранее была вложена в № 510.

№ 498. Сборник богослужебных текстов (в том числе с Месяцесловом) и выписей, старообрядческий.

1829 г. (бум. 1828 г.). Полуулав. 203 л. 16° (10,0×8,0). Переплет — картон в коже с небольшим тиснением, в тиснении позолота. Обрез крашенный. В конце рукописи (на л. 194—195 об.) писцовая запись с элементами тайнописи (цифровой, с ошибками): «Сия книжица выписана от истенных и древних книг святых отец в памет(ь) бл(а)гочистивых царей Иоанна Васильевича Грозного и Михаила Алексеевича (!) в лето от сотворения мира 7337-е, а от рождества Христова 1829-е лето. Написав ю аз. грешный и недостойный окоянный 154 158[Андрей]. . .». Его же запись на л. 196 об. — 197; «Сия книжка Симбирскаго пехотнаго полка унтер-фицера (!) Андрея Афонасиева, бывшего в 10-ти огнях в турецких приделах, и был ранен от турок в левую ногу пулею, которою лешылся ходить ею. Августа 31 дня 1828 года». В рукописи несколько владельческих и других записей «казака Савастьяна Быкадорова Глазуновской станицы хутора Чигонацкаго» 1858 и 1859 гг. и без даты (л. 1 об. — III, 192—193, 196, 197). По свидетельству бывшей владелицы, рукопись бытовала в среде донских казаков.

Концовки-примитивы (5), разделители, орнамент. завершение строк; все — примитивный орнамент, — чернила, киноарь. На л. 75 об. заглавная буква с примитивным орнамент. отростком, — киноарь.

Вначале: оглавление (л. III — III об.) и своеобразное вступление, завершающееся поучением Иоанна Златоуста; нач.: «Егда же хощеши чести или послушать инаго чтуща, то помолись богу сице...» (л. IV—VI об.). Содерж.: Правило келейное (л. I—II); «Устав, како достоит христианом по нужде исправляти поклонами за весь круг церковный» (л. 11—19); Скитское покаяние (л. 19—47); выписи «о духовном причащении» из толкований Никиты Ираклийского на слова Григория Богослова (л. 47—48) и из слова Исаака Сирина (л. 48—49); выписи о посте в среду и пяток и о двуперстном крестном знаменнии из сочинений Никона Черногорца (л. 49—50 об., 71 об. — 72), из Кормчей (л. 50 об. — 52 об., 71 об.) и из Книги о вере (л. 52 об.); выпись «о толковании псалмов» из Послания Афанасия Великого к Маркеллиану (л. 52 об. — 58 об.); различные выписи из книги «Сын церковный» (л. 58 об. — 66, 72 об. — 73); выпись о крестном знаменнии из «Оглашений» Кирилла Иерусалимского (л. 67—71); выпись о двуперстном крещении из Стоглава (л. 71—71 об.); выпись о Москве как третьем Риме из Хронографа (л. 72—72 об.); выпись из Книги Петра Дамаскина (л. 72 об.); «От Старчества. Слово о пресвете(й) молитве Иисусове, нач.: «Аще хощеши бога видити и ты, человеце, глаголи молитву сию пресветую...» (л. 73—75); Святцы («Последование церковнаго пения и вселетнаго собрания»); в Месяцеслове много памятей русским святым и праздникам, выпишей из монастырских уставов: Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Троице-Сергиева, «Новгородского»; отдельные памяти содержат краткие уставные указания (л. 75 об. — 177); Пасхалия зрячая, в начале которой помещена обычная пасхалия с 1829/30 г. (л. 177 об. — 183 об.); Лунное течение (л. 183—191 об.).

№ 499. Ирмологий на крюковых нотах.

1833 г. (см. запись писца). Старообрядческий полуустав. 124 л. 1° (32,5×20,1). Переплет — доски в дерматине, корешок кожаный. На л. 122 запись писца Василия Рютина, написавшего книгу в 1833 г. «по усердию крестьянина Тарбагатайской волости Надеинской деревни Семену Тихонову по прозванию Гаврилова...» На защитных листах имеются также многочисленные читательские записи Антонова, Семена Тихонова, Григория Казаева, «крестьянина Пахома» и др., а также о принадлежности рукописи «обществу села Надеино». На л. 122 об. среди прочих запись: «Сия богодухновенная книга, глаголемая Ирмолой, принадлежит обществу большого прихода. Устав[щик] Иоанн Г. Антонов» (?). Есть записи типа пробы пера, на внутренней стороне нижней крышки переплета записи отрывков песнопений.

Миниатюра (л. 19 об.) — илл. к тексту ирмоса — «Во глубине потопа древлефараонская вся воинства...», — перо, чернила, с раскраской акварелью. Заставка-рамка (1), заставки (7), большие инициалы старообрядческого орнамента среднерусского («гуслицкого») типа с местными особенностями; все — перо, чернила, с раскраской в акварельной манере. Мелкие киноварные инициалы. В заголовках — вязь.

№ 500. Праздники на крюковых нотах.

Втор. четв. (ок. сер.) XIX в. (бум. 1838 г.). Полуустав старообрядческий. 1° (35,0×22,0). 286 л. Переплет — доски в коже с тиснением золотом; на корешке вытиснено название: «Праздники».

Заставка-рамка (1), заставки (22), инициалы (23), «цветы» (маргинальные орнаменты) (13); все — старообрядческий орнамент среднерусского («гуслицкого») типа в красках с использованием (не везде) золота; киноварные инициалы, характерные для старообрядческих рукописей с «гуслицким» орнаментом.

Нотация знаменная, с пометами и признаками. Фиты без разводов (редко) и (в основном) разводы фит (без знака фиты). При стихире (на Сретение) «Иже на херувимех носимый и певаемый от серафим...» указано: «осмогласник» (т. е. части ее поются на гласы 1—8; л. 125 об. — 127 об.), стихира (на Цветную неделю) «Днесь благодать святаго духа нас собра» дается в разных напевах (л. 166 об. — 167, 171 об. — 172; на л. 178 указание, каким напевом исполняется эта стихира в разных местах службы). Текст истинноречный.

Состав Праздников полный: на малой вечерне даны все стихиры (а не только «славники»); из часов в навечерие Рождества Христова и Богоявления даны «славники» из 9-го часа (л. 70 об. — 72 и 92—93); из троицкой вечерни дана стихира «на стиховне» (л. 217—218); «славник» — отсылка; в конце — тропари, кондаки и светильны из тех же двенадцатых праздников (л. 266 об. — 283 об.).

№ 501. Октоих и Обиход с доп. статьями, на крюковых нотах.

Сер. XIX в. (б. шт.: Клепиков. Книга 1, № 266—1846 г. и бум. 1836 г.); приплетены листы кон. XIX в. Полуустав. 200 л. 1° (34,6××21,9). Переплет — доски в тисненой коже, реставрирован дерматином. На л. 1 владельческая (?) запись (карандашом): «Н. А. Иванов». По полям л. 3—13 — зачеркнутая владельческая запись, сохранившаяся частично: «Актай принадлежит священнику единоверческой Никольской, что при ... богадельном доме, церкви священнику... куплен (?) ... Ивана Терентьева Лбова ценою за десять (?) рублей октября (?) 1856 г.».

Заставки-рамки (л. 1 об., л. 64 об.), заставки (8), большие инициалы, маргинальное украшение — «цветок» на поле (л. 65) — старообрядческого орнамента среднерусского («гуслицкого») типа; все — перо, чернила, с раскраской в акварельной манере, хорошей работы. Инициалы киноварные с орнамент. отростками. Концовки — примитивы, — перо, чернила. В заголовках — вязь.

Нотация знаменная и демественная, с пометами и признаками. Есть указания на «путь». Разводы фит и лиц без знака фиты и указания на развод. Некоторые песнопения даны в разных распевах, на что имеются указания: «ин перевод» (л. 114 об., 115, 150), «ин конец» (л. 161 об., 167), «путевое» (л. 133, 147) и др. Текст истинноречный, есть аненайки (л. 82 об.).

Содерж.: Октоих (л. 1—79 об.); Обиход (л. 80—152); «Примеры ко гласом» — «Идет чернец...» и др. на крюковых нотах (л. 153—153 об.); «Сказание демественному ключевому знамени...» — в таблицах (л. 154—158 об.); песнопения из Обихода-демественника, содержащие пасхальные песнопения, стихиры по 50-м псалме и др. (л. 160—187); песнопения Обихода (л. 187 об. — 195 об.); горовосходный холм (л. 196).

№ 502. «Книга о прияти иереев, от еретик хиротонисанных».

Третья четв. XIX в. (б. шт.: Клепиков, Книга 1, № 213—1865, 1868 гг.; типа Клепиков. Штемпели. Доп., № 143—1845 г.). Полуустав.

261 л. 4° (21,9×17,4). Переплет — доски в тисненой коже. Обрез выкрашен в зеленый цвет. В верхней части обклейки оборота нижней крышки запись рукой писца: «Цена 6 руб. сер[ебром]». На л. 258 об. и на обклейках обеих переплетных крышек помещены читательские заметки по содержанию рукописи (карандашом и чернилами). На л. 1 проба пера.

На л. 1 в заголовке употреблена вязь. На л. 203 об. рисунок с изображением голгофского креста — примитив, — перо, чернила. Инициалы и заглавия киноварные.

Содерж.: «Книга о приятии иереов, от еретик хиротонисанных. Собрание от божественного писания и от священных правил о приятии священного чина, от еретик хиротонисанных и обращающихся к православной вере, ибо многажды святыми отцы и еретическая хиротония прията баше, якоже повелевают священная правила и збывшаяся свидетельствуют образи»; нач.: «Вопрос. Подобает ли иереов, от еретик хиротонисанных, обращающихся к православной вере, примати. Ответ. Подобает не точию иереов, но и епископов примати...» Сочинение содержит старообрядческие вопросы и ответы на тему приема «священного чина, от еретик хиротонисанных», с приведением 8 «свидетельств» из различных книг и сочинений, а также «изъявлений» ересей наватнианских, донатнианских, северианских, «единоволных», иконоборцев, «лытынских». Среди использованных источников имеются и русские: прощальная грамота епископа Владимирского и Берестейского Даниила, выписанная из рукописной Миней-Четьи Макарьевской (л. 80 об. — 87 об.), выписи из сочинений Иосифа Волоцкого (л. 119 об. — 120 об.).⁶ В конце: «Предание правил к слову»; нач.: «Ведомо убо да будет о церковном законоположении о ересех, яко по количеству злобы еретичества разсуждение коейждо ереси собством полагает и всякая ересь по качеству своего нечестия от церкви и осуждение восприемлет...» (л. 181 об.); «О крещении», нач.: «Крестили которыя во имя Троицы святой с призыванием отца и сына и святого духа, еретики таковых изнова крестити не повелели...» (л. 181 об. — 235 об.).

№ 503. Октоих и Обиход на крюковых нотах.

Третья четв. XIX в. (6. шт.: Клепиков. Книга 1, № 40 — 1859 и 1868 гг.; № 42 — 1866, 1867 гг.). Полуустав старообрядческий. 164 л. 1° (33,4×21,3). Переплет — доски в тисненой коже.

Заставки, большие инициалы — в красках с золотом. Инициалы «киноварные» с пышными орнамент. отростками. Все — старообрядческого орнамента среднерусского («гуслицкого») типа. Концовки — примитивы.

Нотация знаменная, с киноварными пометами и признаками. Разводы фит и лиц (?) без знака фиты и указаний на развод. В Обиходе встречаются песнопения, представленные в разных распевах, на что имеются указания: «ин перевод», «ин распев». Есть песнопение («Достойно есть» — л. 152 об. — 153), имеющее указание: «путевое». Текст истинноречный. Есть аненайки (л. 91).

Содерж.: Октоих (со стихирами евангельскими) (л. 1—88 об.); Обиход (л. 89—164 об.). Обиходная часть содержит песнопения Обихода

⁶ Очевидно, отдельные разделы этой «Книги» использованы в других рукописях XIX в. (см.: Бычков И. А. Каталог собрания славяно-рус-

ских рукописей П. Д. Богданова. СПб., 1893. Вып. 2. С. 214; Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 296. № 58).

простого и триодного. Среди припевов праздника есть припевы Покрову богородицы (л. 110—110 об.).

№ 504. Сборник выписей, слов и апокрифов, старообрядческий. Без нач. и кон.

Посл. четв. XIX в. (б. шт.: Клепиков. Книга 1, № 142 — 1871 г.; № 175 — 1887 г.). Подражание полууставу. 304 л. 8° (17,4×10,7). Переплет — доски, оклеенные плотной бумагой, частично утраченной; корешок обит кожей при помощи гвоздей. По полям читательские пометы. На внутренней стороне нижней крышки переплета карандашные памятные заметки с упоминанием Ивана Мони́на, Панфила Кускова и др.

Сборник содержит, в основном, выписи из Пчелы, Пролога, Летописца русского (л. 34—35 и др.), Златбуста, Великого зеркала (л. 44—53), Патерика, Кормчей, Номоканона, Книги о вере, «Сына церковного» (л. 62 об. — 65), Миней-четыи, Книги Барония, сочинений Никона Черногорца, Максима Грека, а также слова Иоанна Златоуста «о лжепророках и ложных учителях» (л. 102—152 об.), «о играх и плясании», «о зломатерном слове», Кирилла Александрийского «о страхе божьем» (л. 284—285), «Повесть о 12 снах царя Мамера» (л. 234—245), Многосложный свиток, Слово Ипполита, папы Римского, о печати антихристове (л. 249—251) и др.

№ 505. Сборник старообрядческий. Без нач. и кон., с утратами в середине.

Посл. четв. (кон.?) XIX в. (б. шт.: Клепиков. Книга 1, № 44 — 1868, 1870, 1888 г., № 45 — 1874 г.; № 86 — 1882, 1893 г.; № 154 — 1870, 1914 гг.; № 181 — 1862, 1866—1876 гг.; № 191 — [1885—1886], 1893—1899 гг.). Полуустав разных почерков. 500 л. 4° (21,5×17,3). Без переплета.

На л. 372 об. помещена карандашная запись с указанием отдельных дней недели. На л. 441 об. помещена хозяйственная запись о покупках и денежных расходах, писанная карандашом. Среди различных купленных товаров (в основном одежда) указана также книга Канонник за 5 рублей. На л. 449 запись адреса карандашом: «Узбекистан, горад (!) Кургун (!) 3-й Артилирийский полк 3-й дивизии 9 потарей (!)». Здесь же выше писана хозяйственная запись денежных расходов. На л. 461 об. чернилами писан иной вариант записи адреса: «Город Котта Курган, 3-й Туркистанский Артилирий[ский] полк, 3-й дивизион, 9 батарея. Савельеву». На л. 449 об. хозяйственная запись денежных расходов, писанная простым карандашом. В записи упоминается некий Иван Андреевич, которому «дадены» деньги. На л. 33 карандашные подписи-росчерки. На полях имеются также карандашные читательские заметки-указания. До поступления в ОР ГБЛ рукопись принадлежала А. И. Ларионову из г. Семипалатинска.

Заставки (л. 158 об., 169, 186, 270, 373, 391), концовка (л. 334) — примитивный орнамент растительных и геометрических форм, — перо, чернила и (на л. 158 об., 169, 270, 373) киноварь. Инициалы киноварные и чернилами, часть с орнамент. отростками старообрядческого типа.

Содерж. среди статей: [История об отцах и страдальцах Соловецких, составленная Семеном Денисовым], без. нач., со слов: «... косою смертною посекаяся, света сего отходят...» — см.: Дружинин В. Г.

Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 135—136, № 5 (л. 1—47); послание Герасима Фирсова к брату о перстосложении и о крестном знамении — см.: Дружинин. Писания. С. 263 (л. 47 об. — 115 об.); [Повесть о новгородском белом клобуке], без нач. (со слов: «и паче радовахся и веселящися, творяще победную песнь праздники. . .») с утатами текста в середине (л. 116—128, 134—141, 148—158); Пятая Соловецкая челобитная, посланная царю Алексею Михайловичу 22 сентября 1667 г. со старцем Кириллом — см.: Дружинин. Писания. С. 459—460, № 837 (л. 128—133 об., 180—185, 319—334); Слово Иоанна Златоуста о Евтропии, когда он «вне церкви обретется» — из Маргарита; текст слова без кон., обрывается на словах: «...овогда многогородна есть, овогда гора есть» — см.: Маргарит. Острог, 1595, л. 125 об. (л. 142—147, 365 об. — 366 об., 379—382 об.); Сказание священнодиакона Феодора Иванова об Аввакуме, Лазаре и Епифании — ср.: Дружинин. Писания. С. 272, № 3 (л. 158 об. — 168 об.); Прение священнодиакона Феодора Иванова с Афанасием, митрополитом Иконийским — см.: Дружинин. Писания. С. 272—273, № 4 (л. 169—179 об.); Слово Ипполита, папы Римского, о Втором пришествии — апокриф — см.: Соборник. М., 1700 (л. 186—235 об.); Вопрос и ответ Андрея Денисова о плачевном времени — см.: Дружинин. Писания. С. 94, № 14 (л. 236—246 об.); выписи из Иноческого Потребника, в том числе из «Просветителя» Иосифа Волоцкого (л. 247—262 об.); «О верных, иже брак прияша от еретик»; нач.: «С новоженами, которая оба лица христианския. . .»; «О советующих родителей ко браком»; нач.: «Советующим родителем, отцем и матерем, детем своим христианом. . .» — выписи из старообрядческих установлений (л. 263—269 об.); выписи из «Апология во утолнение печали. . .» — Дмитрия Ростовского (л. 334—342 об., 398 об. — 401 об.); «В субботу 6-ой недели Поста. На Воскресение друга Христова Лазыря (!), поучения святого Иоанна Златоустаго. Слово 58» — из Златоуста; текст Слова, согласно классификации К. М. Куева, относится ко вторичной редакции Похвального слова Климента Словенского (Охридского) на Воскресение Лазаря — см.: Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1970. Т. 1. С. 548—585 (л. 350—352 об.); «Послание о кнize сей к брату, просившу послатися ему обретенныя словеса аввы Дорофея, о нем же и похвала zde обдержится. О отвержении мира поучение»; нач.: «Хвалю твое усердие. . .» (л. 373—378 об.); «Притчи евангельские» с толкованиями; нач.: «Рече господь о Нафанаиле. . .» (л. 391—398); Пророчество Исаиино сына Амосова о последних днех — апокриф. Статья содержит только нач. текст, обрывающийся на словах: «...сего ради будут вам учителя лицемери и запойцы. . .» — см.: Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб., 1877. С. 263 (л. 402—402 об.); выписи из Кирилловой книги, содержат окончание текста главы 4 (знамения 8—10 о приходе Антихриста) и нач. текст гл. 5, обрывающийся на словах: «...страшат мя одступления (!) церковная, стра. . .» (л. 409—425 об.); [Ответы федосеевцев Московского Преображенского кладбища на примирительные статьи филипповцев Московского «Таганского общества»] («Таганского общества примирительные статьи; на них от Преображенского общества ответы. 7370 года соответствованы (!)»; нач. (по молитве): «Завещание мирнаго основания. От лица братства древнегреческаго и сведания потомскаго братству Приображенскаго общества потаньскаго братства Приображенскаго общества. По личному и обоюдному нашему собиседованию и о мир-

ном состоянии решение в неразрывный союз единства для твердой памяти вечного незабвения мирного события основание завещание...» (л. 459 об. — 483); «Объяснение, читанное в начале заседания о причинах, побудивших быть собранию»; нач.: «Благочестивое собрание! Господь бог и спас наш Иисус Христос во святем своем евангелии глаголет: Сия есть заповедь моя, да любите друг дру[г]а...» (л. 484—488 об.); Притча Кирилла мниха [Туровского] о души человечестей и о телеси...» — из Сборника, гл. 33; нач.: «Добро убо, братие, и зело полезно, еже разумети нам...» (л. 489—491); «Слово Козьмы Веститора о пренесении мощей... Иоанна, архиепископа Константина града Златоустаго» — из Пролога, 27 янв., без кон., обрывается на словах: «Сия изрек яко от лица матере своя царь и не хотяше от плача престоати, не хотяше востати от мощей святого, ибо благовоние...» (л. 491 об. — 499 об.).

№ 506. Обиход на крюковых нотах. Без кон.

Втор. пол. XIX в. Полуустав. 387 л. 4° (22,3×18,1). Переплет — доски в тисненой коже. На л. 239, 246 есть записи типа росписи (владельческие?): «Д. Е. Симонов».

Мелкие киноварные инициалы.

Нотация знаменная, с пометами, без признаков и демество в знаменной нотации. Большое количество фит с разводами и указаниями на развод, а также разводы фит (лиц?) без знака фиты и указания на развод. Имеются многочисленные указания на «путь» (л. 43 об., 107 об., 108 об., 110, 111 и др.). Есть указания на распев: «демество большое» (л. 225), «демеством столповым» (л. 240 об.), «большой роспев» (л. 37, 171 об., 180 об.), «Кириллов перевод» (л. 232 об.), «знаменем малым» (л. 221 об.) и др. Некоторые песнопения даны в нескольких распевах, на что имеются указания: «ин розвод демеством» (л. 249), «ин кириллов перевод» (л. 232 об.), «ин перевод» (л. 247 об. — 304), «ин роспев» (л. 319 об., 356 об.), «ино знамя» (л. 156), «ин развод» (л. 5 об., 279, 327 об., 331, 334), просто — «ин» и т. п. Текст раздельноречный и истинноречный с элементами раздельноречия. Есть аненайки (л. 4 об., 276 об. — 278, 307).

Обиход полный по составу. Среди песнопений — припевы, светильны, тропари и кондаки русским святым и праздникам: кн. Феодору Ярославскому (л. 109—109 об.), Михаилу и Феодору Черниговским (л. 109 об. — 110), Гурию и Варсонофию Казанским (л. 114), Петру, Алексею и Ионе, трем святителям Московским (л. 114—114 об.), Михаилу Тверскому (л. 120 об.), кн. Александру Невскому (л. 121), кн. Всеволоду (л. 132—132 об.), Зосиме Соловецкому (л. 147—147 об., 191 об. — 192), Савватию Соловецкому (л. 112—112 об., 186 об.), Зосиме и Савватию Соловецким (л. 162 об. — 163, 199—199 об.), кн. Борису и Глебу (л. 150 об. — 151), царевичу Димитрию (л. 151—151 об.), Василию и Константину Ярославским (л. 151 об. — 152), Петру и Февронии Муромским (л. 153—154), Иоанну и Логгину Яренским (л. 157—157 об.), Прокопию Устюжскому «и инем Христа ради юродивым» (л. 157 об.), вел. кн. Владимиру (л. 158 об.), российским чудотворцам (л. 159), Александру Свирскому (л. 201—202 об.), иконам богородицы Тихвинской (л. 153 об. — 154) и Казанской (л. 196 об. — 198), Знамению иконы богородицы в Новгороде (л. 110 — 110 об.), Покрову (л. 112 об. — 113, 187) и др. Есть песнопения, данные по-гречески в русской транскрипции (л. 387 об.).

№ 507. **Синодик старообрядческий.** («Божиею милостию составился сей синодик по благословению... святейшего Иова, патриарха Московского и всея Руси»).

Втор. пол. XIX в. (б. зн. и б. шт. нет). Полуустав. 42 л. 4° (21,7×17,7). Обложка — склеенные листы, с текстом службы и письма неизвестного лица Борису Андреевичу и Нениле Андреевне.

На л. 1 заставка-примитив с растительным орнаментом, — перо, чернила. Тонкие инициалы и заголовки — «киноварь». В заглавиях чередуются буквы, писанные чернилами и «киноварью».

Текст Синодика включает 5 статей и «Указ о понахиде малой» (л. 40—41 об.).

№ 508. **Кондак и икос из службы в неделю о расслабленном и стихира на «слава и ныне» в неделю Цветную, на крюковых нотах.**

Кон. XIX в. Полуустав. 2 л. 4° (20,6×14,9).

Инициал киноварный.

Нотация знаменная, с пометами и признаками. Текст раздельно-речный, выдержан непоследовательно.

Рукопись была вложена в № 510.

№ 509. **Октоих на крюковых нотах.**

Кон. XIX в. Полуустав старообрядческий. 126 л. 4° (25,7×17,1). Переплет — доски в тисненой коже.

Заставки-рамки, заставки и инициалы старообрядческого орнамента среднерусского («гуслицкого») типа, все — перо, тушь. Концовки-примитивы.

Нотация знаменная с пометами и признаками. Есть разводы фит (?) без знака фиты и указания на развод. Текст истинноречный.

В конце: стихиры евангельские. На л. 1 — попевки (фрагмент).

№ 510. **Октоих и Обиход на крюковых нотах.**

Кон. XIX в. (б. зн. и б. шт. нет). Полуустав. 135 л. 4° (26,4×17,8). Переплет — доски, обтянутые тканью, корешок кожаный. Обрез окрашен голубой краской.

Миниатюра (л. 1) — царь Давид — очеркового характера с акварельной раскраской. Концовки — примитивный орнамент растительных форм, — чернила, киноварь. Инициалы и заголовки — орнамент старообрядческий среднерусского («гуслицкого») типа, — киноварь.

Нотация знаменная, с пометами и признаками. Фиты без разводов, разводы фит без знака фиты и указания на развод, а также (в стихирах евангельских) и со знаками фит и их названиями, вынесенными на поля. Очень развитая мелодическая система (в стихирах евангельских и Обиходе). Текст истинноречный, в Обиходной части есть анеаньки (л. 96).

Содерж.: Октоих (л. 1 — 93 об.); Обиход (л. 94—133 об.). В Обиходе среди прочих песнопений имеются величания вел. кн. Владимиру (л. 130), кн. Борису и Глебу (л. 130 об.), Покрову богородицы и др.

№ 511. **Октоих и Обиход на крюковых нотах.**

Кон. XIX в. Крупный полуустав. 196 л. 1° (33,5×22,4). Переплет — доски в тисненой коже. Обрез позолоченный, тисненый. На корешке вытиснено: «Октай». На л. 1 запись: «Отцу Варфоломию за Октай заплачено 15 р. 23 авг[уста] 1907 г. Свящ. Карп Тетеркин».

Заставка-рамка (1), заставки (10), большие инициалы (11) цветов на полях — все старообрядческого орнамента среднерусского («гуслицкого») типа, — в красках с золотом. «Киноварные» инициалы с орнамент. отростками. В заголовках — вязь.

Нотация знаменная, с пометами и признаками. Есть указание на «путь» («Достойно есть», л. 181—181 об.). Разводы фит и лиц (?) без знака фиты и указания на развод. Текст истинноречный, есть анекдоты (л. 120).

Содерж.: Октоих (со стихирами евангельскими Льва Деспота) (л. 1—115); Обиход (л. 116—195).

№ 512. **Письмо Прасковии Ефимовны зятю священнику Карпу Лазаревичу [Тетеркину]**⁷ о смерти мужа с просьбой «не оставить без приюта» и пр. 7 дек. 1903 г., дер. Улитино. 2 л. 21,2×13,2.

Рукопись ранее была вложена в № 511.

№ 513. **Песнопения из службы в неделю Вайи, на крюковых нотах.**

Нач. XX в. Подражание полууставу. 2 л. 8° (18,0×13,5). На л. 2 об. внизу запись с инициалами (?) писца: «П. С. Г. Г.», т. е. «П[исал?] С. Г. Г. (?)».

Нотация знаменная, с пометами, без признаков. Есть фиты без разводов и разводы фит (?) без знака фиты и указания на развод. Текст истинноречный с элементами раздельноречия.

Содерж. ипакои («седален»), икос и др.

Рукопись ранее была вложена в № 506.

Составил Ю. Д. Рыков

Рукописи, присоединенные в 1986 г. к ранее поступившим собраниям

1. **Соборное уложение 1649 г., дополненное рукописными «Новоуказными статьями» царя Алексея Михайловича и грамотами царей Ивана V и Петра I Алексеевичей казанским воеводам¹.**

Конволют, состоящий из старопечатного Соборного уложения (М., 1649), дополненного рукописью кон. XVII — нач. XVIII в. (б. зн. на л. 330—350 об., 354—358 об., 360—403 об.: герб Амстердама с овальным щитом без постамента и литерного сопровождения — аналогичного знака в справочниках не найдено; форма щитов знака напоминает форму щитов у № 129 и № 133 в альбоме Диановой и Костюхиной, однако это знаки другого типа; б. зн. на л. 354—358, 360—403 об. и на чистом л. 359: 1) герб семи провинций с курсивными литерами AI и контрмаркой CDG в две линии; ср. Клепиков. Книга 1, № 943—1691, 1711 гг.; Дианова и Костюхина, № 381 — 1681 г.; 2) герб семи провинций с контрмаркой-лигатурой PL в две линии (буква L наклонная); ср.: Неаууд, № 3138—1668 г.; Voorn, № 85 — 1689 г.). Полуустав и скоропись. 409 л. Переплет — картон, обтянутый кожей. Корешок тисненый.

⁷ См. его владельческую запись от 23 авг. 1907 г. в № 511.

¹ Книга первоначально была зарегистрирована в коллекции старопечатных книг М. И. Чуванова, а затем решением экспертной комиссии ОР ГБЛ была включена в собрание рукописей

М. И. Чуванова (ф. 775). Книга была ранее описана И. В. Поздеевой (см.: Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова: Кат. (Сост. И. В. Поздеева: Подгот. при участии М. И. Чуванова. М., 1981. С. 113—114. № 17).

В нижней части корешка вытиснена владельческая надпись: «Библ[иотека] А. П. Померанцева». На нижнем поле л. 1—7 сохранились следы вкладной (?) записи XVII в., которая была частично срезана, счищена, и замазана чернилами. Начальная часть записи из-за утраты первых 6 листов «Соборного уложения» отсутствует. В сохранившейся части записи, в конце ее, можно прочесть «Никифоровых детей». По нижнему полю л. 161—169 владельческая запись XVII в.: «Сия книга Уржумского Щепочькина монастыря»².

По л. 2—5, 7, 6, 8 сохранилась часть владельческой записи XVIII в.: «... Степана Степанова сына Арченина [...] ево». По л. 84—109 эта же владельческая запись XVIII в. (частично срезанная при переплете, но с более полным текстом): «Сии книги (sic!), глаголемыи (!) С[обо]рное уложен(ь)е, при[надлежат? ... го?] рода [...] канцеляриста Степа[на Степанова сына?] Арчени[на?] домовая его». По л. 55—63 владельческая запись XVIII—XIX вв.: «Сия книга Соборное уложение Уржумского духовнаго правления». На л. 355 на верхнем поле читательская помета простым карандашом гражданским почерком (начало записи срезано): «... той. Читал А. П. Померанцев. 1892 г. 15 июля. Г. Вятка». На л. 360 на верхнем поле иная читательская помета простым карандашом (начало записи срезано): «... го 20 день великий государь царь». Тогда же читал А. П. Померанцев». На л. 1, 330, 354 проставлены владельческие печати М. И. Чуванова слепого тиснения с изображением Михаила Архангела. На обороте верхней крышки наклеен печ. экслибрис «Из книг М. И. Чуванова» работы А. К. Пожарского, на котором проставлен шариковой ручкой старый чувановский номер: рукописи в собрании («№ 53»).

Инициалы киноварные (л. 354, 360, 390) с орнамент. отростками растительных форм, на л. 354, 361 подрисовка чернилами. На л. 354, 360 вязь в заголовках.

Содерж.: Соборное уложение — издание Московского Печатного двора 1649 г., вариант Б, без нач. (л. 1—329), уложение о суде служителей церкви по уголовным делам от 22 янвр. 1669 г., содержащее 14 статей; в конце 14 статьи приписка тем же почерком: «А подлинныя великого государя новоуказные стат(ь)и за припис(ь)ю дьяка Афонас(ь)я Ташлыкова за справкою подъячего Марки Баженова» (л. 330—334); грамота царей Ивана V и Петра I Алексеевичей от 29 ноября 1685 г. и указные статьи о суде, проестях и о волокитах, посланные в Казань к боярину и воеводе Ивану Большому Ивановичу Голицыну. Указные статьи, как и в печатном тексте (см. ПСЗ, т. 2, № 1140), содержат 10 пунктов, но после 9 пункта в списке помещена приписка: «Подлинная великих государей грамота и стат(ь)и за припис(ь)ю дьяка Григор(ь)я Протопопова за справкою под(ь)ячего Ивана Тверитинова», а 10-ый пункт указных статей приписан под этим указанием позднее иным, более мелким почерком; перед началом текста указных статей сперва был написан заголовок «Указные статьи», но позднее к этому заголовку слева и справа иными чернилами и почерком были приписаны другие слова, поэтому получился новый заголовок: «Таковы

² По данным XIX в., Спасский-Чепочкин (или Чепочкин) мужской монастырь был расположен близ г. Уржума в Вятской губ. Основан в 1622 г., упразднен «после 1764 г.» (см.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей российской церкви. Спб., 1878. Стб. 806; Зве-

ринский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. Спб., 1890. Ч. I. С. 252—253).

же указные статьи присланы в бурмистрьскую избу 208[1699]-го ноября в 8 де[нь]. Не исключено, что 10 пункт «указных статей» был приписан из экземпляра, присланного в эту бурмистрьскую избу; ср. текст данного списка с текстом другого списка «указных статей», помещенном в этой рукописи на л. 354—358 об. (л. 334—340); грамота царей Ивана V и Петра I Алексеевичей от 27 янв. 1686 г. в Казань боярину и воеводе Ивану Большому Ивановичу Голицыну с извещением о посылке грамоты 29 ноября 1685 г. о суде, проестях и о волокитах и указных статей и с объявлением указа от 1 янв. 1686 г. из Разряда в Приказ Казанского дворца о порядке рассмотрения исков и взимания пошлинных денег «на виноватом»; В конце текста следует приписка, аналогичная помещенной в конце текста Указных статей (л. 340—341 об.); грамота царей Ивана V и Петра I Алексеевичей от мая 1686 г. в Казань боярину и воеводе Ивану Большому Ивановичу Голицыну о посылке указов от 29 ноября и 27 января 1686 г. о суде, проестях и волокитах и от 19 и 22 янв., 23 февр. и 29 марта 1686 г., связанных с ведением судебных тяжб и с освобождением от платежа, проестей и волокиг; ср. ПСЗ, т. 2, № 1156, 1158, 1166, 1180; в конце грамоты приписка: «Подлинная великих государей грамота за припис(ь)ю дьяка Григорья Протопопова за справкою под(ь)ячего Ивана Тверитинова» (л. 341 об. — 345); грамота царей Ивана V и Петра I Алексеевичей от 26 окт. 1683 г. в Казань боярину и воеводе кн. Владимиру Андреевичу Долгорукову с извещением о посылке списков с новоуказных статей для рассмотрения дел о разбое и татьбе и с объявлением указа от 28 ноября 1682 г. «о пытке и наказании воров и разбойников»; ср. ПСЗ, т. 2, № 970; в конце грамоты следует приписка: «Подлинная великих государей грамота за припис(ь)ю дьяка Семена Струкова за справкою под(ь)ячего Ивана Тверитинова» (л. 345—346 об.); грамота царей Ивана V и Петра I Алексеевичей от 27 окт. 1690 г. в Казань боярину и воеводе кн. Даниле Афанасьевичу Борятинскому с объявлением указов от 27 янв., 12 апр., 7 апр., 14 и 26 мая 1690 г., связанных с ведением судебных тяжб; ср. ПСЗ, т. 3, № 1363, 1369, 1374, 1377; в конце грамоты приписка: «Подлинная великих государей грамота за приписью дьяка Артемья Волкова за справкою под(ь)ячего Ивана Тверитинова» (л. 346 об. — 350 об.); Новоуказные статьи (числом 9) от декабря 1685 г. о суде, проестях и о волокитах; ср. ПСЗ, т. 2, № 1140; текст списка в отличие от текста, напечатанного в ПСЗ, содержит только 9 статей; возможно, 10 статья не дописана, т. к. половина оборотной стороны л. 358 и следующий л. 359 оставлены чистыми; впрочем, в другом списке этих статей, приложенных к грамоте царей Ивана V и Петра I Алексеевичей от 29 ноября 1685 г. (см. выше), первоначально было написано тоже только 9 статей (л. 354—358 об.); Новоуказные статьи (числом 128) от 22 янв. 1669 г. о татевных, разбойных и убийственных делах; ПСЗ, т. 1, № 441 (л. 360—403 об.).

Ф. 775

2. Святцы [«Соборник дванадесытем месяцем»].

Печ. изд. XVII в. (Унев, 1693) с рукоп. вставками взамен утраченных листов (л. 1—14, 110—111, 113—120, 122—138, 242—265) сер. XVIII в. (пасхалия с 1742/43 г.; б. зн.: 1) герб города Амстердама и 2) Pro Patria с двуглавым орлом типа Клепиков и Кукушкина, № 168 — 1742—1746 гг.). Полуустав. 298 л. 16° (8,7×7,1). Переплет — доски в тисненой коже. На бум. обклейке оборота верхней крышки переплета

владельческая печать: «Старообряд. священник Григорий Семенович Юдин».

В рукоп. части на л. 251, 298 имеются концовки (2) — примитивы, рисованные пером и чернилами (на л. 298 — с использованием растительных форм), киноварные инициалы и заглавные буквы; часть инициалов — с орнаментальными отростками.

Содерж.: «Последование церковного пения и собрание вселетного...» — печ. текст с рукоп. вставками взамен утраченных листов (л. 1—251); пасхалия с 1742/43 по 1759/60 гг. — рукоп. текст (л. 251 об. — 252); «Пасхалия зрячая по ключевым словам» — текст в начале (л. 253—265 об.) рукоп., а затем (л. 266—273 об.) печ. текст, «Лунное течение...» — печ. текст (л. 274—290 об.), «Устав вкратце святыми отцы составлен» — рукоп. текст, содержащий выписи из Устава «О житии, рекше о пощении и разрешении всего лета» (л. 291—298).

Ф. 594, № 36

3. Святцы.

Печ. изд. нач. XIX в. (бум. 1808 г.), дополненное рукоп. листами посл. трети (?) XVIII в. (л. 53—69; б. зн.: литеры «СЯ» на правой стороне листа, ср. Клепиков. Книга I, № 766—1764, 1774 гг.; герб Ярославля 3-го типа по классификации С. А. Клепикова, имевший хождение в 1748—1756 гг., см. таблицу вариантов филиграни с гербом Ярославской губ. и рис. 2 в изд.: Клепиков. Книга II, с. 236—237) и сер. XIX в., ок. 1852 г. (л. 49—52, 70—72; б. шт.: Клепиков. Книга № 9 — [185] г., см. также пасхалию). Полуустав. 77 л. 4° (19,5×15,5). Переплет — доски в тисненой коже.

В рукоп. части на л. 70 заставка—примитив стилизованных растительных форм, — перо и чернила.

Содерж.: «Последование церковного пения и вселетного собрания...» — печ. изд. (л. 1—48 об.); пасхалия с 1851/52 по 1938/39 гг. (л. 49—52); «Пасхалия зрячая по ключевым словам» (л. 53—69 об.); «Лунное течение...» (л. 70—76 об.).

Ф. 594, № 37

4. Сборник канонических текстов о страданиях Иисуса Христа («Страсти господни»), с доп. статьями («повестями душеполезными»). Лицевая рукопись.

1774 г. (см. запись писца). Полуустав (старообрядческий). 386 л. Переплет — доски в тисненой коже. На корешке вытиснено: «Христовы страсти в лицах». В верхней части корешка бумажная наклейка с названием книги и именем владельца (плохо читается, можно разобрать только отчество и фамилию: «... Ивановича Орлова»). На л. 382 запись писца: «Написа же ся сия книга Страсти господни с прочими повестями ся в лето 7282 [1774 г. — Сост.] году месяца августа в 6 день на память святого боголепного Преображения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа». На л. 383 об. запись рукой того же писца: «В сей книзе писма единого, кроме лиц, триста листов против печатных пять двадцать (!) строк, лиц же сто есть всех, а писаны по седми копе[e]к равно. И тако стало цены всего четыре на десять рублей денег, еще по две копейки с листа писати писмо едино, аще ли кто по пяти денег пишет с листа, то больши есть цена, равна 15-ть рублей с полтиною. А писал сию книгу предрягую и богодухновенную и зело полезную Страсти господни Иоанн Андре[e]в, потрудитесь сия собрати пользы

ради чтущим и послушающим полезного в ней наказания господня страдания нашего ради спасения известно вам да будет всем христолюбом, хоящим вникнути и рассмотреть в ней о последнем времени, хотящим спастися и разумети прелесть Антихристову и предотечь его вся». На л. 384 об. запись чернилами: «Куплены Страсти», ниже карандашом проставлена дата: «1903 года».

Миниатюры (100) — илл. к тексту очеркового характера с раскраской в акварельной манере. Исполнение профессиональное. Краски плотные. Лики без раскраски с подцветкой волос и бород. Заставки—рамки (4), заставки (5), рамки для маргиналий — орнамент стилизованных растительных форм, — перо, чернила, часть — в красках. Инициалы — орнамент растительных форм, — в красках и киноварные с орнамент. отростками.

В начале книги оглавление сборника (л. 1—9 об.).

Среди источников «Страстей господних», содержащих канонические тексты о страданиях Иисуса Христа: Евангелие толковое и учительное, Соборник, Маргарит, Псалтирь учебная и с воследованием, Пролог и Большой катехизис (л. 10—337). Перед текстом «Страстей господних» помещено два предисловия: 1) архиеп. Никомидийского Георгия (л. 10—17 об.) и 2) «Лазорю, другу Христову» (л. 18).

В конце доп. статьи, представляющие собой выписи из Книги о вере (л. 337 об. — 340, 348 об. — 349), из Кирилловой книги, в том числе 10-е послание Мелетиево о вере православной (л. 340—341 об., 343—344 об., 347—348 об.), из Большого катехизиса, частично лицевые (л. 341 об. — 343, 358—380 об.), из Евангелия толкового от Луки (л. 345—347) и от Матфея (л. 349—349 об.), из Пролога, в том числе Синоксарь в неделю мясопустную (л. 350—357 об.), и «Описание и сказание книгам книги сия святых—Страстей господних» (л. 381—382).
Ф. 735, № 37

5. Сборник богослужебный (с житием, чудесами и похвальным словом Николаю Мирликийскому), с утратами в середине.

Перв. четв. XIX в. Полуустав. 238 л. 4°. 20,8×16,0. Переплет — доски в тисненой коже. По нижнему полю л. 1—6 владельческая запись XIX в.: «Сия книга деревни Заполиц Герасима Стеняива». На л. 51 об. другая владельческая запись XIX в.: «Сие светая книга Устав села Резани кристянина Данил[ы] Хорошово. Яков Симиволков». Данная запись повторена ниже иным почерком и чернилами. На л. 148 об. записи карандашом: «Степан Герасимов Батраков, Ефим Степанов Василиев. 5 года ета писма». На л. 238 об. полустертая карандашная запись хозяйственного характера.

На л. 1, 53, 62, 72, 82, 107, 130 об. заставки (7) — примитивный орнамент геометрических и растительных форм, — перо, чернила, киноварь. Инициалы киноварные с орнамент. отростками. Вязь в заглавиях.

Содерж.: Устав о христианском житии (л. 1—51, 52); каноны: общий всем святым (л. 53—61 об.); за единоумершего (л. 62—71), за умерших (л. 72—81); павечерница малая (л. 82—106 об.); Житие Николая Мирликийского (л. 107—130); посмертные чудеса Николая Мирликийского (л. 130 об. — 229 об.), в том числе 2 русских чуда «во граде Киеве» (л. 149—165) и «Чудо новейшее... о царе Стефане Сербском, иже в Дажанех [так! должно быть: Дечанех — Сост.], како дарова ему очи, иже на длане. Списано Григорием [Цамблаком. — Сост.], мнихом и презвитеро[м], игуменом бывшим тоя же [о]бители» (л. 204—229 об.);

слово похвальное на память Николая Мирликийского, 6 дек.; нач.: «Се наста, братие, светлое празднество предивного отца нашего чудотворца Николы. . .» Текст без конца. Слово по происхождению является либо русским, либо южнославянским³. (л. 229 об. — 236).

Ф. 594, № 38

6. Акафист богородице. Без нач.

Втор. четв. XIX в. (бум. 1827 г.). Полуустав старообрядческий. 35 л. 8°. 17,7×11,2. Переплет (до реставрации) — склеенная в несколько слоев бумага, обтянутая кожей с тиснением. На л. 33 об. читательские записи 1837 г. Якова Петрова. На л. 1 об. запись о принадлежности книги с 7 апр. 1888 г. Петру Никонову Кузнецову. В записи слова «Петру Никонову» зачеркнуты карандашом и вместо них между строк написано тем же карандашом: «Дмитрию Петрову». Очевидно, после П. Н. Кузнецова рукописью владел его сын. На л. 33 помещена читательская запись П. Н. Кузнецова от 18 марта 1892 г. На л. 1 об. под владельческой записью П. Н. Кузнецова помещена женская читательская запись 1896 г.

Инициалы киноварные, часть с примитивными орнамент. отростками. На л. 32 в нижней части полустертый оттиск заставки старопечатного (?) орнамента без типографской краски.

Текст акафиста нач. со слов песнопений 3 песни: «... и мрачныя бесы отнюд отогнавши».

В конце рукописи (л. 32—32 об.) помещены тропарь и молитва богородице.

Ф. 594, № 39

7. Литургия Иоанна Златоуста.

Посл. четв. XIX в. (б. шт.: Клепиков. Книга 1, № 44—1868, 1870, 1888 г.). Полуустав старообрядческий. 32 л. 8°. 17,8×11,2. Без переплета. На л. 1 заглавие рукописи, писанное шариковой ручкой: «Литургия Златоусту». На полях некоторых листов имеются пометы и дополнения по тексту, в частности, на л. 10 об. в ектенье вместо «имярек» вставлено моление за царя Александра III (1881—1894), ниже на полях сделано дополнительное замечание: «Еще молимся о великой государыне царице Марии Феодоровне о здравии и о спасении. Еще молимся о наследнике государе цесаревиче Николае Александров[иче] и о всем царствующем доме о здравии и о спасении».

На л. 1, 29 заставки (2) — примитивы стилизованных растительных форм, — перо, чернила. Инициалы и заглавия «киноварные».

В начале литургии краткие уставные указания.

Ф. 594, № 40

8. Сборник богослужебный.

Посл. четв. XIX в. (л. 1—33 писаны в 1881 г.; б. шт.: Клепиков. Книга 1, № 57 — 1874—1877 гг.; № 214—1870, 1878 гг.). Полуустав старообрядческий. 93 л. 4°. 21,1×16,7. Переплет — картон, оклеенный бумагой, с кожаными уголками и тисненым корешком. На л. 34 об. за-

³ Б. Ст. Ангелов считает автором данного текста Климента Охридского (Словенского). Согласно классификации Б. Ст. Ангелова данный текст следует отнести ко второй редакции Похвального слова Николаю Мирликий-

скому, составленного Климентом Охридским. См.: Климент Охридски. Събрани съчинения, Т. 2/Обраб. Б. Ст. Ангелов, К. М. Кувев, Хр. Кодов, Кл. Иванова. София, 1977. С. 91—130.

пись гражданским почерком: «Писал егорьевский мещанин Иван Сергеев Демидов 1881 года 25 марта».

На л. 1,4 заставки (2) эклектического орнамента с использованием стилизованных растительных форм, — на л. 1—6 в красках, на л. 4 — пером, чернилами. На л. 3 об., 28, 32 концовки—виньетки, — перо, чернила. Инициалы киноарные, часть — с орнамент. отростками. Вязь на л. 1.

Содерж.: служба богородице «Всем скорбящим радость» (л. 1—28); паремьи великомученику Георгию (л. 29—33), службы великомученику Георгию, 23 апр. (л. 37—41 об.) и на освящение церкви св. Георгия в Киеве, 26 ноября (л. 42—56); канон великомученику Никите, 15 сент. (л. 68—79), апостольские (л. 76—83 об.) и евангельские (л. 86—93) чтения.

Ф. 594, № 41

9. Служебник.

Посл. четв. XIX в. (б. шт.: Клепиков. Книга 1, № 44—1868, 1870, 1888 гг.), л. I—IV — нач. XX в. Полуулав старообрядческий. 150 л. 16°. 9,7×7,5. Переплет — картон, обтянутый кожезаменителем. На верхней крышке вытиснено восьмиконечное распятие. На л. 1 владельческая печать Георгиевской старообрядческой общины в г. Егорьевске и «№ 88».

На л. 59 об. концовка — примитив, — перо, чернила. Инициалы киноарные, на л. 1 — с небольшой орнаментацией.

Служебник содержит устав божественной службы, чин проскомидии и литургию Иоанна Златоуста.

В начале подписаны «Молитва к кадилу на усопших» (л. 1—1 об.) и молитва над кутьею (л. 2—3). В конце молитвы над кутьею примечание рукой писца: «Кутя же бывает пшеница, услажденная медом».

Ф. 594, № 42

10. «История российской церкви», сочиненная старообрядцем в 1884 г. и Житие боярыни Феодосии Морозовой.

Гектограф. Посл. четв. XIX в., не ранее 1884 г. (б. шт.: Клепиков. Книга 1, № 44—1868, 1870, 1888 гг.). Полуулав. 220 л. 8°. 17,5×10,7. Переплет — картон, оклеенный бумагой, с кожаным корешком. На л. 3 имеются владельческие штампы: «ИШ» и «Старообряд. священник Григорий Семенович Юдин». На л. 2, 96, 164 и 218 об. имеются владельческие штампы: «Библиотека старообряд. священника Григория Семеновича Юдина, № 187 К[аталог] алф[авитный]. И».

На л. 1, 163 об. рамки (2) с примитивными орнамент. украшениями по углам. На л. 1, 3, 19 об., 218 об. виньетки. Все — гектографы.

Содерж.: «История российской церкви. Рассмотрение ее быта и деятельности второй половины 17 и начала 18 столетий. Сочинение старообрядца 1884 года», нач.: «Во всех старых и новых сочинениях русского старообрядчества видится весьма важный недостаток...» (л. 1—163); «Житие и страдание новороссийских мучениц царския сиглицкия Феодосии Морозовой и сестры ее княгини Евдокии Урусовой и Марии, пострадалицы их в лето 7170-е»; нач.: «Первое реку о приснопамятной Феодосии боярыне и о сестре ее благоверной княгине Евдокии Урусовой...»; текст жития относится к сокращенной редакции⁴ (л. 165—218 об.).

Ф. 594, № 43

⁴ Ср.: Мазунин А. И. Повесть о боярыне Морозовой. Л., 1979. С. 119—120, 161—184.

11. Ирмологий на крюковых нотах.

Посл. четв. (кон.?) XIX в. (б. шт. на верхнем форзаце: Клепиков. Книга 1, № 44 — 1868, 1870, 1888 г.). Полуустав старообрядческий. 321 л. 1°. 34,2×24,0. Переплет — доски в тисненой коже. На л. 321 об. запись писца с просьбой об исправлении ошибок и неразборчивая подпись голубыми чернилами.

Заставки (10), концовка (1), большие инициалы (9) — эклектического орнамента, — в красках, с «золотом». Концовки (7) — примитивы, — перо, чернила, киноварь. Инициалы киноварные, часть — с позднее подкрашенными и подкрашенными орнамент. отростками. Вязь.

Нотация знаменная, с пометами и признаками. Разводы фит без знака фиты и указания на развод. Текст истинноречный.

В конце — розники (л. 283 об. — 298) и тропари, кондаки и светильны Рождеству Богородицы, Воздвижению, Введению, Рождеству Христову, Богоявлению, Сретению, Благовещению, в неделю цветную, Вознесению, Троице, Преображению, Успению, Покрову (л. 298 об. — 321).

Ф. 737, № 81

12. Чин и устав церковной службы.

Кон. XIX — нач. XX в. (б. зн. и шт. нет). Полуустав старообрядческий. 159 л. 16°. 10,2×8,5. Переплет — картон, обтянутый кожей с тиснением.

На л. 1,2 об. заставки (2) — примитивы растительных и геометрических форм, — перо, чернила, киноварь. На л. 34,41 заставки (2) примитивных геометрических форм, — перо, чернила, киноварь. На л. 33 об., 40 об. — концовки-примитивы, — перо, чернила. Инициалы киноварные, часть с орнамент. отростками.

Ф. 594, № 44

13. Чин и устав церковной службы.

Кон. XIX — нач. XX в. (б. зн. и шт. нет). Полуустав старообрядческий. 140 л. 16°. 10,6×8,6. Переплет — картон, обтянутый бархатом.

На л. 1, 26 об., 77 заставки примитивных геометрических форм, — перо, чернила, киноварь. На л. 76 об. концовка-примитив, — перо, чернила. Инициалы киноварные, часть с примитивными орнамент. отростками.

В тексте ектений имеются некоторые исправления в молении за царя и за главу церкви (вместо «патриарха» следует молиться за «архиепископа», т. е. за главу старообрядческой церкви белокриницкой иерархии).

Ф. 594, № 45

Составил Ю. Д. Рыков

Рукописи, пополнившие в 1986 г.

Коллекцию единичных поступлений
архивных материалов (ф. 743)

№ 56.1. Выпись из торопецких писцовых (7137—7139 гг.) и межевых (7138—7139 гг.) книг писца Дмитрия Воейкова и подъячего Федора Протопо-

пова, выданная из Поместного приказа торопчанину Ивану Жданову Корнилову на поместные земли в Торопецком у.

1658—1659 г. Скоропись. 28 л.

- № 56.2. «*Sonnenburgische Policey-Ordnung. De a(nn)o 1617*» (Полицейское уложение г. Зонненбурга [земля Франкфурт, округ Остштернберг], составленное в 1617 г.).

Втор. пол. XVII в. (1671 г.?) (б. зн.: типа Laucevicius № 852, 1689, 1690 гг). Писарской список. Нем. яз. 18 л. Листы сшиты в тетрадь. Старая нумерация: 39—56. В левом верхнем углу л. 2 помета писца: «8 Sept. 1671».

- № 56.3. *Сборник поэтических, прозаических и драматических сочинений русских и иностранных авторов* («Зборная библиотека». [Часть 17-я]), составленный Иваном Щербачевым, капитаном второго ранга.

1801. Рукой И. Щербачева, с его владельческой записью на л. 1. Текст в два столбца. 78 л. (II+76). В картонном переплете.

Среди авторов: Г. Р. Державин, М. И. Попов, А. П. Сумароков, Н. И. Шатров, А. Поп и др. Самостоятельный раздел составляют выписки из «Трудолюбивой пчелы» (1758) и «Доброго намерения» (1764). Другой сборник И. Щербачева (1772—1774 (см.: ф. 218, 1357.18).

- № 56.4. *Список романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Гл. I—VIII*, сделанный неустановл. лицом с большим количеством разночтений.

[1829—1833]. В тетради с владельческой записью Петра Яснопольского (бум.: Клепиков, № 661—1829). 141 л.

- № 56.5. *Сборник списков произведений А. С. Пушкина, К. Ф. Рыльева, И. И. Козлова, М. А. Дмитриева.*

В тетради с владельческой записью Петра Яснопольского (бум.: Клепиков, № 661—1829).

Содерж.: Дмитриев М. А. «Наполеон» («Востреша, земля! Из мрачных недр судьбы...») (л. 88—92); Козлов И. И. «Чернец. Киевская поэма».

(«За Киевом, где Днепр широкий...») С. 93—105 об.); «Безумная» («Когда дорогою большою...») (л. 106—118); Рылеев К. Ф. «Войнаровский» (л. 56—82 об.); Пушкин А. С. «Бахчисарайский фонтан» (л. 119—131 об.),

«Братья Разбойники» (л. 51—55), «Деревня» («Приветствую тебя, пустынный уголок...»), «К цензору» («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой...») (л. 85—87 об.), «Кавказский пленник» (л. 132—150), «Полтава» (л. 1—л. 36), «Цыганы» (л. 37—л. 50 об.); неустановл. лицо [Давыдов, Д. В.?] «Романс» («Вы замуштупили меня...») (л. 150 об.).

[1829—1833], списки разными почерками. 158 л.

- № 56.6. *Описание гибели русских моряков на острове Нукачиwa во время кругосветного плавания Ф. П. Врангеля в 1825—1827 гг.* на шлюпке «Кроткий» — выписки из статьи. Отрывки из рукописи под заглавием: Дневные записки о плавании военного транспорта Кроткого в 1825, 1826 и 1827 годах, под командою капитан-лейтенанта (что ныне капитан 2-го ранга) Врангеля 1-го // Северный архив. 1828. № 11/12. С. 49—106 (см.: с. 56, 71, 79—80, 82).

1830-е (бум.: 1830). Рукой неустановл. лица. 2 л.

- № 56.7. *Поэма К. Ф. Рыльева «Войнаровский».* Список 1840-х гг. с изд.: Рылеев К. Войнаровский. М., 1825. 23 л.+2 л. обл.

- № 56.8. *Стихотворение неустановл. лица «Голос осужденного в темнице Рыльева».* Список 1850-х гг. рукой неустановл. лица. 1 л.

- № 56.9. *Журнал посольства в Персию генерала Ермолова Алексея Петровича в 1817 году.*

Список 1833 71 л.

Переплет кожаный. На л. 1 владельческая надпись: «Гвоздев».

№ 56.10. Судебные документы:

— рапорт суда г. Гадяч Полтавской губ. по делу о долгах купца П. Бобрицкого;

— прошение Д. П. Бобрицкого в суд.

1840—1844. Писарские копии. 4 л.

№ 57.(1—2). «Журналы» действий л.-гв. и учебного саперных батальонов во время учений 1841 г.:

— «Журнал атаки»;

— «Журнал обороны».

1841. Писарские заверенные списки. 103 л. (3 чист.) + 100 л. (3 чист.) + 4 л. обл.

В 2-х кн. со штампами Фундаментальной библиотеки Военно-инженерной академии РККА. Переплеты картонные с кожаными корешками и уголками. На верхних крышках кожаные наклейки с названиями. На корешках и наклейках тиснение золотом.

№ 57.3. Стихотворение О. Арнуля (*Arnoul Honore*) «Его Величеству императору России», посвященное Николаю I.

1844. Франц. яз. Каллиграфическое письмо. Стихотворение вписано на шмуцтитовых листах в кн.: *Arnoul O. Reponse a un deputé sur le voyage a Londres de s. m. l'empereur Nicolas* (Ответ депутату о путешествии в Лондон императора Николая) (Paris, 1844). Книга в картонном переплете с золотым тиснением и обрезом. 24 л.

№ 57.4. Повесть А. А. Бестужева-Марлинского «*Мулла Нур*» (фрагмент). Список 1850-х гг. заключительной части повести рукою неустановл. лица. Оpubл.: Сто русских литераторов: Альманах. Т. 1. Спб., 1839. 11 л. + 2 л. обл.

№ 57.5. Стихотворения и отрывки из поэм Т. Г. Шевченко. Сер. XIX в. Укр. яз. Списки. 3 л.

№ 57.6. Биографические документы (заявления, рапорты, прошения, приказы, ходатайства) Евгения Евгеньевича Якушкина (1859—1930), внука декабриста И. Д. Якушкина.

1867—1918. В обл. с надписью «Дело Московской 7-й гимназии». 218 л.

Среди документов — формулярный список о службе Евгения Ивановича Якушкина (1826—1905). Писарская копия. 6 л.

№ 57(7—8). Материалы по истории строительства железных дорог в России:

— письмо Николая Алексеевича Милютина к неустановл. лицу (адмиралу) о проекте строительства Невско-Амурской железной дороги.

[Не позднее 1872]. Черновое, рукою неустановл. лица. 2 л. (1 чист.);

— письмо секретаря Смитсоновского института в Вашингтоне Джозефа Генри к неустановл. лицу о плане соединения Америки и Европы железной дорогой через Аляску и Сибирь.

1874 мая 21. Копия рукою неустановл. лица. Англ. яз. 2 л. (1 чист.).

№ 58.1. Материалы Федора Карловича Арнольда (1877—1954), юриста, преподавателя Московского государственного университета:

«Свое и чужое» — воспоминания (сер. 1940-х — 1950-е), машиноп. с дополнениями рукою автора. 460 л.

Содерж.: жизненный путь автора (1888—1922); сведения о семье — отце, К. Ф. Арнольде, преподавателе математики, деде Ф. К. Арнольда; деятельность В. А. Гольцева; жизнь радикальной интеллигенции и общественные

течения в России 1900-х гг., революционные события 1905, 1917 гг. в Москве. Упом.: В. Я. Брюсов, М. Волошин, З. Ф. Златовратский, В. Г. Короленко, В. И. Немирович-Данченко, В. Соловьев и др.

Присоединены именной и предметный указатели к воспоминаниям, машиноп., 6 л.; справки о Ф. К. Арнольде и упом. лицах, машиноп., 21 л.; родословная Арнольдов [сост. А. Ф. Арнольдом], б. д. автогр., 1 л.; газ. «Русские ведомости» со статьями, посвящ. памяти В. А. Гольцева, (1916), печ., 1 л.; фотокопия с портрета Ю. К. Арнольда [1890-е], 1 л. Всего 490 л.;

— свидетельство о рождении Ф. К. Арнольда (1877), писарская копия с печатью, подписями, записью о браке с Д. В. Гольцевой 15 июля 1900 г., штампом «выдан вид на жительство», заверительными записями 1902, 1903 гг., бумага пожелтела, плохой сохранности, порвана по краям, 2 л.;

— фотографии: К. Ф. и И. С. Арнольдов [1880-е], на паспорту, наклеена на л. бумаги с поясн. надписью, 1 фот.; Ф. К. Арнольда и В. А. Гольцева [1890—1900-е], наклеена на лист бумаги с пояснит. надписью, 1 фот.; Ф. К. Арнольда [1900-е, 1950-е], наклеены на л. бумаги с поясн. надписью, одно — фотокопия, другое — вырезано из групповой фотографии, на паспорту, 2 фот.; И. С. и А. Н. Арнольдов (1900-е), на паспорту, с поясн. надписью, 1 фот.; В. А. Гольцева, [1900-е], наклеена на л. бумаги с поясн. надписью, 1 фот.; В. А. и О. В. Гольцевых [1870—1890-е], на паспорту, наклеены на л. бумаги с поясн. надписью, 2 фот.; Т. В. Гольцевой, (в браке Крючковой) (1900-е), наклеены на л. бумаги с поясн. надписью, 1 фот.; Н. А. Опель (в браке Гольцевой) [1880-е], наклеена на л. бумаги с поясн. надписью, 1 фот.; В. А. Опеля (1900-е), часть — на паспорту, наклеены на л. бумаги с поясн. надписями, 3 фот.; присоединена биографическая справка о В. А. Опеле [сост. А. Ф. Арнольдом], б. д., машиноп., 1 л.

— нотная запись романса А. А. Опеля «Красотка» [1870—1880-е], черновой автограф, бумага плохой сохранности, порвана по краям; присоединена справка об А. А. Опеле, [сост. А. Ф. Арнольдом], б. д., машиноп., 2 л.

№ 59(1—20). *Материалы архива Якушкиных*, потомков декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина: фотографии Евгения Ивановича (1826—1905), Вячеслава Евгеньевича (1856—1912), Евгения Евгеньевича (1859—1930-е), Анастасии Евгеньевны (1852—1923), Софьи Евгеньевны (1853—1931), их друзей (1870-е—1900-е) 38 фот.; воспоминания, доклад «И. Д. Якушкин и его потомки» Владимира Вячеславовича Якушкина.

1980-е, автогр., машиноп. 14 л.

№ 59.21. *Повесть Л. Н. Толстого «Крейцера соната или повесть о том, как муж убил жену»*. 1888, авг. 26 // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1936. Т. 27. С. 7—78 (осн. текст); с. 291—338 (варианты литографированной редакции текста, учтенные в списке).

№ 59(22—23). *Дарственная надпись, четверостишие «Пройдут уж годы...», добавления к тексту стихотворения «Стенька Разин» Гиляровского Владимира Алексеевича (1853—1935)*, русского советского писателя, в книге его стихов «Забятая тетрадь». (М., 1894; (см.: тит. л., а также с. 66, 72).

№ 59.24. *Почетный диплом, выданный Русским техническим обществом Лисовскому Николаю Михайловичу (1854—1920) за продолжительную историко-литературную и библиографическую деятельность, издание труда «Русская периодическая печать 1703—1894 гг.»*.

1896 янв. 23. Печатный. 1 л.

- № 59.25. *Фотография Константина Михайловича Станюковича (1843—1903), русского писателя, с дарственной надписью: «Дмитрию Дмитриевичу Рудневу от сердечного, любящего и уважающего К. Станюковича».*
1898 марта 15.
- № 59.26. *Фотографии П. И. Бирюкова (одна в группе с В. Г. Чертковым и И. И. Горбуновым).*
[1920-е] 2 фот.
- № 59(27—28). *Записи фольклора и примет, сделанные Марией Ильиничной Шалауровой (урожд. Федоровой).*
1949. Автограф. 32 л. + 12 л. Присоединено письмо В. Д. Бонч-Бруевича к М. И. Шалауровой. 1938 апр. 19. Машинопись с подписью-автографом. 1 л.
- № 60.1. *Перевод с украинского на русский язык сатирической поэмы И. П. Котляревского «Энеида», сделанный Д. Г. Андреевым.*
[1950—1969]. Машиноп. 177 л.
- № 60.2. *Письмо Д. Г. Андреева директору Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина Н. П. Кондакову.*
1969 ноября 10. Машиноп. 1 л.; на об. фрагменты текста поэмы «Энеида» на укр. яз. рукой Д. Г. Андреева; письмо издательства «Днипро» к Д. Г. Андрееву.
1969 ноября 12. Машиноп. 1 л.
- № 60(3—4). *Пригласительный билет на встречу с Л. Арагоном и Э. Триоле с их автографами, и фото Э. Триоле с дарственной надписью неустановл. лицу.* 1957 апр. 26. Автограф. 2 л + 1 фот.
- № 60(5—7). *Письма Владимиру Семеновичу Зотову, научному сотруднику дома-музея К. Э. Циолковского в Калуге, ученому секретарю Государственного музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского:*
— Никитиной Евдоксии Федоровны (1895—1973), литературоведу, организатору литературных заседаний, получивших в 1921 г. название «Никитинские субботники».
1964—1965, 6. д. 10 п. 17 л. + 11 конв. С приложением визитных карточек, собственной фотографии, газ. вырезок со статьями о «Никитинских субботниках».
— Чижевского Александра Леонидовича (1897—1964), известного специалиста в области физики и космической биологии.
1962—1964. 9 п. 9 л. + 7 конв.
— Чижевской Нины Вадимовны, жены А. Л. Чижевского.
1960—1970-е. 13 п. 14 л. + 8 конв.
- № 60.8. *«Меновая ценность и цена в системе Рикардо» — историко-экономическое исследование Николая Григорьевича Петухова.*
1963. Машиноп. с авт. правкой, дополнениями и подписью-автографом. 183 л. (1 ч.). В ледериновом переплете.
- № 60.9. *Фотографии памятных мест г. Баргузина.*
[1970-е ?]. 4 фот.
Снимки места расположения дома и могилы декабриста М. К. Кюхельбекера.
- № 60.10. *Воспоминания Вайншенкер П. Л., Богаевской К. П., Ивановой Л. М., Клепикова С. А. и др. о В. Д. Бонч-Бруевиче как первом директоре Государственного литературного музея.*
1974—1978, 1985. Автогр., машиноп., машиноп. копия. 149 л.

Составила Л. Ф. Рябченко

Новые архивные фонды и рукописи, присоединенные к ранее поступившим архивам

1. Родовой архив Шереметевых.

Биографические документы и материалы служебной деятельности: разрозненные документы об образовании и служебной деятельности Василия Владимировича (1743—1806), Сергея Васильевича (1786—1834), Варвары Петровны (урожд. Алмазовой) (1786—1857), Варвары Сергеевны (в замуж. Голицыной) (1815—1880), Бориса Борисовича (1867—1918); комплекс материалов Бориса Сергеевича Шереметева (1820—1906), среди которых — формулярные списки, патенты на чины, свидетельства о награждениях, дипломы обществ, документы об обучении в Пажеском корпусе (1837—1842) (конспекты лекций, литографированные курсы с владельческими записями по фортификации А. З. Теляковского, артиллерии Е. Х. Весселя, военной истории Н. Ф. Ортенберга, военно-уголовному судопроизводству К. Любощинского, ученические тетради для занятий по русскому и иностранному языкам), документы и материалы о службе в гвардии, дворянском ополчении (1855—1856) предводителем дворянства Волоколамского у. Московской губ., главным смотрителем Странноприимного дома гр. Н. П. Шереметева, финансовые документы, материалы об организации похорон: — речи, воспоминания гр. С. Д. Шереметева; материалы Ольги Геннадиевны Шереметевой (урожд. Чубаровой) (1885—1841), среди которых — конспекты лекций в Смольном институте, выписки из книг, ученические сочинения по истории, философии, подготовительные материалы к изданию бюллетеня Гос. литературного музея «Музыканты и композиторы» (описания рукописей, архивные выписки по фондам ГЛМ) втор. пол. 1930-х гг., алфавитный каталог русских и советских артистов, композиторов, исполнителей, каталог книг библиотеки П. Я. Чаадаева и алфавитный указатель к нему (карточные).

Имущественно-хозяйственные материалы: книги прихода и расхода денег С. В., В. П., Б. С. Шереметевых кон. XVIII в. — 1906 г.; копии судебных дел перв. пол. XIX в. между представителями семьи Шереметевых и третьими лицами (Алмазовыми, Голицыными, Безобразовыми и др.); документы по управлению имениями в с. Помоголово с д. Вязниковского у. Владимирской губ. перв. пол. XIX в., с. Хатовка с д. Кашинского у. Тульской губ. перв. четв. XIX в.; с. Никольское с д. Подольского у. Московской губ. кон. XVIII — нач. XIX в., с. Мещерское (Покровское) Аткарского у. Саратовской губ. перв. четв. XIX в., с. Городище Юрьев-Польского у. Владимирской губ. перв. четв. XIX в., д. Канчеево Гжатского у. Смоленской губ. перв. пол. XIX в., с. Царево-Займище с д. Вязниковского у. Смоленской губ. посл. четв. XVIII — перв. четв. XIX в. (в том числе документы о разорении крестьянских хозяйств в ходе военных действий 1812 г.), с. Козьмодемьянское с д. Кашинского у. Тверской губ., с. Волочаново, Шахордино с д. Волоколамского у. Московской губ. (1800-е — 1880-е) (дела о введении во владение имениями, подворные описи, ревизские сказки, приказы, инструкции помещиков старостам, бурмистрам, управляющим, донесения старост, управляющих, ведомости прихода и расхода денег по имениям, «столовых припасов», зерна, фуража, инвентаря, ведомости о посевах, ужине, умолоте зерновых, сборе недоимок с крестьян, прошения крестьян по разным вопросам, дела о «проступках» крестьян,

рекрутских наборах, имущественно-хозяйственные документы по строительству, ремонту, содержанию помещичьих усадеб, документы о заlogs, разделах имений);

наиболее полно и за длительный период представлены материалы по Волочановской экономии Шереметевых, среди них — приказы управляющим за 1838—1880 гг., донесения управляющих за 1832—1887 гг. отчеты 1855—1882 гг., книги и ведомости о приходе и расходе денег по экономии за 1812—1887 гг., ведомости о приходе и расходе экономической и мирской денежных сумм за 1840—1856 г., ведомости о приходе и расходе хозяйственной наличности за 1840—1855 г., ведомости о крестьянской недоимке за 1840—1856 гг., ведомости о выплате жалования служащим вотчинной конторы и дворовым людям за 1832—1851 гг., уставные грамоты перв. пол. 1860-х гг., документы по истории помещичьего предпринимательства, в том числе рапорты управляющих винокуренным заводом за сер. 1850-х гг., каталоги библиотеки за 1797—1880 гг.

Материалы родственников Шереметевых: архив семьи Лютер, в который входят документы о военной и гражданской службе Ивана Ивановича Лютера (1860—1932); его «Воспоминания о былом. Из семейной хроники», охватывающие период с 1860 по 1924 г. (детство, обучение в Николаевском кавалерийском училище 1879—1881 гг., служба в л.-гв. конно-гренадерском полку 1881—1894 гг., председателем земской управы Рыбинского у. 1895—1917 гг.; картины жизни провинциального ярославского дворянства втор. пол. XIX — нач. XX в; исследования И. И. Лютера по истории и генеалогии дворянских родов Лютер, Хомутовых, Чубаровых, Шиповых и др. и подготовительные материалы к ним; переписка И. И. Лютера с членами семьи, родственниками, государственными, благотворительными, дворянскими организациями по вопросам служебной деятельности, генеалогических разысканий; биографические документы Александра Ивановича Лютера (1893—1919) об обучении в Рыбинском коммерческом училище в 1909—1912 гг., призыве на военную службу в октябре 1914 г.; дневники А. И. Лютера 1916—1918 гг. (служба прапорщиком в 52-й артиллерийской бригаде 2-го горного дивизиона на Карпатах, описание боевых действий, бытовые зарисовки, разложение царской армии, реакция офицерства на рост революционного движения в стране — ок. 600 л.); рукописные сборники произведений прозы и стихов А. И. Лютера (1907—1918); фотографии сослуживцев и их письма; разрозненные документы (выписки из метрических книг, свидетельства об окончании учебных заведений, справки с мест работы и т. д.) Ивана, Любови, Николая, Софьи Лютер кон. XIX в. — 1919 г.

Архив семьи Чубаровых: биографические документы Александра Геннадиевича Чубарова: (свидетельства о рождении, образовании, дворянском происхождении, службе в 1-м стрелковом полку гвардейского корпуса); его письма матери и сестре из немецкого плена (1914—1918); тетрадь 1870-х—1880-х гг. Натальи Александровны Чубаровой (урожд. Хомутовой) с записями стихотворений, в том числе шуточные «Стихи Смольного института», посвященные преподавателям И. П. Верещагину, И. И. Григоровичу, В. И. Срезневскому; письма от родственников и однополчан о судьбе А. Г. Чубарова (более 30 корреспондентов); письма Н. А. Чубаровой к О. Г. Шереметевой (урожд. Чубаровой) (1900—1914); письма к Н. А. Чубаровой от разных лиц, в

том числе — А. Г. Чубарова (1915—1918), Е. И. Хомутовой (1902—1914).

Комплекс материалов Марии Ивановны Шиповой (1832—1900-е): ученические тетради, конспекты, выписки из книг, дневники 1852—1902 гг. (времяпрепровождение, личные переживания, впечатления от поездок к родственникам Шиповым, Чубаровым, сведения по истории и деятельности волжского пароходства «Дружина», жизнь в Иваново, Нижнем Новгороде, с. Никольском и др.); воспоминания Татьяны Александровны Аксаковой (урожд. Сиверс) 1952—1955 гг. (детство, обучение в гимназии, Строгановском училище, «в семье Шереметевых» и др.); разрозненные документы XIX в. П. П. и М. Б. Алмазовых, Теодора Дёлера, Е. С. Дёлер (урожд. Шереметевой), О. А. Шиповой (урожд. Супоневой) и др.

Документы и материалы третьих лиц: материалы по истории Пажеского корпуса, среди которых — приказы, инструкции, списки пажей, ведомости сдачи экзаменов, лекционные курсы по военно-уголовному судопроизводству, артиллерии Е. Х. Весселя, алгебре А. М. Македонского, военной истории И. Ф. Ортенберга, фортификации, минном искусстве А. З. Теляковского, статистике, словесности, эстетике и др. (литогр., писар.), ученические тетради и конспекты лекций пажей Н. Бистрома, С. К. Гербея, А. Голицына, В. Каховского, К. П. Перрена, М. М. Родзянко, Д. Г. Языкова и др. за втор. пол. 1830-х — перв. пол. 1840-х гг.

Переписка: письма Б. С. Шереметева к В. П. Шереметевой (1841—1856) Е. В. Шереметевой (1836—1864), О. Н. Шереметевой (1875—1890) кн. П. П. Вяземскому, кн. А. В. Мещёрскому, К. П. Победоносцеву и др.; письма к Б. С. Шереметеву от разных лиц, среди которых — И. С. Аксаков (1882), А. П., И. П., Н. П. Барсуковы, П. И. Бартенёв (1880), А. В. Белоусов (1859—1890), гр. А. В. и С. П. Бобринские (кон. 1850-х), кн. П. П. Вяземский (1878), Е. С. Дёлер (урожд. Шереметева) (1841—1888), Теодор Дёлер (1847—1851, 3), А. А. Римский-Корсаков (1893), кн. А. В. Мещерский (1860-е), Л. М. Муравьев (1854—1862), гр. В. И. Мусин-Пушкин (1857—1884), К. П. Победоносцев (1883, 1), Ф. И. Тютчев (1903, 1); переписка Б. С. Шереметева с общественными, сословными, государственными организациями по вопросам служебной и хозяйственной деятельности; письма Б. Б. Шереметева к Б. С. Шереметеву (1875—1905); письма к Б. Б. Шереметеву от разных лиц, среди которых — В. П. Костромитина (1899—1914), Д. Н. Шипов (1910—1914); письма В. П. Шереметевой (урожд. Алмазовой) к В. С. и В. П. Шереметевым (1834—1856), Б. С. Шереметеву (1847—1856); письма к В. П. Шереметеву (урожд. Алмазовой) от разных лиц, среди которых — Н. П. Алмазов (1830—1856), М. Б. Алмазова (урожд. Голицына) (1819—1856), М. П. Блохина (1820-е — 1856), В. И. Булыгин (1835—1856), А. Б. Голицын (1851—1856), В. С. Голицына (урожд. Шереметева) (1830-е — 1856), Е. С. Дёлер (урожд. Шереметева) (1820-е — 1856), кн. А. А. Закревский (1852—1856), Д. М. Муравьев (1839—1856), А. П. Потапов (1840-е), Е. П. Сухово-Кобылина (1832—1856) и др.; письма В. С. Шереметева к С. В. и В. П. Шереметевым (1821—1856); письма к В. С. Шереметеву от разных лиц, среди которых — М. Б. Алмазова (урожд. Голицына) (1824—1846), Е. С. Дёлер (урожд. Шереметева) (кон. 1820-х — 1859); письма Шереметева Н. Б. к Б. С. и О. Н. Шереметевым (1877—1899); письма С. С. Шереметева к С. В. и В. П. Ше-

реметевым (1832—1856), Б. С. Шереметеву (1854—1880); письма Е. В. Шереметевой к В. П. Шереметевой (1823—1856), Б. С. Шереметеву (1848—1864); письма Е. С. Шереметевой к С. В. и В. П. Шереметевым (1822—1856); письма О. Н. Шереметевой к Б. С. Шереметеву (1871—1906); письма гр. Д. Н. Шереметева к В. П. Шереметевой (1837—1856); письма гр. Д. С. Шереметева к Б. С. Шереметеву (1860—1906); письма разных лиц к Е. С. Дёлер (урожд. Шереметевой), среди которых — М. П. Блохина (1850-е), В. С. Голицына (урожд. Шереметева) (1861—1878), В. Гагарин (1866—1868), Е. П. Сухово-Кобылина (1861—1872); переписка Шереметевых с представителями семей Алмазовых, Блохиных, Бобринских, Булыгиных, Голицыных, Львовых, Мусиных—Пушкиных, Самариных, Сухово-Кобылиных, Чернышовых, Чичерных, Чубаровых, Шаховских, Шиповых, Хомутовых и др. за втор. пол. XIX — нач. XX в.

Изобразительные материалы: фотографии членов семьи Шереметевых (преимущественно детей Б. С. Шереметева), их родственников (Алмазовых, Блохиных, Бобринских, Гагариных, Голицыных, Мусиных-Пушкиных, Чичерных, Шиповых), (втор. пол. XIX — нач. XX), учениц и воспитателей Смольного института (1879—1880), видовые фотографии архитектурных памятников, произведений искусства России и Западной Европы (104 фот).

Втор. пол. XVIII в. — 1950-е.

Ф. 817

2. *Дополнения и исправления в кн.: Сопиков В. С. Опыт российской библиографии или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках от начала заведения типографий, до 1813 года... Ч. 1.*

1840—1841. Автограф, чернилами и карандашом, в печ. тексте и на вклеенных листах. 406 л. (75 ч.). Переплет — картон в коже с тиснением. На л. 2 об. владельческая запись: «Замечания и выписки, помещенные при сей книге, сделаны мною в Сергиевой Лавре, по окончании Академического курса, во 2-й половине 1840 и в первой 1841 годов. В. Ундольский».

Ф. 704.32.1

3. *Материалы из архива Владимира Константиновича Пискорского* (1867—1910), историка, испаниста, профессора Казанского университета: письма В. К. Пискорского к жене З. З. Пискорской (22, 1902, 1903, 1907, 1909, 1910), дочерям Елене В. Пискорской (1907), Елиз. В. Пискорской (1907), Н. В. Пискорской (1907); письма К. К. Пискорского к В. К. Пискорскому (2; 1894) и др.; извещение Петербургского бюро Академического союза о созыве съезда делегатов (1907); справка о научной деятельности В. К. Пискорского, составленная А. К. Дживелеговым (1910-е — 1920-е); фотографии В. К. Пискорского в том числе в кругу семьи, среди преподавателей и студентов историко-филологического факультета Казанского университета (1860-е — 1911).

Ф. 604,16.32—46

4. *Материалы из архива Зенгеров. Зенгера Г. Э.* (1853—1919), филолога-латиниста, члена-корреспондента Академии наук, попечителя Варшавского учебного округа, профессора Варшавского университета (1885—1901), министра народного просвещения (1903—1904): отписки статей с пометами автора, наброски к книге «Метрические переложения на латинский язык» (1880-е — 1904); черновые письма в редакцию журнала «Русское обозрение» (3, 1892), к дочерям М. Г. Ашуки-

ной (123, 1906—1919), Е. Г. Зенгер (6, 1913, 1919); фотографии друзей, профессоров Варшавского университета (ок. 50, 1900-е). *Цявловской Т. Г.* (1897—1978), ученого-пушкиниста: письма к отцу Г. Э. Зенгеру (10, 1911—1919), к матери Е. А. Зенгер (234, 1910—1938), к сестре М. Г. Ашукиной (512, 1911—1978); письма к Т. Г. Цявловской литературоведов А. С. Ашукина, И. Э. Бочкова, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевича, Н. В. Измайлова, Б. В. Томашевского, Г. И. Чулкова и др. *Ашукиной М. Г.* (в первом браке Муравьевой) (1894—1980): биографические документы (27, 1908—1934); рукописи переводов с французского языка — «История косметики» (1930—1940), «Новонайденная рукопись Дидро» (1940-е); неопубликованные рукописи, среди которых — «Жизнь Лермонтова» (1941), «Выдержки из дневника М. И. Барятинской за 1836 г.» (1933) и др.; переписка с родственниками (ок. 600, 1905—1937). *Зенгера Н. Г.* (1897—1938), участника первой мировой войны, сотрудника Государственного Эрмитажа и Музейного фонда: материалы служебной деятельности — картотеки экспонатов залов архитектуры, живописи, графики, скульптуры, мебели, фарфора; конспекты лекций по экспозициям и др. (1910—1933); письма к родственникам (ок. 360, 1905—1938). *Зенгера Г. Г.* (1900—1922), железнодорожного служащего: биографические документы, переписка с родственниками (ок. 100, 1909—1921).

1880-е — 1970-е. Ок. 18300 л.

Ф. 761

5. *Материалы из архива Сергея Григорьевича Петровского* (1881—1938), историка, экономиста, краеведа: письма брата Александра Григорьевича Петровского (52, 1911, 1914—1917); семейный альбом родственников Голыньских (1901—1916).
1901—1917. 95 л. + 584 фот.

Ф. 671. 4.18; 7.48

6. *Фотография Николая Александровича Рубакина*. [1907]. Выборг.
1 фот. на паспарту. На обороте дарственная надпись Н. А. Рубакина Маргарите Яковлевне Морозовой (партийный псевдоним, настоящее имя — Мария Карловна Дефье).

Ф. 358.493.9

7. *Материалы из архива Владимира Ивановича Невского* (1876—1937), деятеля Коммунистической партии, историка, директора Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина: письма В. И. Невского к жене Л. В. Невской (1928, 1930, 3), сыну М. Ф. Кривобокову (1930), дочерям М. В. Невской (1925—1936, 18) и Л. В. Невской (1918, 1927—1936, 18); письмо М. Ф. Кривобокова к матери (1930); стихотворения В. И. Невского и сказка для внуков «Мужик, волк и лиса»; биографические сведения о членах семьи и близких родственниках В. И. Невского, а также о судьбе его писем к жене и дочерям, записанные Л. В. Невской.
1910-е — 1985. 118 л.

Ф. 384, 24.75—81

8. *Материалы из архива А. Белого* — Бориса Николаевича Бугаева (1880—1934), русского советского писателя.
1910-е — 1920-е.

Ф. 25. 38. 10—11

9. *Архив Бориса Михайловича Теплова* (1896—1965), советского психолога, основоположника советской дифференциальной психофизиологии, действительного чл. АПН РСФСР (1945), заслуженного деятеля

науки РСФСР (1957), гл. редактора журн. «Вопросы психологии» (1958—1965): материалы служебной деятельности по изучению творчества артисток оперных театров («Семь Татьян»), стенографические записи бесед с сов. пианистом К. Н. Игумновым и нар. арт. СССР Е. А. Степановой, отчет о проведении психологических тестов, программы курсов по психологии; письма Б. М. Теплова к различным адресатам, в том числе в Академию педагогических наук (1, 1958), в Институт философии (1, 1949), к ученым, философам и психологам, к А. П. Губко, автору биографической статьи о Б. М. Теплове для Украинской советской энциклопедии (1, 1962), Г. Н. Кечхуашвили (1, 1951), В. В. Орлову (1, 1963), Г. А. Самарину (1, 1962), к читателям различных журналов с пояснением ряда положений своих статей и выступлений, В. С. Пономареву (1, 1954), Д. Н. Соболю (1, 1955), П. Н. Трусову (1, 1950), к издателю работ Б. М. Теплова во Франции проф. Фрессу (1, 1960), письма от различных учреждений и организаций, от ученых, философов, психологов, медиков, среди которых — В. А. Гиляровский (1, 1949), В. В. Орлов (1, 1963), Г. А. Самарин (1, 1962), проф. Фресс (1, 1960) и др.; отдельные главы монографии «Психология музыкальных способностей», рукописи статей, докладов, автограф статьи «О Максе Вертхеймере, основателе гештальтпсихологии» [1935], отзывы о книгах, диссертациях различных авторов, таких как А. А. Смирнов, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевский и др. (материалы к работам, представляющие собой выписки из книг с обширными авторскими комментариями по следующим проблемам: история русской и зарубежной психологии, психология музыкальных способностей, художественного творчества, рефераты работ по исследованию высшей нервной деятельности животных и человека (кон. 1950-х — 1960-е)); оттиски работ различных авторов с дарственными надписями Б. М. Теплову.

1915—1964. Ок. 9000 л.

Ф. 815

10. *Воспоминания Елизаветы Владимировны Сабуровой* (ур. Соллогуб) (1847—1932), дочери писателя В. А. Соллогуба, жены Андрея Александровича Сабурова — попечителя Дерптского учебного округа (1875—1880), министра народного просвещения (апрель 1880 — март 1881). Детство; жизнь в Дерпте; путешествия за границу (Италия, Германия, Франция, Англия, Швейцария); Крымская война (1853—1854); восстание в Польше (1863); покушение Д. В. Каракозова на Александра II; деятельность А. А. Сабурова в качестве попечителя Дерптского учебного округа и министра народного просвещения; русско-турецкая война (1877—1878); открытие в Москве памятника А. С. Пушкину; убийство Александра II; коронация Николая II; Ходынская катастрофа; убийство Н. М. Сипягина; революция 1905—1907 гг.; семейные события и организация собственной жизни и хозяйства. Упом.: А. И. Барятинский, А. Н. Бенуа, А. Н. Бруни, А. В. Веневитинов, П. Виардо, П. А. Висковатов, М. С. Воронцов, Гапон, М. И. Глинка, Н. В. Гоголь, Д. В. Григорович, М. Н. Катков, М. П. Лазарев, М. Т. Лорис-Меликов, Н. Н. Миклухо-Маклай, В. Ф. Одоевский, Ф. М. Одоевский, Ж. Оффенбах, К. И. Пален, К. П. Победоносцев, Н. М. Пржевальский, Н. Г. Рубинштейн, Н. Ф. Самарин, В. С. Соловьев, А. К. Толстой, И. С. Тургенев, П. И. Чайковский, Г. В. Чичерин и др.

Нач. 1920-х. 2 тетради. 292 л.

Ф. 667, 3.1—2

11. *Материалы из архива Александра Давидовича Эйхенгольца* (1897—1970), библиографа, книговеда, профессора Московского гос. ин-та культуры: рукописи опубл. и неопубл. статей и обзоров, «Еще о редакционном монтаже книги» ([1923]), «К истории первых переводов «Капитала» Маркса на русский и французский языки. (К 50-летию со дня смерти К. Маркса 14.III.1883—14.III.1933)» ([1933]), «Издание произведений В. И. Ленина» (2-я ред. [1936]), «Первое русское издание «Капитала». Библиографическая заметка» (1937), «Произведения Ленина» ([1937]), «Библиография марксизма» ([1937]) и др.; библиографические списки — «Список брошюр В. И. Ленина, изданных в 1905—1907 гг.» (1937), «Список книг и брошюр В. И. Ленина, изданных в 1917 году» (1930-е), «Что читать о жизни и деятельности Ф. Энгельса. К 42-й годовщине со дня смерти Ф. Энгельса — 5 августа 1895 г.» (1937); лекции и доклады — «Стандартизация титульного листа» (2-я ред. [1923?]), «Обзор библиографических источников по истории ВКП(б)» (1937), «Я. С. Рогинский, 1886—1957. [Воспоминания]» ([1958]); рецензии на работы разных авторов, среди них — М. А. Брискман, К. Н. Дерунов, А. В. Мезьер, Я. И. Хотяков, Н. Ф. Яницкий; материалы к работе по изучению жизни и деятельности В. С. Сопикова — доклады, стенограмма выступления, тезисы докладов «Сопиков и его влияние на развитие русской библиографии» (1945), «В. С. Сопиков — классик русской библиографии. К 130-летию со дня смерти 1818—1948» (1949), «В. С. Сопиков — основоположник русской библиографии» (1949), план-проспект книги «В. С. Сопиков» (1960-е), систематизированные заметки и выписки, списки и фотокопии документов, картотеки; письма А. Д. Эйхенгольца к О. Д. Голубевой (1, 1960), С. П. Луппову (1, 1961), А. И. Маркушевичу (1, 1967), Я. И. Хотякову (1, 1956), Д. Д. Шамраю (1, 1960-е), письма к нему от 9 кор., среди них — М. С. Бабинцев (1, 1949), М. А. Брискман (2, 1952, 1956), О. Д. Голубева (2, 1956, 1960), С. П. Луппов (1, 1961), Я. И. Хотяков (1, 1959), Д. Д. Шамрай (18, 1943—1952); материалы других лиц — доклады М. С. Бабинцева «О рекомендательном характере «Опыта российской библиографии» В. С. Сопикова» (1940) и А. Г. Биснека «Библиографические материалы книготорговой, издательской и библиотечной деятельности Василия Степановича Сопикова в Петербурге с 1791 по 1811 год» (1941).
1923—1970.

Ф. 750.7.1—11.26

12. *«Девятьсот пятый год» — поэма Бориса Леонидовича Пастернака.* 1927. Москва/Ленинград. Печ. изд. с правкой (карандашом) в тексте и с дарственной надписью автора Раисе Романовне Томашевской, в которой упоминает знакомство Р. Р. Томашевской с М. И. Цветаевой, его «лучшим другом и любимейшим поэтом».
52 л. + 2 л. обл.

Ф. 645.48.38

13. *Материалы из архива Исаака Михайловича Кауфмана* (1887—1971), библиографа и книговеда: «Деятели книжного дела в СССР» (1960-е — 1971) — картотека словника библиографического словаря (черновой автограф) и машинописная перепечатка с дополнениями Ю. С. Перцовича; среди подготовительных материалов предварительный список (словник) словаря, предложения И. М. Кауфмана по его доработке, отзывы и замечания на словник разных лиц, среди которых — И. Е. Баренбаум, С. Я. Боровой, М. А. Брискман, Т. А. Быко-

ва, И. Я. Каганов, А. Э. Мильчин, П. Н. Попов, С. А. Рейсер, Е. И. Рубинштейн, А. А. Сидоров, Г. Н. Чабров, Д. В. Шварц и др.; картотеки И. М. Кауфмана «Граверы, иллюстраторы книг» (2, 1960-е); выписки и заметки об отдельных деятелях книжного дела; списки (перечни) деятелей книги, составленные разными учреждениями и лицами, среди которых — А. Апинис и Е. Пейле («Материалы для предварительного списка деятелей книги Латвии», 1970), И. М. Картавцов («Наши утраты» за 1926—1928 гг., оттиски с дарственными надписями автора Н. М. Ченцову и И. М. Кауфману, машинопись незаданной части указателя за 1928 г., «Материалы для библиографического словаря деятелей книги СССР. Предварительный список. Выпуск первый», 1960-е), Г. Гульбин (предисловие и именной указатель к словарю русских арабистов, 1940), акад. И. Ю. Крачковский (предисловие — «от редактора» — к словарю русских арабистов), Р. С. и Л. С. Мандельштам («Предварительный список деятелей книги (библиографов, книговедов, библиотечных деятелей, издателей, книготорговцев, библиофилов и проч.). База—Румянцев Н. П.», 1945), Кн. палата УССР и др.; анкеты и автобиографии деятелей книги, среди которых — В. Н. Алексеев, В. А. Амбарцумян, А. И. Аннушкин, Э. С. Беркович, П. Т. Ганенко, М. П. Гастфер, В. К. Григорович, С. А. Дубинская, А. С. Киртока, И. И. Корчагин, А. Г. Миронов, А. М. Михайлов, А. Ф. Садофьев, В. И. Терешин, М. Г. Швалб, И. И. Шпак, А. Л. Шполянская и др. (часть анкет дополнена списками опубликованных работ); письма И. М. Кауфмана к 10 адресатам, среди которых — В. Н. Видман (1, 1971), Е. Д. Петряев (1, 1967), Дж. С. Г. Симмонс (1, 1970), А. Д. Эйхенгольц (1, 1970) и др.; письма к нему от более чем 165 кор., среди которых — В. В. Аристов (1, 1971), Н. М. Артюхова (2, 1971), Л. А. Везирова (2, 1970), М. М. Винокур (10, 1970, 1971), Г. А. Голубенский (7, 1971), Ю. И. Григорьев (2, 1969, 1971), В. И. Гульчинский (4, 1971), Н. И. Ильина (1, 1970), Е. И. Кацпржак (1, 1971), И. М. Картавцов (1, 1971), В. Г. Лидин (2, 1971), Ф. Ф. Максименко (3, 1967—1790), В. И. Малышев (3, 1970), Л. С. Мандельштам (2, 1970, 1971), О. В. Маслова (2, 1970), Н. Н. Покровский (1, 1970), А. И. Рогов (1, 1971), А. П. Толстяков (9, 1967—1970), А. И. Тюнеева (1, 1970), В. Н. Чуванов (39, 1969—1971), Я. Н. Шапов (1, 1970) и др.; фотографии И. Е. Кауфмана (1, 1960-е) и И. Б. Позднеева (фотокопия со снимка 1898 г.).

1930—1970-е.

Ф. 640

14. *Портреты Юлии Алексеевны Кутыриной* (р. 1891?), исполнительницы русских народных сказаний, издателя детского журнала «Огоньки» на русском языке в Париже, племянницы и хранителя архива И. С. Шмелева за рубежом, жены писателя И. И. Новгород-Северского.

1930-е—1950-е. 1 л. печ.+3 фот.

Ф. 543, 41.70

15. *Роман В. Я. Шишкова «Ватага»* — наборный экз. 4-го, неосуществившегося изд. доп. и перераб. по 2-му изд. ЗИФа, с рукописными пометами, машинописными вставками нового предисловия, глав, композиционными, редакционными и смысловыми изменениями.

1930. Печ., автограф, машиноп. 114 л.

Ф. 555, 5.6

16. *Архив Федота Петровича Филина* (1908—1982), советского языко-

веда чл.-кор. АН СССР, директора Института русского языка АН СССР, лауреата Ленинской премии, премии имени А. С. Пушкина АН СССР: рукописи монографий — «Исследование о лексике русских народных говоров. По материалам сельскохозяйственной лексики» (1935), «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» (1949), «Очерки истории русского языка до XIV столетия» (1938—1939), «Происхождение русского и белорусского языков» (1960—1966), «Истоки и судьбы русского литературного языкознания» (1982); рукописи 198 статей и научных докладов (1934—1982), среди неопубл. статей — «Принципальные вопросы советского языкознания» (1948), «Об изучении русского языка» (1950) и др. всего ок. 60; рукописи отзывов на статьи, книги, диссертации (ок. 170, 1938—1982); лекции по истории русского языка (1936—1940), исторической грамматике русского языка (1955—1956), диалектологии (1936—1937); записные книжки (7, 1935, 1939, 1954, 1961, 1963, 1965, 1969); биографические документы; материалы служебной деятельности, отчеты о командировках, список научных трудов (1960-е), документы к защите диссертаций, об избрании в члены-корреспонденты АН СССР, выписки из постановлений общего собрания АН СССР, президиума АН СССР (50, 1950—1980) и др.; вырезки из зарубежных и советских газет и журналов с отзывами о научных работах Ф. П. Филина.

1930-е—1980-е. Ок. 9500 л.

Ф. 816

17. *Автобиография* (1859—1916) *Анатolia Степановича Буткевича* (1859—1942), последователя Л. Н. Толстого.

Частично опубл.: (о Л. Н. Толстом): *Летописи Гос. лит. музея*, кн. 2. Л. Н. Толстой (Т. 1, М., 1938, с. 337—362). Фот. опубл.: «Огонек», 1960, № 47.

1936. 585 л.+1 фот.

Ф. 599, 5.1

18. *Архив Николая Ивановича Брунова* (1898—1971), чл.-кор. Академии архитектуры: рукописи работ по истории русской и всемирной архитектуры — «Очерки по истории архитектуры» (т. 3, ч. 1 «Итальянская архитектура Ренессанса и барокко»), «Место древнерусской архитектуры в истории мирового искусства», «Собор Василия Блаженного в Москве», «Всемирная архитектура до образования русского зодчества» и др.; заметки и наброски к т. 3 ч. 1 «Очерков по истории архитектуры»; отзыв Н. И. Романова на «Очерки»; курс лекций для студентов Архитектурного института «Место русской архитектуры в развитии всеобщей архитектуры и ее вклад в сокровищницу всемирных архитектурных ценностей»; проспекты книг «Анализ архитектуры Акрополя в Афинах (художественная тайна построек Акрополя)», «Русское зодчество и всемирная архитектура (место, роль и значение русского зодчества в истории всемирной архитектуры)», «Проблемы русской архитектуры»; негативы архитектурных памятников и видов Германии; отдельный оттиск из журн. «Византийский временник» (т. 34, М., 1973, с. 307—311) о Н. И. Брунове.

1940-е—1973. 4779 л.+338 негативов.

Ф. 812, карт. 1—7

19. *Материалы из архива Александра Васильевича Ивановского* (1876—1955), инженера путей сообщения, чиновника деп-та торгового мореплавания и управления портами М-ва финансов, начальника морского сектора Управления по проектированию и изысканиям Волго-

Донского комплекса, проф. Ростовского политехникума: «Основные этапы службы профессора Александра Васильевича Ивановского, по которым имеются документы» ([1940-е]. Автограф); краткая автобиография («Сиггiculum Vitae»). 1950-е. Автограф. В конце текста примечание К. М. Ивановской. 1965 мая 26. Автограф).
1940-е, 1950-е, 1965. 4 л.

Ф. 414.3.14

20. *Материалы из архива Николая Петровича Киселева (1886—1965)*, известного книговеда и библиографа:

1. Автобиография Н. П. Киселева. 1952. Машиноп. копия. 3 л.
2. Записка о служебной деятельности Н. П. Киселева и его жены Е. И. Кацпржак (1893—1973), книговеда, библиографа. 1950-е. 1 л.
3. Письма Т. Н. Каменевой к Н. П. Киселеву (1958—1965, 31).
4. Письма Т. Н. Каменевой к Кацпржак Е. И. (1959—1964, 7).
5. Список статьи, опубликованной «Times» по поводу смерти Н. П. Киселева. 1965. Машиноп., английский язык. 1950-е—1965. 95 л.

Ф. 128

21. *Материалы из архива Екатерины Петровны Михайловой (1879—1971)*, слушательницы Высших женских Бестужевских курсов, педагога: «9 января 1905 года в Петербурге. Воспоминания очевидца». 1954 окт. Автограф с правкой. 46 л. (15 чист.).

Ф. 698. 36.17

22. *Письмо Ольги Александровны Яковлевой к Евгении Ивановне Кацпржак* с сообщением о передаче адресату экз. изд. «Пискаревского летописца» и с упоминанием об исследованиях корреспондента, посвященных Александровой слободе и Н. М. Карамзину (о последнем исследовании — как незавершенном). 1956 февр. 22. 2 л.

Ф. 128

23. *Материалы из архива Антонины Сергеевны Зерновой (1883—1964)*, историка книги:

1. Письма Громницкой И. Е. к Зерновой А. С. 1958, 1959. На почтовых карточках. 2 п. 2 л.
2. Письмо Ф. Ф. Максименко к А. С. Зерновой. 1959 дек. 23. 1 л.

Ф. 799, 12.13—14

24. *Материалы из архива Елагиных: воспоминания правнука Авдотьи Петровны Елагиной (1789—1877) А. С. Беэра, инженера* — «Продолжение семейной хроники». 1960-е. Машиноп. с правкой и подписью-автографом. 257 л. + 101 фот.

Ф. 99, 26.18

25. *Материалы из архива Татьяны Ниловны Каменевой (1909—1985)*, книговеда:

1. Описание первопечатных книг. [1960-е]. Черновой автограф чернилами и карандашом. 25 л.
2. Письмо Т. А. Быковой к Т. Н. Каменевой. 1969 февр. 12. 1 л.
3. Письмо В. И. Лукьяненко к Т. Н. Каменевой. 1977 марта 22. 2 л. + 1 конв.
4. Симмонс, Джон С. Г. (Simmons, John S. G.). Письма к Т. Н. Каменевой. 1964. Автограф, машиноп. с подписью-автографом. Английский язык. 2 п. 2 л. + 1 конв.

Ф. 807. 6.29—32

26. *Материалы из архива Солодовниковых*, известной московской купеческой семьи: воспоминания Марии Васильевны Соловниковой о встрече с французскими летчиками эскадрилии «Фарман-7» в период первой мировой войны. [1978]. Машиноп. с правкой и подписью-автографом.

2 л.+3 фот.

Ф. 686, 4.6

Составила Л. Ф. Рябченко

И. Т. Трофимов

Неизвестный вариант стихотворения А. С. Пушкина «Послание цензору»

В отделе рукописей РГБ в большом альбоме обнаружен редкий список знаменитого пушкинского стихотворения «Послание цензору». Список датируется 1831 г., бумага 1829 г. В альбоме есть редкие списки поэм «Братья Разбойники», «Кавказский пленник», «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», стихотворения «Деревня» и других произведений поэта.

В списке стихотворения «К цензору» насчитывается свыше 50 разночтений. Многие из них неизвестны пушкинистам и не учтены в академическом полном собрании сочинений поэта в 16-ти т. Список восходит к недошедшему до нас автографу. Он имеет отличное от традиционного заглавие «К цензору» («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой...»). Видимо, поэт вначале намеревался именно так назвать свое стихотворение. Кстати, в списке своих произведений 1820-х гг. Пушкин упоминает стихотворение «Цензору».

Стихотворение «К цензору» написано в апреле-декабре 1822 г. Политически острое, полулегальное послание «К цензору» предназначалось автором для распространения в списках. Поэт твердо надеялся, что оно дойдет до своего адресата. При жизни его стихотворение не печаталось, но широко распространялось в многочисленных списках в редакции, близкой к окончательному беловому автографу, хранившемуся в личном архиве поэта В. А. Жуковского.

Этот в основном верный вывод сделан в комментарии М. А. Цявловского и Т. Г. Цявловской-Зенгер к стихотворению «Послание цензору» (опубл. в изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1949. Т. 2, ч. 2. (С. 1119).

Но утверждение авторов комментария о том, что «... с большой долей вероятности... Послание распространялось в копиях в одной редакции» (там же) нуждается в уточнении. Новонайденный список, автограф которого утрачен, представляет собой неизвестный (скорее всего первый) вариант «Послания...». Этот редкий список дает представление об одной из стадий переработки Пушкиным своего стихотворения.

Копии стихотворения «К цензору» сохранились в сборниках: Александрова, Арсеньева, П. И. Бартенева, И. Е. Великопольского, Д. В. Дашкова, Н. А. Долгорукова, П. А. Ефремова, И. Е. Забелина, М. Н. Логинова, С. Д. Полторацкого, В. И. Нейштадта, Н. С. Тихонравова, С. Д. Шереметьева, П. П. Шибанова, в архиве А. Ф. Воейкова, в собрании журнала «Русская старина», в сборнике «От безделья и скуки» и др.

Сохранились лишь две рукописи «Послания цензору»: черновой автограф групп стихов и отдельных стихов части послания (стихи 6—55); белой автограф с поправками (впервые опубл. М. А. Цявловским в изд.: Пушкин А. С. Собр. соч. Красная Нива. 1930. Т. 1. С. 239—241).

Фрагмент дошедшего до нас черновика тщательно изучил Б. В. Томашевский и в статье «Из пушкинских рукописей» он угадал возможный вариант стиха 27. Приведя черновой вариант «в них ищи его с начала», текстолог делает правильный вывод: «отрывок... (от белого текста он отличается местонменением „его“, написанным поверх прежнего и совпадающим с окончательным „ее“; по-видимому, слово „связь“ Пушкин хотел было заменить каким-то другим, например „смысл...“». (Томашевский Б. В. Из пушкинских рукописей // Лит. наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 287).

В альбомном варианте стих 27 выглядит так: «И смысл утратя в них [«бреднях... врал». — И. Т.], ищи его сначала».

Стихотворение впервые было опубликовано П. В. Анненковым (Пушкин А. С. Собрание сочинений. 1857. Т. VII. С. 30—33).

По цензурным требованиям он изменил заглавие стихотворения на «Первое послание к Аристарху». Из текста было исключено тридцать восемь стихов: 44—58, 71—82, 89, 90 и 103—111, а в стихе 43 исключены слова — «глупец и трус». Все эти стихи, изъятые, кроме стиха 106, были опубликованы А. Н. Афанасьевым в «Библиографических записках» (1858, № 11). Фамилия Куницына была заменена литерой К..., имя Христора — литерой Х... ., а из стиха 105 напечатано лишь первое слово: «Когда».

Стихотворение под заглавием «Цензору» по другому списку было напечатано полностью за границей в альманахе А. И. Герцена и Н. П. Огарева «Полярная звезда» на 1858 г. (Лондон, 1858. С. 265—273). В этом тексте содержится несколько разночтений. Приведем некоторые из них: «Прельщенный славой ложной...» (ПЗ) — «Прельщенный мыслью ложной» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1947. Т. 2, ч. 1. С. 267. Далее — Акад.); «Их мыслей не стягнет цензурная расправа...» (ПЗ) — «Их мыслей не теснит цензурная расправа...» (Акад.); «Наш цензор» (ПЗ) — «Так цензор» (Акад.); «Учтивых авто-ров» (ПЗ) — «Учтивых остряков» (Акад.); «Не преступает он» (ПЗ) — «Не преступает сам» (Акад.); «Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный...» (ПЗ) — «Ни слог певца Пиров, столь чистый, благородный...» (Акад.); «Ты в этом виноват» (ПЗ) — «Кто ж в этом виноват» (Акад.); «Исправься ж, будь умней и сбрось вражды ты бремя...» (ПЗ) — «Исправься ж, будь умней и примирился с нами...» (Акад.). В тексте «Полярной звезды» пропущен стих «Все правда, — скажешь ты, — не стану спорить с вами...» и указана ошибочная дата — 1816 г. вместо 1822 г.

Полный текст стихотворения, опубликованный в «Полярной звезде», через год был перепечатан в книге «Новые стихотворения Пушкина и Шевченко» («Русская библиотека», Лейпциг, 1859, с. 39—43). В нем сохранились все разночтения, отмеченные выше.

В новонайденном списке пропущен стих «Другой трагедию напишет нам шутя». Он восстановлен по изд.: Акад. с. 267.

Приведем его полный текст.

К ЦЕНЗОРУ

Угрюмый сторож Муз, гонитель давний мой,
 Сегодня рассуждать задумал я с тобой.
 Не бойся, не хочю, прельщенный мыслью ложной,
 Цензуру поносить хулой неосторожной;
 Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
 У нас писатели, я знаю, каковы;
 Их мысли не теснит цензурная расправа,
 Их чистая душа перед тобою права.

Во-первых, искренне я признаюсь тебе,
 Нередко о твоей жалею я судьбе,
 Людской бессмыслицы примерный толкователь,
 Василья Пушкина¹ единственный читатель,
 Ты вечно разбирать обязан за грехи:
 То прозу детскую, то глупые стихи.
 Российских авторов нелегкая встревожит:
 Кто английский роман с французского предложит,
 Кто оду сочинит, потя да кряхтя;
 Другой трагедию напишет нам шутя —
 До них нам дела нет; а ты читай, бесися,
 Зевай, сто раз засни — и после подпишися.
 Так, цензор мученик; нередко хочет он
 Ум чтеньем освежить; Руссо², Вольтер³, Бюффон⁴,
 Державин⁵, Карамзин⁶ манят его желанье,
 А должное вперить бесплодное вниманье
 На бредни новые какого-то враля,
 Которому досуг петь роши да поля,
 И смысл утратя в них, ищи его сначала
 Или вымарывай из тощего журнала
 Насмешки грубые и площадную брань,
 Усердной зависти затейливую дань.

Но цензор гражданин, и сан его священный:
 Он должен ум иметь прямой и просвещенный;
 Он сердцем почитать привык алтарь и трон,
 Но мнений не теснит и разум терпит он.
 Блюститель истины, приличия и нравов,
 Не преступает он начертанных уставов,
 Закону преданный, отечество любя,
 Принять ответственность умеет на себя;
 Полезной истине путей не заграждает,
 Живой поэзии резвиться не мешает;
 Он друг писателя, пред властью не труслив,
 Благоразумен, тверд, свободен, справедлив.
 А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
 Где должно умствовать, ты хлопаешь ушами;
 Не понимая нас, мараешь да дерешь;
 Ты черным белое по прихоти зовешь:
 Сатиру — пасквилом, элегию — развратом,
 Глас правды — мятежом, Куницына⁷ — Маратом⁸.
 Решил, а там поди, хоть на тебя проси.

Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси,
 Благодаря тебя, не видим книг доселе?
 И если говорить задумают о деле,
 То славу русскую и здравый смысл любя,
 Сам государь велит печатать без тебя⁹.
 Остались нам стихи: Поэмы, Триолеты,
 Послания, Басенки, Элегии, Куплеты,
 Досугов и любви невинные мечты,
 Воображения минутные цветы. —
 О Варвар! кто из нас, владельцев русской лиры,
 Не проклинал твоей губительной секиры?
 Угрюмым евнухом ты бродишь между муз;
 Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус,
 Ни слог певца пиров¹⁰, столь чистый, благородный,
 Не трогает, Вандал, души твоей холодной.
 На все бросаешь ты косою, холодный взгляд,
 Подозревая все, во всем ты видишь яд.
 Оставь, пожалуй, труд, нимало не похвальный:
 Парнас не монастырь и не гарем печальный,
 И, право, никогда искусный коновал
 Излишней пылкости Пегаса не гашал.
 Чего боишься ты? поверь мне, чьи забавы —
 Осмеивать закон, правительство и нравы,
 Тот не подвергнется взысканью твоему;
 Тот не знаком тебе, мы знаем почему, —
 И рукопись его, не погибая в Лете,
 Без подписи твоей разгуливает в свете.
 Барков¹¹ шутивных од к тебе не посылал,
 Радищев¹², рабства враг, цензуры избежал,
 И Пушкина¹³ стихи в печати не бывали;
 Что нужды? их и так иные прочитали.
 Но ты свое плетешь — и в наш разумный век
 Едва ль и Шаликов¹⁴ не вредный человек.
 Поверь, себя и нас терзаешь без причины,
 Читал ли ты, мой друг, Наказ Екатерины?¹⁵
 Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем
 Свой долг, свои права, пойдешь иным путем.
 В глазах монархини сатирик превосходный¹⁶
 Невежество казнил в комедии народной,
 И в узкой голове придворного глупца
 Кутейкин¹⁷ и Христос два разные лица.
 Державин, бич вельмож, при звуках грозной лиры
 Их горделивые разоблачал кумиры;
 Хемницер¹⁸ Истину с улыбкой говорил,
 Наперсник Душеньки¹⁹ двусмысленно шутил,
 Киприду иногда являл без покрывала —
 И никому из них цензура не мешала.
 Ты что-то хмуришься; признайся, в наши дни
 С тобой не так легко б разделались они?
 Кто же в этом виноват? перед тобой зеркало:
 Дней Александровых прекрасное начало²⁰.
 Ты сведай, что в те дни произвела печать.
 На поприще ума нельзя нам отступить.

Старинной глупости мы праведно стыдимся,
Уже к тем годам мы снова обратимся,
Когда никто не смел отечества назвать
И в рабстве ползали и люди и печать?
Нет, нет! оно прошло, губительное время,
Когда невежества несла Россия бремя.
Где славный Карамзин сплетал себе венец,
Там цензором уже не может быть глупец. . .
Будь строг, но будь умен, и примиришь ты с нами.
«Все правда, — скажешь ты, — не буду спорить с вами:
Но можно ль цензору по совести судить?
Он должен то того, то этого щадить.
Конечно, вам смешно — а я нередко плачу,
Читаю да крещусь, мараю неудачу —
На все есть мода, вкус; бывало, например,
У нас в большой чести Руссо, Бюффон, Вольтер,
А ныне и Милот²¹ попался в наши сети.
Я бедный человек; к тому ж жена, да дети. . . »

Жена и дети, друг, поверь — большое зло:
От них все скверное у нас произошло.
Но делать нечего; так если невозможно
Скорей тебе домой убраться осторожно
И службою своей обязан для царя,
Так умного себе возьми секретаря.

(Отдел рукописей Российской государственной библиотеки Фонд 743 — Коллекция единичных поступлений архивных материалов, к. 56, ед. хр. 5, л. 85—88 об. На л. II — владельческая запись: «Петр Яснопольский» — 1831).

Стихотворение «К цензору» обращено к Бирукову Александру Петровичу (1772—1844). Он был цензором Петербургского цензурного комитета с 1821 по 1826 г. По убеждению Пушкина, благодаря Бирукову и Красовскому вся русская литература в последнее пятилетие царствования Александра I сделалась рукописной.

В этом стихотворении поэт резко порицает бесчинство реакционной притеснительной цензуры. Он обрушивает свои полемические стрелы против цензора «вандала» А. С. Бирукова. Против его жестоких «цензурных расправ» направлены разящие строки:

О варвар! Кто из нас, владельцев русской лиры,
Не проклинал твоей губительной секиры. . .

Поэт создает злую сатиру на русскую цензуру 1820-х гг. Но в то же время входит и в положение цензора, который вынужден читать много всякого вздора. Работа его скучна, мучительна и тяжела, а ответственность высока, и, набрасывая портрет либерального, благоразумного, умеренного цензора, примиряется с ним. Такой цензор может быть «блюстителем истины»:

Но цензор гражданин, и сан его священный;
Он должен ум иметь прямой и просвещенный;
Он сердцем почитать привык алтарь и трон;
Но мнений не теснит и разум терпит он.
Блюститель тишины приличия и нравов,

Не преступает сам начертанных уставов,
Закону преданный, отечество любя,
Принять ответственность умеет на себя;
Полезной Истине пути не заграждает.
Живой поэзии резвиться не мешает,
Он друг писателя, пред властью не труслив,
Благоразумен, тверд, свободен, справедлив.

В стихотворении упоминается «Радищев — рабства враг», избежавший цензуры. Пушкин впервые в русской поэзии называет его как автора знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву». В послании выделена тема распространения «рукописной литературы», включающей в себя как фривольные, так и наиболее опасные произведения, в том числе сочинение А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», вольнолюбивые стихи А. С. Пушкина и даже непечатные, скабрзные «шутливые оды» И. С. Баркова. Поэт с чувством сарказма пишет:

Чего боишься ты? поверь мне, чьи забавы —
Осмеивать закон, правительство иль нравы,
Тот не подвергнется взысканью твоему;
Тот не знаком тебе, мы знаем почему —
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в свете.
Барков шутливых од тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали.

К А. С. Бирукову обращено и «Второе послание к цензору», написанное в 1824 г. Поэт язвительно издевается над ним, называет его наследником Тимковского. Как известно, Тимковский Иван Осипович (1768—1837) — петербургский цензор (1804—1821), разрешил к печати 17 стихотворений и поэму «Руслан и Людмила», запретил «Русалку» (1815—1820). Как цензор Тимковский был широко известен излишней строгостью и мелочной придирчивостью. Эти качества Пушкин имел в виду в стихотворениях «Второе послание к цензору», «Друг Дельвиг, мой парнасский брат...» и «Тимковский царствовал...»

Вспоминая о «Жалобе», своем первом послании «К цензору», поэт пишет:

Свои послания хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою,
Но подразнив тебя, я переменной сею
Приятно изумлен, гордиться не посмею.

Пушкин уважительно, одобрительно отзываясь о «старце», «министре честном» А. С. Шишкове в связи с назначением его министром народного просвещения:

Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года.
Один в толпе вельмож он русских муз любил...

Он возлагает надежды на ослабление цензурного гнета. Как из-

вестно и сам министр А. С. Шишков обвинял цензора А. П. Бирукова в излишней строгости и боязни, «соединенной с неразумением силы языка». «Как стихотворение полулегальное, — справедливо писал Б. В. Томашевский, — «Послание» не вполне отражает мнения Пушкина. В действительности он гораздо решительнее смотрел на вредоносную политику реакционной цензуры» (Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. АН СССР, 1956. С. 561).

В альбомном варианте пушкинские поправки нагляднее выявляют его подлинное отношение к вредоносной практике реакционной цензуры 1820-х гг. Характеристике цензора Бирукова — «варвар» — в альбомном варианте стихотворения предшествовало более резкое определение: «Вандал».

В письме к П. А. Вяземскому в феврале 1823 г. Пушкин весьма резко отзывается о цензуре: «Благодарю за щелчок цензуре, но она и не этого стоит: стыдно, что благороднейший класс народа, класс мыслящий как бы то ни было, подвержен самовольной расправе трусливого дурака. Мы смеемся, а кажется лучше бы дельно приняться за Бируковых; пора дать вес своему мнению... презрение к русским писателям нестерпимо...» (XIII, 57). В письме к Н. И. Гнедичу 13 мая 1823 г., перефразируя изречение Катона, поэт сделал приписку: «Здравствуй, но да будет уничтожена цензура». Жестокие цензурные притеснения русской литературы в последнее пятилетие царствования Александр I исключали серьезные общественные темы из произведений печати:

Остались нам стихи: поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досугов и любви невинные мечты,
Воображения минутные мечты.

В записке к А. Х. Бенкендорфу в августе 1830 г. поэт с горечью писал: «Литературы во время царствования покойного императора были оставлены на произвол цензуре своенравной и притеснительной — редкое сочинение доходило до печати». В статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности...» Пушкин писал: «Цензура есть установление благодетельное, а не притеснительное; она есть верный страж благодетельства частного и государственного, а не докучливая нянька, следующая по пятам шаловливых ребят» (XII, 74).

В первом варианте «Послания...» поэт упомянул своего дядю Василия Львовича Пушкина (1766—1830) — второстепенного поэта, старосту «Арзамаса», автора фривольной поэмы «Опасный сосед» и стихотворений, написанных в духе «легкой поэзии». К поэтической его деятельности и личности у поэтов-арзамасцев установилось добродушно-ироническое отношение. Это отношение к своему «парнасскому... отцу» разделял и А. С. Пушкин. В окончательном тексте «Послания...» имя В. Л. Пушкина, стихи которого поэт в детстве «затвердил... наизусть и радовал тем почтенного родственника», было заменено именами поэтов Хвостова²² и Буниной²³.

Выше мы говорили о большом количестве разночтений в новом списке. Приведем наиболее значительные и интересные из них (первый вариант по альбомному списку; второй, канонический — по изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1947. Т. 2, ч. 1. С. 267—270).

Их мысли не теснит цензурная расправа,
Их чистая душа перед тобою права

Их мыслей не теснит цензурная расправа,
И чистая душа перед тобою права
Людской бессмыслицы примерный толкователь,
Василья Пушкина единственный читатель,
Людской бессмыслицы присяжный толкователь
Хвостова, Буниной единственный читатель...
То прозу *детскую*, то глупые стихи...
То прозу *глупую*, то глупые стихи...
Российских авторов *нелегкая* встревожит.
Российских авторов *нелегкое* встревожит.
Кто оду сочинит, потея да кряхтя...
Тот оду сочинит, потея да кряхтя...
Зевай, сто раз засни — *и* после подпишися...
Зевай, сто раз засни, *а* после подпишися...
Так, цензор мученик *нередко* хочет он...
Так, цензор мученик *порой* захочет он...
А должен он *вперить* бесплодное вниманье...
А должен *посвятить* бесплодное вниманье...
И смысл утратя в них, ищи *его* сначала
Да, *связь* утратя в них, ищи *ее* сначала.
Усердной зависти затейливую дань.
Учтивых остряков затейливую дань.
Блюстителю *истины*, приличия и нравов.
Блюстителю *тишины*, приличия и нравов.
Он вдруг *писателя*; пред *властью* не труслив...
Он друг *писателю*, пред *знатью* не труслив...
Где *должно* умствовать, ты хлопаешь *ушами*...
Где *должно* б умствовать ты хлопаешь *глазами*...
Сатиру — пасквилом, *Элегию* — развратом...
Сатиру — пасквилом, *поэзию* — развратом...
То славу Русскую и зравый *смысл* любя...
То славу русскую и зравый *ум* любя...
Остались нам стихи: поэмы, триолеты,
Посланья, Басенки, Элегии, Куплеты...
Остались нам стихи: поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты...
О *Варвар!* Кто из нас, владельцев русской лиры...
О *варвар!* Кто из нас, владельцев русской лиры...
Угрюмым внухом ты бродишь между муз...

Докучным евнухом ты бродишь между муз...
Ни слог певца *пиров*, столь чистый, благородный
Не трогает, Вандал, души твоей холодной...
Ни слог певца *пиров*, столь чистый, благородный,
Ничто не трогает души твоей холодной...
На все *бросаешь* ты косою, *холодный* взгляд...
На все *кидаешь* ты косою, *неверный* взгляд...
Излишней пылкости Пегаса не *гашал*...
Излишней пылкости Пегаса не *лишал*...
Но ты свое *плетешь* — и в наш *разумный* век
Едва ль и Шаликов не вредный человек...
Но ты свое *несешь*, и в наш *премудрый* век
Едва ли Шаликов не вредный человек...
Поверь, себя и нас терзаешь без причины...
Зачем себя и нас терзаешь без причины...
Читал ли ты, мой друг, Наказ Екатерины?
Скажи, читал ли ты Наказ Екатерины?
И в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица...
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица...
Когда не смел никто *отечества* назвать...
Когда никто не смел *Отечество* назвать...
Где славный Карамзин *сплетал* себе венец...
Где славный Карамзин *снискал* себе венец...
Будь строг, но будь умен и примиришься ты с нами.
Исправься ж, будь умней и примиришься с нами.
У нас в большой чести *Руссо, Бюффон, Вольтер*.
У нас в большой чести *Бентам, Руссо, Вольтер*.
Державин, бич вельмож, при *звуках* громкой лиры...
Державин, бич вельмож, при *звуке* громкой лиры...
Ты сведай, что в те дни произвела печать...
Проведай, что в те дни произвела печать...
Скорей тебе домой убраться осторожно,
И службою своей *обязан* для царя...
Тебе скорей домой убраться осторожно,
И службою своей ты *нужен* для царя...

Итак, обнаружен поистине уникальный вариант «Послания цензору». Этим самым подтверждается вывод Б. В. Томашевского о том, что не все рукописи «Послания цензору» до нас дошли, в частности, «первый творческий черновик» (см.: Томашевский Б. В. Из пушкинских рукописей. С. 285).

Пушкин неоднократно обращался к тексту этого стихотворения. До нас дошло множество его разночтений.

Комментируемый альбомный список дает представление об одной из стадий обработки стихотворения. Последняя стадия — тщательно перебеленный автограф, хранившийся у В. А. Жуковского, — подарен его сыном П. В. Жуковским Саратовскому (Радищевскому) музею в 1884 г.

Найденный список, предшествовавший этому беловому автографу, представляет большой интерес для текстологов-пушкинистов. Он будет учтен в полном собрании сочинений Пушкина в разделе «Другие редакции и варианты».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пушкин Василий Львович (1770—1830), дядя поэта, автор поэмы «Опасный сосед». В окончательном тексте вместо В. Л. Пушкина вписаны поэты Д. И. Хвостов и А. П. Бунина.

² Руссо, Жан Жак (1712—1778), французский философ-просветитель, писатель, композитор. Пушкин к сочинениям Руссо проявлял острый интерес.

³ Вольтер (псевд., настоящ. имя и фамилия: Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778), французский писатель, философ, историк, член французской Академии. Автор «Истории Российской империи в царствование Петра Великого» (1759—1763). Влияние Вольтера на развитие передовой просветительской мысли было весьма значительным. Пушкин проявлял к сочинениям Вольтера очень большой интерес.

⁴ Бюффон, Жорж Луи Леклерк (1707—1788), французский естествоиспытатель.

⁵ Державин Гавриил Романович (1743—1816), выдающийся русский поэт и общественный деятель. Его творчество подготовило почву для поэзии Пушкина. На выпускном экзамене в Царскосельском лицее он впервые «заметил» незаурядный талант юного Пушкина. В стихотворении «К цензору» Пушкин так характеризовал поэзию Державина: «Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры, // Их горделивые разоблачал кумиры...»

⁶ Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), известный русский писатель, историк, критик, журналист. Достижения Карамзина в лирике усвоили молодой Пушкин, Жуковский, Батюшков, Языков. Большое значение в создании «Бориса Годунова» Пушкина имел т. 10 «Истории государства Российского». По убеждению поэта, русская литература начала XIX в. этот труд Карамзина «с гордостью может выставить перед Европою».

⁷ Куницын Александр Петрович (1783—1841), лицейский профессор; его книга «Естественное право» была запрещена цензурой.

⁸ Марат, Жан Поль (1743—1793), деятель Великой французской революции, ученый, публицист.

⁹ Александр I дал право Н. М. Карамзину печатать «Историю государства Российского» без цензуры.

¹⁰ «Певец пиров» — известный поэт Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844), друг А. С. Пушкина.

¹¹ Барков Иван Семенович (ок. 1732—1768), русский поэт и переводчик, автор «шутливых од» и скабрзных стихотворений. Переводил шутливых авторов: сатиры Горация, басни Федра и др. Пушкин на протяжении всей жизни сохранил живой интерес к Баркову и относился к его сатирическим стихам с уважением.

¹² А. Н. Радищев печатал свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» в домашней типографии.

¹³ Политические стихи и эпиграммы самого А. С. Пушкина.

¹⁴ Шаликов Петр Иванович (1768—1852), поэт, издатель журналов «Московский зритель» (1806), «Аглия» (1808—1812), «Дамский журнал» (1823—1833), над стихами которого Пушкин и его друзья часто потешались.

¹⁵ Екатерина II (1729—1796), российская императрица. В 1767 г. созвала комиссию об Уложении и составила для нее «Наказ», широко заимствуя идеи передовых западно-европейских мыслителей.

¹⁶ Фонвизин Денис Иванович (1745—1792), русский писатель, драматург, переводчик. Автор пьес «Бригадир», «Недоросль».

¹⁷ Кутейкин — персонаж пьесы Д. И. Фонвизина «Недоросль».

¹⁸ Хемницер Иван Иванович (1745—1784), русский поэт, баснописец.

¹⁹ «Наперсник Душеньки» — Богданович Ипполит Федорович (1743—1803), поэт.

²⁰ «Дней Александровых прекрасное начало...» — Пушкин имеет в виду либеральные реформы в начале царствования Александр

ра I и цензурный устав, составленный в 1804 г. академиками Озерецковским и Фуссом, отличавшийся большой терпимостью и благо-разумной свободой печати. В поздних произ-ведениях Пушкина оценка личности и истори-ческой деятельности Александра I, как прави-ло, была резко отрицательной (см. отрывки из X гл. «Евгения Онегина»).

²¹ Миллот (1726—1785), аббат, автор «Всеоб-щей истории» в 14-ти т., изданной в Санкт-Петербурге в 1820 г. Русский перевод этого сочи-

нения пострадал от вмешательства цензуры.

²² Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835), граф, русский писатель переводчик. В 1799—1803 гг. обер-прокурор синода, А. С. Пушкин писал эпиграммы на Д. И. Хвостова. В лите-ратурных кругах имя Хвостова было нарица-тельным для характеристики плодовитого гра-фомана.

²³ Бунина Анна Петровна (1774—1829), вто-ростепенная русская поэтесса. Почетный член Беседы любителей российского слова.

И. Т. Трофимов

Редкий список поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон»

В академическом полном собрании сочинений М. Ю. Лермонто-ва в 6 т. (т. 4, 1955) текст поэмы «Демон» опубликован по так называ-емому «придворному» списку, найденному в 1939 г. в фонде Философо-вых (ЦГИАЛ). Этот список послужил основой для набора первого издания поэмы в Карлсруэ в 1856 г.

В более раннем полном собрании сочинений Лермонтова (т. III, Academia, 1935) поэма «Демон» опубликована по первому карлсруэ-скому изданию (Демон. Восточная повесть, сочиненная М. Ю. Лермон-товым. Карлсруэ: В придворной тип. В. Гаспера, 1856). Отсутствующие в издании 1856 г. по цензурным причинам стихи 742—749 (диалог Тамары с Демоном — от слов: «Зачем мне знать твои печали?» до стиха: «Так что ж? ты будешь там со мной!») в этом академическом издании Полного собрания сочинений Лермонтова печатаются по карлсруэскому изданию 1857 г.

К сожалению, самые авторитетные две рукописи Лермонтова, по которым набирались два карлсруэских издания «Демона» 1856 и 1857 гг., до сих пор не найдены (возможно, они остались в типогра-фии). Разночтения в двух карлсруэских изданиях «Демона» довольно существенные.

Вот почему каждый вновь найденный список поэмы «Демон» пред-ставляет большой интерес для исследователей и текстологов.

В отдел рукописей Российской Государственной библиотеки по-ступил поистине редкий список (конец 1840-х гг.) знаменитой поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». (Ф. № 803. II. Библиотека Университета имени А. Л. Шанявского. (К. 3. Ед. хр. 3.) В тетрадь, помимо поэмы «Демон» вписано ранее неизвестное лермонтовское «Посвящение княж-не Оболенской» («Я кончил и в груди моей невольное сомненье...», л. 38), а также стихотворения «И скучно и грустно...», «Парус», «От-чего», «Тучи», «Выхожу один я на дорогу...», «Молитва», «В альбом» («Как одинокая гробница...»), «Мораль» («Избави бог — от летних мушек...») и др.

Лермонтову приписывается стихотворение «Не знакомься, друг, с любовью...» (л. 37 об.), опубликованное за подписью Н. Че-в в альма-нахе «Полярная звезда» (М., 1832). Приведем этот текст:

Не знакомься, друг, с любовью
И не знай ее вовек.
Не плати за женщин кровью, —
Будешь честный человек... (Л. 37 об.).

На следующем л. 38 вписано «Посвящение княжне Оболенской». В тетради на нескольких листах есть владельческие подписи князя, капитана Давлатова. Этим же почерком осуществлен список поэмы. На отдельных листах находим и вторую владельческую карандашную запись — Алексей Некрасов.

В сносках и в тексте списка зафиксированы многочисленные разночтения и вставки. В новонайденном списке мы обнаруживаем ранее неизвестное окончание поэмы. Оно не зафиксировано в ее известных рукописных редакциях и в авторитетных печатных изданиях, а также и в многочисленных дошедших до нас списках. Приведем эту концовку «Демона». О Тамаре и ее отце Гудале в конце поэмы Лермонтов пишет:

И там, где кости их истлели,
На крутизне гранитных льдов,
Гуляют нынче лишь метели
Да стаи вольных облаков. (Л. 37 об.).

Список восходит к последним, наиболее авторитетным редакциям «Демона». В нем сохранился неотвечающий цензурным условиям тогдашнего времени диалог Тамары с Демоном, о котором говорилось выше, а также полный текст клятвы Демона. В списке поэмы мы находим отрывки, выписанные с автографа «Демона» 1841 г. двоюродным дядей Лермонтова генералом А. И. Философовым.

Как известно, используя декабрьскую редакцию «Демона» и последний автограф поэмы, А. И. Философов напечатал ее в Германии, в Карлсруэ (1856). В 1857 г. в Карлсруэ вышло 2-е издание «Демона».

Вот один из таких отрывков, выписанных А. Философовым:

Едва последний стих прочли
Над прахом дочери Гудала,
И горсть последняя земли
О крышку гроба простучала, —
И воскурился к небесам
Кадил прощальных фимиам...

Большой интерес вызывает лермонтовское «Посвящение княжне Оболенской» (л. 38). Ранее текст этого посвящения в другой редакции был адресован В. А. Лопухиной. Теперь же мы совершенно неожиданно узнаем, что это посвящение, связанное с окончанием работы Лермонтова над поэмой «Демон», переадресовано им княжне В. С. Оболенской. Имя княжны Варвары Сергеевны Оболенской (1814—1882) в лермонтоведении появилось сравнительно недавно. Биографические сведения о ней весьма скудны. В «Лермонтовской энциклопедии» приведена следующая лаконичная биографическая справка: «Оболенская Варвара Сергеевна, княжна, знакомая Лермонтова. Двоюродная сестра жены А. А. Лопухина. В альбом Оболенской, хранящийся ныне в рукописном отделе ИРЛИ, Лермонтов вписал две строки из стихотворения „Дума“ («И ненавидим мы и любим мы случайно, Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви...»)». В этой справке даже не указаны да-

ты жизни Оболенской. Но зато о ней впервые подробно рассказал И. Л. Андронников в своей книге «Лермонтов. Исследования и находки» (М.: Худож. лит., 1964). Он привел немало биографических сведений об Оболенской. Ее брат Андрей Оболенский учился вместе с Лермонтовым в Московском университете, они дружили, были замешаны в историю, связанную с именем грубого и невежественного профессора Малова, позднее часто встречались. Встречался Лермонтов и с княжной Оболенской. Можно добавить, что Оболенская была дочерью кн. Сергея Петровича Оболенского, адъютанта легендарного героя Отечественной войны 1812 г. Д. С. Дохтурова (1756—1816). Дохтуров, командир 6-го пехотного корпуса, руководил обороной Смоленска. В Бородинском сражении он командовал сначала центром, затем левым крылом русских войск. В 1814 г. командовал правым крылом русской армии, наступавшей на Париж. Быть может, С. П. Оболенский — сам участник Бородинского сражения — рассказывал о подробностях этой баталии Лермонтову — впоследствии автору знаменитого «Бородино».

Обнаружены новые факты биографии М. Ю. Лермонтова. Возникает много загадок. Впереди новые поиски. . .

Ниже публикуется полный текст новонайденного списка «Демона». Все описки и явные ошибки копииста, плохо знавшего русский язык, исправлены по достоверным источникам.

М. Ю. Лермонтов

Демон

Часть I

I

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познания жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы¹, ни сомненья,
И не грозил душе² его
Веков безгладных³ ряд унылый. . .
И много, много. . . и всего
Припомнить не имел он силы!

II

С тех пор отверженный блуждал
 В пустыне мира без приюта⁴:
 Вослед за веком век бежал,
 Как за минутою минута,
 Однообразною чредой⁵.
 Ничтожной властвуя землей,
 Он сеял зло без наслажденья.
 Нигде искусству своему
 Он не встречал сопротивленья; —
 И зло наскучило ему.

III

И над вершинами Кавказа
 Изгнанник рая пролетал:
 Под ним Казбек, как грань алмаза,
 Снегами вечными сиял,
 И, глубоко внизу чернея,
 Как трещина, жилище змея,
 Вился излучистый Дарьял;
 И Терек, прыгая, как львица
 С косматой гривой на хребте,
 Ревел; и хищный⁶ зверь и птица,
 Кружась в лазурной высоте,
 Глаголу вод его внимали;
 И золотые облака
 Из южных стран, издалека,
 Его на север провожали;
 И скалы тесною толпой,
 Таинственной дремоты полны,
 Над ним склонялись головой,
 Следя мелькающие волны;
 И башни замков на скалах
 Смотрели грозно сквозь туманы —
 У врат Кавказа на часах
 Сторожевые великаны.
 И дик и чуден был вокруг
 Весь божий мир. . . Но гордый дух
 Презрительным окинул оком
 Творенье бога своего,
 И на челе его высоком
 Не отразилось ничего.

IV

И перед ним иной картины
 Красы живые расцвели:
 Роскошной Грузии долины
 Ковром раскинулись вдали.
 Счастливый, пышный край земли!
 Столпообразные руины⁷,
 Звонко-бегущие ручьи
 По дну из камней разноцветных,
 И кущи роз, где соловьи

Поют красавиц безответных
 На сладкий голос их любви;
 Чинар развесистые сени,
 Густым венчаные плющом,
 Ущелья⁸, где палящим днем
 Таятся робкие олени;
 И блеск, и жизнь, и шум листов,
 Стозвучный говор голосов,
 Дыханье тысячи растений!
 И полдня сладострастный зной,
 И ароматною росой
 Всегда улажненные ночи,
 И звезды яркие, как очи
 Грузинки жарко молодой! .⁹
 Но, кроме зависти холодной,
 Природы блеск не возбудил
 В груди изгнанника бесплодной
 Ни новых чувств, ни новых сил¹⁰:
 И все, что пред собою видел¹¹,
 Он презирал, он ненавидел.

VI

Богатых много есть князей
 В долинах мирных Синодала¹².
 Высокий дом, широкий двор
 Седой Гудал себе построил, —
 Трудов и слез он много стоил
 Рабам послушным с давних пор.
 С утра на скат соседних гор
 От стен его ложатся тени, —
 В скале нарублены ступени,
 Они от башни угловой
 Ведут к реке, по ним мелькая,
 Покрыта белою чадрой,
 Княжна Тамара молодая
 К Арагве ходит за водой.

V

Всегда безмолвно на долины
 Глядел с утеса мрачный дом;
 Но пир большой сегодня в нем —
 Звучит зурна, и льются вины, —
 Гудал сосватал дочь свою,
 На пир он созвал всю семью.
 На кровле, устланной коврами,
 Сидит невеста меж¹³ подруг:
 Средь игр и песен их досуг
 Проходит. Дальними горами
 Уж спрятан солнца полукруг, —
 В ладони мерно ударяя,
 Они поют — и бубен свой
 Берет невеста молодая.
 И вот она, одной рукой

Кружа его над головой,
 То вдруг помчится легче птицы,
 То остановится, глядит —
 И влажный взор ее блестит
 Из-под завистливой ресницы;
 То черной бровью поведет,
 То вдруг наклонится немножко,
 И по ковру скользит, плывет
 Ее божественная ножка;
 И улыбается она,
 Веселья детского полна.
 Но луч луны, по влаге зыбкой
 Слегка играющей порой,
 Едва ль сравнится с той улыбкой,
 Как жизнь, как молодость, живой¹⁴.
 Увлечена могучей пляской,
 Она забыла мир земной,
 Ее узорною повязкой
 Играет ветер, как волна,
 Нескромной думою полна,
 Грудь подымается высоко,
 Уста бледнеют и дрожат,
 И жадной страсти полон взгляд
 Как страсть палящая глубоко!

VII

Клянусь полночною звездой,
 Лучом заката и востока,
 Властитель Персии златой
 И ни единый царь земной
 Не целовал такого ока;
 Гарема брызжущий фонтан
 Ни разу жаркою порой
 Своей алмазною росой¹⁵
 Не обмывал¹⁶ подобный стан!
 Еще ничья рука земная,
 По милому челу блуждая,
 Таких волос не расплела;
 С тех пор как мир лишился рая,
 Клянусь — красавица такая
 Под солнцем юга не цвела.

VIII

В последний раз она плясала!..
 Увы! завтра ожидала
 Ее, наследницу Гудала,
 Свободы резвое дитя¹⁷,
 Судьба печальная рабыни,
 Отчизна, чуждая поныне,
 И незнакомая семья.
 И часто тайные¹⁸ сомненья
 Темнили светлые черты;
 Но были¹⁹ все ее движенья
 Так стройны, полны выраженья,

Так полны милой простоты,
 Что если б враг небес и рая²⁰
 В то время на нее взглянул,
 То, прежних братьев²¹ вспоминая,
 Он отвернулся б — и вздохнул . . .

IX

И Демон видел . . . На мгновенье
 Незыяснимое волнение
 В себе почувствовал он вдруг.
 Немой души его пустыню
 Наполнил благодатный звук,
 И вновь постигнул он святыню
 Любви, добра и красоты;
 И долго сладостной картиной
 Он любовался. И мечты
 О прежнем счастье цепью [длинной]²².
 Как за звездой одна звезда²³,
 Пред ним катилися тогда.
 Прикованный незримой силой,
 Он снова с грустью стал знаком²⁴;
 В нем чувство вдруг заговорило
 Родным когда-то языком.
 То был ли призрак²⁵ возрождения?
 Он слов коварных искушенья
 Найти в уме своем не мог . . .
 Забыть? — забвенья не дал бог:
 Да он и не взял бы забвенья! . . .

X

На брачный пир к закату дня²⁶,
 Измучив доброго коня,
 Спешит жених нетерпеливый.
 Арагвы светлой он счастливо
 Достиг зеленых берегов.
 Под тяжкой ношею даров
 Едва, едва переступая,
 За ним верблюдов длинный ряд
 Дорогой тянется, мелькая:
 Их колокольчики звенят . . .
 Он сам, властитель Синодала,
 Ведет богатый караван.
 Ремнем затянут стройный стан²⁷;
 Оправа сабли и кинжала
 Блестит на солнце; за спиной
 Ружье с насечкой дорогой²⁸;
 Играет ветер рукавами
 Его чухи; кругом она
 Вся галуном обложена.
 Цветными вышито шелками
 Его седло; узда с кистями;
 Под ним весь в мыле конь лихой
 Бесценной масти, золотой,

Питомец резвый Карабаха
 Прядет ушми и, полный страха,
 Храпя косится²⁹ с крутизны
 На пену скачущей волны.
 Опасен, узок путь прибрежный!
 Утесы с левой стороны,
 Направо глубь реки мятежной.
 Уж поздно. На вершине снежной
 Румянец гаснет; встал туман,
 Прибавил шагу караван.

XI

И вот часовня на дороге,
 Тут с давних лет почил во Бозе³⁰
 Какой-то князь, теперь святой
 Убитый мстительной рукой.
 С тех пор на правдик иль на битву,
 Куда бы спутник ни спешил,
 Всегда усердную молитву
 Он у часовни приносил:
 И та молитва сберегала
 От мусульманского кинжала.
 Но презрел удалой жених
 Обычай прадедов своих.
 Его коварною мечтою
 Лукавый Демон возмущал:
 Он в мыслях, под ночью мглюю³¹,
 Уста невесты целовал.
 Вдруг впереди мелькнули двое,
 И больше... выстрел... что такое?..
 Привстав на звонких стремях,
 Надвинув на брови папах;
 Отважный князь не молвил слова,
 В руке сверкнул турецкий ствол,
 Нагайка шелк — и, как орел,
 Он кинулся... и выстрел снова, —
 И дикий крик и стон глухой
 Промчались в тишине³² долины —
 Недолго продолжался бой:
 Бежали робкие грузины!

XII

И стихло все; теснясь толпой³³,
 Верблюды с ужасом глядели
 На трупы всадников: порой³⁴
 Уныло³⁵ в тишине степной
 Их колокольчики звенели.
 Разграблен пышный караван;
 И над телами христиан
 Чертит круги ночная птица!
 Не ждет их мирная гробница
 Под слоем³⁶ монастырских плит,
 Где прах отцов их был зарыт,

Не придут жены³⁷ с матерями,
 Покрыты длинными чадрами,
 С тоской, рыданьем и мольбами,
 На гроб их из далеких мест.
 Зато усердною рукою
 Здесь у дороги, под скалою³⁸
 На память водрузится крест.
 И плещ, разросшийся весною,
 Его, ласкаясь, обовьет
 Своею сеткой изумрудной;
 И, своротив с дороги трудной,
 Порой³⁹ усталый пешеход
 Под божьей тенью отдохнет.

XIII

Несется конь быстрее лани,
 Храпит и рвется, будто в брани⁴⁰;
 То вдруг осадит на скаку⁴¹,
 Прислушается к ветерку,
 Широко ноздри раздувая;
 То, разом в землю ударяя
 Шипами звонкими копыт,
 Взмахнув растрепанною гривой,
 Вперед без памяти летит.
 На нем есть всадник молчаливый!
 Он бьется на седле порой,
 Припав на гриву головой.
 Уж он не правит поводами,
 Задвинув⁴² ноги в стремяна,
 И кровь широкими струями
 На чепраке его видна. —
 Скакун надежный⁴³ господина
 Из боя вынес, как стрела,
 Но злая пуля осетина
 Его во мраке догнала.

XIV

В семье Гудала плач и стоны;
 Толпится на дворе народ.
 Чей конь примчался запыленный⁴⁴
 И пал на камни у ворот?
 Кто бедный⁴⁵ всадник бездыханный?
 Хранили след тревоги бранной
 Морщины смуглого чела.
 В крови оружие и платье;
 В последнем бешеном пожатье
 Рука на гриве замерла.
 Недолго жениха младого,
 Невеста, взор твой ожидал:
 Сдержал он княжеское слово,
 На брачный пир он прискакал...
 Увы! но никогда уж снова
 Не сядет на коня лихого!..

XV

На беззаботную семью
 Как гром слетела божья кара!
 Упала на постель свою,
 Рыдая⁴⁵ бедная Тамара;
 Слеза катится за слезой,
 Грудь высоко и трудно дышит. . .
 И вот она как будто слышит
 Волшебный голос над собой:
 «Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
 Твоя слеза на труп безгласный
 Живой росой не упадет;
 Она лишь взор туманит ясный,
 Ланиты девственные жжет!
 Он далеко, он не узнает,
 Не оценит тоски твоей;
 Небесный сон⁴⁷ теперь ласкает
 Бесплотный взор его очей, —
 Он слышит райские напевы. . .
 Что жизни мелочные сны,
 И стон и слезы бедной девы
 Для гостя райской стороны?
 Нет, жребий смертного творенья,
 Поверь мне, ангел мой земной,
 Не стоит одного мгновенья
 Твоей печали дорогой.
 На воздушном океане,
 Без руля и без ветрил,
 Тихо плавают в тумане
 Хоры стройные светил;
 Средь полей необозримых
 В небе ходят без следа
 Облаков неуловимых
 Волокнистые стада.
 Час разлуки, час свиданья —
 Им ни радость, ни печаль;
 Им в грядущем нет желанья
 Им⁴⁸ прошедшего не жаль.
 В день томительный несчастья
 Ты об них лишь вспомяни;
 Будь к земному без участия
 И беспечна, как они!
 Лишь только ночь своим покровом
 Долины ваши осенит⁴⁹,
 Лишь только мир, волшебным словом
 Обвороженный⁵⁰, замолчит;
 Лишь только ветер под скалою⁵¹
 Увядшей шевельнет травую,
 И птичка встрепенется⁵² в ней,—
 Порхнет во мраке веселей,
 И под лозою виноградной,
 Росу небес глотая жадно,

Цветок распустится ночной;
 Лишь только месяц золотой
 Из-за горы тихонько встанет
 И на тебя украдкой взглянет, —
 К тебе я стану прилетать;
 Гостить я буду до денницы
 И на шелковые ресницы
 Сны золотые навевать...»

XVI

Слова замолкли. В отдаленьи⁵³,
 Вослед за звуком умер звук.
 Она, вскочив, глядит вокруг...
 Невыразимое смятенье
 В ее груди; печаль, испуг,
 Восторга пыл — ничто в сравненьи.
 Все чувства в ней кипели вдруг.
 Душа рвала свои оковы,
 Огонь по жилам пробегал,
 И этот голос чудно-новый,
 Ей мнилось, все еще звучал.
 И перед утром сон желанный
 Глаза усталые смежал⁵⁴;
 Но мысль ее он возмущал
 Мечтой пророческой и странной.
 Пришлец туманный и немой,
 Красой блистая неземной,
 К ее склонился изголовью;
 И взор его с такой любовью,
 Так грустно на нее смотрел,
 Как будто он об ней жалел.
 То не был ангел-небожитель,
 Ее божественный хранитель,
 Венец из радужных лучей
 Не осенял⁵⁵ его кудрей.
 То не был ада дух ужасный,
 Порочный мученик — о нет!
 Но был похож на вечер ясный;
 Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!..

Часть II

I

«Отец, отец, оставь угрозы,
 Свою Тамару не брани,..
 Я плачу — видишь эти слезы,
 Уже не первые они.
 Напрасно женихи толпою
 Спешат сюда из дальних мест...
 Немало в Грузии невест;
 А мне не быть уж их женою!..
 О, не брани, отец, меня.
 Ты замечаешь: день от дня

Я вяну, жертва злой отравы!
 Меня терзает дух лукавый
 Неотразимую мечтой;
 Я гибну, сжался надо мной!
 Не буду я ничьей женою.
 Скажи моим ты женихам:
 Супруг мой взят сырой землею.
 Другому сердце не отдам.
 С тех пор, как труп его кровавый
 Мы схоронили под горой
 Меня тревожит дух лукавый
 Неотразимую мечтой.
 В тиши ночной меня [тревожит]⁵⁶.
 Толпа печальных, странных снов.
 Молиться днем душа не может
 Мысль далека от звука слов.
 Огонь по жилам пробегает,
 Я сохну, вяну день от дня.
 Отец, душа моя страдает. . .
 Отец мой! Пощади меня!
 Отдай в священную обитель
 Дочь безрассудную свою;
 Там защитит меня спаситель,
 Пред ним тоску мою пролью.
 На свете нет уж мне веселья. . .
 Святыни миром осеня,
 Пусть примет сумрачная келья,
 Как гроб, заранее меня. . .»

II

И в монастырь уединенный
 Ее родные отвезли,
 И власяницею смиренной
 Грудь молодую облекли.
 Но и в монашеской одежде,
 Как под узорною парчой,
 Все беззаконною мечтой
 В ней сердце билось, как и прежде⁵⁷.
 Пред алтарем, при блеске свеч,
 В часы торжественного пенья,
 Знакомая, среди моленья,
 Ей часто слышалася речь.
 Под сводом сумрачного храма
 Знакомый голос иногда⁵⁸
 Скользил без звука и следа
 В тумане легком фимиама;
 Сиял он тихо, как звезда;
 Манил и звал он. . . но — куда? . .

III

В прохладе меж двумя холмами
 Таился монастырь святой.
 Чинар и тополей рядами

Он окружен был, — и порой,
 Когда ложилась ночь в ущелье,
 Сквозь них мелькала, в окнах кельи,
 Лампада грешницы⁵⁹ молодой.
 Кругом, в тени деревьев миндальных,
 Где ряд стоит крестов печальных,
 Безмолвных сторожей гробниц,
 Спевались хоры легких птиц.
 По камням прыгали, шумели
 Ключи студеною волной
 И под нависшею скалой,
 Сливаясь дружески в ущелье,
 Катились дальше, меж кустов,
 Покрытых инеем цветов.

IV

На север видны были горы.
 При блеске утренней Авроры,
 Когда синеющий дымок
 Курится в глубине долины⁶⁰,
 И, обращаясь на восток,
 Зовут к молитве муэцины,
 И звучный колокола глас
 Дрожит, обитель пробуждая;
 В торжественный и мрачный⁶¹ час,
 Когда грузинка молодая
 С кувшином длинным за водой
 С горы спускается крутой,
 Вершины цепи снеговой
 Светло-лиловою стеной
 На чистом небе рисовались,
 И в час заката одевались
 Они румяной пеленой;
 И между них, прорезав тучи,
 Стоял, всех выше головой,
 Казбек, Кавказа царь могучий,
 В чалме и ризе парчевой.

V

Но, полно думою преступной,
 Тамары сердце недоступно
 Восторгам чистым. Перед ней
 Весь мир одет угрюмой тенью,
 И все ей в нем, — предмет мученья⁶² —
 И утра луч и мрак ночей. . .
 Бывало, только ночи сонной
 Прохлада землю обоймет,
 И пред⁶³ божественной иконой
 Она в безумье упадет,
 И плачет; и в ночном молчанье
 Ее тяжелые рыданья
 Тревожат путника вниманье⁶⁴;
 И мыслит он: «То горный дух

Прикованный к пещере стонет^{65!}»
 И чутко напрягая слух,
 Коня испуганного гонит⁶⁶.

VI

Тоской и трепетом полна,
 Тамара часто у окна
 Сидит в раздумье одиноком
 И смотрит вдаль прилежным оком,
 И целый день, вздыхая, ждет. . .
 Ей сердце⁶⁷ шепчет: он придет!
 Недаром сны ее ласкали;
 Недаром он являлся ей
 С глазами, полными печали,
 И чудной нежностью речей.
 Уж много дней она томится,
 Сама не зная почему;
 Святым захочет помолиться⁶⁸
 А сердце молится ему^{69!} . .
 Порою, разбросав на плечи
 Волну кудрей своих, она
 Стоит без мысли, холодна
 И странные лепечут речи
 Ее дрожащие уста;
 Желанья грудь ее волнуют
 И чудный призрак все рисует
 Пред нею в сумраке мечта.
 Утомлена борьбой всегдашней,
 Склонится ли на ложе сна:
 Подушка жжет, ей душно, страшно,
 И вся дрожит, вскочив⁷⁰, она;
 Трепещет грудь, пылают плечи⁷¹,
 Нет сил дышать, туман в очах
 Объяты жадно ищут встречи;
 Лобзанья тают на устах! . .

VII

Вечерней мглы покров воздушный
 Уж холмы Грузии одел,
 Привычке сладостной послушный
 В обитель Демон прилетел.
 Но долго, долго он не смел
 Святыню мирного приюта
 Нарушить. И была минута,
 Когда казалось⁷² он готов
 Оставить умысел жестокий.
 Задумчив у стены высокой
 Он бродит: . . от его шагов
 Без ветра лист в тени трепещет.
 Он поднял взор: ее окно,
 Озарено лампадой, блещет;
 Кого-то ждет она давно!
 И вот средь общего молчанья

Чингура стройное бряцанье
 И звуки песни раздались;
 И звуки те лились, лились,
 Как слезы, мерно друг за другом;
 И эта песнь была нежна,
 Как будто для земли она
 Была на небе сложена.
 Не ангел ли с забытым другом
 Вновь повидаться захотел
 Сюда украдкою слетел
 И о былом ему пропел,
 Чтоб усладить его мученье? ..
 Тоску любви, ее волненье
 Постигнул Демон в первый раз;
 Он хочет в страхе удалиться...
 Его крыло не шевелится...
 И, чудо! из померкших глаз
 Слеза тяжелая катится...
 Поныне возле кельи той
 Насквозь прожженный виден камень
 Слезою жаркою, как пламень,
 Нечеловеческой слезой.

VIII

И входит он, любить готовый,
 С душой, открытой для добра,
 И мыслит он, что жизни новой
 Пришла желанная пора.
 Неясный трепет ожиданья,
 Страх неизвестности немой,
 Как будто в первое свиданье
 Спознались с гордою душой.
 То было злое предвещанье!
 Он входит, смотрит — перед ним
 Посланник рая, херувим,
 Хранитель грешницы прекрасной,
 Стоит с блистающим челом
 И от врага с улыбкой ясной
 Приосенил ее крылом;
 И луч божественного света
 Вдруг ослепил нечистый взор,
 И вместо мирного⁷³ привета
 Раздался тягостный укор:

IX

«Дух беспокойный, дух порочный,
 Кто звал тебя во тьме полночной?
 Твоих поклонников здесь нет,
 Зло не дышало здесь поныне;
 К моей любви, к моей святыне
 Не пролагай преступный след.
 Кто звал тебя?»

Ему в ответ

Злой дух коварно усмехнулся;
 Зарделся ревностью взгляд;
 И вновь в душе его проснулся
 Старинной ненависти яд.
 «Она моя! — сказал он грозно, —
 Оставь ее, она моя!
 Явился ты, защитник, поздно,
 И ей, как мне, ты не судья.
 На сердце, полное гордыни,
 Я положил⁷⁴ печать мою;
 Здесь больше нет твоей святыни,
 Здесь я владею, я люблю⁷⁵!»
 И Ангел грустными очами
 На жертву бедную взглянул
 И медленно, взмахнув крылами,
 В эфире неба утонул⁷⁶.

Х

Тамара

О! Кто ты? Речь твоя опасна!
 Тебя послал мне ад иль рай?
 Чего ты хочешь?

Демон

Ты прекрасна!

Тамара

Но кто ты? Кто ты? — Отвечай⁷⁷!

Демон

Я тот, которому внимала
 Ты в полуночной тишине,
 Чья мысль душе твоей шептала,
 Чью грусть ты смутно отгадала,
 Чей образ видела во сне.
 Я тот, чей взор надежду губит⁷⁸,
 Едва надежда расцветет,
 Я тот, кого никто не любит⁷⁹
 И все живущее клянет.
 Ничто пространство мне и годы,
 Я бич рабов моих земных,
 Я царь познания и свободы,
 Я враг небес, я зло природы,
 И, видишь, — я у ног твоих!
 Тебе принес я в умиление
 Молитву тихую любви,
 Земное первое мученье
 И слезы первые мои, —
 О! выслушай — из сожаленья!
 Меня добру и небесам
 Ты возвратить могла бы словом,
 Твоей любви святым покровом
 Одетый, я предстал бы там,
 Как новый ангел в блеске новом,

О! только выслушай, молю, —
 Я раб твой, — я тебя люблю⁸⁰!
 Лишь только я тебя увидел,
 Твой чудный, твой волшебный взор,
 Я тайно вдруг возненавидел
 Мою свободу, как позор;
 Своею властью недовольный,
 Я позавидовал невольню
 Неполной радости земной;
 Не жить, как ты, мне стало больно,
 И страшно розно жить с тобой.
 В бескровном⁸¹ сердце луч нежданный⁸²
 Опять затеплился живей.
 И грусть на дне старинной раны
 Зашевелилася, как змей, —
 Что без тебя мне эта вечность?
 Моих владений бесконечность?
 Пустые звучные слова,
 Обширный храм без божества.

Тамара

Оставь меня, о дух лукавый!
 Молчи, не верю я врагу. . .
 Творец. . . Увы! я не могу
 Молиться. . . Гибельной отравой
 Мой дух⁸³ слабеющий объят!
 Послушай, ты меня погубишь;
 Твои слова — огонь и яд. . .
 Скажи, зачем меня ты любишь!

Демон

Зачем, красавица? Увы,
 Не знаю! . . Полон жизни новой,
 С моей преступной головы
 Я гордо⁸⁴ снял венец терновый
 И все бывшее бросил в прах⁸⁵:
 Мой рай, мой ад в твоих очах.
 Люблю тебя нездешней страстью,
 Как полюбить не можешь ты,
 Всем упоением, всею властью⁸⁶
 Бессмертной мысли и мечты.
 В душе моей, с начала мира,
 Твой образ был запечатлен⁸⁷,
 Передо мной пронесся⁸⁸ он
 В туманах вечного Эфира⁸⁹.
 Давно тревожа мысль мою,
 Мне имя сладкое звучало;
 Во дни блаженства мне в раю
 Тебя одной недоставало⁹⁰.
 О! если б ты могла понять,
 Какое горькое томленье
 Всю жизнь — века без разделенья
 И наслаждаться и страдать,
 За зло похвал не ожидать,

И за добро вознагражденья⁹¹!
 Жить для себя, скучать собой,
 И этой вечною борьбой
 Всегда желать и не желать⁹²,
 Все знать, все чувствовать, все видеть,
 Все против воли ненавидеть,
 Все безотрадно презирать⁹³.
 Лишь только божие проклятье
 Исполнилось, с того же дня
 Природы жаркие объятья
 Навек остыли для меня;
 Синело предо мной пространство;
 Я видел брачное убранство
 Светил, знакомых мне давно. . .
 Они текли в венцах из злата;
 И что же? Прежнего собрата⁹⁴
 Не узнавало ни одно.
 Изгнанников, себе подобных,
 Я звать с отчаяния стал⁹⁵,
 Их⁹⁶ слов и лиц и взоров злобных,
 Увы! . . Я сам не узнавал.
 И в страхе я, взмахнул крылами⁹⁷,
 Помчался. — Но куда? Зачем?
 Не знаю! Прежними друзьями
 Я был отвергнут, как эдем,
 Мир для меня стал глух и нем.
 По вольной прихоти теченья
 Так поврежденная ладья
 Без парусов и без руля
 Плывет, не зная назначенья,
 Так ранней утренней порой
 Отрывок тучи громовой,
 В лазурной вышине чернея,
 Один, нигде пристать не смея,
 Летит без цели и следа,
 Бог весть откуда и куда.
 И я людьми недолго правил,
 Греху недолго их учил;
 Все благородное бесславил, —
 И все прекрасное хулил.
 Недолго. . . пламень чистой веры
 Легко навек я залил в них,
 А стояли ль трудов моих
 Одни глупцы да лицемеры?
 И скрылся я в ущелье⁹⁸ гор
 И стал бродить, как метеор,
 Во мраке полночи глубокой. . .
 И мчался ль⁹⁹ путник одинокой,
 Обманут близким огоньком;
 И в бездну падая с конем,
 Напрасно звал, — и след кровавый
 За ним вился по крутизне;
 Но злобы адские¹⁰⁰ забавы

Недолго нравились мне¹⁰¹.
 Как часто на вершине льдистой
 Один меж небом и землей
 Под кровом радуги огнистой
 Сидел я мрачный и немой;
 Как часто, подымая прах¹⁰²,
 В борьбе с могучим ураганом,
 Одетый молнией, туманом¹⁰³,
 Я шумно мчался в облаках,
 Чтобы в борьбе стихий мятежной¹⁰⁴
 Сердечный ропот заглушить,
 Спастись от думы¹⁰⁵ неизбежной
 И незабвенное забыть!
 Что повесть тягостных лишений,
 Трудов и бед толпы людской,
 Грядущих, прошлых поколений,
 Перед минутою одной
 Моих непризнанных мучений?
 Что люди, что их жизнь и труд?
 Они прошли, — они пройдут...
 Надежды ждать есть правый суд¹⁰⁶.
 Простить он может, хоть осудит!
 Моя ж печаль бессменно тут,
 И ей конца, как мне, не будет;
 И не вздремнуть в могиле ей!
 Она то ластится, как змей,
 То жжет, то плещет¹⁰⁷, будто пламень,
 То давит мысль¹⁰⁸ мою, как камень —
 Надежд погибших и страстей
 Несокрушимый мавзолей!...

Тамара

Зачем мне знать твои печали,
 Зачем ты жалуешься мне?
 Ты согрешил?..

Демон

Против тебя ли?..

Тамара

Нас могут слышать...

Демон

Мы одне!..

Тамара

А бог?..

Демон

На нас не кинет взгляда:
 Он занят небом, не землей.

Тамара

А наказанье, муки ада?..

Демон

Так что ж? Ты будешь там со мной¹⁰⁹!

О верь мне. Я один поныне
 Тебя постиг и оценил;
 Избрав тебя своей святыней.
 Я власть у ног твоих сложил.
 Твоей любви я жду как дара,
 И вечность дам тебе за миг;
 В любви, как в злобе, верь, Тамара:
 Я неизменен и велик.

Тамара

Кто б ни был ты, мой друг случайный, —
 Покой навеки погубя,
 Невольно, но с отрадой тайной¹¹⁰,
 Страдалец, слушаю тебя!
 Но если речь твоя лукава,
 Но если ты, обман тая...
 О пощади! Какая слава?
 На что душа тебе моя?
 Ужели небу я дороже
 Всех, не замеченных тобой,
 Они, увы! прекрасны тоже,
 Как здесь, их девственное ложе
 Не смято грешною¹¹¹ рукой...
 Нет! дай мне клятву роковую...
 Скажи, ты видишь, я тоскую,
 Ты видишь женские мечты!
 Невольно страсть¹¹² в душе ласкаешь,
 Но ты все понял, ты все знаешь —
 И сжалишься, конечно, ты!..
 Клянися мне.. от злых стяжаний
 Отречься ныне дай обет.
 Ужель ни клятв, ни обещаний
 Ненарушимых больше нет?..

Демон

Клянусь я первым днем творенья,
 Клянусь его последним днем,
 Клянусь позором преступленья
 И вечной правды торжеством.
 Клянусь паденья горькой мукой,
 Победы краткою мечтой;
 Клянусь свиданием с тобой
 И вновь грозящею разлукой.
 Клянусь я сонмищем духов¹¹³,
 Судьбою братьей мне подвластных,
 Мечами ангелов бесстрастных,
 Моих недремлющих врагов;
 Клянуся небом я и адом,
 Земной святыней и тобой.
 Клянусь твоим последним взглядом,
 Твоею первою слезой;
 Незлобных уст твоих дыханьем,
 Волною шелковых кудрей,
 Клянусь блаженством и страданьем,

Клянусь любовью моей.
Я отрекись от старой мести,
Я отрекись от гордых дум¹¹⁴;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум.
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном
Следы небесного огня.
И мир в неведение покойном
Пусть доцветает без меня¹¹⁵!
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя;
Без сожаленья и участия¹¹⁶
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить. —
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, —
Но дни бегут, — и стынет кровь!
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты? ..
Нет! не тебе, моей подруге,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча, в тесном круге
Ревнивой грубости, рабой;
Средь малодушных и холодных,
Друзей притворных и врагов,
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов;
Печально за стеной высокой
Ты не угаснешь без страстей,
Среди молитв, равно далеко
От божества и от людей.
О нет! Прекрасное созданье,
Иному ты осуждена;
Тебе иное здесь страданье¹¹⁷,
Иных восторгов глубина!
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.

Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою;
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе все, все земное —
Люби меня!..

XI

И он слегка
Коснулся жаркими¹¹⁸ устами
Ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи!
Он жег ее. Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник.
Мучительный, ужасный крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было все: любовь, страданье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой.

XII

В то время сторож полуночный,
Один вокруг стены крутой
Свершая тихо путь урочный,
Бродил с чугуною доской, —
И возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугуною,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,

Минутный крик и слабый стон.
 И нечестивое сомненье
 Проникло в сердце старика...
 Но пронеслось еще мгновенье,
 И стихло все, — издалека
 Лишь дуновенье ветерка
 Лобзанье листьев приносило¹¹⁹,
 Да с темным берегом уныло
 Шепталась горная река.
 Канон угодника святого
 Спешит он в страхе прочитать,
 Чтоб наважденье духа злого
 От грешной мысли отогнать;
 Крестит дрожащими перстами¹²⁰
 Мечтой взволнованную грудь
 И молча скорыми шагами
 Обратный¹²¹ продолжает путь.

XIII

Как пери спящая мила,
 Она в гробу своем лежала;
 Белей и чище покрывала
 Был томный цвет ее чела.
 Навек опущены ресницы...
 Но кто б, о небо¹²²! не сказал,
 Что взор под ними лишь дремал
 И, чудный, только ожидал
 Иль поцелуя, иль денницы.
 Но бесполезно луч дневной
 Скользил по ним струей златой,
 Напрасно их в немой печали
 Уста родные целовали, —
 Нет, смерти вечную печат
 Ничто не в силах уж сорвать¹²³!
 И все, где пылкой жизни сила
 Так внятно чувствам говорила,
 Теперь один ничтожный прах;
 Улыбка страшная застыла,
 Едва мелькнувши на устах;
 Но темен, как сама могила,
 Печальный смысл улыбки той:
 Что в ней? Насмешка ль над судьбой,
 Непобедимое ль сомненье?
 Иль к жизни хладное презренье?
 Иль с небом гордая вражда?
 Как знать? Для света навсегда
 Утрачено ее значенье!
 Она невольно манит взор.
 Как древней надписи узор,
 Где, может быть, под буквой странной
 Тайтся повесть древних лет,
 Символ премудрости туманной,
 Глубоких дум забытый след. —

И долго бедной жертвы тленья
 Не трогал ангел разрушенья;
 И были все ее черты
 Исполнены той красоты,
 Как мрамор, чуждой выраженья,
 Лишенной чувства и ума,
 Таинственной, как смерть сама¹²⁴.
 Ни разу не был в дни веселья
 Так разноцветен и богат
 Тамары праздничный наряд;
 Цветы родимого ущелья
 (Так древний требует обряд)
 Над нею льют свой аромат,
 И, сжаты мертвою рукою,
 Как бы прощаются с землею!
 И ничего в ее лице
 Не намекало о конце.

XIV

Уж собрались в печальный путь
 Друзья, соседи и родные,
 Терзая волосы седые,
 Безмолвно поражая грудь¹²⁵.
 В последний раз Гудал садится
 На белогривого коня. —
 И поезд тронулся. Три дня,
 Три ночи путь их будет длиться.
 Меж старых дедовских костей
 Приют покойный вырыт ей.
 Один из Праотцев Гудала,
 Грабитель путников и сел¹²⁶,
 Когда болезнь его сковала
 И час раскаянья пришел,
 Грехов минувших¹²⁷ в искупленье
 Построить церковь обещал
 На вышине гранитных скал,
 Где только вьюги слышно пенье,
 Куда лишь коршун залетал.
 И скоро между скал Казбека¹²⁸
 Поднялся одинокий храм, —
 И кости злого человека
 Вновь успокоились там;
 И превратилась в кладбище
 Скала, родная облакам,
 Как будто ближе к небесам
 Теплей последнее¹²⁹ жилище.
 [Как будто дальше от людей
 Последний сон не возмутится. . .]¹³⁰
 Напрасно! Мертвым не приснится
 Ни грусть, ни радость прошлых дней¹³¹.
 Едва на жесткую постель
 Тамару с пеньем опустили,
 Вдруг тучи горы обложили

И разыгралася метель, —
 И громче хищного шакала
 Она завывала в небесах
 И белым прахом заметала
 Недавно вверенный ей прах.
 Едва последний стих прочли
 Над прахом дочери Гудала,
 И горсть последняя земли
 О крышку гроба простучала,
 И воскурился к небесам
 Кадил прощальных фимиам,
 Едва лишь за скалой соседней
 Утих рыданий звук последний,
 Последний шум людских шагов,
 Сквозь дымку серых облаков
 Спустился ангел легкокрылый,
 Приник с усердною мольбой
 За душу грешницы молодой, —
 И в то же время царь порока
 Туда примчался издалека.
 Страданий мрачная семья
 [В чертах недвижимых таилась]¹³²,
 По следу крыл его [тащилась]¹³³
 Багровой молнии струя.
 Когда же он пред собой увидел
 Все что любил и ненавидел,
 То шумно мимо промелькнул.
 И взор пронзительный кидая,
 Посла потерянного рая
 Улыбкой горькой упрекнул.

XV

В пространстве синего эфира
 Один из ангелов святых,
 Летел на крыльях золотых,
 И душу грешную от мира
 Он нес в объятиях своих.
 И сладкой речью упованья
 Ее сомненья разгонял,
 И след проступка и страданья
 С нее слезами он смывал;
 Издалека уж звуки рая
 К ним доносились... — Как вдруг
 Свободный путь пересекая,
 Взвился из бездны адский дух.
 Он был могущ, как вихорь шумный,
 Блистал, как молнии струя,
 И гордо в дерзости безумной
 Он говорил¹³⁴: «Она моя!»
 К груди хранителя прижалась¹³⁵,
 Молитвой ужас заглуша,
 Тамары грешная душа!
 Судьба грядущего решалась,

Пред нею снова он стоял;
 Но, боже! — Кто б его узнал?
 Каким смотрел он злобным¹³⁶ взглядом,
 Как полон был смертельным ядом
 Вражды, не знающей конца, —
 И веяло могильным хладом
 От неподвижного лица.
 «Исчезни, мрачный дух сомненья! —
 Посланник неба отвечал: —
 Довольно ты торжествовал;
 Но час суда теперь настал —
 И благо божее решенье!
 Дни испытания прошли;
 С одеждой брэнною земли
 Оковы зла с нее ниспали.
 Узнай! Ее давно мы ждали¹³⁷!
 Ее душа была из тех,
 (Которых жизнь — одно мгновенье
 Невыносимого мученья)¹³⁸,
 Недосыгаемых утех:
 Творец из лучшего эфира
 Соткал живые струны их,
 Они не созданы для мира,
 И мир был создан не для них!
 Ценой жестокой искупила
 Она сомнения свои, —
 Она страдала и любила —
 Ей¹³⁹ рай открылся для любви!»
 И Ангел строгими очами
 На искушителя взглянул
 И, радостно взмахнув крылами,
 В сиянье неба утонул¹⁴⁰.
 И проклял Демон побежденный
 Мечты безумные свои, —
 И вновь остался он, надменный,
 Один, как прежде, во вселенной
 Без упованья и любви! . .

На склоне каменной горы
 Над Койшаурскою долиной
 Еще стоят до сей поры
 Зубцы развалины старинной.
 Рассказов, страшных для детей,
 О них еще преданья полны . . .
 Как призрак, памятник безмолвный,
 Свидетель тех волшебных дней,
 Между деревьями чернеет.
 Внизу рассыпался аул,
 Земля цветет и зеленеет;
 И голосов нестройный гул
 Теряется. И караваны
 Идут, гремя издалека¹⁴¹,

И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью, вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.
Но грустен замок, отслуживший
Когда во очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет,
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиты старого крыльца¹⁴²,
То вдруг сошьется в три кольца,
То ляжет длинной полосой;
И блещет, как булатный меч,
Забытый в поле грозных¹⁴³ сеч,
Ненужный падшему герою...
Все дико, нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его.
Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их земель,
Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне,
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады
С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят, нахмурившись, вокруг.
И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых;
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме, в той стране,
С востока облака одне
Спешат толпой на поклоненье;

И над семьей могильных плит
 Давно никто уж не грустит!
 Скала угрюмая¹⁴⁴ Казбека
 Добычу жадно сторожит,
 И вечный ропот человека
 Их вечный мир не возмутит.
 И там, где кости их истлели
 На крутизне гранитных льдов,
 Гуляют нынче лишь метели,
 Да стаи вольных облаков¹⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В сноске вариант: «ни страха». В акад. и карлсруэских изд. «Демона» 1856 и 1857 гг.: «ни злобы».

² В акад. и карлсруэских изд.: «уму».

³ В сноске вариант: «бесплодных». В акад. и карлсруэских изд.: «бесплодных».

⁴ В сноске вариант:

В пустынях мира он блуждал
 Давно без цели и приюта...

В авторизованной копии 1838 г.:

С тех пор отверженный блуждал
 В пустыне мира без приюта...

⁵ В акад. и карлсруэских изд.: «Однообразной чередой».

⁶ В акад. и карлсруэских изд.: «горный».

⁷ В акад. и изд. 1856 г.: «райны»; в изд. 1857 г.: «руины».

⁸ В акад. и карлсруэских изд.: «Пещеры».

⁹ В акад. и карлсруэских изд.: «Как взор грузинки молодой».

¹⁰ После этого стиха вписаны и зачеркнуты стихи:

Богатых много есть князей
 В долинах мирных Синодала...

Эти стихи отсутствуют во всех печатных изданиях и рукописях «Демона». Они вписаны вторично в начале следующей строфы.

¹¹ В акад. и карлсруэских изд.:

И все, что пред собой он видел,
 Он презирал иль ненавидел...

¹² Текст, ранее неизвестный. Далее явный пропуск двух стихов, необходимых для рифмы.

¹³ Зачеркнуто слово: «близ». В сноске указан вариант: «близ». В акад. и карлсруэских изд.: «меж».

¹⁴ Далее вписан отрывок от слов: «Увлечена могучей пляской...»; до слов: «Как страсть палящая глубоко!» с целым рядом разночтений «могучей» вместо «летучей»; «Как страсть палящая глубоко» вместо «Как страсть палящей и глубокой» и др. Этот отрывок является фрагментом варианта «вымаранных» стихов, приведенных в примечаниях к карлсруэскому изданию 1856 г. В академическом издании этот отрывок отсутствует

¹⁵ В акад. и карлсруэских изд.: «жемчужною».

¹⁶ В сноске вариант: «Не брызгал [на]».

В акад. и карлсруэских изд.: «Не омывал».

¹⁷ В акад. и изд. 1856 г.: «резвую дитя»; в изд. 1857 г.: «резвое дитя».

¹⁸ В сноске вариант: «грустные». В карлсруэских изд.:

И часто тайное сомненье
 Темнило светлые черты...

¹⁹ В акад. и изд. 1856 г.: «И были»; в изд. 1857 г.: «Но были».

²⁰ В сноске вариант: «Демон, пролетая». В акад. и карлсруэских изд.: «Демон, пролетая».

²¹ В акад. и карлсруэских изд.: «братий».

²² Здесь описка: «милой» вместо «длинной».

²³ В акад. и карлсруэских изд.: «Как будто за звездой звезда».

²⁴ Зачеркнуто: «думой». В сноске вариант: «Он с новой думой стал знаком». В акад. и изд. 1856 г.: «Он с новой думой стал знаком»; в изд. 1857 г.: «Он с новой грустью стал знаком».

²⁵ В акад. и карлсруэских изд.: «Признак».

²⁶ В акад. и карлсруэских изд.:

Измучив доброго коня,
 На брачный пир к закату дня
 Спит жених нетерпеливый.

²⁷ В акад. и карлсруэских изд.: «ловкий стан».

²⁸ Вариант в сноске: «вырезной». В акад. и карлсруэских изд.: «вырезной».

²⁹ Зачеркнуто: «несется». В акад. и карлсруэских изд.: «косится».

³⁰ В сноске вариант: «в боге». В акад. и карлсруэских изд.: «в боге».

³¹ В сноске вариант: «тьмою». В акад. и карлсруэских изд.: «тьмою».

³² В акад. и карлсруэских изд.: «в глубине».

³³ В акад. и карлсруэских изд.: «Затихло».

³⁴ В акад. и карлсруэских изд. стихи переставлены:

На трупы всадников порой
 Верблюды с ужасом глядели...

³⁵ В акад. и карлсруэских изд.: «И глухо».

³⁶ Зачеркнуто: «Под сводом». В сноске вариант: «Под слою». В карлсруэских изд.: «Под слою».

³⁷ Зачеркнуто: «сестры». В сноске вариант: «сестры». В акад. и карлсруэских изд.: «сестры».

³⁸ В акад. и карлсруэских изд.: «над скалою».

³⁹ В сноске вариант: «Не раз», В акад. и карлсруэских изд.: «Не раз».

⁴⁰ В акад. и карлсруэских изд.: «будто к брани».

⁴¹ В списке явная описка: «осядет на скаку» вместо «осадит на скаку».

⁴² В акад. и карлсруэских изд.: «Задвинул».

⁴³ В акад. и карлсруэских изд.: «Скакун лихой, ты».

⁴⁴ В акад. и карлсруэских изд.: «запаленный».

⁴⁵ В акад. и карлсруэских изд.: «Кто этот всадник бездыханный?»

⁴⁶ В акад. и карлсруэских изд.: «Рыдает».

⁴⁷ В сноске вариант: «свет». В акад. и карлсруэских изд.: «свет».

⁴⁸ В акад. и карлсруэских изд.: «И прошедшего не жаль».

⁴⁹ В сноске вариант: «Верхи Кавказа осенит». В акад. и карлсруэских изд.: «Верхи Кавказа осенит».

⁵⁰ В сноске вариант: «Завороженный». В акад. и карлсруэских изд.: «Завороженный».

⁵¹ В акад. и изд. 1857 г.: «под скалою»; в изд. 1856 г.: «над скалою».

⁵² В сноске вариант: «спрятанная». В акад. и карлсруэских изд.: «спрятанная».

⁵³ В акад. и карлсруэских изд.: «Слова умолкли в отдаленьи».

⁵⁴ В акад. и карлсруэских изд.:

Глаза усталые смежил,
Но мысль ее он возмутил...

⁵⁵ В акад. и карлсруэских изд.: «Не украшал его кудрей».

⁵⁶ В список ошибочно вписано слово: «смущает». Явный дефект, нет рифмы. Вместо слова «смущает» должно быть слово «тревожит» (см. варианты в рукописи 1838 г.).

⁵⁷ В акад. и карлсруэских изд.: «В ней сердце билось, как прежде».

⁵⁸ В акад. и карлсруэских изд.: «образ».

⁵⁹ Зачеркнуто: «схимницы». В акад. и изд. 1856 г.: «грешницы»; в изд. 1857 г.: «схимницы» (с примеч.: «Прежде—грешницы»).

⁶⁰ Зачеркнуто: «Клубится в тишине». В акад. и карлсруэских изд.: «Курится в глубине».

⁶¹ В акад. и карлсруэских изд.: «В торжественный и мирный час».

⁶² В акад. и карлсруэских изд.: «И все ей в нем предлог мученья».

⁶³ В акад. и карлсруэских изд.: «Перед божественной иконой».

⁶⁴ В акад. и карлсруэских изд.:

Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье...

⁶⁵ В акад. и карлсруэских изд.: «Прикованный к пещере стонет».

⁶⁶ В акад. и карлсруэских изд.:

И чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит...

⁶⁷ В акад. и карлсруэских изд.: «кто-то».

⁶⁸ В акад. и карлсруэских изд.: «захочет ли молиться».

⁶⁹ Далее вписан отрывок от слов: «Порою, разбросав на плечи...»; до слов: «Пред нею в сумраке мечта», отсутствующий среди вариантов изд. 1856 г. Этот отрывок является фрагментом дополнительного варианта, указанного в изд. 1857 г.

⁷⁰ В акад. и карлсруэских изд.: «вскочив, дрожит».

⁷¹ Вариант, известный по изд. 1856 г. В изд. 1857 г.: «Пылают грудь ее и плечи».

⁷² В акад. и карлсруэских изд.: «казался».

⁷³ В акад. и карлсруэских изд.: «сладкого».

⁷⁴ В акад. и карлсруэских изд.: «Я наложил печать мою».

⁷⁵ В акад. и карлсруэских изд.: «и люблю».

⁷⁶ В акад. и карлсруэских изд.: «и потонул».

⁷⁷ В акад. и карлсруэских изд.: «Но молви, кто ты? — отвечай!»

⁷⁸ После этого стиха в изд. 1857 г. напечатан один стих, которого в изд. 1856 г. нет: «Едва надежда расцветет».

⁷⁹ После этого стиха в изд. 1857 г. напечатаны два стиха, которых нет в изд. 1856 г.:

И все живущее клянет,
Ничто пространство мне и годы...

⁸⁰ После этого стиха вписан отрывок от слов: «Лишь только я тебя увидел...»; до слов: «Неполной радости земной». Отрывок значительно отличается от ранее известного по акад. и изд. 1856 г., указанного в изд. 1857 г. Приведем эти тексты:

Лишь только я тебя увидел,
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной.

Акад. и изд. 1856 г.

Когда я первый раз увидел
Твой чудный, твой волшебный взор,
Я тайно вдруг возненавидел
Мою свободу, как позор.
Своею властью недовольный,
Я позавидовал невольно
Неполным радостям людей.

Вариант, указанный в изд. 1857 г.

⁸¹ Описка: «нестройном» вместо «бескровном».

⁸² Описка: «надежный» вместо «нежданный». В акад. и карлсруэских изд.: «В бескровном сердце луч нежданный».

⁸³ В акад. и карлсруэских изд.: «Мой ум слабеющий объят».

⁸⁴ Зачеркнуто: «скоро». В акад. и карлсруэских изд.: «гордо».

⁸⁵ Далее зачеркнуто: «Я позавидовал невольно». В акад. и карлсруэских изд.: «Я все былое бросил в прах».

⁸⁶ В акад. и карлсруэских изд.: «Всем упоением, всей властью».

⁸⁷ В акад. и карлсруэских изд.: «Напечатлен».

⁸⁸ В акад. и карлсруэских изд.: «Передо мной носился он».

⁸⁹ В акад. и карлсруэских изд.: «В пустынях вечного эфира».

⁹⁰ В акад. и карлсруэских изд.: «Одной тебя недоставало».

⁹¹ В акад. и карлсруэских изд.: «Ни за добро вознаграждения».

⁹² В акад. и карлсруэских изд.: «Всегда жалеть и не желать».

⁹³ В акад. и карлсруэских изд.:

Стараться все возненавидеть
И все на свете презирать...

⁹⁴ В акад. и карлсруэских изд.: «Но что же? прежнего собрата».

⁹⁵ В акад. и карлсруэских изд.: «Я звать в отчаянии стал».

⁹⁶ В акад. и карлсруэских изд.: «Но слов и лиц».

⁹⁷ В акад. и карлсруэских изд.: И в страхе я, взмахнув крылами».

⁹⁸ В акад. и карлсруэских изд.: «И скрылся я в ущельях гор».

⁹⁹ В акад. и карлсруэских изд.: «И мчался путник одинокий».

¹⁰⁰ В акад. и карлсруэских изд.: «Но злобы мрачные забавы».

¹⁰¹ Далее вписан текст от слов «Как часто на вершине льдистой...» до слов «Сидел я мрачный и немой».

¹⁰² В акад. и карлсруэских изд.:

В борьбе с могучим ураганом
Как часто, подымая прах...

¹⁰³ В акад. и карлсруэских изд.: «Одетый молнией и туманом».

¹⁰⁴ В акад. и карлсруэских изд.: «Чтобы в толпе стихий мятежной».

¹⁰⁵ Зачеркнуто: «от смерти».

¹⁰⁶ В акад. и карлсруэских изд.: «Надежда есть — ждет правый суд». В сноске вариант: «Надежда есть».

¹⁰⁷ В акад. и карлсруэских изд.: «То жжет и плещет, будто пламень».

¹⁰⁸ Зачеркнуто: «грудь».

¹⁰⁹ Далее вписан отрывок от слов «О верь мне» до слов «Я неизменен и велик». В акад. и карлсруэских изд. этот отрывок печатается в монологе клятве Демона после стиха: «Пусть доцветает без меня!»

¹¹⁰ В акад. и карлсруэских изд.: «Невольню я с отрадой тайной».

¹¹¹ В акад. и карлсруэских изд.: «Не смято смертною рукой».

¹¹² В акад. и карлсруэских изд.: «Невольню страх в душе ласкаешь».

¹¹³ В акад. и карлсруэских изд.: «Клянуся соннищем духов».

¹¹⁴ В акад. и карлсруэских изд.:

Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум...

¹¹⁵ После стиха «Пусть доцветает без меня...» в списке опущен следующий отрывок, известный по акад. и карлсруэскому изд. 1856 г.:

О! верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.

Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.

¹¹⁶ В акад. и карлсруэских изд.: «Без сожаленья, без участия».

¹¹⁷ В акад. и карлсруэских изд.:

К иному ты присуждена;
Тебе иное ждет страданье...

¹¹⁸ Зачеркнуто: «тяжкими».

¹¹⁹ В акад. и карлсруэских изд.: «Роптанье листьев приносила».

¹²⁰ Зачеркнуто: «руками».

¹²¹ В акад. и карлсруэских изд.: «Обычный продолжает путь».

¹²² Зачеркнуто начало слова: «взглян[увши]»; зачеркнуты слова: «О небо». В сноске вписано: «взглянувши». В акад. и карлсруэских изд.: «Но кто б, о небо! не сказал».

¹²³ После стиха «Ничто не в силах уж сорвать» вписан большой отрывок от слов «И все, где пылкой жизни сила...» до слов «Не трогал ангел разрушенья». В акад. и карлсруэских изд. этот текст отсутствует.

¹²⁴ В акад. и карлсруэских изд. после этого стиха следует новый раздел: XIV.

¹²⁵ В акад. и карлсруэских изд.:

Толпой соседи и родные
Уж собрались в печальный путь,
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь.

В списке после слов «Безмолвно поражая грудь» опущен следующий отрывок, известный по изд. 1856 г. и включенный в акад. изд.:

Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье
Души, готовой отвести,
Последней мысли выраженье,
Земле беззвучное прости.
Напрасный отблеск жизни прежней,
Она была еще мертвей,
Еще для сердца безнадежней
Навек угаснувших очей.
Так в час торжественный заката,
Когда, растаяв в море злата,
Уж скрылась колесница дня,
Снега Кавказа на мгновенье
Отлив румяный сохраняя,
Сняют в темном отдаленье.
Но этот луч полуживой
В пустыне отблеска не встретит,
И путь ничей он не осветит
С своей вершины ледяной!..

¹²⁶ В акад. и карлсруэских изд.: «Грабитель странников и сел».

¹²⁷ В списке описки: «минушных» вместо «минувших».

¹²⁸ В сноске вариант: «Меж снегов». В акад.

и карлсруэских изд.: «И скоро меж снегов Казбека».

¹²⁹ В акад. и карлсруэских изд.: «Теплей по- смертного жилище».

¹³⁰ В списке пропуск двух стихов, необходи- мых для рифмы:

Как будто дальше от людей
Последний сон не возмутится...

Пропуск восстанавливается по акад. изд.

¹³¹ Далее вписан большой отрывок от слов «Едва на жесткую постель...» до слов «Улыб- кой горькой упрекнул». В акад. изд. он отсут- ствует.

¹³² В списке этот стих пропущен.

¹³³ Описка в списке: «струилась» вместо «та- щилась».

¹³⁴ В акад. и карлсруэских изд.: «Он говорит: «Она моя!»»

¹³⁵ В акад. и карлсруэских изд.: «К груди хра- нительной прижалась».

¹³⁶ Зачеркнуто: «грозым».

¹³⁷ В акад. и карлсруэских изд.: «Узнай! Дав- но ее мы ждали!»

¹³⁸ В списке явное искажение текста:

Ее душа была из тех,
Которых жизнь полна мучений...

вместо:

Которых жизнь — одно мгновенье
Невыносимого мученья...

Восстанавливается по акад. изд.

¹³⁹ В акад. и карлсруэских изд.: «И рай рас- крылся для любви».

¹⁴⁰ В акад. и карлсруэских изд.: «потонул».

¹⁴¹ И голосов нестройный гул

Теряется, и караваны

Идут, звеня, издалека...

¹⁴² В акад. и карлсруэских изд.: «На плиту старого крыльца».

¹⁴³ В акад. и карлсруэских изд.: «Забывший в поле давних сеч».

¹⁴⁴ В акад. и карлсруэских изд.: «Скала угрю- мого Казбека».

¹⁴⁵ Такой концовки нет в акад. и карлсруэ- ских изд. Нет ее и в вариантах к этим изда- ниям. Несколько измененный текст этого четверостишья сохранился в авторизованной копии «Демона», относящейся к 1838 г.: «На крутизне гранитных льдов» вместо «На рубе- же зубчатых льдов». Но оно не является кон- цовкой этой редакции. Текст этой рукописи очень близок к последней редакции поэмы.

М. Ф. Маливанов

Письма К. С. Аксакова князю В. А. Черкасскому

Русский либерал, публицист, историк и поэт, сын Сергея Тимо- феевича Аксакова Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860) был человеком очень совестливым и свободолюбивым. Всякого принужде- ния и лжи он не признавал, властолюбия лишен был вовсе; он не за- нимал ответственных государственных постов и никогда не причислял себя к аристократии. Своих крепостных Аксаков отпустил на волю еще до реформы 1861 г. и сколько мог ратовал за освобождение крестьян по всей России. Это был весьма своеобразный мыслитель с поразит- ельной философской и исторической интуицией. Там, где можно было о чем-то просто догадаться, он не вел подробных исследований. За мелкие факты не цеплялся, но стремился ухватить самую сущность процесса, общую закономерность и дух целого явления. Поэтому в своих выводах Аксаков был последователен и тверд и скептически от- носился к тем кто мог легко менять свою позицию на противополож- ную. Славянофил Константин Аксаков всю жизнь отстаивал Русский народ.

Народная идея не была праздным времяпровождением для дво- рянства 40—50-х гг. прошлого века. Буржуазные революции на За- паде уже успели показать силу массовых движений. Война 1812 г., восстание декабристов, крестьянские волнения и промышленный пере- ворот в России говорили о необходимости реформы. Но какой именно?

Общественное сознание представляло ее в виде некоего «освобождения». Но для того, чтобы освобождать, надо прежде выяснить *что* освобождать, в противном случае на свободу могут вырваться совсем не желательные силы.

В этом смысле К. С. Аксаков был безусловно выдающимся представителем своего класса, ибо проблему народа он понимал объективно, исторически широко и даже брал на себя смелость выступать от имени народа. У него была та внимательность к русскому крестьянству, которой так недоставало последующим поколениям либералов. Аксаков предполагал самостоятельный народный путь в истории, отличный и от дворянской государственной, и от западной направленности. Именно эту, если можно так выразиться, национальную доминанту русского народа и мечтал найти и освободить славянофил. Удовлетворение основной устойчивой предрасположенности, по мысли Аксакова, и должно было снять конфликтную ситуацию, сложившуюся в России. Начать, наконец, жить по-русски, по традиции, — таков был общий призыв славянофильства.

Средоточием исторического духа русского народа Константин Аксаков считал «не терпящую над собою власти общину». «Славянская община была союз людей, основанный на нравственном начале, управляемый внутренним законом, и отсюда обычаем общественным» (Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1861. С. 54). Такая организация была результатом самой природы славянского племени, которое «является племенем не государственным, не ищущим внешнего, принудительного устройства» (там же, с. 298). В общине Аксаков видел «высокую степень человеческого совершенства»; «сознательно народное состояние» (там же, с. 250), не раз спасавшее Россию в военное и смутное время. Именно коллективизм и способность к самоуправлению русского народа он считал залогом социального мира в стране.

Угроза русскому духу, по мнению Аксакова, состояла в проникающем влиянии Запада, с его развитыми началами индивидуализма, демократии, аристократии, а также частной собственности. Этот тип отношений, основанный на насилии, разрушал общину крестьян, а вместе с устранением помещичьего права и опеки, делал ее вовсе беззащитной. Это было похуже объявленной войны, ведь разрушалась основа русской жизни, в течение тысячи лет «не подавленная, а, напротив, береженная государством» (там же, с. 279).

Константин Аксаков, живший на пороге превращения феодального абсолютистского государства в буржуазное, отчетливо понимал антагонизм последнего и русской общины и боялся грубого и беззаботного вмешательства в ее дела. Поэтому на вопрос *что* освобождать Аксаков должен был ответить: прежде всего простой народ и его массовую организацию — общину, а уж конечно не буржуазное государство, складывающееся явно не по инициативе крестьян. Но как ни спешили славянофилы перевернуть общественное мнение, реформу проводило государство. . .

Публикуемые письма К. С. Аксакова освещают последний этап в развитии раннего славянофильства, когда в этом течении произошел раскол. Условно говоря, определились два крыла: «радикальное» (А. И. Хомяков, К. С. и И. С. Аксаковы и, отчасти, А. И. Кошелев) и «реформистское» (Ю. Ф. Самарин и кн. В. А. Черкасский). Первое держалось старых принципов «неполитического» славянофильства, всегда пугавшего администрацию. Оно составляло идейно-нравственную

оппозицию правительственному курсу и полагало, что бюрократические методы решения крестьянского вопроса приведут, в конце концов Россию на путь кровавых революций. Второе крыло в лице Самарина и Черкасского образовалось постольку, поскольку именно они двое были приглашены сотрудничать в Редакционных комиссиях для подготовки проекта Крестьянской реформы. Представился случай прямого воздействия на решение главного вопроса того времени, и они пошли на компромисс, полагая, что только так и может быть достигнут положительный результат. Вместе с товарищем Министра внутренних дел Н. А. Милютиным они к середине лета 1859 г. заняли весьма влиятельную позицию в комиссиях. К ним и обращается в первом письме К. С. Аксаков. Вместе с его разбором докладов Административного отделения Редакционной комиссии оно было с некоторыми изъятиями опубликовано в Лейпциге в 1861 г. в книге «Замечание на новое административное устройство крестьян в России». Остальные письма не известны широкому кругу исследователей.

Смерть отца, Сергея Тимофеевича Аксакова, 30 апр. 1859 г., предчувствие социальных трагедий, — все это отразилось в письмах, написанных образно, с несомненным талантом публициста.

Автограф хранится в Отделе рукописей РГБ (ф. 327 [Черкасских], р. 2, к. 4. ед. хр. 21). Текст публикуется по правилам современной орфографии и пунктуации.

I

Москва

26 августа

Хотя ко многому стал я равнодушен, но не к решению участи Русского народа, которое совершается теперь в Петербурге. И вот почему считаю я необходимым написать Вам, Князь, и высказать Вам совершенно откровенно мои мысли. Когда дело идет о большем или меньшем наделе землею, о ценности усадеб, — я, во-первых, в этом деле мало понимаю; во-вторых, это не так еще важно. Но когда дело дошло до души Русского народа, до его жизненного общинного начала, до мира, до сходимки, — то я, сколько-нибудь разумея это дело, не могу молчать.

Я прочел Доклад Административного Отделения № 5 и пришел в ужас. Дух жизни Русского народа преследуется в последнем его убежище от Государства. Когда разнеслась весть об эманципации, я писал к Хомякову, что кому принесет она положительную пользу, так это помещикам; за них можно было положительно радоваться и поздравлять их с избавлением от безобразного и безнравственного их права; но что касается до крестьян, то надежда на лучшее казалась мне не вполне верною. Помещичья власть в некоторой части имений барщинских и в имениях чисто оброчных вообще служила для крестьян как бы стеклянным колпаком, избавлявшим их от Государственной регламентации, от наружного административного благоустройства. Под защитою этих стеклянных колпаков жила жизнь нашего народа во всей самобытности своих начал, при отсутствии той чуждой нашему духу *определенности*, которая равняется *ограниченности* и уродует живое, изнутри образующее себя начало. Здесь-то (в оброчных имениях Ярославской, Вологодской губерний, например) являлся мир не Кисе-

левский¹, не устроенный каким-нибудь господином, ничего не понимающим в деле Русской жизни, — мир, сам себя составляющий, сам себя определяющий, с своим единогласием и с своею окончательной верховностью. Когда же Эманципацией, вместе с уничтожением богопротивного крепостного права, будут разбиты и эти по местам встречающиеся крышки, под которыми спасалось начало Русской жизни, Русской общины (не Киселевской), я боялся, чтобы Государственность учрежденной не легла всем гнетом на бедных крестьян. Но вот вызваны были в Петербург Вы и Самарин. Вы, Князь, заседаете в Административном Отделении. Можно было думать, что Русский народ в Вас найдет хотя какую-нибудь защиту. Явился Доклад Административного Отделения № 5 *о сходах*, подписанный Вами; а Вы еще, как слышно в Москве, на товарищей Ваших имеете влияние. Что же видим мы в этом Докладе?

Ни более, ни менее, как совершенное нарушение всей сущности Русского общинного начала, полнейшее истязание мира, уничтожение *своей*, самобытной общественной свободы Русского народа и предоставление ему, на *чужой* образец составленного, подобия *гражданских* общественных прав. Самостоятельность, жизнь, принцип, — все выкидывается вон. Что ж остается? Чисто механическое, совершенно бесполезное существование уже не общества, а известного множества людей.

Вы предоставляете себе определить: *когда мир есть мир!* Первый поп-сепс и первая дерзость против народа. Определение может быть только одно: *когда мир признает себя миром, тогда он и мир*. Вы говорите: но в таком случае несколько лиц могли бы решить дело всего общества. — Да предоставьте это самому обществу, дайте ему больше простору. Поверьте, оно уже само позаботится, чтобы несколько человек не решали за него его дел. Хорош мир, когда не сам себя признает и определяет! Предоставьте что-нибудь человеку самому. Ведь Вы не со скотами имеете дело, а напротив, с народом, который в общественном деле смыслит гораздо побольше вас, членов благородного Дворянского собрания с правом голоса и шара на знаменитых Дворянских выборах. Пожалуй, Перовский² дошел уже до того в образцовых селах, что даже расставил в избе крестьянина всю его утварь, так что ведро должно было стоять на этой, а ухват на той стороне; за несоблюдение благодетельного порядка — палка.

Но далее. — Посягнувши на самостоятельность самого мира, Вы посягаете на самостоятельность его решения. Вы осмеливаетесь определить ему, что такое есть его собственное решение, осмеливаетесь наступить на то начало, которое составляет самую основную его силу, тайну его жизни, именно: *единогласие*. Вы вводите *большинство*, ту дикую материальную силу, которая, большей частью из чувства рабского подобострастия перед Европою, не признается нами за такую; большинство, столь противное духу Русской Земли. Запустив руку прямо в душу Русского человека, Вы идете еще далее. Вы говорите, что на мирской сходке первое лицо — староста. *Когда мир собран, то первое лицо здесь одно: Мир*, а другого нет и быть не может. Какой тут староста на миру! Мир разошелся — староста опять явился. Хорош мир, на котором есть начальник или, по крайней мере, первое лицо и распорядитель! Вы говорите: первое место на сходах и охранение на них должного порядка принадлежит старосте. И так староста будет распоряжаться совещанием. Широкое поприще открывается старосте через *охранение должного порядка*. Мало ли что может ему показаться

нарушением порядка. Мир под председательством, под руководством старосты. Жалкий мир! И сверх того даже, в случае равенства голосов: на чьей стороне голос старосты, та и права. — Что же это за мир? Да такого рода мир можно найти в любом клубе, и в Англинском и в Дворянском. И все это извращение мира, все это нравственно-общественное обезображение делается ведь насильственно. Не та же ли это все Петрова палка, за которую взялись, в свою очередь, и Вы? Это гораздо похуже насильственного бритья бороды, к которому был так пристрастен Августейший Цирюльник Отечества.

Таким образом, Вы уничтожаете, убиваете самое начало нашей жизни, Вы убиваете нашу Русскую свободу, нашу общину, наш *Мир*, обращая его в какое-то жалкое подобие Дворянских выборов. Я уже не говорю о вашей попечительной заботливости, чтобы крестьяне в нетрезвом виде на сход не допускались. Предоставьте самому миру: кого допускать, кого не допускать; у него на это есть свои основания, есть свои тысячелетний обычай. Он допустит и не допустит кого хочет; иного пьяного он прогонит, а иного пьяного, который скажет дело, он выслушает. Какая надобность тут еще соваться? И стоило ли бы, кажется, и говорить об этом? Нет, элемент полицейской благопристойности так силен видно в администраторах, что они никак не могли при сей верной оказии не проявить его.

Вы скажете: но как, однако же, узнать, что это решил мир? — Спрашивается: кому нужно узнать? Если самому миру, так он всего короче это знает; или лучше, ему и узнавать нечего: *он ли решил или нет, и как решил?* А если Правительству нужно узнать, — *по тем только делам, разумеется, в которых Правительство соприкасается с крестьянством* (например: кого отдать в рекруты), — для этого довольно выборных из крестьян, которые и заверят, что это решение мира. Если же (чего быть не может) кто бынибудь из крестьян назвали выборными или сообщили бы небывалое решение мира, то потом пришлось бы таким людям сильно поплатиться перед миром. Но это случай просто невозможный. Впрочем, для большего удостоверения, или для того, чтобы иметь у себя документ, Правительство может получить грамоту от мира за руками: вот все, чего может оно хотеть, но не более. Это делалось и в старину; в грамотах встречается формула: «во всех крестьян место, по их велению такой-то руку приложил». Грамоты за руками встречаются в Древней Руси во многих случаях, например: при выборах в целовальники, в старосты и в Цари. Да и чего Вы боитесь? Боитесь ли, что кто-нибудь прикинется миром? Успокойтесь. Давно стоит мир; у нас бывали самозванные Цари, а самозванца мира не бывало.

Когда оставляет Вас дух Русского народа, тогда Вас оставляет и язык его. Что за смысл в выражениях: *Мирской сход, Волостной сход?* Почему *мир* есть только сельское явление? Хотели ли Вы сказать, что в Волости собирается не мир? Нет, из Ваших слов видно, что Вы этого сказать не хотели. Какая путаница в понятиях происходит при таком употреблении слов; вдруг мир будет только в селе, а в волости мира не будет. Разве мир значит село? Уж говорили бы Вы: *Сельский сход, Волостной сход*. По понятиям Русского духа и языка мир может быть и вся Русь, мир может быть и губерния, и уезд, и волость, и деревня. Мир есть собрание народное большей или меньшей местности; мир есть народ, как одно мыслящее, говорящее и действующее целое. Царь Алексей Михайлович³, въезжая в Москву, *весь мир* спрашивал о

здоровья. Говоря о совещании всенародном, бывшем о царе Василии⁴, Гермоген⁵ выражается: *весь мир*. А по-Вашему не так; по-Вашему уж это был бы не мир, а *городской сход*.

И больно и отвратительно было мне читать 5-й Доклад Административной Комиссии. И добро бы это были все Петербуржцы или Западники, а то тут Вы. Я думал, что Вы Русский, и что Вам хоть сколько-нибудь близок Русский народ. К чему же было все дело наше, все изучение Русских начал, быта древней Руси, крестьянского устройства? Неужели плод всего этого — несколько пустых фраз о самоуправлении общественном, о возможно большем устранении влияния администрации на мирские дела? Пустых фраз, повторяю, ибо тут же делается совсем другое.

Вы подняли руку на народ. Злое дело, худое дело! Вы посягнули на душу народа; это уже настоящее *душегубство*. Остается утешаться тем, что не всегда же будет сочиняться Русская история в Петербурге, и что вам, господа, совершить душегубство над Русским народом на деле не удастся.

Вас не смутит мое письмо. Что Вас смутит? Но задумайтесь хоть на одну минуту. Припомните: Жиды, распиная Христа, не смущались тем, что их ожидает и конечно не думали, что станут они живым позором между людьми, и имя их обратиться в брань. Вы распинаете теперь Русский народ и не думаете, конечно, что имена ваши станут бранным словом и что поношение ляжет на память вашу.

В моем письме секретов нет. Можете показать мое письмо Вашим товарищам и кому угодно.

Константин Аксаков.

2

16 ноября

Любезнейший мой Князь.

Давно хотел я отвечать Вам на Ваше письмо, но хотелось наперед что-нибудь приготовить послать Вам. Сейчас перечел письмо Ваше опять.

Всякое слово искреннего участия есть уже положительное дело, положительное добро: таковы строки Ваши, которые пишете Вы прямо об мне самом. Благодарю Вас за них от всей души. Но не могу согласиться с ними и нахожу их даже несправедливыми. Я не бросил работать, не отказался от труда, напротив; работа получила для меня новый смысл и составляет едва не единственную прочную связь с жизнью, смысл положительный и нравственную необходимость существования. Вы знаете, что я работаю: упрек в бездействии, слава Богу, нейдет ко мне. Но Вы скажете, что я работаю без участия, что я отдал себя от общественных интересов, — и это несправедливо. Судьба Русского народа, и вообще истина, мне дороги. Доказательством служит самое письмо мое к Вам о действиях Комиссии. Со всем тем для меня все переменялось и радость вычеркнута из жизни, даже та законная, светлая радость жизни, которая составляет высокое душевное благо и нравственную заслугу на земле, и которую знал я прежде. Теперь нужна уж другая заслуга и другая, еще высшая, радость, до которой мне далеко. Около меня все явления жизни переменяли места свои: *мир переставился*, но не уничтожился. То, что звалось

смертью, то стало жизнью, и жизнью истинною; а что доселе было жизнью, то стало смертью, живущей смертью, или, лучше сказать, призраком, обманом, который сам по себе не имеет в себе ни малейшей правды и важен лишь идеей, в образе его несоразмерно выражающейся; идеей, которая рвется за пределы обманщика-праха. Смерть для меня в первый раз убита, потому что сам я умер. Тем не менее, горе разлуки остается тем же горем, и какой разлуки! Непостижимой для мысли, новой, обхватывающей своей общностью, говорящей о новом мире, где нет смерти, нет праха. Смерть есть нелепость. я только теперь это понял. Мой отец жив, но мы только не вместе, и между мною и им тайна. Тем не менее при этом убеждении горе не теряет своей остроты и разнообразной едкости, потому что я сам ниже этого убеждения. После *такого горя*, если человек не умирает, то остается ему всю остальную жизнь дышать скорбью и горем. Он может уклониться от этого пути или, падая нравственно, заплывая опять жиром с тем, чтоб уж расстаться с животностью жизни только тогда, когда придет последняя минута; или же, еще выше возвышаясь нравственно над жизнью, достигая духом до таких высот, где законоутоляется горе, — достигая до *Христового утешения*, по словам Церкви. Но Христово утешение кажется человеку страшнее самой скорби. Как дороги нам наши недостатки, наши полупороки и полудобродетели! Жаль расстаться с брэнностью. Как сильно животное в человеке! До Христового утешения мне далеко. Избави меня Бог от падения! Остается скорбь и труд. Но при этом, конечно, и труд духа, и стремление к нравственному усовершенствованию, и к столь далекой, высшей, новой светлой радости духовной.

Мой откровенный и подробный ответ всего лучше показывает, что я оценил Ваше участие искреннее и доброе. Повторяю, не думайте, чтоб я бросил или кабинетного, или общественного дела. Больше чем когда-нибудь, во всех сферах, — и в науке, и в общественном деле, — всюду готов я и буду служить Русскому народу. Горе мое не помешает мне высочить на улицу, если я увижу, что человека грабят; и отбить грабителей, если смогу.

Я разобрал три Доклада Административного Отделения и взялся [неразб.] было подробно; написал 8 листов кругом, переписал: вышло 12. Читал Кошелеву; он с первым разбором почти согласен. Отдал переписать и пошлю Вам, но сокративши значительно все, что не составляет существенного. Я думаю оставить в стороне Доклады Хозяйственного Отделения, а заняться только Административным и Юридическим. Юридическое, кажется, всех хуже. Смотря на эти три огромные тома, на эти труды, подъятые Комиссией для устройства народа, я нашел для них приличный эпиграф; он неволью пришел мне в голову, и я написал его на них, именно: *яйца курицу учат*.

Не думал я, что мне придется защищать народ против Вас. Хоть бы Вас удержало от такого *новейшего* образа действий Ваше старое допетровское имя. Для меня нет ничего богопротивнее Аристократии, но мне всегда было приятно, что я ношу древнее имя, принадлежащее осмисотлетнему роду⁶. Это во мне вытекало совсем из другого, из противоположного источника: я люблю предание, люблю историю, и этот исторический элемент сказывается и в том, что мне нравится древнее имя. Я люблю старину, Вы это знаете, и потому мне приятно встретить старину и в моем имени. Предание — великое дело, и Аристократического в нем ничего нет. Вы не назовете Аристократом бедняка-крестья-

янина, который скажет Вам, что его отец и дед и прадед были честные люди, и, что во всем околотке с незапамятных времен ведется о них такая слава. Сила предания принадлежит всем сословиям, всякому и каждому человеку; она не только не поддерживает, но исключает Аристократию. А то, что Аристократия вздумала себе присвоить предание, так это такой же ее грабеж, как и множество других, как и притязание на добродетель, как и богохульное ее слово: *Noblesse oblige*⁷. Аристократ — враг народа и христианства. Здесь кстати припомнить верное слово Робеспьера: *Atheisme est aristocratige*⁸.

Но вот Вы Русский, Вы не должны быть ни Аристократом ни Бюрократом: Вам не должно быть дико, что Пожарский стоял совершенно наряду с Мининым за народ. Кн[язь] Дм[итрий] Мам[стрюкович] Черкасский⁹ был сподвижником Пожарского и Минина. То-то и дело, что Русский-то Вы далеко не полный, что надышались Вы с детства Французским воздухом, и вообще иностранным. Славянофильство освежило было Вас до некоторой степени от иностранного чада, окунувши Вас в народную крещенскую прорубь по своей суровой методе. А теперь Вы опять на иностранной дороге. Жаль мне Вас, потому что люблю Вас. Но народ люблю больше. А поэтому делать нечего: пока Вы на этой дороге, между нами война решительная и беспощадная.

При всем том искренно Вас любящий

Константин Аксаков.

3

Москва

Не могу сказать, Князь, чтоб вчерашний разговор наш (о котором думал я и ночью и сегодня утром) оставил во мне впечатление отрадное. Но он был полезен: он яснее обозначил для меня Ваш образ мыслей и действий, и наше с Вами взаимное положение. Мы стоим с Вами на противоположных концах. Вы — враг общины и, следовательно (по моему убеждению), враг народа. Я же понимаю Общину основным жизненным началом, душою народа, и готов отстаивать его душу от всех врагов, всеми силами какие у меня есть. Я должен Вам сказать, что, подумав хорошенько, я вижу, что едва ли Вы, в Ваших действиях, виноваты только объективно, но, кажется, притом и субъективно. То есть: Ваши действия против народа не есть что-то извне неизбежное, чад, который может рассеяться, когда Вы выйдете на свежий, на Московский воздух; нет, ваши действия — проявление, как кажется, Вашего постоянного убеждения, коренятся в Вас глубоко. Признаюсь, я, по крайней мере, прежде в Вас не замечал этого: следовательно, это не так было заметно. Теперь же, под благоприятною Петербургскою атмосферою, это в Вас выросло и процвело.

Как бы то ни было: действия Ваши и Вашей комиссии, считаю и для народа существенно вредными и душегубительными. Письмо мое к Вам я вновь, вполне, до последней йоты подтверждаю. Между нами открытая война.

Попадая в Петербург и прикасаясь к Правительственной деятельности, все вы, Господа, идете в Петры, но становитесь не Петрами, ибо Петр, хоть был и разбойник, все же был великан, а Петрушками, или, если это слово покажется неуважительным, то, пожалуй, Петрушами.

Так что теперь Петербург есть собственно Петрухенбург. Но что вреднее для народа? — Один Петр или множество Петрушек? Петрушки чуть ли не вреднее: они облепят народ как мухи.

Всегда больно, если делается неправда: всегда больно, когда встречается помеха на добром пути или уклонение. С неправдою и заблуждением бороться необходимо. Но, в то же время, твердо убежден я, что духа Русской Земли убить Вам не удастся, и окончательная победа будет на стороне Народа.

Искренно желающий Вашего обращения [зачеркнуто]

Константин Аксаков.

4

Ваше письмо, любезнейший Князь, в ответ на мое своим благодушием кольнуло меня. Спешу сказать Вам, что и меня не веселит ни вражда, ни даже спор, сами по себе. Но, если нужно выйти на борьбу, то как же не выйти? Ведь речь идет о Русском народе. А, по моему убеждению, принимаемые меры губительны для него. Уверен, что Вы действуете искренне, по убеждению, но убеждение Ваше считаю крайне вредным. Сверх того, обвиняю Вас в Петризме: это обвинение важное. Я не вижу в действиях Вашей комиссии должного почтения к народу, должного смирения перед ним.

Но я не с тем начал письмо, чтоб входить в объяснения моих обвинений. Вы знаете, как дорого для меня то, о чем Вы судите в Вашей комиссии, знаете, что пока я жив, стоять я буду сколько могу и умею за Русскую душу, когда вижу, что, по моему убеждению, ее губят. Поэтому, не отказываясь ни на волос от сказанных уже мною слов, хочу Вам сказать только следующее:

Как бы ни стали мы с Вами бороться, хотя бы встретились на поле сражения (от Истории можно ожидать таких неожиданностей) — во всяком случае, это будет борьба и вражда принципов, начал, а не вражда наших личностей. Такая борьба, хотя бы и беспощадная, насколько не мешает мне искренно любить Вас и ценить истинную доброту Вашу, и все благое души Вашей.

Искренно Вас любящий

Константин Аксаков.

Займись действиями Комиссии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872), граф, до 1856 г. был министром государственных имуществ, потом — русским послом в Париже. В 1839 г. принимал участие в решении крестьянского вопроса в особом секретном комитете, учрежденном правительством. Предлагал устроить между крепостными крестьянами сельское управление с сохранением влияния помещиков и «...обеспечить их [крестьян] быт силою закона, не вводя их в права, принадлежащие одному только дворянству». Крестьянский мир, устроенный по Киселеву, для К. С. Аксакова — символ грубого и неза-

конного вмешательства в народную жизнь.

² Перовский Лев Алексеевич (1792—1856), граф, до 1852 г. был министром внутренних дел, член Государственного Совета, действительный тайный советник.

³ Царь Алексей Михайлович — царствовал с 1645 по 1676 г.

⁴ Имеется в виду Шуйский Василий Иванович (1547—1612), русский царь с 1606 по 1610 г.

⁵ Гермоген (ок. 1530—1612), патриарх Московский.

⁶ Аксаковы — древний русский дворянский род, происходящий по преданию от знатного

варяга Шимона (в крещении Симона) Африкановича, прибывшего в Киев в XI в. Фамилия «Оксаковы» впервые появляется в XV в. от Ивана Федоровича Оксака.

⁷ Noblesse oblige — положение обязывает (фр.).

⁸ Atheisme est aristocratige — атеизм аристократичен (фр.).

⁹ Черкасский Дмитрий Мамстрюкович, князь, впервые упоминается в 1600 г. Ближний боярин и воевода Московский в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. В 1612 г. князь Черкасский был среди деятельных сподвижников князя Д. М. Пожарского. Татарское имя Каншов-мурза.

Г. Д. Асланова

Письма А. А. Фета А. В. Олсуфьеву

Письма Афанасия Афанасьевича Фета (настоящая фамилия Шеншин) (1820—1892) — ценнейший материал не только для исследования его жизни и творчества, но и для более глубокого представления об историко-культурных, литературных и общественных процессах, происходивших в России второй половины XIX в.¹ Между тем, освоение эпистолярного наследия поэта идет довольно медленно. Настоящая публикация 117 писем Фета Алексею Васильевичу Олсуфьеву ставит своей задачей сделать еще один шаг в этом направлении.

Письма печатаются по копиям, хранящимся в отделе рукописей РГБ, в фонде А. А. Фета (ф. 315, 4. 9—13), выделенном из состава коллекции Н. Н. Черногубова².

Хранитель Третьяковской галереи Николай Николаевич Черногубов (1874—1941), замечательный знаток живописи и древнерусского искусства, был горячим поклонником таланта Фета. После смерти поэта он стал первым собирателем материалов, связанных с его жизнью и творчеством, и первым его исследователем. Черногубову удалось собрать самую большую коллекцию фетовских документов, в которой особую ценность представляет переписка поэта с многими его адресатами.

Публикуемые письма Фета относятся к последнему периоду его жизни и творчества (1886—1892) и обращены к личности малоизвестной среди окружения поэта. Мало изучена и та область творчества Фета, которая прежде всего связывала его с этим адресатом — переводческая. Поэтому необходимо коротко рассказать о ней.

Переводческой деятельностью Фет занимался всю жизнь. Первые его переводы относятся к 1840—1841 гг., когда он учился в Московском университете. Это были переводы из Гете, Гейне, Горация³. Впоследствии Фет переводил произведения многих поэтов — древних и новых, западных и восточных, а также сочинения А. Шопенгауэра. Из больших его переводов с немецкого следует назвать обе части трагедии Гете «Фауст» (М., 1882—1883), произведения Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (Спб., 1881), «О четверном корне закона достаточного основания» (М., 1886) и «О воле в природе» (М., 1886).

Постоянно привлекала внимание Фета—переводчика античная поэ-

¹ Подробнее об эпистолярном наследии поэта см.: Бухштаб Б. Я. Судьба литературного наследия А. А. Фета: Обзор // Литературное наследство. М., 1935. Кн. 22/24. С. 561—602.

² В этом же фонде хранятся три черновых письма Фета (ф. 315, 4.17), одно из которых

публикуется под № 110, и 29 писем и телеграмм Олсуфьева Фету (ф. 315, 10.1). Еще два письма Фета обнаружены нами в ЦГАОР, в архиве Олсуфьевых (ф. 1019, оп. 1, № 975).

³ Фет А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 209—211.

зия. Оды Горация в его переводе печатались в журналах «Москвитянин» (1844, № 1), «Отечественные записки» (1856, кн. 104—107), издавались отдельным сборником⁴. Вся вторая часть «Стихотворений А. А. Фета» (М., 1863) состояла из переводов. Из латинской поэзии, кроме сочинений Горация, Фет включил сюда стихотворение и три элегии Овидия (из «Любовных элегий», стихотворение Катулла).

В конце 50-х гг. после раскола в редакции журнала «Современник» и резкого изменения всей общественно-политической ситуации Фет оставляет литературу.

Возвращается он к литературной деятельности только 17 лет спустя. С этого времени, когда, по выражению поэта, «муза пробудилась от долголетнего сна»⁵, начинается последний блистательный период его творчества. Четыре сборника стихотворений «Вечерние огни», рассказы «Кактус» и «Вне моды», две книги мемуаров, переводы «Фауста» Гете, сочинений Шопенгауэра, произведений десяти древнеримских поэтов — все это создано Фетом в последние 14 лет жизни.

Целую библиотеку замечательных творений античной поэзии подарил Фет русскому читателю. Открывается она первым полным переводом на русский язык сочинений Горация.

«Давным-давно, — вспоминал поэт, — в разговорах со мною о Горации Тургенев, упоминая, что я его перевел, полуукоризненно прибавлял: «Не всего». Это словечко было для меня тем неприятнее, что я сам давно чувствовал этот изъян. . .

В марте [1882 г. — Г. А.] по возвращении в Воробьевку я усердно задался мыслью завершить полный перевод Горация и представить его на всеобщий суд»⁶. И уже через год, 14 апр. 1883 г. в письме к В. С. Соловьеву он сообщает: «Я на всех парах работаю над Горацием, и дело весьма спорится. Я так боялся его эпод — по причине их формы, но теперь они у меня за спиной. . .

Теперь я зарылся по уши в прекраснейших сатирах поэта. Это образец языка, практического ума, тонкости, словом, прелесть. . . Бью на то, чтобы иметь радость зимой отлично издать всего Горация с примечаниями вновь пересмотренного»⁷.

Фетовский перевод сочинений Горация был удостоен Пушкинской премии Академии наук 1884 г.

За сочинениями Горация последовали «Сатиры» Ювенала (М., 1885), «Стихотворения» Катулла (М., 1886), «Элегии» Тибулла (М., 1886), «XV книг Превращений» Овидия (М., 1887), «Элегии» Проперция (Спб., 1888), «Энеида» Вергилия (М., 1888), «Сатиры» Персия (Спб., 1889), «Горшок» Плавта (М., 1891), «Эпиграммы» Марциала (М., 1891), «Скорби» Овидия (М., 1893).

Среди рукописей Фета остались черновики перевода двух глав поэмы Лукреция «О природе вещей»⁸. Кроме того, по свидетельству секретаря поэта Е. В. Кудрявцевой (Федоровой), незадолго до смерти он снова обратился к переводу «Любовных элегий» Овидия⁹.

«Лучшим и плодовитейшим из современных переводчиков латин-

⁴ Гораций. Оды Квинта Горация Флакка: В 4 кн. / Пер. с лат. А. Фета. IV. Спб., 1856. 130 с.

⁵ Письмо Фета вел. кн. Константину Константиновичу (К. Р.) от 25 авг. 1891 г. (ИРЛИ, ф. 137, № 75). Цит. по кн.: Фет А. А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 181.

⁶ Фет А. Мои воспоминания, 1848—1889. М., 1890. Ч. 2. С. 387. (далее — Фет А. МВ).

⁷ Фет А. А. Сочинения. Т. 2. С. 323.

⁸ ОР РГБ. Ф. 315. 1.43.

⁹ Кудрявцева Е. В. Воспоминания о последних днях жизни и о смерти А. А. Фета-Шеншина. Б. д. (ОР РГБ. ф. 315. 14.39).

ских поэтов» назвал Фета профессор римской словесности Казанского университета Д. И. Нагуевский¹⁰. Секрет этой исключительной творческой плодовитости разгадал Н. Н. Страхов: «Недаром он питает такую великую любовь к Горацию и вообще древним; он сам отличается совершенной античною здравостью и ясностью душевных движений...»¹¹.

Свое кредо переводчика Фет сформулировал в предисловии к «Сатирам» Ювенала: «Счастлив переводчик, которому удалось хотя отчасти достигнуть той общей прелести формы, которая не различна с гениальным произведением; это высшее счастье и для него, и для читателя. Но не в этом главная задача, а в возможной буквальности перевода; как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала, тогда как в переводе, гонящимся за привычной и приятной читателю формой, последний большею частью читает переводчика, а не автора»¹².

Мнения критиков о фетовских переводах латинских авторов были различны. Одни в основном обращали внимание на стилистические погрешности и некоторую неуклюжесть отдельных выражений Фета, стремящегося к смысловой точности. Другие не придавали этим недостаткам большого значения и видели в трудоемкой работе поэта—переводчика прежде всего важный шаг в просвещении русского читателя. Вот что писал, например, в газете «Новое время» ее ведущий критик и публицист В. Буренин в связи с выходом из печати «XV книг Превращений» Овидия в переводе Фета: «Какую великую любовь к искусству, к поэзии, к образованию нужно иметь для того, чтобы в таких условиях, на склоне лет работать с неутомимой энергией, работать для просвещения того литературного варварства, которое или равнодушно к вашему делу, или дико глумится над ним!

Последний труд маститого поэта — перевод пятнадцати книг Овидиевых «Превращений» — поистине крупный и прекрасный подвиг <...> Даже при поверхностном взгляде можно оценить, насколько превосходит и добросовестен труд переводчика; на русском языке до сих пор не было подобного перевода всех «Превращений» Овидия; еще вопрос, имеют ли и иностранные литературы что-либо подобное по точности, простоте и изяществу?»¹³

Среди этих публикаций выделяется статья Ю. А. Кулаковского «К юбилею А. А. Фета»¹⁴. Но прежде чем представить ее, необходимо сказать несколько слов о ее авторе, тем более, что его имя встречается в публикуемых письмах.

Профессор Киевского университета Юлиан Андреевич Кулаковский (1855—1920) был специалистом по истории Древнего Рима и Византии. В 1884 г. у В. С. Соловьева он познакомился с Фетом. Между ними завязались теплые, дружеские отношения. Несколько раз Кулаковский гостил у Фета в Воробьевке, переписывался с ним. Письма Кулаковского (РГБ, ф. 315, 8.53—54) свидетельствуют, что он был горячим поклонником таланта Фета, постоянно интересовался его творчеством.

¹⁰ Нагуевский Д. И. Библиография по истории римской литературы в России с 1709 по 1889 г. Казань, 1889. С. V.

¹¹ Страхов Н. Н. Заметки о Фете // А. Фет. Полное собрание стихотворений. Спб., 1910. Т. I. С. XVII.

¹² Ювенал. Д. Юния Ювенала. Сатиры / В

пер. и с объясн. А. Фета. М., 1885. С. 6.

¹³ Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1887. 6 февр.

¹⁴ Кулаковский Ю. А. К юбилею А. А. Фета. Киев, 1889. 10 с. (Отг. из журн.: Киевлянин. 1889. № 24, 25).

28—29 янв. 1889 г. отмечалось 50-летие литературной деятельности Фета. Этому событию и посвящена статья Кулаковского. Отмечая как равно значимые для русского читателя две области литературного творчества Фета («он — поэт и переводчик поэтов»), Кулаковский тем не менее основное внимание уделяет его переводам латинских авторов.

Но статья эта — не обычная рецензия. «Мы далеки от желания, — пишет автор, — представлять здесь критику переводов г. Фета или подробный их разбор; мы бы желали только отметить здесь ту общую точку зрения, с какой следует ценить его заслуги в этой части его трудов на пользу нашей общественной словесности».

Вот некоторые его размышления и замечания о переводах Фета: «... он сделал перевод римских поэтов своей специальностью. Русские филологи должны быть признательны г. Фету за ту помощь, которую оказывает он в их задаче — сближать русское просвещение и русскую образованность с античным миром <... >

Наш маститый поэт <... > дал нам в своем переводе Горация не одну мастерскую передачу полета поэтической мысли древнего поэта. Но мы с грустью должны заметить, что на этой высоте пожелания своей задачи он не остался в своих позднейших переводах <... >

Перевод од Горация остается, по нашему мнению, лучшим, что подарил нам г. Фет в своей деятельности переводчика <... >

Не можем не сознаться, что мы не сочувствуем той поспешности в переводах, которую проявляет г. Фет <... >

Переводов г. Фета так много, что уже этим одним они составят эпоху в истории переводов на наш язык произведений классической словесности. Он перевел всех дошедших до нас поэтов так называемого золотого века (хотя и не все их произведения); им же переведен и наиболее оригинальный представитель серебряного века — Ювенал, а также и предшественник полного расцвета римской поэзии, лирик Катулл. Но мы должны сказать, что его переводы далеко не все равного достоинства. Хотя г. Фет сам лирик, но перевод наиболее искреннего римского лирика — Катулла ему совершенно не удался <... > Переводчик слишком просто понимает здесь точность перевода, которая ведь не в том только состоит, чтобы на месте стихов и слов одного языка стояли стихи из соответствующих слов другого. В своем Катулле он совершенно позабыл о том творческом процессе, которого должны были ему стоить его переводы Горация. Это упрощенное понятие о точности выдерживает г. Фет и во всех дальнейших переводах. Но так как материал «Метаморфоз» Овидия и вергилиевой «Энеиды» далеко не так нежен, как творения прекрасного лирика Катулла, то эти переводы и вышли у него много лучше, чем Катулл <... >

Но в то же время мы отдаем дань полного уважения изумительной энергии маститого юбиляра, и если его переводы открыли для многих только по слуху знавших имена латинских поэтов, их образ <... > и познакомили с содержанием их творчества, то это великая его заслуга. Многих и многих приблизил и приблизит он к пониманию классической древности и античного мира, пред которым он сам так искренно благоговеет. А мы, филологи, признавая в почтенном Афанасии Афанасьевиче добровольца в нашем лагере, дивясь той неутомимой энергии и рвению, с которыми он ратует за наше дело, должны принести ему дань нашей сердечной признательности и самого глубокого уважения».

Переводы Фета 80—90-х гг. по объему в несколько раз превышают его стихотворные сборники. Создается даже впечатление, что в этот

период стихи он писал урывками между переводами. А как оценивал он сам ту титаническую работу, которую взвалил на себя в преклонном возрасте? Безусловно, он понимал ее культурное значение для России. 7 июня 1890 г. Фет писал Олсуфьеву: «Если образованному человеку неловко не иметь понятия о Байроне и Гюго, то стыдно быть таким непочатым, чтобы хоть мало-мальски не познакомиться с Марциалом» (см. письмо 57).

В предисловии к переводу «Скорбей» Овидия поэт пишет: «Радуюсь возникающим со всех сторон переводам древних классиков, которыми я занимался последние годы моей жизни. Лучшим объяснением усидчивых моих трудов может служить следующее четверостишие из «Скорбей» Овидия (V, 7, стихи 37—40):

Бодрствую же не для хвал и не о будущей славе,
Имени том, что скрывать было б полезней, пекусь.
Я занимаю трудом свой ум и морочу страданья
И стараюсь отвлечь этим заботы свои¹⁵.

Занятия «излюбленными классиками»¹⁶ были важным жизненным стимулом для тяжелобольного поэта, давали радость творчества. Это очень хорошо видно на протяжении всех его писем Олсуфьеву.

После смерти Фета некоторые из его переводов переиздал петербургский книгоиздатель А. Маркс.

В советское время переводы Фета, к сожалению, почти не издавались. Может быть, они утратили свое значение и для широкого читателя, и для литературоведения?

В 1973 г. известный исследователь творчества Фета Б. Я. Бухштаб обратился к филологу и переводчику акад. М. Л. Гаспарову с просьбой дать оценку фетовских переводов античных авторов с позиций современной науки.

Приводим отрывки из ответного письма Гаспарова. Пользуюсь случаем поблагодарить академика за любезно предоставленную им копию этого письма и за большую помощь в комментировании писем, составляющих настоящую публикацию.

«Середина XIX в. была временем распространения культуры вширь среди новой для нее разночинной читательской среды. Соответственно и переводы ценились прежде всего информативные, дающие возможность беглого знакомства с теми литературными памятниками, с которыми трудно познакомиться в подлиннике. Поэтому господствующим типом перевода был вольный: стих подлинника был таким же препятствием на пути к содержанию, как и язык подлинника, и отстранять их было для переводчика столь же естественно. В этой ситуации Фет занимает позицию вызывающе ясную. Как в лирике он выглядит (и чувствует себя) контрастом господствующим тенденциям своей эпохи, так и в переводах. В этом отношении он — продолжатель традиций точного перевода Жуковского и предвосхититель новаторств точного перевода Брюсова <... >

Главное качество античных переводов Фета — они точны, удивительно точны, даже переводы Горация, где рифма мешала точности. А точность эта была трудна: ведь он переводил не простых авторов — если Овидий нетруден, а Вергилий и Катулл хорошо разжеваны ком-

¹⁵ Овидий. Скорби Овидия (Tristia) / Пер. А. Фета. М., 1893. С. 3.

¹⁶ Письмо Олсуфьева Фету от 2 мая 1887 г. (ОР РГБ. Ф. 315. 10.1).

ментаторами, то Проперций, Ювенал, Плавт — поэты трудные, а Персий — труднейший. Когда читаешь античные переводы Фета, то видишь, что ему доставляло удовольствие именно следовать за фразами подлинника слово за словом, ощущать радость понимания этого ребуса мировой культуры и выхватывать из бездонных запасов русского языка, которые все у него под рукой, неожиданные, но безупречно соответствующие слова. А там уж для него не так важно, как эта мозаика слов будет смотреться издали, какие из этих словосочетаний покажутся художественными находками, а какие семантической какофонией.

Ругая такие переводы, обычно говорят: „Они понятны только, если заглянуть в подлинник”. Фет счел бы это комплиментом: он и старался привлечь читателя именно к подлиннику, к тому святилищу античной культуры, перед которым он молился. Недаром он дважды печатал свои переводы параллельно с латинским текстом, а ведь известно, что не всякий стихотворный перевод вынесет такое „испытание подлинником”».

Почти все переводы Фета сопровождаются вступительной статьей (предисловием), очерком жизни и творчества (жизнеописанием) поэта и подробнейшими комментариями. В его вступительных статьях размышления о значении и традициях античной культуры и поэзии, об искусстве перевода.

Особенно тщательно составлял Фет комментарии к тексту переводимого произведения, используя все доступные ему отечественные и зарубежные исследования. Из его комментариев мы узнаем много интереснейших подробностей из истории, культуры, быта Древнего Рима. «Паролями и лозунгами для пропуска в укрепленный лагерь незнакомого поэта»¹⁷ называл Фет свои комментарии. 26 окт. 1888 г. он пишет Полонскому: «Посылаю тебе свой перевод Проперция. Не прочитавши комментария каждой вещи отдельно, ничего не читай»¹⁸.

Рассказывая о своей переводческой работе, Фет вспоминает о том, что он постоянно находил людей, жертвовавших в его пользу своими досугами: «Таковыми являлись: Федор Евгеньевич Корш, с которым мы проследили всего Ювенала, Овидиевы «Превращения», Катулла и полвину Проперция; Николай Николаевич Страхов, с которым я перечитывал Тибулла и Проперция; Владимир Сергеевич Соловьев, исполнивший перевод 7-й, 9-й и 10-й книг «Энеиды» Вергилия; Д. И. Нагуевский, снабдивший этот перевод введением и примечаниями; и наконец граф Ал. В. Олсуфьев, с которым мы просматривали 2-ю часть Проперция и в настоящее время усердно трудимся над переводом такого талантливого капризника, как Марциал. Разве можно без глубокой признательности помянуть все эти имена?»¹⁹. К этому перечню следует присоединить имя и гимназического преподавателя латинской словесности М. Г. Киндлера²⁰.

Фет посвящает Страхову сборник Шопенгауэра, Ф. Е. Коршу — «Элегии» Тибула. «Стихотворения» Катулла открываются поэтическим посвящением Соловьеву. Напоминанием о многолетней помощи Олсуфьева стали два дружеских стихотворных послания ему (см.: примеч. 1 к письму 4 и примеч. 1 к письму 21).

«Долговременное и драгоценное сотрудничество» — так назвал Фет

¹⁷ Вергилий. Энеида Вергилия. В 2 ч. / Пер. А. Фета, со введ., объясн. и проверкою текста Д. И. Нагуевского. М., 1888. С. VIII.

¹⁸ Фет А. А. Сочинения. Т. 2. С. 343.

¹⁹ Фет А. Мои воспоминания. Ч. 2. С. 393.

²⁰ Там же. С. 387—390.

свои взаимоотношения с Олсуфьевым в письме к нему от 7 февр. 1892 г. (см.: письмо 102).

Граф Алексей Васильевич Олсуфьев (1831—1915) принадлежал к старинному дворянскому роду, известному в истории России с начала XVII в.²¹ Он окончил Пажеский корпус, служил в лейб-гвардии гусарском полку, участвовал в нескольких военных кампаниях. В 1878 г. он получает звание генерал-лейтенанта, а в 1892 — генерала от кавалерии. Однако ни успешная военная карьера, ни высокое положение при дворе, которое он мог бы занять по семейной традиции, не представляли для Олсуфьева особого интереса. В 70-х гг. он переходит на службу в Москву и поселяется здесь постоянно.

Страстным увлечением всей жизни Олсуфьева была древнеримская поэзия. Будучи молодым офицером, в 1857—1858 гг. он больше года провел в Италии. Его дневники тех лет²² свидетельствуют об огромном интересе к прошлому этой страны. Все свободное время он проводит в экскурсиях по развалинам старинных храмов, в картинных галереях, за чтением специальной литературы. Очевидно тогда же появилось у него и увлечение древнеримской историей и литературой.

Олсуфьев не имел специального филологического образования, он был филологом-дилетантом. Однако его знания и занятия высоко ценили ведущие русские ученые-классики, с некоторыми из которых он был знаком лично. Вот как писал об Олсуфьеве Ф. Е. Корш в письме к Фету от 2 дек. 1888 г.: «... умный, знающий и с юношеским жаром преданный науке»²³. Он прекрасно знал историю, культуру, быт Древнего Рима, издания латинских авторов, вышедшие в разных странах. Он следил за научными исследованиями по античной филологии, приобретал эту литературу, изучал ее. «Редкостной птицей в дворянском кругу» назвал Олсуфьева Фет в письме С. А. Толстой от 23 янв. 1888 г.²⁴

В отделе рукописей РГБ хранятся несколько книг из богатейшей библиотеки Олсуфьева. Среди них «К. Гораций Флакк в переводе и с объяснениями А. Фета» (М., 1883)²⁵. Вставленные при переплете в книгу листы бумаги и поля книги испещрены записями и пометами Олсуфьева. Со ссылками на различные источники и исследователей проанализирована почти каждая строка перевода и комментария. Есть здесь и оценка труда переводчика. В предисловии к своему переводу Фет называет его подстрочным. Вот как отвечает на это Олсуфьев: «Перевод прелестный, но не подстрочный. Подстрочного перевода в стихах делать невозможно».

Такому же пристрастному и глубокому анализу подверглись и переведенные Фетом «Сатиры» Ювенала (М., 1885)²⁶. Этот разбор лег в основу рецензии Олсуфьева²⁷. Более 200 погрешностей отметил он в переводе Фета. Но говорит он о них всегда с большим тактом, с пониманием нелегкой задачи переводчика. Предворяя свои замечания, он

²¹ Биографические сведения об Олсуфьеве, которые приводятся здесь и в примечаниях к письмам, взяты в основном из кн.: История рода Олсуфьевых: Линия Василия Дмитриевича (1796—1858) первого графа Олсуфьева. М., 1911; Фрейман О. Р. Пажи за 185 лет. Спб., 1894—1897.

²² ГАРФ. Ф. 1019. Оп. 1. № 840, 841.

²³ ОР РГБ. Ф. 315. 8.45. Цит. по: Мендельсон Н. М. Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету: Сборник / Публ. 6-ка СССР им. В. И. Ленина.

1928. № 1. С. 36.

²⁴ Фет А. А. Сочинения. Т. 2. С. 308.

²⁵ ОР РГБ. Ф. 218. № 703.

²⁶ ОР РГБ. Ф. 218. № 481.

²⁷ Олсуфьев А. В. Ювенал в переводе г. Фета // Журн. м-ва нар. просвещения. 1886. Февраль. С. 87—112. Март. С. 113—160. Май. С. 82—112. Август. С. 80—98; Отд. изд.: Олсуфьев А. В. Ювенал в переводе г. Фета. Спб., 1886. 125 с.

пишет: «Да послужит разбор наш знаком признательного уважения к поэту, вновь обогатившему отечественную словесность образцовым переложением творений одного из интереснейших писателей древности <...>. Перевод г. Фета есть не только драгоценный вклад в нашу столь небогатую литературу по классической филологии, но и вообще важное приобретение для той отрасли человеческих знаний, которая избрала себе высокою целью изучение древнего мира в произведениях его поэтов и мыслителей...»²⁸.

Такую оценку своих работ в печати Фет встречал не часто. 4 окт. 1886 г., на следующий день по приезде в Москву из своего курского имения Воробьевки, он пишет С. А. Толстой в Ясную Поляну: «Дела много. Сейчас еду к Олсуфьеву по делу Ювенала»²⁹.

В тот знаменательный для них обоих день Фет подарил Олсуфьеву свою книгу переводов «Сатир» Ювенала с надписью: «Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву признательный переводчик» и с автографом стихотворения «Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву» (см.: примеч. 1 и 4 к письму 4). Пока не удалось установить, были ли они знакомы прежде (может быть, через Толстых, которые дружили с семьями братьев Алексея Васильевича). Во всяком случае 4 окт. 1886 г. было положено начало их сотрудничеству, которое сблизило их и сдружило. Дружба эта оборвалась только со смертью Фета в 1892 г.

Первой их совместной работой стала проверка подготовленного к печати перевода «XV книг Превращений» Овидия. По настоянию Олсуфьева книга вышла с параллельным латинским текстом, проверку которого он целиком взял на себя. Затем Олсуфьев просматривает переведенные Фетом «Элегии» Проперция, а с лета 1888 г. они начали работу над Марциалом. Фет переводил эпиграммы Марциала и делал комментарии к ним, Олсуфьев параллельно с просмотром его переводов писал очерк о жизни Марциала.

Вышедшие в 1891 г. в Москве переведенные Фетом «Эпиграммы» Марциала были первым полным русским переводом произведений этого классика. Работа Олсуфьева «Марциал. Биографический очерк» (М.; Спб., 1891), высоко оцененная критиками тех лет (см.: примеч. 3 к письму 87, примеч. 2 к письму 94, примеч. 1 к письму 108), но не потерял своего значения и в наше время. По мнению известного классического филолога Ф. А. Петровского, второго и последнего переводчика всех сочинений Марциала, она является лучшим исследованием, в котором по весьма скудным биографическим, литературным и историческим фактам Олсуфьеву удалось восстановить биографию поэта³⁰.

Последним переводом Фета, который просматривал Олсуфьев, были «Скорби» Овидия, вышедшие уже после смерти поэта, в 1893 г.

Упоминание о переводах латинских авторов мы встречаем в мемуарах Фета, в письмах к разным лицам, но только письма Олсуфьеву дают наиболее полное представление об этом титаническом труде поэта. Эти письма вводят нас в творческую лабораторию поэта-переводчика, позволяют увидеть его ежедневную напряженную работу, сомнения, удовлетворение, отчаяние. Поэтому важна публикация всех писем, даже незначительных, на первый взгляд, коротких записок.

²⁸ Отд. изд. С. 3.

²⁹ ОР РГБ. Ф. 315. 4.29 (копия Черногоубова).

³⁰ История римской литературы. М., 1962. Т. 2.

С. 195.

Письма Фета, особенно обращенные к близким людям, отличаются большой эмоциональностью, образностью, метафоричностью, они наполнены обилием самой разнообразной информации, и письма Олсуфьеву — не исключение в этом отношении. Очень хорошо охарактеризовала эпистолярный стиль поэта С. А. Толстая: «... села писать Вам, прочитав снова Ваше письмо. Что за полнота жизни! Как пересыпано это письмо поэзией, философией, практическими делами, каменной оградой, стихами — древних, новых и своих, игрой в бильярд и проч. и проч. Не успеешь вникнуть в одно — Вы уже перенеслись в другой интерес, и все живо, и все складно!»³¹.

Письма Фета Олсуфьеву как документы последних лет его жизни интересны тем, что они еще раз опровергают представление о литературном и человеческом одиночестве поэта в этот период. Мы видим, что Фет общается с Толстыми, Полонскими, Соловьевым, Страховым, Коршем, Н. Я. Гротом, Чайковским, Кулаковским. Каждое лето в его курском имении Воробьевка кто-то гостит.

Несмотря на преклонный возраст и тяжелые недуги Фет ведет очень активный образ жизни: он разъезжает по своим имениям, наблюдает за сельскохозяйственными работами и состоянием дел на конных заводах. Он постоянно в курсе всех новостей литературной, общественной и политической жизни. Характеристики людей, отношение к тем или иным событиям в письмах к Олсуфьеву исключительно важны для понимания мировоззрения Фета. «... Мы с Вами сходимся не только по отношению к манежу и фронту, равно как к несравненному изяществу древних, но и в горячем участии ко всем проявлениям народной и государственной жизни», — писал он Олсуфьеву 26 авг. 1891 г. (см.: письмо 92).

Откровенные высказывания в разговоре с человеком, разделяющим его общественно-политическую позицию, позволяют сделать вывод, что до конца жизни Фет оставался верен своим консервативным взглядам. С этой точки зрения он оценивает, например, принципы государственной власти, Положение о земских начальниках, русско-польские отношения.

Глубоким уважением к Фету — поэту и человеку, добротой, заботой о его здоровье, стремлением поднять настроение проникнуты все письма Олсуфьева (к сожалению, их сохранилось немного). Фрагменты из них приводятся в примечаниях.

После смерти Фета память о нем свято хранилась в семье Олсуфьева. 17 авг. 1903 г. в своем подмосковном имении Ершово он открыл памятник Фету (это был первый и до сих пор единственный памятник поэту). Большая плита из белого мрамора была укреплена на западной стене внутри усадебной церкви. Золотыми буквами на ней было написано: «В память великого поэта Афанасия Афанасьевича Фета, удостоившего своею дружбою владельца села Ершова. Родился 23-го нояб. 1820 года. Скончался 21-го нояб. 1892 года». Ниже было высечено изречение из книги Иова (гл. 33, ст. 3):

Чисто сердце мое во словесех,
Разум же устну моею чистая уразумет.
(Прямота моего сердца говорит
И чистое знание изрекают уста. — *Пер. С. Аверинцева*).

³¹ Цит. по: Фет А. А. Сочинения. Т. 2. С. 387.

Письма публикуются в основном по правилам современной орфографии и пунктуации. Пропущенные слова и слоги заключены в квадратные скобки. Даты писем, заключенные в квадратные скобки, кроме случаев, отмеченных в примечаниях, определены Черногубовым.

В последние годы жизни в связи с резкой потерей зрения почти все письма Фет диктовал своему секретарю Е. В. Федоровой. Однако несколько фраз или слов всегда приписывал сам. Переписчики скопировали эти места красными чернилами. В нашей публикации они выделены курсивом.

Письма 7, 9, 10 целиком написаны рукой Фета.

Выражаю глубокую благодарность научному сотруднику отдела рукописей РГБ М. Н. Зотовой за помощь в подготовке писем к публикации, М. С. Касьян и С. Ю. Касьяну — за перевод иноязычных текстов.

1886 г.

1

Москва

Плющиха, соб[ств.]. дом

9 октября [1886]

Глубокоуважаемый граф Алексей Васильевич!

Занимаясь тщательным исправлением текста в указанных Вами листах и помня, что Вы возлагаете чистоту русского текста на мою ответственность, я для упрощения дела и облегчения моей ответственности пришел к следующему порядку в наблюдении за ходом печати¹. Первые гранки с русским текстом должны быть приносимы ко мне, а латинские — к Вам; затем те же исправленные гранки вместе с текстом (если Вы не доверяете моей проверке с текстом) должны быть препровождаемы к Вам, а затем весь сверстаный лист обоих текстов поступит уже к Вам для отметки: печатать. Ввиду всего этого, так как текст переписан старательно и безошибочно со стороны русского языка и новая переписка 15-ти книг, уже три раза переписанных, для меня невозможна, а лучшим и легчайшим способом указать мне промахи остается личное свидание, то я убедительно прошу бы Вас ограничиться подчеркиванием обыкновенным карандашом неудачного текста и, в крайнем случае, надписью над ним карандашом же желаемого слова для того, чтобы я мог согласно указанию переправить чернилами текст и затем при поступлении в типографию стереть заметки карандашом, достигнувшие цели, тогда как Ваши заметки красными чернилами рядом с моими черными поправками могут сбить наборщиков с последнего толка.

Искренне признательный Ваш А. Шеншин

¹ В этом письме, а также в письмах № 2—20 речь идет о просмотре Фетом и Олсуфьевым перевода и латинского текста «Метаморфоз»

римского поэта Публия Овидия Назона (43 до н. э. — 17 н. э.). Свой перевод этого произведения Фет назвал «XV книг Превращений».

2

Москва

Плющиха, соб[ств.]. дом

12 октября [1886]

Многоуважаемый граф Алексей Васильевич!

Еще до получения Вашего письма я перевел in-observato — *незамечена*; 566 стих я перевожу ultro — *так много* или, как я переправил,

*и большего*¹. Прилагаю при сем тщательно исправленные мною первые пять листов второй книги, шестой лист у меня, восьмой и девятый я сейчас получил, а седьмой остался у Вас в кабинете, ибо я его ни вчера, ни сегодня не получал.

Примечания второй книги на усмотрение Ваше при сем прилагаю, так как исправленный по указанию Вашему текст первой книги уже в типографии и будет представлен Вам вместе с гранками во вторник или среду.

Завтра являюсь с окончанием исправлений второй книги с утра.

С совершенным почтением искренно признательный Ваш

А. Шеншин

Примечания 2[-й] книги у Вас.

¹ Стих 566 кн. II «Превращений»: «At, puto, non ultro pes quicquam tale rogantem...» в окончательной редакции в переводе Фета:

«Не за свой, полагаю, почин, не за то, что просила...»

3

Москва

17 октября [1886]

Плющиха, соб[ств.]. дом

Душевноуважаемый граф Алексей Васильевич!

Так как оригинал непременно будет изорван в типографии наборщиками, то в замен цельного издания соблаговолите вручить посланному рваный экземпляр, пересланный мною Вам вчера вечером.

Чем премного обяжете искренне признательного Вам

А. Шеншина

4

Москва

21 октября [1886]

Плющиха, соб[ств.]. дом

Душевноуважаемый граф!

Больной улан сердечно благодарит бодрого гусара за прелестное приветствие в стихах¹ и за неоцененную руку помощи², без которой мой труд появился бы в виде щита после стрельбы хорошей роты. Решаюсь со своей стороны заметить, что прелестную стихотворную шутку Вашу портит ненужное во всех отношениях слово *апель*³, начиная с изменения стиха из четырехстопного в пятистопный. Для меня совершенно достаточно слово *трубят*, и я мысленно вычеркиваю⁴ *апель*.

*Соелит*⁵ [неразб.] стереотипное издание, а я держусь *соелит* Линдемана⁶, без чего и наборщики и я сойдем с ума.

Прилагаю для просмотра 6 листов пятой книги, *всю книгу*.

Глубоко признательный Ваш А. Шеншин

¹ Письмо Олсуфьева от 19 окт. 1886 г.:

А. А. Шеншину

Хотя с тобой одной бригады,
Но ты поэт, я — филолог,
А все ж, кажись, мы оба рады,
Что сблизил нас Эллады бог,
Который в сонме Муз прекрасных

Без увлечений быть умел,
В союзе дружном — и согласных
Клю с Каллиопой зреть хотел.
Гусар улану помогает,
Сигнал *вперед* седых бодрит,
И полк второй не унывает
Трубят *апель*: на линию летит.

Приписка в левом нижнем углу письма: «Не взыщите за шутку, я зато отметил некоторые пропущенные Вами ошибки на корректурных листах латинского текста, которые при сем возвращаю». Это «приветствие в стихах» было ответом на стихотворение Фета «Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву». Текст приводится по автографу Фета (см.: примеч. 4):

Второй бригады из-за фронта
Перед тобою мой Пегас,
Хоть сбросил он Беллерфонта,
Но под твоей уздечкой пас.

Ты сам заметишь поначалу:
Каким он был, ему не быть,
И как служил он Ювеналу,
Улану ныне не служить.

Но в шенкелях его исправно
Перед тобой провести хочу,
И лишь твое услышу: «Славно!» —
Я «Рад стараться!» прокричу.

² В предисловии к переводу «XV книг Превращений» Фет пишет: «Что мы искренно признательны графу Олсуфьеву за его критику [имеется в виду рецензия Олсуфьева «Ювенал в переводе г. Фета» — Г. А.] видно из радости, с какою мы приняли его любезное предложение проверить настоящий перевод Превращений, совершенно готовый к печати. (...) В виду возможной близости перевода к оригиналу, граф Олсуфьев настоял на печатании книги с латинским оригиналом рядом. Когда мы согласились на

такое усложнение дела, граф, найдя наш оригинальный текст отсталым от новейших исправлений, настоял и на этих исправлениях, хотя бы главнейших. Конечно, и с этим нельзя было не согласиться, так как самый текст этим приобрел самостоятельную цену в глазах знатоков. За спешностью работы граф не мог принять на себя пересмотра сделанных нами примечаний, относящихся к содержанию. Но такие примечания были и будут предметом споров. Зато все примечания, касающиеся до формальности текста, принадлежат перу графа Олсуфьева, и мы, пользуясь чужой ученостью и трудами, не желаем в глазах публики из скромного переводчика превращаться в знатока-филолога». (Овидий. XV книг Превращений / В пер. и с объясн. А. Фета. М., 1887. С. XIX).

³ От фр. *appel* — зов, призыв, сигнал для сбора.

⁴ В НИО истории книги РГБ хранится книга «Д. Юния Ювенала сатиры в переводе и с объяснениями А. Фета» (М., 1885), подаренная Фетом Олсуфьеву. На обложке книги автограф стихотворения «Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву». При переплете книги Олсуфьев поместил перед обложкой лист с текстом своего стихотворного ответа Фету, отредактированным поэтом.

⁵ Небо (лат). — здесь, может быть, в значении «свод».

⁶ Линдеман (Lindemann Н.) — издатель и комментатор сочинений Овидия. Возможно речь идет об издании «*Orga, erklärt von H. Lindemann. Leipzig, 1853—1867.*».

5

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

27 октября [1886]

Душевноуважаемый граф Алексей Васильевич!

Обстоятельства вынуждают меня, выехав сегодня в 11 ч. дня из дома, отправиться в Петербург до пятницы или субботы¹. Убедительно прошу Вас продолжать Ваш благодетельный просмотр перевода. По просмотре 6-й книги Вами для моих исправлений Анна Андреевна² тотчас же вручит подателю следующую 7-ю. Что касается до меня, то я своею работою надеюсь не задержать печатания. Чего я после тщательных усилий исправить не могу, того не исправлю никогда, так как при моей опытности в этом деле я с первого взгляда вижу, допускают ли условия языка и метра желаемое исправление. «Через силу и конь не прянет», — говорит пословица.

Все это ни на минуту не затмевает чувства глубочайшей признательности преданного Вам

А. Шеншина

¹ Фет ездил в Петербург, чтобы навестить находившегося в психиатрической лечебнице племянника Петра Ивановича Борисова

(1858—1888).

² Лицо неустановленное.

6

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

31 октября [1886]

Душевноуважаемый граф Алексей Васильевич!

Так как по естественному ходу дел никому в голову не придет, видя наш перевод Овидия *texte en regard*¹, спрашивать: какие дела в это время были у меня в Петербурге², то бросив все, сижу уже за нашей работой, чтобы исправить все Ваши замечания и на обмен предлагаю седьмую книгу, а завтра, если не заболею, буду у Вас со всем, требующим Вашего разрешения.

*С глубоким почтением и признательностью
Ваш покорнейший А. Шеншин*

¹ Параллельный текст (*лат.*).

² См.: примеч. 1 к письму 5.

7

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом.

4 ноября [1886]

Многоуважаемый граф!

Ваш план выписки одобряю. С признательностью возвращаю Вашего немца¹, по которому сидящий у меня за работой Соловьев² перепроверил моего, и я буду пересылать своего к Вам для поправок по мере успешной Вашей работы. Мы очень внимательны к делу. Соловьев сам зайдет к Вам, но дня три он провозится со мною.

Искренне признательный Вам А. Шеншин

¹ Очевидно, речь идет о книге сочинений Овидия в издании Линдемана (см.: примеч. 5 к письму 4).

² С поэтом, философом, публицистом и критиком Владимиром Сергеевичем Соловьевым

(1853—1900) Фет познакомился в 1881 г. Их дружеские отношения продолжались до смерти Фета. Соловьев был «литературным советником» и помощником Фета в его переводах «Фауста» Гете и римских поэтов.

8

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

11 ноября [1886]

Душевноуважаемый граф!

В глубокой признательности за примечания и объяснения спешу вернуть Вашего Линдемана и буду ожидать терпеливо пятнадцатой книги, которая должна быть у Вас, так как и у меня не находится.

Искренне признательный Вам А. Шеншин

9

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

22 ноября [1886]

Душевноуважаемый граф Алексей Васильевич!

Прошу Вашего разрешения прибыть к Вам в понедельник или когда будете свободны, только не завтра в день моего рождения, ког-

да неловко уйти от желающих напомнить мне о приближающейся дряхлости или смерти.

С неизменным почтением признательный Вам А. Шеншин

10

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

29 ноября [1886]

Душевноуважаемый граф Алексей Васильевич!

Чтобы при корректуре не впасть мне в истинный *lapsus literarum*¹, благоволите черкнуть мне по градской почте, так ли я читаю то, о чем ничего не знаю.

*Consensus Codicum*² [... неразб. греч.]

7-я книга набрана.

Искренне признательный Ваш А. Шеншин

¹ Промах (литературный ляпсус) (лат.).

² Свод, кодексов; издание, учитывающее кодексы (рукописи) (лат.).

11

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

2 декабря [1886]

Душевноуважаемый граф!

К крайнему прискорбию моему, по случаю сильного насморка и боли в левом боку, выехать никуда не могу. Это однако не мешает мне всеми силами держаться за общее наше с Вами знание «Превращений». Не до такой же степени я враг своему делу, чтобы по мере сил не пользоваться благодетельными указаниями Вашими.

Таким образом, полученные вчера четыре листа десятой книги мною уже исправлены. Прилагаю при этом латинский текст десятой книги для отметок. И вместе с ним предварительно рассмотренный мною перевод одиннадцатой книги. Вы справедливо замечали, что изменять текст следует только в крайних случаях. На этом основании Вы подтверждаете замечания Линдемана, что *parilique ex aere stant in 35 стихах. Тем не менее Вы настаиваете на изменении его в parili-que aetate*¹, представляющее смутное дело и требующее не менее сомнительных объяснений: у Ол[еня] монисто² для [неразб.] у него булла для почета и очевидно *Auribus in geminis* бронзовая подставка для украшения колдовство, а простое украшение — и кроме всего я решительно и прозой не умею перевести *parili aetate*, а в стихах находить выражения невозможно и в угоду вкусу и за недостатком места².

Хотя это и не изменяет русского перевода, но я не подразумеваю *virtutem inquit vim*³ не могу понять, к чему может *397 Seu furor est, habeo, quae относиться*⁴.

Вы так уже много и усердно поработали над нашим Овидием, что даете мне смелость просить Вас не оставлять меня Вашими указаниями. Типография, помня условия, категорически требует оригинала, и девятая книга мною уже ей сдана. Я не говорю о работе исправлений латинского текста, но проверку перевода я значительно объясняю себе

тем, что моя помощница⁵, не торопясь читает мне перевод, а я смотрю латинский текст. При этом малейшие отступления совершенно ясно видны, хотя иногда и око видит, да зуб неймет. Если бы Вам угодно было предоставить мне громко читать текст Вам, следящему по оригиналу, то мне кажется, это значительно облегчило бы Ваш труд. Не доставало мне бедному Макару еще захворать!

Душевно Вам признательный А. Шеншин

Прилагаю при сем полный титул издания, против которого, полагаю, возражать Вы не будете.

¹ В одинаковом возрасте (лат.).

² Разбор текста стихов 110—116 кн. X «Пре-
вращений». Окончательная редакция следую-
щая:

Ingens cerus erat, lateque patentibus altas
Ipse suo capiti praebebat cornibus umbras.
Cornua fulgebant auro, demissaque in aermos
Pendebant tereti gemmata monilia collo.
Bulla super froutem parvis argentila loris
Vincta movebatur, parilisque ex aere nitebant
Auribus iu geminis circum cava tempora bassae.
Ростом огромный олень, и своими рогами

широко
Разветвленными тень над своей головой
наводил он.
Златом сверкали рога и, на лопатки
спускаясь,
Висло на шее крутой из ярких камней
монисто.
На коротких ремнях, и парные медные зерна

Близ округлых висков в обоих ушах
красовались.

К стиху 115 Фет сделал следующее приме-
чание: «У Merkel u Haupt: parilique aetate
без должного основания, и к которому цита-
та из Плиния (Nat. hist. VII, 1,19), приводи-
мая Haupt, не совсем, по нашему мнению под-
ходит. Вопреки Marcianus pariles s. parilique
ex aere во всех почти кодексах».

³ Добродетель только в силе (лат.).

⁴ Стих 397 кн. X: в переводе Фета: «Если то
страсть, у меня исцелить есть песни и тра-
вы».

⁵ С конца 1886 г. Фет работает с секретарем
Екатериной Владимировной Федоровой (в за-
муж. Кудрявцева). После смерти поэта она
написала «Воспоминания о последних днях
жизни и смерти А. А. Фета-Шеншина» (ОР
РГБ, ф. 315, 14.39).

12

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

4 декабря [1886]

Душевноуважаемый граф!

В безвыходном моем положении я нашел единственный исход. Буду счастлив, если Вы одобрите мой план, состоящий в следующем: соблаговолите принять на обмен двенадцатой книги пятнадцатую, которая может быть просматриваема Вами хотя бы до пятнадцатого декабря, а я тем временем просмотрю 12, 13, и 14-ю с Соловьевым, знатоком латинского языка и великолепно владеющим русским стихом. Если одобряете мой план, то соблаговолите возвратить 12-ю книгу в обмен на 15-ю, которую при сем прилагаю.

Ваших поправок одиннадцатой буду, согласно любезному обеща-
нию Вашему, поджидать к воскресенью.

*Примите уверения в неизменном почтении и признательности
Вашего покорнейшего слуги А. Шеншина*

13

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

5 декабря [1886]

Душевноуважаемый граф!

Приняв на себя проверку перевода трех книг, т. е. двенадцатой, тринадцатой и четырнадцатой, я был уверен, что избавившись от этой

работы, Вы успеете со всеми нужными поправками оригинального текста всех четырех книг. В виду этого я и просил Вас вернуть мне текст двенадцатой книги, предлагая Вам для рассмотрения самую отдаленную по времени, т. е. пятнадцатую. В прошедшей записке Вы передали мне, ничего не сказав ни о двенадцатой, ни о пятнадцатой, что поручаете нам просмотреть две. В этом соображении мы с В. С. Соловьевым просмотрели тринадцатую и четырнадцатую книги. Но так как перемен в латинском тексте бывает мало и часто они не влияют на перевод, то, получивши отметки Ваших поправок, я никак не затруднюсь по мере набора гранок вводить их в латинский текст и согласовать с ними, если нужно, русский. Вполне ясно, что в настоящем деле для издания гораздо существеннее пересмотр Вами латинского текста, чем непременно сличение русского. Я бы только для разъяснения дела просил Вас почтить меня уведомлением: оставляете ли Вы за собою и просмотр двенадцатой и пятнадцатой книг и о возврате по недоумению оставленных у Вас примечаний одиннадцатой.

Адрес Соловьева: Пречистенка, Zubovo, д. Лихутина.

Ради Бога извините за невольное причиняемое Вам беспокойство.

С глубочайшим уважением, признательный Вам А. Шеншин

¹ Н. Н. Черногоубов ошибочно датировал письмо 1890 г. Из контекста же письма очевидно, что речь в нем идет о просмотре текста

«XV книг Превращений»: Фет и Олсуфьев занимались этим в конце 1886 г.

14

Москва

5 декабря [1886]

Плющиха, соб[ств.] дом

Душевноуважаемый граф!

Вы забыли вернуть мне текст перевода двенадцатой книги, проведив четыре листа одиннадцатой. Между тем просмотренная вчера с Соловьевым тринадцатая не может поступить в типографию ранее двенадцатой, почему покорнейше прошу о ее возвращении.

Глубоко Вам признательный А. Шеншин

15

Москва

6 декабря [1886]

Плющиха, соб[ств.] дом

Душевноуважаемый граф!

Благодарю Вас за присылку пятнадцатой книги и примечаний к одиннадцатой, которую согласно замечаниям Вашим в настоящее время исправляю. Кажется, мы были достаточно строги с Соловьевым при чтении. Я бы просил Вас по окончании поправок текста двенадцатой книги просмотреть и отметить, как обычно, перевод этой книги, так как в среду на будущей неделе эту книгу, наверное, потребует типография, а остальное время Вы будете свободны для филологических занятий по части текста. До сих пор лихорадочное состояние не позволяет мне выходить из дома. При окончании текста соблаговолите на полчаса приложить Вашего Линдемана¹ для соответствующих поправок в моем.

Глубоко признательный А. Шеншин

¹ См.: примеч. 6 к письму 4.

16

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

10 декабря [1886]

Душевноуважаемый граф!

Книги тринадцатой стих 146, начинающийся словами: *Est quoque per matrem Cyllenius*¹ у меня в примечании просто сказано: каким образом Меркурий в родстве с Эвриклеей, — нам непонятно². Быть может, с Вашими ресурсами учености это объяснимо, но по-моему не стоит очень хлопотать над разъяснением. Пусть любопытный читатель сам ломает голову на досуге.

С глубоким почтением и признательностью Ваш А. Шеншин

¹ Стих 146 кн. XIII «Превращений»: «*Est quoque per matrem Cyllenius eddita nobis*». В переводе Фета: «И по матери нам придает благородства вторично».

² В примечаниях к этому стиху Фет пишет:

«Отец Антиклей (матери Одиссея) — разбойник Автолик был сын Меркурия (Цилления)». Эвриклея и Антиклея — имена матери Одиссея в двух вариантах мифа о нем.

17

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

13 декабря [1886]

Душевноуважаемый граф!

Давно бы прибежал благодарить Вас за драгоценную помощь, но снова безвыходно засел дома. Тринадцатая книга еще вчера ушла в типографию, а в понедельник поступит и четырнадцатая. Поэтому как особенной милости прошу пятнадцатую книгу в среду. Примечания Ваши найдут место под соответственными стихами.

Сердечно признательный Ваш А. Шеншин.

Немца возвращаю¹

¹ Книгу Линдемана (см.: письмо 15).

18

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

15 декабря [1886]

Душевноуважаемый граф!

В исправлении указываемых Вами промахов или недомолвок я скорее заслуживаю обвинения в излишнем усердии, а никак не на взгляд на них, как на поп avenues¹. С признательностью возвращаю Вашего «немца» и душевно радуюсь, что у нас не хватает времени на разбор предшествовавших переводов, так как даже знаменитый перевод «Цейкс (хотя он Цейк) и Гальциона» Жуковского² — лишь прекрасное подражание, а не перевод. Наше дело — предстать с возможно близким и добросовестным переводом, а дело критики — судить о том, что мы даем. Я до сих пор, к немалому моему отчаянию, тошусь в карантине.

Сердечно признательный А. Шеншин

¹ Несуществующие (фр.)

² «Цейкс и Гальциона» (из XI кн. Овидие-

вых Превращений) / Пер. В. А. Жуковского // Сын отечества. 1821. № 9. С. 73—92.

19

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

19 декабря [1886]

Душевноуважаемый граф!

Согласно требованиям завидной Вашей точности с глубочайшей признательностью удостоверяю, что последних два листа пятнадцатой книги получил и постараюсь также тщательно исправить Ваши замечания, как исправлял и предшествующие. Так как Вы ничего не изменили в предисловии, то отсылаю его в типографию в настоящем его виде.

Искренно Вам признательный А. Шеншин

1887 г.

20

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

8 января [1887]

Душевноуважаемый граф!

В прилагаемых гранках Ваши примечания отмечены. В случае исправления Вами каких-либо неточностей благополучно возвратите мне корректуры; в противном случае я сочту их правильными.

Глубоко признательный Вам А. Шеншин

21

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

25 января [1887]

Душевноуважаемый граф!

Прилагая при сем выхваченные у переплетчика восемь экземпляров¹, я одновременно посылаю Каткову² экземпляр, так как не послать ему не могу, и потому полагаю, что Вам нет необходимости вручать ему второй.

Сейчас же сажусь на весь день за Проперция³.

Искренно преданный Ваш А. Шеншин

¹ Речь идет о кн.: Публий Овидий Назон. XV книг Превращений / В пер. и с объясн. А. Фета. Очевидно, на одном из этих экземпляров Фет сделал следующую дарственную надпись:
Душевноуважаемому и строгому сотруднику графу А. В. Олсуфьеву

Вот наша книжка в толстом томе:
В своем далеком гетском Томе
По-русски стал писать Назон;
Но без твоих трудов — ей-богу! —
Для армяка забывши тогу,
Неряхой бы явился он.

Бывало, чуть он где споткнется
И на авось опять сошлетса,
Славянским духом обуян, —

Ты, приводя к почетной цели,
Уже гласишь, что так велели
Сам Löfs и Riese или Jahn.

И вот, оправленный, умытый,
Поэт наш римский знаменитый
Стоит, расчесан, как к венцу.
Чего ж кобениться упрямо?
Пусть отправляется он прямо
С поклоном к крестному отцу.

Автограф стихотворения неизвестен. Впервые оно опубликовано под заглавием «Графу А. В. Олсуфьеву» и датировано «14 января 1887». (Полное собрание стихотворений А. А. Фета. В 3 т. / Под ред. Б. В. Никольского. СПб.: А. Ф. Маркс, 1901). Список этого стихотворения, включая дарственную над-

пись Олсуфьеву, вклеен в книгу фетовского перевода «Превращений», принадлежавшую поэту А. Н. Апухтину (1840—1893). Книга хранится в ПД. Апухтин был лично знаком с Фетом. В литературе сведений о его знакомстве с Олсуфьевым пока нет. Однако список дарственной надписи и стихотворения, сделанный им, безусловно, с книги Олсуфьева, является свидетельством их знакомства.² Катков Михаил Никифорович (1818—1887), журналист и публицист. В начале 40-х гг. сотрудничал в журнале «Московский наблюда-

тель», когда его редактировал В. Г. Белинский, в «Отечественных записках». Писал библиографические заметки, переводил Гейне, Гофмана, Шекспира. С 1863 по 1887 г. — редактор газеты «Московские ведомости». В 1856—1887 гг. издавал журнал «Русский вестник», в котором Фет регулярно печатал свои стихи и статьи.

³ Фет начинает переводить элегии римского поэта Секста Проперция (ок. 50 до н. э. — ок. 15 до н. э.).

22

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

28 января [1887?]

Душевноуважаемый граф!

Дорогое участие и значительный труд, которые Вам угодно было положить на наше издание, не позволяют мне отказать в прилагаемых при сем пяти экземплярах. Мыслей своих я не скрываю и настолько же искренне благодарю Вас в предисловии к «Превращениям»¹, насколько там же не скрываю ни от кого судьбу моих стихотворных работ. В похвальных отзывах о переводе, как здесь, так, быть может, и за границей, я не сомневаюсь; но я, трудясь для изящного по личному влечению, никогда не печатаю большого количества экземпляров, зная по опыту, что на эту удачку наша пресноводная рыба нейдет. Касательно «Превращений» весь вопрос состоит в том, окажется ли книга нужной воспитанникам гимназий². С этой целью ей и назначена такая умеренная цена, что за вычетом комиссии и прочих расходов она только может окупить издание.

Кундту я давал на комиссию несколько экземпляров первой части своего «Фауста»³, и он, кажется, не продал ни одного; а такого точного и поэтического перевода в русской литературе не было, и, наверно, не будет другого. Прошу передать графине⁴ то глубокое уважение, с каким имею честь быть искренне признательный Ваш

А. Шеншин

¹ См.: примеч. 2 к письму 4.

² Книга открывается введением «Учащемуся юношеству», в котором Фет, в частности, пишет: «Дорогие юноши! Один из уважаемых наставников ваших, ознакомившись с моим переводом «Филемона и Бавкиды», который проверял с своим воспитанником по оригиналу, долго убеждал меня приступить к переводу всех «Превращений», поставляя на вид полезность возможно близкого стихотворенного перевода поэтического произведения, служащего в целом мире первою ступенькою знакомства юношей с римскими поэтами».

³ Гете. Фауст. Ч. I / Пер. А. Фета. М., 1882.

⁴ Олсуфьева Александра Андреевна (урожд. Миклашевская), графиня (ум. 1910), жена А. В. Олсуфьева, была гофмейстериной вел. кн. Елизаветы Федоровны. Олсуфьева подолгу жила в Петербурге или разъезжала в со-

ставе свиты великой княгини, что дало основание Фету назвать ее в письме 91 «порхающей графиней». Фет посвятил ей стихотворение «Графине Александре Андреевне Олсуфевой при получении от нее гиацинтов»:

В смущеньи ум, не свяжешь взглядом,
И нем язык:
Вы с гиацинтами — и рядом
Больной старик.
Но безразлично, беззаветно
Власть вам дана:
Где вы царите так приветно —
Всегда весна.

Стихотворение впервые опубликовано в сб.: Вечерние огни. Вып. 3. М., 1888 (датировано «2 января 1887»). В тот же день Олсуфьева пишет Фету (РГБ, ф. 315, 10.5): «Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич! Прими-

те мои сердечные поздравления и лучшие пожелания для сего 87 года и многих, многих других. Вы к лаврам привыкли, а поэтому

посылаю Вам цветы, да пахнут они на Вас весною! Клянюсь и очень благодарю за стихи».

23

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

8 февраля 1887

Душевноуважаемый граф!

Сердечно благодарю Вас за любезное внимание и вырезку статьи Буренина¹. Надо ему отдать справедливость, что он не церемонится по отношению к известным литературным героям и совершенно справедливо замечает, что по отношению ко мне система замалчивания со стороны крупных журналов производится с настойчивостью, достойною изумления.

Примите уверения в глубоком почтении и признательности Вашего покорнейшего

А. Шеншина

¹ Буренин Виктор Петрович (1841—1926), ведущий критик и публицист газеты «Новое время», издававшейся в Петербурге. Речь идет о его «Критических очерках» (Новое время. 1887, 6 февр.). Рассматривая творчество Фета 80-х гг., Буренин, в частности, пишет: «Вот истинная любовь к поэзии, вот упорное и бескорыстное служение ей. Да, бескорыстное в самом точном значении этого слова, потому что в наше время невежественного легкомыслия в литературе крупные и добросовестные труды почтенного поэта обращают мало внимания. Те журналы, которые считают себя «серьезными» и даже учеными, те журналы, которые славят устами своих критиков всякую современную дребедень в стихах и прозе, замалчивают труды А. А. Фета или же относятся к ним с невежественною недобросо-

вестностью. Какую великую любовь к искусству, к поэзии, к образованию нужно иметь для того, чтобы в таких условиях, на склоне лет, работать с неутомимой энергией, работать для просвещения того литературного варварства, которое или равнодушно к вашему делу или дико глумится над ним!

Последний труд маститого поэта — перевод пятнадцати книг овидиевых „Превращений“ — поистине крупный и прекрасный подвиг... Даже при поверхностном взгляде можно оценить, насколько превосходит и добросовестен труд переводчика; на русском языке до сих пор не было подобного перевода всех „Превращений“ Овидия; еще вопрос, имеют ли иностранные литературы что-либо подобное по точности, простоте и изяществу?»

24

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

4 марта [1887]

Многоуважаемый граф Алексей Васильевич!

Прискорбное нездоровье графини Александры Андреевны лишило меня вчера возможности лично поблагодарить Вас за любезную помощь в моем труде.

Графиня и Вы сами любезно приглашали меня к себе в деревню¹. Не знаю, дозволит ли слабые силы мои воспользоваться этими приглашениями, но при моей занятости легко может возникнуть необходимость обратиться за Вашим авторитетным словом, а я не знаю Вашего деревенского адреса. В настоящее время я, как будто подслушав желание Нагуевского², занят переводом «Энеиды»³, а между тем не знаю ни имени и отчества, ни адреса Нагуевского.

В субботу седьмого марта мы уезжаем в деревню, куда мой лаконический адрес: Московско-Курской железной дороги станция Коренная Пустынь, село Воробьевка.

Почтив меня ответом, Вы премного бы обязали, сообщив Ваш деревенский адрес и адрес Нагуевского.

Позвольте еще раз принести Вам и графине мою живейшую признательность при сердечном пожелании ей скорейшего и совершенного выздоровления.

Преданный Вам А. Шеншин

¹ Олсуфьеву принадлежали имения: Ершово (в Звенигородском у. Московской губ.), Голубеи (в Брянском у. Орловской губ.), а также в Смоленской губ. и в Прибалтике. В какую именно «деревню» приглашал Фета Олсуфьев, установить не удалось. Однако можно предположить, что этой «деревней» было Ершово: так часто называл его Олсуфьев в своих письмах.

² Нагуевский Дарий Ильич (1845—1919), классический филолог, профессор римской словес-

ности и директор нумизматического музея Казанского университета. Среди печатных работ Нагуевского наиболее известны: История римской литературы. Т. 1—2. Казань, 1911—1915; Основы библиографии по истории римской литературы. Казань, 1889; Библиография по истории римской литературы в России с 1709 по 1889 год. Казань, 1889.

³ Поэма римского поэта Вергилия Публия Марона (70—19 до н. э.).

25

Московско-Курской ж. д.
станция Коренная Пустынь 29 апреля 1887¹

Душевноуважаемый граф Алексей Васильевич!

Вы постоянно умели заставить меня начинать и кончать благодарностью мои к Вам обращения. Так и в настоящем случае только Вашему посредничеству я обязан отрядным письменным знакомством с Нагуевским. Если, как я неоднократно говорил, тонкое понимание классиков и бескорыстная к ним любовь так изумительны в кавалерийском генерале, то такая бескорыстная любовь в человеке, обремененном профессией, от которой зависит его насущный хлеб, даже трогательна.

С приезда в деревню я по нездоровью еще ни разу не выходил на воздух, что не помешало мне добраться до конца пятой книги «Энеиды» и переслать Нагуевскому как образчик первую книгу.

Вчера я получил его ответ вместе с немногочисленными указаниями мест, подлежащих исправлению. Хотя я, по мере упадка моих сил, считаю перевод «Энеиды» своим последним трудом², но гостящий у нас в настоящее время и, надеемся, на все лето Вл[адимир] Серг[еевич] Соловьев любезно вызвался помогать мне в переводе, а при его основательном знании латыни и мастерском владении русским стихом помощь его для меня драгоценна³.

Приятно было мне видеть, что Нагуевский доволен не только точностью перевода, но и общим течением, как он выражается, эпической речи. Но что обрадовало меня не менее, то это полное совпадение его желаний с моими насчет внешнего вида издания. Он советует издать перевод совершенно по образцу Ladewig'a⁴, то есть в двух томиках при наименьшем количестве примечаний и, конечно, без латинского текста⁵. Нельзя отрицать, что издание рядом с текстом имеет в свою пользу немало доводов и что после роскошного в этом отношении издания «Превращений» может возбудить в некоторых читателях смущение при виде отступлений от этой формы, но держусь пословицы: «Выше силы и конь не прянет». Считаю в предисловии необходимым высказать причины, заставляющие меня отказаться от такой роскоши. При этом мне придется по воле оспаривать Ваше мнение, на что заранее

испрашиваю Вашего разрешения, обязуясь не печатать самой статьи, пока она не будет Вами просмотрена. Вместе со мною Вл[адимир] Серг[еевич] Соловьев просит Вас принять и передать глубокоуважаемой графине Александре Андреевне наши сердечные приветствия.

Жена усердно Вам кланяется.

Искренне преданный и признательный Ваш А. Шеншин

¹ На письме помета Олсуфьева: «Ответ[ал] 2-го».

² Отвечая на это письмо, Олсуфьев писал 2 мая 1887 г.: «Благодарю Вас, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, за Ваше любезное письмо от 29 апреля, из которого я рад был видеть, что Вы бодры духом и телом, потому что продолжаете работать. А работы Вам еще много впереди, не забудьте, что римские комедии еще ожидают достойного их переводчика на русский язык, и кому таковым быть, если Вы будете в минорном настроении духа, будете смотреть на «Энеиду», как на Ваш последний труд. Мне кажется, что это настроение духа только от недостатка у Вас движения на открытом воздухе, как бы мне хотелось приехать к Вам не для того, чтобы по силам помогать Вам в разборе текстов, занятие, которому пора зима и осень, а для того, чтобы трахнуть с Вами спиртного и показать удивленной Марии Петровне, какие мы с Вами еще молодцы кавалеристы...»

³ В. С. Соловьев (см. о нем: примеч. 2 к

письму 7) перевел 7-ю, 9-ю и 10-ю книги «Энеиды».

⁴ Ладеви́г Т. (Ladewig Th.), немецкий классический филолог, издатель, переводчик и комментатор текстов Вергилия, исследователь его творчества. Фет ссылается на его издание перевода «Энеиды»: Vergil's Gedichte. Erkläert von Th. Ladewig. Zweites baendchen: Aeneide Buch I—VI. Drittes baendchen: Aeneide Buch VII—XII. Berlin, 1871.

⁵ В предисловии к переводу «Энеиды» Фет пишет: «Остается сказать несколько слов о другой стороне издания, т. е. о печатании исправленного текста рядом с переводом, как это, по настоянию графа Ал. В. Олсуфьева, было сделано в издании „Превращений“. Опыт доказал, что такая роскошь в нашей литературе, нуждающейся в самом переводе, нимало не способствует распространению последнего между читателями, а скорее убыточно и для издателя, и для читателя, и потому мы от нее, хотя бы с сокрушенным сердцем, положитель-но отказываемся».

26

Московско-Курской ж. д.
станция Коренная Пустынь

4 августа 1887

Глубокоуважаемый граф Алексей Васильевич!

Письмо Ваше от 1-го июня из Волокитина¹ целый месяц продержало нас с женою в приятном ожидании, и для Вас готовились самые крупные персики. Кроме отрадного, хотя и напрасного волнения, письмо это косвенно сослужило мне великую службу: нам с женою неизбежно пришлось ночевать за 25 верст у соседей, но затем предстояло целый день, не зная, что делать и говорить, протомиться до обеда; кроме того, я, не зная дня Вашего приезда, действительно боялся, чтобы Вы не приехали во время нашей единственной отлучки и потому я еще с вечера заявил хозяйке, что получил телеграмму о Вашем выезде и никак не могу не уехать рано утром.

Только вчера я узнал из газет о присутствии Вашем на похоронах Каткова², и все наши мечты о Вашем приезде разлетелись, как дым. Что бы ни говорили, смерть Каткова есть капитальнейшая утрата для консервативной России, на которую, того гляди, вновь набросятся голодные нигилисты, от законодательства и административных порядков которых наш брат и теперь не знает, куда укрыться.

Вы уверяете меня, какое счастье быть гостем графини Александры Андреевны, как будто я сам этого не испытывал или в том сомневаюсь. Что касается до меня, то, помимо моей астмы и сопряженной с нею бессоницы, я еще должен вести самую ожесточенную войну против вопиющей неурядицы, именуемой у нас сельским хозяйством. Не

говору уже о том, что проливные дожди в самую уборку уподобляют меня подвергаемым пытке капанья холодной воды на обнаженную голову. Не лучшим против меня здоровьем пользуется и дорогой наш гость Вл[адимир] Серг[еевич] Соловьев со своими бессоницами и головными болями. Он просит передать графине и Вам свои усерднейшие приветствия.

Не смогу не передать Вам следующего анекдота. Нынешней весной я в Воронежском имении³ заменил невозможного управляющего новым. Вместо толковых донесений о ходе дела он на целых страницах разливал редкое красноречие в пользу своих достоинств, так что вынудил меня формально это ему воспретить. Но Цицерон в нем не умирает, и в запрошлом письме он просил меня передать Марье Петровне его внимание, а в прошлом — уже высокое внимание, так, чего доброго, он дойдет и до высочайшего.

В настоящее время мне остается перевести в «Энеиде» двести стихов, и что касается до Нагуевского, то не знаю, как и благодарить его за его участие в деле⁴.

Разделяя Проперция⁵, я держался Квинеля⁶, Paily⁷ и Baehrens⁸, т. е. на четыре книги и, потративши много труда на расположение текста по новейшим комментаторам, я уверен, что Вы мой текст найдете удовлетворительным.

Не чаю довести до конца печатание этих трудов нынешней зимой, но наотрез отказываюсь от всяких новых.

Не полагаю, чтобы один Катков имел право на смерть. Пора и мне успокоиться.

Жена усердно Вам кланяется, а я прошу передать графине Александре Андреевне мои задушевнейшие приветствия.

Преданный А. Шеншин

¹ Имение жены Олсуфьева А. А. Олсуфьевой в Черниговской губ.

² Умер 20 июля 1887 г.

³ В Землянском у. Воронежской губ. у Фета было имение Граворонка и конный завод, который он купил в 1874 г. у брата — П. А. Шеншина.

⁴ Нагуевский написал предисловие и комментарий к переведенной Фетом «Энеиде». Книга вышла в Москве в 1888 г.

⁵ Речь идет о комментировании и подготовке к печати элегий Проперция. В предисловии к переводу Фет пишет: «Настоящий перевод по отношению к тексту составлен главным образом по четырем изданиям: ныне устаревшему

Квинелю, в большинстве случаев исправлен по Лукиану Мюллеру, и затем в некоторых местах предпочтение отдано изданиям Палей и Беренса».

⁶ Sexti Aurelii Propertii Carmina. Recensuit illustravit Christianus Theophilus Kuinoel. T. 1—2. Lipsiae, 1805.

⁷ Очевидно, в тексте ошибка переписчика. Скорее всего, речь идет о книге: Sex. Aurelii Propertii carmina. The elegies of Propertius, with english notes, by F. A. Paley. London, 1872.

⁸ Sex. Propertii Elegiarum libri IV. Recensuit Aemilius Baehrens. Lipsiae, 1880.

27

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

2 октября 1887¹

Глубокоуважаемый граф Алексей Васильевич!

Совершенно расклеенный осеннею погодой, прибыл я вчера на зиму в Москву, но сегодня боюсь выйти на воздух. Тем не менее желая уяснить дело печатания Проперция, я просил бы Вас указать на завтрашнее третье октября час, в который мог бы явиться к Вам. Пользу-

юсь случаем просить Вас передать графине Александре Андреевне мой нижайший и усерднейший поклон.

С совершенным почтением имею честь быть сердечно признательный

А. Шеншин

¹ Между этим и следующим письмом перерыв более чем полтора месяца. Сохранилось письмо Олсуфьева от 8 нояб. 1887 г., в котором он в частности пишет: «Ваш перевод Проперция лучший из всех Ваших до сей поры появившихся. Строго [неразб., по-немецки.— Г. А.] критический разбор его меня тем более увлекает, что служит проверкой моей собственной работы над этим симпатичным классиком. Так как она доведена только до поло-

вины II элегии последней книги, а мне желательно представить Вам нечто законченное, то прошу Вас прислать мне тетрадь, содержащую последнюю часть III книги.

По возврате Вам одной с моими пометками, Вы будете в состоянии обсудить, стоит или нет обождать с печатанием, дабы дать мне возможность пересмотреть таким образом весь Ваш перевод».

28

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

24 ноября 1887

Глубокоуважаемый граф Алексей Васильевич!

Возвращая при сем посильно исправленную, согласно замечаниям Вашим, рукопись, дерзаю заметить одно. Едва ли голодающий удовлетворится любезными обещаниями самых изысканных блюд и не предпочтет получить горячего куска. Грот¹ просит меня напомнить Вам о его книге — Горации Зенгера², которую, по миновании в ней надобности, он покорнейше просит переслать ко мне.

С неизменным почтением и признательностью имею честь быть Вашим покорнейшим А. Шеншиным³

¹ Грот Николай Яковлевич (1852—1899), психолог и философ, с 1886 г. профессор Московского университета; председатель Московского психологического общества, первый редактор журнала «Вопросы философии и психологии».

² Зенгер Г. Э. Критический комментарий к некоторым спорным текстам Горация. Варшава, 1886.

³ Это письмо последнее в 1887 г. Сохранилось письмо Олсуфьева от 30 дек. 1887 г.: «Благодарю Вас, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, за присылку Вашей „Энеиды“ и за

лестные слова, относящиеся до меня в предисловии этой книги.

Я сегодня еду на три дня в деревню к брату, и в предположении, что Вы найдете свободное время в продолжении моего отсутствия, посылаю Вам мои замечания на конец II элегии, начиная с 43 ст. и на всю V и на VI с 69 ст. Я мыслю, что Вы и без личного со мной совещания усмотрите, что следует отбросить как чересчур требовательное и педантичное.

2 января я снова примусь за эту работу...»

1888 г.

29

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

29 февраля 1888

Многоуважаемый граф Алексей Васильевич!

Завтра первого марта мы до четырех часов дома, а в пятом часу отправляемся на прощание обедать к графине Толстой¹. Замечания Ваши всегда так определенны и ясны, что я никогда не затрудняюсь их уразумением.

237

Мы оба с женою просим Вас принять и передать графине Александре Андреевне наши сердечные приветствия.

Неизменно преданный и признательный Ваш А. Шеншин

¹ Толстая Софья Андреевна (урожд. Берс) живут в это время в собственном доме в (1844—1919), жена Л. Н. Толстого. Толстые Хамовниках.

30

Московско-Курской ж. д.
станция Коренная Пустынь

6 марта 1888

Душевноуважаемый граф Алексей Васильевич!

Получив от Вас в Москве одеяние Проперция¹, испещренное Вами мелом на местах, требующих переделки, я, за отъездом, не успел заняться этим делом, а равно и принести Вам мою сердечную благодарность.

Конечно, самое пребывание мое в деревне мало влияет на успех исправления Проперция, так как весь почин дела зависит от Вас, а не от меня; а получу ли я Ваши отметки в тот же день или на другой — совершенно безразлично. Итак, в настоящее время [из] четвертой книги остается одна одиннадцатая элегия.

Третьего дня въезд наш на одиночках в заваленную снегами усадьбу представлял переход русских войск через Балканы². Но вчера и сегодня начинает понемногу таять.

Вот уже более недели, как я бросил курить табак, и все не перестаю по временам тосковать об этом зелье, по пятидесятилетней привычке.

Мы оба с женою просим Вас принять и передать графине Александре Андреевне наши усердные приветствия и будем надеяться, что при частых проездах Ваших через станцию Коренную Пустынь³ Вы когда-либо вспомните, что тут вблизи люди, которым Ваше посещение доставит бесконечную радость.

С глубокой признательностью имею честь быть

Вашим покорнейшим А. Шеншиным

¹ Очевидно, комментарий к тексту элегий, составленный Фетом.

² Фет вспоминает один из эпизодов Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

³ В Орловской, Черниговской и Полтавской губ. находились имения, которые он часто посещал.

31

Московско-Курской ж. д.
станция Коренная Пустынь

25 марта 1888

Душевноуважаемый граф Алексей Васильевич!

Приношу Вам мою сердечную признательность за одиннадцатую элегию, поправки которой я имел честь получить при любезных строках Ваших. Это была последняя рискованная посылка на станцию при наступившем половодье, а настоящее письмо является первую голубицей, которой я желаю благополучно доставить свой миртовый листок на Ваш письменный стол. Самым добросовестным образом я воспользовался Вашими указаниями и, кажется, ничего не испортил излишним рвением. Собственно, говоря общечеловеческим языком, ниче-

го особенного не случилось со времени нашего последнего свидания. Говорю не о Вашем высоком положении, в котором всякое новое поручение означает новое высочайшее доверие и милость, а только [неразб., по-немецки. — Г. А.].

Все грудные недуги мои значительно облегчились со времени воздержания от курения, которое все еще окончательно не потеряло для меня своей прелести. Но зато мне кажется, я мгновенно превратился, подобно танцовщику на лошади, прыгнувшему в бумажный круг в красной мантии поэта и выпрыгнувшему из него в белой поварской куртке и берете. Конечно, мне давным давно пора думать об овсяном супе, а не о лире, струны которой я процарапал пятьдесят лет, но стыдно не кончить начатого, как напр[имер] Проперция. Если и после моей смерти кому-либо придет охота говорить обо мне, то, наверно, никто не спросит, больше или меньше задыхался я в 1888 г., и насколько счастлива была в этом году выжеребевка в Воробьевке на моем заводе. Между тем оказывается, что я прошел уже три четверти пути по болоту и у самого шоссе завязнул и томлюся жаждой. Но вот я вижу издали спасительный поезд, брандмейстера, сопровождаемого ловкими пожарными с бочками воды. Сию минуту конец моим мучениям, меня вытаскают из болота, обмоют и освежат. Каков же мой ужас, когда над пустынным болотом раздается громкий голос: «И не жди помощи! Еще одним пожаром прибыло! Потушу один, надо тушить другой!»

До июня остается всего два месяца. Приятно мне или неприятно, судьба меня не спрашивает, а между тем необходимо установить *modus vivendi*¹ и я вынужден просить Вас о продолжении благотворительной работы и высылке мне элегий третьей книги по мере их поверки. Минута, когда редакция Журнала Министерства народного просвещения насядет на меня с окончательным требованием второй половины Проперция², мне неизвестна. Но тогда уже я буду просить Вас о высылке мне в Воробьевку и остального.

Мы с женою крайне жалеем, что и на этот год нам не придется принять Вас в нашей микроскопической Швейцарии, и просим передать графине Александре Андреевне наши общие усердные приветствия.

К общему удивлению, снега разрешились сравнительно скудным половодьем, а 23-го марта вечером была гроза с сильным дождем.

С глубочайшим почтением и признательностью имею честь быть.

Вашим всепокорнейшим А. Шеншиным

¹ Образ жизни (лат.).

² «Элегии» Проперция в переводе Фета печатались в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1888 г. (май, июль, август,

сентябрь). Отдельным изданием как «извлечение из журнала» (см. об этом: примеч. 3 к письму 48) вышли в Петербурге в том же году.

Глубокоуважаемый граф Алексей Васильевич!

Сию только минуту отводил душу над любезным и многозначительным по содержанию письмом Вашим от 3 апреля. Ввиду незаменимых замечаний Ваших, которыми не дорожить было бы с моей стороны не-

простительной бессмыслицей, я вместе с сим уже написал Л. Н. Майкову¹, что я прошу его отложить печатание третьей и четвертой книг Проперция до сентября и октября² и вычеркнуть в заглавии имя Аврелия³.

Мария Петровна⁴ сердечно благодарит Вас за мало заслуженные похвалы. Правда, она занимается оранжереей, парком и домашним хозяйством, т. е. тем, что в рот положить. В этом отношении здесь хозяйничать довольно легко, так как мы все время платили семь копеек за фунт живой рыбы, судаков и окуней, и бекасов по 15 к., а вальдшнепов по 20 к. Что же касается до поля и крупного хозяйства, то тут приходится мне страдать наравне со всеми русскими землевладельцами. Надеюсь, что мы оба с Вами русские люди, и нельзя яснее Вас понимать, что почвенные условия гораздо ниже в остзейских и бывших польских землях, а между тем строй жизни там был тверже и благосостояние крестьян, в сущности, выше. Но наши мнимые правовые порядки врываются туда, чтобы всех сравнять в безобразии. Конечно, все грамотные дворяне это отлично видят. Но так как число их слишком ограничено в сравнении с образованными и властвующими разночинцами, то самая мысль об этом никогда у нас не будет даже громко сказана в печати, и внутренняя реформа в консервативном смысле навсегда останется недосягаемой мечтою.

На днях сменил у себя невозможного приказчика.

Благодарите бога и графиню Александру Андреевну за светлую и отрадную атмосферу, которую она окружает Ваших пенатов, и мы оба с женою просим Вас принять и передать ей наши усердные поздравления с наступающими светлыми праздниками⁵.

Бесконечно признательный
Ваш А. Шеншин

¹ Майков Леонид Николаевич (1839—1900), историк литературы, в 1882—1890 гг. редактор «Журнала Министерства народного просвещения».

² См.: примеч. 2 к письму 31.

³ Второе имя Проперция, признанное к XIX в.

недостовверным.

⁴ Шеншина Мария Петровна (урожд. Боткина) (1828—1894), жена Фета.

⁵ Фет поздравляет Олсуфьевых с Пасхой, которая в 1888 г. приходилась на 24 апреля.

33

Московско-Курской ж. д.
станция Коренная Пустынь

22 мая 1888

Многоуважаемый граф Алексей Васильевич!

Заказную посылку Вашу я получил на станции, возвращаясь из-за Белгорода, и прочел письмо Ваше от 4 мая перед тем, чтобы с Марьей Петровной и Екатериной Владимировной сесть в карету и отправиться 15-го числа в Щигры, Воронежский конный завод и другое наше Щигровское имение¹, откуда мы вернулись только третьего дня, т. е. 20 числа. Вот причина, почему я не тотчас же благодарил Вас; но в качестве истинного верноподанного я должен начать с поздравления вашего сиятельства с монаршею милостью².

В настоящую минуту я занят исправлением третьей книги Проперция согласно драгоценным указаниям Вашим, приводящим меня в неописанный восторг своим вниманием к труду и мастерскими оттенками подробностей. Увы! Такого мастерства мы в нашем отечестве не привыкли встречать ни в какой отрасли. Мы станем выезжать лошадь,

и она ходит и галопом и редопом, а сядешь на нее, — а она на одном поводу и норовит губою захватить за мундштучную дужку. Тут неисчерпаемый гений устраивает на мундштуке целый лесопильный завод. Вы сами знаете, сколько нужно просвещенного знакомства с действительной жизнью, современной и исторической, для поправок классических переводов. Вот почему, совершенно независимо от личной для меня пользы Ваших замечаний, я не перестаю восторгаться тем, что Вы русский генерал-лейтенант. Но увы! Едва ли вы укажете мне второго, тогда как принцев Карлов в Пруссии очень много.

Без малейшего изумления прочел доклад ревизионной комиссии. Я было по старости и лени сам поверил в прикащицкое самоуправление и пришел к тому, что мало того, что не было ни копейки дохода, а надо опять заводиться всем сначала. Я объявил уже жене, что завещаю значительную премию за наилучший документальный панегирик мудрому, геройскому и великодушному Николаю Павловичу³. При свидании лучше всего было бы мне испросить наставления у графини Александры Андреевны, каким образом я могу печатно высказать мою признательность вашему сиятельству за благодетельное участие в издании Проперция? Ведь промолчать об этом, тогда как только вследствие серьезных трудов Ваших Проперций явится в надлежащем виде, в сущности то же, что украсть. Хлеба, или, лучше сказать, хлебные травы я всюду нашел удовлетворительными. Не менее остался я доволен состоянием верхового конного завода.

Майков выслал мне корректуру первой книги Проперция, которой я второпях прочесть не успел. Но так как издатели ученые люди, то я не боюсь каких-либо необычайных сюрпризов. Сердечно жалею, о чем писал и Майкову, что они поместили примечания в конце книги, а не внизу каждой страницы, как это делают все древнейшие толкователи классиков, и по сей день ведется. Кому охота чуть не на каждой строке вертеть все листы?

С глубоким почтением и признательностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

А. Шеншин

¹ Имение Ольховатка Шигровского у. Курской губ., перешедшее к Фету по завещанию его племянника П. И. Борисова (ум. 25 марта 1888)

² Олсуфьев был награжден орденом Св. Александра Невского.

³ Николай I (1796—1855), российский император с 1826 г.

34

Московско-Курской ж. д.
станция Коренная Пустынь

16 июля 1888¹

Глубокоуважаемый граф Алексей Васильевич!

Конечно, я слишком хорошо понимаю, до какой степени нелюбезно и даже неприлично говорить о своей хандре и болезненном расположении, постоянно производимых во мне тою идиллическою средою, которая называется российской деревенской жизнью. Я бы и не заикнулся об этих обстоятельствах, если бы они не давали мне прямого повода вдвойне благодарить Вас за полученные строки о Марциале, хотя на время наводящие меня на более благородные предметы². Передавая судьбу и самую конфигурацию будущего издания перевода Марциала в руки такого ученого знатока как Вы, я предоставляю себе единствен-

но наслаждение пробираться русскими стихами по стопам латинских. В настоящую же минуту иногда заглядываю в единственный имеющийся у меня источник Марциала — *Corpus poetarum*³, к несчастью, убитственно мелкий для моих глаз.

До моего юбилея⁴, если я до него доживу, еще так долго, что, не обращаясь ни с какими просьбами об инициативе, я могу еще выслушать совет графини Александры Андреевны, которым так дорожу, а вашему сиятельству приношу заранее мою сердечную признательность за участие. Я уверен во всемилоостивейшем соизволении на мое желание⁵, если оно будет представлено в надлежащем и истинном свете. Со страниц истории русской литературы я соскочить не могу, хотя бы и желал. Теперь вопрос в том, захотят ли власть имеющие, чтобы на последних страницах моей биографии стояло, что заслуги мои были удостоены высочайшего внимания в конце пятидесятилетней моей деятельности.

В доказательство интереса, возбуждаемого во мне Марциалом, прилагаю при этом все мною переведенное, в том числе и полученную сегодня поистине прелестную эпиграмму.

II, 8⁶

- Если покажется что тебе в этих бумагах, читатель,
Или излишне темно, или латынью плохой,
То не мои тут грехи, а им повредил переписчик,
Как торопился стихи он для тебя выводить.
5 Если ж помыслишь, что я, а не он виновен в ошибках,
То заключу, что ума нет у тебя ничего.
Плохи однако ж стихи. Ведь мы с очевидным не спорим,
Плохи они, но ведь ты лучших не можешь создать.

I, 68

- Руфь, что ни делай, а все ничто, кроме Невии, Руфу.
Плачет ли, рад, иль молчит, только она на душе.
Пьет ли за ужином он, отрицает, согласен, иль просит
Невия все: и не будь Невии, был бы он иным,
5 Как писал он вчера отцу приветствие утром;
Невия свет, возопил; Невия, здравствуй, звезда.
Невия это смеясь читает с опущенным взором;
Невия ведь не одна, глупый что бесится, муж?

X, 19⁷

- Не довольно ученую да и не очень
Строгую, но и не слишком грубую книжку
Красноречивому Плинию ты, моя Муза,
Вот отнеси: не великий ведь труд, но высокий.
5 Приподнявшись тропе, достигнуть Субуры.
Там близ веселого ты увидишь театра
На орфейских водах при поверхности гладкой,
Отраженных зверей да и царскую птицу.
Что фригийцы схватив, принесли Громовержцу.
10 Там на малом дому твоего Педана
Вылиты крылья орла поменее ростом,
Но смотри, чтоб тебе в не свое только время
В красноречивую дверь, подгуляв, не толкнуться.

- 15 Целые дни отдает он суровой Минерве,
 Как для сотни людей он слуха готовит
 То, что века бы затем могли и потомки
 К хартиям приравнять уроженца Арпина.
 При вечерних верней пойдешь ты лампадах:
 Час это твой, когда Линой забушует,
 20 Розы когда задарит и власы умащены:
 Строгие тут уж меня и Катоны читают.

*С неизменным почтением и признательностью Вашего сиятельства
 преданный*

А. Шеншин

¹ На письме помета Олсуфьева: «Отвечал 20-го июля».

² Фет начинает переводить эпиграммы римского поэта Марка Валерия Марциала (ок. 40 — ок. 104).

³ *Corpus poetarum latinorum uno volumine absolutum. Cum selecta varietate lectionis et explicatione brevissima edidit Guilielmus Ernestus Weber. Francofurt ad Maenum, 1883.*

⁴ 50-летие литературной деятельности Фета было отмечено 28—29 янв. 1889 г.; торжества состоялись в Москве.

⁵ Желание Фета — получить к своему юбилею придворное звание камергера.

⁶ В окончательной редакции II, 8 имеет заголовок «Читателю»; строфа 5: «Если же ты не его, а меня сочтешь согрешившим...»

⁷ В окончательной редакции X, 19 имеет заголовок «При посылке книги своей Плинию»; ст. 5—8:

Приподняться тропе, перешедши Субуру.
 Там немедленно ты увидишь Орфея
 Шаткого на увлажненной кровле театра,
 Изумленных зверей да и царскую птицу...

Ст. 21: «Строгие тут и меня даже Катоны читают».

35

Московско-Курской ж. д.
 станция Коренная Пустынь

19 июля 1988

Душевноуважаемый граф Алексей Васильевич!

Час тому назад получил я двадцать четвертую эпиграмму десятой книги, и вот уже посылаю при сем ее усиленный перевод. Полагаю, что в настоящую минуту Вы уже получили мое письмо от 16 июля, в котором приложены три эпиграммы. До Москвы более самобытно из «Согрус» переводить не стану: глаза не выносят мелкого шрифта.

X, 24¹

- Мартовские мои родные календы,
 (День изо всех календ наиболее красный,
 Даже подарки мне шлют на него и девы),
 Пятьдесят седьмое уж мы возлиянье
 5 На алтарь ваш этот приносим и ладан.
 К этим (ежели есть в том молящему помощь)
 Дважды девять годов, умоляю, прибавьте,
 Чтобы не слишком мне от старости дряхлым,
 Но все три пройдя уже поприща жизни,
 10 В рошу девы бы сойти Елисейской.
 Нестора дня сверх того умолять я не стану.

III, 53²

Без лица твоего я бы мог обойтись
 И без шеи и рук, и без ног и груди,
 И без спины твоей, а также и бедер:

И чтоб отдельно все исчислять не трудиться,
Безо всей бы, Хлоя, тебя, обошелся.

XII, 58³

Девочником тебя обзывает супруга, сама же
Рада носильщикам всем, так вы, Анауда, равны.

XII, 56⁴

Десять иль более раз в году ты болен бываешь;
Не тебе ведь, а нам это во вред, Полихарм.
Ибо, как только встаешь, у друзей на поправку ты просишь.
Постыдись, Полихарм, заболевай только раз.

XII, 69⁵

Такие, как Павл, у тебя столы есть и кубки,
Так же и все у тебя друзья ничего не стоят.

XII, 78⁶

Сытый актер согрешил, стоя перед статуей Зевса,
Зевс наказание изрек жить лишь на собственный счет.
Неизменно признательный и преданный А. Шеншин

¹ X, 24 в окончательной редакции:

На Мартовские Календы

Мартовские мои родные Календы —
День изо всех Календ наиболее красный,
На который подарки шлют мне и девы,
Пятьдесят седьмое уж мы возлиянье
5 На алтарь наш с ладаном этим приносим.
К этим, ежели есть в том молящему

прибыль,
Дважды девять годов, умоляю, прибавьте,
Чтобы не слишком мне от старости

дряхлам,
Но все три перешедши поприща жизни,
10 В рощу девы бы низойти Елисейской.
Нестора дня сверх того умолять я не стану.

² III, 53 в окончательной редакции:

Хлое

Без лица твоего я бы мог обойтись
И без шеи и рук, и голеней тоже,
И без груди твоей, поясницы и бедер;
И не трудиться, чтобы исчислять все
отдельно,
Мог бы, Хлоя, без всей я тебя обойтись.

³ В окончательной редакции XII, 58 озаглавлена: «Алауде».

⁴ В окончательной редакции XII, 56 озаглавлена: «На Полихарма».

⁵ XII, 69 в окончательной редакции:

Павлу

Как картины, о Павл, и драгоценные кубки,
Так же и всех на показ ты собираешь друзей.

⁶ Под этим номером стоит другая эпиграмма: «Вифинику» (в кн.: Марциал: Эпиграммы / В пер. и с объясн. А. Фета. Ч. II. М., 1891. В примечаниях, помещенных на с. 808—809, Фет пишет: «Следующей эпиграммы, как сомнительно принадлежащей Марциалу, в издании Gulbert'a не находится. Между тем она под номером 78-м стоит в издании Lemaitre'a, и для желающих мы прилагаем в примечании свой перевод:

Ante Iovis statuam cepuit satur histrio:
роенат
Iupiter indixit, vivere de proprio.
Сытый актер согрешил, перед статуей стоя
Зевеса
Зевс наказание изрек жить лишь на
собственный счет».

36

Московско-Курской ж. д.
станция Коренная Пустынь

23 июля 1888

Глубокоуважаемый граф Алексей Васильевич!

Еще при переводе книги X, 19, не будучи знаком с топографией Марциаловского Рима, тем не менее чувствовал каку-то неловкость,

заставляя музу искать изящного Плиния на Козихе¹, какую я всегда считал Субуру², и эта несообразность, очевидно, не могла ускользнуть от такого зоркого знатока, как Вы. Враг всякой рутины, я могу только поздравить наше будущее издание Марциала с таким самобытным, хотя и накладным для нашего поэта воззрением, какое Вы ему предпосылаете³. Не в состоянии будучи по слабости зрения знакомиться с Марциалом по своему *Corpus*, воздерживаюсь от всякого критического отношения к Вашей статье. Исправленный пятый стих прилагаю в следующем виде:

... не великий ведь труд, но высокий.

5 Приподняться тропе, перешедши Субуру⁴.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать графине Александре Андреевне мое неизменное почтение.

Искренне признательный Ваш А. Шеншин

¹ Старое звание Б. Козихинского пер. (ныне ул. Остужева). В этом районе Москвы в конце XIX в. были дома, в которых можно было недорого снять комнату. Жили здесь в основном малоимущие студенты университета.

² Квартал в Риме, известный притонами, публичными домами и др.

³ Олсуфьев написал предисловие к переведенным Фетом «Эпиграммам» Марциала. Очевидно, Фет имеет в виду такие, например, характеристики поэта: «Бесстыдный льстец кровожадного Домициана, друг и наперсник презренного доносчика Регула не должен надеяться в конце XIX столетия на снисходительный приговор...»

Для нас он остается тем же неблагодарным сыном, развратным циником, гнусным паразитом, поэтом, творения которого восторжен-

ный поклонник Катулла, ученый Андрей Но-вагерра считал долгом ежегодно сжигать в Венеции; но, вместе с тем, он является величайшим мастером латинской речи, доведшим сжатость формы и, вместе с тем, полноту мысли в своих стихах до изумительного совершенства; замечательно верным бытописателем, без которого многое из римской жизни эпохи кесарей осталось бы для нас, не взирая на Светония и Диона, совершенно непонятным; гениальным художником в избранной им отрасли поэзии, возведшим эпигramму — это могущественное оружие ума против грубой силы — до высшей степени совершенства и меткости».

⁴ Окончательную редакцию X, 19 см.: примеч. 6 к письму 34.

37

Моск[овско]-Курс[кой] ж. д.
станция Коренная Пустынь

1 августа 1888

Душевноуважаемый граф Алексей Васильевич!

Читая Ваше предисловие, не могущее появиться в печати раньше изготовления текста, я представлял себе, что, окончив перевод и поневоле познакомившись с поэтом, я буду иметь некоторое моральное право самобытно отнестись к Вашему суду над Марциалом и откровенно высказать свое мнение. Но в настоящее время я слышу упрек в невнимательном отношении к стилистической стороне статьи. *Le style c'est l'homme*¹, а так как, помимо капитального образования Вашего, довольно рискованно обвинять Вас в недостатке энергии и самостоятельности, то о ясности и определенности Вашего стиля не может возникнуть даже вопроса. Просмотрев возвращаемую, согласно желанию Вашему статью, Вы убедитесь в малочисленности моих легких пометок. Конечно, желая отвечать хотя бы тысячной долей труда, положенного Вами на мои работы, я старался быть внимательным.

*С неизменной признательностью искренне преданный
А. Шеншин*

¹ Стиль — это человек (фр.).

38

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

9 октября 1888

Глубокоуважаемый граф Алексей Васильевич!

Отсиживаюсь неопределенное время дома. Это не мешает мне представить Вам на цензуру пересмотренную мною вторую книжку¹. Хотя меня крайне интересует Ваше о ней суждение, но я нисколько Вас не тороплю.

Все трое мы нестерпимо больны, и больной больному диктует.
Тем более желаю Вам здорovia. Целую руки графини.

Неизменно преданный А. Шеншин

¹ Кн. II «Эпиграмм» Марциала.

39

Москва

Плющиха, соб[ств.] дом

Декабря 31-го [1888]

Душевноуважаемый граф!

Прося Вас лично принять и передать графине Александре Андреевне поздравления и наилучшие пожелания к Новому году, прилагаю при сем и первую пробу перевода Персия¹, от которого я едва не отказался; не говоря уже о трудностях передачи совершенно местных капризов сатирика, отсутствие более подробных объяснений отдельных выражений, как напр[имер] у Ореллия для Горация², представляет немалое затруднение. Лексикон тут мало помогает, и надо угадывать точное значение слова без надлежащей ученой критики, что впоследствии может привести к бедственным затруднениям при исправлении. Если бы Вы указали мне на такого комментатора, то премного облегчили бы мой труд. Равным образом, если даже при поверхностном взгляде, найдете мой перевод неудовлетворительным, то не откажите почтить меня уведомлением, ибо производить такую трудную и кропотливую работу понапрасну, более чем жаль.

Неизменно признательный Вам Шеншин

¹ Фет перевел все 6 сатир римского поэта Авла Персия Флакка (34—62). Они печатались в 1889 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» (март) и вышли как «извлечение из журнала» отдельным издани-

ем в том же году в Петербурге.

² Q. Horatius Flaccus. Recensuit Jo. Casp. Orellius. Addita est familiaris interpretatio. Editio minor. Vol. 1—2. Turini—Londini, 1838—1839.

Т. А. Медовичева

Неизвестное письмо И. А. Гончарова

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки в составе различных фондов хранится ряд автографов выдающегося русского романиста И. А. Гончарова, представляющих значительный интерес для исследователей его жизни и творчества¹. Они относятся к 1840—1880-м

гг. и касаются литературно-издательской и общественной деятельности писателя. Большинство писем Гончарова (к Н. П. Аловерту, Л. Л. Добровольскому, М. Н. Каткову, Ф. Р. Остен-Сакену, А. Н. Плещееву, Н. С. Тихонравову) упоминается в биографической литературе о нем². Опубликованы письма к В. Г. Белинскому и К. Д. Кавелину³.

Число не введенных в научный оборот автографов Гончарова пополнилось в последние годы публикуемым ниже письмом к А. Гинцбургу, поступившим в отдел рукописей из Франции от А. Я. Полонского⁴. Написанное под диктовку 12 янв. 1887 г. письмо датировано и подписано самим автором. Известно, что в конце своей жизни Гончаров ослеп на один глаз и писал под диктовку не только некоторые письма, но и последние очерки⁵. В отделе рукописей хранится аналогичное по форме письмо Гончарова к А. Н. Плещееву от 12 янв. 1886 г.

Неизвестное ранее письмо к А. Гинцбургу содержит отказ Гончарова дать разрешение на перевод романа «Обыкновенная история». Не внося каких-либо новых черт в известный по другим материалам облик Гончарова, письмо все же имеет историко-литературный интерес. Во-первых, оно относится к последнему периоду жизни писателя, который беднее документирован и менее всего изучен. Во-вторых, письмо уточняет и расширяет историю возникновения прижизненных переводов сочинений Гончарова на иностранные языки, довольно скудно представленную в литературе о нем⁶. В опубликованной переписке Гончарова также мало писем по поводу переводов его основных произведений. Наиболее известны письма с оценками качества переводов к П. Г. Ганзену, М. О. Ашкинази (Ш. Делену), В. А. Кордту⁷.

Ко времени появления письма к Гинцбургу (в середине 80-х гг.) за рубежом вышло несколько переводов трех романов Гончарова. Наряду с удачными переводами (например, романа «Обломов» на датский язык, сделанного в 1878 г. тонким толкователем творчества Гончарова П. Г. Ганзенем), имели место случаи искажения переводчиками текстов произведений. С этим писатель столкнулся в переводах на французский и немецкий языки романа «Обломов», сделанных Б. Горским, П. Артамовым и М. О. Ашкинази (Ш. Деленом); во французских переводах романа «Обрыв», вышедших в 1885—1886 гг. Отрицательное отношение Гончарова ко всем этим переводам известно из его писем к П. Г. Ганзену, М. М. Стасюлевичу, М. О. Ашкинази (Ш. Делену). Так, в письме к Стасюлевичу от 7 авг. 1885 г., выражая неудовлетворение переводом романа «Обрыв», опубликованным в бельгийской газете «Indépendance belge», Гончаров, в частности, писал: «... не перевод, а... перетасовка сцен, сокращения, урезки, словом, наглая, бездарная и глупая переделка, искажающая мой труд»⁸. Всего при жизни писателя было издано 16 переводов его сочинений на девять иностранных языков. Большинство из них — без какого-либо участия автора, что связано в значительной степени с индифферентным, если не отрицательным, отношением его к переводам своих произведений. Позиция Гончарова аргументировано изложена в известном письме к В. В. Стасову от 17 авг. 1882 г.: «... ко мне обращались не раз... за разрешением на перевод моих сочинений, и особенно „Обрыва“. Я всем давал один ответ, что „разрешать“ перевод я считаю очень не скромным со стороны автора, а „запрещать“ не признаю за собой никакого права и таким образом предоставляю гг. переводчикам поступать относительно перевода моих сочинений, как им заблагорассудится. Вообще я полагаю, что перевод русских сочинений чисто национального характера, мало известного за

границей, не заинтересует европейских читателей. . . Поэтому я и отношусь к попыткам передавать на иностранные языки русских беллетристов довольно равнодушно»⁹.

Выход в свет в течение 1885—1886 гг. нескольких неудачных переводов «Обломова» и «Обрыва» был, по всей вероятности, дополнительным фактором, укрепившим Гончарова в своем решении не давать разрешений на них. Письмо к Гинцбургу — документальное этому подтверждение, дополняющее единичные сведения об отказах Гончарова в переводах, имеющиеся в биографической литературе.

Письмо публикуется по подлиннику, хранящемуся в Коллекции единичных поступлений архивных материалов (ф. 743), с сохранением, в некоторых случаях, авторской орфографии.

И. А. Гончаров — А. Гинцбургу
12 января 1887 г.

И. А. Гончаров, свидетельствуя свое совершенное почтение господину Ар. Гинцбург, имеет честь, в ответ на письмо от 11 сего января¹⁰, уведомить, что давно принял за правило не давать никаких так называемых *разрешений* (authorisations) на перевод его сочинений на иностранные языки, предоставляя господам переводчикам на волю и свой страх поступать как им заблагорассудится.

И в настоящем случае, относительно просимого господином Halregin'om¹¹ разрешения на перевод *Обыкновенной истории*, он принужден придерживаться принятого им правила, т. е. никакого разрешения от себя дать не может.

Такой ответ он давал неоднократно и другим лицам, обращавшимся к нему с просьбою о разрешении на перевод, между прочим *Обыкновенной истории*. По поводу последней недавно писал ему из Франции, прося о праве на перевод ее, один из переводчиков с русского языка, и получил подобный этому отзыв.

Все переводы и переделки его сочинений, между прочим *Обрыва*, появившиеся в последние годы в печати на французском и других языках¹², сделаны не только без его, Гончарова, участия и разрешения, но даже и без его ведома.

И. Гончаров

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эпистолярное наследие И. А. Гончарова в отделе рукописей представлено 23 письмами к 13 адресатам. Основная часть рукописей Гончарова хранится в Пушкинском доме, где насчитывается, наряду с художественными произведениями, 703 письма.

² Алексеев Л. Д. *Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова*. М.: Л., 1960. С. 72—73, 80, 114—115, 234, 263, 273—274, 288.

³ Рус. мысль. 1895. № 2. С. 227—230 [письма к К. Д. Кавелину]; Гончаров И. А. *Собр. соч.* М., 1956. Т. 8. С. 235 [письмо к В. Г. Белинскому].

⁴ О нем см.: *Записки отдела рукописей*. М., 1990. Вып. 48. С. 189.

⁵ Шпицер С. И. А. Гончаров. Спб., 1912. С. 29.

⁶ Мазон А. Материалы для биографии и ха-

рактеристики И. А. Гончарова. Спб., 1912; Цейтлин А. Г. Гончаров И. А. М., 1950; Алексеев Л. Д. Указ. соч.

⁷ Публикации писем см.: Рус. ведомости. 1891. № 264. 25.X [к М. О. Ашкинази]; Заборова Р. Б. *Неизданные письма И. А. Гончарова* [в т. ч. В. А. Кордту. — Т. М.] // Тр. Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. Т. XI (14). С. 169; Переписка с П. Г. Ганзеным. 1878—1885 // Лит. арх. М.; Л., 1961. Т. VI.

⁸ Цит. по кн.: Алексеев Л. Д. Указ. соч. С. 273.

⁹ Цит. по кн.: Мазон А. Указ. соч. С. 91—92.

¹⁰ Местонахождение упомянутого Гончаровым письма Гинцбурга неизвестно; возможно, оно было в числе переписки, уничтоженной писателем в 1888 г. (рассказ жены слуги Гончаро-

ва А. И. Трейгулт о сожжении переписки приведен в кн.: Шпицер С. Указ. соч. С. 35).¹¹ Речь идет о переводчице Е. Гальперине. В 1887 г. в Париже вышел в свет сделанный им перевод на французский язык романа «Обыкновенная история» (Simple histoire. 2 vol. Trad. du russe par E. Halperine. Paris, 1887). Это был первый прижизненный перевод романа на французский язык. См.: Алексеев Л. Д. Указ. соч. С. 289.

¹² Автор имеет в виду издания переводов, вышедших в 1885—1886 гг.: на немецкий язык романа «Обыкновенная история», сделанный Еленой фон Эксе (Eine alltägliche Geschichte. Roman. Aus dem Russ übers. Non H. von Exe.

Mit einer Einleitung von W. Henckel. Stuttgart, 1885); на немецкий язык романа «Обломов», сделанный Г. Кехелем (Берлин, 1885); на французский язык романа «Обрыв», опубликованный М. О. Ашкинази под названием «La faute de la grande mere» в бельгийской газете (1885); сокращенный на французский язык романа «Обрыв», сделанный Э. Готи и опубликованный под названием «Нигилист Марк» (Marc le Nihiliste. Trad. du russe et adapté par E. Gothi. Paris, 1886); авторизованный на французский язык романа «Обломов», сделанный П. Артамовым и Ш. Деленом (Obliomoff. Trad. par P. Artamoff et Ch. Deulin. Paris, 1886).

В. А. Волков

Воспоминания Д. А. Милютина о секретном совещании 1873 г.

Любое сколько-нибудь серьезное исследование военных реформ 1860—1870-х гг. невозможно без изучения воспоминаний Д. А. Милютина, генерал-фельдмаршала русской армии, на протяжении 20 лет (с 1861 по 1881 г.) бывшего военным министром России. Исключительную важность этого источника подчеркнул П. А. Зайончковский, опубликовавший в 1952 г. фундаментальное исследование, посвященное коренной реорганизации русской военной системы, связанной с именем и деятельностью Д. А. Милютина¹. В своей работе он широко использовал текст воспоминаний, что отчасти компенсировало отсутствие полного печатного издания этого источника². Тем не менее, введение в научный оборот хранящихся в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки воспоминаний Д. А. Милютина (авторское название: «Мои старческие воспоминания за 1816—1873 гг.») позволило бы поднять изучение военных преобразований 1860—1870-х гг. в России на качественно новый уровень, чуждый абстрактному и схоластическому теоретизированию, отвечающий требованиям, предъявляемым сейчас к исторической науке.

Публикуемый здесь отрывок из воспоминаний Д. А. Милютина — это рассказ о секретном совещании 1873 г., посвященном дальнейшей реорганизации русской армии и подготовке ее к войне. На совещании противниками военного министра, группировавшимися вокруг генерал-фельдмаршала А. И. Барятинского и великих князей Михаила Николаевича и Николая Николаевича, была предпринята «решительная попытка... не допустить превращения русских вооруженных сил в современную буржуазную армию»³. Провал ее объяснялся не только и не столько личным влиянием Милютина на Александра II, сколько объективной необходимостью модернизации вооруженных сил и военного управления в России, а также мощной поддержкой, оказанной Милютину военно-бюрократическим аппаратом и общественным мнением, приветствовавшим реформаторскую деятельность военного министра⁴.

Работу над воспоминаниями Д. А. Милютин начал после своей вынужденной отставки, последовавшей 20 мая 1881 г. Однако, ряд наиболее важных записей, в том числе и публикуемых здесь, был сделан им раньше. В настоящее время установлено, что рассказ о секретном совещании 1873 г. был написан Милютиным сразу по окончании его заседаний и уже впоследствии включен в текст «Моих старческих воспоминаний»⁵. Сам Милютин называл этот рассказ «особой запиской» и, придавая ему исключительно важное значение, отмечал, что он составлен на основании сохранившихся у него заметок и официальных документов⁶. Текст публикуется в соответствии с правилами современной пунктуации и орфографии (с сохранением отдельных присущих автору их особенностей) по рукописи, хранящейся в ОР РГБ (Ф. 169, к. 11, ед. хр. 27, лл 1—9 об; ед. хр. 28, лл. 11—66 об; л. 67. — Пояснительная записка Милютина, завершающая его воспоминания).

¹ Зайончковский П. А. Военная реформа 1860—1870 годов в России. М., 1952. С. 366.

² См.: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д. А. Милютина. Т. I. Томск, 1919. Воспоминания были доведены до 1843 г. и включали в себя записи, связанные с началом его военной деятельности, службой в Гвардейском генеральном штабе и участием в войне на Кавказе. Небольшой отрывок из воспоминаний Д. А. Милютина о годах его учебы в Московском Университетском Благородном пансионе был опубликован в сб.: Лермонтов М. Ю. Статьи и материалы. М., 1939. С. 3—15.

(Лермонтов не только был знаком с Милютиным, но и сотрудничал с ним в рукописном журнале, редактором которого был автор воспоминаний).

³ Зайончковский П. А. Военные реформы Д. А. Милютина // Вопр. истории. 1945. № 2. С. 23.

⁴ Там же. С. 19—20.

⁵ Зайончковский П. А. Военная реформа 1860—1870 годов... С. 366.

⁶ Дневник Д. А. Милютина. 1873—1875. М., 1947. Т. I. С. 77.

Д. А. Милютин

Дела военного министерства в 1872 году. Начало 1873 года. (Из моих воспоминаний)

В непрерывном ходе предпринятых с 1861 г. преобразований и улучшений во всех частях нашего военного устройства, 1872 г. должен был составить переходный момент к новой серии важных задач, имевших целью наибольшее развитие военных сил России соответственно современным громадным вооружениям других государств Европы. В этом году, двенадцатом со вступления моего в должность Военного Министра, заканчивались обширные работы в обеих, учрежденных в 1870 г. комиссиях: одной — по составлению проекта Положения о всеобщей (вернее всесословной) воинской повинности и другой — по организации наших вооруженных сил, в видах наибольшего развития их в военное время.

Обе комиссии работали усердно уже третий год, частью в специальных подкомиссиях, частью в общих заседаниях, под председательством начальника Главного Штаба графа Ф. Л. Гейдена¹. Задачи той и другой комиссии были обширны и многосложны; по каждому вопросу высказывались мнения весьма разнообразные, часто противоположные; требовалось основательное и продолжительное обсуждение каждого разногласия прежде постановления окончательных заключений; а потому было бы не справедливо сетовать на то, что дело затянулось на такое продолжительное время.

Комиссия о воинской повинности, состоявшая из представителей почти всех министерств и ведомств, усиливалась еще переменными членами, которые приглашались в заседания в виде экспертов по известным вопросам. К лету 1872 г. не только основные начала предстоявшей важной реформы были обсуждены и установлены, но и все подробности разработаны на столько, что оставалось в течение второй половины года заняться составлением общего свода постановленных комиссиею заключений и редактированием самого законопроекта, для внесения установленным законодательным порядком в Государственный Совет.

Другая комиссия, называвшаяся обыкновенно «Организационною», и состоящая преимущественно из военных лиц, должна была подготовить и разработать массу материалов и предварительных расчетов, необходимых для разрешения основных вопросов будущей организации резервов. Каждый вопрос возбуждал продолжительные прения и вызывал самые противоположные мнения, которые не легко было сводить к общему заключению. При этом были даже затронуты некоторые из основных начал, данных комиссии в руководство при самом учреждении ее. У меня самого запало сомнение в рациональности некоторых из этих начал, так что еще в августе 1871 г. предложены были мною на обсуждение комиссии совершенно новые соображения с выгоднейшем способе решения задачи — увеличить наши силы в случае войны не прибегая к формированию новых частей*. Однако я тщательно избегал

* В записке 30 авг. 1871 г. изложено было следующее предположение: вместо того, чтобы формировать в военное время новые резерв-

ные войска, увеличить число пехотных дивизий в мирное время до 64, не включая гвардейских и гренадерских (т. е. на 24 дивизии бо-

вмешательства в суждения комиссии; только в особых случаях, по желанию самого председателя комиссии гр[афа] Гейдена, я назначал неофициальные совещания у себя на дому. В этих совещаниях принимали иногда участие и некоторые из находившихся в Петербурге или временно приезжавших строевых начальников. При содействии их составлен был наконец в Главном Штабе проект новой организации войск, обставленный самыми подробными расчетами и объяснительными соображениями.

Одновременно с занятиями обеих комиссий, предпринята была еще третья, не менее важная работа, необходимая для полноты и основательности разрешения сложной задачи — устройства наших военных сил. Работа эта состояла в разборе стратегического положения государства. С этой целью положено было первоначально составить частные обзоры театров войны по округам. К началу 1872 г. уже получены были такие обзоры Варшавского, Виленского и Киевского округов; ожидалась еще работа Одесского округа. Частные эти обзоры, в связи с работами комиссий, производивших осмотр крепостей и пунктов, избранных для новых инженерных сооружений, послужили богатым материалом для составления общего стратегического исследования всего западного пограничного пространства. Работа эта была поручена ген[ерал]-м[айору] Обручеву². О Кавказском же театре войны работа производилась в Тифлисе, под руководством великого князя Михаила Николаевича³.

С наступлением лета, когда Петербург обыкновенно пустеет и когда всякий, кто только может, старается вырваться из пыльного города, чтобы на чистом воздухе запастись новыми силами, работы комиссий, если не совсем остановились, то по крайней мере значительно затормозились. Однако ж в течение этого лета, не смотря на свои поездки в Крым и на суетливую жизнь во время Красносельских смотров и маневров, я успел окончательно пересмотреть корректуры протоколов обеих комиссий и работ Главного Штаба по организации войск. Это был не маловажный труд: плоды двухлетних коллективных занятий многочисленных сотрудников составили колоссальную массу. Осталось еще, из всей этой груды отдельных работ, составить общую сводку и дать окончательную редакцию, — что могло быть исполнено только осенью, когда снова съезжаются отсутствующие сотрудники.

18 июля, в день выезда Государя⁴ из Царского Села в Крым, при докладе моем в вагоне Николаевской железной дороги, я воспользовался удобным случаем, чтоб объяснить Его Величеству важность производимых в Военном Министерстве работ и тех вопросов, которые предстояло решить в исходе года. Я счел своею обязанностью обратить заранее внимание Государя на те новые пожертвования, которые потребуются от государства для приведения в исполнение предположений, основанных на общем убеждении в необходимости увеличить военные силы России, в виду грозных вооружений всей Европы. Неизбежно должен был стать на первый план вопрос финансовый, — в связи с

лее тогдашнего числа); половину дивизий — расположить в западных пограничных и Кавказском округах и содержать в усиленном составе, так чтобы в военное время доводить их до полного состава призывом людей исключительно из запаса ближайшей пограничной полосы; другую же половину дивизий, располо-

женную во внутренних округах, содержать в самом сокращенном, кадровом составе, со включением в него в мирное время всего контингента инородного населения, с тем, чтобы эти дивизии доводить до полного военного состава и исключительно призывом ближайших запасных людей внутренних округов.

высшими соображениями стратегии и политики, а за тем уже выступали специальные задачи самой организации армии и ее резервов. Решение столь важного дела, по моему мнению, не могло быть возложено на ответственность одного Военного Министра; оно требовало совместного обсуждения с другими министрами, и содействия их. Поэтому я предложил Государю мысль — призвать на совещание некоторых, им самих избранных лиц, пользующихся авторитетом в делах государственных и военных. Мысль эта была принята Государем весьма сочувственно; он приказал мне напомнить о ней осенью, по возвращении в Петербург.

Однако ж предположение о предстоявшем совещании разгласилось уже гораздо ранее. На пути в Берлин, Государь предварил о своем намерении фельдмаршала гр[афа] Берга⁵, встретившего Его Величество в Вержболове⁶, и поручил ему передать об этом и другому фельдмаршалу князю Барятинскому⁷. Позже, из Ливадии Государь написал о том же и великому князю Михаилу Николаевичу. Первоначально предпологалось съехаться для совещания в начале декабря; но потом оказалось невозможным подготовить к этому сроку все нужные для совещания данные. По возвращении в Петербург, в октябре, я увидел, что оставалось еще много работы по всем частям: по организации войск — только что отпечатанный проект Главного Штаба не был еще обсужден в общем собрании комиссии; к стратегической записке ген[ерал]-м[айор] Обручев только что приступал, по возвращении своем из-за границы. В то время к совещаниям Организационной комиссии были приглашены некоторые из командующих войсками в округах; ген[ерал]-ад[ъютант]ты Гильденштуббе⁸, Карцов⁹ и Дрентельн¹⁰; несколько позже приехали Хрущов¹¹, Потапов¹², Чертков¹³ и еще некоторые из строевых начальников.

С первых же заседаний общего собрания комиссии, большинство голосов выразилось в пользу проекта Главного Штаба; но предложены были и довольно существенные изменения, в особенности относительно резервных и запасных войск. Были поданы и некоторые отдельные мнения, совсем расходившиеся с проектом Главного Штаба. Пока шли эти прения, я старался держаться в нейтральном положении, так что самый доклад комиссии был составлен без личного моего заключения. Только по составлении этого доклада я нашел необходимым собрать у себя некоторых из главных лиц, участвовавших в прениях комиссии, чтобы придумать средства к устранению главного недостатка, заключавшегося, по моему мнению, как в проекте Главного Штаба, так и в докладе комиссии, — именно значительность новых расходов, вызываемых выработанными предположениями. С этою то целью и было тут предложено мною перейти от 5-ротного состава баталионов к 4-х ротному, — что и было принято, хотя не без споров. Также предложены были мною и некоторые другие изменения в предположениях комиссии о территориальном делении России в отношении комплектования войск, образования запасных и резервных частей и проч.

Все эти работы затянулись до начала нового года; а потому я должен был доложить Государю, что предположенные под личным Его Величества председательством общие совещания не могут начаться ранее половины января. По высочайшему повелению, об этом было сообщено мною (23 декабря) обоим фельдмаршалам и великому князю Михаилу Николаевичу, с приглашением приехать в Петербург к 10 или 12 января.

... Секретные совещания, под личным председательством Государя, для обсуждения основных начал будущего устройства военных сил России, предполагалось открыть в половине или конце января 1873 г. К этому времени готовились окончательные работы обеих комиссий: о воинской повинности и об организации войск, а также и стратегическая записка о местных условиях обороны государства. Приглашенный к совещанию оба фельдмаршала: гр[аф]Берг и кн[язь]Барятинский, а также как и главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич, получили Высочайшее повеление прибыть в Петербург к 10 или 12 января.

Еще гораздо ранее этого срока, в ноябре 1872 г. фельдмаршала гр[аф] Берг и великий князь Михаил Николаевич, предупрежденные Государем о предстоявшем совещании, требовали доставления им проектов, приготовлявшихся к обсуждению. Им был сообщен перечень предметов, — о которых предполагалось трактовать в совещании. Но великий князь Михаил Николаевич имел полную возможность, до приезда своего в Петербург, ознакомиться во всей подробности с подготовленными проектами: командированный им предварительно в Петербург полковник Генерального Штаба Духовской¹⁴ с некоторыми соображениями по Кавказскому краю, принял участие в самых работах Организационной комиссии: получив черновые проекты, он успел выехать навстречу великому князю, и на обратном с ним пути объяснил Его Высочеству сущность разработанных в комиссии и в Главном Штабе предположений. Великого князя сопровождал и начальник штаба Кавказского округа ген[ерал]-м[айор] Свистунов¹⁵, у которого вероятно тут же, в пути, и зародилась мысль о составлении контрпроекта.

Великий князь и оба фельдмаршала приехали в Петербург почти в одно время — 10 и 11 января. Последние двое даже в одном поезде. Немедленно же поехал я к ним в полной форме. В великом князе я не заметил ничего враждебного; но он весьма интересовался узнать вперед мои личные мнения по проекту организации военных сил и выразил мысль, что было бы неудобно, если б все участвующие в совещании явились с различными, несогласованными заранее мнениями и что такое разногласие поставило бы Государя в затруднение. На это я ответил, что Его Величество для того именно и собирает нас, чтобы выслушать все мнения и затем уже предоставить себе решить каждый вопрос; что поэтому, имея случай часто видеть Государя, я однако же до сих пор не считал себя в праве выражать пред ним мои личные мнения, пока Его Величество и все призванные им к совещанию не прочтут приготовленных материалов для предстоящих совещаний. После этого великий князь уже не заводил со мною разговора о каких-либо предварительных соглашениях.

Граф Берг, при первом нашем свидании, мало интересовался предстоявшими совещаниями; он только повторял, что по его мнению нет надобности ни в каких коренных изменениях теперешнего устройства войск и управлений, а следует только продолжать совершенствовать то, что уже существует, за тем он спешил обратить разговор на некоторые личные вопросы, более интересовавшие его, как например, об отправлении в Хивинскую экспедицию усыновленного им племянника и т. п. С другим фельдмаршалом — кн[язем] Барятинским свидание наше было очень коротко, церемонно и сухо. После нескольких вопросов о предстоявшем совещании, он спросил: будет ли оно поставлено в тес-

ные рамки заранее определенных предметов, или же дозволено будет членам возбуждать вопросы по своей инициативе. «Конечно, — сказал я, — будет программа совещания; но по всем вероятностям, Государь Император предоставит каждому из участвующих делать и свои предложения в интересах общего дела». — «Вот например, — продолжал он, — если я подниму вопрос о сокращениях в расходах по военному ведомству?» — «Без сомнения, — отвечал я, — всякое указание на возможность сокращения расходов будет принято с благодарностью; мне лично было бы весьма интересно узнать на каких именно предметах возможно ожидать сокращений, так как все вновь возбужденные вопросы вызывают, напротив того, увеличение расходов». — «Да вот например, — сказал он, — я намерен предложить упразднить военно-учебные заведения; зачем тратить несколько миллионов на эти заведения»... Я не счел нужным входить в дискуссии о таком странном предположении; он сказал только, что вероятно он переменит свое мнение, если даст себе труд собрать нужные данные. Тем разговор наш прекратился; я встал; он проводил меня до передней, — и после того я уже не был у него ни разу.

В первые дни по прибытии великого князя Михаила Николаевича и фельдмаршалов, внимание было отвлечено панихидами и погребением великой княгини Елены Павловны¹⁶; но потом, в ожидании открытия совещаний, начались толки о новых предположениях. К крайнему моему сожалению, работы Главного Штаба очень запоздали; не смотря на всю деятельность и напряжение сил усердных наших тружеников, прошло несколько недель, пока печаталась вся масса подготовленных работ. По мере отпечатания их, экземпляры рассылались членам совещания. Не знаю все ли они читали и серьезно обдумывали то, что было выработано в течении двух лет добросовестными трудами многих достойных деятелей; но последствия показали, что труды эти не были оценены по достоинству. Новые личности, никогда дотоле не занимавшиеся делом, нашли более легким импровизовать свои проекты.

Доходили до меня слухи, что великие князья Николай¹⁷ и Михаил Николаевичи и оба фельдмаршала сходятся для предварительных совещаний, на которые приглашаются и другие лица. Видимо что-то творилось втайне от меня. С великими князьями я виделся нередко; но они не поверяли мне своих предположений. Правда, великий князь Николай Николаевич раза два заговаривал о какой-то приготовляемой им записке, в которой, по его выражению, он «возьмется за дело с другого конца и приведет к каким-то неожиданным результатам»... Однако ж дни проходили, а пресловутая записка оставалась для меня тайною.

Холодность, видимо существовавшая между мной и великими князьями, сделалась еще заметнее вследствие случайных столкновений с ними по поводу разыгравшейся в это время неприятной истории в гвардейской конной артиллерии. Дело заключалось в том, что штабс-капитан Квитницкий имел неприятности со своими товарищами, которые решили выжить его из своей среды; ссора эта кончилась тем, что 26 ноября 1872 г. Квитницкий нанес удары обнаженной саблей полковнику Хлебникову¹⁸, за что и был предан суду. Петербургский Военно-окружной суд, после продолжительного разбирательства всех подробностей дела в заседаниях 8 и 9 февраля, приговорил подсудимого к лишению всех прав состояния, и к ссылке на поселение в Сибирь, но вместе с тем постановил ходатайствовать пред Государем Императором о *совершенном помиловании* Квитницкого; о неправильных же дейст-

виях командира Л[ейб]-Гв[ардии] Конно-артиллерийской бригады ген[ерал]-м[айора] Губского¹⁹ и десяти офицеров сообщить начальству для дальнейшего распоряжения на законном основании. Дело это подало повод к бесконечным толкам не только в военной среде, но и во всем Петербургском обществе. Мнения разделились; явились две противоположные партии: одни брали сторону Квитницкого и осуждали образ действий офицеров гвардейской конной артиллерии, другие горячо за них заступались. Раздражение, с которым высказывались оба эти взгляда на дело, отозвалось и на ходе судебного процесса и на последовавших за ним действиях и распоряжениях высших властей. Офицеры, неправильно привлеченные судом к делу шт[абс]-кап[итана] Квитницкого, не знаю почему, навлекли на себя какое-то озлобление со стороны обоих великих князей Николая²⁰ и Михаила Николаевичей. Вследствие их наговора, уже решено было Государем, вопреки всякой законности и справедливости, строго преследовать шестерых из числа лучших офицеров; уже дано было приказание перевести их теми же чинами не только в армию, но даже в отдаленные местные войска. Я счел долгом заступиться за этих офицеров и в присутствии обоих великих князей, докладывая об этом деле Государю, высказал всю несправедливость и незаконность предположенного решения. Государь приказал приостановить [его] исполнение до предстоящего рассмотрения дела кассационным порядком в Главном Военном суде. Кончилось тем, что Квитницкий был разжалован в рядовые (вскоре потом однако же прощен и служил в армейской кавалерии); ген[ерал]-м[айор] Губский уволен от должности, и некоторые из офицеров переведены в армейскую артиллерию или сами вышли в отставку. По случаю этой «истории» и сын мой²¹ был отчислен от гвардейской конной артиллерии в свиту и вскоре получил командировку в Закаспийский отряд, снаряжавшийся в то время в поход против Хивы.

В промежутках рассказанного эпизода, мне приходилось восставать против разных других несообразностей в действиях гвардейского начальства. В то же время, как нарочно, были еще некоторые мелкие случаи, пропущенные мною без внимания, но как узнал я впоследствии, усилившие неудовольствие великого князя Михаила Николаевича*...

Таким образом самую силою обстоятельств оба великих князя явились союзниками князю Барятинскому в предпринятой им решительной со мною борьбе. Граф Берг, как кажется, не сочувствовал этому триумвирату; но с обычной своею изворотливостью готов был при случае и подмогать заговору. К удивлению моему, впоследствии оказалось, что к нему привлечен был и добродушный А. П. Хрущов.

За спиной названных высоких особ, разумеется, работали второстепенные личности: Свистунов, гр[аф] Павел Шувалов²² и подчиненные их; князь же Барятинский взял себе орудием ядовитое и недоброе известное перо того же Фадеева²³, который уже стряпал для него панфлеты на Военное Министерство. Мало того, рядом с этою официаль-

* Ниже приводится отрывок, исключенный автором из основного текста воспоминаний: «... Свистунов, которого я считал прежде хорошим человеком, выказал себя слетником и интриганом. Несколько слов, переданных им от меня великому князю, вероятно в извращенном виде, задела самолюбие его. Только с этого времени я раскусил и Свистунова и са-

мого великого князя. Последний, при всей своей сдержанности и приличных формах, ревниво озабочен поддержанием своего великокняжеского достоинства и привык в Тифлисе играть роль царька. Вокруг такой личности, естественно, процветает сплетня и легко удаётся всякая интрига...»

ною работой шла за кулисами негласная агитация. Выступили разные темные личности, почему-либо злобствовавшие на Военное Министерство, считавшие себя обиженными или страдавшие неудовлетворенным честолюбием: так явился к услугам ген[ерал] Поливанов²⁴, один из прежних комиссариатских деятелей, некогда разжалованный по суду, а потом претендовавший на должность Главного интенданта; так выписан был князем Бярятинским из Варшавы опозорившийся в Крымскую войну ген[ерал] Затлер²⁵. Тут же, как говорили, копошились и Черняев²⁶, и Писаревский²⁷ и tutti quanti²⁸. Эта черная шайка рылась исподтишка в делах Военного Министерства, составляла для кн[язя] Бярятинского разные записки и в то же время печатала в «Русском мире»²⁹ и «Московских Ведомостях»³⁰ пасквили на Военное Министерство и лично на Военного Министра. Управление делами печати и Министерство Внутренних Дел, как уже не раз я упоминал, — смотрели сквозь пальцы на эти статьи, полные самой грубой лжи и клеветы, потрясавшие всякое уважение к военной администрации и колебавшие доверие к военной силе России. Опровергать все эти превратные толки было решительно невозможно и я держался твердо своей системы — не дозволять официальному органу Военного Министерства вступать в полемику с частными изданиями. Только раз я вынужден был в одном из январских номеров «Русского Инвалида»³¹ (21 числа № 16) поместить заметку в несколько строк с таким заключением: «Редакция „Русского Инвалида“ считает своею обязанностью предостеречь от невольного заблуждения тех читателей („Русского мира“), которые не имея возможности узнать настоящее дело и войти во все подробности специальных узаконений по той или другой части, нередко принимают слишком доверчиво резкие и неосновательные приговоры самозванных судей по таким вопросам, которые они сами не понимают, или к которым относятся с преднамеренно ложными толкованиями». Впрочем в «Голосе»³² и некоторых других газетах появились и опровержения статей «Русского мира» и «Московских Ведомостей», но цель интриги была уже достигнута: в публике произведено желанное впечатление; в клубах, в светских обществах, в офицерских кружках толковали о необходимости каких-то изменений в существовавшей системе; у каждого прапорщика, у каждого отжившего ветерана, готов был новый проект. Отголоски всех этих толков и сплетен, разумеется, не могли не проникать и в стены Зимнего Дворца.

Таким образом высокие советники Царские воспользовались досугом своим в течение нескольких недель, чтобы к открытию конференций возбудить и в общественном мнении, и в понятиях самого Государя, сомнение и недоверие к существовавшему военному устройству, ненавистному и для крупных и для мелких честолюбцев, готовых поставить все вверх дном для удовлетворения своих эгоистичных видов.

Только за два дня до открытия совещаний, именно 26 февраля, на утреннем съезде в Аничковском Дворце по случаю дня рождения Наследника Цесаревича³³, услышал я в первый раз о каком-то проекте великого князя Михаила Николаевича, предлагавшего всю пехоту переформировать в крупные дивизии по 6 полков в каждой при 4 батальонах в полку. Проект этот, как оказалось, впоследствии, был сочинен ген[ералом] Свистуновым. В тот же день мне случилось быть у Государя, который заговорил об этом проекте, и когда я начал было высказывать свое мнение о неудобствах предполагаемого состава дивизий, то он прервал меня словами: «Ну это надо еще обсудить».

Наконец, на 28 февраля, в среду назначено было первое заседание. Так как кн[язь] Барятинский сказывался больным и не мог будто бы ходить наверх, то местом заседаний избрана была так называемая «Готическая» зала на половине «Королевы Ольги Николаевны», то есть рядом с комнатами, занятыми кн[язем] Барятинским. В первых совещаниях участвовало до тридцати лиц: кроме пяти великих князей* и двух фельдмаршалов были приглашены Государственный канцлер кн[язь] Горчаков³⁶, ген[ерал]-ад[ъютант] гр[аф] С. Гр. Строганов³⁷ (специально по вопросам о железных дорогах), К. В. Чевкин³⁸, П. Н. Игнатьев³⁹, министры Рейтерн⁴⁰, гр[аф] Адлерберг⁴¹, Краббе⁴², гр[аф] Бобринский⁴³, Абаза⁴⁴, ген[ерал]-ад[ъютант] гр[аф] Шувалов⁴⁵; из командующих войсками в округах — ген[ерал]-ад[ъютант] Хрушов, Гильденштуббе, Карцов и Дрентельн; из состава Военного Министерства — ген[ерал] Непокойчицкий⁴⁶, ген[ерал]-ад[ъютант] гр[аф] Гейден, Тотлебен⁴⁷, Кауфман⁴⁸ Мих[аил] Петр[ович] и Мордвинов⁴⁹. Обязанности делопроизводителей были возложены на ген[ерала]-м[айора] Обручева и полк[овника] Величко. Пред длинным столом, поставленным во всю ширину зала, была вывешена на красивой стойке нарочно приготовленная для конференции карта России.

Государь открыл совещание объявлением своей воли, чтобы, во-первых, хранить в строгой тайне все, что будет говорить, и во-вторых, держаться программы, заранее отпечатанной и разосланной всем членам совещания. Первый вопрос поставлен был о том, достаточны ли нынешние наши вооруженные силы, и если необходимо увеличить их, то в какой зависимости должен быть поставлен этот вопрос от финансовых средств? — Лишь только этот вопрос был прочитан, первым поднял голос кн[язь] Барятинский, к удивлению многих; ибо известно было, что победитель Шамиля⁵⁰ охотнее разглагольствовал в дамском салоне, чем говорил о деле в официальном собрании. Общее удивление еще усилилось, когда услышали из уст нашего полководца самую нескладную, бестолковую выходку вообще против Военного Министерства. Путаясь и перемешивая предметы, он поспешил излить всю накопившуюся у него желчь. Тут услышали мы опять те же пошлые жалобы, которые уже были высказаны в записке, сочиненной Фадеевым несколько лет тому назад, а потом в его же статьях в «Русском мире»: и то, что чиновничество взяло верх над строевым элементом, и что полковые командиры хотя в прежнее время и пользовались от полков, были зато важнее, чем теперь, и что строевые начальники обременены отчетностью и формальностями и что нет высшей власти, к которой они могли бы обращаться в своих нуждах и жалобах, ... и проч. и проч. в том же роде. Хотя все это и не относилось вовсе к поставленному в программе вопросу, однако ж Государь имел терпение выслушать до конца, и только изредка перебивал оратора, когда он в своих филиппиках слишком уже удалялся от действительности. Собственно по первому вопросу программы кн[язь] Барятинский высказал только одно голословное и слишком смелое мнение, что для увеличения боевых сил России нет надобности увеличивать военный бюджет, а стоит только сократить лишние расходы, причем упомянул, что у него в руках несколько записок по этому предмету, поданных ему «опытными»

* Наследник Цесаревич, великие князья Владимир Александрович³⁴, Константин³⁵, Николай и Михаил Николаевичи.— Примеч. автора.

людьми и указывающих на возможность значительных сбережений. По мнению его, кн[язя] Барятинского, следовало бы рассмотреть этот вопрос в особой комиссии, составленной из лиц независимых от Военного Министра.

Все сказанное кн[язем] Барятинским было так неуместно, так сходно со статьями «Русского мира», что произвело на всех присутствовавших неприятное впечатление. Государь обратился к другим лицам, высявая их высказать свои мнения. Министр финансов сказал несколько слов в одинаковом смысле с поданною им предварительно Государю запискою, разосланною членам совещания. Записка эта клонила к тому, чтобы установить для Военного Министерства «нормальный» бюджет на том же основании, как уже было установлено для Морского Министерства. Затем ген[ерал]-ад[ъютант] Чевкин и кн[язь] А. М. Горчаков, по своему обыкновению, сочли нужным повторить урок Военному Министерству о необходимости бережливости. Гр[аф] Строганов высказал странную мысль, что нам не следует вовсе ничего предпринимать для усиления нашего военного положения потому будто бы что подобные меры более всего могут навлечь на нас вражду Европы. Не лучше было мнение ген[ерала] Игнатъева. После всех начал я говорить и, к счастью, промежуток времени после речи кн[язя] Барятинского был достаточен для того, чтобы я мог с полным спокойствием духа и хладнокровием опровергнуть главные из высказанных им неосновательных укоров настоящему военному управлению. По главному вопросу, финансовому, я старался успокоить тревожные опасения Министра Финансов, заявив прямо, что не вижу препятствий к исполнению предложения его о нормальном бюджете, при известных условиях, которые должны быть предварительно выяснены по соглашению между Министерством Финансов и военным [ведомством], при участии Государственного контролера. Все шло весьма благополучно, как вдруг Государь останавливает меня на какой-то фразе: «прости я перебыю тебя», — и начинает с гневом и горячностью осуждать образ действий тех, которые в своих нападках на все новые меры, принимаемые по военному ведомству, прибегают к газетной полемике и тем колеблют доверие к нашим военным силам в глазах Европы, так же как и [к] самой армии. . . Говоря это, Государь повернулся вполоборота к сидевшему рядом с ним справа князю Барятинскому. Эта вспышка явно относилась к нему; можно представить себе какое впечатление произвела она на всех присутствовавших и как поражен был сам кн[язь] Барятинский. После этого неожиданного эпизода я продолжал свое объяснение; Государь подтверждал и одобрял все, что мною высказывалось и предложенное мною заключение по первому вопросу программы было принято без возражения. Затем мы успели еще в том же заседании обсудить и второй вопрос — о крепостях; но эта часть совещания уже прошла сравнительно очень быстро и без споров.

Таким образом, первое заседание казалось победою для Военного Министерства и полным *fiasco* для кн[язя] Барятинского, ставшего сразу открытым моим противником. Как он сам, так и случайные союзники его повесили носы; но люди опытные из участвовавших в заседании тут же смекнули, что начало совещаний, столь удачное для Военного Министерства, не обещало успешного для него исхода; они предвещали неизбежный поворот ветра, для восстановления нарушенного равновесия.

На другой день заседания, 1 марта (четверг), когда я вошел к Государю с докладом, Его Величество заговорил о вчерашнем заседании

и выразился с неодобрением о неуместной выходке кн[язя] Барятинского. В этот день Государь не виделся с ним, по случаю отъезда Императрицы⁵¹ за границу, с великою княжной Марией Александровной⁵² и в сопровождении великого князя Владимира Александровича*. Свиту Ее Величества составляли генерал-адъютант кн[язь] В. Ив. Барятинский⁵³, фрейлина баронесса Пиллар⁵⁴ и доктор Боткин⁵⁵; при великой княжне состояли графиня А. А. Толстая⁵⁶, моя дочь⁵⁷ и А. П. Озеров⁵⁸. Государь проводил Императрицу до Гатчины и весь следующий день (пятницу) оставался на охоте. В Петербург возвратился он лишь вечером, и можно полагать, что в этот же вечер имел объяснение с кн[язем] Барятинским, так как в субботу, 3 марта, когда я пришел с обычным своим докладом, Государь уже отзывался о князе Барятинском совсем иначе, чем за день прежде. — «Барятинский, — сказал он, — не имеет никакой личности против тебя; он также уважает и любит тебя, как в прежнее время; но он считает долгом своим высказывать мне откровенно свои убеждения»... — «Считает ли он также своим долгом, — ответил я, — проводить свои убеждения посредством таких орудий, каковы Фадеев и редакция „Русского мира“?» — «Он обещал мне — возразил Государь — впредь не пускать к себе Фадеева и не иметь с ним никаких сношений»... (Увидим как он оправдал это обещание). Затем когда я прочел проект протокола первого заседания, Государь, одобрив редакцию его, остановился лишь на последних строках заключения по первому вопросу, именно — где было выражено (в угоду тому же кн[язю] Барятинскому и отчасти К. В. Чевкину), что независимо от всяких других предположений относительно будущего распределения сумм, ассигнуемых Военному Министерству нормальными сметой, оно поставит себе в обязанность изыскать средства к возможным сокращениям в разных статьях военных расходов, дабы сбережения эти обратить на новые расходы, вызываемые необходимостью увеличения боевых сил России. Тут Государь приказал сделать изменение в том смысле, что изыскание указанных сокращений должно быть возложено на особую комиссию из лиц, по непосредственному Высочайшему назначению. Государь не скрывал, что такое изменение в редакции протокола он желал сделать в угоду кн[язю] Барятинскому, при чем прочел мне представленную им небольшую заметку, в которой была формулирована цель означенной комиссии: «для рассмотрения некоторых имеющихся в виду записок, указывающих возможность значительных сокращений в нынешних расходах Военного Министерства»,.. и т. д. — так по крайней мере мне помнится.

В тот же день, в субботу, 3 марта, происходило второе заседание. Присутствовали те же лица, что и в первом, за исключением великого князя Владимира Александровича и Государственного канцлера. При чтении протокола первого заседания, когда дошло до назначения комиссии Государь обратился к К. В. Чевкину и выразил свое намерение возложить на него председательство в этой комиссии. Но Чевкин уклонился от такого поручения, под предлогом уже лежавших на нем больших занятий, прибавив, что готов помогать комиссии своим содействием. Государь, с заметным неудовольствием, сказал отрывисто, что даст впоследствии приказания относительно состава комиссии. Затем все заседание прошло совершенно спокойно: рассуждали о железных доро-

* Императрица прибыла благополучно 10 марта в Неаполь, и оттуда немедленно переехала в Соренто. Великий кн[язь] Владимир Алек-

сандрович возвратился в Петербург 1 апреля. — Примеч. автора.

гах, нужных для военных целей, — что составляло предмет третьего вопроса программы. Тут опять гр[аф] С. Г. Строганов отпустил какой-то парадокс, на который никто не обратил особенного внимания. Большая часть соображений Военного Министерства прошла без возражений; только Чевкин, по своему обыкновению, несколько поворчал против предположенных Кавказских железных дорог, за которые горячо стоял великий князь Михаил Николаевич.

В следующий вторник, 6 марта (день моего доклада), Государь объявил мне, что председательство в предположенной Финансовой комиссии возлагает на самого князя Барятинского, а членами назначает: с одной стороны, в качестве независимых от Военного Министерства судей — Чевкина, П. Н. Игнатьева, Грейга⁵⁹, гр[афа] Баранова⁶⁰; с другой, в качестве представителей военных — генералов Хрушова, Дрентельна, светлейшего князя Голицына⁶¹ (начальника Гвардейской Кирасирской дивизии) и двух начальников окружных штабов — гр[афа] Павла Шувалова и Свистунова. Состав этот удивил меня; трудно было придумать более странной выбор. Князь Барятинский, который никогда не имел понятия ни о каком хозяйстве, даже собственном своем, не знал счета денег даже в собственном кармане, не знакомый вовсе с порядками административными и финансовыми, — вдруг является судьей обширного, в 160 миллионов рублей хозяйства Военного Министерства! Он будет отыскивать средства для сбережения Государственных финансов! — И кто же адвокаты Военного Министерства? — Люди никогда не видевшие в глаза сметы Военного Министерства! — Впоследствии назначен был, по желанию кн[язя] Барятинского, и такой же делопроизводитель — ген[ерал]-м[айор] Яковлев⁶², делопроизводитель Главного Комитета по устройству и образованию войск, знавший хорошо внутреннее полковое хозяйство, но совершенно чуждый делам сметным и финансовым.

Я не возражал Государю относительно выбора лиц, но позволил себе выразить сомнение в том, что подобная комиссия достигнет какого-либо серьезного результата. — «Пусть же те, которые говорят о возможности сокращений, и укажут на чем именно действительно могут быть сделаны эти сокращения», — сказал мне Государь. — «Конечно, — подумал я, — если цель учреждения комиссии заключается лишь в том, чтобы вывести на чистую воду легкомысленных говорунов, то всего лучше и возложить председательство на того самого, кто с такою запальчивостью и самоуверенностью провозгласил возможность крупных сбережений в расходах военного ведомства».

Два дня спустя, 8 марта (четверг), происходило третье заседание. Сверх прежних лиц, призван был к участию на этот раз Министр Внутренних Дел ген[ерал]-ад[ъютант] Тимашев⁶³, на том основании, что в 4 пункте программы, подлежащем обсуждению, шло дело об установлении военно-конской повинности, о казарменном размещении войск, о мерах к ускорению мобилизации войск и т. д. — В этом заседании произнес довольно длинную речь гр[аф] Петр Шувалов, возбудивший вопрос о распределении отпускных нижних чинов при мобилизации армии. По его мнению, для ускорения мобилизации, следует, не стесняясь национальностями, пополнять каждую часть войск до военного состава теми людьми запаса, которые находятся в самих местах расположения частей. В противоположность этому заявлению шефа жандармов, прочел свое мнение ген[ерал]-ад[ъютант] П. Н. Игнатьев, который доказывал что не следует комплектовать части войск из одних и

тех же местностей. Вообще говорено было много, но толку мало. Высокие особы, непривычные к коллегиальным формам, видимо начинали тяготиться рамками программы; вопросы перебивались; но все-таки результат этого третьего заседания был благоприятный; в протокол можно было внести по каждому пункту заключение, согласное со смыслом представленных от Военного Министерства соображений.

В городе же заговорили, что конференции идут с блестящим успехом для Военного Министерства; находили только странным назначение комиссии под председательством князя] Барятинского. Но рядом с официальными заседаниями в «Готической» зале Зимнего Дворца, в соседних же покоях, продолжалась закулисная работа, с помощью прежней подпольной клики. Фадеев по-прежнему бывал ежедневно по вечерам у князя] Барятинского. В редакции «Русского мира» продолжалось сочинение пасквилей и клевет. Государю подсовывали разные записки и мнения, то рукописные, то печатные. Членам совещания разослана была печатная записка ген[ерала] Свистунова, под фирмою великого князя Михаила Николаевича, о придуманной ими чудовищной организации пехотных дивизий и разделении всех военных сил России на четыре армии. В записках, печатавшихся под именем другого великого князя — Николая Николаевича, также проводились разные неудобноисполнимые затеи. Каждому хотелось предложить что-нибудь свое, дабы пошатнуть общими силами существовавшее здание.

Заговор против Военного Министерства чуть было не достиг своей цели. 9 марта, в пятницу, Государь, по обыкновению своему, был на охоте. На другой день утром, когда я вошел к нему с докладом, он сейчас же заговорил о предстоявшем в тот день заседании и выразил намерение обойти 5 пункт программы (о расчете сроков службы и ежегодного контингента новобранцев), а прямо перейти к [обсуждению] организации войск. При этом Государь вынул из ящика своего письменного стола несколько листков, исписанных им собственноручно карандашом. «Вчера, на досуге, после охоты, — сказал он, — я набросал свои мысли о новой организации армии, и хотя я не читал записки Михаила Николаевича, но оказалось, что мы с ним сошлись в мнениях»... Затем Государь прочел мне свою записку. Действительно она была совершенно сходна с предложением великого князя; но сверх того, в ней заключалось еще многое, что было бы уже вовсе неудобноисполнимо. Тут я увидел, что Государь вполне усвоил себе мысль о шестиполковых дивизиях и я понял, почему за несколько дней пред тем он так неохотно принял мои возражения на это предположение. И теперь я был поставлен в невозможность возражать. Государь объявил мне намерение предъявить прочитанную записку в заседании. Я позволил себе заметить, что в этой записке заключается уже полная, законченная организация, и следовательно, вместо предполагавшегося последовательного обсуждения отдельных вопросов, поставленных в программе, придется говорить обо всем разом, или вернее, нечего будет и говорить, потому что с прочтением собственного Его Величества предположения, всякое дальнейшее обсуждение предмета делается излишним и невозможным.

Доводы эти не подействовали. Когда вслед за тем мы собрались в заседание (10 марта, суббота), с первого же приступа я понял, что начатое так систематически дело вырвано из моих рук. Пока речь шла о вопросах стратегии и высшей политики, прения сдерживались в указанных рамках; но коль скоро сошли на почву более знакомую

большей части членов совещания, удержать систему и порядок уже оказалось невозможным. Тут каждый считал себя компетентным, и лишь только Государь сказал, что находит нужным, обойдя вопрос пятый, перейти прямо к шестому, — несколькими голосами заявлено было, что и шестой вопрос нельзя рассматривать отдельно, а следует слить с последующими вопросами. Затем началось чтение разных приготовленных записок, в которых говорилось обо всем разом. Но заметнее всех вышла записка ген[ерала] Хрущова, в которой прямо предлагалось, вместо нашего разделения на военные округа, образовать из всех войск Европейской России четыре армии: Петербургскую — расположенную от Ботнического залива до Немана; Варшавскую — в Царстве Польском и в Губерниях Гродненской, Минской и Могилевской; Киевскую — в районах Киевского и Одесского округов, и наконец Московскую — в остальных трех внутренних округах. Подобные чудовищные проекты выслушивались с выражением сочувствия; те, которые не участвовали в сочинении этих фантастических проектов, не имели возможности поднять голос. Сам Государь, не выждав, чтобы высказались все мнения, поспешил прочесть и *свою* записку. Оба фельдмаршала и великие князья только поддакивали и когда чтение кончилось, выразили приятное удивление такому *случайному* совпадению мнений. . . Тогда Государь передал мне свою записку со словами: «Так прикажи на этих основаниях сделать все нужные расчеты», — и затем завел речь о предположениях, высказанных пред тем относительно замены Военных округов учреждением четырех больших армий. После нескольких слов кн[язя] Барятинского и Хрущова, Государь, не дав говорить ни Карцову, ни Дрентельну, ни другим, опять обратился ко мне: «Так и этот вопрос *надобно сообразить*». — До этого времени я все молчал; но сознаюсь, в душе у меня кипело: слышать в продолжение трех часов столько неисполнимых и несообразных предположений, столько несправедливых порицаний всей существовавшей системы, выработанной двенадцатилетними трудами, и не иметь даже возможности вставить свое слово — было такую пытку, что не хватило у меня сил сохранить до конца спокойствие и хладнокровие. В немногих словах я высказал, что прочитанные предположения составляют полное ниспровержение всей существующей у нас системы военной администрации; что уничтожение военных округов будет возвращением к прежней неурядице, к прежним комиссариатским и провиантским злоупотреблениям, и проч. и проч. — Все это высказано было горячо и резко, и в заключение вырвалась такая фраза: «Как бы то ни было, но предлагается ныне такое коренное преобразование, которое выработать и привести в исполнение я не чувствую себя в силах!» . .

Неуместная (сознаюсь в том) вспышка моя озадачила всех присутствовавших. Вскоре заседание было прекращено, и мы разошлись под тяжелым впечатлением. Многие из друзей моих упрекали меня в горячности; они были правы вполне; но я пришел домой с твердым намерением бросить должность и службу. Редко в жизни своей я был так взбешен и взволнован. Однако ж я имел еще силу преодолеть в себе негодование и к 6 часам приехать снова во Дворец к обеду, данному в тот день по случаю [дня] рождения Императора Германского Вильгельма.

После парадного обеда в «Белом зале», когда по обыкновению все приглашенные стояли кучками в «Золотой гостиной», Государь отыскал меня в толпе, взял за руку, отвел немного в сторону, и нагнувшись

на ухо, сказал мне кротким и мягким тоном: «Как не стыдно было тебе рассердиться! Приходи ко мне завтра утром, часу в одиннадцатом».

В воскресенье, 11 марта, в назначенный час, прихожу к Государю. Он дает мне руку, обнимает меня и смущенным голосом говорит: «Зачем ты принял так к сердцу то, что вчера говорилось? — мало ли какие приходится слушать несообразности. Ты сам же вызвал эти совещания... Сядем... Хотя я был тронут добродушием и кротостью Государя, однако ж решился высказать все, что было у меня на душе...» Ваше Величество, я далеко от того, чтобы считать свои мнения непреложными, и отношусь с уважением к чужим мнениям и убеждениям. Но вчера я был глубоко огорчен не мнениями, высказанными тем или другим из членов совещания, — а тем, что увидел перемену в Ваших видах. — Вот двенадцать лет, что я работаю над преобразованием, начатым по плану, Вами одобренному; до сих пор Ваше Величество постоянно поддерживали во мне бодрость и энергию, которые были необходимы для такой тяжелой работы, для борьбы с бесчисленными препятствиями и с личными противниками. Казалось дело шло хорошо; Вы были постоянно довольны; и действительно, могу смело сказать, что оно идет даже лучше, чем я сам ожидал, приступая к реформе... Теперь же вдруг, без всякой видимой причины, все должно разом рушиться; созданную с такими трудами систему — надобно переделывать заново. Стало быть, все что выработывалось в течении двенадцати лет — оказывается ошибочным!... Если так, если Ваше Величество убедились в необходимости изменить вновь систему и выработать что-нибудь новое, — то конечно, воля Ваша; армия Ваша; от Вас зависит решить вопрос. Но для того, чтобы снова приняться за многолетнюю работу, чтобы переделать все существующее и создать новое — нужен свежий человек, который провел бы дело по своему убеждению и поддерживаемый полным доверием Вашим. Я же взяться за такую работу не в силах. Вчера эта фраза вырвалась у меня невольно; я прошу простить мне эту неуместную вспышку; но теперь, я должен повторить это с полным сознанием; я обязан Вашему Величеству прямо высказать что не могу взять на себя новую работу на несколько лет, истощив свою энергию на бесплодную борьбу, не имея уже поддержки в Вашем доверии, и притом, работать наперекор собственным своим убеждениям. Вашему Величеству и необходимо назначить вместо меня другого человека, который был бы в состоянии выполнить Вашу волю, а пока я на этом месте — Вы не будете иметь спокойствия...» Я был так взволнован, что не мог более продолжать. Государь начал успокаивать меня, говоря, что вовсе не имеет в виду и в чем-либо колебать введенную моими трудами систему военного управления; что военные округа идут так хорошо, как только можно желать; что теперь дело идет лишь об организации войск. «Но разве организация войск не составляет существеннейшей части всего военного устройства Государства? С организацией войск связаны все распоряжения Военного Министерства до последних подробностей. Особенно в настоящее время, когда предстоит вводить новый закон о военной повинности, придется принимать целый ряд мер административных в самих войсках. Я не вижу возможности успешно вести такое трудное дело при глубоком убеждении в неправильности предположенной новой организации войск, и потому повторяю, Государь, убедительнейшую просьбу уволить меня от настоящей должности... «Как ты можешь настаивать на этом? — уйти тебе теперь — значит добро-

вольно отступить. Vous donnerez gain de cause a vos ennemis»⁶⁴. «В таком случае позвольте надеяться, что Ваше Величество отпустите меня когда изволите признать удобным; хотя бы к лету, чтобы отдохнуть». . . Тут Государь встал, снова обнял меня и сказал: «Ну оставим до другого раза». — Ему пора было идти к обедне.

Я вышел из Государева кабинета весьма смущенный. В тот же день после развода я должен был еще выдержать сцену у великого князя Михаила Николаевича с великим князем Николаем Николаевичем, опять по делу гвардейской конной артиллерии. Его Высочество настаивал, чтобы тех из офицеров, которые действовали настойчивее против шт[абс]-кап[итана] Квитницкого, наказать строже, переводом в армию теми же чинами. Оба графа Шувалова хлопотали о том, чтобы предупредить возможность дуэлей, (которых никто и не замышлял). Однако ж после горячих споров, мне удалось уговорить обоих великих князей предоставить офицерам самим подать в отставку.

При докладе моем в следующий вторник (13 марта), Государь принял меня совершенно также, как всегда, без малейшего следа бывших так недавно тяжелых объяснений. Правда, доклад происходил в присутствии Наследника Цесаревича. По окончании доклада Государь заговорил опять о проекте новой организации войск и передал мне составленное им самим (как кажется, с помощью гр[афа] А. В. Адлерберга) расписание полков по новым дивизиям, а дивизий по округам. Мне тяжело было слушать эти фантазии, последствием которых могла быть бесполезная ломка, даже расстройство армии и множество практических затруднений. Государь говорил о новом составе пехотных и кавалерийских дивизий, как о деле решенном и потому я не возражал, а только доложил, что в Главном Штабе составляются, на основании данного Его Величества указания, подробные расчеты, которые и будут представлены через несколько дней.

Расчеты эти были представлены мною в субботу, 17 марта. Они были составлены полковником Величко весьма наглядно, так что Государь дал себе труд внимательно пересмотреть все цифры. Результат видимо озадачил его: около 13 миллионов нового ежегодного расхода и совершенная невозможность правильного укомплектования людьми запаса всех намеченных в проекте частей резервных и запасных. Государь выразил удивление, почему эти цифры не сходятся с теми, которые были представлены великим князем Михаилом Николаевичем (то есть Свистуновым). Оставив у себя расчеты, Государь сказал, что придется вероятно уменьшить предположенное в проекте число дивизий. Я попробовал высказать мое мнение о невыгодах предположенной организации. Государь сознался, что остановился на мысли о крупных дивизиях в тех видах, чтобы не учреждая в мирное время корпусов, иметь однако же в случае войны готовый кадр для образования корпусных управлений. По мнению Его Величества, приходилось бы только обратить дивизионный штаб в корпусной, а бригадные — в дивизионные. Несмотря на мои доводы против такого непрактичного предположения, Государь остался при своем мнении. Присутствовавший при докладе моем Наследник Цесаревич не скрывал, что также не разделяет моих убеждений.

Однако ж представленные мною расчеты произвели тревогу в противном лагере. Ген[ерал] Свистунов прибегал в Главный Штаб справляться и доискиваться причины нежданного для него опровержения

тех данных, на которых был построен его проект. Государь предположил собрать нас у себя на неделе, чтобы разъяснить недоразумение.

Между тем кн[язь] Барятинский со своею подпольною артелью деятельно принялся за возложенную на него непосильную задачу. Он потребовал из Военного Министерства разные справки и сведения, и в том числе много таких, которые не имели вовсе отношения к цели назначенной под его председательством комиссии. 20 марта получил я от него письмо, в котором он требовал копии с контрактов, заключенных в течении десяти лет по всем долгосрочным поставкам интендантского ведомства. В тот же день в номере «Русского мира» явилась злобная статья о так называемом «фейгинском деле», то есть о договоре, заключенном несколько лет назад с Фейгиным⁶⁵ на поставку и перемол провианта в Петербурге, сроком на девять лет. Поставка эта уже не раз возбуждала толки совершенно неосновательные. Но совпадение статьи «Русского мира» с требованием кн[язя] Барятинского указывало в какую сторону направилась интрига: вздумали задеть Военное Министерство и со стороны законности и честности в его хозяйственных действиях. И кто же является уличителями? — Те именно, которые и при прежних порядках комиссариатских и провиантских оказались нечистыми на руку и прошли через разжалование по суду. Кто руководил этими расследованиями сложных дел подрядных Военного Министерства? — Человек, не имеющий ни малейшего понятия о каких бы то ни было делах хозяйства и администрации. . .

Я решился снова объясниться с Государем. 22 марта, в четверг пользуясь тем, что случилось быть глаз на глаз с Его Величеством, пока не вошли в кабинет великие князья, я спросил: с какою целью назначена комиссия под председательством кн[язя] Барятинского: с тою ли исключительно, которая была заявлена гласно, или с какою либо другою, по особому Высочайшему указанию? Государь категорически ответил, что никакой другой цели нет, кроме указания возможных сокращений в военной смете. «В таком случае, — сказал я, — для чего же кн[язь] Барятинский требует такие сведения, которые могут быть нужны разве только для ревизии Министерства? — Кажется мне, что оно не подало повода к тому, чтобы проверить его действия особою комиссией». При этом я указал на совпадение означенного требования кн[язя] Барятинского с появлением статьи в «Русском мире»; упомянул о толках, которые уже ходят в городе, будто кн[язю] Барятинскому поручена ревизия Министерства, и проч. К удивлению моему, Государь не находил вовсе странным образ действий кн[язя] Барятинского; выражал ту мысль, что надобно предоставить ему пользоваться не стесняясь всеми материалами для разрешения возложенной на него задачи. Когда я возразил, что роясь в старых делах и разбирая заключенные давно контракты, он никак не найдет того что от него ожидается, а только производит, самое вредное влияние на все Министерство и подкрепляет городские сплетни; притом заметил я, — такая работа может протянуться целые годы. «Ну так что же? — ответил Государь, — пусть работает годы. Чего же тебе бояться? Для тебя же лучше чтобы дело разъяснилось и пререкания прекратились». «Помилуйте, Государь, — сказал я, — да разве возможно управлять Министерством целые годы при такой обстановке? Разве дела могут идти, когда все Министерство смущено и взволновано? Я должен доложить Вашему Величеству, что пока будет так продолжаться — все дела останутся». — «Почему же? Все должно идти своим порядком». — «Но это решительно невоз-

можно; все мои подчиненные поставлены в невыносимое положение; я сам не могу спать по ночам». . . — «А разве ты думаешь, что я сплю спокойно; я сам нахожусь в таком же нервном состоянии». — «Государь, да что же Вас побуждает к тому? — Разве в самом деле действия Военного Министерства возбудили в Вашем Величестве какие-либо сомнения? — Разве оно подало повод к подозрениям?». . Тут Государь прервал меня и дрожащим голосом сказал: «Ты знаешь какое я имею к тебе доверие; ты не можешь в этом сомневаться. Я дам свою руку на отсечение за твою честность. Но разве ты можешь отвечать за всех твоих подчиненных? Например, хоть бы это дело Фейгина: оно уже и прежде возбуждало толки. Вот и в отчете Государственного контролера, который теперь читаю, нахожу также некоторые замечания на хозяйственные распоряжения по Военному Министерству». . . Эти слова еще больше огорчили меня, чем все предшествовавшее. Я опровергал наветы и нарекания на интендантское ведомство, и в особенности в том, что касалось дела Фейгина; объяснял значение контрольных отчетов; старался обратить внимание Государя на то, что нападки такого рода падают не на личности каких-нибудь чиновников, а на целые учреждения, каков например Военный совет, в котором дела обсуждаются коллегиально и которого решения, постановляемые иногда после продолжительных прений, освящаются даже Высочайшим утверждением. И подобные-то решения теперь подвергаются разбору каких же судей? . . — «Какой же может быть результат, ожидаемый Вашим Величеством от комиссии кн[язя] Барятинского? — Положим, что она, проработав, как Вы сами изволили выразиться, целые годы, предоставит Вам осуждение распоряжений Военного Министерства; разве чрез это достигнется возможность желаемого сокращения расходов? Разве мнения, написанные людьми, подобными Фадееву, Поливанову, Затлеру и проч. должны в глазах Вашего Величества иметь более авторитета, чем мнения лиц, поставленных Вами для ведения дела и работающих над ним многие годы, в порядке, законом указанном? Разве. . . »

Но я должен был замолчать на середине фразы; вошли великие князь, и я, едва скрывая свое волнение, обратился к чтению заготовленного на тот день приказа и к докладу текущих дел. По окончании же доклада, мы перешли в соседнюю с кабинетом комнату, для обсуждения снова возникших недоразумений в расчетах по вопросу об организации войск.

В совещании этом участвовали, кроме Наследника Цесаревича и великих князей Николая и Михаила Николаевичей, гр[аф] А. В. Адлерберг, гр[аф] Гейден, гр[аф] Павел Шувалов и Свистунов. Мы принялись за разъяснение расчетов полковника Величко. Не трудно было выяснить, почему эти расчеты вышли совершенно иные, чем те, на которых был основан проект Свистунова. Великий князь Михаил Николаевич должен был сознаться, что многое в этом деле было им упущено из виду; о многом он услышал теперь только в первый раз. Государь убедился в безусловной необходимости отступить от тех рамок, которые были им самим проектированы для нового состава армии. Он передал мне все расчеты и таблицы, чтобы в Главном Штабе разработать проект в тех размерах, в каких окажется возможным по нашим ближайшим расчетам. В сущности однако же дело не изменилось: приходилось все таки разрабатывать проект, представлявший весьма важные невыгоды.

Возвратившись домой, я не мог приняться ни за какое дело; послал за ген[ерал]-ад[ъютантом] Кауфманом и просил его немедленно составить краткую объяснительную записку о деле Фейгина. Также просил ген[ерала] Обручева ускорить доставлением мне записки, весьма искусно им составленной в опровержение предложения о разделении всех военных сил России на четыре армии, и прочих фантазий; сам же принялся сочинять письмо к Государю, чтобы окончательно просить увольнения от должности, или даже совсем в отставку. Письмо было сочинено, переписано, и я намеревался отправить его на другой день с утренним докладом. (Это была пятница, — день, в который не было у меня личного доклада). Одно только соображение ставило меня в раздумье; мне хотелось прежде представить записку ген[ерала] Обручева и другую, составленную полковником Лобко⁶⁶ о невыгодах слишком крупных дивизий и полков, а также трехшереножного строя, к которому предполагалось возвратиться.

Соображение это, подкрепленное убеждениями некоторых друзей, взяло верх. 23 марта, я послал Государю записки Обручева и Лобко и приостановил отправление заготовленного письма. В тот же день я должен был ехать на Обуховский сталелитейный завод в числе многих других лиц, приглашенных туда по случаю посещения завода Государем. Там при встрече со мною, Его Величество обошелся с обычной своею приветливостью; но я все таки считал намерение свое выйти в отставку только отложенным. Вечером того же дня великий князь Михаил Николаевич пригласил к себе полковника Величко для личного объяснения составленных в Главном Штабе расчетов и соображений. При этом присутствовали генералы Карцов, Дрентельн, разумеется и Свистунов.

На другой день, 24 марта, в субботу, к концу моего доклада собрались в Государевом кабинете, кроме Наследника Цесаревича и оба великих князя Николай и Михаил Николаевичи. Государь объявил, что пригласил их для того, чтобы еще раз переговорить о предположенной организации армии. Тут в первый раз я был *вызван* на объяснение моих возражений против системы, считавшейся уже решенною. Разумеется, я высказал все свои аргументы, чтобы объяснить существующую разницу в значении различных более или менее крупных единиц в организации войск: корпусов, дивизий, бригад; неправильность предположения о превращении, при мобилизации армии, дивизионных начальников в корпусных, а бригадных в дивизионных; в заключение я прибавил, что в случае, если уже признать необходимость приготовления в мирное время инстанции корпусного командира, то лучше прямо ввести эту инстанцию в постоянную организацию армии, чем под другим именем, устраивая для того основную военно-административную и строевую единицу — дивизию. Последние эти слова мои послужили как бы развязкою гордиева узла. Государь видимо обрадовался, открыв выход из запутанного положения. Заметно было, что он и вызвал меня на объяснения с тем именно, чтобы отступить от прежнего решения. К чести великого князя Михаила Николаевича должен сказать, что и он не отстаивал вовсе своего проекта; напротив того, он присоединился ко мне, чтобы объяснить невыгоды некоторых других предположений Государя, как например, образования резервных частей в самом составе дивизий, бригад и полков.

Дело приняло вдруг совершенно неожиданный для меня оборот. Решено было не изменять существовавшего числа и состава дивизий;

только полкам дать четырех батальонный состав, по четыре роты в батальоне, с сохранением двухшереножного строя. Затем принята была сделанная мною уступка относительно восстановления бригадных командиров и образования корпусов. На этих основаниях поручено было мне составить новое предположение, для окончательного обсуждения которого собрать совещание; — «надеюсь в последний раз», — прибавил Государь.

Казалось, мы пришли к полному соглашению; оставалась однако же темная точка на горизонте — вопрос об отношении будущих корпусных командиров к командующим войсками в округах. Хотя с первого же раза я высказался, что не вижу тут даже вопроса; что без всякого сомнения корпусные командиры в каждом округе должны быть вполне подчинены главному начальнику округа, какой бы титул он ни имел: главнокомандующего или просто командующего войсками, — однако ж я заметил, что в понятиях великих князей дело представлялось как-то под иным углом зрения. Кроме того, при последних совещаниях коснулись *мимоходом* и вопроса о сроке действительной службы солдат. Важный вопрос этот подлежал еще обсуждению не только в секретном совещании, но и в Государственном совете (в связи с положением о воинской повинности); однако ж мнение Государя по этому предмету уже так сложилось, что было бы напрасно возбуждать споры. Надобно было признать решенным, что законный срок действительной службы для всех вообще нижних чинов — одинаковый шестилетний, с допущением в пехотных войсках увольнения рядовых и ранее этого обязательного срока, лишь в виде распоряжения административного.

25 марта, в воскресенье, на церковном параде Л[ейб]-Г[вардии] Конного полка и на обеде во Дворце, великие князья относились ко мне с особенной холодностью; сам Государь, как все замечали, был не в духе, что приписывали городские толки тому, что будто бы утром великие князья (а быть может и кн[язь] Бярятинский) попробовали опять сделать приступ, чтобы провести какие-то свои идеи.

На другой день, в понедельник, Государь потребовал меня во Дворец, ко времени доклада великого князя Константина Николаевича по Морскому ведомству. Цель состояла в том, чтобы условиться в каком смысле, при предстоявшем рассмотрении в Государственном совете закона о воинской повинности, вести вопрос о сроках службы. Спора не было и Государь был вообще любезен. В тот же день у меня происходило совещание с командующими войсками в округах (Гильденштуббе, Карцов и Дрентельн), которых я пригласил к обеду. После обеда, заехал ко мне ген[ерал]-ад[ъютант] Кауфман (Главный интендант), чтобы сообщить мне, что он был в тот день приглашен к обеду во Дворец и что Государь был особенно с ним любезен. Известие это очень порадовало меня: значит поданная мною записка по делу Фейгина, произвела желанное впечатление; очевидно, Государь хотел поправить то обидное и незаслуженное огорчение, которое он причинил несколько дней назад своими отзывами о хозяйственных частях Военного Министерства вообще, и в особенности интендантской.

27 марта, во вторник, я представил Государю первоначальные соображения об организации войск, составленные на основаниях, поставленных в предшествовавшую субботу, и доложил, что окончательная редакция будет представлена в четверг, по предварительному соглашению с великими князьями. Для этого соглашения съехались мы в сре-

ду утром у великого князя Михаила Николаевича. Оба великих князя с их начальниками штабов не сделали никаких существенных возражений и потому на другой день, 29 марта, я представил Государю составленную в Главном Штабе записку. Его Величество, выслушав чтение этой записки, приказал собрать совещание в субботу, чтобы заявить Высочайше одобренное предположение; «а затем, — прибавил он, — уже придется *нам с тобой* приводить в исполнение».

После этих слов, я был немало озадачен, когда в пятницу, 30 марта, Государь потребовал меня неожиданно во Дворец вместе с великими князьями, и тут снова поднят был вопрос о том, чтобы будущих корпусных командиров не подчинять главным начальникам округов, за исключением лишь тех округов, где главное начальство вверено главнокомандующим, именно в Петербургском, Варшавском и Кавказском. Я старался сколько мог объяснить нелогичность и невозможность такого предположения; указывая, что во всех округах начальники пользуются одинаковыми правами, независимо от того, носят ли [они] титул главнокомандующего или командующего; напомнил слова самого Государя, сказавшего за несколько дней пред тем, что все равно какой титул им присвоен. Великие князья настаивали на своих доводах, не выдерживавших никакой критики. Государь, казалось, клонил[ся] на их сторону. Мы разошлись без положительного разрешения и снова я пришел в смущение, убежденный в том, что все дело опять испорчено. Домогательства чтобы полевые войска были изъяты из ведения главных начальников военных округов очевидно имели целью предательски подкопать все здание Военно-окружной системы.

В субботу, 31 марта, при докладе моем, Государь ничего не говорил о деле, которое занимало нас всех более всего другого и которое чрез два часа позже должно было решиться последнею, горячею битвой. Когда мы собрались в «Готической» зале, на пятое и последнее заседание, на всех лицах выражалось нетерпеливое ожидание конца. Государь открыл заседание очень ловким объяснением положения дела и нового оборота его после предшествовавшего заседания. Затем приказал прочесть составленную в Главном Штабе записку, прерывая чтение собственными своими пояснениями, так что все присутствовавшие ясно поняли, что вопрос об организации армии решен бесповоротно. Когда же чтение кончилось, кн[язь] Бярятинский начал снова, своим гнусливым голосом и весьма нескладно толковать, что в военных округах преобладает бюрократия и что войска не имеют прямого начальства, которое заботилось бы об их нуждах; что поэтому необходимо корпусных командиров поставить в независимое положение от окружных начальников, и т. д. Против этого сумбура возражал ген[ерал] Карцов дельно, хотя и осторожно; не смотря на то, кн[язь] Бярятинский посинел от злобы и как будто хотел съесть Карцова глазами. После Карцова, сказал несколько слов Гильденштуббе, которого личность была живым опровержением нареканий, взводимых кн[язем] Бярятинским на командующих войсками в округах. Затем ген[ерал] Чевкин, неизвестно почему заговорил о предположенной нормальной смете Военного Министерства и сверхсметных расходах, чем вынудил меня просить слова. Я должен был прямо сказать, что заявление Чевкина не имело никакой связи с возбужденными теперь вопросами и, возвратив прения на прежний путь, объяснил истинное значение Военно-окружного устройства, как в мирное, так и в военное время; представил выгоды, которые устройство это доставляет для мобилизации ар-

ми, стратегические соображения, на которых основано принятое у нас разделение на округа, и проч. и проч. — Когда я кончил, Государь обратился в обе стороны с вопросом: не имеет ли кто еще что-нибудь сказать? Ни один голос не поддержал кн[язя] Барятинского; когда же взгляд Государя остановился на великих князьях, то Михаил Николаевич прямо сказал, что отказывается от своих предположений; Николай Николаевич кивнул головой в знак согласия, — и затем Государь окончательно резюмировал решение вопроса в смысле моих доводов, то есть что военные округа сохраняют свое устройство, что корпуса образуются только в пограничных округах, притом из двух или трех дивизий пехотных с одной дивизией кавалерийской (проектированного Главным Штабом уменьшенного состава), и наконец, что корпусные командиры вполне подчиняются главным начальникам округов. В заключение Государь поблагодарил участвовавших в совещаниях и объявил заседания закрытыми.

Таким образом дело получило неожиданно благоприятный исход. В тот же день в городе разнеслась молва о том, что мною одержан верх. Но я с своей стороны все еще не вполне успокоился: пример первого удачного заседания пугал меня. Злоба кн[язя] Барятинского должна была еще более усилить его подпольную интригу. Однако ж я спешил закрепить состоявшееся решение немедленным представлением протокола на Высочайшее утверждение. С помощью неоцененных двух работников — ген[ерала] Обручева и полк[овника] Величко, протокол был составлен в два дня и во вторник, 3 апреля, я прочел его Государю. Одобрив все, за исключением лишь немногих второстепенных пунктов, Государь поблагодарил меня и потом, улыбнувшись, спросил: «Что же, доволен ты теперь решением?» — «Да, Государь, — ответил я, — совершенно доволен, и поверьте не за себя лично, а за самое дело: Вы спасли армию от опасной ломки. Мне было страшно подумать какой был бы хаос, если б остановились на тех проектах, которые были заявлены в совещаниях». — «Да, не скрою от тебя, что и я очень доволен; теперь я спокойнее»... — «Признаюсь, Государь, — продолжал я, — что такой благоприятный исход тем радостнее для меня, что был совершенно неожидан...» «А для меня не был неожидан», — сказал Государь, — вот видишь, ты напрасно с самого начала не доверял мне»... На эти слова я решился сказать, «что не мог проникнуть намерений Государя и судил лишь по тому, что видел и слышал. Дело висело на волоске и всего прискорбнее то, что в таком важном деле все решение вертелось на личных эгоистических целях». — Государь подтвердил эти слова мои и затем, дав мне руку, еще раз поблагодарил меня: «Ты не можешь сомневаться в том, что я ценю твою честность и правдивость; я привык тебя уважать и любить»...

При следующих докладах моих, 5 и 7 апреля (на страстной неделе) было говорено о порядке приведения в исполнение поставленного решения. Я просил не торопить меня, обещав представить по этому предмету полный план действий, соображенный с финансовыми средствами. Переписанные набело протоколы совещаний были утверждены собственноручною надписью: «Быть по сему». По этому поводу Государь сказал мне: «Ты заметил в какой форме я сделал надпись? Я имел в виду тверже закрепить постановленное решение».

В Главном Штабе и прочих частях Министерства приступлено было к разработке плана предстоявших распоряжений для переорганизации войск. Наступила Пасха; затем начались торжества по слу-

чаю приезда Императора Германского, — и дело, причинившее столько тревоги, породившее столько толков в городе и во всей России, — было на время забыто, или по крайней мере отошло на задний план.

Так буря прошла; но тучи не совсем еще рассеялись: на горизонте оставалась темная точка — кн[язь] Барятинский с его комиссией и шайкою подслуживавшихся ему интриганов.

На рассказанном эпизоде обрываются мои «Воспоминания». Продолжением их служат поденные заметки, заносимые с 8 апреля 1873 года в мой «Дневник».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гейден Федор Логинович (1821—1900), граф — русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1866—1881 гг. начальник Главного штаба, с 1881 по 1897 г. генерал-губернатор Финляндии, командующий войсками Финляндского военного округа.

² Обручев Николай Николаевич (1830—1904) — русский государственный и военный деятель, генерал от инфантерии. В 1856—1878 гг. профессор Николаевской академии Генерального штаба, с 1867 по 1873 гг. член и управляющий делами Военно-ученого комитета. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1881—1898 гг. начальник Главного штаба, с 1893 г. член Государственного совета.

³ Михаил Николаевич (1832—1909), вел. кн. — четвертый сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал. В 1863—1881 г. наместник Кавказа, главнокомандующий Кавказской армией, командующий войсками Кавказского военного округа.

⁴ Александр II (1818—1881) — старший сын императора Николая I, с 1855 г. император России. Под влиянием поражения в Крымской войне 1853—1856 гг., в условиях складывающейся в стране революционной ситуации, вынужден был пойти на проведение ряда буржуазных реформ, в том числе и военной реформы 1860—1870-х гг.

⁵ Берг Федор Федорович (1793—1874), граф — русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. В 1863—1874 гг. наместник Царства Польского, член Государственного совета, почетный президент Николаевской академии Генерального штаба.

⁶ Вержболово — в дореволюционной России железнодорожная станция, пограничный и таможенный пункт на границе с Германией.

⁷ Барятинский Александр Иванович (1815—1879), кн. — русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. В 1856—1862 гг. главнокомандующий Кавказской армией, наместник Кавказа. С 1862 г. в отставке, член Государственного совета.

⁸ Гильденштуббе Александр Иванович (1800—1884) — русский военный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, командую-

щий войсками Московского военного округа.

⁹ Карцов Александр Петрович (1817—1875) — русский военный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Военного совета, командующий войсками Харьковского военного округа.

¹⁰ Дрентельн Александр Романович (1820—1888) — русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1872—1877 гг. командующий войсками Киевского военного округа. С 1878 по 1880 гг. шеф корпуса жандармов и главный начальник III отделения с. е. и. в. канцелярии.

¹¹ Хрушов Александр Петрович (1806—1875) — русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и обороны Севастополя в 1854—1855 гг. В 1866—1874 гг. генерал-губернатор Западной Сибири и командующий войсками Западно-Сибирского военного округа. С 1874 г. член Государственного совета.

¹² Потапов Александр Львович (1818—1886) — русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант, ген.-лейтенант, участник Крымской войны 1853—1856 гг. В 1868—1874 гг. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор, с 1874 по 1876 г. шеф корпуса жандармов и главный начальник III отделения с. е. и. в. канцелярии.

¹³ Чертков Михаил Иванович (1829—1905) — русский военный деятель, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета.

¹⁴ Духовской Сергей Михайлович (1838—1901) — русский военный деятель, генерал от инфантерии, участник Кавказской и русско-турецкой 1877—1878 гг. войн. В 1881—1893 гг. начальник штаба Московского военного округа, с 1893 г. приамурский генерал-губернатор.

¹⁵ Свистунов Александр Павлович — русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, начальник штаба Кавказского военного округа. Впоследствии командующий войсками Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

¹⁶ Елена Павловна (урожденная Фредерика-Шарлота-Мария принцесса Вюртембергская)

- (1806—1873), вел. кн., жена вел. кн. Михаила Павловича. Известна своей благотворительной деятельностью, в 1854 г. основала Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия.
- ¹⁷ Квитницкий Эраст Ксенофонович — штабс-капитан гвардейской Конно-артиллерийской бригады. В 1872 г. из-за конфликта с сослуживцами был переведен в одну из частей той же бригады, расквартированную в Варшаве. Вернувшись в Петербург, Квитницкий вызвал на дуэль своего бывшего начальника полковника Хлебникова и после отказа последнего тяжело ранил его, нанеся несколько сабельных ударов по голове.
- ¹⁸ Хлебников Владимир Николаевич (р. 1836) — полковник, командир 1-й батареи Лейб-Гвардии Конно-артиллерийской бригады, впоследствии генерал-майор.
- ¹⁹ Губский Федор Александрович — русский военный деятель, генерал-майор, командир Лейб-Гвардии Конно-артиллерийской бригады.
- ²⁰ Николай Николаевич (1831—1891), вел. кн. — третий сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал русской армии, член Государственного совета.
- ²¹ Милютин Алексей Дмитриевич (1845—1904), граф — русский государственный деятель, флигель-адъютант. В 1892—1902 гг. курский генерал-губернатор. Сын. Д. А. Милютина.
- ²² Шувалов Павел Андреевич (1830—1908), граф — генерал-адъютант. Начальник штаба гвардии и войск Петербургского военного округа. Член Государственного совета.
- ²³ Фадеев Ростислав Андреевич (1824—1883) — военный писатель, историк и публицист, генерал-майор. Сотрудничал в «Московских ведомостях», «Русском мире» и «Русском вестнике», выступая последовательным противником военных реформ.
- ²⁴ Полинванов Михаил Юрьевич (1801—1880) — русский военный деятель, генерал-лейтенант. В 1843—1850 гг. управляющий Московской комиссариантской комиссией. В 1850 г. отдан под суд за «неисполнение предписаний начальства, изворотливость в донесениях и злоупотребления по должности». Приговором суда был лишен чинов, орденов, дворянского достоинства и разжалован в рядовые. Впоследствии (в 1855 г.) ему были возвращены ордена, знаки отличия беспорочной службы, дозволено носить мундир и дана пенсия.
- ²⁵ Затлер Федор Карлович (1805—1876), барон — русский военный деятель, генерал-майор, генерал-интендант в период Крымской войны.
- ²⁶ Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898) — русский военный деятель, генерал-майор. Участник завоевания Средней Азии, в 1865—1866 г. военный губернатор Туркестанской области. С 1866 г. в отставке; издавал газету «Русский мир».
- ²⁷ Писаревский (настоящая фамилия Шрайбер) Борис Ефимович (1858[?]—1936) — журналист.
- ²⁸ tutti quanti (итал.) — все до одного; в тексте — все остальные.
- ²⁹ «Русский мир» — ежедневная петербургская газета. Издавалась в 1871—1880 гг. с подзаголовком: «Газета политики и литературы». В 1880 г. была объединена с «Биржевым вестником».
- ³⁰ «Московские ведомости» — ежедневная газета, издавалась в 1756—1917 гг. С 1863 по 1887 г. редактором газеты был М. Н. Катков.
- ³¹ «Русский инвалид» — ежедневная петербургская газета. Издавалась в 1813—1917 гг., с 1862 г. — официальный орган Военного Министерства.
- ³² «Голос» — ежедневная политическая и литературная газета; издавалась в Петербурге в 1863—1884 гг. Выступала за продолжение военных реформ 1860—1870-х гг., в поддержку курса, проводимого Д. А. Милютиным.
- ³³ Александр Александрович (1845—1894), вел. кн. второй сын императора Александра II, с 1865 г. (после смерти старшего брата Николая Александровича) наследник престола, с 1881 г. император Александр III.
- ³⁴ Владимир Александрович (1847—1909), вел. кн. — третий сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, с 1881 г. командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа.
- ³⁵ Константин Николаевич (1827—1892), вел. кн. — второй сын императора Николая I, генерал-адмирал. В 1865—1881 г. председатель Государственного совета.
- ³⁶ Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), кн. — известный государственный деятель, дипломат. С 1856 по 1882 г. государственный канцлер и министр иностранных дел России.
- ³⁷ Строганов Сергей Григорьевич (1794—1882), граф — русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Участник Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны 1853—1856 гг. Член Государственного совета, сенатор.
- ³⁸ Чевкин Константин Владимирович (1802—1875) — русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант. С 1872 г. председатель комитета по делам Царства Польского, член Государственного совета.
- ³⁹ Игнатьев Павел Николаевич (1797—1879), граф — русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1872—1879 гг. председатель Комитета министров.
- ⁴⁰ Рейтерн Михаил Христофорович (1820—1890) — русский государственный деятель, статс-секретарь. В 1862—1878 гг. министр финансов России.
- ⁴¹ Адлерберг Александр Владимирович (1819—1889), граф — русский государственный деятель, генерал-адъютант. В 1872—1881 гг. министр императорского двора и уделов.
- ⁴² Краббе Николай Карлович (1814—1876) — русский государственный и военный деятель, адмирал. В 1872—1876 гг. управляющий делами Морского министерства.
- ⁴³ Бобринский Алексей Павлович (1826—

1890), граф — русский государственный и военный деятель, генерал-лейтенант. В 1871—1874 гг. министр путей сообщения.

⁴⁴ Абаза Александр Аггеевич (1821—1895) — русский государственный деятель, действительный тайный советник. В 1871—1874 гг. государственный контролер, с 1880 по 1881 г. министр финансов, член Государственного совета.

⁴⁵ Шувалов Петр Андреевич (1827—1889), граф — русский государственный деятель, генерал-адъютант. В 1856—1874 гг. шеф корпуса жандармов и главный начальник III отделения с. е. и. в. канцелярии. Член Государственного совета.

⁴⁶ Нелокойцкий Артур Адамович (1813—1881) — русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, член Военного совета. С 1874 г. председатель Военно-кодификационного комитета и председатель временной комиссии по управлению Медико-хирургической академией. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., начальник штаба главнокомандующего русской армией на Балканах.

⁴⁷ Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884), граф — русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант. Участник обороны Севастополя в 1854—1855 гг. С 1863 г. товарищ генерал-инспектора по инженерной части, председатель артиллерийской инженерной комиссии. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. руководил осадными работами под Плевной. В 1879—1880 гг. временный одесский генерал-губернатор, командующий войсками Одесского военного округа. С 1880 г. виленский, ковенский и продненский генерал-губернатор.

⁴⁸ Кауфман Михаил Петрович (1822—1902) — русский военный деятель, генерал-адъютант. В 1866—1879 гг. начальник Главного интендантского управления Военного министерства.

⁴⁹ Мордвинов Дмитрий Сергеевич (1820—1894) — русский военный деятель, генерал-адъютант. В 1872—1881 гг. начальник канцелярии Военного министерства.

⁵⁰ Шамиль (р. ок. 1798—1871) — имам Дагестана и Чечни, руководитель освободительной борьбы горцев Кавказа.

⁵¹ Мария Александровна (урожд. принцесса Гессен-Дармштадтская) (1824—1880) — жена императора Александра II.

⁵² Мария Александровна (р. 1853), вел. княжна — дочь Александра II, С 1874 г. жена английского принца Альфреда-Эрнста-Альберта Эдинбургского.

⁵³ Барятинский Владимир Иванович (1817—1875), кн. — русский государственный деятель, генерал-адъютант, шталмейстер, президент придворной конюшенной конторы.

⁵⁴ Пилар-фон-Пильхау Анна Карловна — баронесса-фрейлина императрицы Марии Александровны, жена генерал-майора Н. Г. Пилара-фон-Пильхау. В тексте — баронесса Пиллар.

⁵⁵ Боткин Сергей Петрович (1832—1889) — доктор медицины, совещательный член медицинского совета министерства внутренних дел и Военно-медицинского ученого комитета. С 1873 г. почетный лейб-медик.

⁵⁶ Толстая Александра Андреевна, графиня — фрейлина императрицы Марии Александровны.

⁵⁷ Шаховская Елизавета Дмитриевна (урожд. Милютинна) (р. 1844), княгиня-фрейлина императрицы Марии Александровны, дочь Д. А. Милютинна.

⁵⁸ Озеров Александр Петрович — тайный советник, шталмейстер двора вел. княжны Марии Александровны.

⁵⁹ Грейг Самуил Алексеевич (1827—1887) — русский государственный деятель, генерал-адъютант. В 1874—1878 гг. государственный контролер, с 1878 по 1880 г. министр финансов. Член Государственного совета.

⁶⁰ Баранов Эдуард Трофимович (1811—1884), граф — русский военный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного совета.

⁶¹ Голицын Владимир Дмитриевич (1816—1888), светлейший кн. — русский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант, член совета Главного управления государственного коннозаводства, начальник I гвардейской кавалерийской дивизии.

⁶² Яковлев Георгий Георгиевич (1824—1883) — русский военный деятель, генерал-майор, член и управляющий делами Главного комитета по устройству и образованию войск.

⁶³ Тимашев Александр Егорович (1818—1893) — русский государственный деятель, генерал-адъютант. В 1868—1878 гг. министр внутренних дел России.

⁶⁴ Vous donnez gain de cause a vos ennemis (фр.) — вы позволяете вашим врагам одержать над вами верх.

⁶⁵ Фейгин Яков Яковлевич (р. 1826) — подрядчик, — купец I-й гильдии. Заключил долгосрочный контракт (на 9 лет) с интендантской частью Военного министерства на поставку зерна с перемолом. В 1874 г. вследствие банкротства Фейгина контракт был передан купцу I-й гильдии В. А. Кокореву.

⁶⁶ Лобко Павел Львович (1838—1905) — русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1867—1881 гг. профессор Николаевской академии генерального штаба, с 1899 по 1905 г. государственный контролер. Член Государственного совета.

И. Т. Трофимов

Неизвестное стихотворение о С. А. Есенине

Свыше трехсот советских поэтов посвятили С. А. Есенину свои проникновенные стихотворения. Среди них: А. Алдан-Семенов, В. Александровский, К. Алтайский, Э. Асадов, И. Бауков, Демьян Бедный, А. Безыменский, Д. Блынский, В. Боков, Н. Браун, С. Васильев, С. Видулов, А. Вознесенский, И. Волобуева, А. Гарнакерьян, А. Гатов, М. Герасимов, Д. Голубков, С. Городецкий, Н. Грибачев, И. Грузинов, А. Дементьев, Е. Долматовский, П. Дружинин, М. Дудин, Е. Евтушенко, А. Жаров, П. Железнов, Р. Ивнев, В. Казин, Н. Клюев, М. Львов, А. Мариенгоф, В. Маяковский, И. Молчанов, В. Наседкин, А. Прокофьев, Н. Рубцов, Н. Рыленков, И. Садофьев, М. Светлов, Д. Семеновский, Я. Смеляков, С. Смирнов, Г. Табидзе, М. Танк, Н. Тихонов, В. Туркин, П. Тычина, И. Уткин, А. Филатов, В. Фирсов, Л. Хаустов, В. Хлебников, М. Цветаева, А. Чачиков, В. Шершеневич, В. Яковенко и многие др.

Некоторые стихотворения, посвященные С. А. Есенину, до сих пор не были опубликованы. Вот одно из таких редких стихотворений о великом поэте, хранящееся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде И. Н. Розанова.

На смерть Есенина

Еще одно дурное дело
 Запрячет в память Петербург;
 Там пуля в Пушкина летела,
 Там Блоку на смерть сжало грудь.
 В игре и бешенстве неистов
 Окостенелый Николай
 Пытал допросом декабристов;
 Все крыла Петербурга мгла!
 Опять его глухое слово!
 К себе на гибель приманил
 Непетербургского такого,
 Кто всех звончее жизнь любил.
 Всех нас пронзительным ударом
 По сердцу знойно полоснул
 Тот страшный ледяной подарок,
 Что Петербург прислал в Москву.
 И перепутаны и смутны,
 С перекосившейся душой,
 За гробом на ветру попутном
 Шагали талою водой.
 Кто может мимо — слава Богу,
 А нам до своего конца
 Тяжелой памятью в дорогу
 Черты застывшего лица.

5 янв. 1926 г. Вера Звягинцева

Эти скорбные строки написаны под свежим впечатлением вскоре после трагической смерти С. А. Есенина. Поэтесса подарила автограф

стихотворения его другу, известному историку русской литературы, большому знатоку русской поэзии, проф. Ивану Никаноровичу Розанову, с которым дружила и сама. Вера Клавдиевна лично знала Есенина, бывала на вечерах выступлений поэта перед самой широкой аудиторией.

Автор стихотворения Вера Клавдиевна Звягинцева — известная русская поэтесса, переводчик, родилась в Москве 12 нояб. 1894 г. Рано потеряла мать, воспитывалась в семье дяди, земского врача в Кузнецке Саратовской губ. (ныне Пензенской обл.). После окончания гимназии в 1912 г. она переехала в Москву, где поступила в драматическую школу. После окончания школы, с 1917 г. стала выступать на сцене. Одновременно писала стихи. В 1922 г. вышла первая книга ее стихотворений «На мосту», а в 1926 — вторая — «Московский ветер». Работу в театре она оставила и с середины 1930-х гг. начала переводить стихотворения многих поэтов. Самую значительную часть литературного наследия Звягинцевой составляют переводы с армянского языка (Саят-Нова, О. Шираз, М. Налбандян, А. Акопян, О. Туманян, А. Граши, С. Капутикян, А. Исаакян, Н. Зарьян, Г. Эмин, Н. Кучак, В. Терьян, Е. Чаренц, И. Ионисиан и др.). Широко известны переводы В. К. Звягинцевой с украинского (Т. Г. Шевченко, Л. Украинка, И. Франко, М. Сосюра, А. Малышко, П. Воронько, М. Рыльский, П. Тычина, Л. Забашта), грузинского (А. Чавчавадзе, В. Пшавела, С. Чиковани, К. Каладзе, И. Гришашвили, А. Абашели, Г. Абашидзе), литовского (Э. Межелайтис, Ю. Палецкис), татарского (Г. Тукай, Муса Джалиль, А. Ерикеев), белорусского (А. Кулешов, П. Бровка), таджикского языков (Фирдоуси, Руми, Хафиз).

Звягинцевой принадлежат переводы произведений фольклора Белоруссии, Грузии, Украины, Кабардинских сказаний, поэтическое переложение «Плача Ярославны» из «Слова о полку Игореве».

Высокую оценку в печати получили сборники оригинальных стихотворений Звягинцевой: «Зимняя звезда» (1958), «Вечерний день» (1963), «Моя Армения» (1964, 1969), «Избранные стихи» (1968), «Исповедь» (1967).

Вере Клавдиевне было присвоено звание Заслуженного деятеля культуры АрмССР (1968).

Умерла в Москве 10 сент. 1972 г. Похоронена в Переделкино.

Т. П. Быкова, Т. А. Медовичева

Документы по истории русско-болгарских культурных связей в 1830—1870-х годах в рукописных фондах РГБ

Аннотированный указатель

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится довольно значительное количество документов по истории русско-болгарских культурных связей эпохи болгарского возрождения. В истории Болгарии этот период (I треть XIX в. — 1870-е гг.) ознаменован подъемом национально-освободительного движения, усилением борьбы за национальную культуру, расширением культурного сотрудничества с Россией. Идея славянской взаимности становится в это время существенным компонентом общественной жизни двух стран. Передовые слои общества использовали ее в интересах социального прогресса и достижения независимости славянских народов. Характерным явлением духовной жизни русского общества был быстрый рост интереса к истории и культуре болгарского народа, становление и развитие болгаристики в отечественном славяноведении, что стимулировало углубление культурных связей с Болгарией. Важным центром славянских исследований с 1830-х годов становится Московский университет. Профессора О. М. Бодянский, Ф. И. Буслаев, М. П. Погодин, Н. А. Попов внесли выдающийся вклад в изучение проблем истории, языка и литературы Болгарии, в развитие русско-болгарских культурных связей. Углубление научного интереса к прошлому болгарского народа способствовало развитию славистического источниковедения — собиранию памятников славянской письменности, формированию фондов отечественных хранилищ.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, в прошлом Московский Публичный и Румянцевский музей, становится во второй половине XIX века одним из центров собирания источников по славянской проблематике. Пополнению фондов музея ценными собраниями славянских рукописей и книг (коллекции В. М. Ундольского, В. И. Григоровича, А. С. Норова и др.) в значительной степени способствовал известный палеограф и библиограф А. Е. Викторов (1827—1883), который с 1862 г. был хранителем Отделения рукописей и старопечатных книг. Постепенно в Отделе рукописей сложилось обширное собрание древнеславянских рукописных книг, представляющее интерес и с точки зрения изучения болгарской письменности. Наряду с рукописными книгами древней традиции в отделе рукописей хранятся архивные документы, отражающие процесс русско-болгарского культурного сближения.

подавляющая часть тематически разнообразных документов отложилась в фондах ученых славистов Ю. И. Венелина, В. И. Григоровича, О. М. Бодянского, М. П. Погодина и Н. А. Попова, что объясня-

ется интересом фондообразователей к широкому кругу вопросов болгарского возрождения, активной и многосторонней деятельностью в славянских благотворительных обществах.

Отдельные документы имеются в архивах славистов В. В. Макушева, Ф. И. Буслаева и А. Е. Викторова, историков, специалистов по истории южнославянских церквей Е. Е. Голубинского и Л. А. Кавелина, т. к. их деятельность в меньшей степени была связана с болгарским национально-освободительным движением.

Русско-болгарские культурные связи в незначительной степени документально представлены также в архивных фондах русских общественных деятелей, главным образом славянофильского направления: И. С. и К. С. Аксаковых, А. И. Кошелева, Ю. Ф. Самарина, Ф. В. Чижова, В. А. Черкасского; писателя А. Ф. Вельтмана, автора знаменитой повести «Райна, королева болгарская».

В архиве Общества истории и древностей российских (ОИДР) (ф. 203) представляют наибольший интерес материалы деятельности общества по изданию источников и исследований по истории и культуре Болгарии.

В комплексе все указанные фонды, дополняя друг друга, содержат ценные документы для изучения истории двусторонних культурных связей. Многие из них еще не введены в научный оборот, хотя интерес к ним советских и зарубежных исследователей не ослабевает. К документам Отдела рукописей обращаются такие ученые как Б. С. Ангелов, В. Э. Вацура, Г. К. Венедиктов, Е. И. Демина, Л. Минкова, С. Стойкова, А. В. Сергеев и др.*. С целью информационной помощи исследователям составлен настоящий аннотированный указатель документов.

В указатель включено 368 описаний, которые отражают содержание свыше 500 документов на русском, болгарском, сербском и греческом языках, за 1820—1870-е годы. Преобладают эпистолярные источники, представляющие одновременно и наибольший интерес. Особое внимание следует обратить на письма болгарских писателей, ученых, общественных деятелей, церковнослужителей: В. Е. Априлова, Н. Х. и С. Н. Палаузовых, С. В. Филаретова, Л. С. Каравелова, М. С. Дринова, З. П. Княжеского, Т. Минкова, Р. Жинзифова. Эти документы хранятся главным образом в архивах В. И. Григоровича (ф. 86), М. П. Погодина (ф. 231), Н. А. Попова (ф. 239).

Тематика включенных в данное описание документов отличается разнообразием. Их можно сгруппировать, с известной степенью условности, в несколько тематических комплексов.

Большой научный интерес представляют материалы, относящиеся к проблеме создания общеполгарского литературного языка. Ю. И. Венелин (1802—1839) одним из первых в России заинтересовался современным болгарским языком и задался целью издать грамматику

* Байцура Т. Юрій Іванович Венелін. Братислава, 1968; Стойкова С. Вклад ученых России в развитие болгарской фольклористики XIX в.— В кн.: Русский фольклор. Т. 8. Народная поэзия славян. М.— Л., 1963; Ерихон Л. Литературната дейност на българската дружина.— Език и литература, 1963, № 6. Минкова Л. Осип Максимович Бодянски и българското възрождение. София, 1978; Вацура В. Э. Болгарские мотивы в русской литературе 1820—1840-х годов.— Русско-болгар-

ские фольклорные и литературные связи. Т. I. М., 1976; Сергеев А. В. Исторические взгляды В. И. Григоровича. Казань, 1978 Ангелов Б. С. Из историята на руско-българските литературни връзки, София, 1980; Венедиктов Г. К. Новые материалы к биографии Ю. И. Венелина — УЗТГУ, вып. 649, Тарту, 1983; Демина Е. И. Об изучении новоболгарской письменности в отечественной филологии.— Балканские исследования. Основные проблемы балканистики в СССР. Вып. 5. М., 1979.

болгарского языка. Самобытная и яркая деятельность ученого в этой области нашла отражение в хранящихся в его архиве (ф. 49) документах научной экспедиции в Болгарию в 1830 г., переписке с Российской академией наук. В фонде Венелина имеется рукопись неопубликованной «Грамматики нынешнего болгарского наречия», датированная 1834 г., и подготовительные материалы к ней. К изучению болгарского языка непосредственное отношение имела деятельность О. М. Бодянского (1808—1877) по изданию кирилло-мефодиевских текстов, хранившихся в рукописных собраниях России. Материалы этой публикации и переписка Бодянского с коллегами за 1840-е—1860-е годы составляют важнейшую часть его личного архива (ф. 36). В архиве профессора Казанского и Новороссийского университетов В. И. Григоровича (1815—1876) определенный интерес представляют лекции и заметки по истории славянских языков, заметки о болгарском языке среди материалов заграничного путешествия Григоровича по славянским землям в 1844—1845 гг., письмо болгарского фольклориста Д. Миладинова о диалектах болгарского языка. К сожалению, автографы наиболее значительных работ Григоровича по славянской филологии не сохранились или дошли до нас в отрывках.

Материалы, раскрывающие русско-болгарские взаимосвязи в области болгарской фольклористики, содержатся в архивах Венелина, Вельтмана, Погодина, Попова. Для характеристики начального этапа (1830-е годы) в собирании и изучении болгарского фольклора следует обратиться прежде всего к документам Ю. И. Венелина. В его архиве хранятся тексты болгарских народных песен, собранные им самим во время путешествия по Болгарии и присланные ему болгарскими; переписка с одесскими болгарскими В. Е. Априловым и Н. Х. Палаузовым за 1836—1838 гг. В архиве А. Ф. Вельтмана (1800—1870) (ф. 47) обращают на себя внимание письма историка И. П. Липранди, содержащие сделанные им в конце 1820-х гг. записи болгарских народных песен. Фольклорные тексты были получены Вельтманом от Липранди в 1840 г. в связи с работой Вельтмана над сборником болгарских песен совместно с болгаринцем Н. Катрановым. В документах из архива М. П. Погодина (1800—1875): письмах известного русского фольклориста П. А. Бессонова и болгарского писателя Л. С. Каравелова отражена работа болгарских и русских ученых по подготовке сборников болгарских фольклорных материалов в 1850—1860-х годах. Для изучения русско-болгарских связей в области издания памятников фольклора македонских болгар представляют ценность хранящиеся в архиве Н. А. Попова (1833—1891) письма болгарского археолога и фольклориста С. Верковича за 1867—1878 гг. Эти мало изученные документы существенно дополняют биографию собирателя и историю так называемого «Родопского открытия». В письмах затронуты проблемы этногенеза болгар и болгарского языка, ведется полемика с русскими и зарубежными учеными, отражены трудности, связанные с изданием собранных Верковичем материалов.

Документы, характеризующие взаимосвязи в области изучения болгарской истории, немногочисленны. В архиве Венелина сохранились рукописные фрагменты книги «Древние и нынешние болгары...», вышедшей в 1829 г., а также письма к нему болгар, свидетельствующие о широком распространении в Болгарии исторических трудов ученого и об их влиянии на болгарскую историографию.

Заслуживают серьезного внимания письма историка С. Н. Палау-

зова к В. И. Григоровичу за 1852—1867 гг. (ф. 86) и письма М. Дринова к В. В. Макушеву 1870-х гг., хранящиеся в архиве последнего (ф. 56). Эти документы свидетельствуют, с одной стороны, о глубоком интересе русских ученых к научным изысканиям болгарских историков, содействию в их работе, с другой — дают представление о распространении сочинений Палаузова и Дринова в научных кругах России.

Для болгарского возрождения огромное значение имело становление и развитие собственного книгопечатания, распространение книг, чему в значительной степени содействовали общественные круги России. Проблемы, связанные с распространением книг в Болгарии, затрагиваются в переписке Н. Х. и С. Н. Палаузовых с М. П. Погодиным и В. И. Григоровичем за 1850—1860-е годы, З. П. Княжеского с Погодиным и Ю. Ф. Самариним, Н. А. Попова с Р. Жинзифовым, Ф. С. Бурмовым, Л. С. Каравеловым.

С распространением книг в Болгарии была тесно связана и деятельность культурно-просветительных организаций, в развитии которых заметную роль также сыграли русско-болгарские связи. Болгарские библиотеки в Эски-Загре, Константинополе, Варне, Софии, «Българско книжовно дружество» и другие организации были объектами попечения Московского славянского комитета, что явствует из писем болгарских деятелей М. П. Погодину и Н. А. Попову.

Важным каналом распространения сведений о Болгарии были русские общественно-политические и литературные журналы. Болгарская тема нашла отражение на страницах «Москвитянина» и «Московских ведомостей», издаваемых М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым. Многие болгары сотрудничали в этих изданиях, используя русскую прессу для пропаганды вопросов болгарского национального движения: Ф. С. Бурмов, С. В. Филаретов, С. Н. Палаузов. Об этом — некоторые их письма к М. П. Погодину.

И наконец, большая группа документов посвящена развитию просвещения в Болгарии, роли России в становлении национальной болгарской школы.

Письма В. Е. Априлова, Н. Х. Палаузова, И. Н. Денкоглу, С. В. Филаретова, З. П. Княжеского, Ю. И. Венелину, В. И. Григоровичу, М. П. Погодину — ценный источник для изучения проблемы становления национальных болгарских училищ (Габровского, Софийского и др.), роли в этом процессе Одесского болгарского настоятельства и славянских благотворительных комитетов.

В фондах М. П. Погодина и Н. А. Попова отложился комплекс документов, относящихся к обучению болгар в России в 1850—1870-х годах. Письма на эту тему широкого круга корреспондентов, в том числе болгарских, являются источниками для изучения деятельности Московского славянского комитета, представителей русской общественности и государственных лиц по поддержке образования болгар в учебных заведениях России.

При выявлении документов составители руководствовались следующими принципами. Фонды ученых-славистов и лиц, деятельность которых была непосредственно связана с историей южнославянских народов, обследованы полностью за указанный хронологический период. В фондах лиц, не имеющих прямого отношения к славянскому вопросу, просматривались комплексы документов либо отдельные до-

кументы по фамилиям лиц, имевших непосредственное отношение к славянской проблематике.

Вследствие фрагментарности и многотемья документов был выбран хронологический принцип систематизации описаний. Для полноты представления темы и удобства пользования описанием прилагаются предметно-тематический, именной и географический указатели.

Каждый документ описан отдельно. Ряд документов, объединенных одной темой и коротким хронологическим периодом (в пределах одного года) описаны суммарно.

Археографическое описание включает следующие элементы:

а) заголовок, который содержит: дату (воспроизводится в соответствии с документом); место написания документа; вид документа; фамилию, инициалы автора, адресата; местонахождение адресата; название (авторское — в кавычках, установленное составителем — в квадратных скобках);

б) аннотация¹, в которой фиксируется краткое содержание документа в глагольной форме. Характер аннотации стоит в непосредственной связи со справочным характером издания. Степень подробности зависит от научной ценности и разносторонности заключенной в документе информации.

После аннотации указаны фамилии наиболее важных лиц, упоминаемых в документе.

Все элементы описания (кроме имен авторов), установленные составителями, ставятся в квадратные скобки.

в) легенда, которая содержит: краткое наименование архивохранилища, номер фонда², поисковые данные документы, способ написания документа, язык (кроме русского).

После легенды даются (по-возможности) сведения о публикациях документов. При этом учитывались только русские, советские и болгарские издания.

Описания составлены сотрудниками Отдела рукописей: Т. П. Быковой и Т. А. Медовичевой. В описании документов на сербском языке принимал участие сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН РФ В. М. Фомин.

Над фондами работали³: Т. П. Быкова (18, 36, 42, 47, 51, 148, 169, 231, 265, 327, 332, 541), Т. А. Медовичева (3, 49, 86, 93, 126, 139, 156, 203, 231, 239, 383).

Список использованных фондов составлен Т. А. Медовичевой.

1829

1. [до 1829]. Б. м. — [Отрывок из сочинения Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгаре...». Т. 1.].

ОР РГБ, ф. 49, к. 3, ед. хр. 80, лл. 1—9 об. Черновой автограф, без конца.

2. 1829, сентября 7—1830, января 9. Москва. — Дневник Ю. И. Венелина.

Упоминает о своем намерении написать книгу по истории болгар; о предоставлении в Российскую академию наук проекта путешествия по Болгарии.

ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 136, лл. 1—2. Автограф.

3. [1829]. Москва. — [Заметка] М. П. Погодина по поводу книги Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгаре...».

Дает высокую оценку сочинению Ю. И. Венелина, указывает на свое участие в издании его первой части.

Упом.: В. Е. Априлов, Д. С. Мутьев, Н. Х. Палаузов.

¹ Не аннотируются документы, наименование которых не требует дополнительных объяснений.

² Наименование фонда — в указателе использованных фондов.

³ Указаны номера фондов.

- ОР РГБ, ф. 231, к. 21, ед. хр. 54, лл. 1—3. Черновой автограф.
4. [1829]. Москва. — Письмо Ю. И. Венелина в Российскую академию наук. — В С.-Петербург.
- Посылает в Академию наук первый том своего исследования о болгарях. Высказывает желание совершить поездку в Болгарию.
- ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 148, лл. 1—1 об.
5. [1829]. Москва. — Проект научной командировки Ю. И. Венелина в Болгарию, Молдавию и Валахию, представленный в Российскую академию наук.
- ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 148, лл. 2—4. Черновой автограф.

1830

6. 1830, января 26. С.-Петербург. — Письмо Ю. И. Венелина М. П. Погодину и С. Т. Аксакову. — В Москву.
- Сообщает об обсуждении в Российской академии наук плана своей научной командировки в Болгарию, Молдавию и Валахию.
- ОР РГБ, ф. 231/П, к. 48, ед. хр. 18, л. 1 об.
7. 1830, апреля 3 — сентября 28. — «Путевые записки» Ю. И. Венелина.
- Описывает маршрут путешествия от Москвы до Бухареста. Приводит исторические справки, географические, статистические данные о болгарских городах. Записывает этнографические сведения о болгарях, болгарские песни. Характеризует взаимоотношения болгар, турок и русских.
- Упом.: И. И. Дибич, П. С. Куницкий, И. И. Молнар, В. Ненович, М. П. Погодин, В. Г. Тепляков.
- ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 139. Автограф в двух тетрадах. Болг. и русск. яз.
8. [1830, июня 14]. Одесса. — Письмо Ю. И. Венелина И. И. Дибичу. — в [Тирасполь].
- Просит оказать помощь в совершении поездки по Болгарии и Дунайским княжествам.
- ОР РГБ, ф. 203, к. 197, ед. хр. 7, л. 1. Черновое.
9. 1830. Б. м. — Письмо Ю. И. Венелина П. И. Соколову. — В С.-Петербург.
- Сообщает краткие сведения о своем путешествии до приезда в Варну: о посещении Тирасполя, Овидиополя, жизни в Одессе, знакомстве с болгарями, сборе болгарских песен. Упоминает о своей встрече с адрианопольским митрополитом и получении от него сведений, необходимых для путешествия.
- Упом.: М. С. Воронцов, И. И. Дибич, П. Д. Киселев, П. С. Куницкий, Л. О. Рот.
- ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 148, лл. 5—6. Черновое.
10. 1830, августа 20, сентября 2. Силистрия. — Письма Ю. И. Венелина М. П. Погодину и П. И. Соколову. — В Москву и С.-Петербург.
- Описывает путешествие по маршруту Варна—Бабадаг—Силистрия. Рассказывает о пребывании в Варне: посещении монастырей с целью поиска болгарских рукописей, сборе сведений о болгарском языке, именах, песен. Упоминает о знакомстве с болгарями в Бабадаге. Сообщает о трудностях поиска рукописей в Восточной Болгарии.
- Упом.: С. Т. Аксаков, Л. О. Рот, П.-И. Шафарик.
- ОР РГБ, ф. 231/П, к. 48, ед. хр. 17, лл. 25—28; ф. 49, к. 5, ед. хр. 148, лл. 7—10. Беловой и черновой автограф.
11. 1830, октября 28, 30. Бухарест. — Письма Ю. И. Венелина М. П. Погодину и П. И. Соколову. — В Москву и С.-Петербург.
- Сообщает краткие сведения о пребывании в Силистрии. Подробно информирует о работе в Митрополитской библиотеке Бухареста над влахо-болгарскими грамотами. Объясняет Погодину причины, по которым не может поехать в Македонию. Делится планами издания болгарских песен.
- Упом.: Берович, А. Жекович, К. Ф. Калайдович, В. Ненович, К. Петков, П. М. Строев.
- ОР РГБ, ф. 231/П, к. 48, ед. хр. 17, лл. 31—32; ф. 49, к. 5, ед. хр. 148, лл. 11—11 об.

1831

12. 1831, июля 30. Бухарест. — Письмо А. С. Квилювского А. С. Ширяеву. — В Москву.
- Дает высокую оценку исследованию Ю. И. Венелина о болгарях. Просит сообщить о выходе в свет второй его части. Собирается послать Ю. И. Венелину благодарственное письмо.
- ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 151, лл. 1—2.
13. [1831, декабря 25]. [Москва]. — Письмо Ю. И. Венелина П. И. Соколову. — В С.-Петербург.

Сообщает о работе над грамматикой и словарем болгарского языка. Приводит список привезенных им из путешествия по Болгарии книг и рукописей.

ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 148, лл. 14—16. Автограф, без конца.

1832

14. 1832, февраля 1, мая 18, августа 24. С.-Петербург. — Письма П. И. Соколова Ю. И. Венелину. — В Москву.

Российская академия наук просит Ю. И. Венелина представить все материалы, собранные им во время путешествия по Болгарии, для ознакомления и последующего издания.

ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 150, лл. 1—1 об., 3—3 об., 5—6. Писарские копии с подписью автографом.

15. 1832, июль. [Бабадаг]. — Письмо Ю. И. Венелина И. Н. Инзову. — В [Кишинев].

Делится впечатлениями о своей поездке по Болгарии. Излагает свой проект организации института особых чиновников в бессарабских поселениях болгар для наблюдения за развитием болгарского просвещения, собиранием памятников письменности. Сообщает о работе над сборником болгарских песен и вторым томом исследования о болгарях.

Упом.: К. Ф. Калайдович, А. Экзарх.

ОР РГБ, ф. 203, к. 197, ед. хр. 8, лл. 1 об. — 5. Черновое.

Опубл.: Хазин М. У истоков Болгарского Возрождения. — «Кодры», 1982, № 8, с. 143—146.

16. 1832, октября 1. Москва. — Письмо Ю. И. Венелина А. И. Белюгову. — В Одессу.

Просит сообщить сведения о болгарских колонистах. Информирован о своей работе над грамматикой болгарского языка и сборником болгарских песен.

ОР РГБ, ф. 203, к. 197, ед. хр. 6, лл. 1—2. Черновое.

17. 1832, декабря 10. Москва. — «Влахо-болгарские грамоты XV, XVI, XVII веков, с объяснениями и примечаниями Ю. И. Венелина».

ОР РГБ, ф. 49, к. 4, ед. хр. 112, 129 лл. Автограф, с приложением 3-х листов восковой бумаги, на которые переведены копии с болгарских грамот. Болг. и русск. яз.

1833

18. 1833, января 7. Москва. — Письмо А. Ф. Вельтмана И. П. Липранди. — В Тульчин.

Информирован о своих занятиях древней литературой южных и западных славян.

ОР РГБ, ф. 18, к. 7, ед. хр. 61, лл. 1—2.

19. 1833, января 20. Москва. — Письмо Ю. И. Венелина А. С. Шишкову. — В С.-Петербург.

Посылает в Российскую академию наук подготовленные к изданию влахо-болгарские грамоты. Обязуется выслать грамматику болгарского языка.

ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 148, лл. 21—22. Черновое.

20. 1833, марта 23. С.-Петербург. — Письмо П. И. Соколова Ю. И. Венелину. — В Москву.

Уведомляет о получении влахо-болгарских грамот.

Упом.: А. Х. Востоков.

ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 150, лл. 7—8. Писарская копия с подписью П. И. Соколова.

1834

21. [1834]. [Москва]. — «Грамматика нынешнего болгарского наречия», составленная Ю. И. Венелиным, и материалы к ней: записи слов и словосочетаний, заметки по морфологии болгарского языка и др.

Упом.: А. Х. Востоков.

ОР РГБ, ф. 49, к. 1, ед. хр. 1, 6; лл. 1—194, 1—226. Ок. 70 док. Автограф. Болг. и русск. яз.

22. [1834]. Москва. — «Конспект преподавания истории славянского языка и литературы, составленный по определению Совета Московского университета Ю. И. Венелиным». Автограф с исправлениями, рукой неустановленного лица.

Прилож.: письмо Н. И. Надеждина Ю. И. Венелину с предложением от лица Совета Московского университета написать данную работу. 1834, мая 21. Писарская копия с подписью Н. И. Надеждина.

ОР РГБ, ф. 49, к. 7, ед. хр. 1, лл. 1—17 об.

Опубл.: Лавров П. А. Конспект преподавания истории славянского языка и литературы. — В кн.: Древности. Труды Славянской комиссии. Имп. Моск. археологического общества. Т. 2. М., 1898, С. 110—121.

1835

23. 1835, сентября 20. С.-Петербург. — Отношение Министерства народного просвещения на имя Ю. И. Венелина. — В Москву.

Министерство сообщает о положительной оценке А. Х. Востоковым «Грамматики нынешнего болгарского наречия», составленной Ю. И. Венелиным.

Прилож.: копия замечаний А. Х. Востокова.

ОР РГБ, ф. 49, к. 1, ед. хр. 5, лл. 1—8. Писарские копии; на отношении — подпись П. А. Ширинского—Шихматова.

24. 1835, октября 20. Тульчин. — Письмо И. П. Липранди А. Ф. Вельтману. — В Москву.

Сообщает о своей работе над энциклопедией Османской империи. Просит помочь в литературной обработке труда. Рассказывает о предпринятых им поисках книг по славяноведению. Называет труды, которыми он воспользовался для изучения истории Болгарии.

ОР РГБ, ф. 47/П, к. 4, ед. хр. 17, лл. 5—8 об.

25. 1835, декабря 5. Москва. — Письмо Ю. И. Венелина П. А. Ширинскому—Шихматову. — В С.-Петербург.

Уверяет в своей готовности учесть замечания А. Х. Востокова на «Грамматику нынешнего болгарского наречия». Выказывает свое несогласие с некоторыми замечаниями.

ОР РГБ, ф. 49, к. 1, ед. хр. 5, лл. 10—11.

26. [1835?]. Москва. — Письмо Ю. И. Венелина А. С. Шишкову. — В С.-Петербург.

Посылает в [Российскую академию наук] вторую часть «Грамматики». Характеризует цели и задачи труда. Выказывает некоторые мысли об особенностях болгарского языка, упадке письменности и недостатке училищ у болгар.

ОР РГБ, ф. 49, к. 1, ед. хр. 2, лл. 1—5. Черновое.

1836

27. 1836, января 31. Москва. — Письмо А. Ф. Вельтмана И. П. Липранди. — В Тульчин.

Обещает помочь в издании сочинения И. П. Липранди по истории Османской империи.

ОР РГБ, ф. 18, к. 7, ед. хр. 61, лл. 9—10.

28. 1836, мая 22. Одесса. — Письмо В. Е. Априлова и Н. Х. Палаузова Ю. И. Венелину. — В Москву.

Сообщают об открытии народного училища в Габрово. Выражают готовность помогать Ю. И. Венелину в собирании болгарских песен.

Упом.: Н. Рильский.

ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 149/3, лл. 1—2. Автограф В. Е. Априлова.

1837

29. 1837, января 1. Букурест. — Болгарские [Виддинские] песни в записи Г. Ф. Пешакова, посланные Ю. И. Венелину. — В Москву.

Прилож.: сопроводительное письмо Г. Ф. Пешакова Ю. И. Венелину.

ОР РГБ, ф. 49, к. 3, ед. хр. 79, лл. 1—8. Автограф. Болг. яз.

30. 1837, июня 28. Одесса. — Письмо В. Е. Априлова Ю. И. Венелину. — В Москву.

Интересуется состоянием работы Венелина над вторым томом исследования о болгарях. Посылает экземпляр болгарского перевода [«Краткого начертания всеобщей истории» И. К. Кайданова].

Упом.: А. С. Кипиловский.

ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 149/2, лл. 1—2. Писарская копия с подписью В. Е. Априлова.

31. 1837, сентября 27. Москва. — Письмо Ю. И. Венелина В. Е. Априлову. — В [Одессу].

Информирует о своей поездке в Болгарию; рассказывает о работе над влахо-болгарскими грамотами в Митрополитском архиве Бухареста, изучении болгарского языка, знакомстве с болгарями. Просит прислать болгарские песни и топографическое описание болгарских городов; высказывает заинтересованность в получении копий болгарских рукописей, в частности, грамот болгарских царей. Высылает свою книгу «О характере народных песен у славян задунайских».

Упом.: А. С. Кипиловский, Г. Ф. Пешаков, Н. Рильский.

ОР РГБ, ф. 203, к. 197, ед. хр. 5, лл. 3—14 об. Черновое.

Опубл.: Златарски В. Н. Ю. И. Венелин и значението му за българите. София, 1903, с. 51—64.

32. 1837, октября 26. С.-Петербург. — Отношение Министерства народного просвещения на имя Ю. И. Венелина. — В Москву.

Уведомляет о решении Российской академии наук не печатать «Граматику нынешнего болгарского наречия» Ю. И. Венелина.

Упом.: А. С. Шишков.

ОР РГБ, ф. 49, к. 1, ед. хр. 5, лл. 12—12 об. Писарская копия.

33. 1837, октября 31. Одесса. — Письмо Н. Н. Мурзакевича М. П. Погодину. — В Москву.

Просит прислать грамматику и словарь болгарского языка для П.—И. Шафарика.

ОР РГБ, ф. 231/П, к. 21, ед. хр. 66, л. 2 об.

34. 1837, декабря 10. Одесса. — Письмо В. Е. Априлова и Н. Х. Палаузова Ю. И. Венелину. — В Москву.

Информируют об открытии школ в болгарских городах, о деятельности Габровского училища и намерении открыть при нем типографию. Одобрят планы Венелина издавать труды по болгарской литературе и языку, собираются содействовать ему в этом. Посылают каталог изданных болгарских книг и болгарские песни. Сообщают о разыскании болгарских рукописей. Благодарят за присланные книги.

Упом.: И. Н. Денкоглу, Р. Йован, А. С. Кипиловский, Н. Н. Мурзакевич, Г. Ф. Пешаков, Н. Рильский, В. Г. Тепляков.

ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 149/3, лл. 3—8. Писарская копия с подписями Н. Х. Палаузова и В. Е. Априлова; постскриптум — рукой В. Е. Априлова.

Опубл.: Унджиева Ц. Документи по българското възраждане в съветските архиви. — Известия на Института за литература. Кн. XII. — София, 1962, с. 137—141.

35. 1837, декабря 20. Одесса. — Письмо Н. Н. Мурзакевича Ю. И. Венелину. — В Москву.

Сообщает о своем участии в распространении среди болгар книги Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгаре...» Т. 1.

Упом.: В. Е. Априлов.

ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 149/5, лл. 1—2.

1838

36. 1838, февраля 17. Бухарест. — Письмо А. С. Кипиловского Ю. И. Венелину. — В Москву.

Сообщает о подписке в Болгарии на 2-ой том исследования Ю. И. Венелина о болгарях. Просит прислать 50 экземпляров первого тома и книгу «О характере народных песен у славян задунайских».

Упом.: В. Е. Априлов, И. Д. Баканоглу, Д. И. Мустаков, Н. Х. Палаузов, А. С. Ширяев.

ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 149/4, лл. 1—2.

Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 150—151.

37. 1838, марта 16. Одесса. — Письмо В. Е. Априлова и Н. Х. Палаузова Ю. И. Венелину. — В Москву.

Сообщают о своем участии в распространении среди болгар трудов Венелина и в поиске болгарских рукописей. Высказывают мнение о предстоящей поездке О. М. Бодянского в Болгарию.

Упом.: А. С. Кипиловский, Н. Н. Мурзакевич, Г. Ф. Пешаков, Н. Рильский.

ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 149/3, лл. 9—10. Писарская копия с подписями Н. Х. Палаузова и В. Е. Априлова; постскриптум — рукой В. Е. Априлова.

Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 141—142.

38. 1838, апреля 13, июня 7, декабря 1. Одесса. — Письма В. Е. Априлова и Н. Х. Палаузова Ю. И. Венелину. — В Москву.

Посылают Венелину книги, копии рукописей, найденных в Болгарии. Сообщают о болгарских рукописях, обнаруженных в Черногории. Просят помочь в переводе на болгарский язык учебников для болгарских училищ.

Упом.: О. М. Бодянский, Н. Бозвели, С. Врачанский, А. С. Кипиловский, Н. Н. Мурзакевич, Н. Рильский, П. Хилендарский.

ОР РГБ, ф. 49, к. 5, 149/2, лл. 5—6; ед. хр. 149/3, лл. 11—16; Писарские копии с подписями Н. Х. Палаузова и В. Е. Априлова.

Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 129—131, 142—149.

39. 1838, июня 22. [Одесса]. — Письмо В. Е. Априлова Ю. И. Венелину. — В Москву.

Сообщает о составлении списка текста рукописи «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского и посылке его Ю. И. Венелину. Посылает также собственноручный список полууставом текста «О Царстве Болгарском», являющийся прологом к другой редакции «Истории славяноболгарской», и с указанием разночтений обеих редакций.

Упом.: Н. Н. Мурзакевич.

ОР РГБ, ф. 49, к. 7, ед. хр. 8, лл. 56—59. Автограф. Русск. и славяно-болг. яз.

40. [до 1839]. Б. м. — Болгарские народные песни в записи Ю. И. Венелина.
Упом.: В. Караджич.
ОР РГБ, ф. 49, к. 3, ед. хр. 75, лл. 1—2; 76, л. 1; 77, лл. 1—3 об.; 78, лл. 1—4.
Автограф. Болг. яз.
Опубл. част.: Бессонов П. А. Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар. — Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 21. М., 1855. С. 32—38, 51—66, 71—72, 83—85, 262—264.
41. [до 1839]. [Москва]. — Венелин Ю. И. «Заметка о необходимости обучения болгарскому языку в духовных семинариях».
ОР РГБ, ф. 49, к. 1, ед. хр. 12, л. 1. Автограф.
42. [до 1839]. Б. м. — Венелин Ю. И. «Записки, касающиеся изучения болгарской книжной письменности».
Упом.: П. И. Соколов.
ОР РГБ, ф. 49, к. 5, ед. хр. 148, лл. 1—2. Черновой автограф, без начала и конца.
43. [до 1839]. [Москва]. — Венелин Ю. И. «Новейшая история болгар» — [фрагмент работы].
ОР РГБ, ф. 49, к. 2, ед. хр. 36, лл. 1—2. Автограф.
44. [до 1839]. [Москва]. — Венелин Ю. И. «Топографическое обозрение Дунайской долины» — статья, без начала и конца.
Содержит сведения о болгарях.
ОР РГБ, ф. 49, к. 2, ед. хр. 44, лл. 1—52. Список неустановленного лица.
45. [до 1839]. Москва. — Письмо Ю. И. Венелина И. И. Срезневскому. — В Харьков. Благодарит за присланные славянские песни. Считает необходимым издать песни, собранные Срезневским.
ОР РГБ, ф. 203, к. 197, ед. хр. 3, л. 1. Черновое.
- 1839*
46. 1839, октября 20. Одесса. — Письмо Н. Н. Мурзакевича М. П. Погодину. — В Москву.
Посылает М. П. Погодину выписки из болгарских рукописей XVII в. Интересуется материалами о Болгарии, собранными Ю. И. Венелиным.
ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 66, лл. 9 об. — 10.
47. [после 1839]. Москва. — Статья М. П. Погодина «Открытие памятника Венелину».
Дает высокую оценку книге Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгаре...» т. 1. Описывает внешний вид памятника.
Упом.: И. Н. Денкоглу.
ОР РГБ, ф. 231, к. 28, ед. хр. 3, л. 1. Черновой автограф.
- 1840*
48. 1840, апреля 28. Одесса. — Письмо Н. Н. Мурзакевича М. П. Погодину. — В Москву.
Посылает Обществу истории и древностей российских выписки из болгарской рукописи о Кирилле и Мефодии.
Упом.: О. М. Бодянский, Д. М. Княжевич, С. Г. Строганов, А. Д. Чертков, П.-И. Шафарик, А. С. Ширяев.
ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 66, лл. 11—12.
49. 1840, сентября 24. Одесса. — Письмо Н. Н. Мурзакевича М. П. Погодину. — В Москву.
Собирается прислать Погодину болгарское издание Нового Завета. Рекомендует для поступления в университет болгар, обучающихся в Ришельевском лицее.
ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 66, л. 13 об.
50. [1840]. Б. м. — [Заметки В. И. Григоровича по истории болгар и сербов].
ОР РГБ, ф. 86, к. 1, ед. хр. 1, лл. 19—32. Автограф в записной книжке.
51. [до 1841]. Б. м. — Болгарские обряды и предания в записи И. П. Липранди.
ОР РГБ, ф. 47/III, к. 16, ед. хр. 8, лл. 216—219 об. Автограф. Болг. яз.
Опубл.: Вацуру В. Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820—1840-х годов. — В кн.: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Т. 1. М., 1976, с. 243—245.

1841

52. 1841, марта 28. С.-Петербург. — Письмо И. П. Липранди А. Ф. Вельтману. — В Москву.
Посылает Вельтману несколько листов с записями болгарских песен.
ОР РГБ, ф. 47/II, к. 4, ед. хр. 17, л. 37. Болг. яз.
53. 1841, августа 9. Одесса. — Письмо М. Г. Соловьева М. П. Погодину. — В Москву.

Просит оказать помощь болгарину Илиеву завершить образование в Московском университете.

Упом.: В. В. Григорьев.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 30, ед. хр. 90, лл. 1—2.

54. 1841, ноября 24. Одесса. — Письмо Н. Н. Мурзакевича М. П. Погодину. — В Москву.

Сообщает об издании книги В. Е. Априлова «Денница ново-болгарского образования»; дает краткую аннотацию содержания.

Упом.: В. В. Григорьев, Д. М. Княжевич.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 66, л. 20.

1842

55. 1842, февраля 6. Одесса. — Письмо В. Е. Априлова М. П. Погодину. — В Москву. Посылает Погодину в знак благодарности за сочувствие и помощь болгарам книгу «Денница ново-болгарского образования».

Упом.: Ю. И. Венелин, В. В. Григорьев, И. И. Молнар.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 2, ед. хр. 40, лл. 1—2.

Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 133—134.

56. 1842, марта 20. Одесса. — Письмо М. Г. Соловьева М. П. Погодину. — В Москву. Посылает Погодину свою статью о книге В. Е. Априлова «Денница ново-болгарского образования» для публикации в журн. «Москвитянин». Собирается опубликовать в том же журнале статьи о болгарских обычаях и обрядах.

Упом.: В. В. Григорьев.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 30, ед. хр. 90, л. 3.

1843

57. 1843, апреля 30. Одесса. — Письмо Н. Н. Мурзакевича М. П. Погодину. — В Москву.

Предлагает М. П. Погодину болгарские книги.

Упом.: О. М. Бодянский, А. С. Стурдза.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 66, л. 26 об.

58. 1843, сентября 26. Одесса. — Письмо Н. Н. Мурзакевича М. П. Погодину. — В Москву.

Сообщает о своей работе над переводом с болгарского языка на русский географии Болгарии из редкой болгарской книги «Землеописание»; собирается опубликовать перевод в журн. «Москвитянин».

Упом.: В. Е. Априлов, М. С. Воронцов.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 66, лл. 29—29 об.

59. 1843. — Повесть А. Ф. Вельтмана «Райна, королева болгарская».

ОР РГБ, ф. 47, к. 31, ед. хр. 5, лл. 1—80. Черновой автограф.

Опубл.: «Библиотека для чтения», 1843, т. 59, № 7, с. 13—126.

1844

60. 1844, января 21. Одесса. — Письмо Н. Н. Мурзакевича М. П. Погодину. — В Москву.

Посылает М. П. Погодину статьи Н. Герова о болгарских народных песнях для публикации в журн. «Москвитянин». Сообщает о своей работе над статьей, посвященной болгарским народным праздникам.

Упом.: О. М. Бодянский, А. С. Стурдза.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 67, лл. 1—2.

61. 1844, марта 10. Одесса. — Письмо З. П. Княжеского М. П. Погодину. — В Москву. Благодарит за присланные книги.

Упом.: Г. Бусилин, архиеп. Иннокентий.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 15, ед. хр. 72, л. 1.

Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 163—164.

62. 1844, мая 28—1845, августа 21. Б. м. — [Путевые записки В. И. Григоровича во время путешествия по Европейской Турции].

Описывает: знакомство и общение с одесскими и бухарестскими болгарскими, получение от них сведений о болгарских монастырях, хранящихся в них книгах и рукописях; достопримечательности болг. городов; состояние монастырских библиотек; посещение монастырей (Хиландарского, Зографского, Рыльского и др.); поиск славянских рукописей. Приводит списки и описания болгарских рукописей. Описывает природу и историю посещаемых мест. Характеризует особенности болгарского языка.

Упом.: В. Е. Априлов, Ю. И. Венелин, И. Н. Денкоглу, И. Дмитриевич, З. П. Княжеский, Е. Мутьева, С. Н. Палаузов, Г. Ф. Пешаков, Д. М. Тошков.

ОР РГБ, ф. 86, к. 1, ед. хр. 2, 6. Автор. Греч. и рус. яз.

63. 1844, августа 8. Одесса. — Письмо К. П. Зеленецкого М. П. Погодину. — В Москву.

Информирует Погодина о приезде в Москву С. Н. Палаузова для сдачи кандидатского экзамена.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 12, ед. хр. 75, л. 12.

64. [1844—1845]. Б. м. — Монография В. И. Григоровича «Болгары в этнографическом отношении».

ОР РГБ, ф. 86, к. 2, ед. хр. 36, лл. 1—64. Беловой автограф.

1845

65. 1845, февраля 9. Казанлык. — Письмо архим. Онуфрия (Попович Казанлучанин) В. И. Григоровичу. — В Солунь.

Благодарит за подарок чернильницы с чернилами и желает долгих лет жизни.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 100, л. 1. Болг. яз.

66. 1845, февраля 15. Москва. — Письмо А. Смирнова М. П. Погодину. — В Москву. Сообщает о двух сборниках болгарских песен, оставшихся после смерти его товарища по университету [Г.] Бусилина.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 30, ед. хр. 39, лл. 1—2.

67. 1845, июля 22. Габрово. — Письмо Ц. Недюва В. И. Григоровичу. — В Бухарест. Посылает В. И. Григоровичу полученные от Н. Рильского рукописи. Передает привет Н. Х. Палаузову и В. Е. Априлову.

Упом.: В. Рашеев.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 89, л. 1. Болг. яз.

68. 1845, ноября 5, декабря 6. Одесса. — Письма В. Е. Априлова в Общество истории и древностей российских. — В Москву.

Благодарит за присланные книги. Просит принять в знак благодарности свою книгу «Болгарские грамоты».

ОР РГБ, ф. 203, ед. хр. 8, л. 195; к. 56, ед. хр. 6, л. 1.

1846

69. 1846, января 26. Москва. — Протокол заседания Общества истории и древностей российских.

Содержит сведения об избрании С. Н. Палаузова действительным членом общества.

ОР РГБ, ф. 203, ед. хр. 8, л. 183. Рукой О. М. Бодянского.

70. 1846, февраля 25. Охрида. — Письмо Д. Миладинова В. И. Григоровичу. — В [Лейпциг].

Информирует о диалектах болгарского языка, о собранных по поручению В. И. Григоровича песнях.

ОР РГБ, ф. 86, к. 5, ед. хр. 53, лл. 1—2. Греч. яз.

71. 1846, апреля 27. Б. м. — Письмо В. И. Оболенского в Общество истории и древностей российских. — В Москву.

Сообщает о подготовке им к публикации перевода «Хронографии» Феофана, источника по истории болгар.

Упом.: Ю. И. Венелин.

ОР РГБ, ф. 203, ед. хр. 8, лл. 260—261.

72. 1846, июля 19. Одесса. — Письмо Н. Н. Мурзакевича М. П. Погодину. — В Москву. Уведомляет о выполнении им поручения Погодина по отправлению славянских книг в Константинополь.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 67, лл. 10—10 об.

73. 1846, августа 9. Охрида. — Письмо К. Робева В. И. Григоровичу. — В [Лейпциг]. Информирует В. И. Григоровича о книгах и рукописях, хранящихся у австрийского консула [Ф.] Михановича.

ОР РГБ, ф. 86, к. 5, ед. хр. 51, лл. 1—3. Греч. яз.

74. 1846, ноября 26. Прага. — Письмо В. И. Григоровича М. П. Погодину. — В Москву. Сообщает о своей предполагаемой поездке в Южную Албанию и Эпир для знакомства с болгарской культурой и изучения болгарского языка.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 9, ед. хр. 22, л. 3 об.

75. [1846—1854]. Б. м. — [Записная книжка В. И. Григоровича, содержащая заметки и выписки о Болгарии].

ОР РГБ, ф. 86, к. 1, ед. хр. 15, лл. 38—38 об., 56—58, 63—65, 77—78, 83 об. — 87. Автограф.

1847

76. 1847, января 25. Москва. — Протокол заседания Общества истории и древностей российских.

Содержит сведения о чтении В. М. Ундольским своего сочинения «Константин, епископ Болгарский, ученик св. Мефодия».

ОР РГБ, ф. 203, ед. хр. 9, л. 1. Рукой неустановленного лица.

77. 1847, июня 4. Одесса.— Письмо З. П. Княжеского М. П. Погодину.— В Москву. Дает о себе краткую биографическую справку. Рассказывает о своей деятельности в Петербурге в пользу развития болгарского просвещения. Перечисляет количество собранных им русских книг для болгарских училищ.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 15, ед. хр. 72, лл. 2—3.

Опубл.: Письма к М. П. Погодину из славянских земель. (1835—1861). В. II—III, М., 1879. С. 709—712.

78. 1847, августа 4. Москва.— Письмо З. П. Княжеского гр. С. Г. Строганову.— В [Москву].

Информирует об открытии в Болгарии с 1832 по 1846 гг. 65 школ. Просит пожертвовать книги для болгарской публичной библиотеки в г. Эски-Загра и училищ.

Упом.: Н. Геров.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 15, ед. хр. 73, лл. 1—3. Черновое с пометой М. П. Погодина.

Опубл.: Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861).

Вып. II—III, М., 1879. С. 712—716.

79. 1847, ноября 27. Одесса.— Письмо З. П. Княжеского М. П. Погодину.— В Москву.

Благодарит за помощь, оказанную Погодиным одному болгарину при поступлении в университет на казенный счет. Просит помочь в получении и отправке в Одессу книг для болгарской публичной библиотеки в [г. Эски-Загра] и училищ, пожертвованных русскими учеными.

Упом.: Аксаковы, О. М. Бодянский, С. А. Маслов, В. П. Титов, С. Д. Тошков, С. П. Шевырев, А. Экзарх.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 15, ед. хр. 72, лл. 8—9.

Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 167—186.

1848

80. 1848, марта 19. [Москва].— Письмо И. Н. Денкоглу В. И. Григоровичу.— В [Казань]

Рассказывает о политике в области образования софийского митр. Мелетия: его нежелании обучать болгарских детей на славянском языке, изгнании неугодных учителей. Информирует о подготовке [О. М. Бодянским] к изданию «Симеонова сборника».

Упом.: В. Е. Априлов, Н. Стоянович, П.-И. Шафарик.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 51, лл. 3—3 об. Рукой неустановленного лица с подписью И. Н. Денкоглу.

81. 1848, июня 23. Одесса.— Письмо Н. Н. Мурзакевича М. П. Погодину.— В [Москву].

Просит оказать помощь архим. Рыльского монастыря С. Ковачевичу в деле открытия монастырской типографии.

Упом.: З. П. Княжеский, А. Д. Чертков.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 68, лл. 15—16.

82. 1848, октября 28, декабря 30. Одесса.— Письма Н. Н. Мурзакевича М. П. Погодину.— В [Москву].

Высылает Погодину рукописи, в том числе болгарские. Рекомендует болгарина Д. С. Мутьева.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 68, лл. 25—25 об.

83. [1848—1849]. Москва.— [Записи текстов болгарских песен с переводом отдельных слов, сделанные О. М. Бодянским].

ОР РГБ, ф. 36, к. 6, ед. хр. 3, л. 173. Автограф. Болг. и русск. яз.

1849

84. 1849, января 4. [Москва].— Письмо О. М. Бодянского И. Н. Денкоглу.— В [Москву].

Предлагает принять участие в издании серии книг под названием «Памятники славяно-русской истории и древностей».

ОР РГБ, ф. 203, к. 52, ед. хр. 9, лл. 1—4. Черновое.

85. [1840-е]. [Москва].— [Заметки об особенностях новоболгарского языка] О. М. Бодянского.

ОР РГБ, ф. 203, к. 193, ед. хр. 24, лл. 1—4. Черновой автограф.

86. [1840—1850-е]. Б. м.— [Заметки по истории Болгарии и болгарской грамматике] В. И. Григоровича.

ОР РГБ, ф. 86, к. 2, ед. хр. II, лл. 1—12. Автограф.
87. [1840—1860-е]. [Отрывки из научных работ и лекций В. И. Григоровича по славянской литературе].

ОР РГБ, ф. 86, к. 2, ед. хр. 10, лл. 1—9. Черновой автограф.

1850

88. 1850, августа 3. С.-Петербург. — Письмо С. Н. Палаузова М. П. Погодину. — В Москву.

Посылает свой перевод главы из сочинения Я. Фалмерайера «Fragmente aus dem Orient» для публикации в журн. «Москвитянин».

Упом.: Н. Д. Катранов, З. П. Княжеский, архим. С. Ковачевич, Д. С. Мутьев, Н. И. Надеждин, Ф. И. Тютчев.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 23, ед. хр. 53, лл. 3—4.

Опубл.: Никулина М. В., Великов С. Писма на Николай Христофоров Палаузов и Спиридон Николаев Палаузов до Михаил П. Погодин и Виктов И. Григорович. — Известия на държавните архиви. Кн. 27. София, 1974, с. 124—125.

89. 1850, августа 15. С.-Петербург. — Письмо С. Н. Палаузова А. Ф. Вельтману. — В Москву.

Просит ознакомиться со своей статьей о славянском элементе в Греции, посланной в журн. «Москвитянин».

Упом.: Н. Д. Катранов, И. И. Срезневский.

ОР РГБ, ф. 47/II, к. 4, ед. хр. 47, лл. 1—2.

90. 1850, сентября 10. Одесса. — Письмо Н. Х. Палаузова В. И. Григоровичу. — В Москву.

Информирует об издании книг в Болгарии, издателя болгарской газ. «Царьградский вестник» [И. А.] Богорова. Посылает В. И. Григоровичу номера «Царьградского вестника» и книгу В. Е. Априлова (название книги не указано). Сообщает сведения о болгарской рукописи «Синодик царя Бориса». Выражает признательность России за попечение о болгарских монастырях.

Упом.: архиеп. Иннокентий, архим. С. Ковачевич, Д. И. Мейер, С. Н. Палаузов, Д. М. Тошков, С. Д. Тошков, А. Экзарх.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 103, лл. 1—3.

Опубл.: Никулина М. В., Великов С. Указ. соч., с. 105—107.

1851

91. 1851, октября 19. Одесса. — Письмо Н. Н. Мурзакевича М. П. Погодину. — В Москву.

Просит помочь болгарскому иеромонаху Нафанаилу в установлении контактов с русской общественностью.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 68, лл. 27—27 об.

92. 1851, ноября 23. Одесса. — Письмо Н. Х. Палаузова В. И. Григоровичу. — В Москву.

Сообщает об открытии училищ в Болгарии, издании книг и о введении нового правописания издателем болгарской газ. «Мирозрение»; об исходатайствовании одесскими болгарами у Министерства народного просвещения разрешения на свободное получение болгарских газет и журналов. Посылает В. И. Григоровичу «Жизнеописание Ю. И. Венелина» на болгарском языке.

Упом.: И. Добрович, архим. С. Ковачевич, Д. И. Мейер.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 103, лл. 4—5.

Опубл.: Никулина М. В., Великов С. Указ. соч., с. 107—108.

1852

93. 1852, марта 14. Одесса. — Письмо Н. Х. Палаузова В. И. Григоровичу. — В Казань.

Сообщает об открытии училищ в Филиппополе и других болгарских городах, издании новых книг на болгарском языке, деятельности Константинопольской типографии, употреблении редактором газ. «Мирозрение» нового правописания; перечисляет русские учебные заведения, готовые болгарских учителей. Просит выслать сочинение В. И. Григоровича по болгарской истории. Собирается опубликовать в газ. «Царьградский вестник» песни о Марко Кралевиче.

Упом.: В. Е. Априлов, Ю. И. Венелин, Н. Геров, И. Н. Денкоглу, И. Добрович, С. Ковачевич, Д. И. Мейер, К. Робев, А. С. Стурдза, П.-И. Шафарик.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 103, лл. 6—9.

Опубл.: Никулина М. В., Великов С. Указ. соч., с. 109—112.

94. 1852, июля 18. С.-Петербург. — Письмо С. Н. Палаузова В. И. Григоровичу. — В Казань.

Высылает В. И. Григоровичу свою диссертацию «Век болгарского царя Симеона» и статьи для публикации в журналах. Собирается печатать в журн. «Известия Академии наук» перевод на русский язык отрывка из жития Климента. Информировует В. И. Григоровича об изданных книгах по славянской литературе.

Упом.: В. Караджич, Фр. Палацкий, И. И. Срезневский, Н. Г. Устрялов, П.-И. Шафарик.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 104, лл. 1—4.

Опубл.: Никулина М. В., Великов С. Указ. соч., с. 118—119.

95. 1852, октября 7, ноября 3. Эски-Загра. — Письма З. П. Княжеского Ю. Ф. Самарину. — В Москву.

Сообщает о рассылке книг для болгарских училищ. Просит помочь в уплате долга за годовое содержание в пансионе болгарских девочек. Сообщает сведения о монастыре в окрестностях Эски-Загры, просит помочь в его нуждах и прислать из России колокол.

Упом.: архим. Антоний, митр. Филарет, А. С. Хомяков.

ОР РГБ, ф. 265, к. 190, ед. хр. 44, лл. 1—4.

1853

96. 1853, января 14. Москва. — Письмо С. В. Филаретова М. П. Погодину. — В Москву. Просит предоставить возможность пользоваться дома журн. «Москвитянин» для изучения русской истории.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 34, ед. хр. 57, лл. 1—2.

97. 1853, февраля 13. Эски-Загра. — Письмо З. П. Княжеского Ю. Ф. Самарину. — В Москву.

Просит помочь в устройстве болгарских девочек, обучающихся в Одессе, в связи с закрытием пансиона после ревизии учебных заведений А. С. Норовым. Приглашает Ю. Ф. Самарина приехать в Болгарию.

Упом.: А. П. Озеров, [Е. А.] Свербеева, С. Д. Тошков, А. С. Хомяков.

ОР РГБ, ф. 265, к. 190, ед. хр. 44, лл. 5—6.

98. 1853, апреля 14. Москва. — Письмо С. В. Филаретова М. П. Погодину. — В Москву.

Посылает сделанные им переводы статей о греко-болгарской церковной борьбе из газ. «Царьградский вестник» для публикации в журн. «Москвитянин».

Упом.: А. С. Меншиков, Н. Е. Мухин, Н. Х. Палаузов.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 34, ед. хр. 57, лл. 8—9.

Опубл.: Письма к М. П. Погодину из славянских земель. (1835—1861). Вып. II—III. М., 1879, С. 718—720.

99. 1853, мая 10. Москва. — Письмо С. В. Филаретова В. И. Григоровичу. — В Казань.

Посылает В. И. Григоровичу по поручению студента Ришельевского лицея Саввы Радулова книгу на болгарском языке в знак благодарности и уважения. Сообщает о приезде в Россию монахов Рыльского монастыря и сборе ими средств на создание при монастыре богословского училища. Предлагает выслать В. И. Григоровичу номера газ. «Царьградский вестник».

Упом.: Н. Х. Палаузов.

ОР РГБ, ф. 86, к. 7, ед. хр. 12, лл. 1—2.

100. 1853, мая 25, августа 17. Москва, Нижний Новгород. — Письма монахов Рыльского монастыря Никифора и Пантелеймона В. И. Григоровичу. — В Казань.

Благодарят В. И. Григоровича за положительный отзыв о Рыльском монастыре, а также за присланные книги «Очерки путешествия по Европейской Турции», «Статья о древнем славянском языке». Сообщают о намерении выслать рукопись сочинений Иоанна Златоуста «Андрياتис».

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 91, лл. 1—2; к. 6, ед. хр. 6, лл. 1—2.

101. 1853, июня 14. Москва. — Письмо С. В. Филаретова А. Ф. Вельтману в Москву. Просит обеспечить его билетом на свободный вход в Оружейную палату.

Упом.: Е. Мутьева.

ОР РГБ, ф. 47/II, к. 6, ед. хр. 35, лл. 5—6.

Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 152—153.

102. 1853, июня 17. Эски-Загра. — Письмо З. П. Княжеского А. Ф. Вельтману. — В Москву.

Информирует о своей преподавательской деятельности, об открытии при болгарских училищах библиотек. Благодарит за книги, подаренные публичной библиотеке в г. Эски-Загра. Просит помочь обучающемуся в России С. В. Филаретову.

Упом.: О. М. Бодянский, Д. А. Оболенский, М. П. Погодин, С. Е. Раич, С. П. Сушков, Д. А. Толстой, С. П. Шевырев.

ОР РГБ, ф. 47/II, к. 3, ед. хр. 57, лл. 1—2.

Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 168—169.

103. 1853, октября 25. Москва. — Письмо С. П. Шевырева А. Д. Черткову. — В Москву.

Приводит краткие сведения о статье С. Н. Палаузова «Материалы для истории болгар в XIII—XIV столетиях». Посылает краткую библиографию его трудов.

ОР РГБ, ф. 203, ед. хр. 12, лл. 138—141.

1854

104. 1854, января 10. Москва. — Письмо А. Ф. Вельтмана И. П. Липранди. — В С.-Петербург.

Передаёт желание С. Н. Палаузова познакомиться с И. П. Липранди.

ОР РГБ, ф. 18, к. 7, ед. хр. 61, лл. 25—26.

105. 1854, февраля 13. Москва. — Протокол заседания Общества истории и древностей российских.

С. П. Шевырев рекомендует к печати статью С. Н. Палаузова «Материалы для истории болгар в XIII и XIV столетиях».

ОР РГБ, ф. 203, ед. хр. 12, л. 97 [Рукой Г. И. Спасского].

106. 1854, июля 23. С.-Петербург. — Письмо А. Ф. Гильфердинга К. С. Аксакову. — В Москву.

Рассказывает о своей работе над «Письмами об истории сербов и болгар». Собирается прислать К. С. Аксакову часть работы на отзыв.

ОР РГБ, ф. 3, к. 1, ед. хр. 11, лл. 6—6 об.

107. 1854, августа 13. Одесса. — Письмо З. П. Княжеского Ю. Ф. Самарину. — В Москву.

Рассказывает о своей деятельности в области развития просвещения в Болгарии: работе учителем в Эски-Загре, распространении русских книг, подготовке к изданию перевода [«Краткий всеобщей географии» К. И. Арсеньева]. Называет виды учебной литературы, которые З. П. Княжеский собрал в России для болгарских училищ.

Упом.: А. П. Озеров.

ОР РГБ, ф. 265, к. 190, ед. хр. 44, лл. 7—8.

108. 1854, октября 25. Москва. — Письмо С. В. Филаретова В. И. Григоровичу. — В [Казань].

Сообщает о выходе из печати книги Н. В. Берга «Песни разных народов»; о предстоящей публикации статей П. А. Бессонова об эпической поэзии южных славян, болгарском правописании. Просит помочь в приобретении книги «Очерки путешествия по Европейской Турции».

Упом.: О. М. Бодянский, Ф. И. Буслаев, И. Н. [Денкоглу], С. П. Шевырев.

ОР РГБ, ф. 86, к. 7, ед. хр. 31, лл. 2—3.

1855

109. 1855, февраля 25. Одесса. — Письмо З. П. Княжеского М. П. Погодину. — В Москву.

Просит напечатать составленную З. П. Княжеским славяно-болгарскую грамматику для болгарских училищ и переслать ее в Болгарию, а также помочь закончить перевод «Географии» К. И. Арсеньева на болгарский язык.

Упом.: О. М. Бодянский, А. Ф. Вельтман, М. А. Дмитриев, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, И. М. Снегирев, С. В. Филаретов, Д. А. Хомяков, С. П. Шевырев.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 15, ед. хр. 72, лл. 12—13.

Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 169—170.

110. 1855, февраля 28. Одесса. — Письмо З. П. Княжеского М. П. Погодину. — В Москву.

Просит выдать денежное пособие его дочерям, обучающимся в Одесском пансионе.

Упом.: Ю. Ф. Самарин, С. В. Филаретов.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 15, ед. хр. 72, л. 14.

Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 170—171.

111. 1855, марта 20. Москва. — Письмо С. В. Филаретова М. П. Погодину. — В Москву.

Просит поместить в журн. «Москвитянин» информацию об устройстве болгарина Р. Николова в московское ремесленное заведение.

Упом.: З. П. Княжеский, Д. С. Мутьев, Н. Х. Палаузов.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 34, ед. хр. 57, л. 41.

Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 154—155.

112. 1855, мая 22. Прага. — Письмо В. Ганки М. П. Погодину. — В Москву.

Рекомендует болгарина Н. Герова, выехавшего в С.-Петербург для издания словаря болгарского языка.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 7, ед. хр. 102, л. 48.

[1855].

113. [С.-Петербург]. — Письмо А. Ф. Гильфердинга О. А. Новиковой. — В [С.-Петербург].

Сообщает о выходе из печати второй части «Истории сербов и болгар».

ОР РГБ, ф. 126, к. 3323, ед. хр. 7, лл. 1—1 об.

1856

114. 1856, января 26. С.-Петербург. — Письмо Н. Герова М. П. Погодину. — В Москву.

Сообщает сведения о современном положении болгар для составляемой М. П. Погодиным записки о южных славянах. Обращает особое внимание на усиление притеснения болгарских христиан греческим духовенством. Возлагает надежду на помощь России в возрождении и сохранении болгарской народности на Балканах.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 7, ед. хр. 136, лл. 2—4.

115. 1856, февраля 10. Москва. — Письмо А. А. Котляревского В. И. Григоровичу. — В Одессу.

Просит помочь в издании на русском языке биографии болгарского епископа Климента.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 65, лл. 1—2.

116. 1856, марта 16. Одесса. — Письмо З. П. Княжеского Ф. В. Чижову. — В Москву.

Намеревается изучить шелководство для распространения его в Болгарии. Просит прислать машины, применяющиеся в шелководстве.

ОР РГБ, ф. 332, к. 33, ед. хр. 6, лл. 1—2.

117. 1856, июля 30. [Одесса]. — Письмо архиеп. Иннокентия М. П. Погодину. — В Москву.

Информирует об образовании Одесского болгарского настоятельства. Просит поддержать усилия настоятельства по написанию истории Болгарии для болгарских училищ.

Упом.: В. Е. Априлов.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 14, ед. хр. 2, лл. 19—20.

118. 1856, августа 23, ноября, 13. Одесса. — Письма З. П. Княжеского Ф. В. Чижову. — В Москву.

Сообщает о своем намерении провести зиму в Одессе.

Упом.: И. С. Аксаков, О. М. Бодянский, А. И. Васильчиков, И. В. Киреевский, Д. М. Струков, Д. А. Хомяков, С. П. Шевырев.

ОР РГБ, ф. 332, к. 33, ед. хр. 6, лл. 5—8.

119. 1856, ноября 16. С.-Петербург. — Письмо Российской академии наук В. И. Григоровичу. — В [Одессу].

Российская Академия наук просит В. И. Григоровича дать рецензию на книгу Вретоса (А. Пападопулос) «La Bulgarie ancienne et moderne».

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 2, лл. 15—16. Писарское.

120. 1856. Москва — Погодин М. П. Речь «на завтраке, данном молодым болгарам, учащимся в Москве».

Желает болгарам успехов в деле национального возрождения Болгарии. Заверяет в поддержке их со стороны России.

ОР РГБ, ф. 231/I, к. 25, ед. хр. 4, л. 1. Черновой автограф.

Опубл.: Погодин М. П. Сочинения, т. 3, М., 1872, с. 208.

1857

121. 1857, января 14. Одесса. — Письмо архиеп. Иннокентия М. П. Погодину. — В Москву.

Выражает пожелание о написании П. А. Бессоновым краткой истории Болгарии для болгарских училищ.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 14, ед. хр. 2, лл. 1—2.

122. 1857, марта 27. Москва. — Письмо С. В. Филаретова А. Ф. Вельтману. — В Москву.

Просит ходатайствовать о приеме болгарина Р. Николова в кадетский корпус.

Прилож.: записка со сведениями о Р. Николове.

Упом.: И. Н. Денкоглу, А. П. Озеров, М. П. Погодин.

ОР РГБ, ф. 47/II, к. 6, ед. хр. 35, лл. 1—4.

Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 155—157.

123. 1857, апреля 10. [Москва]. — Письмо П. А. Бессонова М. П. Погодину. — В Москву.

Просит помочь достать песни из собрания Д. Миладинова для сборника болгарских песен.

- ОР РГБ, ф. 231/II, к. 3, ед. хр. 28, лл. 21—22.
124. 1857, апреля 29. Константинополь. — Геров Н. «Записка о взаимоотношениях греческого духовенства с болгарарами».
Дает отрицательную характеристику представителей константинопольской церкви (в частности, митр. Филиппопольского Хрисанфа). Рассказывает о трудностях своей работы учителем в Филиппополе.
Упом.: А. С. Меншиков.
ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 108, лл. 1—6. Писарская копия.
125. 1857, июня 15. Москва. — Письмо С. В. Филаретова М. П. Погодину. — В Москву. Просит помочь в получении из книжной лавки журн. «Москвитянин» 20 экземпляров повести А. Ф. Вельтмана «Райна, королева болгарская» для распространения среди славян в Вене, Белграде, Польше, Праге.
Упом.: Н. Геров, Д. С. Мутьев.
ОР РГБ, ф. 231/II, к. 34, ед. хр. 57, л. 50.
Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 158—159.
126. 1857, сентября 20. Б. м. — Статья А. В. Рачинского «Несколько слов о просвещении болгарского народа (Письмо Петру Ивановичу Бартеневу)».
ОР РГБ, ф. 139, к. 9, ед. хр. 3, лл. 1—3. Авторская наборная рукопись с редакторской правкой.
Опубл.: «Русская беседа», 1857, кн. IV, с. 161—170.
127. 1857, октября 11. [Москва]. — Письмо Е. П. Ковалевского Е. П. Новикову. — В [Москву].
Упоминает о пожертвовании митр. Филарета в пользу болгарской церкви в Константинополе.
ОР РГБ, ф. 126, к. 3608, ед. хр. 5, лл. 1—1 об.
128. 1857, октября 28. Рыльский монастырь. — Письмо архим. Иосифа М. П. Погодину. — В Москву.
Благодарит за покровительство и пожертвование книг. Просит помочь устроить молодых монахов в русскую школу живописи.
Упом.: Аксаковы, А. И. Кошелев, К. Н. Палаузов, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков.
ОР РГБ, ф. 231/II, к. 14, ед. хр. 17, лл. 1—2.
129. 1857, октября 29. С.-Петербург. — Письмо С. Н. Палаузова В. И. Григоровичу. — В [Казань].
Сообщает об окончании своей работы над историей болгарской церкви. Собирается послать работу на отзыв В. И. Григоровичу. Упоминает о своих занятиях в Румянцевском музее и Публичной библиотеке с рукописями.
Упом.: М. А. Корф, А. С. Норов, К. Тишендорф.
ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 104, лл. 5—6.
Опубл.: Никулина М. В., Великов С. Указ. соч., с. 120—121.
130. 1857, ноября 7. Одесса. — Письмо Н. Х. Палаузова М. П. Погодину. — В Москву. Объявляет о нерешенности вопроса о преобразовании Одесского болгарского настоятельства в Болгарское благотворительное общество. Сообщает подробные сведения о культурно-просветительной жизни болгар в Царьграде, Свиштове и других городах: учреждении Общины народной болгарской письменности, народных училищ и музея для собирания книг, болгарской типографии.
Упом.: архиеп. Иннокентий, Д. С. Мутьев, К. Ранов.
ОР РГБ, ф. 231, к. 23, ед. хр. 52, лл. 1—2.
Опубл.: Никулина М. В., Великов С. Указ. соч., с. 112—114.
131. 1857, ноября 14. Одесса. — Письмо Н. Х. Палаузова М. П. Погодину. — В Москву.
Просит оказать покровительство двум болгарам, приехавшим [в Москву] учиться.
Упом.: Л. Каравелов, К. Кесяков, Е. П. Новиков.
ОР РГБ, ф. 231/II, к. 23, ед. хр. 52, лл. 3—4.
132. 1857, декабря 10/22. Вена. — Письмо И. Н. Денкоглу М. П. Погодину. — В Москву.
Извещает о начале преподавательской деятельности С. В. Филаретова в Софийском училище. Приводит сведения о церквях и монастырях Софийской епархии и болгарских древних памятниках.
Упом.: В. И. Григорович.
ОР РГБ, ф. 231/II, к. 10, ед. хр. 60, лл. 1—2.
Опубл.: Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861). Вып. II—III, М., 1879. С. 742—743.
133. 1857, декабря 15. София. — Письмо С. В. Филаретова М. П. Погодину. — В Москву.
Рассказывает о своем успешном преподавании в Софийском училище. Делится

впечатлениями от путешествия по Европе. Упоминает об отправке книг в Болгарию и об издании со следующего года в Царьграде двух болгарских периодических изданий.

Упом.: Аксаковы, П. И. Бартенев, П. А. Васильчиков, А. Ф. Вельтман, В. Ганка, Н. Геров, А. М. Горчаков, И. Н. Денкоглу, архиеп. Иннокентий, Е. П. Ковалевский, Д. С. Мутьев, М. Ф. Раевский, А. С. Хомяков, П.-И. Шафарик.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 34, ед. хр. 57, лл. 53—54, 56—58 об.

Опубл.: Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861).

Вып. II—III, М., 1879. С. 733—738.

134. 1857, декабря 22. [Москва]. — Письмо Р. Николова М. П. Погодину. — В Москву.

Благодарит за помощь в переводе во 2-й кадетский корпус.

Упом.: К. Б. Бонев, Н. Геров, Хр. Даскалов, В. Попович.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 27, ед. хр. 46, лл. 1—1 об.

135. 1857, декабря 30. Москва. — Программа общества «Московская болгарская дружина».

Определяет роль России в духовном возрождении болгар; цели и задачи общества: содействие развитию образования болгар, болгарской литературы, создание библиотек.

Прилож.: справка о финансовом положении членов общества.

Упом.: Хр. Даскалов, Л. Каравелов, Т. Ковачев, К. Миладинов, И. Христо-вич.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 89, лл. 77/1—77/4. Рукой неустановленного лица.

Опубл.: Ерихонов Л. Литературната дейност на българската дружина. — «Език и литература», 1963, № 6, с. 49—57.

136. 1857. Б. м. — Статья Х. К. Даскалова «Возрождение болгар или реакция в Европейской Турции» (статья первая).

ОР РГБ, ф. 139, к. 6, ед. хр. 1, лл. 1—61. Писарской наборный экз. с авторской правкой и подписью-автографом.

Опубл.: «Русская беседа», 1858, кн. 2, разд. «Смесь», с. 1—64.

1858

137. 1858, января 2. Одесса. — Письмо Н. Х. Палаузова М. П. Погодину. — В Москву.

Сообщает о деятельности Одесского болгарского настоятельства по развитию болгарского просвещения: отборе им воспитанниц для обучения в России, приеме пожертвований для училищ, обеспечении училищ книгами.

Упом.: архиеп. Иннокентий, Е. П. Ковалевский.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 23, ед. хр. 52, лл. 5—6.

Опубл.: Никулина М. В., Великов С. Указ. соч., с. 115—116.

138. 1858, января 31. [Москва]. — «Список жертвователей в пользу южнославянских православных церквей и училищ».

Упом.: А. Н. Бахметьев, О. М. Бодянский, М. Н. Катков, А. И. Кошелев, Ю. А. Оболенский, М. П. Погодин, Ю. Ф. Самарин, Д. А. Хомяков.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 35, лл. 1—2. Писарской.

139. 1858, апреля 10. [С.-Петербург]. — Письмо А. Ф. Гильфердинга И. С. Аксакову. — В Москву.

Сообщает об открытии Славянского отдела в газ. «С.-Петербургские ведомости» для знакомства русского общества с жизнью славян.

ОР РГБ, ф. 3, к. 9, ед. хр. 34, лл. 1—7.

140. 1858, июня 12. С.-Петербург. — Письмо Российской Академии наук В. И. Григоровичу. — Б. м.

Извещает о присуждении В. И. Григоровичу золотой медали за разбор сочинения Вретоса (А. Пападопулос) «La Bulgarie ancienne et moderne».

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 2, лл. 23—24. Писарская копия.

141. 1858, июнь—июль. Москва. — Викторов А. Е. «Кирилл и Мефодий. Новые источники и ученые труды для истории славянских апостолов» — [обзор источников по материалам отечественных и зарубежных публикаций].

ОР РГБ, ф. 51, к. 1, ед. хр. 8, лл. 1—51; ед. хр. 9, лл. 1—5. Черновой автограф, наборный экз.

142. 1858, июнь—июль. Салоники. — Письма Д. Миладинова П. И. Севастьянову. — Б. м.

Посылает Севастьянову рукописи, в том числе славянские, монеты, снимки надписей на камнях. Сообщает об отправке болгарской молодежи для обучения в Одессу.

Упом.: С. И. Веркович, А. Ф. Гильфердинг.

ОР РГБ, ф. 269/1, к. 17, ед. хр. 50. 14 пп. Болг., греч., русск. яз.

143. 1858, декабря 30. [Москва]. — Письмо Р. Николова М. П. Погодину. — В Москву.

Поздравляет с Новым годом, просит поздравить также своих соотечественников, учащихся в Московском университете.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 27, ед. хр. 47, л. 1.

1859

144. 1859, января 20. Царьград. — «Объявление» Болгарской библиотеки в Царьграде в Общество истории и древностей российских. — В Москву.

Извещает о целях библиотеки распространять научные знания среди болгар, издавать болгарские книги. Призывает оказывать содействие изданию журн. «Болгарские книжицы».

ОР РГБ, ф. 203, к. 54, ед. хр. 9, л. 1. Печатное с подписями Д. Х. Тульева и С. Боядтова. Болг. яз.

145. 1859, марта 7. Москва. — Протокол заседания Общества истории и древностей российских.

Содержит сведения о присылке С. Н. Палаузовым в библиотеку Общества своей книги «Румынские государства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении».

ОР РГБ, ф. 203, ед. хр. 14, л. 354. [Рукой И. Е. Забелина].

146. 1859, марта 11. Москва. — Письмо В. К. Караконовского М. П. Погодину. — В Москву.

Просит оказать ему содействие для обучения в Москве.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 14, ед. хр. 84, л. 2.

147. 1859, марта 30. Б. м. — Статья неустановленного автора «Выбор профессии болгарскими студентами, учащимися в Москве на средства славянского благотворительного комитета».

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 105, л. 1.

148. 1859, мая 16. С.-Петербург. — Письмо С. Н. Палаузова В. И. Григоровичу. — В Москву.

Делится научными планами и трудностями в написании истории болгарской церкви. Высказывает удовлетворение от прочтения книги В. И. Григоровича «О Сербии и ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях». Приводит интересные сведения о рукописи «Жития Феодосия», полученной из Рыльского монастыря. Посылает В. И. Григоровичу свою книгу «Румынские государства Валахия и Молдавия».

Упом.: А. С. Норов, К. Тишендорф, П.-И. Шафарик.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 104, лл. 13—14.

Опубл.: Никулина М. В., Великов С. Указ. соч., с. 121—122.

149, 1859, августа 7. С.-Петербург. — Письмо С. Н. Палаузова М. П. Погодину. — В Москву.

Просит помочь болгарским монахиням из Казанлыка в сборе пожертвований на строительство церкви и училища.

Упом.: В. А. Кокорев.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 23, ед. хр. 53, лл. 13—14.

Опубл.: Никулина М. В., Великов С. Указ. соч., с. 130.

150. 1859, октября 1. С.-Петербург. — Письмо С. Н. Палаузова М. П. Погодину. — В Москву.

Высказывает мнение относительно своей фактической ошибки, допущенной в сочинении «Румынские государства Валахия и Молдавия». Сообщает сведения для С. П. Шевырева о монастыре «Пантокатор». Подтверждает получение книг. Интересуется стихотворением Н. А. Некрасова.

Упом.: В. А. Кокорев, В. Ф. Корш.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 23, ед. хр. 53, лл. 15—16.

Опубл.: Никулина М. В., Великов С. Указ. соч., с. 131.

151. 1859, ноября 13. [Москва]. — Письмо И. А. Худякова В. И. Григоровичу. — В Казань.

Передает просьбу болгарина К. Герова разрешить перевести на болгарский язык речь В. И. Григоровича для публикации в газ. «Царьградский вестник» или в журн. «Болгарские книжицы».

ОР РГБ, ф. 86, к. 5, ед. хр. 18, л. 2.

152. 1859. А. Ф. Гильфердинг «Письма об истории сербов и болгар. Период второй (976—1019)», гл. I — нач. гл. IV, примечания (без конца).

ОР РГБ, ф. 139, к. 5, ед. хр. 19, лл. 1—72. Авторский наборный экз. с редакторскими пометами.

Опубл.: «Русская беседа», 1859, кн. 3, разд. «Науки», с. 105—160; кн. IV, с. 113—132.

153. 1859. Х. К. Даскалов [«Открытия (XIII—XIV вв.) в древней столице болгарской Тернове в 1858 г.»] — [статья] в форме письма О. М. Бодянскому.

ОР РГБ, ф. 203, к. 201, ед. хр. 2, лл. 1—16. Автограф с правкой О. М. Бодянского; два последних листа — рукой О. М. Бодянского.

Опубл.: «Чтения Московского общества истории и древностей российских», 1859, кн. II.

154. 1859. — Статья В. Поповича «Несколько слов о «Болгарских книжках».

ОР РГБ, ф. 139, к. 9, ед. хр. 2, лл. 1—4. Писарской наборный экз. с редакторской правкой, без конца.

Опубл.: «Русская беседа», 1859, кн. II, разд. «Смесь», с. 115.

155. [1850-е]. [Одесса]. — Н. Х. Палаузов. «Записка о Болгарии».

Заявляет о необходимости оказания Россией помощи Болгарии через одесских болгар. Положительно оценивает роль России в деле национального возрождения Болгарии.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 106, лл. 1—6. Писарская копия.

Опубл.: Барсов Н. Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (с 1854—1884 гг.) и материалы для истории освобождения Болгарии. Одесса, 1895, с. 37—46.

156. [1850-е]. Казань. — Письмо В. И. Григоровича [С. П. Шевыреву]. — В Москву.

Посылает Шевыреву подготовленный к изданию текст рукописи «Службы апостолам Кириллу и Мефодию». Просит оказать содействие в его издании через митр. [Филарета].

Упом.: И. И. Срезневский.

ОР РГБ, ф. 86, к. 3, ед. хр. 92, лл. 1—4. Черновой автограф, без конца.

157. [1850-е до 1 янв. 1864]. [Казань]. — [Лекция] В. И. Григоровича о славянских наречиях.

ОР РГБ, ф. 86, к. 2, ед. хр. 35, лл. 1—20. Писарская копия.

158. [1850-е до 1 янв. 1864]. [Казань]. — [Материалы для славянорусского словаря], собранные В. И. Григоровичем.

Содержат алфавит болгарских слов, лексику болгарских песен.

ОР РГБ, ф. 86, к. 2, ед. хр. 27, 28. Автограф.

159. [1850 — до 1 янв. 1864]. [Казань]. — [Отрывки из конспекта лекции В. И. Григоровича по грамматике славянского языка].

ОР РГБ, ф. 86, к. 3, ед. хр. 3, лл. 1—8. Черновой автограф.

160. [1850-е, нач. 1860-х]. [Казань]. — Письмо В. И. Григоровича [П. П. Вяземскому]. — В [С.-Петербург].

Характеризует предполагаемое издание текста рукописи «Службы апостолам Кириллу и Мефодию». Представляет листки издания, находившиеся в цензуре. Просит помощи в их публикации.

ОР РГБ, ф. 86, к. 3, ед. хр. 69, лл. 1—4. Черновой автограф в двух редакциях.

161. [1850—1860-е]. [Казань]. — Письмо В. И. Григоровича неустановленному лицу с обращением «Monsieur».

Передаёт свои наблюдения над языком и литературой славянских народов Европейской Турции, в том числе болгар.

ОР РГБ, ф. 86, к. 3, ед. хр. 93, лл. 1—2. Черновой автограф.

162. [1858—1873]. Москва. — Бодянский О. М. [Материалы по изучению житий, похвал и др. памятников письменности и выписки из печатных изданий, относящихся к жизни и деятельности Кирилла и Мефодия].

ОР РГБ, ф. 36, к. 2, ед. хр. 1—48; к. 3, ед. хр. 1—40, к. 5, ед. хр. 20. Автограф; списки и выписки — рукой О. М. Бодянского, А. В. Горского и писарские копии. Русск., лат., чеш. яз.

Опубл.: Чтения в ОИДР, 1863, кн. 2, разд. III, с. 1—224; 1864, кн. 2, разд. III, с. 1—398; 1865, кн. разд. III, с. 1—98, кн. 2, разд. III, с. 1—64; 1866, кн. 2, разд. III, с. 1—152; 1873, кн. 1, разд. III, с. 399—534.

1860

163. 1860, мая 2. Константинополь. — Письмо архим. Анфима М. П. Погодину. — В Москву.

Просит помочь болгарину поступить в русское учебное заведение.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 2, ед. хр. 34, лл. 1—2. Писарская копия с подписью архим. Анфима.

164. 1860, мая 5. Москва. — Письмо Л. Каравелова В. И. Григоровичу. — В [Ка-

заны].

Просит прислать 2 экземпляра книги «Очерки путешествия по Европейской Турции» для болгар из Копривщицы. Благодарит от имени болгар за издание книг по болгарской истории.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 58/а, л. 1.

165. 1860, сентября 27. С.-Петербург.— Письмо С. Н. Палаузова В. И. Григоровичу.— В Казань.

Интересуется содержанием хранящейся у В. И. Григоровича болгарской рукописи о богомилах. В связи с написанием истории болгарской церкви, благодарит Григоровича за присланные книги и карты.

Упом.: П. А. Вяземский, Е. Кватерник, Д. Е. Кожанчиков.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 104, лл. 11—12.

Опубли.: Никулина М. В., Великов С. Указ. соч., с. 122—123.

1861

166. 1861, мая 8. Одесса.— Письмо Н. Х. Павловича А. Ф. Вельтману.— В Москву. Благодарит А. Ф. Вельтмана за добрые чувства к болгарскому народу, выраженные в его повести «Райна, королева болгарская». Сообщает о написании им исторических картин на темы «Райны».

ОР РГБ, ф. 47/II, к. 4, ед. хр. 46, л. 1. Автограф, с подписями К. Б. Бонева и Р. Жинзифова. С припиской Н. Х. Палаузова. Болг. яз.

167. 1861, августа 10. Тырново.— Письмо Д. Х. Ничова А. В. Рачинскому.— В Москву. Информировует о передаче им в дар Обществу истории и древностей российских золотой монеты болгарского царя Ивана Асеня I.

ОР РГБ, 203 ед. хр. 16, л. 100. Болг. яз.

168. 1861, ноября 2. С.-Петербург.— Письмо А. Ф. Гильфердинга Д. А. Милютину.— В С.-Петербург.

Рекомендует болгарина В. И. Кельсиева, известного статьями о славянах.

ОР РГБ, ф. 169, к. 60, ед. хр. 70, л. 1.

169. 1861. [Казань].— Григорович В. И. [«О значении событий в Болгарии и Византии в первой половине X столетия»] — лекция.

ОР РГБ, ф. 86, к. 2, ед. хр. 30, лл. 1—25. Черновой автограф.

170. 1861. Казань.— Григорович В. И. [«О сочувствии южных славян к преобразованиям Петра Великого, выраженном в их словесности»] — лекция.

ОР РГБ, ф. 86, к. 2, ед. хр. 31, лл. 1—15. Автограф, без начала.

1862

171. 1862, января 20. Москва.— Письмо Л. С. Каравелова М. П. Погодину.— В Москву.

Просит прислать второй том сборника сербских народных песен, составленного В. Караджичем.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 14, ед. хр. 47, л. 2.

Опубли.: Записки отдела рукописей. Вып. 12. М., 1951, с. 188.

172. 1862, апреля 30. Москва.— Письмо Л. С. Каравелова М. П. Погодину.— В Москву.

Просит прислать словари русского языка, составленные Академией наук, необходимые для работы над третьим томом кн. «Памятники народного быта болгар».

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 14, ед. хр. 77, л. 1.

Опубли.: Записки отдела рукописей. Вып. 12. М., 1951, с. 188—189.

173. 1862, июня 28, июля 31. Москва.— Письма О. М. Бодянского И. А. Чистовичу.— В [С.-Петербург].

Просит прислать списки житий Кирилла и Мефодия, хранящихся в Софийской и Белозерской библиотеках, для подготовки их к изданию.

ОР РГБ, ф. 36, к. 1, ед. хр. 37/А, лл. 4—6 об.

Опубли.: Письма О. М. Бодянского к И. А. Чистовичу (1862—1877). М., 1892, с. 4—5.

174. 1862, декабря 28. С.-Петербург.— Письмо Е. П. Ковалевского И. С. Аксакову.— В Москву.

Сообщает о пожертвовании имп. Марией Александровной денег на воспитание и обучение болгар.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 36, л. 2.

175. 1862. Москва.— Письмо [Московского] славянского благотворительного комитета Е. П. Ковалевскому.— В С.-Петербург.

Информировует [Азиатский департамент Министерства иностранных дел] о деятельности комитета: выделении средств на обучение болгар, снабжении болгарских училищ книгами, помощи в издании литературных произведений.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 55, л. 1—1 об. Рукой неуст. лица с правкой М. П. Погодина.

176. 1862. [Москва].— [Предисловие] О. М. Бодянского к работе «Кирилл и Мефодий. Собрание памятников, до деятельности святых первоучителей и просветителей славянских племен относящихся».

ОР РГБ, ф. 203, к. 193, ед. хр. 31, лл. 1—2. Автограф.

1863

177. 1863, июля 26. [Москва].— Письмо П. А. Бессонова Ф. В. Чижову.— В [Москву]. Сообщает о своей работе над [учебником по болгарской истории два болгарских училищ].

ОР РГБ, ф. 332, к. 17, ед. хр. 14, л. 1.

178. 1863, июля 31. [Москва]. Письмо Я. О. Орел-Ошмянцева М. П. Погодину.— В Москву.

Ставит в известность М. П. Погодина о приеме трех болгар в русские духовные учебные заведения на средства Синода.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 22, ед. хр. 99, л. 11.

179. 1863, октября 17. Одесса.— Письмо Н. Х. Палаузова М. П. Погодину.— В Москву.

Доводит до сведения Погодина намерение Одесского болгарского настоятельства открыть в Болгарии центральное училище, составить и издать руководство для болгарских училищ, устроить 40 болгарских и южнославянских воспитанников в Николаевскую гимназию.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 23, ед. хр. 52, лл. 14—14 об.

1864

180. 1864, октября 4. Константинополь.— Письмо филиппопольского митр. Панарета М. П. Погодину.— В Москву.

Благодарит за помощь болгарскому народу. Просит предоставить стипендию болгарину В. Т. Мисайкову и оказать ему покровительство.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 24, ед. хр. 37, л. 1.

181. 1864, декабря 16. Терново.— Письмо З. П. Княжеского С. А. Шийко.— Б. м.

Рассказывает о своей работе учителем в Эски-Загре и драгоманом при русском консульстве в Тырново. Просит прислать руководство по шелководству, пчеловодству для распространения среди болгар.

Упом.: Ф. В. Чижов.

ОР РГБ, ф. 332, к. 33, ед. хр. 5, лл. 1—2 об.

182. 1864.— Липранди И. П. «Краткий очерк этнографического, политического и военного состояния христианских областей Турецкой империи. Северная Болгария».

ОР РГБ, ф. 203, к. 224, ед. хр. 8, лл. 1—64. Писарская копия с авторской правкой.

Опубл.: Чтения в ОИДР, 1877. Кн. 1, разд. III, с. 1—60.

1866

183. 1866, апреля 13. С.-Петербург.— Письмо П. Н. Стремоухова Е. П. Ковалевскому.— В [Москву].

Сообщает о выделении Одесским учебным округом денег на обучение в России южных славян по настоянию Московского славянского комитета.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 31, ед. хр. 64, лл. 1—2.

184. 1866, июля 2, августа 1, 20. [Рыльский монастырь].— Письма инока Феодосия Радомирову.— Б. м.

Сообщает о получении денег от М. П. Погодина.

Прилож.: доверенность на имя Радомирова.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 94, лл. 1—4.

185. 1866, июля 15. Москва.— Письмо учащихся в Москве болгар М. П. Погодину.— В Москву.

Просят выдать денежное пособие болгарину П. Федорову для возвращения на родину.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 95, лл. 1—2. Рукой Н. Бончева, с подписями болгар и распиской П. Федорова в получении денег.

186. 1866, августа 1, сентября 11. Москва.— Письма Н. Бончева А. Манолову.— Б. м.

Сообщает о получении денежного пособия на обучение.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 91, лл. 1—2.

187. 1866, августа 30. Николаев.— Письмо Т. Минкова М. П. Погодину.— В Москву. Благодарит за попечение о болгарях, за книги для южнославянской библиотеки.

Сообщает об отправке М. П. Погодину книги «Болгарская старина».

Упом.: Г. С. Раковский.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 17, лл. 1—2.

188. 1866, августа 30. Одесса.— Григорович В. И. [«Как выражались отношения Константинопольской церкви к окрестным северным народам и преимущественно к болгарам в начале X столетия»] — [речь], читанная в торжественном собрании Императорского Новороссийского университета.

ОР РГБ, ф. 86, к. 2, ед. хр. 5, лл. 1—9. Автограф.

189. 1866, сентября 2.— [С.-Петербург].— Письмо Л. В. Даля Н. А. Попову.— В [Москву].

Высылает болгарский женский костюм [для Всероссийской этнографической выставки].

ОР РГБ, ф. 239, к. 8, ед. хр. 4/а, лл. 1—2.

190. 1866, сентября 20. Киев.— Письмо И. Ковачевича В. И. Григоровичу.— В [Одессу].

Просит помочь в написании курсовой работы по истории болгарской церкви.

Упом.: Н. Х. Палаузов.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 61, лл. 1—2.

191. 1866, октября 15. Б. м.— Письмо А. Манолова М. П. Погодину.— В Москву.

Подтверждает получение денежного пособия.

Прилож.: расписка К. Вязанкова и И. Панова в получении денег.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 92, лл. 1—2.

192. [1866]. Б. м. «Болгарские народные песни, собранные Любоном Каравеловым» — сборник песен с предисловием Л. С. Каравелова.

ОР РГБ, ф. 203, к. 210, ед. хр. 20, лл. 1—208. Автограф, писарская копия. Болг. и русск. яз.

Опубл.: «Чтения Московского общества истории и древностей российских», 1905, кн. 1, разд. II, с. 1—80, кн. 2, разд. II, с. 81—166.

193. 1866. Б. м.— Леонид (Кавелин Л. А.). «Архиепископия Первой Юстинианы Охридская и ее просветительное влияние на южных славян—болгар и сербов» — статья.

ОР РГБ, ф. 203, к. 216, ед. хр. 31, лл. 1—28. Автограф; на л. 1 — пометы О. М. Бодянского.

Опубл.: «Чтения Московского общества истории и древностей российских», 1866, кн. 4, разд. III, с. 1—75.

1867

194. 1867, февраля 10. Москва.— Письмо М. П. Погодина П. А. Морицу.— В С.-Петербург.

Просит помочь Московскому славянскому комитету в изыскании денег на обучение болгар.

Упом.: имп. Мария Александровна.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 7, лл. 1—3. Черновой автограф в трех вариантах.

195. 1867, марта 11; апр. 4, 5/17; мая 2/14, 23; июня 6/18; июля 11/23; авг. 8/20; окт. 31. Серес.— Письма С. И. Верковича Н. А. Попову.— В [Москву].

Описывает некоторые стороны быта болгар, населяющих Македонию: обычаи, костюм, особенности языка. Приводит предания и тексты свадебных песен. Затрагивает спорные вопросы этногенеза и языка македонских болгар. Посылает для Всероссийской этнографической выставки образцы болгарского фольклора и прикладного искусства. Просит оказывать содействие в издании болгарских народных песен.

Прилож.: тексты болгарских преданий и песен.

Упом.: А. Х. Востоков, Р. Жинзифов, М. Н. Катков, Д. Миладинов, К. Миладинов, К. Н. Станишев, П.-И. Шафарик.

ОР РГБ, ф. 239, к. 6, ед. хр. 20, лл. 1—56 об. Серб. яз.

196. 1867, марта 14. С.-Петербург.— Письмо П. А. Морица М. П. Погодину.— В Москву.

Уведомляет о пожертвовании имп. Марией Александровной денег на обучение болгар в Московском университете.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 40, л. 1—1 об. Писарское с подписью П. А. Морица. На л. 1 об.—расписка в получении денег Я. О. Орёл-Ошмянцева и И. С. Аксакова.

197. 1867, мая 16. Москва.— Погодин М. П. «Речь на обеде в честь славян, мая 21, в Сокольниках».

Приветствует славян, в том числе болгар, собравшихся на торжество. Говорит о сочувствии русского народа славянам. Выражает уверенность в единении славян.

ОР РГБ, ф. 231/1, к. 25, ед. хр. 12, л. 1.

Опубл.: Погодин М. П. Сочинения, Т. 3. М., 1872, с. 279—280.

198. 1867, декабря 9. Одесса.— Письмо К. Н. Палаузова Н. А. Попову.— В Москву. Информирует о подготовке им статей для газ. «Московские ведомости». Считает необходимым наградить Н. Х. Палаузова и В. Рашеева за участие во Всероссийской этнографической выставке. Подтверждает получение книг, собирается выслать Н. А. Попову болгарские периодические издания «Показалец» и «Болгарские книжицы».

Упом.: И. С. Аксаков, Р. Жинзифов, М. А. Хитрово.

ОР РГБ, ф. 239, к. 15, ед. хр. 36, л. 1.

199. 1867, декабря 19. С.-Петербург.— Письмо С. Н. Палаузова архим. Леониду.— В [Константинополь].

Оповещает об отправке в Одессу книг для болгарской читальни. Приводит названия некоторых книг. Просит информировать его о местонахождении рукописи «Похвальное слово» Григория Цамблака.

ОР РГБ, ф. 148, к. 8, ед. хр. 65, лл. 7, об. — 8.

200. 1867, декабря 23/24. С.-Петербург.— Письмо С. Н. Палаузова архим. Леониду.— В [Константинополь].

Выражает благодарность архим. Леониду за присланные книги и рукописи для научной работы. Ставит архим. Леонида в известность о своем визите к Д. А. Толстому для получения разрешения на учреждение депо книг при Одесском болгарском настоятельстве и пяти стипендий для болгар.

Упом.: А. Д. Блудова, Н. Д. Протасова.

ОР РГБ, ф. 148, к. 8, ед. хр. 65, лл. 9—11.

1868

201. 1868, января 2, 16; марта 8, 19. Константинополь.— Письма Т. С. Бурмова М. П. Погодину.— В Москву.

Извещает об отправке своих статей в газ. «Московские ведомости».

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 31, ед. хр. 56, лл. 1—4.

202. 1868, февр. 6, апр. 10/22, июля 26/8. Серес.— Письма С. И. Верковича Н. А. Попову.— В [Москву].

Обращает внимание Н. А. Попова на важное значение найденных С. Верковичем Родопских былин и «Орфеновой песни» в исследовании проблемы происхождения народов Балканского полуострова. Подчеркивает подлинность Родопских былин. Делится планами публикации материалов о фольклоре македонских болгар. Указывает на потребности последних в церковной литературе, утвари, одежде. Просит Н. А. Попова оказать содействие также и в обеспечении книгами училища в Неврокопе. Интересуется имеющимися в России древними славянскими, античными и другими монетами.

Прилож.: списки древних монет из собрания С. Верковича.

ОР РГБ, ф. 239, к. 6, ед. хр. 21, лл. 1—12. Серб. яз.

203. 1868, февраля 21. Б. м.— Письмо Р. Жинзифова Н. А. Попову.— В Москву. Советует установить отношения с Одесским болгарским настоятельством через Н. Х. Палаузова.

ОР РГБ, ф. 239, к. 9, ед. хр. 50, лл. 3—3 об.

204. 1868, марта 5. С.-Петербург.— Письмо Р. М. Губе В. И. Григоровичу.— В Одессу. Высылает В. И. Григоровичу свою работу «Значение права римского и римско-византийского у народов славянских». Делится мыслями относительно «Болгарского Судебника» и права других славянских народов.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 45, лл. 1—2. Польск. яз.

205. 1868, марта 9. Б. м.— Письмо Р. Жинзифова Н. А. Попову.— В Москву.

Объявляет в своем вступлении в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.

ОР РГБ, ф. 239, к. 9, ед. хр. 50, л. 5.

206. 1868, марта 27. Киев.— Письмо Г. Тишева В. И. Григоровичу.— В Одессу. Просит помочь ему поступить в Новороссийский университет на казенный счет.

ОР РГБ, ф. 86, к. 7, ед. хр. 25, лл. 1—1 об.

207. 1868, апреля 19. Белград.— Письмо П. А. Ровинского В. И. Григоровичу.— В Одессу.

Рекомендует болгарина В. Стоянова, просит оказать ему помощь.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 117, л. 3.

208. 1868, сентября 16. Москва.— Письмо Н. А. Попова М. П. Погодину.— В Москву. Просит ходатайствовать перед ген. Н. В. Исаковым о приеме в юнкерскую школу болгарских юношей.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 26, ед. хр. 54, л. 19.

209. 1868, ноября 2, 17. Б. м.— Письма Р. Жинзифова Н. А. Попову.— В Москву.

Ходатайствует о денежной помощи двум болгарским стипендиатам Министерства народного просвещения.

ОР РГБ, ф. 239, к. 9, ед. хр. 50, лл. 7—8.

210. 1868, декабря 12. [Харьков]. — Письмо П. А. Лавровского Н. А. Попову. — В Москву.

Извещает о высылке денег, предназначенных болгарам, собирающимся учиться в Белграде и приводит список жертвователей.

ОР РГБ, ф. 239, к. 12, ед. хр. 13, л. 23.

211. 1868, декабря 16. Рушук. — Письмо З. П. Княжеского неустановленному лицу с обращением «Константин Васильевич». — Б. м.

Обращается с просьбой о содействии в приобретении и вывозе в Болгарию церковной утвари для украшения болгарских церквей.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 15, ед. хр. 74, лл. 5—5 об.

212. 1868, декабря 27. Одесса. — Письмо славян, участников учредительного собрания Одесского славянского благотворительного общества В. И. Григоровичу. — В Одессу.

Извещают об избрании В. И. Григоровича временным председателем общества.

ОР РГБ, ф. 86, к. 5, ед. хр. 30, лл. 1—2. Писарское с подписями.

213. 1868, декабря 27. Б. м. — Письмо Р. Жинзифова Н. А. Попову. — В Москву.

Просит пожертвовать деньги в пользу болгарского училища в Крумове.

ОР РГБ, ф. 239, к. 9, ед. хр. 50, л. 1.

214. 1868. Москва. — Письма Н. А. Попова М. П. Погодину. — В Москву.

Рекомендует болгарских юношей для поступления в военное училище. Просит оказать покровительство двум болгарским учащимся школы ваения и живописи.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 26, ед. хр. 54, лл. 29, 38.

215. [1868—1876]. [Одесса]. — Григорович В. И. «Замечания на Инструкцию Болгарского попечительства по воспитанию юношества в России».

Считает необходимым тщательно изучить вопрос о воспитании южнославянского юношества, запросив все необходимые сведения об обучении болгар в России у Одесского болгарского настоятельства. Делает дополнение к пункту документа, относящемуся к приему болгар в технические училища.

ОР РГБ, ф. 86, к. 3, ед. хр. 56, лл. 1—4. Черновой автограф.

1869

216. 1869, января 9. Одесса. — Письмо Н. Х. Палаузова М. П. Погодину. — В Москву.

Ставит в известность Погодина о выделении русским правительством денег на обучение болгарских девушек в женских гимназиях Одессы.

Упом.: Д. А. Толстой.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 23, ед. хр. 52, лл. 23—24.

217. 1869, февраля 5. Париж. — Письмо иеромонаха Е. Зографского Е. Е. Голубинскому. — В Москву.

Извещает о предпринятых им усилиях по разысканию в зарубежных библиотеках материалов по истории болгарской церкви, интересующих Е. Е. Голубинского. Просит Е. Е. Голубинского ускорить ознакомление с его курсовой работой.

ОР РГБ, ф. 541, к. 8, ед. хр. 39, лл. 3—3 об.

218. 1869, февраля 27, августа 21. Одесса. — Письма Н. Х. Палаузова М. П. Погодину. — В Москву.

Оповещает М. П. Погодина об учреждении Одесского славянского благотворительного общества им. Кирилла и Мефодия и литературного общества «Българско книжно дружество». Обещает прислать устав дружества.

Упом.: Н. М. Тошков.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 23, ед. хр. 52, лл. 25—28.

Опубл.: Никулина М. В., Великов С. Указ. соч., с. 117—118.

219. 1869, [июня 14]. Москва. — Письмо Н. А. Попова М. П. Погодину. — В Москву. Интересуется наличием у М. П. Погодина учебной литературы для болгарского женского монастыря.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 26, ед. хр. 55, л. 47.

220. 1869, июля 1. Б. м. — Письмо И. П. Липранди А. Ф. Вельтману. — В [Москву]. Хочет получить совет относительно публикации своей статьи «Восточный вопрос и Болгария».

ОР РГБ, ф. 47/II, к. 4, ед. хр. 20, лл. 18 об.

221. 1869, июля 13. Колония Комрат, Бессарабской губ. — Письмо И. С. Абажи В. И. Григоровичу. — В Одессу.

Делится воспоминаниями о пребывании В. И. Григоровича в болгарской колонии. Просит выслать текст речи В. И. Григоровича, произнесенной 14 февраля 1869 года по случаю памяти Кирилла и Мефодия.

- ОР РГБ, ф. 86, к. 6, ед. хр. 20, лл. 1—1 об.
 222. 1869, августа 25. С.-Петербург. — Письмо А. А. Куника Н. А. Попову. — В Москву.
 Просит продать три экземпляра сочинений М. Дринова «Исторический очерк болгарской церкви», «Взгляд на происхождение болгарского народа и начало болгарской истории».
 ОР РГБ, ф. 239, к. 12, ед. хр. 5, л. 1.
 223. 1869, октября 17. Москва. — Погодин М. П. «Речь в заседании Московского славянского комитета».
 Говорит о содействии болгарам в получении образования, об обеспечении их русскими книгами, церковной утварью и одеждой.
 ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 8, лл. 1—2. Черновой автограф.
 224. 1869, октября 29. Серес. — Письмо С. И. Верковича Н. А. Попову. — В [Москву].
 Информировывает Н. А. Попова о своей работе над составлением этнографического описания Македонии; кратко характеризует состав этого труда. Просит Н. А. Попова оказать содействие в его издании.
 Упом.: А. Ф. Гильфердинг, П.-И. Шафарик.
 ОР РГБ, ф. 239, к. 6, ед. хр. 21, лл. 13—15. Серб. яз.
 225. 1869, октября 31. Москва. — Заметки М. П. Погодина и Н. А. Попова о расходовании средств [Московского] славянского комитета.
 Содержат сведения о выдаче денег болгарам, обучающимся на средства комитета.
 ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 38, лл. 2—2 об. Рукой М. П. Породина.
 226. 1869, декабря 28. Москва. — Письмо Р. Жинзифова Н. А. Попову. — В [Москву].
 Рекомендует двух монахов Рыльского монастыря, Игнатия и Харалампия, учащих в Московской духовной семинарии. Просит выделить им ежемесячное пособие.
 ОР РГБ, ф. 239, к. 9, ед. хр. 50, л. 11.
 227. [1869 — до 11 мая 1870]. Одесса. — Докладная записка В. И. Григоровича попечителю Одесского учебного округа об учреждении в Одессе славянского благотворительного комитета.
 Упом.: Д. А. Толстой, М. А. Хитрово.
 ОР РГБ, ф. 86, к. 3, ед. хр. 60, лл. 1—6. Черновой автограф.
 228. 1860-е. Москва. Письмо Московского славянского благотворительного комитета в Одесское болгарское настоятельство. — В Одессу.
 Московский славянский благотворительный комитет считает целесообразным создание в Болгарии школ иконописи с преподаванием в них болгар, получивших образование в России; швейных мастерских в болгарских женских монастырях. Сообщает о решении комитета предоставить право трем болгарским училищам посылать способных учеников на учебу в Московский университет.
 ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 60, лл. 1—2. Писарская копия.
 229. [1860—1870-е]. Б. м. — Вильмс А. «Свадебные обряды и песни болгар Новороссийского края» — запись обряда и тексты песен.
 ОР РГБ ф. 86. к. 5, ед. хр. 89, лл. 1—2. Автограф. Болг. яз.
- 1870
230. 1870, января 13. Москва. — Письмо Н. Благоразумова Н. А. Попову. — В [Москву].
 Извещает о выделении Синодом денег на обучение архим. Рыльского монастыря Теофилакта в Московской духовной семинарии.
 ОР РГБ, ф. 239, к. 5, ед. хр. 17, л. 1 об.
 231. 1870, января 21, декабря 16. [Казань, Одесса]. — Письма А. С. Павлова О. М. Бодянскому. — В [Москву].
 Информировывает о проведении им текстологической работы над рукописями, содержащими списки житий Кирилла и Мефодия.
 ОР РГБ, ф. 36, к. 1, ед. хр. 47, лл. 1—4.
 232. 1870, февраля 10. Константинополь — Письмо [Анфима I] Н. А. Попову. — В [Москву].
 Просит ходатайствовать о приеме болгарина в русское учебное заведение.
 ОР РГБ, ф. 239, к. 9, ед. хр. 49, лл. 1—2. Болг. яз.
 233. 1870, февраля 20, 23. Царьград. — Письма Болгарской библиотеки—читальни Н. А. Попову. — В Москву.
 Объявляет о своем намерении издавать журн. «Читалище». Обращается к Н. А. Попову с убедительной просьбой принять участие в сборе денежных пожертвований на издание журнала. Направляет проспект «Читалища».
 ОР РГБ, ф. 239, к. 22, ед. хр. 28, лл. 1—3 об. Рукой [Л. Ф.] Моравякова с подписями Стоянова и М. Д. Балабанова. На бланке журн. «Читалище». Болг. яз.
 234. 1870, марта 21. Киев. — Письмо В. А. Бильбасова Н. А. Попову. — В Москву.

Сообщает о намерении Киевского отдела [Московского] славянского благотворительного комитета предоставить средства на наем учителей болгарского и сербского происхождения для учащихся Фундуклеевской женской гимназии и Левашовского пансиона.

Прилож.: список болгарок и сербок, обучающихся в Киеве (на л. 21 об.).

ОР РГБ, ф. 239, к. 5, ед. хр. 13, л. 21 об.

235. 1870, марта 22. Киев. — Письмо А. И. Линниченко Н. А. Попову. — В [Москву]. Информировует Московский славянский комитет об успешной учебе болгарских учащихся Левашовского пансиона. Высказывает мнение об увеличении количества стипендий для болгарских девушек.

ОР РГБ, ф. 239, к. 12, ед. хр. 35, лл. 1—2.

236. 1870, марта 24. Б. м. — Письмо В. Михайловского М. П. Погодину. — В Москву. Предлагает Московскому славянскому комитету болгарские богослужебные книги для отправки в Болгарию.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 34, л. 21.

237. 1870, апр. 8, мая 11. [Одесса]. — [Докладная записка В. И. Григоровича на имя Одесского ген.-губернатора об учреждении Славянского благотворительного общества им. Кирилла и Мефодия].

Доводит до сведения адресата об утверждении правительством устава общества. Излагает кратко историю создания общества и комментирует пункты устава, относящиеся к организации славянской читальни. Высказывает мнение об условиях реализации целей общества. Объявляет о решении назначить день открытия общества и избрать состав правления.

ОР РГБ, ф. 86, к. 3, ед. хр. 61, лл. 1—10. Черновой автограф.

238. 1870, апреля 21. С.-Петербург. — Письмо С. Н. Палаузова А. Е. Викторову. — В [Москву].

Обращается с просьбой ускорить работу переписчика рукописи, необходимой ему для подготовки статьи о болгарском царе Борисе [I Михаиле] к 1000-летию установления независимости болгарской церкви.

ОР РГБ, ф. 51, к. 20, ед. хр. 1, лл. 3—4.

239. 1870, апреля 27. [Одесса]. — Письмо Н. М. Тошкова, Н. Х. Палаузова и Л. И. Родославлевича В. И. Григоровичу. — В [Одессу].

Предлагают В. И. Григоровичу обсудить вопрос о праздновании 1000-летия установления независимости болгарской православной церкви.

ОР РГБ, ф. 86, к. 5, ед. хр. 4, л. 1. Рукой Н. Х. Палаузова, с подписями Н. М. Тошкова и Л. И. Родославлевича.

240. 1870, мая 2. Николаев. — Письмо Т. Минкова И. С. Аксакову. — В [Москву].

Приводит некоторые сведения о своей деятельности в качестве начальника Южно-славянского пансиона. Высказывает мнение о необходимости издания в России болгарской газеты. Просит И. С. Аксакова и членов [Московского] славянского комитета абонируются на эту газету, а также изыскать возможность выписывать для учащихся болгар болгарские газ. «Свобода» и «Отечество».

Прилож.: «Программа болгарской газеты, имеющей издаваться в Одессе под названием «Болгарский колонист».

Упом.: С. П. Голубцов.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 21, ед. хр. 16, лл. 2—3.

241. 1870, мая 25. С.-Петербург. — Циркуляр Азиатского департамента Министерства иностранных дел русским консулам в Балканских странах по вопросу об отборе кандидатов для помещения в русские учебные заведения.

Министерство поручает консулам сообщить населению подведомственных им районов о наличии 13 стипендий в Левашовском пансионе для девушек из Болгарии и Сербии и отобрать кандидатов православного вероисповедания. Информировует об условиях приема в пансион.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 102, лл. 1—6. Литография.

242. 1870, июля 6. [Москва]. — Письмо М. П. Погодина В. А. Бильбасову. — В [Киев]. Ставит В. А. Бильбасова в известность о поступлении болгарки в Киевскую гимназию

ОР РГБ, ф. 231/I, к. 44, ед. хр. 19, л. 16.

243. 1870, июля 12. Б. м. — Письмо П. Славейкова Н. А. Попову. — В [Москву].

П. Славейков одобряет предложение Н. А. Попова о составлении сборника исторических статей, публиковавшихся в болгарских журналах. Готов обсудить его при встрече. Информировует Н. А. Попова об имеющихся у него номерах болгарских газ. «Гайда» (1863—65) и «Македония».

ОР РГБ, ф. 239, к. 18, ед. хр. 28, лл. 1—2. Болг. яз.

244. 1870, июля 13. [Одесса]. — Повестка Одесского болгарского настоятельства

В. И. Григоровичу на заседание, посвященное литературному обществу «Българско книжовно дружество».

ОР РГБ, ф. 86, к. 5, ед. хр. 61, лл. 1—2. Печатная с вписанным от руки текстом.

245. 1870, июля 23. Букуреш. — Письмо Р. Н. Блыскова Н. А. Попову. — В Белград. Извещает Н. А. Попова о своих неудавшихся попытках приобрести для него в Бухаресте и Бранле книгу [Г. Раковского] «Несколько речи о Асеню Первому». Высылает Н. А. Попову другие книги и последние номера журн. «Отечество».

Упом.: И. А. Богоров.

ОР РГБ, ф. 239, к. 5, ед. хр. 20, лл. 1—1 об. Болг. яз.

246. 1870, июля 31. Николаев. — Письмо Т. Минкова Н. А. Попову. — В [Москву].

Посылает статью о Южнославянском пансионе, опубликованную в газ. «Новороссийский телеграф».

ОР РГБ, ф. 239, к. 13, ед. хр. 41, лл. 1—1 об.

247. 1870, сентября 19. Варна. — Письмо В. Нягина Н. А. Попову. — В [Москву].

Сообщает об открытии в Варне на средства местной болгарской общины читальни «Возрождение». Просит выделить болгарину И. Стоянову стипендию для обучения в сельскохозяйственном или политехническом институтах.

ОР РГБ, ф. 239, к. 15, ед. хр. 14, лл. 1—2 об.

248. 1870, октября 6. Николаев. — Письмо Т. Минкова Н. А. Попову. — В [Москву].

Ставит в известность Н. А. Попова об отправке копии рапорта на имя попечителя [Одесского учебного округа] с просьбой принять болгарского воспитанника в Южнославянский пансион на средства [Московского] славянского комитета.

Упом.: Богданов, в. кн. Константин Николаевич.

ОР РГБ, ф. 239, к. 13, ед. хр. 41, лл. 2—2 об.

249. 1870, октября 15. [С.-Петербург]. — Письмо А. Ф. Гильфердинга М. П. Погодину. — В [Москву].

Обращается с просьбой о помощи монахиням Казанлыкского монастыря, приехавшим в Россию для обучения искусству изготовления церковной утвари, устроиться в одном из московских монастырей.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 26, лл. 1—2. Писарская копия с подписью—автографом.

250. 1870, ноября 3. Константинополь — Письмо В. Караконовского Н. А. Попову. — В [Москву].

Просит помочь болгарскому торговцу А. Анастасову приобрести церковные книги через Синодальную типографию.

ОР РГБ, ф. 239, к. 10, ед. хр. 15, л. 1.

251. [после 1870 15 ноября — до 16 дек. 1870]. [Одесса]. — Докладная записка и письмо В. И. Григоровича [новороссийскому и бессарабскому ген.-губ. П. Е. Коцебу] с просьбой о содействии Славянскому благотворительному обществу им. Кирилла и Мефодия.

Извещает о намерении общества открыть славянскую читальню. Просит помочь материально и принять участие в обеспечении библиотеки литературой.

ОР РГБ, ф. 86, к. 3, ед. хр. 62, лл. 1—2. Черновой автограф.

252. 1870, ноября 21. Москва. — Письмо О. М. Бодянского И. А. Чистовичу. — В [С.-Петербург].

Высказывает пожелание о получении списков житий Кирилла и Мефодия из [библиотеки] Петербургской духовной академии.

ОР РГБ, ф. 36, к. 1, ед. хр. 37/а, лл. 12—13.

Опубл.: Письма О. М. Бодянского к И. А. Чистовичу (1862—1877). М., 1892, с. 8.

253. 1870, ноября 30. Киев. — Письмо В. А. Бильбасова В. И. Григоровичу. — В [Одессу].

Просит дать отзыв на свое исследование о Кирилле и Мефодии.

Упом.: И. И. Срезневский.

ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 20, лл. 1—2.

254. 1870, декабря 4. Б. м. — Письмо Р. Жинзифова Н. А. Попову. — В Москву.

Ходатайствует о содействии болгарскому книготорговцу в покупке для болгар богослужебных книг.

ОР РГБ, ф. 239, к. 9, ед. хр. 50, л. 13.

255. [1870] декабря 29. [Москва]. — Письмо кн. Е. А. Голицыной В. В. Макушеву. — Б. м.

Извещает о создании Дамского отделения при Московском славянском комитете.

ОР РГБ, ф. 156, к. 5, ед. хр. 41, лл. 1—2.

256. [1870]. [Одесса]. — [Замечания В. И. Григоровича относительно создания центрального училища для болгар].

Делится своими соображениями о месте строительства училища, оплате труда

учителей. Высказывает мнение о программах по географии, истории, иностранным языкам. Подчеркивает большое значение церковно-славянского языка.

Упом.: А. Ф. Гильфердинг.

ОР РГБ, ф. 86, к. 3, ед. хр. 58, лл. 1—2; ед. хр. 59, лл. 1—4.

Автограф, без конца.

257. [1870]. [Одесса].— Письмо В. И. Григоровича неизвестному лицу.— Б. м.

Высказывает мнение о целесообразности учреждения в Болгарии семинарии и среднего училища.

ОР РГБ, ф. 86, к. 3, ед. хр. 104, л. 1. Черновой автограф, без начала и конца.

258. [1870]. Колония Комрат, Бессарабской губ.— Письмо болгар В. И. Григоровичу.— В [Одессу].

Просят содействовать сохранению в колонии центрального училища.

ОР РГБ, ф. 86, к. 5, ед. хр. 32, лл. 1—2. Писарская копия с подписями болгар.

259. 1870. [Варна].— Письмо В. Нягина Н. А. Попову.— В [Москву].

Рекомендует болгарку С. Николаеву в качестве стипендиатки Московского славянского комитета. Извещает о поступлении трех болгар в русские учебные заведения.

ОР РГБ, ф. 239, к. 15, ед. хр. 14, лл. 3—4. Писарская копия с подписью В. Нягина.

260. [1870—1871] [Одесса].— Заявление В. И. Григоровича на имя председателя земского управления о пожертвовании книг для библиотеки Славянского благотворительного общества им. Кирилла и Мефодия.

ОР РГБ, ф. 86, к. 5, ед. хр. 59, лл. 1—3. Черновой автограф в двух редакциях.

261. [1870—1871]. [Одесса].— Заявление В. И. Григоровича председателю Славянского благотворительного общества им. Кирилла и Мефодия о выдаче денежного пособия студенту [Одесского] технологического института Я. Петкову.

Упом.: Т. Минков.

ОР РГБ, ф. 86, к. 3, ед. хр. 63, лл. 1—2. Черновой автограф.

262. [1870—1879]. [Москва].— Курс лекций Ф. И. Буслаева по истории славянских языков.

Содержит сведения о древнеболгарском языке и истории развития болгарской письменности.

ОР РГБ, ф. 42, к. 1, ед. хр. 6, лл. 1—26. Черновой автограф.

1871

263. 1871, января 10. [Москва].— Письмо Р. Жинзифова Н. А. Попову.— В [Москву].

Просит выдать денежное пособие учащимся в России болгарам.

ОР РГБ, ф. 239, к. 9, ед. хр. 50, лл. 15—16.

264. 1871, января 25. Константинополь.— Письмо В. Караконовского Н. А. Попову.— В [Москву].

Обращается с ходатайством в Московский славянский комитет о приеме в технические училища болгарских юношей. Высказывает мнение относительно обучения болгар в России и об условиях отправления в Болгарию церковных книг, одежды и утвари.

ОР РГБ, ф. 239, к. 10, ед. хр. 15, лл. 7—8.

265. 1871, февраля 14. [Москва].— Письмо Н. Бончева Н. А. Попову.— В [Москву].

Благодарит за предложение принять участие в обсуждении учебной программы для Южнославянской женской школы в Москве.

ОР РГБ, ф. 239, к. 5, ед. хр. 32, л. 1.

266. 1871, марта 2, декабря 1.— Письма О. М. Бодянского И. А. Чистовичу.— В [С.-Петербург].

Благодарит за присланные списки жития Кирилла из [библиотеки] Петербургской духовной академии. Просит помочь в приобретении списков житий, хранящихся у частных лиц.

ОР РГБ, ф. 36, к. 1, ед. хр. 37/а, лл. 14, 17—18 об.

Опубл.: Письма О. М. Бодянского к И. А. Чистовичу (1862—1877). М., 1892, с. 8—10.

267. 1871, марта 22, сентября 24. Бухарест.— Письма Л. С. Каравелова Н. А. Попову.— В [Москву].

Сегует на недостаток русских книг и периодических изданий в болгарской библиотеке-читальне при обществе «Братска любовь». Просит выслать ему сочинение Н. А. Попова «Россия и Сербия» и «Общеславянскую азбуку» А. Ф. Гильфердинга, а также церковно-славянские книги для болгар с. Малешово.

Упом.: Ф. И. Буслаев, П. Узелац, А. С. Хомяков.

ОР РГБ, ф. 239, к. 10, ед. хр. 14, лл. 1—4.

Опубл.: «Записки отдела рукописей». Вып. 12. М., 1951, с. 190—191.

268. 1871, апреля 2. Киев. — Письмо А. И. Линниченко Н. А. Попову. — В [Москву].
Высказывает одобрение по поводу намерения Московского славянского комитета открыть школу для подготовки народных учителей для южнославянских стран.
ОР РГБ, ф. 239, к. 2, ед. хр. 35, лл. 3—4.
269. 1871, апреля 6. Константинополь. — Письмо Т. С. Бурмова Н. А. Попову. — В [Москву].
Высказывает пожелание относительно учебной программы для Южнославянской женской школы в Москве.
ОР РГБ, ф. 239, к. 19, ед. хр. 23, лл. 7—8.
270. 1871, апреля 6, июля 27. Царьград. — Письма болгарской библиотеки-читальни Н. А. Попову. — В Москву.
Просят пожертвовать деньги на издание журн. «Читалище».
Упом.: Т. С. Бурмов.
ОР РГБ, ф. 239, к. 22, ед. хр. 28, лл. 5, 7. Рукой Л. Ф. Моравякова. Болг. яз.
271. 1871, апреля 6/18. Серес. — Письмо С. И. Верковича Н. А. Попову. — В [Москву].
Подчеркивает важное значение собранных им болгарских песен для изучения славян и просит о содействии в их издании. Обязуется ускорить присылку в [Петербург] этнографического описания Македонии. Просит достать список античных монет, хранящихся в петербургских музеях и частных коллекциях.
Упом.: А. М. Горчаков, В. А. Дашков, Д. Миладинов, П.-И. Шафарик.
ОР РГБ, ф. 239, к. 6, ед. хр. 21, лл. 16—19. Серб. яз.
272. 1871, апреля 12. Константинополь. — Письмо В. Караконовского Н. А. Попову. — В [Москву].
Одобряет намерение Московского славянского комитета открыть при Алексеевском женском монастыре в Москве школу для обучения девушек из южнославянских стран.
Упом.: Т. С. Бурмов, Д. И. Иловайский.
ОР РГБ, ф. 239, к. 10, ед. хр. 15, лл. 9—10.
273. 1871, апреля 20. Одесса. — Письмо И. К. Кишельского Н. А. Попову. — В [Москву].
Благодарит за предложение участвовать в разработке учебной программы для Южнославянской женской школы. Высказывает соображения об устройстве школы.
ОР РГБ, ф. 239, к. 10, ед. хр. 34, лл. 1—4.
274. 1871, мая 4. Константинополь. — Письмо Т. С. Бурмова Н. А. Попову. — В [Москву].
Информирует о своей работе над статьей с греко-болгарской церковной борьбе и об отправке Н. А. Попову книг. Просит прислать статью о Южнославянском пансионе. Рекомендует болгарина Бочарова в качестве стипендиата Московского славянского комитета.
Упом.: А. М. Иванцов-Платонов, П. Д. Юркевич.
ОР РГБ, ф. 239, к. 19, ед. хр. 23, лл. 1—2.
275. 1871, мая 5. [Одесса]. — Письмо Ф. И. Леонтовича В. И. Григоровичу. — В [Одессу].
Просит дать рецензию на сборник статей русских авторов на болгарском языке, составленный М. И. Тепавским, предназначенный для учащихся в России болгар.
Упом.: Т. Минков.
ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 73, лл. 1—2.
276. 1871, июня 22. [Константинополь. — Письмо Т. С. Бурмова Н. А. Попову. — В [Москву].
Сообщает о покупке болгарских учебников для Южнославянской женской школы. Просит выслать список учебников и книгу «Архиерейский служебник» для болгарских священнослужителей.
ОР РГБ, ф. 239, к. 19, ед. хр. 23, лл. 11—12.
277. 1871, июня 26. Москва. — Письмо игуменья Алексеевского женского монастыря Антонины Н. А. Попову. — В [Москву].
Благодарит за присланные книги о славянских народах.
ОР РГБ, ф. 239, к. 4, ед. хр. 18, л. 1.
278. 1871, июля 6. Б. м. — Письмо Н. И. Миронова В. И. Григоровичу. — В [Одессу].
Сообщает об открытии двух женских училищ в болгарских колониях Комрат и Кубей. Просит порекомендовать учительницу для училища в Кубее.
ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 81, лл. 1—2. Писарская копия с подписью Н. И. Миронова.
279. 1871, сентября 14. Одесса. — Письмо болгарского колониста Фудулаки В. И. Григоровичу. — В [Одессу].
Обращается с просьбой о помощи в получении стипендии.
ОР РГБ, ф. 86, к. 7, ед. хр. 32, лл. 1—2.

280. 1871, сентября 14. Константинополь. — Письмо Т. С. Бурмова Н. А. Попову. — В [Москву].

Ставит в известность Н. А. Попова об отправке болгарских книг для Южнославянской женской школы в Москве.

Упом.: Г. И. Золотович, Д. И. Золотович.

ОР РГБ, ф. 239, к. 19, ед. хр. 23, лл. 15—16.

281. 1871, сентября 18 Москва. — Письмо Н. А. Попова архим. Леониду. — В [Воскресенск].

Извещает о приезде болгарки Е. Казанлышевой на учебу в Россию.

ОР РГБ, ф. 148, к. 6, ед. хр. 68, лл. 3—4.

282. 1871, октября 5, декабря 14. Константинополь. — Письма Т. С. Бурмова Н. А. Попову. — В [Москву].

Подтверждает получение колоколов для женского монастыря в Казанлыке. Высылает Н. А. Попову книгу Г. Крестовича «История болгарская».

ОР РГБ, ф. 239, к. 19, ед. хр. 23, лл. 17—20.

283. 1871, ноября 12. Москва. — Заметки М. П. Погодина и Н. А. Попова о расходовании средств [Московского] славянского комитета.

Содержат сведения о выдаче денег болгарам, учащимся на средства комитета.

Упом.: И. С. Аксаков.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 38, лл. 3—7.

284. 1871, декабря 1. Одесса. — Письмо И. К. Кишельского М. П. Погодину. — В [Москву].

Просит информировать его об отношении [Московского славянского] комитета к составленной им записке об общеславянском литературном языке.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 15, ед. хр. 55, л. 3.

285. [1871]. Одесса. — Письмо В. И. Григоровича Д. А. Толстому. — В [С.-Петербург].

Излагает цели Славянского благотворительного общества им. Кирилла и Мефодия. Просит Министерство народного просвещения помогать обществу и, в частности, информировать его об издаваемых учебных пособиях.

ОР РГБ, ф. 86, к. 3, ед. хр. 85, л. 1. Черновой автограф, без конца.

286. [1871]. [Москва]. — Письмо М. П. Погодина Н. А. Попову. — В [Москву].

Предлагает [Московскому славянскому комитету] устроить концерт славянской музыки, включив в программу и болгарские песни.

ОР РГБ, ф. 231/I, к. 45, ед. хр. 7, лл. 3—4.

287. [1871—1872]. Одесса. — Письмо В. И. Григоровича неизвестному лицу. — Б. м. Извещает о своем избрании членом Славянского благотворительного общества им. Кирилла и Мефодия. Просит содействовать обществу в деле открытия библиотеки.

ОР РГБ, ф. 86, к. 3, ед. хр. 106, лл. 1—2. Черновой автограф.

1872

288. 1872, января 16. с. Гавриловка Тамбовской губ. — Письмо В. А. Галактионовой Н. А. Попову. — В [Москву].

Изъявляет желание работать учительницей в Болгарии, просит информировать ее о потребностях болгар в учителях.

ОР РГБ, ф. 239, к. 7, ед. хр. 5, лл. 1—2.

289. 1872, января 18. Москва. — Письмо М. Дринова В. В. Макушеву. — В [Варшаву].

Уведомляет о посылке В. В. Макушеву книги — географическое, статистическое и историческое описание одной болгарской области, полученной из Вены. Информировует о ходе работы над магистерской диссертацией по истории заселения Балканского полуострова славянами.

ОР РГБ, ф. 156, к. 5, ед. хр. 52, лл. 1—2.

Опубл.: Никулина М. В. Письма М. С. Дринова В. В. Макушеву. — Советское славяноведение, 1974, № 2. с. 66.

290. 1872, марта 9. Харьков. — Письмо М. Дринова Н. А. Попову. — В [Москву].

Сообщает о поступлении болгарина Богодуловича в Харьковский университет и о выплате ему денежного пособия. Ставит Н. А. Попова в известность о своем ходатайстве перед общественностью Харькова о предоставлении денежных средств нуждающимся болгарским студентам.

ОР РГБ, ф. 239, к. 8, ед. хр. 24, лл. 1—1 об.

291. 1872, марта 25. Кишинев. — Письмо Болгарского общества распространения грамотности между болгарами М. П. Погодину. — В [Москву].

Извещает об избрании М. П. Погодина почетным членом общества.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 114, лл. 1—2. Писарская копия с подписями членов общества.

292. 1872, апреля 8. Рушук. — Письмо З. П. Княжеского Н. А. Попову. — В [Москву].
 Просит Московский славянский комитет выделить средства для обучения славянских девушек.
 Упом.: архим. Н. Изворов.
 ОР РГБ, ф. 239, к. 10, ед. хр. 40, лл. 1—1 об.
 Оpubл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 172.
293. 1872, июня 13. Москва. — Письмо Н. А. Зубкова Н. А. Попову. — В [Москву].
 Сообщает об устройстве болгарских девушек из Рушука и Константинополя в русские учебные заведения на средства Московского славянского комитета.
 Упом.: З. П. Княжеский.
 ОР РГБ, ф. 239, к. 9, ед. хр. 21, лл. 33—34 об.
294. 1872, июня 13. [Москва]. — Письмо П. Д. Хруцова М. П. Погодину. — В Москву.
 Извещает о приезде в Москву из Одессы четырех болгарских девушек для поступления в Южнославянскую женскую школу.
 Упом.: Н. М. Тошков.
 ОР РГБ, ф. 231/II, к. 35, ед. хр. 35, л. 1.
295. 1872, августа 26. Москва. — Письмо Московского попечительного о бедных комитетах Н. А. Попову. — В [Москву].
 Просит выслать документы болгарской воспитанницы, выбранной Московским славянским комитетом для поступления в Усачевско-Чернявское училище.
 ОР РГБ, ф. 239, к. 22, ед. хр. 36, л. 1. Писарская копия.
296. 1872, сентября 29. С.-Петербург. — Письмо В. П. Феодорова Н. А. Попову. — В [Москву].
 Ставит в известность о своем поступлении в Петербургскую академию художеств; просит исходатайствовать разрешение не вносить плату за обучение.
 ОР РГБ, ф. 239, к. 20, ед. хр. 29, лл. 1—1 об.
297. 1872, октября 3. Рушук. — Письмо З. П. Княжеского Н. А. Попову. — В [Москву].
 Просит Московский славянский комитет помочь болгарам поступить в технологические, медицинские, сельскохозяйственные учебные заведения.
 ОР РГБ, ф. 239, к. 10, ед. хр. 40, лл. 3—4.
 Оpubл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 172—173.
298. 1872, октября 18. Москва. — Письмо П. Х. Висковского М. П. Погодину. — В [Москву].
 Просит помочь поступить в обучение к фотографу, для последующего обучения болгар искусству фотографии.
 Упом.: Р. Жинзифов, И. С. Иванов, Н. П. Игнатьев, В. Караконовский, И. К. Кисельский, В. Ф. Кожевников, Н. А. Попов, М. А. Хитрово.
 ОР РГБ, ф. 231/II, к. 7, ед. хр. 77, лл. 1—4.
299. 1872, октября 24. Рушук. — Письмо архим. Н. Д. Изворова и др. Н. А. Попову. — В [Москву].
 Обращаются с просьбой о переводе болгарских воспитанниц из училища при Покровской общине в Москве в Южнославянскую женскую школу при Алексеевском женском монастыре.
 ОР РГБ, ф. 239, к. 9, ед. хр. 33, лл. 1—2. Рукой Н. Д. Изворова, с подписями П. Д. Иванова, П. Д. Изворова, Д. Н. Желажарова, М. Стипановича и др.
300. 1872, октября 24. Харьков. — Письмо М. Дринова Н. А. Попову. — В [Москву].
 Кратко рассказывает о деятельности Болгарского благотворительного дружества в 1871—1872 гг. Обращается с просьбой о материальной помощи дружеству.
 Упом.: П. Ф. Мусевич.
 ОР РГБ, ф. 239, к. 8, ед. хр. 24, лл. 5—5 об.
301. 1872, октября 24. Константинополь. — Письмо Т. С. Бурмова Н. А. Попову. — В [Москву].
 Подтверждает получение богослужебной и учебной литературы для болгарской библиотеки-читальни в Царьграде и монастырей.
 ОР РГБ, ф. 239, к. 19, ед. хр. 23, л. 27.
302. 1872, ноября 5. Москва. — Письмо воспитанниц [Южнославянской женской школы] в Москве Н. А. Попову. — В [Москву].
 Благодарят Московский славянский комитет за присланные книги и картины.
 ОР РГБ, ф. 239, к. 23, ед. хр. 2, лл. 1—1 об. Оригинал рукой Е. Казанлышевой, с подписями-автографами: Елены Казанлышевой, Екатерины Стойкович, Евгении Шекерджиевой, Екатерины Павлович и др.
303. 1872, ноября 25. С.-Петербург. — Письмо П. Н. Стремоухова Н. А. Попову. — В [Москву].
 Дает положительную оценку деятельности Московского славянского комитета по обучению болгарских девушек.

Упом.: Н. Д. Изворов.

ОР РГБ, ф. 239, к. 19, ед. хр. 28, л. 3. Писарская копия с подписью Н. Н. Стремоухова.

304. 1872, декабря 12. Москва. — Письмо игуменьи Алексеевского женского монастыря Антонии Н. А. Попову. — В [Москву].

Подтверждает получение денег на развитие южнославянской женской школы от Московского славянского комитета.

ОР РГБ, ф. 239, к. 4, ед. хр. 18, л. 11.

305. 1872, декабря 22. [Москва]. — Речь, произнесенная М. П. Погодиным на заседании Московского славянского комитета.

Информирует об обучении болгар в Московском университете и южнославянской женской школе. Затрагивает вопрос о греко-болгарской церковной борьбе и отношении к ней России и Турции.

ОР РГБ, ф. 231/IV, к. 2, ед. хр. 10, лл. 1—5. Писарская копия с подписью М. П. Погодина.

306. 1872, декабря 26. С.-Петербург. — Письмо Богорова Н. А. Попову. — В [Москву]. Благодарит за денежную помощь.

Упом.: Т. С. Бурмов.

ОР РГБ, ф. 239, к. 5, ед. хр. 27, л. 1.

307. 1872. Москва. — Письмо П. Х. Висковского Н. А. Попову. — В [Москву].

Излагает просьбу Тырновского ученического дружества «Братская любовь» о получении разрешения на пересылку в Болгарию через рушукского генерального консула одной московской газеты (название отсутствует). Высказывает мнение о благотворительной деятельности [Московского] славянского комитета.

Упом.: И. К. Кишельский, А. И. Мошнин.

ОР РГБ, ф. 239, к. 6, ед. хр. 46, лл. 1—4.

308. 1872. Москва. — Письмо П. Х. Висковского Н. А. Попову. — В [Москву].

Рекомендует болгарского иеродиакона Е. Крыстева для поступления в [Московскую] духовную академию.

Упом.: М. С. Дринов, И. С. Иванов, В. П. Феодоров.

ОР РГБ, ф. 239, к. 6, ед. хр. 46, лл. 5—6.

309. 1872. [Харьков]. — Статья М. Дринова «Заселение Балканского полуострова славянами».

ОР РГБ, ф. 203, к. 205, ед. хр. 5, лл. 1—149. Двумя почерками; обложка и заметки на полях — рукой М. Дринова; на л. 1 — указание даты рукой О. М. Бодянского.

1873

310. 1873, января 8. Константинополь. — Письмо Т. С. Бурмова Н. А. Попову. — В [Москву].

Подтверждает получение брошюр А. М. Иванцова—Платонова, предназначенных для болгарских священников. Высылает Н. А. Попову книги по истории Болгарии.

ОР РГБ, ф. 239, к. 19, ед. хр. 23, лл. 33—34.

311. 1873, февраля 9. Рушук. — Письмо З. П. Княжеского Н. А. Попову. — В [Москву].

Докладывает о потребности некоторых болгарских общин в русских учителях. Просит устроить болгарских девушек в медицинские учебные заведения.

ОР РГБ, ф. 239, к. 10, ед. хр. 40, лл. 5—5 об.

Опубл.: Унджиева Ц. Указ. соч., с. 173—174.

312. 1873, апреля 4. Филиппополь. — Письмо Н. Герова Н. А. Попову. — В [Москву].

Высказывает мнение относительно мер по ускорению развития просвещения в Болгарии и роли в этом Московского славянского комитета. Просит пожертвовать книги для библиотеки филиппопольского училища.

ОР РГБ, ф. 239, к. 7, ед. хр. 21, лл. 1—3 об. Писарская копия с подписью Н. Герова.

313. 1873, мая 4. Москва. — Письмо Н. А. Попова архим. Леониду. — В [Воскресенск]. Извещает о намерении Московского славянского комитета открыть болгарское подворье в Москве.

Упом.: Н. А. Зубков, К. И. Невоструев.

ОР РГБ, ф. 148, к. 6, ед. хр. 68, лл. 11—12.

314. 1873, мая 6. Харьков. — Письмо М. Дринова Н. А. Попову. — В [Москву].

Информирует Н. А. Попова о передаче своей магистерской диссертации на рецензию М. П. Погодину.

ОР РГБ, ф. 239, к. 8, ед. хр. 24, л. 7.

315. 1873, мая 31. Царьград. — Письмо болгарской библиотеки-читальни Н. А. Попову. — В Москву.
- Подчеркивают важное значение издания журн. «Читалище», созданного «Македонской дружиной» в целях противостояния греческому влиянию и для национального возрождения македонских болгар. Просят содействовать сбору в России денежных пожертвований для издания журнала.
- ОР РГБ, ф. 239, к. 22, ед. хр. 28, лл. 9—10. Рукой Л. Ф. Моравякова, с подписями Стефан Савов Бобчева, Ив. Говедарова и др. Болг. яз.
316. 1873, июня 18. Москва. — Письмо Н. А. Попова Ф. В. Чижевцу. — В [Москву].
- Сообщает о распространении Московским славянским комитетом книги Ф. В. Чижева «Письма о шелководстве» в Болгарии, Сербии, Черногории.
- ОР РГБ, ф. 332, к. 46, ед. хр. 18, лл. 9—10.
317. 1873, июля 22. Москва. — Письмо Н. А. Зубкова Н. А. Попову. — В [Москву].
- Передает просьбу болгарина Богданова об издании составленных им для обучения болгар пособий по геометрии и грамматике.
- ОР РГБ, ф. 239, к. 9, ед. хр. 22, лл. 11—12.
318. 1873, августа, 27. Константинополь. — Письмо Т. С. Бурмова Н. А. Попову. — В [Москву].
- Благодарит за присылку географических карт. Ходатайствует о предоставлении стипендий болгарам, учащимся в Одессе и Николаеве.
- ОР РГБ, ф. 239, к. 19, ед. хр. 23, лл. 43—44.
319. 1873, сентября 15. Москва. — Письмо Н. Благоразумова Н. А. Попову. — В [Москву].
- Извещает о приеме болгар в Московскую духовную семинарию.
- Упом.: М. П. Погодин.
- ОР РГБ, ф. 239, к. 5, ед. хр. 17, л. 7 об.
320. 1873, сентября 25. Коптоп. — Письмо А. Ф. Теохарова Н. А. Попову. — В [Москву].
- Просит ему помочь устроиться преподавателем греческого, латинского или болгарского языка, либо оказать денежную помощь.
- ОР РГБ, ф. 239, к. 19, ед. хр. 38, лл. 1—2.
321. 1873, сентября 27. Константинополь. — Письмо экзарха болгарского Анфима Н. А. Попову. — В [Москву].
- Просит помочь иеродиакону В. Плачуковскому поступить в Московскую духовную академию.
- ОР РГБ, ф. 239, к. 4, ед. хр. 20, л. 1. Писарская копия с подписью Анфима.
322. 1873, октября 28. Москва. — Письмо игуменья Алексеевского женского монастыря Антонию Н. А. Попову. — В [Москву].
- Информирует о деятельности Южнославянской школы, об успешном обучении воспитанниц. Просит помочь в приобретении книг для библиотеки.
- ОР РГБ, ф. 239, к. 4, ед. хр. 18, лл. 13—14.
323. 1875, октября 30. Москва. — Письмо Н. А. Попова В. М. [Третьякову]. — В Москву.
- Просит Московское купеческое общество оказать денежную помощь болгарским учащимся Южнославянской женской школы.
- Упом.: И. С. Аксаков, П. Н. Батюшков.
- ОР РГБ, ф. 332, к. 46, ед. хр. 17, лл. 1—2. Черновой автограф без подписи.
324. 1873, декабря 14. С.-Петербург. — Письмо И. П. Корнилова Н. А. Попову. — В [Москву].
- Просит содействовать публикации статей о Болгарии в «Славянской исторической хрестоматии» В. И. Ламанского.
- Упом.: М. С. Дринов.
- ОР РГБ, ф. 239, к. 11, ед. хр. 2, л. 11.
325. 1873, декабря 20. Одесса. — Письмо Н. Н. Мурзакевича В. И. Григоровичу. — В [Одессу].
- Посылает В. И. Григоровичу на корректуру греческий текст с русским переводом «Жития св. Климента».
- ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 84, лл. 1—2.
- 1874
326. 1874, января 8. Таганрог. — Письмо М. Караспасова М. П. Погодину. — В [Москву].
- Благодарит за присылку книги М. П. Погодина «Простая речь о мудреных вещах».
- Упом.: И. Н. Денкоглу, С. Н. Палаузов.
- ОР РГБ, ф. 231/II, к. 14, ед. хр. 91, л. 1.

327. 1874, мая 1. Москва. — Письмо игуменьи Алексеевского женского монастыря Антонины М. П. Погодину. — В Москву.
Благодарит за внимание и помощь, оказанные Южнославянской школе.
ОР РГБ, ф. 231/II, к. 2, ед. хр. 29, лл. 3—4.
328. 1874, августа 29. Константинополь. — Письмо П. Ф. Мусевича Н. А. Попову. — В [Москву].
Подтверждает получение братством «Просвещение» денег от Е. Н. Карамзиной. Указывает на трудности противостояния греческому влиянию.
ОР РГБ, ф. 239, к. 14, ед. хр. 22, лл. 7—7 об.
329. 1874, октября 11. Москва. — Письмо игуменьи Алексеевского женского монастыря Антонины Н. А. Попову. — В [Москву].
Содержит сведения о преподавателях Южнославянской школы Федорове и Г. Ф. Теохарове.
ОР РГБ, ф. 239, к. 4, ед. хр. 18, л. 17.
330. 1874, ноября 18. Константинополь. — Письмо П. Ф. Мусевича Н. А. Попову. — В [Москву].
Подтверждает получение книг для братства «Просвещение» от Московского славянского комитета. Информирован о состоянии религиозного вопроса на юге Болгарии. Просит прислать журн. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». Рекомендует болгарина для обучения на средства комитета.
ОР РГБ, ф. 239, к. 14, ед. хр. 22, лл. 9—10.
- 1875
331. 1875, января 26. Харьков. — Письмо М. Дринова В. В. Макушеву. — В [Москву].
Информирует о своей педагогической работе в Харьковском университете, о намерении совершить поездку на Балканы для собирания материалов по истории болгарского языка. Просит В. В. Макушева прислать отписки своих публикаций в газ. «Варшавские университетские известия».
ОР РГБ, ф. 156, к. 5, ед. хр. 52, лл. 3—4.
Опубл.: Никулина М. В. Указ. соч., с. 67.
332. 1875, февраля 6. [Киев]. — Письмо Н. П. Задерацкого Н. А. Попову. — В [Москву].
Предлагает Н. А. Попову принять участие в издании «Славянского календаря».
ОР РГБ, ф. 239, к. 9, ед. хр. 7, лл. 1—2.
333. 1875, августа 2. Варшава. — Письмо А. С. Будиловича В. И. Григоровичу. — В [Одессу].
Предлагает В. И. Григоровичу сотрудничать в издании «Славянского сборника».
ОР РГБ, ф. 86, к. 4, ед. хр. 25, лл. 1—2.
334. 1875, октября 9. Херсон. — Письмо [Д.] Корнеевко В. И. Григоровичу. — В [Одессу].
Просит ходатайствовать перед Славянским благотворительным обществом им. Кирилла и Мефодия о выплате денежного пособия болгарскому учащемуся Херсонской учительской семинарии И. Афанасьеву.
ОР РГБ, ф. 86, к. 6, ед. хр. 65, л. 1.
335. 1875, октября 27. Москва. — Протокол заседания Общества истории и древностей российских.
Содержит краткие сведения о присылке М. Дриновым в библиотеку общества своей [докторской диссертации] «Южные славяне и Византия в X в.».
ОР РГБ, ф. 203, ед. хр. 20, л. 450 об. Писарской экз.
336. 1875, ноября 1. [Москва]. — Письмо Я. О. Орел-Ошмянцева М. П. Погодину. — В [Москву].
Просит оказать денежную помощь болгарским учащимся [Московской духовной] семинарии Радомирову и иеродиакону Феодосию.
Упом.: И. С. [Аксаков].
ОР РГБ, ф. 231/II, к. 22, ед. хр. 100, лл. 8—8 об.
337. 1875, декабря 17/29; б. д. [Прага]. — Письма М. Дринова В. В. Макушеву. — В [Варшаву].
Извещает о публикации своей диссертации «Южные славяне и Византия в X в.» в «Чтениях» Московского общества истории и древностей российских, о знакомстве с работами В. В. Макушева «Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника», «Исторические памятники южных славян».
Упом.: О. Б. Бодянский.
ОР РГБ, ф. 156, к. 5, ед. хр. 52, лл. 5—8.
Опубл.: Никулина М. В. Указ. соч., с. 67—69.
338. 1875. [Харьков]. — Сочинение М. Дринова «Южные славяне и Византия в X веке».
ОР РГБ, ф. 203, к. 205, ед. хр. 6, лл. 1—190. Автограф и писарская копия; пометы — рукой О. М. Бодянского.

Опубл.: Чтения в ОИДР, М., 1875, кн. 3, разд. III, с. 1—152.

339. 1875. Москва. — Письмо Н. Благоразумова Н. А. Попову. — В [Москву].
Ходатайствует об улучшении жилищных условий, о выплате денежного пособия студенту Московской духовной семинарии болгарину [Д.] Десеву.
ОР РГБ, ф. 239, к. 5, ед. хр. 17, л. 9.
340. [после 1875]. Вена. — Письмо Я. Ковачева М. П. Драгоманову. — Б. м.
Предлагает М. П. Драгоманову сотрудничать в иллюстрированной болгарской газете, которую он собирается издавать.
ОР РГБ, ф. 383, ед. хр. 126, лл. 1—2. Печатное.

1876

341. 1876, марта 20, 23; апреля 12. [Москва]. — Письма В. Шмидт Н. А. Попову. — В Москву.
Благодарит Н. А. Попова за присланные для Южнославянской школы книги. Информрует о самочувствии воспитанниц и их успеваемости. Передает Попову мнение учителей о проведении выпускных экзаменов, а также желани настоятельницы Алексеевского женского монастыря Антонии обсудить с членами Московского славянского комитета дела школы.
ОР РГБ, ф. 239, к. 21, ед. хр. 55, лл. 1—5 об.
342. 1876, апреля 5. Москва. — Письмо болгарских и сербских учащихся Южнославянской школы в Москве Н. А. Попову. — В [Москву].
Благодарят за присланные [Московским славянским комитетом] книги.
ОР РГБ, ф. 239, к. 23, ед. хр. 2, лл. 3—4. Рукой Е. Казанлышева с подписями учащихся Е. Казанлышевой, Е. Стойкович, Е. Шекерджиевой и др.
343. 1876, апреля 8. Москва. — Письмо Ф. В. Чижова Н. А. Попову. — В [Москву].
Извещает о посылке Н. А. Попову 25 экз. своей книги «Письма о шелководстве» для рассылки по славянским библиотекам, в том числе в Болгарии.
ОР РГБ, ф. 239, к. 231, ед. хр. 28, л. 7.
344. 1876, июля 19, августа 3. Москва. — Письма игуменьи Алексеевского женского монастыря Антонии Н. А. Попову. — В [Москву].
Ходатайствует об устройстве болгарских воспитанниц [Южнославянской школы] в Ермсловско-Маринское училище на средства Московского славянского комитета.
ОР РГБ, ф. 239, к. 4, ед. хр. 18, лл. 24, 26. Писарские копии с подписью игуменьи Антонии.
345. 1876, августа 26. Тифлис. — Письмо А. И. Лилова В. И. Григоровичу. — В [Одессу].
Извещает об отправке В. И. Григоровичу составленного им пособия для [болгар] по обучению русскому и латинскому языкам. Просит помочь болгарину Н. П. Дарскому поступить в Новороссийский университет.
ОР РГБ, ф. 86, к. 6, ед. хр. 71, лл. 1—2.
346. 1876, ноября 2. Москва. — Письмо Г. Мачева Н. А. Попову. — В [Москву].
Информирует о ходе работы над подготовкой к изданию [перевода] «Жизнеописания Райны Георгиевой».
ОР РГБ, ф. 239, к. 13, ед. хр. 18, л. 1.
347. 1876, ноября 15. [Москва]. — Письмо И. С. Аксакова кн. В. А. Черкасскому. — В [С.-Петербург].
Рекомендует Т. Минкова как человека, полезного в болгарских делах.
Упом.: П. А. Васильчиков, Д. Ф. Самарин, Д. А. Хомяков.
ОР РГБ, ф. 327/II, к. 4, ед. хр. 19, лл. 5—6.
348. 1876, декабря 11. С.-Петербург. — Письмо кн. В. А. Черкасского И. С. Аксакову. — В [Москву].
Сообщает краткие сведения о подготовке в России к изданию болгарского разговорного словаря.
Упом.: Одесское болгарское настоятельство.
ОР РГБ, ф. 327/II, к. 2, ед. хр. 1, лл. 4 об. — 5; ед. хр. 2, лл. 2—3. Автограф и список рукой Е. А. Черкасской.
349. [до 1876]. Одесса. — [Замечания В. И. Григоровича по вопросу о направлении образования и воспитания южных славян в России].
Упом.: Ю. И. Венелин, Д. М. Княжевнич.
ОР РГБ, д. 86, к. 3, ед. хр. 57, лл. 1—10. Черновой автограф.

1877

350. 1877, января 4. Москва. — Письмо игуменьи Алексеевского женского монастыря Антонии Н. А. Попову. — В [Москву].
Извещает об окончании Южнославянской школы болгарскими и сербскими уча-

щимися и о выдаче им в качестве подарка от училища книг на болгарском и сербском языках.

ОР РГБ, ф. 239, к. 4, ед. хр. 18, лл. 30—31.

351. 1877, января 27. [Москва?].— Письмо С. Д. Свербеевой Н. А. Попову.— В [Москву].

Извещает об устройстве болгарской девочки в Александринский приют. Просит сообщить о возможности приобретения в Москве болгарских книг.

ОР РГБ, ф. 239, к. 18, ед. хр. 15, лл. 1—2.

352. 1877, февраля 10. Харьков.— Письмо М. Дринова Н. А. Попову.— В [Москву].

Оповещает о благотворительной деятельности Харьковского комитета помощи славянам: снабжении их церковной утварью, оказании финансовой помощи, содействию при поступлении в учебные заведения Харькова. Настаивает на необходимости выделения [Московским?] славянским комитетом денежных средств на восстановление болгарских училищ. Указывает на увеличение количества болгарских девочек, желающих учиться в России.

ОР РГБ, ф. 239, к. 8, ед. хр. 24, лл. 11—14 об.

353. 1877, апреля 11. Кишинев.— Письмо кн. В. А. Черкасского кн. Е. А. Черкасской.— В [Москву].

Извещает о получении списка вещей, пожертвованных славянским комитетом для болгар (название комитета не указано).

Упом.: И. С. Аксаков.

ОР РГБ, д. 327/II, к. 1, ед. хр. 6, л. 29 об.

354. 1877, июня 30, июля 4, 8, 29. Москва.— Письма С. Верковича Н. А. Попову.— В [Москву].

Рассказывает о предпринимаемых им усилиях по изданию в России Родопских песен и обращается к Н. А. Попову за содействием в этом деле. Сообщает о своем намерении принять участие в археологическом съезде в Казани. Информирован Н. А. Поповом о борьбе болгарских учителей Серезского училища с греческим влиянием в целях защиты славянских интересов в Македонии; просит оказать им поддержку. Уведомляет о своем знакомстве с Н. П. Румянцевым и о посещении Румянцева музея.

Упом.: И. С. Аксаков, А. Ф. Бычков, В. А. Дашков, М. Дринов, О. Ф. Миллер, И. И. Срезневский, А. С. Уваров, П.-И. Шафарик.

ОР РГБ, ф. 239, к. 6, ед. хр. 21, лл. 20—34. Серб. яз.

355. 1877, июля 28. Тырново.— Письмо кн. В. А. Черкасского И. С. Аксакову.— В [Москву].

Предлагает организовать в Тырново на средства [Московского] славянского комитета первую болгарскую типографию для печатания учебников.

Упом.: Д. Н. Анучин, [В. П. Балабин], В. К. Караконовский, А. А. Нарышкин, А. С. Хомяков.

ОР РГБ, ф. 327/II, к. 2, ед. хр. 1, л. 9 об., ед. хр. 2, лл. 16—16 об. Автограф и список рукой Е. А. Черкасской.

356. [1877], сентября 1. [Москва].— Письмо М. Станюкович Н. А. Попову.— В [Москву].

Извещает о приеме болгарок в Покровскую общину в Москве.

Упом.: О. Ф. Кошелева.

ОР РГБ, ф. 239, к. 19, ед. хр. 9, лл. 1—2.

357. 1877, октября 3. Москва.— Письмо игуменьи Алексеевского женского монастыря Антонии Н. А. Попову.— В [Москву].

Извещает о посылке книги Л. А. Кавелина «Исторический очерк Алексеевского монастыря» Н. А. Попову.

ОР РГБ, ф. 239, к. 4, ед. хр. 18, л. 34.

358. 1877, октября 10. Систово.— Письмо кн. П. А. Голенищева-Кутузова Н. А. Попову.— В [Москву].

Просит помочь в приобретении у русских книгопродавцов и издателей книг для Болгарии.

Упом.: Д. В. Манчов, А. А. Нарышкин.

ОР РГБ, ф. 239, к. 7, ед. хр. 31, лл. 5—6 об.

359. 1877, октября 10. Киев.— Письмо Н. П. Задерацкого Н. А. Попову.— В [Москву].

Извещает о высылке Н. А. Попову списка статей, которые будут опубликованы в «Славянском ежегоднике».

ОР РГБ, ф. 239, к. 9, ед. хр. 7, лл. 1—2.

360. [1877]. Варшава.— Заметка В. В. Макушева о русском переводе книги К. Иречека «История болгар», сделанном с немецкого издания.

Указывает на недостатки перевода.

ОР РГБ, ф. 156, к. 1, ед. хр. 14, л. 1.

361. [1877]. Б. м.— Письмо М. Дринова В. В. Макушеву.— Б. м.
Высказывает свое мнение об отзыве В. В. Макушева на русский перевод «Истории болгар» К. Иречека. Извещает о своем намерении открыть гимназию в Болгарии. Посылает В. В. Макушеву экземпляр болгарской газ. «Марица».
ОР РГБ, ф. 156, к. 5, ед. хр. 52, лл. 11—14.

1878

362. 1878, марта 6. С.-Петербург.— Письмо В. И. Ламанского Н. А. Попову.— В [Москву].

Просит прислать статьи С. Верковича о Македонии.

Упом.: Р. Жинзифов.

ОР РГБ, ф. 239, к. 12, ед. хр. 16, л. 34.

363. 1878, мая 20. Тырново.— Письмо Л. С. Каравелова О. Ф. Миллеру.— В С.-Петербурге.

Сообщает об открытии типографии в Тырново и об издании журн. «Знание». Просит дать информацию в русской прессе о выходе этого журнала.

ОР РГБ, ф. 93/11, к. 5, ед. хр. 51, лл. 1—1 об.

364. 1878, сентября 8. Москва.— Письмо С. Верковича Н. А. Попову.— В [Москву].
Просит Н. А. Попова вернуть ему «Македонскую статистику» для перевода и предоставить его знакомому во временное пользование книгу для написания [статьи] о Родопских песнях.

Упом.: Н. П. Румянцев, К. Н. Станишев, А. С. Уваров.

ОР РГБ, ф. 239, к. 6, ед. хр. 21, лл. 35—36 об. Серб. яз.

Б. д.

365. [до 1878]. Б. м.— Записка [монаха Анфима?] «О распространении духовного просвещения в Болгарии через содействие России».

ОР РГБ, д. 231/IV, к. 2, ед. хр. 112, лл. 1—6. Автограф. На л. 1 — помета М. П. Погодина.

366. [до 1878].— Б. м.— Письмо Анфима [1] И. С. Аксакову.— В [Москву].

Благодарит за содействие знакомству с племянницей Н. В. Гоголя и за подарок некоторых произведений Н. В. Гоголя.

ОР РГБ, ф. 3, к. 1, ед. хр. 150, л. 1.

367. [до 1878]. Б. м.— Письмо М. Дринова В. В. Макушеву.— Б. м.

Информирует о публикации сообщений в болгарской прессе о найденных В. В. Макушевым источниках по истории Болгарии.

ОР РГБ, ф. 156, к. 5, ед. хр. 52, лл. 9—10.

368. [до 1878]. Б. м.— Письмо Т. З. Ковачева М. П. Погодину.— В [Москву].

Просит оказать денежную помощь для отъезда в Болгарию.

ОР РГБ, ф. 231/II, к. 15, ед. хр. 84, л. 1.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ФОНДОВ

- Ф. 3 АКСАКОВЫ С. Т., И. С., К. С. — 292, 295, 315
- Ф. 18 БАРСУКОВ Н. П. — 283, 284, 292
- Ф. 36 БОДЯНСКИЙ О. М. — 282, 297, 298, 303, 305, 306
- Ф. 42 БУСЛАЕВ Ф. И. — 306
- Ф. 47 ВЕЛЬТМАН А. Ф. — 284, 286, 287, 290, 291, 293, 298, 302
- Ф. 49 ВЕНЕЛИН Ю. И. — 281—286
- Ф. 51 ВИКТОРОВ А. Е. — 295, 304
- Ф. 541 ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. — 302
- Ф. 86 ГРИГОРОВИЧ В. И. — 286—298, 300—308, 311—313
- Ф. 93 ДОСТОЕВСКИЕ, Ф. М., А. Г. и др.— 315
- Ф. 383 ДРАГОМАНОВ М. П. — 313
- Ф. 126 КИРЕЕВЫ И НОВИКОВЫ — 293, 294
- Ф. 139 КОШЕЛЕВ А. И. — 295, 297
- Ф. 148 ЛЕОНИД, архим. (КАВЕЛИН Л. А.) — 301, 308, 310
- Ф. 156 МАКУШЕВ В. В.— 305, 308, 312, 314, 315

- Ф. 169 МИЛЮТИН Д. А. и др. — 298
Ф. 203 ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ (ОИДР) —
282—284, 286, 288, 289, 292, 296—300, 310, 312
Ф. 231 ПОГОДИН М. П. — 282, 285—305, 308—312, 315
Ф. 239 ПОПОВ Н. А. — 300—315
Ф. 265 САМАРИНЫ, Ю. Ф., Д. Ф., и др. — 291, 292
Ф. 327 ЧЕРКАССКИЕ, В. А., Е. А. — 313, 314
Ф. 332 ЧИЖОВ Ф. В. — 293, 299, 311

ЗАМЕТКИ АРХЕОГРАФА

Т. М. Макагонова

Бунинские пометы в собрании сочинений А. С. Пушкина

В 1990 г. среди прочих дарений отдел рукописей получил и четырехтомное собрание сочинений А. С. Пушкина, выпущенное берлинским издательством И. П. Ладыжникова в 1921 г. Щедрый даритель — Александр Кузьмич Бабореко¹, известный своими исследованиями о прозе крупнейших русских художников слова — А. П. Чехова и И. А. Бунина, — незадолго до этого получил книги от Милицы Эдуардовны Грин, проживавшей в Эдинбурге. Из истории перемещения этих книг, начавшейся с парижского архива И. А. Бунина, известно, что какое-то время они хранились у Леонида Федоровича Зурова, а затем, вместе с дневниками Бунина и другими документами, были передоверены М. Грин, которая, в свою очередь, немало способствовала своими трудами изданию сочинений писателя за рубежом².

Ладыжниковское издание, полученное в Париже, невольно связывало И. А. Бунина с прошедшими десятилетиями совместной плодотворной деятельности с писателями-знаньевцами, многие из произведений которых увидели свет в Берлине благодаря «сценическому и книжному» издательству Ладыжникова. Но издание это свидетельствовало и о живой связи Бунина с русской эмиграцией Берлина. На шмуцтитуле и титульном листе т. I сочинений А. С. Пушкина сохранилась вла-

---

¹ См.: Бабореко А. К. Бунин — читатель Пушкина. Неизвестные записи на книгах // Альманах библиофила. М., 1983. С. 116—132. В этой статье автор высказывает свое первоначальное желание: «Экземпляр этого собрания сочинений [А. С. Пушкина] с пометками Бунина хранится у меня и будет передан в Музей

И. С. Тургенева в Орле». ОР РГБ, Ф. 429,5, 1—4.)

² См., напр.: Бунин И. А., Бунина В. Н. Устами Буниных: Дневники И. А. и В. Н. Буниных и др. арх. материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне, 1977.

дельческая запись И. А. Бунина, а на шмуцтитулах т. II, III, IV этого издания стоит позднейший владельческий штамп, по-видимому, Александра Персица, латинскими буквами.

В тексте и на полях этого собрания сочинений имеются разнообразные карандашные и чернильные пометы Бунина — отчеркивания, подчеркивания, знаки «NB!», крестики, галочки, а также оценочные словесные характеристики. Наилучшим эпиграфом к ним могли бы послужить слова бунинского Арсеньева из автобиографической хроники писателя: «Пушкин был для меня... подлинной частью моей жизни... Сколько чувств рождал он во мне! И как часто сопровождал я им свои собственные чувства и все то, среди чего и чем я жил»³. Бунинские пометы чрезвычайно ценны для восстановления предыстории его статьи «Думая о Пушкине», датированной 1926 г. Статья эта выростала постепенно из необходимости отвечать на вопросы о Пушкине, о России пушкинских времен, погружая писателя в размышления о собственной судьбе и своей жизни в России. Становление себя — художника Бунин видит в неразрывной связи со смирением перед гением Пушкина: «... я пишу стихи с утра до ночи, с таким чувством, точно все написанное я смиренно слагаю к его стопам, в страхе своей недостойности и перед ним, и перед всем тем, что породило нас»⁴. В самой ранней молодости Бунин не только подражал «даже в почерке», но готов был и слепо следовать своему кумиру. Чарующее пушкинское слово нередко сливалось с миром чувств самого Бунина. Вот на странице со стихотворением Пушкина «Певец» отчеркнуты строки, которым Бунин находит место в воспоминаниях о нераздельности своих чувств с чувствами своего предшественника. И в бунинское письмо органически вплетаются пушкинские строки: «Вот уже совсем темно, и на весь сад томится и цокает соловей, а он спрашивает: „Слыхали ль вы за рощей в час ночной Певца любви, певца своей печали?“».

Мир чувствований, лирических переживаний Бунина выростал из окружающих его поэтических творений Пушкина. Из отчеркнутых Буниным ранних пушкинских четверостиший обращает на себя внимание элегический цикл, посвященный возлюбленной римского поэта Тибулла — Делии: «Делия («Ты ль передо мною...»), «К Делии» («О Делия, драгая!...»), «Безверие» («Где нежной Делии таится пепел милый?»). Они рождают в душе поэта воспоминания о пережитом. Своим ответом на анкету «Думая о Пушкине» Бунин пытается обозначить согласие своих чувств с пушкинским настроением. Вспоминая весенние сумерки «у раскрытого окна темной гостиной», Бунин с тончайшей степенью осязательности фиксирует: «... и опять он со мной, выражает мою мечту, мою мольбу: „О, Делия драгая!“»⁵.

Не только в сумерки, но и в ночные, и в утренние часы, в любое время суток и года блуждающая и жаждущая идеала душа Бунина находила успокоение в пушкинском стихе. Пушкин нередко присутствовал в его грезах, в его юношеских фантазиях. Читая стихотворение «Ночь», Бунин отчеркивает на полях обращение: «Морфей, до утра дай отраду моей мучительной любви». В статье «Думая о Пушкине», Бунин без обиняков скажет: «... и опять его словами изливаю я свою... любовь»⁶.

³ Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 6. С. 126—127.

⁴ Бунин И. А. Думая о Пушкине // Возрождение. Париж, 1926. № 373, 10 июня. Цит. по

изд.: Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 455.

⁵ Бунин И. А. Думая о Пушкине. С. 454.

⁶ Там же, С. 457.

Любовь и радость жизни в постепенно раскрывающемся пред Буниным мирозданием переполнены солнечным светом и добрыми звуками пушкинского стиха. Таковы и строки из стихотворения «Блаженство» («В роще сумрачной, тенистой...»), рядом с которыми на полях появляется запись, возвращающая Бунина в чудесный майский день юности, когда эти строки воспринимались им «как будто для меня и именно обо мне написанными»⁷. Пушкинские риторические вопросы: «Как могу бороться с роком? // Как могу счастливым быть?» — становились для Бунина важными побудителями в поисках духовных ценностей. Однако, читая Пушкина в «окаянные дни», вдали от родины, он в своих читательских оценках, как бы исчерпав восторженность, от «отлично» переходит к другой шкале: «графоман», «детская ерунда», «плохо», «невозможно читать», «ужасно», «очень плохо». Суровость этих оценок, по-видимому, кроется в психологических, событийных и творческих состояниях поэта. В череде однозначно отрицательных оценок усматривается смятенное состояние самого Бунина, не находящего теперь душевного отклика в стихах любимого поэта. С нескрываемым раздражением он комментирует на полях строку из дружеского послания Пушкина «К Чаадаеву»: рядом с полной энергичной надежды строкой «Россия вспрянет ото сна...», соседствует его — «Воспрянула!».

Но раздражительное несогласие Бунина уступало место его размышлениям о трагической судьбе Пушкина, которая была подобна судьбе героя его романа — Евгения Онегина. Рядом со строкой — «... праздник жизни рано оставил, не допив до дна», на полях помета Бунина: «Он не допил!», — полная злости и скрытой боли. Бунин вновь обращался к лицейским стихотворениям поэта и по соотносности исторических мотивов в стихотворениях «Лицинию» и «Наполеон на Эльбе» мужественно расширял амплитуду своих оценок. «Это уже гораздо лучше», «Это уже начинается Пушкин», «Вот отсюда начинается Пушкин», — пишет он на полях, у пушкинской строки: «Есть в России город Луга, Петербургского округа». Эта запись более чем достаточна для понимания того, что мысли Бунина возвращались к своей отчизне. Она, несомненно, не исключает бунинской постановки вопроса о начальном периоде в лирике Пушкина, но для него обретает некую территориально-символическую данность, которой отсутствие для него была остро чувствительно. В кружении мыслей Бунин останавливается на строке «Взошел под отчий кров», открывающей послание поэта своей сестре, Ольге Сергеевне Пушкиной (в замужестве Павлищевой).

Одно за другим следующие пушкинские послания А. И. Галичу и Ф. Ф. Юрьеву, Н. В. Всеволожскому, приятелем Пушкина по литературному кружку «Зеленая лампа», делают Бунина свидетелем давно прошедших дней. «Потомок негров безобразных», «могучих предков правнук бедный», Пушкин своим первым «Посланием цензору» невольно обратил Бунина и к его родословной: встреча с А. П. Буниной, поэтессой, почетным членом «Беседы любителей российской словесности», которая приходилась родней Буниным, произошла при чтении строк «Послания цензору» — «Людской бессмыслицы — присяжный толкователь, // Хвостова, Буниной единственной читатель...» Как некогда, читая стихотворение «Блаженство», так и теперь, читая отрывок из сатирической поэмы «Родословная моего героя»:

⁷ Бунин И. А. Думая о Пушкине. С. 457.

Люблю от бабушки московской
 Я толки слушать о родне,
 Об отдаленной старине... —

Бунин учился у Пушкина самоиронии, необходимой ему для понимания того, «куда зашел» «дух века». Некую поэтическую форму, становящуюся для его художественных убеждений вполне приемлемой, дает Бунину чтение «Домика в Коломне»: «... кто крепко словом правит, и держит мысль на привязи», — он воспринял не как закрепощение этой мыслью, а как моноидею. Судя по пометам, эта мысль требовала от художника глубокого вдохновения, истинного эстетического чувства, которое и позволило бы ему осуществить свою задачу. Поэтическая декларация Бунина — «Обетованному отеческому краю я приношу остаток горных сил» — выростала из его органической связи с гуманистическими и гражданственными идеалами Пушкина.

Стихотворение Пушкина «Узник», написанное в период южной ссылки и окрушенное драматическими фактами политической жизни России 1820-х гг., Бунин читал спустя 100 лет. И оно не оставило его равнодушным, о чем свидетельствуют его карандашные отчеркивания строки «Мы вольные птицы...». Единственным комментарием к ней может служить стихотворение Бунина «Канарейка», датированное 1921 г. Эпиграфом к нему взята строка из сочинения Брэма — «На родине она зеленая»:

Канарейку из-за моря
 Привезли, и вот она
 Золотая стала с горя,
 Тесной клеткой пленена.
 Птицей вольной, изумрудной
 Уж не будешь, — как ни пой...⁸

Обреченный на скитания, лишенный родного крова, Бунин вынужден был жить в чужом «наемном доме». В речи, произнесенной в день получения Нобелевской премии, писателю пришлось констатировать: «... скорби, испытанные мною за последние 15 лет, далеко превышали мои радости. И не личными были эти скорби, — совсем нет!»⁹.

В состоянии «узаконенной бездомности» Бунин опирался на незыблемое для него, как художника, представление о свободе мысли и совести. Он находил подтверждение своим аксиоматическим представлениям в свободолобивом творчестве Пушкина. «Вполне вирши!» — помужски сдержанно оценивает он его придворное посвящение «Принцу Оранскому». В сознании Бунина история жизни «рыцаря мести», командовавшего нидерландскими войсками в сражениях против Наполеона, оказывается сопряженной с мыслью о «шаткости трона».

Судя по многочисленным бунинским пометам, оставленным при чтении трагедии Пушкина «Борис Годунов», Бунина интересует внутренняя динамика пьесы. Так, Бунин обращает внимание на характеристику Годунова, данную Шуйским. В ней зять палача Малюты Скуратова, бывший опричник, предстает человеком, лишенным психологической возможности снять с себя вину за злодеяние и пролитую кровь: «В душе палач». Его занимает социальная дифференцированность персонажей трагедии в их отношении к происходящей борьбе за царский трон. Но более всего он увлечен пушкинской трактовкой

⁸ Бунин И. А. Стихотворения. Л., 1956. С. 248. ⁹ Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 330.

образа подлинного летописца своего времени — Пимена. В элегически величавом тоне его речи Бунин с особой остротой ощущает суровость слов Пимена о Борисе: «Владыкою себе царевийцу мы нарекли». В них доносится до его слуха и гул «мнения народного». Оказавшись не в келье Пимена, но, подобно ему, в определенной изоляции от интенсивного движения жизни, Бунин тем не менее не уподобился отшельнику, и в Париже 1920—1930-х гг. происходящее в России живо волновало его. Он совершает ассоциативные выходы из времени и пространства, выходы из эпохи Бориса Годунова, из эпохи Пушкина в современность, пытаясь понять природу власти и психологию людей, достигших «высшей власти». «Мне, вообще, — вспоминал Бунин, — суждена была жизнь настолько необыкновенная, что я был современником даже и таких кретинов, имена которых навеки останутся во всемирной истории, — тех „величайших гениев человечества“, что разрушали целые царства, истребляли миллионы человеческих жизней»¹⁰. Читая монолог Бориса Годунова: «Довольно, удались...», Бунин не отделяет трагедию царя от трагедии его совести. Он подчеркивает его мучительные тревоги:

Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!

Писатель, подчеркивая следующие строки, обращает внимание на психологическое состояние Бориса Годунова, понимающего неминуемость Немезиды: «И мальчики кровавые в глазах», «И рад бежать, да некуда... ужасно!», «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста...». Его интересует не криминальная сторона, а мучения властителя самим фактом насильственной смерти царевича, безотносительно к тому, был ли он причастен к злодейству или только тень злодейства висела над ним. Борис Годунов своим царским решающим голосом принес народу не «великий праздник», но «велику скорбь». В сравнении с ним бунинские аллюзии к современности («Ленин и Сталин не терзаются»), фиксируемые на полях рядом с монологом царя: «Так вот зачем 13 лет мне сряду // Все снилось убитое дитя!...», — дают возможность говорить об отмежевании Бунина от смиренного летописца Пимена. Если Пимен «ведает блажество» с того самого момента, «как в монастырь» судьба его приводит, то Бунин не может удовольствоваться затворничеством. Размышляя о «царях великих», он пытается осознать и собственное отношение к происшедшему, когда его ум и чувства захватывает монолог Пимена:

Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют...

Бунин — художник не перестает вопрошать словами А. С. Пушкина:

Где вольность и закон?
Над нами
Единый властвует топор.

¹⁰ Бунин И. А. Воспоминания. Париж: Лев, 1950. С. 8.

Горестный стихотворный рассказ Пушкина о гибели Андрея Шенье, жертвы французской революции, находится в общем ряду читательских размышлений Бунина этих дней. Он подчеркивает строки, несущие для него основную идею, идею гуманного братского взаимоотношения между людьми, нарушаемую ходом любой революции:

В наш век, вы знаете, и слезы преступленья:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.

Свою писательскую миссию Бунин видит именно в служении этой идее и не способен на какое-либо отступничество от нее. Несмотря на долгие попытки умолчания его имени на родине, статьи, искажающие суть его писаний, Бунин был уверен в том пушкинском постулате, рядом с которым оказывается его карандашная помета:

И рукопись его, не погибая в Лете
Без подписи твоей разгуливает в свете.

Бунин идет через преодоление роковых предзнаменований, выраженных в пушкинских строках:

Несчастия, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб, родясь, осуждены.

Он идет из «безверия» к вере, находя поддержку в пушкинском послании «К другу стихотворцу»:

Потомков поздних дань поэтам справедлива:
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.

Избирательные бунинские подчеркивания в тексте этого программного пушкинского стихотворения объясняют его собственный взгляд на задачи искусства. Дружеское послание Пушкина ведет Бунина на Пинд, на поэтическую вершину, где поэт был увековечен не только славой, но и с лихвой хватил «крапивы» от своих литературных критиков, людей разных литературных дарований и нравственных устоев¹¹. Бунин разделял не только пушкинские симпатии, но и в оценках лиц и явлений не пренебрегал советами учителя. Заслуживают особого внимания пометы Бунина, оставленные на полях у текстов эпиграмм на редактора журнала «Вестник Европы» М. П. Каченовского и графа А. К. Разумовского. Рядом со строкой «Плюгавый выползок из гузна Дефонтена», заимствованной Пушкиным, как известно, из дмитриевской эпиграммы на того же Каченовского, написано озадачивающее междометие: «Фу! Что это? Сораздельное с пушкинским презрение, к одному из его недоброжелателей, или отношение к стиху Пушкина? Ни то, и ни другое. Ответ содержится в самой эпиграмме. В ней, объясняя причины заимствования дмитриевской строки, Пушкин признавал сатирический эффект своего предшественника, и потому заявлял: «Позорного клейма ты вновь не заслужил!» Шокирующее бунинское «Фу!» есть

¹¹ Определенная тенденция в литературно-критическом взгляде на Бунина как на художника, находящегося «вне жизни и вне времени» наметилась после его эмиграции из России; до наших дней она дошла в варианте «внеисторического» характера мышления писателя. К счастью, процесс постижения творчества Бунина и отражения его в русской кри-

тике не был столь однозначным. Достаточно ознакомиться с литературой, включенной в библиографию И. В. Владиславлева (см.: Литература великого десятилетия, 1917—1927. М.; Л., 1928. Т. I. С. 64—65), а также обратиться к девятитому собранию сочинений писателя и многочисленным публикациям о нем последних лет.

ничто иное, как мини-цитата из другой эпиграммы поэта на проф. Каченовского: «Жив, жив Курилка!» И не случайно междометие Бунина закавычено, ведь именно им открывается строка названной эпиграммы Пушкина: «Фу! надоед Курилка — журналист!»

Бунин придает этой пушкинской установке универсальный характер, когда для оценки литературных достоинств графа А. К. Разумовского не ищет новых «позорных клейм», а довольствуется заимствованиями из пушкинской эпиграммы на кн. С. А. Ширинского-Шихматова. Красующаяся на полях характеристика: «Слог темен, важен, напыщен // И тяжки словеса пустые», — есть ничто иное, как прямая цитата. В свободной переадресовке пушкинских дефиниций, в их равной применимости к любой литературной посредственности невольно убеждают пометы-цитаты Бунина.

Он внимательно исследует пушкинскую мысль, сосредоточенно читая его подражания легендарному шотландскому поэту Оссиану («Кольна», «Эвлега», «Осгар»). Завороженный пушкинским образительным рядом, не в состоянии оторваться от него, множит он свои пометы на полях. Тревоги мощной юной души Тазита, открытой добру, занимают мир переживаний Бунина, читающего неоконченную кавказскую поэму Пушкина, опубликованную в этом издании под заглавием «Галуб», которое дал ей в связи с неточным прочтением при первой публикации В. А. Жуковский. Бунин верно схватывает трагический характер основной коллизии поэмы «Тазит». В монологе отца ему открываются законы далекого от цивилизации общества. Отчуждение от варварства и жестокостей его влечет за собой проклятие, которое отец шлет сыну, находящему в своей душе человеческое достоинство:

Чтоб мертвый брат тебе на плечи
Окровавленной кошкой сел,
И к бездне гнал тебя нещадно...

Бунин следит за развитием гениального дарования Пушкина в маленьких трагедиях. В «Каменном госте» его занимает странная история любви Дона Гуана к Инезе, мрачные мысли о будущем, возникающие в душе его в момент встречи с Лаурой. Особым обаянием обдала для Бунина атмосфера встречи Лауры с Карлосом:

Как небо тихо!
Недвижим теплый воздух, ночь лимоном
И лавром пахнет...

Призывное пушкинское — «Ну, слушай же», обостряло и его интерес к сущности взаимоотношений гения и таланта, Моцарта и Сальери. Бунин постоянно подчеркивает речи Моцарта, в которых заключены высшие этические начала и представления художника о необходимости ориентации общества на гармонию.

Фигура Председателя, приковавшая взгляд Бунина при чтении «Пира во время чумы», выразительно передает его размышления об общемировых и вечных проблемах бытия, связанных с нравственным состоянием общества.

Сказка-трагедия Пушкина «Русалка» поглощает всего Бунина. Он внимает хору русалок («Что, сестрицы: в поле чистом...»), прислушивается к слову старшей русалки («Оставьте пряху, сестры, Солнце село...»), к наставлениям ее дочери, отправляющейся за князем, которого неминуемо ждет донная обитель Днепра («И про меня. И если

спросит он. . .»). В смене трагических сцен (объяснения дочери с отцом, княгини — с мамкой, жалующейся на холодность мужа, оцепенения дочери мельника, услышавшей осторожное признание князя о предстоящей женитьбе на другой) встреча с вороном, отцом русалки, оказывается для Бунина лишеной сказочной поэтичности:

С той поры
То здесь, то там летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилке
Сижу, да каркаю.

Из состояния уныния Бунин выходил, читая пушкинское посвящение Е. Н. Вульф («Если жизнь тебя обманет. . .»). Поэт убеждал его: «Сердце в будущем живет. . .» Но по-прежнему припадал он к родным истокам, читая «Станционного смотрителя», «Евгения Онегина», «Полтаву», «Пир Петра Великого» и «Медного всадника». И из Прованса, из гостеприимной Франции устремляется он к величественному образу России, преобразенному гением Петра. Сквозь «туман спрятанного солнца» он пытался восстановить реальную картину места, на котором суждено было утвердиться новой столице российского государства. Бунин сливал свою любовь с пушкинским признанием в любви Петрограду, с верой в неколебимость России. Почти сплошь испещрены его пометами три страницы «Медного всадника», буквально от самого вступления к поэме. Бунин живо соучаствует своими пометами в несчастном столкновении Евгения с медным всадником, как бы фиксируя этапы свершившегося фатального зла, «беды вчерашней».

«Добавки и варианты», «прежнее начало» поэмы «Медный всадник», опубликованные в издании Ладыжникова достигли эмоционального апогея в читательской душе Бунина («Над Петербургом омраченным // Осенний ветер тучи гнал. . .»). Едва дочитав:

По улицам взвивался прах
И буйный вихорь выл уныло,
Клубя капоты дев ночных
И заглушая часовых,—

Бунин выразил на полях свой восторг: «До чего хорошо!»

По праву истинно русского художника Бунин на склоне лет заявлял о неосуществленном замысле: «Это я должен был бы написать «роман» о Пушкине. Разве кто-нибудь другой может так почувствовать? Вот это наше, мое, родное. . .»¹².

Пометы И. А. Бунина на страницах издания И. П. Ладыжникова — прелюдия к этому ненаписанному роману.

¹² Новый журнал. Нью-Йорк, 1964. Кн. 76.

О родстве месяцесловов Остромирова Евангелия и Охридского Апостола

Месяцеслов Остромирова Евангелия 1056—1057 годов, по наблюдениям выдающихся исследователей К. И. Невоструева и архиеп. Сергия (Спасского), остается одиноким и оригинальным в кругу древнерусских церковных календарей¹. При том, что среди славяно-русских месяцесловов вообще нет одинаковых, месяцеслов Остромирова Евангелия заметно выделяется благодаря содержащемуся в нем большому числу местных константинопольских праздников, «латинствующим» памятям, а также памятям, зафиксированным лишь в одной или двух рукописях.

Если среди древнерусских календарей нет подобных Остромирову, то среди южнославянских может быть указан болгарский месяцеслов при Охридском Апостоле конца XII века (РГБ Григ. № 13). Определенные черты этого месяцеслова, сближающие его с Остромировым, бросаются в глаза. Это сходство было отмечено архиеп. Сергием².

Оба месяцеслова явно включают в себя несколько источников. Особенно ярко это видно на примере Охридского Апостола, месяцеслов которого содержит празднования святым на каждый день с 1 сентября по 7 апреля (обычно указывается несколько памятей под одним числом), а затем становится настолько сжатым, что значительно уступает по количеству памятей за апрель—август довольно краткому календарю Остромирова Евангелия. Охридский Апостол обрывается на празднике Преображения (6 августа). В Остромировом и Охридском месяцесловах часто память одного святого повторяется под соседними числами, что указывает на соединение разных источников. К примеру, в обоих календарях память Симеона еп. Иерусалимского повторяется 13, 18 и 21 сентября.

Если общее соотношение памятей месяцесловов Остромирова Евангелия и Охридского Апостола не дает оснований для вывода о их близком родстве³, то совокупность совпадающих памятей включает практически все редкие памяти Остромирова Евангелия, придающие его месяцеслову столь своеобразный облик. Из 193 совпадающих памятей 185 несут константинопольский характер (т. е. либо часто встречаются в месяцесловах константинопольского происхождения, либо само содержание праздника связано с религиозной жизнью столицы). 175 из них находятся в Уставе Великой Церкви (Константинопольской Софии). Устав Великой Церкви состоит из месяцесловной и триодной частей. Статья каждого дня в месяцесловной части содержит по несколько (иногда до десяти) памятей различных святых. Значительные праздники имеют указания тропарей, прокимнов, паремий, антифонов, аллилуариев, апостольских и евангельских чтений. Особо знаменательные события сопровождаются детально описанным чином богослужения, включая литии и шествия по городу. Месяцесловная часть Устава Великой Церкви сохранилась в двух греческих списках:

1) Патмосском конца IX в. (Библиотека Афинского Университета

№ 266), подробно описанном Н. Ф. Красносельцевым⁴ и изданном А. А. Дмитриевским⁵;

2) Иерусалимском XI в (с протографа середины X в.) из Иерусалимской Патриаршей библиотеки № 40, особенности которого подробно изложены в работе Д. Ф. Беляева⁶.

«Латинствующие» памяти Остромирова Евангелия также все отражены в Охридском Апостоле. Согласно с католическим календарем отмечены памяти Сильвестра папы Римского (31 декабря) и Поликарпа еп. Смирнского (26 января). Эти праздники и памяти Симеона Иерусалимского (21 сентября), мч. Ираклия (31 октября), «отца нашего Иоана» (10 января) не встречаются в византийских календарях, но упоминаются в греческих рукописях южноитальянского происхождения: Неаполитанском календаре IX века из церкви Иоанна Предтечи, Капуанском Евангелии 991 года, Евангелии XI века из Кристоферратского монастыря близ Фрашкати (месяцеслов этой книги назван Еклогадионом), Синайском канонарии IX—X веков, пребывание протографа которого в Южной Италии было установлено архиеп. Сергием⁷. Основу этих календарей составляют памяти Восточной церкви, но при этом имеются значительные следы западного влияния. Преобладание восточных памятей неудивительно, т. к. Южная Италия и Сицилия долгое время находились в составе Византии и в церковном отношении были подчинены Константинопольскому патриархату. Взаимодействие различных традиций способствовало появлению месяцевловов такого состава. Празднование 21 сентября Симеону еп. Иерусалимскому отмечено в Синайском канонарии, 31 октября — мч. Ираклию — в Неаполитанском календаре, Еклогадионе и Синайском канонарии, 10 января — Иоанну Златоусту⁸ — в Неаполитанском календаре.

Славянские памяти, присутствующие в Остромировом месяцевлове, находятся и в Охридском: Кирилла Философа (14 февраля) и обретения мощей Климента папы Римского (30 января).

Знаменательным фактом является повторение Охридским Апостолом ошибок Остромирова Евангелия. Например, 4 октября в обеих рукописях указаны мч. Диоген вместо Феогена и память св. Богородицы (греч. Θεοτόκος) вместо мч. Феотекиа; 30 декабря вместо Анисии Солунской значится Анастасия Солунская; 19 декабря — мч. Ермон вместо Ермила; а 8 января вместо Григория епископа Ниссы — «Григорий епископ Мисии» (Остромирово Евангелие) и «Григорий епископ и Моисей» (Охридский Апостол)⁹. Общая система ошибок указывает на генеалогическое родство, т. е. в каких-то составных частях месяцевловы Остромирова Евангелия и Охридского Апостола восходят к общему протографу. Конечно, невозможно установить, сколько конкретно звеньев отделяет от этого протографа каждую из исследуемых рукописей. Но с уверенностью можно говорить, что этот протограф не был греческой богослужебной книгой, т. к. он содержит ошибку переводчика: Феотекн — Богородица (Феотокос). Следовательно протограф содержал уже славянский или русский перевод некоего греческого месяцевлова. При этом надо отметить, что Охридский месяцевлов не является «прямым потомком» Остромирова, т. к. в нем (помимо общих с Остромировым праздников) представлен более широкий набор памятей Великой Церкви, «латинствующих» и славянских.

Придя к выводу, что часть месяцевловов Остромирова Евангелия и Охридского Апостола восходит к общему протографу, зададимся во-

просом, каков он был. Ведь наши памятники — богослужебные книги разного содержания: Евангелие-апракос, в месяцеслове которого за памятями святых следуют евангельские чтения, и Апостол-апракос, в котором памяти сопровождаются чтениями из Деяний апостолов и апостольских посланий.

К какому же типу богослужебных книг принадлежал протограф: Евангелие, Апостол или какой-то третий источник?

Преобладание в составе обоих месяцесловов памятней, восходящих к Уставу Великой Церкви, заставляет нас обратиться к этому памятнику. Как уже говорилось выше, его месяцесловная часть включает как евангельские, так и апостольские чтения, т. е. может служить источником для составления месяцеслова и Евангелия и Апостола. Можно было бы остановиться на предположении, что протографом общей части месяцесловов Остромирова Евангелия и Охридского Апостола был какой-то из списков Устава Великой Церкви, но тогда затруднительно объяснить проникновение в богослужебную рукопись типа Устава «латинствующих» памятней. В таком перенасыщенном агиографическим материалом календаре как месяцеслов Устава Великой Церкви «латинствующие» памяти неизбежно затерялись бы, и, не находясь на первых местах в перечне дневных святых (что естественно), оказались бы опущенными составителями месяцеслова Евангелия или Апостола, которые значительно сокращали Устав. Примером сокращенного Устава Великой Церкви является его древнейший сохранившийся русский список, датируемый последней четвертью XIII века — «Оуставъ Великыя цркви стья Софiя. списанъ бголюбивымъ архиеп(с)пмь новгородскимъ Климентомъ» (ГИМ Хлуд. 16-д)¹⁰. Таким образом «латинствующие» памяти были внесены уже в сокращенный вариант Устава.

Кроме того недоказанным является совершение богослужения по сложному и торжественному Уставу Великой Церкви в церковных центрах Южной Италии, на которые как-будто бы указывает характер представленных «латинствующих» памятней. Сохранились южно-итальянские богослужебные книги, составленные по образцу Студийского устава, но никаких намеков на использование Устава Великой Церкви не имеется.

Зато известно, что на основе этого Устава составлялись апостолы-апракосы, месяцесловы которых помимо апостольских чтений, тропарей, прокимнов, антифонов и т. п. содержали и евангельские чтения, а также приводили обряды Великой Церкви: чин новолетия (1 сентября), чин Воздвижения Креста (14 сентября), чин обновления Константинопольской Софии (23 декабря), литии в память землетрясений и нашествий иноплемненных и многие другие. Некоторые из таких Апостолов приведены А. А. Дмитриевским в разночтениях к Патмосскому списку Устава Великой Церкви. Это греческие Апостолы из лавры св. Афанасия на Афоне № 12 (X—XI вв.), из Афонского Пантелеимонова монастыря № 46, 68, 86 (XI в.), из Иерусалимской Патриаршей библиотеки № 53 (XI—XII вв.) и другие.

Очевидно, месяцеслов Апостола такого типа мог служить в свою очередь источником при составлении как месяцеслова другого Апостола, так и месяцеслова Евангелия. Понятно, что в большинстве случаев переписчик опускал излишние богослужебные подробности заметок. Но месяцеслов Охридского Апостола явно сохранил черты протографа — подробного Апостола, заключающего в себе одновременно еван-

гельские и апостольские чтения. Вслед за упоминанием прославляемого святого приводятся указания тропарей, прокимнов, антифонов, паримий, аллилуариев, апостольских чтений и на некоторые дни — чтений евангельских. Значит, вероятнее всего, протографом месящесловов Остромирова Евангелия и Охридского Апостола являлся подробный месящеслов Апостола, построенного в соответствии с месящесловной частью Устава Великой Церкви.

В пользу высказанной гипотезы свидетельствует еще один памятник — месящеслов староболгарского Енинского Апостола, сохранившийся, к сожалению, лишь с 1 сентября по 3 октября¹¹. Рассматривая этот отрывок, можно обнаружить, что он сходен по составу памятей с Остромировым и Охридским месящесловами, а также с месящесловной частью Устава Великой Церкви. Структура календаря Енинского Апостола говорит о его происхождении от этого Устава или подробного Апостола, составленного по Уставу Великой Церкви. Он приводит пространное описание службы (тропари, паримии, прокимны, антифоны, аллилуарии, причастны), апостольские чтения и кое-где евангельские чтения. В сохранившемся отрывке помещены чин новолетия (1 сентября) и чин Воздвижения Креста (14 сентября).

Из числа «латинствующих» памятей Енинский месящеслов указывает 21 сентября Симеона еп. Иерусалимского, как Остромиров и Охридской месящесловы.

Хотя, опираясь на небольшой отрывок, мы не можем говорить о близком родстве Енинского месящеслова с Остромировым и Охридским, но сходство этих трех памятников очевидно. Енинский Апостол датируют 50—60-ми годами XI века¹². Т. е. он современник Остромирова Евангелия. Это снимает сомнения относительно возможности происхождения одного из протографов Остромирова месящеслова из Апостола, связанные с более древней датировкой Остромирова Евангелия в сравнении с Охридским Апостолом.

Остается выяснить историко-культурную среду, в которой протограф Остромирова и Охридского месящесловов был переведен с греческого с допущением ошибки (Богородица из Феотекна). Енинский и Охридский Апостолы написаны на староболгарском и среднеболгарском языках. Текст Остромирова Евангелия содержит болгаризмы, что свидетельствует о бытовании его протографа в южнославянских землях. Это отразилось и на написании имен собственных, свойственном южным славянам: Итал вместо Аифал (1 сентября), Иеротей вместо Иерофей (4 октября), Турс вместо Фирс (14 декабря), Елевтерий вместо Елевферий (15 декабря) и др. Следовательно, возможен вывод о болгарском происхождении первоисточника Остромирова и Охридского месящесловов.

Таким образом, появление в Остромировом месящеслове «латинствующих» памятей не связано с влиянием заказчика — Остромира и тех лиц, в чей мастерской было написано Евангелие. Т. е. киевского князя Изяслава Ярославича и его жены — польской принцессы Гертруды-Елизаветы, родственницы Оттонов. Обычно западное влияние, проследиваемое в Остромировом Евангелии (миниатюры, антропоморфные и зооморфные элементы инициалов), связывают с мастерами Гертруды или образцами западного книжного искусства, привезенными ею в Киев¹³. Но очевидно, что «латинствующие» памяти проникли в месящеслов Остромирова Евангелия из болгарского протографа.

В болгарские месящесловы ряд праздников западного календаря

мог быть внесен в период подчинения Болгарии церковной власти римского папы (866—870 гг.). По сообщению Бертинских анналов и хроники Регинона Прюмского, король восточных франков Людовик Немецкий в 866 году послал болгарскому князю Борису-Михаилу вместе с епископом и священниками, собранные им самим и его братом Карлом священные сосуды, одежды и богослужебные книги¹⁴. Для обращения болгар из Рима были присланы епископы из Южной и Центральной Италии (вспомним параллели памятям Остромирова и Охридского месяцесловов в южноитальянских календарях): Павел Популонский, Формоз Портуенский, Доминик Тривенский, Гримоальд Полимартиенский¹⁵. Соприкосновение восточных и западных церковных календарей могло произойти и позднее. Есть сведения, что правитель Западной Болгарии Самуил (976—1014), родственник Владимира Красное Солнышко, получил царский венец от папы¹⁶. Предполагают, что одна из жен Владимира — «болгарыня» — была близкой родственницей царя Самуила¹⁷. При царе Калояне (1197—1207) была заключена кратковременная уния болгарской и римской церквей.

Однако, необходимо отметить знакомство Охридского месяцеслова с русскими источниками. В нем 26 ноября упоминается русский праздник освящения церкви вмч. Георгия в Киеве в 1049 году¹⁸. Это событие не отражено в Остромировом Евангелии и вряд ли указывалось в общем протографе. Эта память могла быть включена в месяцеслов либо во время пребывания протографа рукописи на Руси (но пребывание на Руси не отразилось на языке Охридского Апостола), либо, что вероятнее, был использован календарь русского происхождения, попавший в Болгарию. Это подтверждает, какими запутанными являются нити родства, связывающие между собой месяцесловы Остромирова Евангелия и Охридского Апостола. Богослужебные книги неоднократно попадали из одной страны в другую.

Если из-за отсутствия промежуточных звеньев нельзя точно установить «степень родства» месяцесловов Остромирова Евангелия и Охридского Апостола, то вполне возможно определить их общий протограф: месяцеслов болгарского Апостола с подробными богослужебными заметками (указанием и апостольских и евангельских чтений), переведенный с допущением ряда ошибок с греческого Апостола, составленного по Уставу Великой Церкви.

История Остромирова Евангелия и Охридского Апостола лишний раз свидетельствует о постоянных и многообразных связях Древней Руси с балканскими славянами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Невоструев К. И. Исследование о Евангелии, писанном для Новгородского князя Мстислава в начале XII века, в сличении с Остромировым списком, Галицким и двумя другими XII века и одним XIII века. — ОР РГБ ф. 193, к. 3 ед. 1. — Л 339 об.;

Сергий (Спасский) архиеп. Полный месяцеслов Востока. — Владимир, 1901. — Т. 1. — С. 115.

² Сергий (Спасский). Указ. соч. — Т. 1. — С. 127.

³ 193 совпадающие памяти и 108 — несовпадающие (из них 47 находятся в Остромировом Евангелии, 61 — в Охридском Апостоле). Памяти сравниваются на тех календарных интервалах, которые представлены в обоих месяцесловах.

⁴ Красносельцев Н. Ф. Типик церкви св. Софии в Константинополе. — Летопись историко-филологического общества при Императорском Новороссийском Университете. — Одесса, 1892. — Т. 2, ч. 1. — С. 161—230.

- ⁵ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока.— Киев, 1895.— Т. 1.— С. 1—100.
- ⁶ Беляев Д. Ф. Новый список древнего устава Константинопольских церквей.— Византийский временник.— СПб., 1896.— Т. 3.— С. 433—457.
- ⁷ Сергей (Спасский). Указ. соч.— Т. 1.— С. 146.
- ⁸ К. И. Невоструев из двух Иоаннов, память которых отмечалась 10 января: Иоанна еп. Медиоланского, умершего ок. 659 года (Римский мученик и другие католические календари), и Иоанна Златоуста (Неаполитанский календарь) — с уверенностью указывает на второго (Невоструев К. И. Указ. соч. Л. 252—252 об.).
- ⁹ То есть при переписке первоначальный смысл искажался все более.
- ¹⁰ Лисицын М. А. Приложение к историко-археологическому исследованию «Первоначальный славяно-русский типикон».— СПб., 1911.— С. 10—24.
- ¹¹ Мирчев К., Кодов Х. Едински апостол старобългарски паметник от XI век.— София, 1965.— С. 83—161.
- ¹² Там же.— С. 188—190.
- ¹³ Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство.— М., 1978.— С. 268.
- ¹⁴ Голубинский Е. Е. Краткий очерк истории Православных церквей — болгарской, сербской и румынской или молдо-валахской.— М., 1871.— С. 250.
- ¹⁵ Там же.— С. 28—29.
- ¹⁶ Труды В. Г. Васильевского.— СПб., 1909.— Т. 2, вып. 1.— С. 118.
- ¹⁷ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.— СПб., 1913.— С. 34—46.
- ¹⁸ Кульбакин С. М. Охридская рукопись апостола конца XII века.— Български старини.— София, 1907.— Кн. III.— С. 107.

- Абажи И. С. 302
 Абаза А. А. 258, 273
 Абашели А. 276
 Абашидзе Г. 276
 Аввакум, протопоп 139
 Авдотьино, имение Н. И. Новикова 20
 Аверинцев С. С. 222
 Адарюков В. Я. 56
 Адлерберг А. В., гр. 258, 265, 267, 273
 Адрианова-Перетц В. П. 113
 Адриан, св. 178
 Айвазов И. Г. 92
 Айвазян А. 124
 Айхенвальд Ю. И. 23, 53
 Академия архитектуры Российская 124
 — Генерального штаба Николаевская 272, 274
 — духовная Московская 3, 30
 — медико-хирургическая 30, 274
 — наук Российская 281—285, 293, 295
 — — СССР 124
 — педагогических наук Российская 159
 — художеств Российская 12, 56, 85
 Акафист Богородице 147
 Акопян А. 276
 Акрополь в Афинах 162
 Аксаков И. С. 156, 206, 278, 289, 293—295,
 298, 300, 301, 304, 306, 312—315
 Аксаков К. С. 4, 205—214, 278, 289, 292,
 294, 295, 315
 Аксаков С. Т. 205, 282, 292, 294, 295, 315
 Аксакова (урожд. Сиверс) Т. А. 156
 Аладьин А. Ф. 30
 Алдан-Семенов А. 275
 Александр I, имп. 41, 169, 171, 174, 175
 Александр II, имп. 159, 250—272
 Александр III, имп. 14, 147, 265, 267, 273
 Александр Михайлович, кн. Тверской 119
 Александр Невский, кн., св. 140
 Александр Свирский, св. 140
 Александрия (сербская) 123
 Александров А. А. 16, 165
 Александров А. С. 93, 94
 Александровский В. 275
 Алексеев В. Н. 161
 Алексеев Л. Д. 248, 249
 Алексей Михайлович, царь 10, 11, 139, 142,
 209, 213, 214
 Алексей, митр. Московский, св. 132, 140
 Алексей, архиеп. Новгородский 120
 АLEXИНА Л. И. 125
 Алеша Попович 110, 111
 «Алмазная сутра» 124
 Алмазова В. П. см. Шереметева В. П.
 Алмазова (урожд. Голицына) М. Б. 156
 Алмазов Н. П. 156
 Алмазов П. П. 156
 Алмазовы, семья 154, 156, 157
 Аловерт Н. П. 247
 Алтайский К. 275
 Альманах библиофила 115
 Альманах для всех 38
 Альманах «Полярная звезда» 166, 175
 — «Сто русских литераторов» 5
 — «Шиповник» 39
 — «Невский альманах» 98
 Алянский С. М. 51, 100
 Амбарцумян В. А. 161
 Ананьев Б. Г. 159
 Анастасов А. 305
 Ангелов Б. Ст. 147, 278
 Андреа Коста 15, 87
 Андреев Д. Г. 125, 153
 Андреев И. 145
 Андреев Л. Н. 24, 25, 28
 Андрей, ап. 127
 Андрей, «поп Микулинский», писец 105, 106,
 119
 Андронников И. Л. 177
 Анна, св. 127—129
 Анненков П. В. 58, 166
 Анненский Н. Ф. 74
 Аннушкин А. И. 161
 Антоний, св. 128
 Антоний, архим. 291
 Антоний Волынский, архим. 36
 Антония, игуменья 307, 310—314
 Антонов крестьянин (?), читатель книги 135
 Антонов И. Г. 135
 Анучин В. И. 35
 Анучин Д. Н. 314
 Анфим, экзарх Болгарский 311
 Анфим, архим. 297
 Анфим, инок 315
 Анхимюк Ю. В. 125
 Апиинис А. 161
 Аполлония, св. 128
 «Апология во утление печали» — соч. Ди-
 митрия Ростовского, выписи 139
 Апостол 123, 129, 130
 Апостол апракос 1307 г. 107, 113—115, 120,
 122
 Апостол апракос 1309—1312 гг. 105, 113, 122
 Апостол Енинский 327
 — Охридский 324—328
 — тетр см. Апостол
 Априлов В. Е. 278—281, 284—290, 293
 Апухтин А. Н. 232
 Арагон Л. 153
 Аристов В. В. 161
 Аристотель 11, 14, 71, 81, 86, 132
 Аристофан 81
 Арнольд А. Н. 152
 Арнольд А. Ф. 152
 Арнольд И. С. 152
 Арнольд К. Ф. 151, 152
 Арнольд Ф. К. 151, 152
 Арнольд Ю. К. 152
 Арнуль О. 151
 Арсеньев К. И. 292
 Арсеньев К. К. 76, 165
 Артамов П. 247, 249
 Артюхова Н. М. 161
 Артюшков А. В. 82
 Архив Департамента полиции 33, 40
 — древних актов Российский (РГАДА) 105
 — историко-литературный 53
 — Елагиных—Киреевских 56
 — Катковских 51
 — Комитета министров 39
 — парламента Франции 9
 — Римских—Корсаковых 28, 58, 59

- госуд. литературы и искусства РФ
(РГАЛИ) 58
- Арчинин С. С. 143
Асадов Э. 275
Астромов Ю. 41
Афанасий, митр. Иконийский 139
Афанасий Великий 135
Афанасьев А. Н. 166
Афанасьев И. 92
Афанасьев И., болг. студент 312
Афонасьев А. 134
Ахо Юхан 84
Аш Шолом 21, 30, 79
Ашкинази М. О. (Делен Ш.) 247, 249
Ашукин А. С. 158
Ашукина (Муравьева) М. Г. 158
- Бабинцев М. С. 160
Бабореко А. К. 316
Баговунт В. 15
Баженов М. 143
Байдина М. В. 125
Байрон 218
Байцура Т. 278
Баканоглу И. Д. 285
Бакуни А. А. 31, 58
Бакунин М. А. 28, 30, 34, 49, 58, 59
Балабанов М. Д. 303
Балтрушайтис Ю. К. 43, 50, 70, 84
Бальмонт К. Д. 42, 52
Банк купеческий Московский 17
Баранов Э. Т., гр. 261, 274
Баратынский Е. А. 174
Баренбаум И. С. 160
Бароний Ц. 138
Барков И. С. 170, 174
Барсов А. А. 12
Барсов Н. 297
Барсуков А. П. 156
Барсуков И. П. 156
Барсуков Н. П. 156, 315
Бартнев П. И. 156, 165, 294, 295
Барышев И. И. 78
Барятинская М. И., 158
Барятинский А. И., кн., ген.-фельдмаршал 159, 250, 254—270, 272
Барятинский В. И., кн. 260, 274
Батеньков Г. С. 44
Батраков С. Г. 146
Батюшков К. Д. 50
Батюшков П. Н. 311
Батюшков Ф. Д. 35
Бауков И. 275
Бах (урожд. Рабинович) Л. А. 54
Бахметьев А. Н. 295
Бахрушин С. В. 41
Бедный Демьян 275
Безобразов Д. В. 17
Безобразовы 154
Безыменский А. 275
Белинский В. Г. 37, 232, 247, 248
Белицкий Е. А. 54
Белкин [И. И.] 16
Белоусов А. В. 156
Белох Ю. 13, 15, 16, 72
- Белый (псевд. Бугаева Б. Н.) А. 7, 32, 36, 49, 50, 54, 80, 125, 158
Бельчиков Н. Ф. 51, 56
Белюгов А. И. 283
Беляев Д. Ф. 325, 329
Беневоленский П. В. 20
Бенкендорф А. Х., гр. 171
Бентам И. 13, 72
Бенуа А. Н. 33, 159
Берг Н. В. 292
Берг Ф. Ф., гр., ген.-фельдмаршал 253—256, 258, 272
Бергстрем Я. 79
Бердяев Н. А. 23, 32, 49, 53, 67, 93
Бердяева (урожд. Рапп) Л. Ю. 23, 32, 43
Беркенгейм [А. М.] 14
Берков П. Н. 84
Беркович Э. С. 161
Берман Я. З. 7, 56
Бернард Клервоский 8
Бернардин, св. 128, 129
Бернштейн Э. 30
Берович 282
Бессонов П. А. 279, 286, 292, 293, 299
Бестужев—Марлинский А. А. 151
Беттина фон Арним 44
Беэр А. С. 163
Бибиков Н. В. 93
Библиотека Академии наук Российской 40, 44
— Афинского университета 324
— им. Виктора—Эммануила II в Риме 15
— Гейдельбергская 17
— Государственная СССР им. В. И. Ленина 58, 153
— Государственная Публичная им. М. Е. Салтыкова—Шедрина 128
— Духовной академии Петербургской 306
— Иерусалимская Патриаршия 326
— Митрополитская в Бухаресте 282
— Народная Хмельевская 17
— Померанцева А. П. в г. Вятке 143
— Публичная Императорская 12, 294
— Публичная в г. Эски—Загра 289, 291
— Синодальная 8, 14
— Славянского благотворительного общества им. Кирилла и Мефодия 306
— Университета им. А. Л. Шанявского 175
— Фундаментальная Военно-инженерной академии РККА 151
— Чаадаева П. Я. 154
— Читальня Болгарская 303, 309, 311
Библия Геннадиевская 109, 110
— Острожская 109
Бильбасов В. А. 303, 304, 305
Бишток А. Л. 21
Бируков А. П. 169—171
Бирюков П. И. 153
Биснек А. Г. 160
Бистром Н. 156
Благовещенская М. П. 79
Благодарузов Н. 303, 311, 313
Благодарный пансион при Московском университете 249
Благосветлов Г. Е. 58
Блок А. А. 32
Блохина М. П. 156, 157

- Блохины, семья 157
 Блудова А. Д. 301
 Блынский Д. 275
 Бльсков Р. Н. 305
 Бобринский А. В., гр. 156
 Бобринский А. П., гр. 258, 273
 Бобринский С. П., гр. 156
 Бобринские, семья 157
 Бобрицкий Д. П. 151
 Бобрицкий П., купец 151
 Бобров С. Д. 33
 Бобчев С. С. 311
 Бовно 15
 Богаевская К. П. 153
 Богданов П. Д. 137
 Богданович А. И. 19
 Богданович И. Ф. 174
 Боголепов М. И. 18
 Богоров И. А. 290, 305, 310
 Богородский В. В. 43
 Бодянский О. М. 277—279, 285—299, 303, 305, 306, 310, 312, 315
 Бозвели Н. 285
 Боков В. 275
 «Болгарский Судебник» 301
 Болотов В. И. 79, 84
 Болтин И. Н. 12
 Бонавентура, св. 129
 Бонди С. М. 158
 Бонев К. Б. 295, 298
 Бонч—Бруевич В. Д. 57, 58, 153, 158
 Бончев Н. 299, 306
 Борис, кн., св. 140, 141
 Борис Андреевич, адресат письма 141
 Борис Годунов, царь 319, 320
 Борис I (Михаил), князь Волгарский 304, 328
 Борис Псковский, кн. 119
 Борисов П. И. 205
 Боровой С. Я. 160
 Борятинский Д. А., кн. 144
 Боткин С. П. 260, 274
 Бочков И. Э. 158
 Бошняк Е. 84
 Боядтов С. 296
 Брандес Г. 73, 79
 Братство «Просвещение», болг. 312
 Браудо А. В. 88
 Браун Н. 275
 Бревниарий 124
 Бригада артил. 52-я Дивизиона горного на
 Карпатах 2-го 155
 — л.-гв. конно-артиллерийская 256, 273
 Брикман М. А. 160
 Бровка П. 276
 Бродский Н. Л. 45
 Бронштейн Л. Д. см. Троцкий Л. Д.
 Брумберг С. В. 88
 Бруни А. Н. 159
 Брунов Н. И. 124, 162
 Брэм А. 319
 Брюсов В. Я. 32, 33, 39, 43, 70, 81, 82, 84, 151, 218
 Бугаев Б. Н. см. Белый А.
 Будилович А. С. 312
 Бузескул В. П. 41, 71, 81
 Буланже П. Я. 22
 Булгаков С. Н. 17, 18, 23, 29, 43, 48, 50, 53, 66, 67, 76, 93
 Булгаков А. Я. 45
 Булыгин В. И. 156
 Булыгины, семья 157
 Бунин И. А. 4, 30, 316—323
 Бунин Ю. А. 19, 74
 Бунина А. П. 171, 174, 175, 318
 Бунина В. Н. 316
 Буренин В. П. 216, 233
 Бурмов Ф. С. 280, 301, 307—311
 Бусилин Г., архиеп. Иннокентий 287, 288
 Буслаев Ф. И., 277, 278, 292, 306, 315
 Бутейко Ю. И. 125
 Буткевич А. С. 162
 Бухштаб Б. Я. 214, 218
 Быкадоров С. 134
 Быкова Т. А. 160, 163
 Быкова Т. П. 4, 277—316
 Бычков А. Ф. 314
 Бычков И. А. 137
 Бюффон Ж. 174
 Бялик Х. Н. 54
 Бяловский А. В. 74
 Вайнрах И. Л. 93
 Вайншенкер П. Л. 153
 Ваксмут К. 71, 86
 Ванеева Е. И. 111
 Варвара, св. 128
 Варнаген фон Экзе 44
 Варсонофий Казанский, св. 140
 Варфоломей, ап. 127
 Варфоломей, о. 141
 Василевский Г. 30
 Василий Великий, св. 131, 133
 Василий III Иванович, в. кн. 121
 Василий Иванович Шуйский, царь 210, 213 319
 Василий Новый, св. 123
 Василий Ярославский, кн., св. 140
 Васильев Е. С. 146
 Васильев С. 275
 Васильевский В. Г. 329
 Васильчиков А. И. 293, 295
 Васильчиков П. А. 313
 Ватсон М. В. 74
 Вацуро В. Э. 278, 286
 Вебер Г. 9
 Вейнберг А. О. 73
 Великое зеркало 123
 Великов С. 290, 291, 294—296, 298
 Великопольский И. Е. 165
 Величания на крюковых нотах. см. Припевы на крюковых нотах.
 Величко К. И. 258, 265, 267, 271
 Вельгаузен Ю. 100
 Вельтман А. Ф. 278, 279, 284—287, 291—295, 298, 302, 315
 Венгеров С. А. 40, 47, 90, 91
 Веневитинов А. В. 159
 Веневитинов М. А. 56
 Венедиктов Г. К. 278
 Венелин Ю. И. 277—290, 313, 318
 Вергилий 82, 215, 217, 218, 219, 234, 235
 Вересаев (наст. фам. Смидович) В. В. 30, 55

- Верещагин В. А. 45
 Верещагин И. П. 155
 Вержболово, пограничная станция 253
 Веркович С. И. 279, 296, 300—303, 307, 314, 315
 Вернер [Е. А.] 72
 Вертгеймер Макс 159
 Верховский Ю. Н. 42, 70, 84
 Веселовский А. Н. 10, 94
 Вессель Е. Х. 154, 156
 Вечерня малая 136
 Вечерня Троицкая 136
 Виардо П. 159
 Видение Григория 123, 131
 Видман В. Н. 161
 Визирова Л. А. 161
 Викентий, св. 128
 Викторов А. Е. 130, 277, 278, 295, 304, 315
 Виктор-Эммануил II. 15
 Викулов С. 275
 Виленкин (псевд. Минского) Н. М. 72, 81, 84
 Вильгельм II, герм. имп. 263, 272
 Вильмс А. 303
 Вильяме Г. В. 83
 Винклер фон Г. 83
 Виноградов А. К. 83
 Виноградов Н. Д. 32
 Виноградов П. Г. 12, 14, 18, 53, 71, 73, 77, 78, 83
 Винокур М. М. 161
 Висковатов П. А. 159
 Висковский П. Х. 309, 310
 Витте С. Ю. 28
 Владимир, кн. Киевский, св. 140, 141, 328
 Владимир, архим., ризничей Синодальной 6-ки 14
 Владимир Александрович, вел. кн. 257, 258, 260, 273
 Владиславлев И. В. 7, 321
 Власий, св. 128, 129
 Водозова М. И. 67, 73
 Воейков Дмитрий, писец 149
 Воейков А. Ф. 165
 Военный Совет России 267, 272, 274
 Вознесенский А. 275
 Войтинская-Эйхенгольц З. К. 125
 Волков А. 144
 Волков А. А. 20
 Волков В. А. 249, 250, 272—274
 Волконская М. Н., 44
 Волконский М. Н., кн. 38
 Волобуева И. 275
 Волость Гарбачатайская 135
 — Устьянская Никольская 130
 Волошин М. А. 53, 102, 151
 Волинский (наст. фам. Флексер) А. Л. 23, 24
 Вольгаст Г. 75
 Вольней К. Ф. 103
 Вольтер 174
 Вольф М. О. 93
 Вольфганг, св. 126
 «Вопросы со ответы, должные ведомы быти всем православным» — старообрядческое компилятивное соч. 133
 Вопрос и ответ Андрея Денисова о плачевном времени 139
 Вормс А. Э. 17, 18, 20
 Воробьевка, имение А. А. Фета в Курской губ. 215, 221, 222
 Воронов А. П. 33
 Воронцов М. С. 159, 282, 287
 Вороныко П. 276
 Воскресенская К. П. см. Щеткина К. П.
 Воспоминания Аксаковой (Сиверс) Т. А. 156
 — Арнольда Ф. К. «Свое и чужое» 151
 — Беэра А. С. «Продолжение семейной хроники» 163
 — Лютера И. И. «Воспоминания о былом» 155
 — Михайловой Е. П. о событиях 9 января 1905 г. 163
 — Сабуровой (урожд. Соллогуб) Е. В. 159
 — Солодовниковой М. В. о летчиках эскадрильи «Фарман-7» 164
 — Фредерика Февра 76
 Востоков А. Х. 283, 284, 300
 Врангель Н. А. 44
 Врангель Ф. П. 150
 Врачанский С. 285
 Вревская Е. Н. см. Вульф Е. Н.
 Вретос (А. Папандопулос) 293, 295
 Всеволод-Гавриил Псковский, кн., св. 120, 140
 Всеволожский Н. В. 318
 Вульф (в замуж. Вревская) Е. Н. 323
 Выписи 138
 — из торопецких писцовых и межевых книг 149
 Выставка Всероссийская этнографическая 300
 Вязанков К. 300
 Вяземский П. А., кн. 52, 171, 298
 Вяземский П. П., кн. 52, 156, 297
 Гаазе И. Д. 7, 94
 Гаврилка Федоров сын Томихи, писец 123
 Гаврилов С. см. Тихонов С.
 Гагарин В. 157
 Гагарины, семья 157
 Газета «Биржевой вестник» 273
 — «Биржевые ведомости» 43, 44, 48, 97
 — «Болгарский колониста» 304
 — «Владимирская газета» 23
 — «Возрождение» 48
 — «Гайда» 304
 — «Голос» 257, 273
 — «Голос Москвы» 77
 — «Дух человеческий» 53
 — «Курьер» 79, 87, 88
 — «Македония» 304
 — «Марица» 315
 — «Мирозрение» 290
 — «Московские ведомости» 257, 273, 280, 301
 — «Московский листок» 13, 16
 — «Народ» 29
 — «Народный путь» 30
 — «Наша жизнь» 28
 — «Наши дни» 28
 — «Нижегородский листок» 21
 — «Новое время» 16, 49, 216
 — «Новороссийский телеграф» 305
 — «Новости дня» 16
 — «Отечество» 304
 — «Показалец» 301

- «Правительственный вестник» 77
 — «Путь» 31
 — «Путь Правды» 96
 — «Речь» 77
 — «Русская молва» 41, 95—97
 — «Русские ведомости» 8, 14, 15, 17, 21, 28, 33, 39, 46, 47, 59, 71, 73, 74, 76, 79, 86, 87, 90, 152, 248
 — «Русский листок» 16
 — «Русский инвалид» 273
 — «Русский мир» 257—260, 262, 266, 273
 — «Русское слово» 16, 47
 — «С.-Петербургские ведомости» 16, 295
 — «Свобода» 48
 — «Свобода», болг. 304
 — «Слово» 41
 — «Харьковские ведомости» 93
 — «Царьградский вестник» 290, 291, 296
 — «Южный край» 30
 Галактионова В. А. 308
 Галахов А. Д. 58
 Галахова Е. М. см. Фролова Е. П.
 Галерея Третьяковская 8, 12
 Галич А. И. 318
 Гальперин Е. 249
 Ган (урожд. Фадеева) Е. А. 41
 Ганенко П. Т. 161
 Ганзен П. Г. 247
 Ганка В. 292, 295
 Гапон Г. А. 28, 159
 Гарибальди Дж. 13, 15, 86, 87
 Гарин—Михайловский Н. Г. 19
 Гаркави В. О. 88
 Гарнакерьян А. 275
 Гаспаров М. Л. 218
 Гастфер М. П. 161
 Гатов А. 275
 Гвардейский Генеральный штаб 249, 254
 Ге Н. Н. 8, 34
 Гейден Ф. Л., гр. 251, 252, 258, 267, 272
 Гейне 214
 Гейссер Л. 9
 Генри Джозеф 151
 Генрих, св. 126
 Георгий, архиеп. Никомидийский 146
 Георгий, великомученик, св. 128, 129, 131, 148
 Гераклит 100
 Гераклитов А. А. 131
 Герасимов М. 275
 Гербель А. 85
 Гербель С. К. 156
 Гермоген, патриарх 210, 213
 Гернет М. Н. 42
 Геров К. 296
 Геров Н. 289, 290, 292—295, 310
 Гертруда-Елизавета, принцесса 327
 Герцен А. И. 19, 21, 22, 26, 29, 31, 40—42, 48, 56, 58, 59, 85, 94, 166
 Герцен (урожд. Захарьина) Н. А. 56
 Герцык А. К. 53
 Герцык Е. К. 7, 32, 53, 84
 Гершензон А. О. 5, 42
 Гершензон Г. Я. 5
 Гершензон (урожд. Гольденвейзер) М. Б. 6, 27, 30, 57, 58, 64, 98
 Гершензон М. О. 4—104
 Гершензон (в замуж. Чегодаева) Н. М. 27, 58
 Гершензон О. (П.) Л. 5, 6
 Гершензон С. М. 27, 54
 Герье В. И. 8, 9, 18, 22, 23, 41, 42, 73
 Гесиод 84
 Гессе П. П. 18
 Гете 79, 214, 215, 226, 232
 Гизо 9
 Гильденштубе А. И., ген. 253, 258, 269, 270, 272
 Гильфердинг А. Ф. 292, 293, 295—298, 303—306
 Гиляровский В. А. 159
 Гиляровский Влад. А. 152
 Гимназия Киевская 304
 — Кишиневская 7
 — Московская 7-я 151
 — Петербургская 7-я 39
 — Фундуклеевская женская 304
 Гимны на часах Богородицы Скорбящей 126
 Гинцбург А. 4, 247, 248
 Гинцбург Г. О. 30
 Главный штаб Русской армии 251—255, 265, 267—272
 Глеб, кн., св. 140, 141
 Глинка М. И. 33, 159
 Гнедич Н. И. 171
 Гоголь Н. В. 3, 28, 32, 33, 36, 37, 59, 89, 94, 159, 315
 Голенищев—Кутузов П. А., кн. 314
 Голиаф, библи. 127
 Голицын А. Б., кн. 156
 Голицын В. Д., «светлейший князь» 261, 274
 Голицын И. И. Большой, кн. 143, 144
 Голицына (урожд. Шереметева) В. С. 156, 157
 Голицына Е. А. 305
 Голицына (в браке Алмазова) М. Б. 156
 Голицыны 154, 156
 Голубева О. Д. 160
 Голубен, имение графа Олсуфьева А. В. в Орловской губ. 234
 Голубенский Г. А. 161
 Голубинский Е. Е. 278, 302, 315, 329
 Голубков Д. 275
 Голубцов С. П. 304
 Голыньские, семья 21
 Гольденвейзер А. Б. 12, 13, 27, 45, 57
 Гольденвейзер Б. С. 6, 13
 Гольденвейзер (урожд. Щекотихина) В. П. 13
 Гольденвейзер Н. Б. 12, 13, 17, 98.
 Гольденвейзер (в замуж. Софиано) Т. Б. 13, 83
 Гольдштейн [Л. Ю.] 32
 Гольцев В. А. 25, 61, 151, 152
 Гольцева Д. В. 152
 Гольцева О. В. 152
 Гольцева (урожд. Оппель) Н. А. 152
 Гольцева (в браке Крючкова) Т. В. 152
 Гончаров И. А. 4, 81, 246—249
 Гораций 174, 214, 215, 217, 218, 237, 246
 Горбов Н. М. 81
 Горбунов—Посадов И. И. 22, 153

- Горемыкин И. Л. 16, 18
 Горнфельд А. М. 7
 Горовосходный холм 136
 Городецкий С. 275
 Горский А. В. 107, 297
 Горский Б. 247
 Горчаков А. М., госуд. канцлер 258, 259, 273, 295, 307
 Горький М. 18, 19, 21, 22, 25, 95
 Государственный контролер 259, 274
 Государственный Совет 269, 272—274
 Готи Э. 249
 Граворонка, имение А. А. Фета в Воронежской губ. 236
 Грамота прощальная еп. Владимирского и Берестейского Даниила 137
 Грамоты царей Ивана V и Петра I 124, 142—144
 Гранат А. Н. 85, 86
 Гранат И. Н. 85, 86
 Грановский Т. Н. 12, 16, 21, 33, 58, 73
 Граши А. 276
 Грейг С. А., ген. 261, 274
 Гржебин Э. И. 54
 Грибачев Н. 275
 Григорий Богослов 131, 135
 Григорий, св. 128
 Григорий I, папа римск. 129
 Григорий, ученик Василия Нового 123
 Григорий Цамблак 146, 301
 Григорович В. И. 277—280, 286—308, 311—313, 315
 Григорович В. К. 161
 Григорович Д. В. 159
 Григорович И. И. 155
 Григорьев В. В. 287
 Григорьев Ю. И. 161
 Гримоальд Полимартинский, еп. 328
 Грин М. Э. 316
 Гришашвили И. 276
 Гришка, писец 115, 116
 Громбах А. В. 12, 53, 74
 Громбах В. В. 12
 Громницкая И. Е. 163
 Гроссман Л. П. 7, 56
 Грот Н. Я. 10, 20, 222, 237
 Грузинов И. 275
 Грузинский А. Е. 50
 Губанов Т. А. 93
 Губе Р. М. 301
 Губерния Архангельская 31
 — Бессарабская 5
 — Владимирская 154
 — Воронежская 93, 236
 — Вятская 143
 — Гродненская 263
 — Курляндская 93
 — Курская 241
 — Кутансская 93
 — Минская 263
 — Могилевская 263
 — Московская 154
 — Нижегородская 93
 — Орловская 234
 — Пензенская 22
 — Подольская 5
 — Полтавская 151
 — Самарская 93
 — Саратовская 22, 154
 — Симбирская 93
 — Смоленская 154
 — Тамбовская 308
 — Тульская 93, 154
 — Уфимская 17, 65
 — Харьковская 44
 — Херсонская 93
 — Черноморская 93
 Губке А. П. 159
 Губский Ф. А., ген. 256, 273
 Гудзий Н. К. 55
 Гульбин Г. 161
 Гульчинский В. И. 161
 Гумбольдт В. фон 44, 76
 Гутцов А. И. 8
 Гюго В. 218
 Давид, ц. библ. 127, 141
 Давлатов, кн. 176
 Давыдов В. Л. 45, 59
 Давыдов Д. В. 45
 Давыдова 57
 Даль В. И. 111, 117
 Даль Л. В. 300
 Даниил, еп. Владимирский и Берестейский 137
 Данилова М. 148
 Дарский Н. П. 313
 Даскалов Хр. К. 295, 297
 Даумер [Г.-Ф.] 42
 Дашков В. А. 307, 314
 Дашков Д. В. 165
 Дейч Л. Г. 55
 Декларация прав человека и гражданина 9, 10
 Дёлер (урожд. Шереметева) Е. С. 156, 157
 Дёлер Теодор 156
 Дементьев А. 275
 Демидов И. П. 46
 Демидов И. С. 148
 Демина Е. И. 278
 Денисов А. 139
 Денисов С. 138
 Денкоглу И. Н. 280, 285, 287, 289—292, 294, 295, 311
 Департамент Азиатский 304
 Державин Г. Р. 150, 174
 Державина О. А. 132
 Дерман А. Б. 57, 84
 Дерунов К. Н. 160
 Дефье М. К. см. Морозова М. Я.
 Дечаны («Дажаны») см. Монастырь Дечанский
 Дживелегов А. К. 157
 Дианова Т. В. 130, 132, 142
 Дибич И. И. 282
 Дивизия Гвардейская керасирская 261
 — Гвардейская пехотная 1-я 273
 Диксон Э. 53
 Димитрий Угличский, царевич, св. 140
 Димитрий Солунский, св. 131
 Димитрий (Туптало), митр. Ростовский и Ярославский, св. 139

- Дион 245
 Дионисий, св. 128, 129
 Дитерихс П. Д. 16, 86
 Дмитриев Л. А. 112
 Дмитриев М. А. 124, 150, 292
 Дмитриевский А. А. 325, 326, 329
 Дмитрович И. 287
 Добиаш—Рождественская О. А. 114
 Добрович И. 290
 Добровольский Л. Л. 247
 Добролюбов Н. А. 40, 65
 Добрыня Никитич 111
 Доде А. 85
 Долгоруков В. А., кн. 144
 Долгоруков Н. А., кн. 165
 Долинин А. С. 56
 Долматовский Е. 275
 Дом Странноприимный 154
 Домид, писец 107, 113, 114, 115, 118, 120
 Доминик Тривенский, еп. 328
 Дорофей, авва 139
 Достоевская А. Г. 135
 Достоевский Ф. М. 39, 43, 81, 103, 315
 Дохтуров Д. С., ген. 177
 Драгоманов М. П. 313, 315
 Дрейтон М. 72
 Дрейтельн А. Р., ген. 253, 258, 261, 263, 268, 269, 272
 Дризен Н. В. 44
 Дринов М. С. 278, 280, 303, 308—312, 314, 315
 Дружинин А. В. 50
 Дружинин В. Г. 137—139
 Дружинин П. 275
 Дубинская С. А. 161
 Дудин М. 275
 Дума Государственная 12, 30, 33, 45, 46
 Дурново Н. Н. 112
 Духовской С. М., ген. 254, 272
 Дымов (псевд. Перельмана) О. С. 28
- Ева, библ. 127
 Евангелие Капуанское 325
 — Остромирово 324—328
 — толковое, выписи 146
 — учительное 146
 Еврипид 82
 Евтропий 139
 Евтушенко Е. 275
 Егоров Д. Н. 36
 Егоров М. 94
 Екатерина великомученица, св. 128, 133
 Екатерина II, имп. 12, 174
 Ектеньи 149
 Ектенья 147
 Елагина А. П. 163
 Елагини 125, 163
 Елена Павловна, вел. кн. 255, 272
 Елизавета, св. 127
 Елизавета Федоровна, вел. кн. 232
 Еллинек Г. 79
 Епифаний 139
 Ерикеев А. 276
 Ерихонов Л. 278, 295
 Ермилов В. В. 94
 Ермолов А. П., ген. 150
 Ернфельд А. А. 79
- Ерохин А. 130
 Ершово, имение графа А. В. Олсуфьева в Подмосковье 222
 Есенин С. А. 4, 275—276
 Ефимов Д. П. 93
 Ефремов П. А. 165
- Жаботинский Вл. Е. 84
 Жаров А. 275
 Жебелев С. А. 81
 Жекович А. 282
 Железнов П. 275
 Жером де Феррари 6
 Жизнеописание Райны Георгиевой 313
 — Ю. И. Венелина 290
 Жинзифов Р. 278, 280, 298, 300—306, 309, 315
 Житие Авраамия Ростовского 112
 — Василия Нового 123
 — Николая Мирликийского 146
 — боярыни Феодосии Морозовой 148
 Жития Кирилла и Мефодия 297—299, 303
 — св. Климента 291, 311
 — св. Феодосия 296
 Житомирская С. В. 59
 Жуковский В. А. 20, 45, 165, 218, 230, 322
 Жуковский Д. Е. 19, 53
 Жуковский Д. М. 48
 Жуковский П. В. 174
 Журнал «Аглая» 174
 — «Аполлон» 38
 — «Беседа» 54
 — «Библиотека для чтения» 287
 — «Библиографические записки» 166
 — «Болгарские книжницы» 296, 297
 — «Бульвар и переулочк» 43
 — «Былое» 30, 33, 46
 — «Варшавские университетские известия» 312
 — «Вестник воспитания» 18, 19, 74
 — «Вестник Европы» 26, 30, 31, 33, 34, 37, 79, 94, 95, 321
 — «Весы» 32
 — «Вопросы психологии» 159
 — «Вопросы философии и психологии», 76, 237
 — «Восход» 14
 — «Голос минувшего» 41
 — «Грядущая Россия» 49
 — «Дамский журнал» 174
 — «Доброе намерение» 150
 — «Еврейская неделя» 45
 — «Език и литература» 295
 — «Жизнь» 19, 21
 — «Журнал Министерства народного просвещения» 220, 239, 246
 — «Записки мечтателей» 53
 — «Знание» 315
 — «Известия Академии наук» 291
 — «Искусство трудящимся» 7
 — «Исторический журнал» 40
 — «Кодры» 283
 — «Колокол» 19
 — «Критическое обозрение» 32, 33, 36, 41, 92, 94
 — «Литературный ежемесячник» 48
 — «Мир Божий» 19, 93
 — «Москвитянин» 8, 215, 280, 287, 290, 291, 292, 294

- «Московский еженедельник» 29
 — «Московский зритель» 174
 — «Московский наблюдатель» 232
 — «Научное слово» 23, 25, 26
 — «Наше наследие» 100
 — «Новое слово» 17, 65, 79, 93
 — «Новый журнал для всех» 38
 — «Новый мир» 57
 — «Новый путь» 26
 — «Образование» 73
 — «Огоньки» 161
 — «Освобождение» 24, 86, 89
 — «Отечественные записки» 215, 232
 — «Отечество» 305
 — «Полярная звезда» 31
 — «Правда» 24
 — «Россия» 7
 — «Русская беседа» 294, 295, 297
 — «Русская мысль» 13, 14, 16, 19, 21, 26, 37, 61, 75, 77, 82, 88, 89, 94, 248
 — «Русская старина» 33, 165
 — «Русский библиофил» 45
 — «Русский вестник» 232, 273
 — «Русское богатство» 19, 66
 — «Русское обозрение» 16, 157
 — «Свисток» 65
 — «Северный архив» 150
 — «Северный вестник» 24
 — «Советское славяноведение» 308
 — «Современник» 32, 65, 95
 — «Современный мир» 77
 — «София» 42
 — «Трудолюбивая пчела» 150
 — «Читалище» 303, 310
 — «Чтения в ОИДР» 297—301, 312, 313
 — «Чтения в ОЛДП» 312
 «Журнал атаки» — л.-гв. и учебного саперных батальонов 151
 «Журнал обороны», то же 151
 Журнал посольства в Персию ген. Ермолова А. П. 150
 Жюлио (Juliot), семья 123
- Забашта Л. 276
 Забелин И. Е. 165, 216
 Заборова Р. Б. 248
 Заботкин Н. В. 39
 Завод Симский горный Уфимской губ. 17
 Задерацкий Н. П. 312, 314
 Зайцев Б. К. 48, 53
 Зайончковский П. А. 249, 250
 Закревский А. А., кн. 156
 Замойский Томаш 127
 Заполицы, д. 146
 Зарьян Н. 276
 Засулич В. И. 95
 Затлер Ф. К., барон 257, 267, 273
 Зверев Н. А. 18
 Звезда пресветлая 123, 131
 Зверинский В. В. 143
 Звягинцева В. 4, 275—276
 Зебальд, св. 123, 126
 «Зеленая лампа», лит. кружок 318
 Зеленецкий К. П. 288
 Зелинский Ф. Ф. 81
 Земская управа Рыбинского уезда 155
- Зенгер Г. Г. 158
 Зенгер Г. Э. 157, 158, 237
 Зенгер Е. А. 158
 Зенгер Е. Г. 158
 Зенгер Н. Г. 158
 Зернова А. С. 125, 130, 131, 163
 Зильберштейн И. С. 57
 Зимний дворец 257, 262
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. 32
 Златовратский З. Ф. 151
 Златовратский Н. Н. 17, 65, 66
 Златоуст, выписи 138, 139
 Зографский Е., иеромонах 302
 Золотович Г. И. 308
 Золотович Д. И. 308
 Зосима Соловецкий, св. 140
 Зотов В. С. 153
 Зотова М. Н. 223
 Зотова С. В. 125
 Зубков Н. А. 309, 310
 Зуров Л. Ф. 316
- Иаков, ап. 127
 Ибсен Г. 25
 Иван Андреевич, упом. в записи 138
 Иван V Алексеевич, царь 124, 142—144
 Иван Асень I, царь Болгарский 218, 297, 298, 305
 Иван III Васильевич, вел. кн. Московский 121
 Иван IV Васильевич Грозный, царь 12, 134
 Иван Данилович Калита, вел. кн. Владимирский 119
 Иван Кондратьев сын 123
 Иванов, упом. в записи 130
 Иванов Вяч. И. 33, 36, 38, 43, 49, 53, 54, 77, 82, 84, 99, 100
 Иванов И. С. 309, 310
 Иванов Н. А. 135
 Иванов П. Д. 309
 Иванов Ф., диакон 139
 Иванова Кл. 147
 Иванова Л. М. 153
 Иванов-Разумник Р. И. 44, 45
 Ивановская К. М. 125
 Ивановский А. В. 162, 163
 Иванцов-Платонов 307, 310
 Ивнев Р. 275
 Игнатов И. Н. 53, 92
 Игнатъев Н. П. 309
 Игнатъев П. Н., ген. 258, 259, 261, 273
 Игумнов К. Н. 159
 Идзиковский Л. 93
 Иерархия Белокриницкая, старообрядческая 149
 Иерусалимский А. М. 94
 Изворов Н. Д., архим. 309
 Изворов П. Д. 303
 Изгоев (Ланде) А. С. 53
 Издательство «Алконост» 51, 100
 — «Брокгауз-Ефрон» 57
 — «Всемирная литература» 52
 — «Геспериды» 51
 — «Госиздат» 51, 54
 — «Колокол» 73
 — Критическое обозрение 93
 — И. П. Ладыжникова 316
 — «Окто» 40

- «Посредник» 22
 — «Право» 93
 — «Просвещение» 40
 — «Путь» 43
 — «Сафрут» 48, 84
 — «Шиповник» 53
 Измайлов А. Л. 44
 Измайлов Н. В. 158
 Изяслав Ярославич, кн. 327
 Икона Богородицы Казанская 140
 Икона Богородицы Новгородская 140
 Икона Богородицы Тихвинская 140
 Икос из службы в неделю Ваий на крюковых нотах 142
 Икос из службы в неделю о расслабленном на крюковых нотах 141
 Иловайский Д. И. 307
 Ильин М. А. см. Осоргин М. А.
 Ильина Н. И. 161
 Ильина Т. В. 115
 Инзов И. Н. 283
 Иннокентий, архим. 290, 293—295
 Институт Архитектурный 162
 — культуры Московский государственный 160
 — мировой литературы им. М. Горького 58
 — русского языка АН СССР 162
 — русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) 124, 248
 — Смитсоновский г. Вашингтон 151
 — Смольный 154, 155, 157
 — философии АН СССР 159
 — художественного воспитания 53
 Иоаким, св. 127
 Иоанн, ап. 127
 Иоанн, архиеп. 112
 Иоанн, еп. Медиоланский 329
 Иоанн XXIII, папа римский 126
 Иоанн Дунс Скот 132
 Иоанн Златоуст 131, 135, 138, 139, 147, 291, 325, 329
 Иоанн Предтеча, св. 112, 127, 132
 Иоанн Яренгский, св. 140
 Иоанникий Иоаким, казак сибирский 132
 Иов, патриарх Московский 141
 Иов, праведный 127
 Иоца, митр. Московский, св. 140
 Иосиф, св. 127—129
 Иосиф, архим. 294
 Иосиф Волоцкий, св. 137, 139
 Ипакон из службы в неделю Ваий на крюковых нотах 142
 Ипполит, папа римский 138, 139
 Ираклий, мч. 325
 Ирвинг (наст. фам. Бродрибб Д. Г.). Г. 7
 Иречек К. 314, 315
 Ирмологий 1344 г. 114, 116, 122
 Ирмологий на крюковых нотах 133, 135, 149
 Ирод, царь иудейский 127
 Исаак Сирий 135
 Исаакян А. 276
 Исая, сын Амосов, библ. 139
 Исаков Н. В., ген. 301
 История об отцах и страдальцах Соловецких — соч. Семена Денисова 138
 «История российской церкви», сочиненная старообрядцем в 1884 г. 148
 Иуда Искарот 127
 Иован Р. 285
 Кавелин К. Д. 247, 248
 Каганов И. Я. 161
 Казазаев Г. 135
 Казанлышева Е. 308, 313
 Казин В. 275
 Кайданов И. К. 284
 Қаладзе К. 276
 Қалайдович К. Ф. 282, 283
 Калинин М. С. 94
 Қаллаш В. В. 39
 Калоян, царь Болгарский 328
 Калугин В. В. 4, 104—122
 Каменева Т. Н. 125, 163
 Каменева О. Б. 50
 Канон Василию Великому 131
 — великомученику Георгию 131
 — Григорию Богослову 131
 — великомученику Димитрию Солунскому 131
 — Леонтию Ростовскому 131
 — великомученику Никите 148
 — за единоумершего 146
 — за умерших 132, 146
 — общий всем святым 146
 — за всех умерших православных христиан 132
 — трем святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту 131
 Канонник 130, 131, 138
 Канчеево, д. Гжатского у. Смоленской губ. 154
 Капитолий 15
 Капутикян С. 276
 Каравелов Л. С. 278—280, 294—298, 300, 306, 315
 Караджич В. 286, 291, 298
 Каракозов Д. В. 159
 Каракозовский В. К. 296, 305—307, 309, 314
 Карамзин Н. М. 20, 163, 174
 Карамзина Е. Н. 312
 Караспасов Н. 311
 Карбасников Н. П. 93
 Кареев Н. И. 12, 18
 Карелин М. С. 10, 12
 Каринский Н. М. 105, 110, 111, 116, 117
 Карл I Стюарт, король англ. 9
 Карлейль Т. 9, 16, 52, 89
 Карп Лазаревич священник см. Тетеркин К.
 Карский Е. Ф. 104
 Картавцов И. М. 161
 Карцов А. П., ген. 253, 258, 263, 268—270, 272
 Карышев Н. А. 66, 67
 Карякин Ю. 7
 Кассо Л. А. 81
 Касьян М. С. 223
 Касьян С. Ю. 223
 Катехизис большой 146; выписи из него, частично лицевые 146
 Катков М. Н. 159, 231, 232, 235, 247, 273, 295, 300
 Катон 171

- Катранов Н. 279, 286, 290
 Катулл 215, 217—219, 245
 Кауфман И. М. 125, 160, 161
 Кауфман М. П., ген. 258, 268, 269, 274
 Каховский В. 156
 Кацпржак Е. И. 161, 163
 Каченовский М. П. 321, 322
 Квакин С. 92
 Кватерник Е. 298
 Квинель 236
 Квитницкий Э. К. 255, 256, 265, 273
 Кельсиев В. И. 298
 Кесяков К. 294
 Кетчер Н. Х. 58
 Кехель Г. 249
 Кечхуашвили Г. Н. 159
 Кизеветтер А. А. 20, 22, 53
 Киндлер М. Г. 219
 Кипиловский А. С. 282, 284, 285
 Киплинг Р. 79
 Киреевская М. В. 58, 59
 Киреевский И. В. 38—40, 58, 59, 292, 293
 Киреевский П. В. 37, 40, 58, 59, 94, 292
 Киреевы и Новиковы 315
 Кирилл, старец Соловецкого монастыря 139
 Кирилл Иерусалимский 135, 138
 Кирилл Туровский 140
 Кирилл Философ, св. 291, 325
 Кириллова книга, выписи 139, 146
 Кирпичников А. И. 81
 Киртока А. С. 161
 Киселев Н. П. 131, 163
 Киселев П. Д. 207, 208, 213, 282
 Кистяковский Б. А. 36, 51, 93
 Кишельский К. И. 307—310
 Клавдий, св. 128
 Кладбище Ваганьковское в Москве 55
 — Преображенское в Москве 139
 Классен Д. 73
 Клепиков С. А. 131—133, 136—138, 142, 144, 145, 147—150, 153
 Климент, папа римский, сщмч. 325
 Климент, сщмч. 119
 Климент Словенский (Охридский) 139, 147, 291
 Климентова (Муромцева) М. Н. 13
 Клопов Х. Х. 18
 Клуб писателей московских 98
 Клюев Н. 275
 Ключевский В. О. 10, 12, 14, 23, 97
 Книга Барония, выпись 138
 — о вере, выписи 135, 138, 146
 — Петра Дамаскина, выпись 135
 «Книга о приятии иереов, от еретих хиротонисанных» 136
 Книжный магазин «Волжанин» (Самара) 94
 — «Гроссман и Кнебель» 93
 — «Жизнь» 93
 — «Зерно» 93
 — «Знание» 93, 94
 — «Наша жизнь» 93
 — «Новое время» 94
 — «Новое слово» 93
 — «Постнимес» 94
 — «Русское слово» 93
 — «Север» (Смоленск) 94
 — «Семья и школа» 94
 — «Сотрудник школ» 93
 Книжные магазины различных издательств 93, 94
 Книгоиздательство писателей в Москве, 50, 51, 93
 Книппер (в замуж. Чехова) О. Л. 19
 Княжевич Д. М. 286, 287, 313
 Княжевский З. П. 278, 280, 287—293, 299, 302, 309, 310
 Кобрин Л. 21
 Ковалевский Е. П. 294, 295, 298, 299
 Ковачев Т. З. 295, 315
 Ковачев Я. С. 313
 Ковачевич И. 300
 Ковачевич С., архим. 289, 290
 Коган-Бернштейн М. Л. 24
 Кодов Хр. 329
 Кожанчиков Д. Е. 298
 Кожевников В. А. 25
 Кожевников В. Ф. 309
 Козлов И. И. 134, 150
 Козьма Веститор 140
 Козьма Попович, дяк 105—109, 111, 113, 116, 118—121
 Кокорев Вас. А. 296
 Кокорев В. А., купец 274
 Коллекция единичных поступлений архивных материалов 123—125
 — старопечатных книг М. И. Чуванова 124, 142
 — рукописей А. И. Шпагина 124
 Колчин М. 30
 Кольцов А. В. 16
 Кольцов Н. И. 32
 Комиссарнат народного просвещения (Нарком-просс) 51, 54
 Комиссия археографическая 11
 — по выработке проекта Закона о печати 32
 — по организации вооруженных сил 251
 — по организации домашнего чтения 13, 14, 87
 — по составлению проекта Положения о всеобщей воинской повинности 251
 — Пушкинская 27
 — славянская 283
 — Толстовская 31
 Комитет академических театров 53
 — Военно-кодификационный 274
 — Военно-медицинский 274
 — Главный по устройству и образованию войск 261, 274
 — Министров 273
 — Московский славянский 305, 309—314
 — — благотворительный 303
 — — попечительный о бедных 309
 — помощи славянам, Харьковский 314
 — Цензурный 16, 20, 87, 169
 Компетрз Г. 88
 Кондак из службы в неделю о расслабленном на крюковых нотах 141
 — Покрову Богородицы на крюковых тонах 149
 Кондаки праздничные на крюковых нотах 136, 149
 — русским святым и праздникам на крюковых нотах 140

- Кондаков Н. П. 153
 Кондорсе Ж. А. 76, 87
 Кони А. Ф. 44
 Константин, еп. Болгарский 289
 Константин град 140
 Константин Константинович, вел. кн. 215, 257, 258, 269, 273, 305
 Константин Николаевич, вел. кн. 305
 Константин Ярославский, кн., св. 140
 Кордт В. А. 247, 248
 Кормчая, выписи 135, 138
 Корнилов И. Ж. 150
 Корнилов И. П. 311
 Короленко В. Г. 34, 36, 45, 151
 Коротков Ю. Н. 7
 Корпус жандармов 272, 274
 — Пажеский 154, 156, 220
 Корсаков В. В. 42
 Корф М. А. 294
 Корчагин И. И. 161
 Корш В. Ф. 296
 Корш Ф. А. 27
 Корш Ф. Е. 83, 219, 220, 222
 Костомаров Н. И. 12
 Костромитинов В. П. 156
 Костюхина Л. М. 130, 132, 142
 Котлерев Н. В. 7
 Котляревский А. А. 213
 Котляревский И. П. 153
 Котляревский С. А. 30
 Котошихин Г. К. 10, 11
 Коцебу П. Е., ген.-губ. 305
 Кошелев А. И. 278, 294, 295, 306, 331, 315
 Кошелева О. Ф. 314
 Краббе Н. К., адмирал 258, 273
 Кралевич Марко 290
 Кранихсфельд В. П. 34
 Красицкий И. 83
 Красносельцев Н. Ф. 325, 328
 Красовский А. И. 169
 Крачковский И. Ю. 161
 Крашевский К. О. 6
 Крепость Шлиссельбургская 54
 Крестович Г. 308
 Крестьянская реформа 1861 г. 3
 Кривобоков М. В. 158
 Кривцов П. И. 21, 39, 41
 Кривцов С. И. 39, 41, 59
 Кроненберг А. И. 82
 Кропоткин П. А., кн. 33, 48
 Кругликов Н. С. 43
 Кругликова Е. С. 43
 Кружок литерат. Нижегородский 45
 Крымский А. Е. 83
 Крыстев Е., иеродиакон 310
 Крючкова Т. В. см. Гольцева Т. В.
 Кубицкий А. В. 81
 Кудрявцева Е. В. 215
 Куев К. М. 139, 147
 Кузмин М. А. 82
 Кузнецов А. А. 125
 Кузнецов Д. П. 147
 Кузнецов П. Н. 147
 Кукушкина М. В. 144
 Кулаковский Ю. А. 216, 217, 222
 Кулешов А. 276
 Кульбакин С. М. 329
 Кунигунда, св. 126
 Куник А. А. 303
 Куницкий П. С. 282
 Куницын А. П. 174
 Куприн А. И. 33
 Куркин С. 93
 Курсы высшие женские 40, 163
 — свободно-религиозных знаний 46
 Кусков П. 138
 Кутырина Ю. А. 161
 Кучак Н. 276
 Кушнерев И. Н. 92
 Кюхельбекер М. К. 153
 Лависс Э. 77, 78, 85
 Лаврентий, св. 128
 Лавров П. А. 283
 Лавровский П. А. 302
 Ладевит Т. 235
 Ладыжников И. П. 316, 323
 Лазарев В. Н. 329
 Лазарев М. П. 159
 Лазарь, поп Борисоглебский 139
 Лазарь Четверодневный, «друг Христов» 114, 129, 139, 146
 Ламанский В. И. 311, 315
 Лампрехт К. 73
 Ландау М. Е. 15
 Ланде (псевд. Изгоев) А. С. 92, 93
 Лансон Г. 79, 80
 Дарионов А. И. 138
 Ларра М. Х. 74
 Лассаль Ф. 72, 87
 Лбов И. Т. 136
 Лев Деспот 142
 Леви А. И. 12
 Левин Д. Ю. 92
 Левинтов И. Л. 94
 Левитан И. И. 45
 Левочкин И. В. 115
 Лейкин Н. А. 33
 Лемке М. К. 33, 42
 Ленин В. И. 73, 92, 95, 160, 320
 Леонард, св. 126
 Леонтий Ростовский, св. 131
 Леонид (Кавелин), архим. 278, 300, 301, 308, 310, 314, 315
 Леонтович Ф. И. 307
 Леонтьев А. Н. 159
 Леонтьев И. Л., см. Шеглов И. Л.
 Лермонтов М. Ю. 4, 42, 59, 63, 158, 250
 Летописец Пискаревский 163
 — Русский, выписи 138
 Летопись «Отечество» 97
 — Лаврентьевская 12
 — Псковская первая 120
 — Псковская третья 119
 Летурно Ш. 58
 Лидин В. Г. 7, 161
 Лилов А. И. 313
 Линдеман Г. 74, 224—227, 229, 230
 Линниченко А. И. 304, 307
 Липранди И. П. 279, 283, 284, 286, 292, 299, 302
 Лисицын М. А. 329

- Лисовский Н. М. 152
 Литании 129
 Литов С. И. 93
 Литургия Иоанна Златоуста 147, 148
 Лихачев Д. С. акад. 111
 Лихачев Н. П. акад. 129
 Лихтварк 18
 Лицей Ришельевский 286, 291
 Лобанов М. Е. 171
 Лобоко П. Л., ген. 268, 274
 302
 Ловцкий Г. Л. 53
 Логгин Яренгский, св. 140
 Логинов М. Н. 165
 Ломов Б. Ф. 159
 Лопухин А. А. 176
 Лопухина В. А. 176
 Лорис-Меликов М. Т. 159
 Лосев В. И. 330—353
 Лосева О. В. 4, 324—329
 Лубенский В. П. гр. 6
 Лубченков Ю. Н. 125
 Лука, евангелист 127, 146
 Лукреций 215
 Лукьяненко В. И. 163
 Луначарский А. В. 50
 Лунное течение 135, 145
 Луппов С. П. 160
 Лурья А. Р. 159
 Лурье С. В. 49
 Лурье Я. С. 120
 Лучицкий И. В. 72
 Лыковский, владелец книжных магазинов 93
 Львов М. 275
 Львовы 157
 Любавский М. К. 41
 Любомирский В., кн. 127
 Любомудров С. 74
 Любошинский К. 154
 Людовик Немецкий, кор. 328
 Людовик Орлеанский, гц. 128
 Лютер А. И. 155
 Лютер И. И. 155
 Лютер, Л. 155
 Лютер, Н. 155
 Лютер, С. 155
 Лютеры, семья 155
 Ляцкий Е. А. 41
- Мазон А. 248
 Мазурин А. И. 148
 Майков Л. Н. 240, 241
 Маймонид Моисей бен Маймон 87
 Макагонова Т. М. 4—104, 251, 316—324
 Македонский А. М. 156
 Маклаков В. А. 8, 12, 15, 17, 30, 53, 86
 Маклаковы 8
 Маковский С. К. 38
 Маколей Т. Б. 9
 Максим Грек 138
 Максименко Ф. Ф. 161, 163
 Макушев В. В. 278, 280, 305, 308, 312, 314,
 315
 Малиновская (урожд. Эйслер) В. П. 44
 Малиновская С. И., см. Штакеншнейдер С. И.
 Малиновский И. П. 44
- Малышев В. И. 161
 Малышева О. В. 38
 Малышко А. 276
 Малюта Скуратов, см. Скуратов-Бельский Г. Л.
 Мамер, царь 138
 Мандельштам Л. С. 161
 Мандельштам Р. С. 161
 Манолов А. 300
 Мануйлов А. А. 15
 Манчов Д. В. 314
 Марат Ж. П. 174
 Маргарит 146
 Маргарит, выписки 139, 146
 Маргарита, св. 128
 Мариенгоф А. 275
 Мария, дева 127, 129
 Мария Александровна, имп. 260, 274, 298,
 300
 Мария Александровна, вел. кнж. 260, 274
 Мария Клеопова, св. 128, 129
 Мария Магдалина, св. 128, 129
 Мария Феодоровна, имп. 147
 Марк, евангелист 127
 Маркевич Г. Ю. 93, 94
 Маркеллиан 135
 Марко Вечерович Демидов, писец 119
 Маркс А. Ф. 78, 218
 Маркс К. 35, 36, 40, 160
 Маркушевич А. И. 160
 Марта, св. 128
 Мартин, св. 128
 Марциал 215, 218, 219, 221, 241—245
 Маслов С. А. 289
 Масаэ Ж. 88
 Матвеев (псевд. Ачкасов) П. А. 22
 Матфей, евангелист 127, 146
 Маццини Дж. 58
 Мачев Г. 313
 Мачтет Г. А. 34, 67
 Маяковский В. В. 275
 Медовичева Т. А. 4, 246—249, 277—316
 Межелайтис Э. 276
 Мезьер А. В. 160
 Мейер Д. И. 290
 Мейер Р. 36, 75
 Мейер Э. 73
 Мейзенбург 58
 Мекк, фон А. К. 57
 Мелетий, архиеп. 146
 Мелетий, митр. Софийский 289
 Мендельсон Н. М. 57, 220
 Меншиков А. С. 297, 294
 Меньшиков М. О. 45
 Мережковский Д. С. 7, 36, 53
 Месяцеслов, см. Святцы
 Мещерский А. В., кн. 156
 Мефодий, св. 289, 295
 Миклухо-Маклай Н. Н. 159
 Миладинов Д. 288, 293, 295, 300, 307
 Миладинов К. 295, 300
 Миллер О. Ф. 314, 315
 Миллот, аббат 175
 Милорадович К. М. 92
 Мильчин А. Э. 161
 Милюков П. Н. 10, 17, 19, 53
 Милюкова А. С. 19

- Милютин А. Д. 256, 273
 Милютин Д. А., ген.-фельдмаршал 3, 4, 244—274, 298, 315
 Милютин Н. А. 151, 207
 Миняя служебная, март — апрель, кон. XIV в. (Син-172) 105, 106, 110, 116, 122
 Миняя служебная, июль, перв. пол. XIV в. (Тип-123) 111
 Миняя служебная, июнь, перв. пол. XIV в. (Тип-116) 118, 122
 Миняя служебная, ноябрь, XII в. (Син-161) 105
 Миняя служебная, январь, XII в. (Син-163) 105
 Миняя четья киевской печати 131
 Миней четьи Макарьевские, выписи 137, 138
 Минин Кузьма 212, 214
 Министерство внутренних дел 257, 261, 274
 — военное 252, 257—262, 266, 269—271, 274
 — иностранных дел 304
 — морское 259, 269, 273
 — просвещения 18, 283, 284, 290, 302, 308
 — финансов 162, 259, 273
 Минков Т. 278, 299, 304—306, 313
 Минский (псевд.) см. Виленкин Н. М.
 Минстер 8
 Мирабо О. Г. 10
 Мирович В. В. 42
 Миролюбов В. С. 23
 Миронов А. Г. 161
 Миронов Н. И. 307
 Мирский С. 28
 Мирчев К. 329
 Мисайков В. Т. 299
 Михаил Алексеевич, царь (ошибочно вместо ц. Михаила Федоровича или ц. Алексея Михайловича) 134
 Михаил Архангел 127, 143
 Михаил Горьский, игумен 117
 Михаил Николаевич, вел. кн. 249, 252—258, 261, 262, 265, 267, 268, 270, 271
 Михаил Павлович, вел. кн. 273
 Михаил Федорович, царь 214
 Михаил Черниговский, кн., св. 140
 Михаил Ярославич Тверской, кн., св. 120, 140
 Михайлов А. М. 93, 161
 Михайлов Н. Ф. 19
 Михайлова Е. П. 125, 163
 Михайловский В. 304
 Михайловский Н. К. 26, 92
 Миханович Ф. 288
 Михаэлис К. 11
 Мицкевич А. 83
 Многосложный свиток 138
 Модзалевский Б. Л. 46
 Моисей, архиеп. Новгородский 119
 Молитва 132
 — Богородице 130, 147
 — Иисусова 135
 — к кадилу на усопших 148
 — над кутьею 148
 — св. Зебальду 126
 Молитвенник 123
 Молитвы 126, 128, 129
 — папы римского Иоанна XXIII 126
 — читаемые после кафизм 132
 Молнар И. И. 282, 287
 Молчанов В. Ф. 125
 Молчанов И. 275
 Моммзен Т. 7
 Монастырь Алексеевский женский 307, 310, 312—314
 — Варваринский женский из-за Петровских ворот во Пскове 115
 — Дечанский в Сербии 146
 — Елеазаровский в Пскове 121
 — Зографский 287
 — Казанлыкский женский 305
 — Климентовский на Завеличье в Пскове 119
 — Криптоферратский 325
 — Лавра св. Афанасия на Афоне 326
 — Лавра Троице-Сергиева 3, 157
 — Пантелеимонов на Афоне 326
 — Пантелеимонов Дальний в Пскове 113, 118
 — Пантократор 296
 — Рыльский 287, 289, 291, 294, 299, 303
 — Снеготорский в Пскове 119
 — Соловецкий 30
 — Спасский Чепочкин («Щепочкин») или Чепочки Уржумский 143
 — Хиландарский 287
 Монзиков (?) Ф. И. 131
 Монин И. 138
 Моравяков Л. Ф. 303, 307, 311
 Моравская О. П. 20
 Мордвинов Д. С., ген. 258, 274
 Мориц П. А. 300
 Морозова М. Я. (наст. фам. Дефье М. К.) 158
 Морозова Ф. П. 148
 Моцарт В.-А. 322
 Мошин А. И. 310
 Мстиславская Е. П. 125
 Музей М. Веневитинова 56
 — государственный литературный 57, 153, 154
 — Публичный и Румянцевский Московский 8, 10, 17, 20, 31, 44, 52, 56, 83, 294, 314
 — Саратовский (Радищевский) 174
 — Л. Н. Толстого (Ленинград. отделение) 57
 — В. А. Черепнина 56
 Муравьев Д. М. 156
 Муравьев Л. М. 156
 Мурзакевич Н. Н. 285—290, 311
 Муромцев Н. Н. 18
 Муса Джалиль 276
 Мусевич П. Ф. 312
 Мусин-Пушкин А. А., гр. 23
 Мусин-Пушкин А. И., гр. 12
 Мусин-Пушкин В. И., гр. 156
 Мусины-Пушкины 157
 Мускалит Ф. Г. 92
 Мусоргский М. П. 42
 Мустаков Д. И. 283
 Мутьев Д. С. 281, 289, 290, 292, 294, 295
 Мутьева Е. 287
 Мухин И. К. 94
 Мухин Н. Е. 291
 Мюллер Л. 236
 Мюссе А. 84
 Мягков Е. Д. 73
 Мякотин В. А. 36
 Мятлев И. П. 43

- Нагуевский Д. И. 216, 219, 233, 234, 236
 Надеждин Н. И. 283, 290
 Налбандян М. 276
 Наполеон I, имп. 13, 41, 318
 Нарышкин А. А. 314
 Наседкин В. 275
 «Настольный словарь» 78
 Наумберг 21
 Нафанаил, ап. 139
 Нафанаил, иеромонах 290
 Неаполитанский календарь IX в. 325
 Неведомский В. 77
 Невежа Дементьев сын 123
 Невоструев К. И. 107, 310, 324, 328, 329
 Невская Л. В. 125, 158
 Невская Л. В. 158
 Невская М. В. 158
 Невский (наст. фам. Кривобоков) В. И. 125, 158
 Невско-Амурская ж. д. 151
 Недюв Ц. 288
 Нейштадт В. И. 165
 Некрасов Алексей 176
 Некрасов Н. А. 3, 44, 58, 61, 65, 81, 296
 Немирович-Данченко Вас. И. 55, 151
 Ненович В. 282
 Неонила («Ненила») Андреевич, адресат письма 141
 Непокойничий А. А., ген. 258, 274
 Нестор, летописец II
 Нечаева В. С. 56
 Нибур Б. Г. 11, 73, 97
 Никита, вмч. св. 148
 Никита Ираклийский 135
 Никитин И. С. 38, 60, 83, 94
 Никитина Е. Ф. 153
 «Никитинские субботники» 153
 Николай чудотворец см. Николай Мирликийский
 Николаев К. Н. 93
 Николаева С. 306
 Николай I, имп. 151, 241, 272
 Николай II, имп. 14, 18, 41, 147, 159
 Николай Александрович, вел. кн. 273
 Николай Мирликийский, архиеп., св. 116, 128, 146, 147
 Николай Николаевич, вел. кн. 255, 256, 258, 262, 265, 267, 268, 270, 271, 273
 Николов Р. 293, 295, 296
 Никольский Б. В. 231
 Никон Черногорец 135, 138
 Никулина М. В. 290, 291, 294—298, 312
 Ницше Ф. 25
 Ничов Д. Х. 298
 Новагерра А. 245
 Новгород-Северский И. И. 161
 Новгородцев П. И. 18, 20, 23
 Новиков Е. П. 294
 Новиков Н. И. 12, 20
 Новикова О. А. 293
 «Новоуказные статьи» царя Алексея Михайловича 142—144
 Новый энциклопедический словарь 85
 Номоканон, выписи 138
 Нордау М. 72
 Норов А. С. 277, 291, 294, 296
 Насуто Н. А. 94
 Нягин В. 305, 306
 Обиход на крюковых нотах 133, 134, 136, 137, 140, 141
 — демественник 136
 Оболенская В. С. 175, 176, 177
 Оболенский А. С. 177
 Оболенский В. И. 288
 Оболенский Д. А. 291
 Оболенский С. П. 187
 Оболенский Ю. А. 295
 Обручев Н. Н. 252, 258, 268, 271, 272
 «Общественная польза», книгоиздательское товарищество 88
 Общество археологическое Императорское Московское 283
 — «Болгарско книжново дружество» 302
 — «Братская любовь», славянское 306
 — взаимного кредита 42
 — Вольное экономическое 17
 — истинной свободы, в память Л. Н. Толстого 46
 — истории и древностей Российских (ОИДР) 41, 278, 288, 296, 297, 312, 315
 — истории Русской литературы 42
 — «Культура и свобода» 46, 50
 — купеческое Московское 311
 — любителей Российской словесности 26, 63, 79
 — «Московская болгарская дружина» 295
 — Педагогическое 27, 52, 75, 76, 87
 — попечения о больных детях Одесское 87
 — потребителей близ завода Новороссийского 94
 — распространения грамотности между болгарами 308
 — распространения просвещения между евреями 13, 88
 — религиозно-философское памяти Вл. Соловьева 30
 — «Румынское господарства...» 296
 — Русское техническое 152
 — свободной эстетики 42, 43, 46
 — Славянское благотворительное 304—308
 — им. А. Н. Скрябина 43
 — Юридическое в Москве 14, 17
 — Юридическое в Вене 79
 Община Крестовоздвиженская сестер милосердия 273
 — народной болгарской письменности 294
 — Покровская в Москве 314
 — Старообрядческая Георгиевская в Егорьевске 148
 — Старообрядческая Федосеевская на Преображенском кладбище в Москве 139
 — Старообрядческая Филипповская на Таганке в Москве («Таганское общество») 139
 «Объяснение, читанное в начале заседания о причинах, побудивших быть собранию» 140
 Овидий 215—221, 223, 225—227, 230, 231, 233
 Огарев Н. П. 22, 23, 26, 41, 56, 59, 60, 94, 166
 Огарева-Тучкова Н. А. 22, 42, 56
 Оглоблин Н. Я. 93
 «Оглашения» Кирилла Иерусалимского, выпись 135

- Одесское болгарское настоятельство 294, 297—304, 313
 Одоевский В. Ф. 159
 Одоевский Ф. М. 159
 Озерецковский Н. Я., акад. 175
 Озеров А. П., шталмейстер 260, 274
 Озеров А. П. 291—293
 «О крещении» 137
 Округ военный Варшавский 252, 270
 — — Виленский 252
 — — Западно-Сибирский 272
 — — Кавказский 252, 270, 272
 — — Киевский 252, 263, 272
 — — Московский 272
 — — Одесский 252, 263, 274
 — — Петербургский 270, 273
 — — Финляндский 272
 — — Харьковский 272
 — учебный Варшавский 157
 — — Дерптский 159
 — — Одесский 299, 303, 305
 Оксак И. Ф. 214
 Оксфордский, еп. 95
 Октоих изборный 1374 г. 105, 107, 111, 116—120, 122
 — — втор. пол. XIV в. 115
 — — на крюковых нотах 133, 136, 137, 141
 Олар Ф.-В.-А. 78
 Олсуфьев А. В., гр. 4, 214—246
 Олсуфьев В. Д., гр. 220
 Олсуфьева А. А. 232, 233, 235
 Олсуфьевы, семья 221
 Ольденбург С. Ф. 40
 Ольшевская Л. А. 125
 Онуфрий (Попович Казанлучанин), архим. 288
 Оппель А. А. 152
 Оппель В. А. 152
 Оппель (в бр. Гольцева) Н. А. 152
 Организация «Народное право» 19
 Орелий 246
 Орел-Ошмянцев Я. О. 299, 300, 312
 Орлов, владелец рукописной книги 145
 Орлов В. В. 159
 Орлов М. Н. 22
 Орлов М. Ф. 21, 29, 59
 Орлова Е. Н. 20—23, 32, 45, 102
 Орлова Ек. Н. 78
 Орлова (урожд. Кривцова) О. П. 22
 Ортенберг И. Ф. 156
 Ортенберг Н. Ф. 154
 Оружейная палата 291
 Осоргин (наст. фам. Ильин) М. А. 48
 Оссиан 322
 Остафьево, имение Вяземских в Подмосковье 52
 Остен-Сакен Ф. Р. 247
 Остроумов Л. Е. 85
 Ответы федосеевцев Московского Преображенского кладбища на примирительные статьи филипповцев Московского «Таганского общества» 139
 Оттилия, св. 126
 Отрадино, имение Орловых 22
 Отряд Закаспийский 256
 Оффенбах Ж. 159
 Павел, ап. 121, 127
 Павел Популонский, еп. 328
 Павечерница малая 146
 Павлов А. С. 303
 Павлович Ек. 309
 Павлович Н. Х. 298
 Палата книжная Укр. ССР 161
 Палаузов К. Н. 294, 301
 Палаузов Н. Х. 278—281, 284—292, 294—299, 301, 302, 304
 Палаузов С. Н. 278—280, 287, 290, 292, 294, 296, 298, 301, 304, 311
 Палацкий Фр. 291
 Пален К. И. 159
 Палецкис Ю. 276
 Памфил, игумен 121
 Памяти русским святым и праздникам 135
 Панаев И. И. 58
 Панарет, митр. Филиппопольский 299
 Панафидина А. С. 38, 93
 Панов И. 300
 Пансион Левашовский 304
 — Южнославянский 305
 — Одесский 292
 Пантелеев Л. Ф. 74
 Пантелеимон, св. 107, 113
 Панченко А. М. 122
 Параклитик 1369 г. 119
 — 1386 г. 114, 120, 122
 — рубежа XIV—XV вв. 107, 112, 114, 122
 Паремейник 1312—1313 гг. 105—107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 122
 — 1348 г. 121
 — XIV в. 121
 Паремии великомученику Георгию 148
 Пароходство «Дружина», волжское 156
 Парфенова С. П. 125
 Пассек Я. Х. 58
 Пассовер А. Я. 42
 Пастернак Б. Л. 160
 Пастернак Л. О. 54
 Пасхалия 135, 145
 — зрячая 135, 145
 Патен А. Ж. 76
 Патерик, выписи 138
 Паульсен Ф. 74, 75, 88
 Пахом, крестьянин, читатель книги 135
 Пашевский Е. Б. 7
 Пейле Е. 161
 Пелтонен (псевд. Линнанкоски) В. 79
 Переверезев Б. Н. 38
 Перельман О. С. см. Дымов О.
 Перетц В. Н. 21
 Перовский Л. А., гр. 208, 213
 Перрен К. П. 156
 Персий Флакк 215, 219, 246
 Персиц А. 317
 Перцович Ю. С. 160
 Песнопения из обихода-демественника 136
 — из обихода-демественника на крюковых нотах 136
 — обихода на крюковых нотах 133, 136, 137, 140, 141
 — обиходные на крюковых нотах 134
 — пасхальные на крюковых нотах 134, 136
 — в неделю Пасхи на крюковых нотах 134

- русским святым и праздникам 140
 — из служб на крюковых нотах 134, 141, 142
 — из службы в неделю Ваий на крюковых нотах 142
 Петков К. 282
 Петков Я. 306
 Петр, ап. 107, 127
 Петр, митр. Московский, св. 140
 Петр I Алексеевич, 10, 124, 142—144, 209, 212, 323
 Петр Дамаскин 135
 Петр Муромский, кн., св. 140
 Петрарка Ф. 76, 77
 Петробллит (обл. организация цензуры) 101
 Петров Яков 147
 Петровский А. Г. 158
 Петровский С. Г. 158
 Петровский Ф. А. 221
 Петрушевский Д. М. 32, 71, 81
 Петряев Е. Д. 161
 Петухов Н. Г. 153
 Печатный двор в Москве 143
 Печерин В. Ф. 23, 25, 26, 38, 41, 59
 Пешаков Г. Ф. 284, 285, 287
 Пешехонов А. В. 36
 Пешкова Е. П. 50
 Пиксанов Н. К. 7, 56, 57
 Пилар фон Пильхау А. К. 260, 274
 Пилар фон Пильхау Н. Г. 274
 Пимен, летописец 319, 320
 Писарев Д. И. 3, 92
 Писаревский Б. Е. 257, 273
 Писистрат 86
 Пискорская Ел. В. 157
 Пискорская Елиз. В. 157
 Пискорская З. З. 157
 Пискорская Н. В. 157
 Пискорский В. К. 125, 157
 Пискорский К. К. 157
 Письмо старообрядческое 142
 Плавт 82, 215, 219
 Плачуковский В., иеродиакон 311
 Плеханов Г. В. 30, 45, 65
 Плещеев А. Н. 247
 Плиний 228, 245
 Плутарх 11, 71
 Победоносцев К. П. 156, 159
 Погодин М. П. 277—282, 285—296, 298—305, 308—312, 315
 «Повесть временных лет» 11
 «Повесть о Горе—Злочасти» 110
 «Повесть о 12 снах царя Мамера» 138
 Повесть «О непостижимстве св. Троицы» — из Великого Зеркала 132
 — о новгородском белом клобуке 139
 — о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим 112
 — об авве Лонгине 112
 — об Удоне, еп. Магдебургском — из Великого Зеркала 132
 Погост Выбуга на р. Великой 119
 Пожарский А. К. 143
 Пожарский Д. М., кн. 212, 214
 Пожарский Н. И. 56
 Поздеева И. В. 142
 Позднеев И. Б. 161
 Покровский А. А. 110, 115, 118—120
 Покровский К. В. 41
 Покровский М. Н. 20, 51, 73, 81, 89
 Покровский Н. Н. 161
 Полевой Н. А. 73
 Поливанов М. Ю., ген. 257, 267, 273
 Поликарп, еп. Смирнский 325
 Политехникум Ростовский 163
 Полицейское уложение 124, 150
 Полк артиллерийский Туркестанский 3-й 136
 — л.-гв. гусарский 220
 — л.-гв. конно-гвардейский 155
 — л.-гв. конный полк 269
 — пехотный Симбирский 134
 — стрелковый 1-й гвардейского корпуса 155
 Полонские, семья 222
 Полонский А. Я. 247
 Полонский В. П. 57
 Полонский Я. П. 44, 60, 219, 222
 Полторацкий С. Д. 165
 Поляков С. А. 33
 Полянский Н. Н. 33
 Померанцев А. П. 143
 Пономарев В. С. 159
 Поп А. 150
 Попевки на крюковых нотах 136, 141
 Попов М. И. 150
 Попов Н. А. 277—280, 300—315
 Попов Н. Н. 161
 Попова О. Н. 74
 Попович В. 295, 297
 Поповский Н. Н. 12
 Порфирьев И. Я. 139
 Послание Афанасия Великого к Маркеллиану, выпись 135
 — Герасима Фирсова к брату о перстосложении и о крестном знамении 139
 — архим. Мелетия 10-е о вере православной 146
 Последование литургии на крюковых нотах 134
 «Последование церковного пения и вселетнаго собрания» см. святцы
 Поссе В. А. 17
 Постановления (установления) старообрядческие, выписи 139
 Потапенко И. Н. 16
 Потапов, «Никитин сын», упом. в записи 130
 Потапов А. Л., ген. 253, 272
 Потапов А. П. 156
 Потемкин В. П. 21
 Потребник иноческий, выписи 139
 Поучения Иоанна Златоуста 135, 139
 Поярков Н. Е. 33
 Правило келейное 135
 Правление духовное Уржумское 143
 Праздники на крюковых нотах 135, 136
 Прасковья Ефимовна, автор письма, жительница д. Улитино 142
 «Предание правил и слову» 137
 Прение священнодиакона Федора Иванова с Афанасием, митр. Иконийским 139
 «Преображенское общество» — старообрядческая федосеевская община на Преображенском кладбище в г. Москве 139
 Пржевальский Н. М. 159

- Приказ Казанского дворца 144
 — Поместный 150
 — Посольский 10
 — Разрядный 144
 «Примеры ко гласом» на крюковых нотах 136
 Припевы Покрову Богородицы на крюковых нотах 138
 — праздникам на крюковых нотах 138, 141
 — русским святым и праздникам на крюковых нотах 138, 140, 141
 Приселков М. Д. 329
 «Притча Кирилла мниха (Туровского) о души человеческой и о телесу...» 140
 «Притчи евангельские» с толкованиями 139
 «Притчи Соломоновы» 109, 110
 Пришвин М. М. 56
 Приют Александринский 314
 Прогимназия Кишиневская 7
 Прокопий Устюжский, юродивый, св. 140
 Прокофьев А. 275
 Пролеткульт 50, 51
 Пролог 146
 — выписи 138, 140, 146
 — слова и выписи из него 131, 140
 — март—август, нач. XIV в. (Тип—177) 105, 121, 122
 — март—август, перв. пол. XIV в. (Тип—174) 105, 107, 108, 116, 117, 122
 — март—август, перв. пол. XIV в. (Тип—179) 113, 120, 122
 — сентябрь—февраль, 1313 г. (Син—239) 105, 106, 108, 109, 113, 116, 118, 119, 122
 — сентябрь—февраль, перв. пол. XIV в. (Тип—157) 107, 113, 120, 122
 Проперий 215, 219, 221, 231, 232, 236—241
 Пророчество Исаяно сына Амосова о последних днях, апокриф 139
 «Просветитель» Иосифа Волоцкого, выписи 139
 Проскурин В. М. 125
 Просняиченко В. Я. 93
 Протасова Н. Д. 301
 Протопопов Г. 143, 144
 Протопопов Д. 74
 Протопопов Ф. 149
 Псалмы 132, 134
 Псалтирь 132
 — с воследованием 131, 146
 — Порфирьевская 862 г. 104
 — учебная 146
 Пушкин А. С. 3, 4, 7, 20, 31, 42, 44, 45, 59, 60, 94, 124, 150, 159, 165, 316—323
 Пушкин В. Л. 171, 174
 Пушкина (в замуж. Павлищева) О. С. 318
 Пчела, выписи 138
 Пшавела В. 276
 Пылин А. Н. 28, 37
 Пяст (Пестковский) В. А. 84
 Пятницкий К. П. 25
 Рабинович (в замуж. Бах) Л. А. см. Бах Л. А.
 Радищев А. Н. 170, 174
 Радомиров 299
 Радулов Савва 291
 Раевские, семья 51
 Раевский А. Н. 28
 Раевский М. Ф. 295
 Разумовский А. К. 321, 322
 Раич С. Е. 291
 Раковский Г. С. 300, 305
 Рамбо А. 77, 78, 85
 Ранке Л. 9
 Ранов К. 294
 Рапп (в замуж. Бердяева) Л. Ю. см. Бердяева Л. Ю.
 Рахманов Г. К. 23
 Рачинский А. В. 298
 Рашеев В. 288, 301
 Резертус 16
 Рейсер С. А. 161
 Рейтерн М. X. 258, 273
 Реклю Э. 58
 Ремизов А. М. 38—40, 47, 49, 53, 54
 Репин И. Е. 12
 Репнина В. Н. 44, 45
 Рескин Д. 96
 Рикардо Д. 153
 Рильский Н. 284, 285, 288
 Римский-Корсаков А. А. 156
 Робев К. 288, 290
 Ровинский П. А. 301
 Рогинский Я. С. 160
 Рогов А. И. 161
 Родзянко М. М. 156
 Родославлевич Л. И. 304
 Розанов В. В. 36, 45, 49, 53
 Розанов И. Н. 275
 «Розники» 133, 149
 Романов В. И. 22
 Романов Н. И. 22, 81, 162
 Ростовцев М. И. 82
 Рот Л. О. 282
 Рубакин Н. А. 83, 125, 158
 Рубинштейн Е. И. 161
 Рубинштейн Н. Г. 159
 Рубцов Н. 275
 Руднев Д. Д. 153
 Румер О. Б. 84
 Руми 276
 Румянцев Н. П. 161, 314, 315
 Руссо Ж. Ж. 9, 174
 Рыкачев А. М. 95
 Рыков Ю. Д. 125, 142, 149
 Рылеев К. Ф. 124, 150
 Рыленков Н. 275
 Рыльский М. 276
 Рютин В., писец 135
 Рябенко Л. Ф. 125, 164
 Рязань Старая 146
 С. Г. Г., писец рукописи нач. XX в. 142
 Сабанеев Л. Л. 43
 Сабашников М. В. 13, 20, 26, 48, 50, 57, 78, 81, 84
 Сабашников С. В. 13, 26, 48, 57
 Сабуров А. А. 159
 Сабурова Е. В. (ур. Соллогуб) 159
 Сабуровы 125
 Савва, пол 119
 Савватий Соловецкий, св. 140
 Савельев, адресат 138
 Савин А. 78

- Садовский А. Я. 54
 Садовский Б. А. 14, 54
 Садофьев А. Ф. 161
 Садофьев И. 275
 Сайтов В. И. 24, 30
 Сакулин П. Н. 56
 Саломня, св. 129
 Салтыков-Щедрин М. Е. 3
 Сальери А. 322
 Самарин Г. А. 159
 Самарин Д. Ф. 313, 315
 Самарин Н. Ф. 24
 Самарин Ю. Ф. 37, 40, 59, 94, 206, 208, 278, 280, 291, 292, 294, 295, 315
 Самарини 157
 Самуил, царь Болгарский 328
 Сарду В. 13
 Сартр Ж. 16
 Сатин Н. М. 56, 58
 Сатины, семья 56
 Саят-Нова 276
 Сборник богослужебный 146, 147
 — богослужебных текстов и выписей, старо-обрядческий 134
 — выписей, слов и апокрифов 138
 — канонических текстов о страданиях Иисуса Христа, лицевой 145
 — старообрядческий 124, 138
 — «Атеней», временник 54
 — «Вехи» 35—37, 90—94
 — «Библиография» 7, 56
 — «Византийский временник» 162
 — «Временник ОИДР» 286
 — «Древности. Труды Славянской комиссии». 283
 — «Зборная библиотека» (сб. литерат. соч.) 150
 — «Знание» 28
 — «Исторические записки» 89, 92, 94
 — «Исторический архив Италии» 77
 — «История молодой России» 89
 — «Криница» 49
 — «Пальмира» 101, 102, 103
 — «Памятники славяно-русской истории и древности» 289
 — «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» 21
 — «Русская периодическая печать 1703—1894 гг.» 8
 — «Русские Пропилеи» 43, 49
 — «Симеонов сборник» 289
 — «Славянский ежегодник» 314
 — «Славянский сборник» 312
 — «Современные записки» 102
 — «Труды Педагогического об-ва при Моск. университете» 75
 — «Филологическое обозрение» 13, 71, 73, 74, 86
 «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому» 97
 Сведомский П. А. 87
 Свербева Е. А. 291, 314
 Светильны праздничные на крюковых нотах 136, 149
 — русским святым и праздникам на крюковых нотах 140
 Светлов М. 275
 Светоний 245
 Свешникова Е. П. 44
 Свистунов А. П., ген. 254, 256, 261, 262, 265, 267, 272
 Святцы 135, 144, 145
 Себастьян, св. 128, 129
 Севастьянов П. И. 295
 Седельников А. Д. 108, 109, 113, 118
 Селивачев А. Ф. 42
 Село Волочаново Моск. губ. 154
 — Гавриловка Тамбовской губ. 308
 — Городище Владимирской губ. 154
 — Даниловское, дворцовое 131
 — Зряковичи в Псковской земле 118
 — Козьмодемьянское Тверской губ. 154
 — Мелешово 306
 — Мещерское Саратовской губ. 154
 — Надеино Тарбагатайской вол. 135
 — Никольское Моск. губ. 154, 156
 — Помогалово Владимирской губ. 154
 — Хатовка Тульской губ. 154
 — Царево-Займище Смоленской губ. 154
 — Шахордино Моск. губ. 154
 Семенов М. Н. 17
 Семеновский Д. 275
 Семиволков («Симиволков») Я. 146
 Семинария духовная Московская 303, 311, 313
 Сергеев А. В. 278
 Сергеев-Ценский С. Н. 49
 Сергей (Спасский), архиеп. 324, 328, 329
 Сиверс Т. А. см. Аксакова Т. А.
 Сидоров А. А. 161
 Сидорова А. Б. 125
 Сильвестр, папа римский 325
 Симеон, еп. Иерусалимский 324, 325, 327
 Симеон I, царь Болгарский 291
 Симон, митр. Московский 121
 Симмонс Дж. 161, 163
 Симонов Д. Е.
 Синайский канонарий 325
 Синаксарь в неделю мясопустную 146
 Синани А. 94
 Синодик старообрядческий 141
 «Синодик царя Бориса» 290
 Сипягин Н. М. 159
 Скабичевский А. М. 26
 «Сказание демественному ключевому знамени...» в таблицах 136
 Сказание священнодиакона Феодора Иванова об Аввакуме, Лазаре и Елифании 139
 Скирмунт С. А. 22
 Скитское покаяние 135
 Скрыбин А. Н. 43, 52
 Скрыбина Т. Ф. см. Шлецер Т. Ф.
 Скуратов-Бельский (Малюта) Г. Л. 319
 Славейков П. 304
 «Славники» из 9 часа на крюковых нотах 136
 Славники праздничные, на крюковых нотах 136
 «Славянский календарь» 312
 Слобода Александровская 163
 Словарь энциклопедический бр. Гранат 65
 Слова Григория Богослова с толкованием Никиты Ираклийского, выпись 135
 — Иоанна Златоуста 138

- Словеса аввы Дорофея. см. Цветник аввы Дорофея
- Слово Иоанна Златоуста о Евтропии, когда он «вне церкви обретается» 139
- — — «о зломатерном слове» 138
- — — «о играх и плясании» 138
- — — «о лжепророках и ложных учителях» 138
- Ипполита, папы римского, о печати Антихристове 138
- — — о Втором пришествии 139
- Исаака Сирина, выпись 135
- Кирилла Александрийского «о страхе Божьем» 138
- Козьмы Веститора «о пренесении мощей... Иоанна, архиепископа Константина града Златоустаго» 140
- от старчества «о пресвятой молитве Иисусове» 135
- похвальное Климента Словенского на Воскресение Лазаря 139
- — — на память Николая Мирликийского 147
- Служба Богородице «Всем скорбящим радость» 148
- в неделю Ваий на крюковых нотах, песнопение из нее 142
- в неделю о расслабленном на крюковых нотах, песнопения из нее 141
- великомученику Георгию 148
- на освящение церкви св. Георгия в Киеве 148
- «Служба над умершим младенцем», частично на крюковых нотах 134
- «Службы ап. Кириллу и Мефодию» 297
- Служебник 148
- Случевский К. К. 33
- Смеляков Я. 275
- Смидович В. В. см. Вересаев В. В.
- Смирнов А. 288
- Смирнов А. А. 159
- Смирнов С. 275
- Снегирев И. М. 292
- Соболевский А. И. 106
- Соболь Д. Н. 159
- Собор Василия Блаженного в Москве 162
- св. Петра в Риме 15
- Софийский в Новгороде 105
- Троицкий в Псковском Кремле 120
- «Сборник» 146
- выписи 140
- «Сборник двенадцатимесяцем» см. Святыи
- Сборное уложение 1649 г. 124, 142, 143
- «Собрание от Божественного писания о животворящем кресте Христове...» — старообрядческое компилятивное соч. 133
- Собрание Единичных поступлений рукописных книг древней традиции 123, 125
- рукописных книг Рязанское 124
- — — Саратовское 124
- тибетских рукописей 124
- рукописей М. И. Чуванова 124, 142
- — Г. Г. Юдина 124
- Соколов В. Д. 20
- Соколов (псевд. Софист) Н. М. 24
- Соколов П. И. 282, 283, 286
- Соколова Е. И. 125
- Соколовский В. И. 33
- Соколовский П. 30
- Солдатенков К. П. 56, 72, 74, 78
- Соловецкая челобитная, пятая, посланная царю Алексею Михайловичу 22 сент. 1667 г. 139
- Соловьев Вл. С. 30, 151, 159, 215, 216, 219, 222, 226, 228, 229, 234—236
- Соловьев М. Г. 286, 287
- Соловьев Н. В. 10, 45
- Соловьев С. В. 16, 41
- Соловьев С. М. 79
- Соллогуб В. А. гр. 159
- Соллогуб Е. В. см. Сабурова Е. В.
- Сологуб Ф. К. 32, 53, 70, 85
- Солодовникова М. В. 125, 164
- Солодовниковы 164
- Сопников В. С. 157, 160
- Сосюра М. 276
- Софист см. Соколов Н. М.
- Сохарев В. К. 93
- Сочинение Иосифа Волоцкого 137
- Максима Грека, выписи 138
- Николая Черногорца, выписи 135, 138
- Союз взаимопомощи русских писателей 16
- духовного общения между интеллигенцией России, Франции и Италии 46
- писателей Всероссийский 53
- Спасский Г. И. 292
- Сперанские, семья 8
- Сперанский Н. В. 8, 13, 17, 19, 76
- Спиридонов В. С. 93
- Срезневский В. И. 44, 155
- Срезневский И. И. 115, 286, 290, 291, 297, 305, 314
- Сталин И. В. 320
- Станиславский К. С. 43
- Станица Глазуновская на Дону 134
- Станицев К. Н. 300, 315
- Станкевич Н. В. 12, 26
- Станюкович К. М. 153
- Станюкович М. 314
- Старое Акшено, имение Огаревых 22, 42
- Стасов В. В. 247
- Стасюлевич М. М. 8, 30, 41, 247
- Старообрядческие сочинения 133, 138, 139, 140
- «Старчество», слова из него 135
- Стеняев Г. 146
- Степанова Е. А. 159
- Степун Ф. А. 48
- Стерлигов А. Б. 128
- Стефан, св. 128
- Стефан Заскович, дьяк 120
- Стефан Урош III, сербский царь 146
- Стихира в неделю о расслабленном, на крюковых нотах 134
- из Троицной вечерни, на крюковых нотах 136
- на Сретение, на крюковых нотах 136
- на Цветную неделю, на крюковых нотах 136, 141
- Стихиры евангельские Льва Деспота, на крюковых нотах 137, 141, 142
- на крюковых нотах 134, 136, 141
- на малой вечерне, на крюковых нотах 136
- по 50 псалме, на крюковых нотах 136

- «покойны» 134
 — праздничные, на крюковых нотах 136
 Стойкова С. 278
 Столыпин П. А. 38, 39
 Стороженко Н. И. 10, 20
 Стоянов В. 301
 Стоянов И. 305
 Стоянович Н. 289
 Страсти Христовы 123
 «Страсти Господни», лицевые 145
 Страхов Н. Н. 216, 219, 222
 Стремоухов П. Н. 299, 309, 310
 Строганов С. Г., гр. 258, 259, 261, 273, 286, 289
 Строев П. М. 143, 282
 Струве П. Б. 17, 18, 24, 37, 53, 65—67, 88, 89, 93
 Струков Д. М. 293
 Струков С. 144
 Стурдза А. С. 287, 290
 Суворин А. С. 94
 Суд Военно-окружной Петербургский 255
 — Главный военный 256
 Сумароков А. П. 150
 Сумбатов (псевд. Южин) А. И. 43
 Сундукьянц М. А. 93
 Сухово-Кобылина Е. П. 156, 157
 Сухово-Кобылины 157
 Сухомлина Т. И. 125
 Сушков С. П. 291
 «Сын церковный», выписи 135, 138
 Сытин И. Д. 34, 93
- Табидзе Г. 275
 Таврей К. 23
 Тайнопись в записи 134
 Тамерлан 13
 Танк М. 275
 Тарасий Антониевич, староста ц. Воскресения Господня 105
 Тацит 82
 Ташлыков А. 143
 Тверитинов И. 143, 144
 Тверской П. А. 95
 Театр Александринский 25
 — Московский Художественный 19, 25, 26
 — Свободный 42
 Тейлор Ф. У. 90, 95
 Теляковский А. З. 154, 156
 Теофилакт, архим. Рыльского м-ря 303
 Теохаров А. Ф. 311, 312
 Теплов Б. М. 124, 158
 Теплов И. Б. 125
 Тепляков В. Г. 282, 285
 Теренций 82
 Терешин В. И. 161
 Терское казачье войско 272
 Терьян В. 276
 Тетеркин К. 141, 142
 Тибулл 215, 219, 317
 Тимашев А. Е., ген. 261, 274
 Тимирязева К. Н. 33
 Тимковский И. О. 170
 Тимофей, поп 118
 Титов В. П. 289
 Тихомиров К. И. 93
 Тихомиров Н. Б. 125
 Тихонов Н. 275
 Тихонов Семен 135
 Тихонравов Н. С. акад. 165, 247
 Тишев Г. 301
 Тишендорф К. 294, 296
 Товарищество «Знание» 21, 25, 28
 Токвиль А. 9
 Толкование Никиты Ираклийского, выписи 135
 Толмачев М. В. 125
 Толстая А. А. 260, 274
 Толстая А. Л. 27
 Толстая С. А. 220—222, 238
 Толстой А. К. 159
 Толстой А. Н. 39, 47, 49
 Толстой Д. А. 291, 301—303, 308
 Толстой Л. Л. 27
 Толстой Л. Н. 3, 8, 13, 17, 19—21, 27—29, 32, 33, 35, 38, 44, 54, 55, 59, 88, 90, 152, 162
 Толстой Н. Н. 54
 Толстые, семья, графы 221, 222
 Толстяков А. П. 161
 Томашевская Р. Р. 160
 Томашевский Б. В. 158, 166, 171, 174
 Торо Ф. 22
 Тотлебен Э. И. 258, 274
 Тошков Д. М. 287, 289, 290
 Тошков Н. М. 302, 304, 309
 Тошков С. Д. 290, 291
 Трейгуль А. И. 249
 Трейчке Г. 7
 Третьяков В. М. 311
 Трефилова В. А. 45
 Триоле Э. 153
 Троицкий М. М. 10, 103
 Тропарь праздничные, на крюковых нотах 136, 149
 — русским святым и праздникам, на крюковых нотах 140
 Тропарь Богородице 147
 — Василию Великому 131
 — вмч. Георгию 131
 — Григорию Богослову 131
 — вмч. Дмитрию Солунскому 131
 — свт. Леонтию Ростовскому 131
 — Покрову Богородицы, на крюковых нотах 149
 — трем святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту 131
 Троповский Е. 79
 Трофимов И. Т. 125, 165—166, 174—177, 202—205, 275, 276
 Троицкий Л. Д. 50
 Трубецкой В. В. кн. 125
 Трубецкой Е. Н. кн. 23, 29, 30
 Трубецкой Н. С. кн. 109
 Трусов, владелец книжных магазинов 93
 Трусов П. Н. 159
 Туган-Барановский М. И. 17
 Тузов Н. А. 93
 Тукай Г. 276
 Тульев Д. Х. 296
 Тургенев А. И. 11, 45
 Тургенев И. С. 21, 33, 39, 44, 59, 81, 94, 159, 215, 316

- Тургенев Н. И. 41
 Туркин В. 275
 Тучковы, семья 58
 Тхоржевский И. И. 58
 Тычина П. 275, 276
 Тьерри О. 9
 Тюнеева А. И. 161
 Тюрьма Бутырская 50
 Тюрго А.-Р.-Ж. 72
 Тютчев Ф. И. 50, 156, 290
- Уваров А. С. акад. 314, 315**
 Уваров С. С. гр. 41
 Удон, еп. Магдебургский 132
 Уезд Аткарский 154
 — Балашовский 22
 — Брянский 234
 — Волоколамский 154
 — Вязниковский 154
 — Гжатский 154
 — Землянский 236
 — Кашинский 154
 — Кишиневский 5
 — Ливенский 17
 — Литгинский 5
 — Подольский 154
 — Саранский 22
 — Торопецкий 150
 — Шигровский 241
 — Юрьев-Польский 154
- Узелац П. 306
 Уйтмен У. 79
 Указ о кафизмах 5-ой недели Великого поста 132
 «Указ о понахиде малой» 141
 Указатель «Материалы для биографического словаря деятелей книги СССР» 161
 Указные статьи 143, 144
 Украинка Л. 276
 Улитино, д. 142
 Уложение о суде служителей церкви по уголовным делам от 22 янв. 1669 г. 143
- Умов Н. А. 8
 Унджиева Ц. 285, 287—294, 309, 310
 Ундольский В. М. 157, 277, 289
 Университет Афинский 324
 — Берлинский 83
 — Варшавский 157, 158
 — Гейдельбергский 42, 79, 86
 — Гельсингфорский 10
 — Геттингенский 11
 — Казанский 157
 — Московский 7, 8, 16, 17, 33, 38, 54, 63, 67, 75, 87, 214, 249, 277, 283, 287, 296, 300, 303, 310
 — Новороссийский Императорский 300, 301
 — Петербургский 41, 94
 — Харьковский 312
- Управление госуд. коннозаводства 274
 — интендантское Главное 274
 — по делам печати Главное 17, 46, 257
 — по проектированию и изысканиям Волго-Донского комплекса 162, 163
 Уржумское духовное правление 143
 Урусова Е. П., кнг. 148
 Успенский Г. И. 30
- Устав Божественной службы 148
 — Великой Церкви (Константинопольской Софии) 324—327
 «Устав, како достоин христианом по нужде исправляти поклонами за весь круг церковный» 135
 Устав Кирилло-Белозерского мон-ря, выпись 135
 — «Новгородский», выпись 135
 — Соловецкого мон-ря, выпись 135
 — Троице-Сергиева мон-ря, выпись 135
 — «о житии, рекше о пощении и разрешении всего лета», выписи 145
 — о христианском житии 146
 — «святых отец, Богом преданный всем хотящим пети Псалтирь в молчании живущим иноком» 132
 — церковной службы 134, 149
- Установления старообрядческие. см. Постановления старообрядческие
- Устинов В. М. 33
 Устрялов Н. Г. 291
 Уткин И. 275
 Ухтомский Э. Э. 16, 17
 Участкаи З. В. 132
 Училище Винницкое казенное еврейское 5
 — Габровское 285
 — Ермоловско-Мариинское 313
 — Николаевское кавалерийское 155
 — Рыбинское коммерческое 155
 — Серезское 314
 — Софийское 294
 — Строгановское 156
 — Тенишевское 45
 — Усачевско-Черняевское 309
- Ф. Я.**, писец Октоиха и Обихода на крюковых нотах 133
 Фадеев Р. А., ген. 257, 258, 260, 267, 273
 Фадеева Е. А. см. Ган Е. А.
 Фалмераьер Я. 290
 Фатов Н. Н. 52
 Февр Ф. 76
 Феврония Муромская, св. 140
 Федоров Б. М. 45
 Федоров В. П. 309, 310
 Федоров Иван 109
 Федоров М. П. 41
 Федоров П. 299
 Федорова Е. В. 223
 Федосей, [писец] 115, 116
 Федр 174
 Фейгин Я. Я., купец 267, 268, 269, 274
 Феогност, митр. Киевский 119
 Феодор Черниговский, боярин, св. 140
 Феодор Ярославский, кн. св. 140
 Феодосий, инок 299
 Фет А. А. 4, 61, 214—246
 Фехнер Г. 44
 Фигнер В. Н. 55
 Филарет, митр. Московский 291, 294
 Филаретов С. В. 278, 280, 291—294
 Филатов А. 275
 Филимонов В. 93
 Филин Ф. П. 124, 161, 162
 Филипп Михалев, писец 114, 116

- Философов А. И., ген. 176
 Философов Д. В. 45
 Финдейзен Н. 33
 Фирдоуси 271
 Фирсов В. 275
 Фирсов Г. 139
 Фишер К. И. 33
 Флексер (псевд. Волынский) А. Л. см. Волын-
 ский
 Фома, ап. 127
 Фома Аквинский, св. 133
 Фомин А. Г. 40, 42, 83
 Фонарева А. М. 93, 94
 Фонвизин Д. И. 174
 Формоз Портуенский, еп. 328
 Форум 15
 Франк Г. Л. 53
 Франк С. Л. 32, 35, 41, 53, 93
 Франко И. 276
 Франциск, св. 128, 129
 Фрей А. 44
 Фрейман О. Р. 220
 Фресс 159
 Фроленко М. Ф. 55
 Фролова (урожд. Галахова) Е. П. 44
 Фудулаки 307
 Фусс Н. И., акад. 175
- Хазин М. 283
 Халатов А. Б. 57
 Харченко О. С. 125
 Хаустов Л. 275
 Хафиз 276
 Хвостов Д. И. 171, 174, 175
 Хвостов М. М. 73, 78
 Хельчицкий П. 33
 Хемницер И. И. 174
 Хилендарский П. 285
 Хитрово М. А. 301, 303, 309
 Хлебников В. 275
 Хлебников В. Н., ген. 255, 273
 Ходасевич В. Ф. 32, 48—50, 53—55, 84, 85
 Ходынская катастрофа 159
 Хомутова Е. И. 156
 Хомутова Н. А. см. Чубарова Н. А.
 Хомутовы 155, 157
 Хомяков А. И. 206, 207
 Хомяков А. С. 21, 291—295, 306, 314
 Хомяков Д. А. 313
 Хорошов Д. 146
 Хотяков Я. М. 160
 Хрисанф, митр. Филиппопольский 294
 Христина, св. 128
 Христович И. 295
 Христофор, св. 128, 129
 Хроника Регинона Прюмского 328
 Хронограф, выписи 135
 «Хронография» Феофана 288
 Хрущов А. П., ген. 253, 256, 258, 260, 263, 272
 Хрущов П. Д. 309
 Худяков И. А. 296
- Царское Село 252
- Царство Польское 263, 272, 273
 Цветаева М. И. 160, 275
 Цветков А. Д. 16
 «Цветник» 131
 «Цветник аввы Дорофея», выпись 139
 Цейтлин А. Г. 248
 Целлер Э. 7
 Центральная комиссия по улучшению быта
 ученых (ЦЕКУБУ) 51, 55
 Центральный книгообменный фонд при отделе
 комплектования ГБЛ 131
 Церковь Вознесения Господня в Пскове 120
 — Воскресения Господня в Пскове 105
 — св. великомученика Георгия 130
 — св. великомученика Георгия в Киеве 148,
 328
 — Иоанна Предтечи и Алексия митр. Мос-
 ковского 132
 — Иоанна Предтечи в Неаполе 325
 — Кирилла Иерусалимского у Смердяя моста
 в Пскове 119
 — Никольская единоверческая при [Рогож-
 ском?] богадельном доме 136
 — Рождества Богородицы в Снеготорском
 мон-ре ок. Пскова 119
 — Лютеранская св. Михаила в Москве 27
 Циолковский К. Э. 153
 Цицерон 77
 Цысина Г. Я. 5
 Цявловская Т. Г. 158, 165
 Цявловский М. А. 55, 57, 58, 165, 166
- Чаадаев П. Я. 38, 42, 58, 318
 Чабров Г. Н. 161
 Чавчавадзе А. 276
 Чайковский П. И. 159, 222
 Чаренц Е. 276
 Часовник Людовика Орлеанского 128
 Часослов 123
 Часы Богородицы Скорбящей 126
 Часы в навечерие Рождества Христова и
 Богоявления 136
 Чачиков А. 275
 Чеботаревская А. Н. 20, 30, 38, 84
 Чевкин К. В., ген. 258—261, 270, 273
 Ченцов Н. М. 161
 Червяков А. Д. 125
 Черепановский П. Е. 93
 Черепнин В. А. 56
 Черкасская Е. А. 314, 315
 Черкасский В. А., кн. 4, 205, 278, 313—315
 Черкасский Д. М. кн. 214
 Черногубов Н. Н. 214, 223, 229
 Чернышевы 157
 Чернышевский Н. Г. 3, 65
 Черняев М. Г., ген. 257, 273
 Черняк Я. З. 57
 Чертков А. Д. 286, 289, 292
 Чертков В. Г. 34, 35, 153
 Чертков М. И., ген. 253, 272
 Чехов А. П. 3, 16, 19, 25, 26, 29, 34, 316
 Чигонацкий хутор на Дону 134
 Чижевская Н. В. 153
 Чижевский А. Л. 153
 Чижов Ф. В. 278, 293, 299, 310, 313, 315

- Чиковани С. 276
 Чин и устав церковной службы 149
 Чин погребения мирским человеком 134
 Чин проскомидии 148
 Чистович И. А. 298, 305, 306
 Читальня «Возрождение» 305, 310
 Чичерин Б. Н. 12
 Чичерин Г. В. 159
 Чичерины 157
 Чосер Д. 84
 Чтения апостольские 148
 Чтения евангельские 131, 148
 Чубаров А. Г. 155, 156
 Чубарова Н. А. (урожд. Хомутова) 155
 Чубарова (в замуж. Шереметева) О. Г. 155
 Чубаровы 155—157
 Чуванов В. Н. 161
 Чуванов М. И. 124, 142
 Чудеса Богородицы русские 131
 Чудо Николая, архиеп. Мирликийского, «во граде Киеве» 146
 «Чудо новейшее» Николая, архиеп. Мирликийского, «о царе Стефане Сербском...» 146
 Чуковский К. И. 36, 79
 Чулков Г. И. 158
- Шагинян М. С. 40**
 Шалаурова (урожд. Федорова) М. И. 153
 Шаликов П. И. 174
 Шамиль, имам 258, 274
 Шамонин Н. Н. 71, 79
 Шамрай Д. Д. 160
 Шатров Н. И. 150
 Шафарик П.-И. 282, 285, 286, 289—291, 295, 296, 300, 303, 307, 314
 Шах М. О. 93, 94
 Шаханов А. Н. 125
 Шахматов А. А. акад. 38
 Шаховская (урожд. Милютина) Е. Д. 260, 274
 Шаховские кн. род 157
 Шаховской Д. И. кн. 28
 Швалб М. Г. 161
 Шварсалон В. К. 43
 Шварц Д. В. 161
 Шварцман Л. И. см. Шестов Л. И.
 Швеглер А. 11, 73
 Шевченко Т. Г. 151, 276
 Шевырев С. П. 280, 289, 291—293, 296, 297
 Шекспир В. 7
 Шеншин П. А. 236
 Шеншина (урожд. Боткина) М. П. 240
 Шенье А. 321
 Шереметев Б. Б. 154, 156
 Шереметев Б. С. 154, 156, 157
 Шереметев В. В. 154
 Шереметев В. П. 154, 156, 157
 Шереметев В. С. 156
 Шереметев Д. Н. 157
 Шереметев Д. С. 157
 Шереметев Н. Б. 156
 Шереметев Н. П. 154
 Шереметев П. С. 52
 Шереметев С. В. 154, 156
 Шереметев С. Д. 154, 165
- Шереметева (урожд. Алмазова) В. П. 154, 156, 157
 Шереметева (в замуж. Голицына) В. С. 154
 Шереметева Е. В. 156, 157
 Шереметева (в замуж. Делер) Е. С. 157
 Шереметева (урожд. Чубарова) О. Г. 154
 Шереметева О. Н. 156, 157
 Шереметевы, род, графы 124, 154—157
 Шершеневич В. 275
 Шестов (псевд. Шварцмана) Л. И. 48, 53, 54
 Шестоднев служебный 1312 г. 106, 120, 122
 Шеффер В. А. 71
 Шибанов П. П. 165
 Шийко С. А. 299
 Шиллер Ф. 79
 Шипов Д. И. 30
 Шипов Д. Н. 156
 Шилова М. И. 156
 Шипова (урожд. Супонева) О. А. 156
 Шиповы, семья 155—157
 Шираз О. 276
 Ширинский-Шихматов П. А. кн. 284
 Ширинский-Шихматов С. А. кн. 322
 Ширяев А. С. 282, 285, 286
 Шишков А. С. адм. 170, 171, 283—285
 Шишков А. Я. 93
 Шишков В. Я. 125, 161
 Школа Высшая Нормальная 79
 — Высшая техническая Королевская Берлинская 7
 — Южнославянская женская в Москве 306—313
 Шлецер Б. Ф. 11, 52
 Шлецер (в замуж. Скрябина) Т. Ф. 43
 Шпницер С. 248, 249
 Шлюп «Кроткий» 150
 Шмелев И. С. 161
 Шмидт В. 313
 Шопенгауер А. 214, 215, 219
 Шоу А. 74
 Шпак И. И. 161
 Шпагин А. И. 124
 Шполянская А. М. 161
 Штадт фон Г. 72
 Штаде 83
 Штакеншнейдер Е. А. 44
 Штакеншнейдер (урожд. Малиновская) С. И. 44
 Шувалов Павел А., ген. 256, 261, 265, 267, 273
 Шувалов Петр А., ген. 258, 261, 265, 274
 Шулятников В. М. 22
- Щапов Я. Н. 161**
 Щеглов (псевд. Леонтьева) И. Л. 16
 Щеголев П. Е. 30, 38
 Щелкин В. Н. 20
 Щелкин Д. П. 34
 Щелкин М. И. 33
 Щелкин М. П. 17, 20, 34, 56, 74, 77
 Щелкин П. С. 33
 Щелкин Ф. М. 20
 Щепкина (урожд. Воскресенская) К. П. 32, 34
 Щепкины, семья 8, 17, 20, 34
 Щербатов М. М. кн., 12

Щербачев Иван 150
Щербачева Н. А. 125
Щербина Н. Ф. 45

Эгидий, св. 129
Эдмунд, св. 128, 129
Эйслер В. П. см. Малиновская В. П.
Эйхенгольц А. Д. 160, 161
Экзарх А. 283, 289, 290
Экономия Волочановская 155
Эксе фон Елена 249
Эмин Г. 276
Энгельс Ф. 40, 91, 160
Эппельбаум Я. А. 6
Эрмитаж, государственный 158
Эрн В. Ф. 43
Эртель А. И. 34, 35, 37
Эртель (урожд. Федотова) М. В. 34, 35
Эсхил 82
Эфор 71
Эфруси 72

Ювенал 215—217, 219—221, 225
Юдин Г. Г. 124
Юдин Г. С. 145, 148
Южин А. И. см. Сумбатов А. И.
Юм Д. 13, 72

Albinus, s. 129

Benedictus, s. 129
Bernardinus, s. 128
Briccius (Bricius), s. 128, 129
Briquet C. M. 129

Clemens, s. 128, 129

Deulin Ch. см. Ашкенази М. О.

Egidius, s. 129
Eligius, s. 128, 129
Elisabeth, s. 128
Eulalia, s. 128
Exe von H. см. Эксе фон Елена

Firminus, s. 129
Franciscus, s. 128
Fulcrannus, s. 128

Gatianus s. 128, 129
Gothi E. см. Готи Э.
Gregorius, s. 129

Halperin см. Гальперин Е.
Heawood E. 129, 142
Heinrich, s. 126

Юрий Данилович, кн. Московский 120
Юркевич П. Д. 307
Юрьев Ф. Ф. 318
Юшкевич С. С. 33

Языков Д. Г. 156
Яковенко В. 275
Яковлев А. И. 97
Яковлев Т. Г., ген. 261, 274
Яковлева О. А. 163
Якубович Н. В. 94
Якушкин В. В. 152
Якушкин В. Е. 28, 30, 152
Якушкин Е. Е. 151, 152
Якушкин Е. И. 151, 152
Якушкин И. Д. 124, 151, 152
Якушкина А. Е. 152
Якушкина С. Е. 152
Янин В. Л. акад. 104
Яницкий Н. Ф. 160
Янковский, владелец книжн. маг. 93, 94
Яновы, местечко 5
Ярошевский М. Г. 159
Ясная Поляна 18, 27, 221
Яснопольский Петр 150, 169
Яффе Л. Б. 48, 84
Яцимирский Я. И. 83

Helena, s. 128
Henckel W. 249
«Hore deuote de conceptione B. M. V.» 129

«Indépendance belge» 247
Iohannes, ap. 129
Ioannes b... Lüdwig (владелец?) 126
Iulianus, s. 128, 129

Juliot, владельцы 126

Keuchel G. см. Кехель Г.
Kunigunde (Kunnungndt), s. 126

Laucevičius 131, 150

Leobinus, s. 129
Leonardus, s. 129
Liennart, s. 126

Maria Magdalena, s. 128, 129
Marcellus, s. 129
Martinus, s. 128
Maurilius, s. 129
Maurus, s. 129
Medardus, s. 128, 129

Nicasius, s. 129
Nicolaus, s. 129

Officium de Sancta Cruce 129
Officium defunctorum 129
Officium parvum B. M. V. 129
Otilia (Otilia), s. 126

Privatus, s. 128

Quintinus, s. 128, 129

Remigius, s. 129

«La Revue» 21

«Revue du Mois» 79

Rupertus, s. 128

Sebastianus, s. 129

Sebolt, s. 126

«Septem gaudia Beatae Mariae» 129

Sigismundus, s. 128

Silvester, s. 129

Stephanus, s. 128, 129

Suffragia 129

Sulpicius, s. 129

Thoma, s. 128

«Times» 163

Victor, s. 129

Vincentius, s. 128, 129

Voorn H. 142

Wolfgang s. 126

Составил В. И. Лосев

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	3
СТАТЬИ И ОБЗОРЫ	
<i>Т. М. Макагонова</i>	
Дни и труды М. О. Гершензона (По материалам архива)	5
<i>В. В. Калугин</i>	
Отношение к книге в древней Руси (По материалам псковских записей XIV в.)	104
НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ	123
Рукописи, пополнившие в 1986 г. Собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции (ф. 722)	125
Рукописи, присоединенные в 1986 г. к ранее поступившим собраниям	142
Рукописи, пополнившие в 1986 г. Коллекцию единичных поступлений архивных материалов (ф. 743)	149
Новые архивные фонды и рукописи, присоединенные к ранее поступившим архивам	154
ПУБЛИКАЦИИ	
<i>И. Т. Трофимов</i>	
Неизвестный вариант стихотворения А. С. Пушкина «Послание цензору»	165
<i>И. Т. Трофимов</i>	
Редкий список поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон»	175
<i>М. Ю. Лермонтов</i>	
Демон	177
<i>М. Ф. Маливанов</i>	
Письма К. С. Аксакова князю В. А. Черкасскому	205
<i>Г. Д. Асланова</i>	
Письма А. А. Фета А. В. Олсуфьеву	214
<i>Т. А. Медовичева</i>	
Неизвестное письмо И. А. Гончарова	246
<i>В. А. Волков</i>	
Воспоминания Д. А. Милютин о секретном совещании 1873 г.	249
<i>Д. А. Милютин</i>	
Дела Военного министерства в 1872 году. Начало 1873 года. (Из моих воспоминаний)	251
<i>И. Т. Трофимов</i>	
Неизвестное стихотворение о С. А. Есенине	275
УКАЗАТЕЛИ ДОКУМЕНТОВ	
<i>Т. И. Быкова, Т. А. Медовичева</i>	
Документы по истории русско-болгарских культурных связей в 1830—1870 годах в рукописных фондах РГБ	277
ЗАМЕТКИ АРХЕОГРАФА	
<i>Т. М. Макагонова</i>	
Бунинские пометы в собрании сочинений А. С. Пушкина	316
<i>О. В. Лосева</i>	
О родстве месяцесловов Остромирова Евангелия и Охридского Апостола	324
Указатель имен и названий	329

Научное издание

Российская Государственная Библиотека

ЗАПИСКИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

Вып. 50

Технический редактор *Л. В. Кутакова*

Корректор *Е. В. Кондратьева*

н/к

Сдано в набор 27.08.95   Подписано в печать 12.11.95   Ф-т 70×100^{1/16}

Бум. тип. № 1.   Гарнитура литературная.   Печать высокая

Усл. печ. л. 31,15+0,62 вкл.   Уч.-изд. л. 32,83+0,62 вкл.

Тираж 3000 экз.   Заказ 2753

Издательство «Книжная палата»

103009, Москва, ул. Неждановой, 8/10.

Производственно-издательский комбинат ВИНТИ

140010, Люберцы, 10, Московской обл., Октябрьский просп., 403